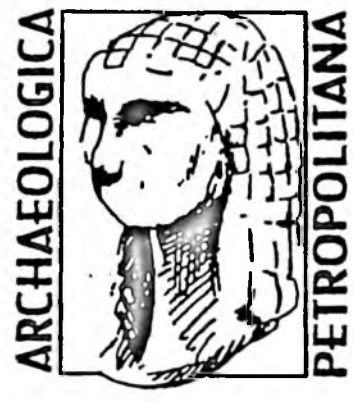

**В. П. ЛЮБИН
Е. В. БЕЛЯЕВА**

**СТОЯНКА
НОМО ERECTUS
В ПЕЩЕРЕ
КУДАРО I**

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КАВКАЗ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOLUME XIII**

V. P. LIOUBINE, E. V. BELIAVA

**A SITE OF HOMO ERECTUS
IN THE KUDARO I CAVE
(CENTRAL CAUCASUS)**

В. П. ЛЮБИН, Е. В. БЕЛЯЕВА

СТОЯНКА НОМО ERECTUS
В ПЕЩЕРЕ КУДАРО I
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ)

ББК Т4(2)221

УДК 930.26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
(Проект № 03-01-00852д)*

В. П. Любин, Е. В. Беляева. Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I: Центральный Кавказ. — СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. — 000 с. (Archaeologica Petropolitana, XVII).

Данная книга является монографическим изданием археологических материалов, полученных при исследовании высокогорной пещеры Кударо I (Центральный Кавказ), которая в раннем палеолите служила долговременной стоянкой древнейших обитателей региона — Homo erectus. Основу книги составляет подробный технико-морфологический и типологический анализ свыше 5,5 тыс. каменных изделий, принадлежащих к единой ашельской индустрии. Этому разделу предшествуют главы, посвященные географическому положению пещеры, истории и методике полевых исследований, методическим подходам и анализу ашельского каменного инвентаря. Приведены данные и о других наиболее значимых ашельских памятниках Кавказа (Азыжская и Цонская пещерные стоянки, Яштухское местонахождение), с материалами которых сопоставляется кударская индустрия. Рассматривается как специфика данной индустрии, так и общие черты ашеля Кавказа, связанные с его африканско-левантийскими истоками и последующей внутрирегиональной трансформацией.

Книга рассчитана на специалистов — археологов, историков, палеогеографов, а также учителей и любителей истории.

На первой странице обложки: Пещера Кударо I. Ашельское ручное рубило.

Набор — *Е. В. Беляева*

Технические редакторы — *Г. В. Тихомирова, Т. В. Чудинова*

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве «Петербургское Востоковедение»

Издательство «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Для корреспонденции и заказов:
198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

Подписано в печать 01.08.2004. Формат 60×90^{1/8}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс»
Объем 34 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 39

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии СПб ИИ РАН
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

*Исключительное право на распространение
настоящего издания в России и за ее пределами
принадлежит издательству
«Петербургское Востоковедение»*

ISBN 5-85803-286-1

© В. П. Любин, Е. В. Беляева, 2004
© Институт истории материальной культуры РАН, 2004
© «Петербургское Востоковедение», 2004

Зарегистрированная торговая марка

ВВЕДЕНИЕ

Изначальная история нашей страны теснейшим образом связана с югом, с Кавказским перешейком, через который древнейшие люди впервые проникли на территорию Русской равнины. Кавказ располагался на пути распространения ранних гоминид, которые, оставив свою прародину на Африканском материке, продвигались в Евразию через Левант и Восточную Анатолию. Расселяясь в этом направлении, первые люди появились на Кавказе еще около 1,8 млн. лет назад, что удостоверяют археологические материалы стоянки Дманиси в Южной Грузии, где найдены надежно датируемые этим возрастом галечная каменная индустрия и антропологические остатки ее создателя — *Homo ergaster*, ранней формы человека прямоходящего (*Homo erectus*).

Широкое освоение древним человеком Кавказа произошло, однако, позднее — 500—400 тыс. лет назад, в период широкого расселения *Homo erectus* на просторах Южной Евразии. Эта эпоха именуется в археологии ашельской — по названию французского города Сен-Ашель, где были найдены во множестве наиболее характерные для нее каменные макроорудия — двусторонне обработанные ручные рубила. На Кавказе древние люди вида *Homo erectus* обосновывались прежде всего там, где было необходимое и наиболее пригодное для производства орудий каменное сырье. Обсидиан, андезит и базальт, то есть породы, происхождение которых связано с вулканической деятельностью, хорошо представлены на территориях современных Армении, Южной Грузии и Азербайджана, разнокачественный кремль — в Западной Грузии, в Причерноморье и на Кубани, сланцы и песчаники — на Центральном Кавказе, в Юго-Осетии. В этих районах и располагаются остатки многих разрушенных ашельских стоянок и мастерских по первичному расщеплению камня (местонахождения Сатани-Дар, Джрабер, Яштух и др.), а также шесть сохранившихся в почти непо потревоженном состоянии пещерных стоянок: Кударо I, Кударо III и Цона на Центральном Кавказе (Юго-Осетия, Грузия), Азых на Малом Кавказе (Азербайджан), Ахштырь в Причерноморье, Треугольная пещера в Карачаево-Черкессии (рис. 1).

Пещера Кударо I доставила наиболее богатые и многообразные археологические материалы (свыше 5700 каменных артефактов), а также ценнейшие естественно-научные данные по фауне (остатки более 90 видов крупных и мелких млекопитающих, птиц и рыб) и составу содержавшейся в ашельских отложениях растительной пыльцы, по литологии и стратиграфии этой толщи. Вывод о принадлежности основной части куль-

турных отложений пещеры к ашельскому времени, сделанный на основе археологических и естественно-научных изысканий, подтверждается и определениями абсолютного возраста. Антропологические остатки ее ашельских обитателей представлены скудно (отдельные зубы), но они свидетельствуют о том, что ими были ранние люди, определяемые как *Homo erectus*.

Пещера исследовалась петербургскими археологическими экспедициями Института истории материальной культуры Российской Академии наук в сотрудничестве со специалистами в области геоморфологии, литологии, карстоведения, петрографии, методов абсолютного датирования, спорово-пыльцевого анализа и палеозоологии. Работа по обобщению итогов многолетних комплексных исследований этой уникальной стоянки и монографическое издание памятника были поддержаны грантами Российского Гуманитарного научного фонда. При подготовке этого издания стало очевидным, что в силу изобилия и сложности всей накопленной информации наиболее целесообразно сделать публикацию двучастной. Подробные результаты естественно-научных изысканий, а также сделанные на их основе хроностратиграфические выводы и развернутые палеоэкологические реконструкции будут представлены во второй книге. Настоящая же монография посвящена, в первую очередь, археологическим материалам, связанным с длительным обитанием в пещере представителей *Homo erectus*.

Центральное место в этой книге занимают описание и анализ каменной индустрии кударских ашельцев и сопоставление ее с индустриями наиболее значимых ашельских памятников Кавказа (Цонская и Азыхская пещерные стоянки, Яштухское местонахождение). Особое внимание обращено на выявление характерных особенностей как кударской ашельской индустрии, так и ашельских индустрий Кавказского региона в целом. Изложению этих материалов предшествуют главы о географическом положении пещеры Кударо I в настоящее время и в плейстоцене, об истории и методике полевых исследований этого памятника и о методике анализа ашельских каменных орудий.

Авторы считают своим долгом выразить огромную благодарность всем многочисленным участникам раскопок пещеры Кударо I и специалистам, внесшим свой вклад в исследование материалов этого памятника. Мы также признательны Российскому Гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку данной публикации.

Глава 1

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I И ДИНАМИКА ПРИРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ

Пещера Кударо I находится в горах Центрального Кавказа, на территории Джавского района Юго-Осетии (Грузия) (рис. 1). Как и соседствующие пещеры Кударо II—V, она приурочена к Рачинской котловине, расположенной в среднегорье южного склона центральной части Большого Кавказа и ограниченной с севера Осетинским хребтом, с юга — Рачинским. Пещеры находятся в южной части котловины, в местности, приуроченной к среднему течению р. Джеджори (бассейн р. Риони), которая носит историческое название Кударо, или Кударское ущелье [Вахушти 1904: 217] (рис. 2). Ущелье занимает весьма удобную коммуникационную позицию. К северу от него располагается Главный Кавказский хребет, отличающийся здесь сравнительно хорошей проходимостью (8 перевалов); к востоку — в 15 км от пещер — черноморско-каспийский водораздел, на котором имеется Эрцойский перевал (1700 м), издревле служивший важнейшим проходом из Западной Грузии в Восточную Грузию; к западу — ведущая вглубь Колхиды долина р. Риони; к югу — невысокий Рачинский хребет с перевалами на высотах 1700—2500 м.

Кударские пещеры расположены близ верхней границы современного горно-лесного пояса, на высоте 1600—1580 м над уровнем моря и 260—240 м над уровнем р. Джеджори. Бассейн этой реки обладает сложным рельефом. Здесь распространены горные гребни и долины, отдельные вершины и впадины, водоразделы округлой формы перемежаются зубчатыми известняковыми кряжами. Глубина расчленения рельефа достигает 1500—2000 м, и ряд вершин выступает за пределы горно-лесного ландшафта, что обуславливает мозаичное размещение участков горно-лесной и горно-луговой зон. Сложность рельефа объясняется тектоническими нарушениями, пестрым составом пород (юрские порфириты и сланцы, юрские, меловые и сарматские известняки, третичные и четвертичные конгломераты, песчаники и лавы), частыми сменами разных свит, карстовыми и ледниковыми явлениями.

Строение этого района характеризуется рядом крупных тектонических нарушений. Основная тектоническая линия отделяет сложенную сланцами северо-восточную часть района от юго-западной с порфиритами и известняками. За четвертичное время местность испытала поднятие предположительно на 200—300 м [Флоренский 1928; Данилов, Барышев, Яковлев 1930; Прасолов, Соколов 1931; Барсанов 1937].

Южный борт Кударского ущелья является склоном Рачинского хребта, а северный — в районе пещер — склоном невысокого известнякового кряжа Велуанта (рис. 2). Пещеры приурочены к южному, обращенному к реке скалистому торцу этого кряжа, который известен под названием Часавальской горы (Часавали-хох) (рис. 3, 4). В районе этой горы долина Джеджори расширяется до 0,5 км и от входов в пещеру просматривается на 8—10 км вверх по течению. Сильная разработанность долины связана здесь с размывом податливых юрских и меловых пород.

Часавальский и соседние известняковые массивы отличаются сильной закарстованностью: известняки в них проработаны карстом вплоть до подстилающих их водоупорных юрских порфиритов. Густота карстовых полостей является здесь максимальной для всего южного известнякового склона Большого Кавказа.

Кударские пещеры образовались в результате взаимодействия тектонических, карстовых и гравитационных явлений, процессов эрозии, коррозии и механического выветривания. Они располагаются компактно, в виде шестиярусной пещерной системы. Взаимно параллельное расположение ярусов свидетельствует об одном и том же водотоке и единой системе тектонических трещин [Тинтилозов 1976]. Карстовые потоки, которые сформировали эти пещеры, давно ушли вглубь массива; лишь в одном из нижних ярусов (пещера Кударо III) вода все еще задерживается в заиленных углублениях в виде озерков.

Генетическое единство пещер удостоверяется также их морфологической близостью, сходными топографическими позициями и условиями осадконакопления. Пещера Кударо I образует верхний ярус этих естественных штолен. Она состоит из трех узких лучеобразно сходящихся к центральной камере галерей: 8-метровой восточной и 11-метровой южной с входными отверстиями и 25-метровой северо-западной, темной (рис. 5—6). Карстовые тоннели пещер Кударо I, III и V являются линейными. Они имеют по одному ходу-коридору с небольшими расширениями в виде гротов. Кударо I — результат расширения карстовыми водами нескольких (по меньшей мере двух) систем трещин. Все пещеры располагаются рядом — на крутом склоне, в неширокой ложбине, прикрытой с обеих сторон скальными выступами, имеют южную экспозицию (что существенно влияет на микроклимат в них и процессы осадконакопления и почвообразования в их устьях),

арочные своды, разрушенные древние устьевые участки и, наконец, содержат близкие в общем колонки литологических и культурных напластований.

Полости кударских пещер выработаны в массивных рифовых известняках, дающих при карстовании очень малый нерастворимый остаток. Основной частью материала, составившего толщу отложений с палеолитическими культурными слоями, по мнению А. Г. Черняховского, обследовавшего в 1978 г. окрестности пещер, являлся элювий глинисто-мергелистых сланцев, поступавший в пещеры извне. Областью мобилизации этого материала, по его заключению, была ныне сухая, безводная долина Учелет, обрамляющая хребет Велуанта и Часавальскую гору с севера. Долина эта отличается исключительно сильной закарстованностью: «Здесь широко распространены разного типа карры, воронки, котловины, встречаются колодцы, шахты, пещеры, останцы» [Гвоздецкий 1982: 53]. Исходными пунктами транспортировки элювия сланцев, по всей вероятности, могли быть многочисленные карстовые воронки с понорами в глубине, расположенные на откосе правого борта долины Учелет, на северном склоне Часавальской горы.

Учелетская долина привлекает внимание не только как вероятный источник материала, заполнявшего полости пещер, но и как ближайшее к пещерам и наиболее доступное (одинаковые абсолютные высоты) охотничье угодье. В «карстовых дебрях» ее правого борта могли скрываться лежки и берлоги медведей, являвшихся основным объектом охотничьего промысла древних кударцев. Свидетельством посещения Учелета обитателями пещер являются находки в его тальвеге и на террасах левого борта ашельских и мустьерских орудий, сходных с обнаруженными в культурных слоях пещер.

Большое значение для представлений о географической и экологической ситуациях в Рачинской котловине в целом и в Кударском ущелье в частности как в настоящее время, так и в плейстоцене имеют данные о современном и древнем оледенении в этих районах. Гляциальный фактор — похолодание, снижение климатической снеговой границы, наступание ледников — во все времена играл важную роль в освоении человеком этой горной страны.

Современное оледенение в данном районе представлено только в высокогорье, но и здесь оно не носит сплошного характера, будучи приурочено лишь к отдельным наиболее высоким горным массивам Главного Водораздельного хребта. В Юго-Осетии все ледники — небольшие, второразрядные (цирковые и висячие). Климатическая снеговая граница располагается на абсолютной высоте 3200—3300 м. В среднегорье же, на Рачинском хребте в частности, ледники отсутствуют вообще [Маруашвили 1971: 175, 179, 479].

Географическое размещение древнеледниковой рельефа в рассматриваемом регионе существенно отличается от распространения современных ледников. Древние ледники составляли единую, почти непрерывную цепь на склонах Главного хребта и, спускаясь до абсолютных высот 1200—1900 м, глубоко проникали в область среднегорья. Климатическая снеговая граница,

по данным Л. И. Маруашвили, относящимся главным образом к последней ледниковой эпохе [Маруашвили 1971а: 481], снижалась на величину 800—1000 м по сравнению с современной. В Кударском районе следы четвертичного оледенения отмечены к северу, западу и к югу от Часавальской горы. К югу оледенение охватывало всю восточную часть Рачинского хребта, включая расположенные непосредственно напротив пещер горы Сырхлаберта и Дагверула. К востоку джеджорский ледник, спускавшийся с Главного и Рачинского хребтов, достигал селения Накреба, расположенного на высоте 1500 м, в четырех километрах выше по течению реки от Часавальской горы и кударских пещер [Церетели 1943; Дондуа 1959—1960]. К северу следы ледниковой деятельности отмечаются в верховье р. Кведрулы, расположенной севернее долины Учелет. В верховье же последней «...в ледниковые эпохи создавались перигляциальные условия... и должны были лежать перелетывавшие снежники и пятна фирна» [Гвоздецкий 1982: 56].

Таким образом, судя по этим данным, в периоды оледенений кударские пещеры находились, видимо, в пределах перигляциального пояса (вертикальная протяженность которого в вюрме, как и теперь, доходила, по мнению Л. И. Маруашвили, до 600—800 м), по соседству с ледниками, в кольце постоянно заснеженных вершин. В пользу этого заключения говорят и полузабытые высказывания Ф. Л. Рейнгарда [1917] и Л. А. Варданянца [1948] о еще больших масштабах четвертичных оледенений на Кавказе. По мнению этих ученых, депрессия снеговой границы в вюрмское время достигала величины в 1100—1300 м. Последняя версия представляется весьма вероятной, поскольку иначе трудно удовлетворительно объяснить отсутствие в колонках культурных напластований кударских пещер следов пребывания людей в конце ашеля — начале мустье и в верхнем палеолите. Наиболее действенным природообразующим фактором в условиях горной страны являлся фактор гляциальный: изменение высоты снеговой линии обуславливало положение остальных ландшафтно-климатических зон — горно-степной, горно-луговой и горно-лесной. Именно смещениями уровня снеговой линии и связанными с ними поднятиями и снижениями остальных зон можно объяснить то обстоятельство, что с момента первичного заселения пещеры Кударо I человеком она попеременно побывала во всех указанных природных зонах.

Биостратиграфические данные подтверждают, что в периоды нижнего и среднего палеолита природная обстановка в районе пещер менялась неоднократно и что временами пещеры находились в пределах субальпийского пояса, в неблагоприятных для проживания человека условиях. Сдвиги высотных природных зон, происходившие со времени первого поселения в пещере ашельского человека, были очень существенными. Амплитуда смещения границы вечных снегов и поясов растительности в районе кударских пещер за время обитания там человека достигала 2500 м (максимальные поднятия этих зон составляли 1100 м, а максимальные снижения — 1400 м. [Любин 1980: 10—11, 163—164].

В настоящее время кударские пещеры располагаются в верхней части лесного пояса. В период максимума последнего оледенения, когда, согласно Д. В. Церетели [1943], ледники спускались здесь до абсолютной отметки 1650 м, пещеры находились, по всей видимости, в пределах перигляциального пояса и были, возможно, погребены под снегом. Во всяком случае, в пещере Кударо I отсутствуют характерные для этого времени грубообломочные отложения и верхнепалеолитические культурные остатки. Следовательно, масштабы оледенения гор регламентировали время и характер обитания палеолитических людей в Кударском ущелье. В ашельское время, особенно во времена климатических оптимумов, в пещере Кударо I существовали долговременные стоянки ашельских людей, в мустьерское время, когда климат был в целом менее благоприятным, — лишь кратковременные охотничьи лагеря, в верхнем палеолите люди полностью оставляли этот район, а в мезолите, когда происходило нарастающее потепление климата, в пещере снова появились следы редких визитов человека.

По палинологическим данным, полученным Г. М. Левковской, в разрезах толщи отложений в пещере Кударо I прослеживается 14 фаз развития растительности и климата в плейстоцене—голоцене. Стерильному слою 6, подстилающему ашельские слои, соответствуют две фазы, ашельским уровням 5В, 5Б, 5А — семь фаз, мустьерским слоям 4 и 3 — три фазы, мезолитическому слою 2 — две фазы.

В семи ашельских фазах отмечается чередование этапов улучшения и ухудшения климата. Уровню 5В соответствуют 2 фазы. В низах его фиксируется фаза теплого и сухого климата (1-й оптимум): лесостепь с элементами саванны, частые находки экзотов [*Tsuga*, *Glyptostrobus*, *Taxus*, *Pistaceae*, *Eucornia* и др.]. В верхах 5В — фаза холодного (?) климата. Пыльцы здесь мало, изредка встречаются *Salix*, *Juniperus*, *Woodsia*.

Ашельскому уровню 5Б также соответствуют 2 фазы. В низах его — фаза теплого и влажного субтропического климата (2-й оптимум). Пещера находилась в поясе низовых и низкогорных лесов колхидского типа, то есть в полосе влажных субтропиков. В верхах 5Б обозначилась фаза более сухого средиземноморского климата (3-й оптимум или конец 2-го). Пещера была тогда в окружении пояса ксерофильных лесов и редколесий.

В верхней части слоя 5—5А выявились три климатические фазы. В низах прослежена фаза холодного влажного климата. Пещера оказалась в тот период в пределах субальпийского пояса. В средней части этого уровня наблюдается фаза умеренного климата, который был несколько более теплым, чем современный (4-й оптимум). Пещеру окружали среднегорные темнохвойные леса. В верхах этого уровня и, соответственно, в верхах всего ашельского слоя 5 отмечается фаза умеренно холодного климата. Его последующее ухудшение привело к тому, что пещера оказалась близ верхней границы распространения древесной растительности.

Таким образом, в эпоху ашеля в Кударском районе зафиксированы три межледниковых оптимума и один теплый межстадиал (средний горизонт 5а). Оптимумы чередовались с этапами ухудшения климата. В такие периоды фиксируется смещение границ растительных поясов вниз.

В эпоху мустье климат стал менее благоприятным: сначала межстадиальным таежным (слой 4), затем альпийским (слой 3в) и, наконец, субальпийским (слои 3б и 3а). В конце верхнего палеолита—мезолите существовали перигляциальные условия. Позже — в среднем голоцене — условия стали теплее современных.

Палеозоологические материалы из пещеры Кударо I согласуются с палинологическими и гляциально-климатическими. Здесь встречены костные остатки более чем 90 видов крупных млекопитающих, грызунов, птиц, рукокрылых и рыб. Изменение состава и численности фаунистических остатков от слоя к слою также свидетельствует, что пещера располагалась последовательно в разных высотных поясах. Интересно проследить в связи с этим изменения количественных соотношений остатков основных промысловых животных кударских охотников — пещерного медведя, благородного оленя и кавказского козла. Остатки пещерного медведя в ашельских слоях Кударо I составляют 74,6—84,5 % всех костных остатков, а в мустьерских — 29,1—48,8 %. Количество же остатков оленя и кавказского горного козла изменяется в обратной пропорции: в ашельских слоях их мало (до 10—15 %), а в мустьерских уровнях они достигают 30—45 %. При этом в ашельское время среди названных травоядных преобладает олень — обитатель лесных биоценозов, а в мустьерский период — кавказский козел, то есть житель преимущественно субальпийского и альпийского поясов [Барышников 1977; Любин, Барышников и др. 1985: 9—10].

Глава 2

ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I

Пещера Кударо I была впервые обследована В. П. Любимым в ноябре 1955 г. Было установлено, что она состоит из трех узких галерей, лучеобразно сходящихся к более просторной центральной камере (рис. 5). Две галереи — 11-метровая южная и 8-метровая восточная — являются входными (рис. 6: А, Б), а третья, 25-метровая северо-западная — тупиковой, темной. В соответствии с этим галереи и получили свои наименования — южная, восточная и темная.

Разведывательные шурфы, поставленные в пещере в том же году*, обнаружили в ней мустьерские и ашельские культурные слои. Впервые на территории бывшего СССР ашельские культурные остатки были найдены в непереотложенном состоянии, в стратиграфическом контексте, что само по себе предопределило меру ответственности, возлагавшейся на исследователей пещеры.

Готовясь к раскопкам стоянки, В. П. Любим ознакомился с имевшейся к тому времени специальной литературой, а летом 1956 г. — до поездки на Кавказ — принял участие в раскопках крымской пещерной стоянки Фатъма-Коба, проводившихся под руководством С. Н. Бибикова. Данные, почерпнутые из литературы, были весьма ограниченными: помимо монографий о раскопках гротов Киик-Коба [Бонч-Осмоловский 1946] и Тешик-Таш [Окладников 1949], пещер Дэвис-Хвтели [Ниорадзе 1933] и Сакажиа [Ниорадзе 1953], на русском языке были известны лишь краткие публикации С. Круковского [1916], С. Н. Замятина [1940], Д. А. Крайнова [1947] о раскопках галерейных пещер Гварджила-с-Клде, Ахштырской, Воронцовской и других. Вопросы методики исследования пещерных стоянок специально рассматривались только в книге Г. А. Бонч-Осмоловского [1946] и — вскользь — в работе А. П. Окладникова [1949]. Но Киик-Коба и Тешик-Таш, как и Фатъма-Коба, с разрезом отложений которой автор ознакомился непосредственно, были гротами с маломощными отложениями (до 1,5 м) и субгоризонтальным залеганием слоев. Раскопки их не представляли такой сложности, какая ожидалась в случае Кударо I. К тому же В. П. Любину показалась не вполне оправданной скорость раскопок этих стоянок — грот Киик-Коба площадью около 90 кв. м был раскопан, к примеру, в течение двух месяцев. Неприемлем был также метод вскрытия отложений в гроте с помощью коротких траншей попе-

речником в один метр. Не могла быть заимствована и крайне схематичная стратиграфическая и планиграфическая документация тех раскопок. Озадачивало также и отсутствие литолого-стратиграфических разрезов. В первый год работ в Кударо I стало окончательно ясно, что методика раскопок указанных гротов не может быть использована для исследования галерейной пещеры с многометровой толщей разновременных культурных напластований и гораздо более сложной стратиграфией отложений.

К началу раскопок пещеры в 1956 г. В. П. Любим получил полезные консультации от С. Н. Бибикова (во время раскопок грота Фатъма-Коба) и от опытного польского археолога В. Б. Хмелевского, посетившего Кударо I в канун первых вскрытий. Тем не менее работы начинались почти ошупью, поскольку шурфы 1955 г. доставили мало информации: один из них был поставлен в том месте южной галереи, где эрозия снесла мустьерские уровни, а другой — в центральной камере, куда в то время (из-за каменной кладки в восточной галерее) почти не проникал дневной свет.

Начатые в тот год стационарные раскопки пещеры велись в течение одиннадцати полевых сезонов. Они состояли из двух этапов, разделенных промежутком времени в 17 лет. На первом этапе были раскопаны привходная часть южной галереи (1956), восточная галерея (1956—1958) и центральная камера (1959; 1961), на втором — темная галерея (1978; 1980; 1983; 1984), площадка перед входом и средняя часть южной галереи (1986—1987) (рис. 5). Большой перерыв между этими этапами был вызван недостатком средств и занятостью исследованием других кавказских пещер (в частности Кударо II).

Первые два сезона были временем выработки методики исследования отложений в галерейной пещере со столь неустойчивой, не сразу понятной и капризной стратиграфией. Ежегодно в эту методику вносились новые изменения — совершенствовались наработанные приемы и добавлялись новые. Приобретаемый опыт, практические навыки, понимание специфики памятника позволяли вскрывать каждый новый участок со все более возрастающей уверенностью. Единого «методического ключа» все же не было. В каждом конкретном случае находились наиболее, как представлялось, целесообразные решения, обеспечивающие получение информации в максимально возможном объеме.

Подготовительные работы, предшествовавшие вскрытию осадков, состояли из фиксации «исходного»

* В постановке первых шурфов принимали участие Б. Ф. Поршнева и В. П. Кулаков.

состояния пещеры — фотографирования ее (рис. 6), снятия инструментального плана поверхности пола и профилей видимой части полости в продольном разрезе и в серии поперечных, а также проведения трассировочных работ и выбора места первого раскопа. На плане, передающем очертания полости пещеры на уровне современного пола, были обозначены все особенности этого пола и в первую очередь подъем его уровня от устья вглубь пещеры (при помощи горизонталей, проведенных через каждые 0,5 м). Трассировочные работы включали в себя установление условной нулевой горизонтали и линий будущих генеральных продольных разрезов отложений, создание единой буквенно-цифровой квадратной сети квадратов для фиксации находок. Эта сеть намечалась по координатному принципу: цифрами по одной оси (вдоль полости) и буквами — по другой, поперек. Продольные разрезы отложений, намеченные визуально посередине галерей и центральной камеры, были реализованы лишь частично. В ходе работ их с трудом удалось получить только в наиболее расширенных частях пещеры — в восточной галерее, центральной камере и в устьевой части южной галереи (рис. 5). Рассечь отложения вдоль в основной части южной галереи и в тесной (2—3 м в поперечнике) темной галерее оказалось невозможным. Да и в восточной галерее профиль этот оказался не вполне «кондиционным» из-за асимметричности ее поперечника: тальвег галереи и наиболее мощная и представительная часть толщи отложений располагались здесь не по ее середине, а почти вплотную к одной из стен. Тем не менее, намеченные продольные профили являлись «становым хребтом» планиграфической документации. С опорой на них строилась сеть квадратов 1×1 м, определялись линии поперечных разрезов и границы раскопов. Границы между линиями квадратов были намечены вертикальными насечками на стенах пещеры, а их индексы нанесены масляной краской. Уровень пола пещеры до начала раскопок равным образом прорисовывался краской в пределах каждого очередного вскрытия. Условная нулевая горизонталь также была обозначена покрашенной насечкой на скальной стене несколько выше самой высокой точки поверхности пола. Единая система фиксации глубин залегания находок по всей обширной пещере обеспечивалась замерами их от повсеместно нанесенных с метровыми интервалами насечек, около которых указывалось их расстояние от нулевой горизонтали.

Сеть метровых квадратов первоначально обозначалась (помимо указанных насечек на стенах) с помощью вбиваемых в землю кольев и шнуров. При углублении раскопов в переполненные щебнем осадки колья эти смещались и приходилось неоднократно уточнять их позицию. Начиная с 1978 г. квадратная сеть делалась подвешенной, что сняло постоянные заботы по корректировке положения кольев и границ между квадратами. Установка такой сети производилась на уровне нулевой горизонтали или — в зависимости от удобства — в одном-двух метрах ниже ее с помощью вбитых в стены и замурованных там крючьев, тонких проволочных тросов, натянутых поперек галереи, и отвесов, свисающих

с них в точках, соответствующих углам квадратов. Отвесы привязывались таким образом, чтобы касаться раскапываемой поверхности. По мере того как раскоп углублялся, удлинялись и шнуры с отвесами.

Разборка культурных отложений велась с помощью ножей, скальпелей и кисточек. Цементированные участки осторожно вскрывались специально приготовленными для этой цели стальными кирочками с короткими рукоятками. Для удаления земли и щебня использовались совки и малые саперные лопатки. Крупные обваловые блоки дробились посредством небольших направленных взрывов, выполнявшихся специалистами из расположенного в Кударском ущелье рудника. Рыхлый заполнитель слоев просматривался дважды: во время раскопок и — особенно тщательно — на специальных хорошо освещенных разборочных площадках у входа в пещеру. Это обеспечивало сбор мелких каменных отходов и тысяч мельчайших костей рыб, грызунов, птиц, амфибий. Впоследствии переборка заполнителя была заменена промывкой, которую осуществляла специальная группа под руководством палеонтолога Г. Ф. Барышникова.

Полевая документация состояла из подробных дневниковых записей (с зарисовкой всех каменных изделий), графических материалов, фотоснимков и описей каменных и костных находок. Графические материалы, помимо точно зарисованных в масштабе разрезов отложений, включали послойные и погоризонтные планы всех участков вскрытия и отдельных объектов — особо интересных скоплений костей, орудий, очажных пятен. Каждая находка фиксировалась в трех измерениях: в плане — в системе квадратной сети, по глубине — при помощи нивелира и насечек глубин на стенах. В шифре, наносимом на каждый предмет, указывались сокращенное название стоянки, год раскопок, номер слоя и горизонта, глубины залегания. В конце каждого сезона отбиралось достаточное количество образцов рыхлого заполнителя и обломочного материала для лабораторных исследований.

Первые крупные вскрытия толщи отложений в пещере были сделаны в привходовых частях южной и восточной галерей, что предельно упростило удаление из пещеры балласта и позволило впустить в нее много света, облегчившего распознавание литологических и культурных горизонтов при разборке отложений вдали от входов.

Изначальное вскрытие — раскоп 1956 г. в южной галерее — оказалось самым обширным (24 кв. м) за все годы раскопок (рис. 5). В его пределах находились шестиметровый устьевой участок этой галереи и восточная половина площадки перед входом. В результате этих работ были получены первые разрезы осадочных отложений: 12-метровый продольный (А—В) и два поперечных (Е—R и W—O). Разрез привходовой площадки выявил сильно размытые останцы отложений внутрипещерного генезиса (линзы ашельского слоя): свидетельства того, что в ашельское время устьевая часть пещеры была протяженнее. Для «стартового» вскрытия такой раскоп, разумеется, был великоват. К счастью, он пришелся на ту часть стоянки, которая отличалась не-

большой мощностью осадков (до 2,1 м) и наименее сложной стратиграфией (см. ниже продольный разрез на рис. 90): за исключением небольших останцов, здесь сохранился лишь ашельский культурный слой. На разрезах 1956 г. он был разделен на две части, но индексация их (5А-Б и 5В) была сделана годом позже, когда при раскопках восточной галереи была установлена полная колонка культурно-стратиграфических уровней в пещере (рис. 14—15). Привязать к каждому из этих слоев добытые в первый год археологические и фаунистические материалы оказалось затруднительно, хотя все они фиксировались по глубинам залегания: уже тогда шифровка всех находок с указанием их местоположения производилась непосредственно в поле, причем позиция каждой из них фиксировалась также в дневнике.

Раскопки восточной галереи в 1957—1958 гг. отличались большей осмотрительностью и неспешностью. К участию в них были приглашены геолог А. Д. Колбутов, картограф А. Г. Дуров, палеонтолог Н. К. Верещагин, специалист в области абсолютного датирования В. В. Чердынцев, антрополог М. М. Герасимова и археологи Д. М. Тушабрамишвили, И. И. Коробков, Л. В. Грехова. В течение двух сезонов в восточной галерее был раскопан площадь около 22 кв. м, содержащая отложения мощностью от 3,2 до 4,0 м. Культурные напластования в дальней от входа части этой галереи отличались полнотой (9 уровней, в том числе 4 мустьерских и 3 ашельских) и выразительностью. Индексация их стала эталонной для всей пещеры и позволила установить единую номенклатуру литологических и археологических подразделений на все последующие годы раскопок. Подразделения эти были следующими (сверху вниз): голоценовый слой 1 соответствовал культурному слою энеолита и более позднего времени, литологический слой 2 — финалу верхнего палеолита (?) и мезолиту, литологические уровни 3а, 3б, 3в и 4 — мустьерским слоям, литологические уровни 5А, 5Б, 5В — ашельским слоям. В то же время локальные литологические образования (останцы, линзы), встреченные в темной галерее и в центральной камере, получили не цифровые, а буквенные обозначения (R₁, R₂, X₁ и др.).

Исследования отложений восточной галереи производились с помощью четырех раскопов, заложенных в такой последовательности, чтобы можно было получить продольный профиль ее отложений и три поперечных разреза (рис. 5). Так, в 1957 г. в два приема была раскопана северная часть галереи: вначале был вскрыт привходовой участок ее и зафиксированы северные половины поперечных разрезов D—Q—S и N—R—W и отрезок расположенного между ними продольного разреза Q—R—F, а затем — дальний участок этой же части галереи и зарисованы северная половина разреза C—F—Z и западный отрезок продольного профиля Q—R—F. Такое же двучастное вскрытие южной половины галереи в 1958 г. дало возможность дорисовать недостающие половины всех трех поперечных профилей.

Поперечные профили D—Q—S и N—R—W были расположены на удалении 5 м друг от друга, N—R—W и C—F—Z — на удалении 3 м. Пятиметровый интервал

между первыми двумя был, как позднее выяснилось, чрезмерным, так как увязка колонки отложений, представленной на этих вертикальных срезах, оказалась крайне затруднительной. Осталось непонятным, каким образом субгоризонтально уложенные и плохо дифференцируемые литологические уровни, запечатленные на разрезе D—Q—S у входа в галерею, превратились далее в глубоко эродированные, сильно провисающие, дробно расчлененные и переполненные обломочником уровни разрезов N—R—W и C—F—Z (последний см. ниже на рис. 14: Б). Если бы в промежутке между этими разрезами был сделан еще один, то, возможно, удалось бы выяснить причины столь резкого контраста между ними.

Раскопки центральной камеры в 1959 и 1961 гг. производились по той же схеме: раскопы также были двучастными с целью получения новых отрезков единого, рассекавшего и камеру и восточную галерею, продольного профиля Q—R—F—B—Y и поперечных профилей A—B—J, C—H и X—J—O (рис. 5). Последние два располагались на границах камеры с темной и южной галереями. В 1959 г. была раскопана восточная часть камеры площадью в 12 кв. м, в 1961 г. — основная ее часть на площади (если исключить шурф 1955 г.) около 16 кв. м. Мощность отложений этой части пещеры колебалась от 3,2—3,5 м на разрезе A—B—J до 2,7 м на разрезе C—H и 2,3 м на разрезе X—J—O.

Осадочные отложения в камере испытали значительный размыв. Границы слоев местами были расплывчатыми, загрязненными смежными седиментами. Вероятность смешения находок в таких неясных пограничных горизонтах велика и поэтому они брались в отдельные пакеты с соответствующими надписями (например, «слой 3в-4»). В тех случаях, когда мощность слоев (=литологических уровней) превышала 10 см, то здесь, как и в других частях пещеры, они разбирались несколькими условными (раскопочными) горизонтами толщиной в 8—10 см. Таким же образом разбирался пристенный участок ашельских слоев близ западной стены камеры, которые оказались здесь обесцвеченными, слитными и сцементированными.

В раскопках центральной камеры принимали участие археологи Н. Д. Праслов, Н. К. Анисюткин, И. И. Коробков, Цуй Чен Яо (Китай), Чи Ван Тан (Вьетнам). Разрезы отложений 1959 г. изучал геолог А. Д. Колбутов. Фаунистические материалы, добытые во время раскопок 1956—1959, 1961 гг., были переданы для изучения Н. К. Верещагину и Г. Ф. Барышникову (млекопитающие), И. М. Громову и В. А. Фокинову (грызуны), Н. И. Бурчак-Абрамовичу (птицы), Е. А. Цепкину (рыбы), Д. В. Гаджиеву (рукокрылые), И. С. Даревскому (амфибии и пресмыкающиеся). Лабораторное исследование образцов осадков из разных слоев производили литологи Н. В. Ренгартен и А. Г. Черняховский, палинолог Г. М. Левковская, химик Т. Ф. Кулькова. Результаты этих исследований были опубликованы в 1980 г. в сборнике «Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии».

В 1978 г. после длительного перерыва раскопки пещеры возобновились. В 1978, 1980, 1983, 1984, 1986,

1987 гг. были раскопаны устьевая часть темной галереи, средняя часть южной галереи и западная половина площадки перед входом в последнюю (рис. 5). Наличие достаточно больших финансовых средств и накопленный опыт позволили проводить эти работы на более высоком методическом уровне. Отличительными чертами этого второго этапа исследований являются: 1) вскрытие отложений на малых площадях; 2) более частое профилирование толщ осадков; 3) введение в практику работ подвесной квадратной сети; 4) наличие в составе экспедиции отдельного палеонтологического отряда, возглавляемого известным палеозоологом Г. Ф. Барышниковым, сотрудники которого осуществляли промывку практически всего заполнителя, а также мойку, сушку, шифровку, опись, предварительное определение и упаковку всего остеологического материала (особое внимание уделялось сбору микрофауны); 5) безотлучное участие в полевых работах представителей естественно-научных дисциплин — палеонтологов Г. Ф. Барышникова, О. Р. Потаповой, палинолога Г. М. Левковской, петрографа Н. Б. Селивановой. В этот период пещеру посетили также и провели в ней ряд специальных исследований литолог А. Г. Черняховский (1978; 1983), геоморфолог С. А. Несмеянов, карстовед Н. А. Гвоздецкий. В работах и непосредственно в разборке отложений в разные годы участвовали опытный археолог А. Е. Матюхин, аспиранты и студенты-археологи Д. А. Чистяков, Л. А. Равнушкин, О. В. Остроущенко, Л. В. Голованова, В. Б. Дороничев, Е. В. Беляева, С. А. Кулаков, Л. Б. Вишняцкий, Г. Э. Сорокина, М. А. Иванова, М. Н. Попова, Ф. Й. Геде (Кот д'Ивуар) и другие. В 1978 г. с исследованием пещер Кударо I и Кударо III ознакомились участники советско-французского полевого семинара А. де Люмлей, М.-А. де Люмлей, Ж. Комбье, А. Леруа-Гуран, Ж.-К. Мисковски, И. П. Герасимов, А. А. Величко, П. И. Борисковский, Х. А. Амирханов, М. Г. Ниорадзе, З. К. Кикодзе, А. К. Векуа, Л. А. Маруашвили и другие археологи и ученые-естественники из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси и других научных центров бывшего СССР.

Часть методических новшеств — раскопки отложений на малых площадях и частое профилирование, прежде всего, — была, разумеется, обусловлена усложнившейся и ставшей крайне неустойчивой стратиграфией отложений в темной галерее (глубокие эрозионные врезы, разрывы слоев, пристенные останцы, слияние и ступенчатость некоторых литологических горизонтов и т. п.). Надлежащий стратиграфический контроль в этих условиях мог обеспечиваться только постановкой поперечных разрезов через каждые 1—2 метра. В некоторых случаях, при особенно неясных ситуациях, делались еще промежуточные локальные «рабочие» микроразрезы разной ориентации и устраивались «консилиумы» всех участников работ. Важные сигналы поступали иногда от палеонтолога Г. Ф. Ба-

рышникова, который отмечал обнаруживаемые при промывке седиментов изменения в составе и патицизации мелких костей или появление мелких фосфатных катунов и т. п. Расчленение разновозрастных, сильно изрытых эрозией осадков производилось с помощью всех возможных разграничителей — как естественных (литологические уровни, микрослоистость, кальцитовые корки и т. п.), так и антропогенных (очажные прослойки, горизонты находок). Этому способствовало также то, что в каждый сезон раскопок перед глазами исследователя находились два соседних параллельных разреза: наново зачищенный прошлогодний — на ближнем крае раскопа и новый, непрерывно и тщательно зачищаемый — по дальнему краю вскрываемого участка. Микростратиграфия отложений, нюансы их быстрой изменчивости улавливались только при «ювелирном» выполнении этих зачисток.

На шестиметровом участке раскопанной в эти годы темной галереи было получено четыре поперечных разреза: U—O (1978), T—W (1980), P—M (1983) и B—K (1984) (рис. 5). Мустьерские слои 3а-б-в и 4 здесь иногда утончались и сливались, ашельские слои были размыты и частично разорваны эрозионными карманами — как ашельского (R, R₁), так и посташельского времени (X_{1,2,3}). В таких условиях чрезвычайно трудно было отделить нетронутые ашельские седименты. Для того чтобы приступить, например, к разборке ашельских уровней 5А-Б-В в раскопе 1980 г. (разрез T—W) надо было прежде удалить верхнюю половину разорвавшей их линзы R с перебитым ашельским материалом и отложения глубокого и сложно построенного эрозионного вреза X₁, а также пристенных линз X₁ и X₃. Раскопки 1986—1987 гг. в южной галерее были менее сложными, но здесь, на северном пределе раскопа 1987 г. (разрез G—D), основная часть ашельского слоя оказалась сильно сцементированной и не поддавалась вскрытию наличными инструментами.

Дальнейшие работы в пещере Кударо I были прекращены, поскольку добытые археологические и естественнонаучные материалы представились достаточными для раскрытия научного потенциала стоянки. Исключением стала лишь зачистка привходового разреза отложений восточной галереи в 1998 г., когда были взяты серии образцов для дополнительных палеомагнитных и палинологических исследований, а также для абсолютного датирования. Завершение на сегодня исследований ашельской стоянки Кударо I не означает, однако, что в будущем, при более совершенных, как следует полагать, методических подходах не могут быть получены новые и, возможно, существенные уточнения наших наблюдений и выводов. С этой целью в пещере были оставлены крупные контрольные участки ашельского слоя в южной и темной галереях, где они прикрыты надежными каменными кладками на цементном растворе.

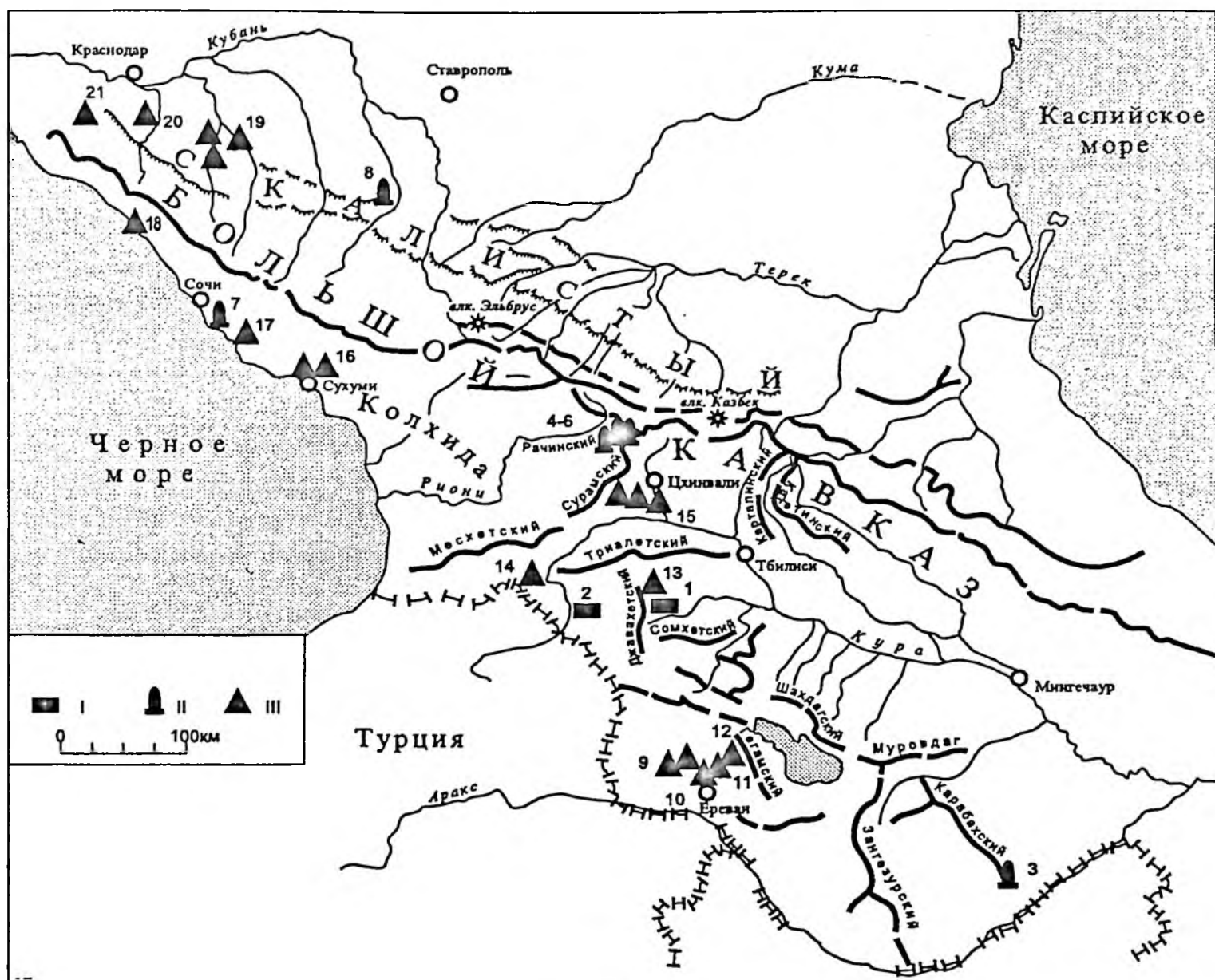

Рис. 1.

Карта размещения основных раннепалеолитических памятников Кавказа.

I — стратифицированные доашельские стоянки открытого типа; II — стратифицированные ашельские стоянки в пещерах;

III — основные ашельские местонахождения:

- 1 — Дманиси; 2 — Амиранис-гора; 3 — Азых; 4 — Кударо I; 5 — Кударо III; 6 — Цона; 7 — Ахштырская пещера; 8 — Треугольная пещера; 9 — Сатани-дар, Ерка-блур, Арегуни-блур и др.; 10 — Арзни; 11 — Джрабер, Фонтан; 12 — Атис; 13 — Чикиани; 14 — Персати; 15 — Лаше — Балта, Калети, Тигва, Гористави и др.; 16 — Яштух, Гвард, Отап и др.; 17 — Богос; 18 — Кадошский мыс; 19 — Абадзехское, Фортепянка, Курджипс, Шаханское и др.; 20 — Игнатенков куток; 21 — Абинское

Fig. 1.

Distribution of principal Lower Palaeolithic sites in the Caucasus.

I — stratified pre-Acheulian open-air sites; II — stratified Acheulian cave sites; III — principal Acheulian occurrences:

- 1 — Dmanisi; 2 — Amiranis-gora; 3 — Azykh Cave; 4 — Kudaro I Cave; 5 — Kudaro III Cave; 6 — Tsona Cave; 7 — Akhshtyr Cave; 8 — Treugol'naya Cave; 9 — Satani-dar, Erkar-blur, Areguni-blur etc.; 10 — Arzni; 11 — Djrabber, Fontan; 12 — Atis; 13 — Chikiani; 14 — Persati; 15 — Lashe-Balta, Kaleti, Tigva, Goristavi etc.; 16 — Jastukh, Gvard, Otap etc.; 17 — Bogos; 18 — Kudoshski mys; 19 — Abadzekhskoe, Fortepianka, Kurdjips, Shakhanskoe etc.; 20 — Ignatenkov kutok; 21 — Abinskoe

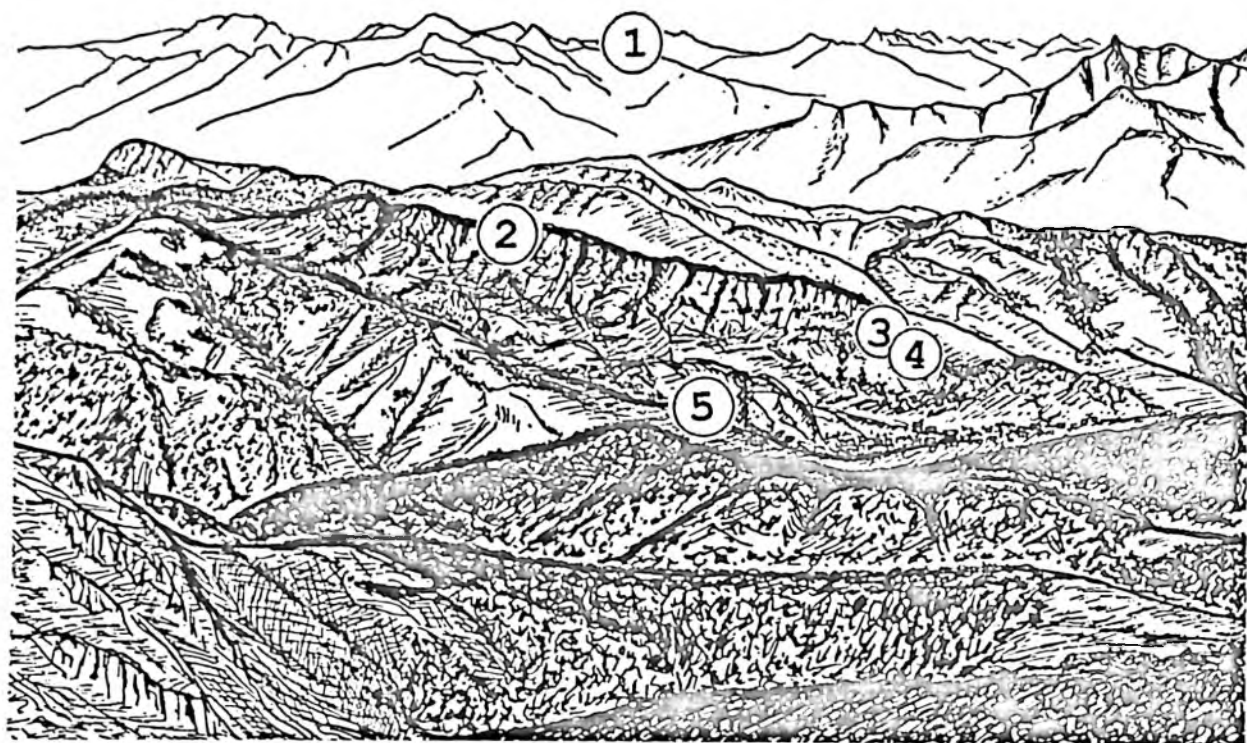

Рис. 2.

Общий вид с юга на Рачинскую котловину: 1 — Главный Кавказский хребет; 2 — известняковый хребет Велуанга; 3 — гора Часавали-хох; 4 — пещеры Кударо I и III; 5 — река Джеджори (Кударское ущелье).

Рисунок сделан по фотоснимку З. К. Кикодзе

Fig. 2.

General view on the Ratcha intermountain trough (from the South): 1 — The Major Caucasus range; 2 — the Veluanta limestone ridge; 3 — the Chasavali-khokh mountain; 4 — the Kudaro I and Kudaro III caves; 5 — the Djedjori River (the Kudaro gorge).

Drawn reproduction of fading photograph by Z. K. Kikodze

Рис. 3.

Кударское ущелье (долина р. Джеджори).

Слева — Рачинский хребет, справа — склон горы Часавали (стрелкой указано местоположение пещер Кударо I и Кударо III)

Fig. 3.

The Kudaro gorge (valley of the Djedjori River). On the left — the Ratcha ridge, on the right — the south slope of the Chasavali-khokh mount (the arrow indicates location of the Kudaro I and of the Kudaro III caves)

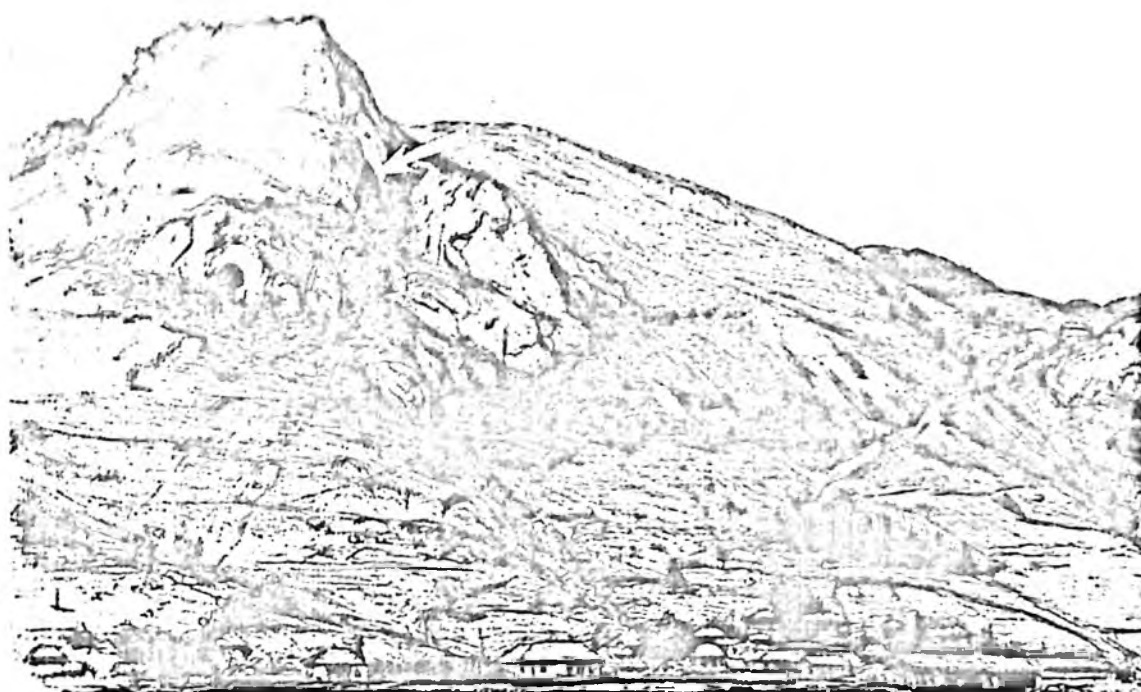

Рис. 4. Южный склон горы Часавали-хох (стрелкой указан южный вход в пещеру Кударо I)
 Fig. 4. The south slope of the Chasavali-khokh mountain (the arrow indicates the south entrance to the Kudaro I cave)

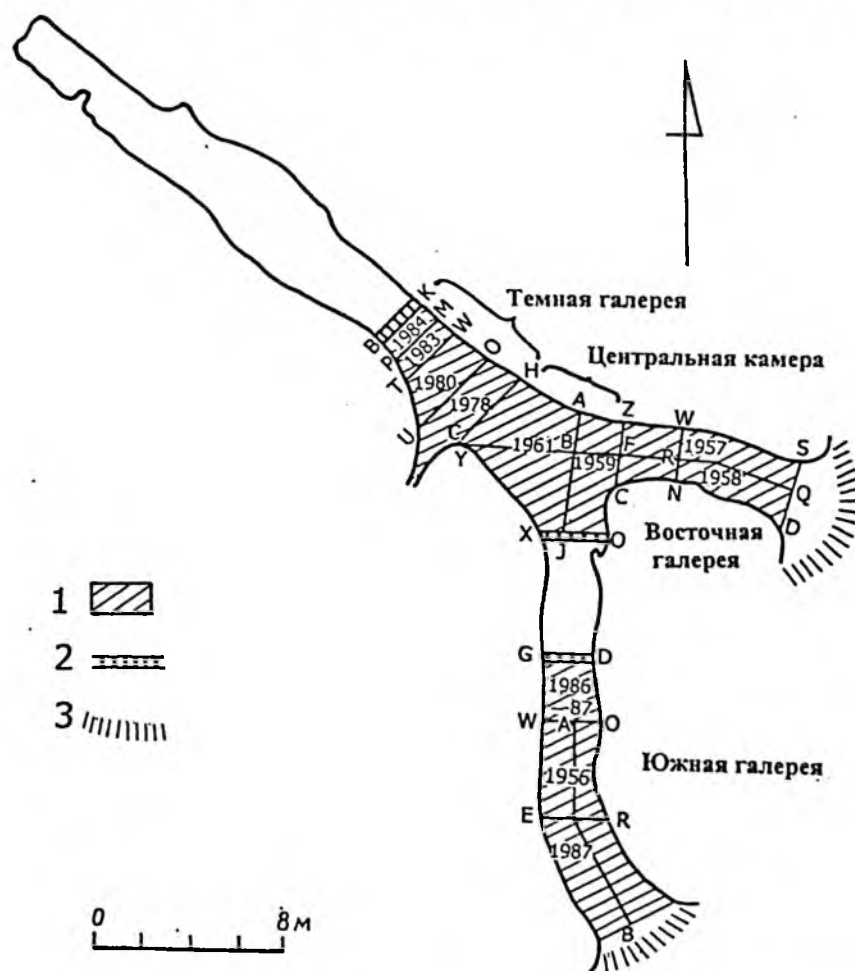

Рис. 5. Пещера Кударо I. План: 1 — раскопанные участки с указанием годов раскопок и зафиксированных поперечных и продольных разрезов (S-Q-D, N-R-W и др.); 2 — защитные каменные кладки; 3 — крутые склоны

Fig. 5. The Kudaro I cave. Plan: 1 — digged areas with indication of years of excavation as well as fixed transverse and longitudinal sediment sections (S-Q-D, N-R-W etc.); 2 — stony walls protecting stratigraphic sections; 3 — abrupt mountain slopes

Рис. 6. Пещера Кударо I: А — вход в восточную галерею; Б — вход в южную галерею
Fig. 6. The Kudaro I cave: A — entrance to the eastern gallery; B — entrance to the south gallery

Глава 3

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И КЛАССИФИКАЦИИ АШЕЛЬСКИХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

3.1. Сущность морфологического анализа

Название данной главы уже само по себе свидетельствует о том, что авторы в целом придерживаются традиционного подхода к изучению каменного инвентаря. В соответствии с ним анализ основывается на морфологических характеристиках изделий, а одной из главных целей является их классификация, или типология, сопоставимая с уже разработанными классификационными системами и номенклатурой и позволяющая производить широкие сравнения рассматриваемых материалов. Однако как трактовка, так и оценка возможностей морфологического анализа у разных исследователей порой имеют существенные расхождения. В связи с этим есть необходимость подробнее изложить и обосновать наши подходы к различным методическим аспектам, включая осмысление таких базовых понятий, как «морфологический анализ» и «типология», применительно к каменным индустриям в целом, а также в специфическом ашельском контексте.

В самом общем виде морфологический анализ можно определить как описание форм изделий через фиксацию определенного набора признаков. Нередко на одном уровне с морфологическим в качестве его альтернатив рассматриваются технологический и функциональный анализы. Однако, если вдуматься, и технологический и функциональный анализы являются все же производными от морфологического, поскольку тоже опираются на комплексы морфологических признаков. Разумеется, при этом каждый из них использует морфологические признаки избирательно, выявляя именно те из них, что отражают процессы изготовления или использования изделий. Бесспорно также, что в своем развитии и технологический и функциональный анализы приобрели специфические методы исследования (экспериментальная работа, анализ следов утилизации и т. п.) и особые возможности (восстановление технологического контекста индустрий, точное определение функции и т. д.). Однако едва ли это можно считать основанием для их полного обособления и противопоставления, тем более что морфологический анализ уже изначально включает в себя элементы как технологического, так и функционального.

Самое элементарное описание любого артефакта обычно подразумевает определение принадлежности его к тем или иным продуктам расщепления (нуклеусы, сколы-заготовки, технические сколы и т. п.) и орудиям.

Поскольку в первом случае в центре внимания находятся те морфологические признаки, которые указывают на приемы и последовательность расщепления, то фактически такой анализ является морфолого-технологическим. Рассматривая же орудия, исследователь обычно ссылается на те особенности их формы, которые имеют отношение к предполагаемой функции (лезвия, острия, обушки и т. п.), а также к типу заготовки и приемам обработки. Следовательно, при этом имеют место в первую очередь анализы морфолого-функциональный и, отчасти, технологический. Таким образом, обсуждение технологических и функциональных аспектов в рамках морфологического анализа представляется нам совершенно правомерным и даже естественным, хотя приоритет в глубине и детальности их проработки остается, очевидно, за соответствующими специальными методами.

3.2. Анализ техники первичного расщепления

Этот анализ производился на основании тех морфологических характеристик продуктов и отходов первичного расщепления, которые, на наш взгляд, позволяют судить об отборе заготовок, приемах и последовательности скалывания. Объектами анализа являлись сколы и их фрагменты, включая орудия, а также нуклеусы и нуклевидные формы. При идентификации сколов мы опирались на обязательное наличие у предмета брюшковой поверхности. Среди сколов выделялись использованные или потенциальные сколы-заготовки орудий, а также мелкие сколы и чешуйки. С учетом размеров орудий к сколам-заготовкам были отнесены изделия, превышающие 2,5 см в длину или же ширину (для кремня — 2,0 см). Меньшие сколы рассматривали как отходы от первичного расщепления и оформления орудий. Обломки сколов распределяли по этим двум категориям исходя из предполагаемых минимальных размеров последних. К нуклевидным формам, в отличие от нуклеусов, относились предметы с единичными сколами при отсутствии специального выделения ударной площадки.

При анализе нуклеусов мы в целом следовали принципам, наиболее полно изложенным в работах В. П. Любина [1965] и П. Е. Нехорошева [1984; 1999]. Фиксировались характер заготовки (форма, размеры), общий принцип скалывания (плоскостной, подпризматический), способы и приемы расщепления (скалывание

радиальное, одноплощадочное, ортогональное и т. п., наличие подправки рабочей поверхности), типы площадок с точки зрения оформления — неподправленные, гладкие, включая корочные (естественные), и подправленные (двугранная, грубо фасетированная и фасетированная), а также общей формы (прямая, выпуклая).

Характеризуя сколы, мы столкнулись с определенной проблемой, связанной с преобладанием фрагментированных сколов над целыми. Понятно, что по всем параметрам могли анализироваться только последние: учитывались размеры скола, наличие и расположение галечной корки, наличие и характер обушка (естественный, крутая грань, площадка и т. д.), огранка спинки с точки зрения приема скалывания и характер площадки (угол и подправка — аналогично таковым у нуклеусов), а также «особые приметы» (например, «ныряющее» завершение скола, двойной бугорок и т. п.). Фрагменты сколов пришлось анализировать по сокращенной программе: толщина, наличие корки, обушка и — в случае базальных обломков — угол и тип площадки. Все эти данные подвергались статистической обработке и интерпретировались.

В связи со спецификой кударской индустрии описание и анализ продуктов и отходов расщепления производились в рамках сырьевых групп. Дело в том, что уже при начальном визуальном просмотре ашельской коллекции была замечена явная зависимость основных характеристик техники расщепления от типа сырья. Поэтому материал прежде всего был подразделен на сырьевые группы. Как говорилось выше, при всей вариабельности сырья в нем можно было выделить несколько основных типов, обладающих близкими физическими свойствами (прочность, характер излома, пластичность и т. п.). Основываясь на этом, мы различаем следующие группы сырьевого материала: 1) песчаники всех разновидностей, 2) сланцы глинистые и глинисто-кремнистые, 3) сланцы кремнистые и алевролиты, 4) кремнь (местный и импортный) и, единично, андезит и обсидиан. Разумеется, среди первых четырех групп есть и переходные, или промежуточные, формы, что допускает определенную долю условности при сырьевой атрибуции отдельных предметов. Для основной массы материала, однако, подобное подразделение кажется нам оптимальным.

Все сгруппированные по сырьевым группам нуклеусы и сколы анализировались в связи с приуроченностью к основным частям пещеры — двум входным галереям, центральной камере и темной галерее, а далее по археологическим уровням. Такой порядок анализа был обусловлен тем, что стратиграфическая картина сильно варьировала, демонстрируя фациальную изменчивость ашельских напластований и различную степень разрушения их эрозийными процессами. Подразделение ашельского слоя на литологические уровни удалось уверенно проследить лишь в темной и, отчасти, в южной галереях, что не позволило нам рассмотреть стратиграфическое расчленение находок сразу в рамках всей пещеры. Забегая вперед, следует сказать, что изменчивость практически всех показателей техники расщепления по вертикали оказалась во всех случаях очень ма-

лой. Это является еще одним доказательством принадлежности материалов из ашельских уровней Кударо I к единой индустрии. В то же время, как будет показано в последующих разделах, отдельное рассмотрение коллекций из разных частей пещеры дало возможность выявить определенные особенности последних в распределении продуктов расщепления и видов сырья. Сходным образом рассматривался и орудийный инвентарь — в рамках каждой из частей пещеры с последующим обобщением данных о морфолого-типологическом составе и планиграфической и хронологической изменчивости кударской ашельской индустрии в целом.

3.3. Общие подходы к морфолого-типологическому анализу орудий среднего и раннего палеолита

Морфологический анализ орудийного инвентаря всегда предполагает его классификацию, которую в палеолитоведении, как и в археологии в целом, чаще всего отождествляют с типологией. Мы также будем использовать это понятие, хотя, если исходить из современных научных представлений о принципах и способах классификаций [Воронин 1985], применение его в данном случае выглядит скорее данью традиции.

Строго говоря, типология как разновидность классификации предполагает процедуру подразделения изучаемого материала на типы, понимаемые как «устойчивые политетические системы признаков» [Clarke 1968], где признаки, или атрибуты, отбираются исходя из исследовательской задачи и объективных свойств классифицируемых предметов. Поскольку типы могут выделяться на разных основаниях и разными способами, полномерная типологическая характеристика конкретного комплекса изделий, или «исследовательская» типология, теоретически должна представлять собой систему из нескольких построенных на основе атрибутивного анализа типологий [Sackett 1988: 416]. С другой стороны, построенная таким образом типология не может быть универсальной, то есть одновременно охватывающей множество комплексов. Чтобы описать их в одном ключе и тем самым обеспечить возможность сопоставления, необходимо параллельно создавать чисто «служебную типологию» [Kolpakov and Vishnyatski 1989], которая обречена быть достаточно упрощенной, генерализованной и даже эклектичной [Беляева 1998].

Для среднепалеолитических материалов примером такой служебной типологии является тип-лист Ф. Борда [Bordes 1961], включающий набор выделенных на разных основаниях устойчивых орудийных форм, или типов, характерных для более или менее широкого круга мустьерских индустрий. Отсутствие конкурентоспособных альтернатив этой популярной, несмотря на ряд ее общепризнанных недостатков, разработке в значительной мере объясняется, видимо, тем, что большая часть последних неизбежно присуща любой служебной типологии. При исправлении же прочих, подлинных недочетов путем определенной корректировки и дополнений типология Борда способна, на наш взгляд, сохранить свое значение и в будущем [Любин 1965: 74—75; Бе-

ляева 1998: 48—49]. Гораздо более сложна проблема создания исследовательских типологий. При наличии изложенных выше теоретических предпосылок мы пока не знаем ни одного примера практического построения типологической системы, направленной на выявление структуры морфологической вариативности конкретной индустрии — будь то средний палеолит или, тем более, нижний. Это объяснимо многими причинами, но практически все они вытекают из одной. Морфология далеко не всех палеолитических изделий поддается однозначному пониманию и описанию, а тем более в формализованном виде, потребном для корректной процедуры атрибутивного анализа. В результате в большинстве случаев анализ мустьерских индустрий, например, сводится, в конечном счете, к соотношению материала с тип-листом Борда, а вопрос об исследовательской типологии даже не поднимается. Если же предпринимают попытку создать типологию, ориентированную на специфику конкретной индустрии, то обычно отталкиваются от этого же тип-листа, однако модифицируя и дорабатывая его применительно к материалу. Такой компромиссный путь создания исследовательской типологии через модификацию служебной представляется на сегодня вполне оправданным [Беляева 1998].

Следует также признать, что на практике морфолого-типологический анализ является не двучастной последовательной процедурой, а единым взаимосвязанным процессом. Как правило, морфология каменных орудий сразу описывается и осмысливается с точки зрения степени ее соответствия или несоответствия тем или иным уже выделенным типологическим моделям. Характерно, что в публикациях типологическое определение орудия обычно предшествует его подробному морфологическому описанию. Конечно, хотя исследователи и не всегда отдают себе в этом отчет, такое «распознавание образа» все же должно опираться на мысленное «описание» изделия через некую совокупность признаков. Иначе говоря, морфологический анализ при этом выглядит как упрощенный атрибутивный, хотя и применяемый весьма субъективно и даже интуитивно. Осознание этого факта немаловажно, поскольку заставляет задуматься о том, как сделать эту процедуру более корректной в методическом отношении. Как отмечалось выше, атрибутивный анализ в полном смысле этого слова пока неприменим для типологической классификации палеолитических орудий, ибо перспективы создания объективных методов полноценного, формализованного описания и оценки их морфологических характеристик совершенно неясны. Следовательно, выход состоит в том, чтобы опираться лишь на те морфологические признаки, которые можно наиболее четко фиксировать и которые образуют наиболее устойчивые сочетания.

Собственно говоря, если вдуматься, именно таким образом выделены те типы разных уровней, которые вызывают меньше всего расхождений среди исследователей по поводу как их дефиниции, так и распознавания подобных форм в различных индустриях. Конечно, удачному использованию морфолого-типологического анализа здесь часто способствует их особая морфологи-

ческая выразительность и определенная «стандартизация», позволяющая говорить о «естественной типологии». Гораздо сложнее найти согласие относительно наиболее приемлемого способа типологического подразделения орудий с менее стабильными, варьирующими морфологическими признаками, что как раз характерно для немалой части среднепалеолитических и, в особенности, для раннепалеолитических изделий. Последние, несомненно, обладают своей спецификой, на которой мы особо остановимся в следующем разделе.

3.4. Проблемы морфолого-типологического анализа ашельских орудий

Нижнепалеолитические и, в частности, ашельские индустрии представляют, конечно, особую трудность для морфолого-типологического анализа. Степень стандартизации орудийных форм в них, как правило, невелика, а вторичная обработка порой носит небрежный или невнятный характер, что часто усугубляется плохой сохранностью древних изделий (повреждения, оглаженность и т. п.). В такой ситуации исследователи часто склонны принижать информативный потенциал нижнепалеолитических артефактов. Как отмечает Г. Бозински, идея об отражении в них стадий человеческой эволюции и различных культурных традиций не пользуется особой популярностью, отчего каменным орудиям порой уделяется меньше внимания, чем данным по палеоэкологии [Bosinski 1995: 263]. При изучении же собственно артефактов наблюдается усиленный интерес к технологии в ущерб типологии [Ранов, Дэвис 1996], вызванный, видимо, общей сменой парадигм в западной преисторической археологии. В фокусе исследований оказывается не типология культурно-исторических явлений, а их динамика, а также процессы, связанные с природными и поведенческими факторами [Howell 1994]. Подобная установка и связанная с ней невысокая оценка возможностей морфолого-типологического метода ощущаются и у многих исследователей, продолжающих применять данный метод при анализе археологических коллекций. Это отражается, прежде всего, в стремлении к упрощению и неоправданной генерализации типологических схем, а также в уклонении от детального морфологического анализа и методически неверных процедур при выделении типологических единиц.

Примером первой тенденции может быть мнение Г. Айзека, что для исследования поведенческих характеристик древнейших людей можно обойтись без подробной типологии, подразделяя артефакты лишь на три крупные серии: FP (flaked pieces) — полученные оббитой макроорудия, DP (detached pieces) — сколы и орудия на них и BP (battered pieces) — отбойники и накопальни, используемые для получения изделий двух первых серий [Isaac 1986]. Упрощенной трактовкой наблюдаемой картины является, на наш взгляд, и вывод О. Бар-Йосифа о том, что с типологической точки зрения доашельские индустрии можно определить как «core-chopper industry», то есть индустрию с абсолютным господством оббитых орудий на гальках [Bar-Yosef

1994: 225]. Сходный генерализованный подход отражен также в «концептуальном» противопоставлении индустрий раннего и среднего палеолита: для первых абсолютно доминирующей считается оббивка (*façonpage*) цельных блоков породы или желваков (*galek*), а для вторых — получение заготовок путем расщепления (*débitage*) [Mougel 1996: 259]. Это заключение, как кажется, явилось отзвуком весьма спорного утверждения М. Лики об отсутствии специального получения сколов в доашельских индустриях Олдувая. Все изделия типа дисковидных нуклеусов были безапелляционно отнесены ею к орудиям типа «дискоидов», а все сколы — к отходам от обработки чопперов, полиндров и тех же дискоидов [Leakey 1971: 6, 8]. Этот подход некритично восприняли и даже распространили его на более поздние ашельские материалы исследователи Убейднии [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 71, 155, 194].

Ярким примером необоснованного выделения классификационных единиц является введение в африканскую палеолитическую типологию класса «core-axes», или «нуклевидных рубил» [Clark and Kleindienst 1974: 96—97, fig. 12], в который на самом деле вошли 12 весьма разнородных орудийных форм (подробное рассмотрение этого вопроса см.: [Cornelissen 1995: 62, tabl. 3; Любин, Геде 2000: 30—31]). Невнимание к критериям типологического подразделения, ведущее к появлению таких «типологических монстров» [Любин, Геде 2000: 32], часто сопровождается и терминологической путаницей. Так, понятие «бифас» то трактуется как синоним «ручного рубила», то распространяется на более широкий круг макроорудий, объединяющий, кстати сказать, не только двусторонне обработанные разновидности — ручные рубила, включая триэдры, кливеры, пики-триэдры и квадриэдры [Bar-Yosef and Goren Inbar 1993: 144—155]. Нельзя не заметить также, что технический смысл термина «бифас» допускает его приложение к любым двусторонне обработанным орудиям, включая листовидные наконечники, скребла и т. п.

Как уже подчеркивалось, глубинные причины всех этих расхождений, а порой и разочарования в возможностях типологической классификации ашельских орудий состоят отчасти в большом полиморфизме ашельского инвентаря и объективной сложности некоторых орудийных форм, препятствующей их однозначному описанию и пониманию. Тем не менее, как показывают приведенные примеры, типологическая разногласица и даже путаница, отражающаяся далее на интерпретации ашельских материалов, в немалой степени обусловлена также явным невниманием к морфологическому анализу, а также неразработанностью или противоречивостью методических подходов. Поэтому мы посчитали необходимым предпринять самый детальный морфолого-типологический анализ ашельского инвентаря Кударо I, предварив его обоснованием собственных методических установок, а также обсуждением типологических разработок в области отдельных орудийных классов или типов.

3.5. Авторский подход к анализу ашельского орудийного инвентаря

Исходя из всего изложенного выше, мы придерживаемся следующего методического подхода. Во-первых, нужно констатировать, что строить исследовательскую типологию для ашельских индустрий по единой процедуре невозможно. Как и в случае со среднепалеолитическим инвентарем, приходится сочетать использование основных общепринятых понятий с созданием на этой основе более подробных или дополнительных типологических подразделений, учитывающих специфику конкретного материала. Далее, поскольку происхождение кавказского ашеля связано с расселением ранних людей вдоль полосы восточноафриканско-levantийского рифта [Любин 1998: 8—9, рис. 2; Lioubine 2002: 10, fig. 2], при выделении основных типологических подразделений мы в первую очередь ориентируемся на типологии, построенные на материалах ашельских индустрий именно этой зоны [Kleindienst 1961; 1962; Clark 1967; Leakey 1971; Clark and Kleindienst 1974; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993]. Наряду с этим использовались отдельные типологические разработки таких исследователей палеолита Африки и Ближнего Востока, как Ж. и Н. Шавайон, Г. Айзек, П. Биберсон, Ж. Тиксье, Ф. Урс, Т. Тийе, М. Штекелис, Д. Гилад и др. Ценные данные и мнения были почерпнуты также из ряда работ Ф. Борда, Ж. и Г. Гвишар, Д. Роу, А. Тавосо, В. А. Ранова, А. Е. Матюхина, А. П. Деревянко, Х. А. Амирханова, З. А. Абрамовой и многих других авторов. Большим подспорьем, наконец, были руководства, справочники и словари по палеолитической типологии [Bordes 1961; Heinzlin de Braucourt 1962; Brézillon 1971; Leroi-Gourhan 1988; Debénath, Dibble 1994]. Подчеркнем, наконец, что все эти понятия и термины заимствовались нами в той мере, в какой они являются непротиворечивыми и сочетающимися в рамках одной системы, а также соответствуют нашим принципам морфолого-типологического анализа и составу изучаемой индустрии.

Поскольку орудия вычленяются среди прочих изделий по морфолого-функциональному принципу, этот же принцип должен, на наш взгляд, соблюдаться и на следующем уровне их подразделения. Следует, прежде всего, учитывать характер и взаиморасположение рабочих, а также аккомодационных элементов, то есть «конструкцию орудия», которая в сочетании с общей формой изделия может быть условно названа «моделью орудия». Нельзя не заметить, что традиционное выделение основных категорий каменных орудий, включая ашельские формы, в значительной мере базируется именно на этом принципе, о чем свидетельствуют и соответствующие названия (рубило, чоппер, скребло и т. п.). Использовать при выделении основных категорий орудий характер их заготовок и особенности обработки следует, как кажется, лишь в той мере, в какой они отражаются на модели орудия в целом. Так, например, одни и те же модели ручного рубила или пика (кирковидного орудия) в зависимости от исходной заготовки могут быть получены весьма вариативной вторичной обработкой — от сплошной оббивки до подправки еди-

ничными сколами. Результатом смещения акцента с морфолого-функциональных характеристик на вторичную обработку стали уже отмеченные разногласия в определении и разграничении этих форм и терминологическая неразбериха (пример «бифасов»). С другой стороны, мы склонны обособлять чопперы и чоппинги, поскольку бифасиальная обработка лезвий ведет к существенным отличиям чоппинга от чоппера с точки зрения общей формы и характеристик рабочего края (подробнее см. ниже).

На этих общих основаниях мы выделяем следующие ведущие категории, или классы, ашельских макроорудий: 1. Чопперы; 2. Чоппинги; 3. Нуклевидные скребки; 4. Пики (кирковидные орудия); 5. Ручные рубила; 6. Кливеры. Ввиду особой значимости этих форм для типологической характеристики ашельских индустрий они будут подробно рассмотрены в последующих разделах данной главы. Что касается прочих орудий, то они в соответствии с тем же морфолого-функциональным принципом в основном соотносятся с такими общепринятыми крупными типологическими подразделениями, как скребла, скребки, выемчатые, зубчатые, долотовидные и клювовидные орудия. Как характерные именно для данной индустрии выделяются комбинированные орудия, сочетающие два или более разнородных рабочих элемента, а также листовидные орудия с двусторонней и частично двусторонней обработкой.

Дальнейшее типологическое подразделение в рамках этих категорий производится таким образом, какой подсказывает характер данного материала. Поскольку структура морфологической вариативности у подобных индустрий неоднородна, неоднородной, очевидно, будет и типологическая структура. Могут выделяться типы в полном смысле этого слова, или «естественные» типы, демонстрирующие относительно устойчивое воспроизводство определенного набора признаков. Наиболее ярким примером их в кударской индустрии является группа «геометризованных» однолезвийных скребел подпрямоугольных или трапециевидных очертаний, которые получены путем усечения и плоской подтески концов орудий. Наряду с этим происходит выделение условных типов, или разновидностей, на основании отдельных характеристик (особенности очертаний, «дизайн» рабочего элемента, размеры и т. п.). Если такие формы имеют известные в литературе аналоги, они обозначаются соответствующим термином. В противном случае подбираются названия, наиболее отвечающие отличительным чертам данного типа и наиболее сопрягающиеся с имеющейся номенклатурой (например, «двоякоплоские рубильца»). Имеются, разумеется, и единичные оригинальные формы орудий, которые описываются сугубо индивидуально, порой даже вне основных типологических категорий — в разряде «разное».

Следует отметить, наконец, что при характеристике ашельского орудийного инвентаря пещеры Кударо I мы отказались от широкого использования статистических таблиц и графиков по отдельным атрибутам. Во-первых, как показал подобный анализ метрических характеристик сколов-заготовок, они демонстрируют наиболее

сильную зависимость от четырех основных типов сырья (песчаник, глинистые и кремнистые сланцы, кремль). Соответственно, можно предсказать то же самое и в отношении параметров орудий. Разнообразие качеств сырья и форм заготовок явно сильно отразилось также на приемах и интенсивности вторичной обработки орудий, включая относимые к одним и тем же типам. Таким образом, трудно ожидать, что такие, например, признаки, как количество и размеры негативов обработки, углы ретуши и т. п. продемонстрируют здесь некие распределения и корреляции, значимые для типологического анализа. Существенную трудность для точной фиксации многих признаков представляет, наконец, неполная сохранность многих орудий (фрагментация, повреждение рабочих участков, окатанность и т. п.). Наконец, даже наиболее широко известные примеры подобного анализа — представление через статистические таблицы и графики материалов ашельских стоянок Олорге-зайли [Isaac 1977] и Убейдия [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993] — не убеждают нас в том, что полученные в результате огромной работы данные существенно дополнили традиционное описание этих индустрий. Интересен опыт Д. Роу по атрибутивному анализу ручных рубил и кливеров из стоянок Олдувая [Roe 1994], но и в этом случае цифры и схемы не обеспечили, на наш взгляд, всеобъемлющего раскрытия морфолого-типологических особенностей этих орудий в каждом из комплексов. Отнюдь не отрицая, как было показано выше, теоретического потенциала атрибутивного анализа, подчеркнем вновь, что при отсутствии надежной методической основы и при больших трудозатратах применение его в рамках морфолого-типологического анализа средне- и нижнепалеолитических орудийных комплексов пока не дает желаемого эффекта.

3.6. Типология ведущих категорий ашельских орудий

3.6.1. Чопперы и чоппинги

Чопперы (choppers) и чоппинги (chopping tools), совокупно называемые иногда грубыми рубящими орудиями, впервые были выделены и охарактеризованы Х. Мовиусом [Movius 1957]. Существует множество дефиниций этих артефактов. Одна из наиболее популярных принадлежит В. А. Ранову: «...галька размерами, позволяющими удобно держать ее в руке, упирая в открытую ладонь, оббивается несколькими ударами на краю или на узком конце. Две, три, четыре фасетки образуют рабочий край — более или менее ровный, если гальку оббить с одной стороны (чоппер) и зигзагообразный, если с двух (чоппинги)... Размеры их самые разнообразные — от 15 см до 3—4 см в диаметре» [Ранов 1988: 44—45].

Чопперы и чоппинги являются важнейшим компонентом так называемых «галечных орудий» («pebble tools» или «galets aménages» по терминологии англоязычных и франкоязычных преисториков, соответственно). В их состав, помимо чопперов и чоппингов, включают массивные нуклевидные скребки (heavy duty

scrapers), дисконды⁶, полиэдры, а также изготовленные главным образом на плоских гальках клювовидные, выемчатые, зубчатые и резцевидные изделия [Chavaillon J. et N. 1981: 285—290; Chavaillon J. 1988: 410—411]. Термин «галечные орудия» стал традиционным, но он неточен, поскольку для их изготовления использовались не только гальки и валуны, но также и желваки, угловатые блоки и плитчатые обломки. Многообразие форм, изготавливавшихся путем оббивки подобных заготовок, порождает проблему разграничения некоторых разновидностей чопперов, чоппингов и нуклевидных скребков, а также вопрос о соотношении этих орудий с нуклеусами.

Как уже говорилось выше, мы не разделяем мнения некоторых исследователей о том, что в ранних индустриях сколы связаны только с оббивкой макроорудий, замещавших таким образом подлинны нуклеусы [Leakey 1971: 8; Bar-Yosef and Goren Inbar 1993: 155]. Однако можно, видимо, согласиться, что «...формирование и развитие процессов изготовления галечных орудий и скалывания отщепов с нуклеусов происходило на единой технологической основе» [Матюхин 1983: 144]. Такие приемы, как специальная подготовка поверхности скалывания и ударной площадки, а также приближающийся к прямому угол между площадкой и рабочей поверхностью далеко не сразу стали характерными атрибутами нуклеусов. Как отмечают А. Дебенат и Х. Диббл, «чопперы и чоппинги располагались прямо на границе нуклеусов и нуклевидных орудий (core tools), что часто очень затрудняет различение этих изделий» [Debénath, Dibble 1994: 126].

Попытка выявить их объективные различия — правда, на материалах среднего палеолита — была предпринята Э. Х. Гинзбургом и В. А. Рановым. Проведение статистико-математического анализа более 800 предметов подобного рода из стоянки Кара-Бура в Южном Таджикистане привело этих авторов к заключению, что чоппинги обособляются там от нуклеусов по следующим признакам: 1) более крупные в среднем размеры и большая амплитуда колебаний этих размеров; 2) более острый в среднем угол между двумя поверхностями скалывания и значительно большая вариабельность значений этого угла; 3) отсутствие или редкая встречаемость ретуши на крае, образованном пересечением данных плоскостей и 4) более регулярный характер извилистости края и больший шаг извилины. Нуклеусы, по их наблюдениям, выделяются, соответственно, меньшими размерами (результат срабатывания) и большей стандартизацией, а также более

близким к прямому углом между поверхностями, меньшим шагом извилины, большей уплощенностью обработанных поверхностей ее и частым наличием дополнительной подправки прикраевого участка одной из поверхностей (= ударной площадки) [Гинзбург, Ранов 1981: 86—104].

В целом, как нам представляется, основные критерии разграничения таких изделий следует выводить из их предполагаемого назначения. Иначе говоря, к орудиям типа чопперов и чоппингов следует относить изделия с обработанным краем, характеристики которого (угол заострения, не слишком ломаная линия в профиль, наличие макроследов утилизации) позволяют определить его именно в качестве рабочего лезвия. Общая форма изделия должна, как отмечалось в приведенном выше определении В. А. Ранова [1988], обеспечивать удобство его захвата при работе. Для нуклеусов же характерно, чтобы одна из пересекающихся поверхностей была более обширной и несла на себе негативы, позволяющие говорить о снятии сколов-заготовок. В принципе такая рабочая поверхность должна стремиться располагаться параллельно или субпараллельно максимальному по размерам сечению предмета. Линия же пересечения этой поверхности с поверхностью-площадкой может, в отличие от лезвийного края, иметь сильно ломаную или извилистую форму. Наблюдение о том, что нуклеусам присуща подправка поверхности-площадки [Гинзбург, Ранов 1981: 86—104], далеко не всегда справедливо для ашельских форм и является факультативным признаком. Разумеется, данный подход не является панацеей, поскольку некоторые изделия могут сочетать признаки, характерные как для нуклеусов, так и для орудий, что, возможно, указывает на действительное использование их в обеих функциях. Ж. Шевайон предложил использовать в отношении подобных форм обобщенное, нейтральное наименование «core-choppers» или «nucleus-choppers» [Chavaillon 1988: 239].

Вопрос о различении грубых рубящих орудий типа чопперов и чоппингов от нуклевидных скребков решается нами также на основании морфолого-функционального принципа. К скребкам можно относить орудия, у которых одна из поверхностей, примыкающих к рабочему краю, является плоской вне зависимости от ее естественного или искусственного происхождения, а другая демонстрирует крутую оббивку и мелкую ретушь подправки и утилизации, прилегающую к равному лезвию. Более подробно нуклевидные скребки будут рассмотрены ниже в особом разделе.

Дальнейшая классификация обсуждаемых здесь грубых рубящих орудий также вызывает немало сложностей и споров. Классификационные схемы, представленные в целом ряде работ ([Movius 1957; Heinzelin de Braucourt 1962; Biberson 1967; Ramendo 1963; Leakey 1971; Абрамова 1972; Collina-Girard 1975; Chavaillon J. et N. 1981; 1988; Амирханов 1991] и др.) имеют существенные различия. В качестве примера терминологических расхождений на самом высоком уровне классификации укажем на параллельное использование во франкоязычной литературе наряду с термином «chopper» таких названий, как «taillant unifacial» («лезвие одно-

⁶ Изделия, именуемые дискондами [Mason 1969: 90; Leakey 1971: 6; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 135—137], судя по их иллюстрациям и в согласии с мнением ряда других авторов [Tixier 1960: 170; Heinzelin de Braucourt 1962; Clark 1967: 56—57], мы рассматриваем как дисковидные, в основном остаточные, нуклеусы, отдельные из которых могли быть впоследствии использованы как орудия. Имеются, кроме того, отдельные округло-дисковидные формы с отчетливо выраженными лезвиями и пятками, что позволяет трактовать их как дисковидные чопперы [Любин, Геде 2000: 105, 111—112, рис. 69—70].

стороннее»), «tranchoir» («резак»), «hachoir» («сечка») и т. п. Особые проблемы создают расхождения на содержательном уровне, начиная с вопроса о подразделении этих орудий на односторонние и двусторонние. Так, например, Г. Бозински считает традиционное разделение на чопперы и чоппинги весьма условным [Bosinski 1995: 264], с чем согласны и многие другие исследователи. Одни из них исключают из своего словаря термин «chopping tool» [Chavaillon J. et N. 1981: 285; Leakey 1971: 4; Григорьев 1977: 77; Гладылин, Ситливый 1990: 10], полагая, что чоппинги — это те же чопперы, лезвия которых приобрели двустороннюю оббивку в результате подправки или утилизации. Некоторые же не употребляют понятие «chopper» из-за того, что в изучаемых ими индустриях абсолютно преобладали двусторонне обработанные формы, или чоппинги [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 123—131].

В то же время, многие специалисты склонны разграничивать чопперы и чоппинги, считая их разными типами галечных орудий ([Biberson 1967; Bordes 1961: 59—60; Ранов 1965: 74—80; Абрамова 1972: 125—141; Борисковский 1979: 60—61; Кононова, Пархоменко 1982: 65; Debénath, Dibble 1994: 126] и др.). Напомним в этой связи, что Х. Мовиус — «первооткрыватель» этих орудий — рассматривал их обособленно, отождествляя чопперы с крупными скреблами, а чоппинги определяя как нуклевидные инструменты с зигзагообразным лезвием в виде широкого «W», полученным путем бифасиальных альтернативных снятий [Movius 1957]. Имеются объективные данные об определенных различиях этих форм и с точки зрения функции. Так, А. Е. Матюхин [1983: 170] установил путем эксперимента, что при использовании в качестве рубящих орудий чопперы в целом несколько превосходят чоппинги — из-за наличия у последних извилистого лезвия. Трасологический анализ чопперов и чоппингов из ашельского слоя стоянки Азых в Азербайджане показал, что первые были более специализированными орудиями, применяясь преимущественно для рубки и раскалывания дерева (кости), а вторые — для более широкого круга работ [Shchelinski 1993].

На наш взгляд, внимательный морфологический анализ говорит в пользу существенного различия этих двух орудийных форм, которое начинается уже с различия заготовок. Для чопперов отбирались гальки или куски породы, имеющие двояко-плоскую (брусковидную) или плоско-выпуклую форму. Использование естественной плоской гладкой стороны в качестве площадки для сколов, формирующих рабочий край, обеспечивало ровность получаемого лезвия. В плане линия этого края могла иметь различную форму и даже быть весьма ломаной, но в профиль лезвие было ровным — именно благодаря приуроченности его к плоской стороне. Это обстоятельство в сочетании с достаточно острым, как правило, углом края (60—70°) и обеспечивало, очевидно, лучшие рабочие качества чоппера в качестве рубящего орудия. Таким образом, хотя упомянутое выше сопоставление чоппера со скреблом [Movius 1957] выглядит в целом натяжкой, оно имеет смысл с точки зрения характера оформления рабочего края. В обоих

случаях лезвие располагается в плоскости уплощенной гладкой стороны — будь то брюшко отщепы либо естественная поверхность рис. 7: 2). Чоппинги же чаще всего изготавливались на гальках и обломках с более выпуклыми сторонами, которые не могли играть роль «брюшка». Такая форма заготовок и заставляла создавать рабочий край с помощью альтернативных снятий, когда снятия с одной стороны служили площадками для снятий с другой. Лезвие чоппингов располагается более или менее близко к плоскости срединного фронтального сечения предметов и часто является извилистым и в плане и в профиль, что сказывается, несомненно, на функциональных возможностях этих орудий (рис. 7: 1).

Существующие классификации чопперов и чоппингов, о которых упоминалось выше, различаются не только из-за разницы в методических подходах, но и благодаря региональной или хронологической специфике использованных материалов. Это очень затрудняет, на наш взгляд, согласование или совмещение этих классификаций. Не располагая достаточными коллекциями чопперов и чоппингов в ашельских памятниках Кавказа, и в первую очередь стратифицированными материалами, подобными таковым в Олдуве, Мелка Кунтуре или Убейдии, мы также не можем предложить достаточно обоснованный собственный вариант классификации этих орудий. Остается, таким образом, в той или иной мере следовать наиболее приемлемой из имеющихся схем. Таковой нам представляется классификация, предложенная Н. и Ж. Шавайонами [Chavaillon J. et N. 1981; 1988], которая отчасти близка системам М. Лики и Ж. Колинна-Жирар.

Классификация Шавайонов привлекает тем, что учитывает как морфолого-функциональные, так и морфолого-технологические аспекты, позволяя, как кажется, хотя бы приблизительно сопоставлять грубые рубящие орудия разных индустрий. Данная классификация построена по иерархическому принципу. На первом этапе орудия подразделяются по общей форме и позиции рабочего края, на втором — по технологии их получения, включая одностороннюю или двустороннюю обработку, а на третьем — по характеру лезвий. Поскольку, как было обосновано выше, мы считаем необходимым изначально подразделение чопперов и чоппингов, то меняем последовательность первого и второго этапов. Таким образом, предложенные Шавайонами подразделения по форме и расположению края прилагаются нами как к чопперам, так и к чоппингам.

Вначале выделяются однолезвийные и двулезвийные их разновидности. Первые включают боковые и концевые варианты, а также более специфические формы: долотовидные с зауженным рабочим краем и орудия на заготовках с искусственным усечением или обломом одного или обоих краев, что, видимо, связано с аккомодацией и предполагает более развитую технику. Двулезвийные формы подразделяются на двойные с несмежными и обычно противолежащими лезвиями, двойные с подперпендикулярными смежными (концевым и боковым) лезвиями и, наконец, двойные с конвергентно сходящимися и образующими острие лезвиями (à pointe). Особое место занимают орудия с про-

тяжелой (более 50 % края) беспрерывной или прерывистой оббивкой (*chopper* или *chopping périphérique*) (рис. 8). К ним можно отнести некоторые «дискоиды» М. Лики. По интенсивности двусторонней оббивки чоппинги такого рода, на наш взгляд, предвосхищают протобифас.

На следующем этапе характеризуется форма лезвий в плане и в профиль, их протяженность и угол, который, как прослежено, демонстрирует определенную корреляцию между хронологической позицией и техническим уровнем индустрий. Так, углы лезвий подобных орудий в Олдуве часто близки к 80—90°, а в ашельских комплексах уменьшаются до 60—70°.

Опираясь на эту классификацию, мы осознаем, что она является наиболее репрезентативной для ранних африканских материалов, для которых и разрабатывалась. Поэтому она не может, разумеется, охватить все возможные варианты форм и приемов отделки чопперов и чоппингов, встречаемые на протяжении палеолита в разных областях древней ойкумены. Множественность этих вариантов обусловлена рядом причин, включая разнообразие исходного сырья и заготовок, технические традиции, особенности стиля и т. п. Однако особую роль в подобной вариативности играет полифункциональность древнейших орудийных форм. В составе доашельских и ашельских чопперов и чоппингов, как нам кажется, можно наблюдать прообразы почти всех орудий, которые позже оформлялись на отщеповых заготовках. Если продолжить, например, рассмотрение выделенных выше остроконечных чопперов и чоппингов, то нужно учесть их варианты с двумя лезвиями, сходящимися не под острым, а под тупым углом (*chopper convergent*), или с незначительно выступающими остриями (*chopper à pointe peu dégagée*) [Texier 1985—1986, pl. VII—IX]. К этим формам примыкают разнообразные двулезвийные чопперы и чоппинги с клювовидными остриями, в том числе типа «*bes bipoint alterne*», встреченные в кавказских ашельских комплексах горы Яштух в Абхазии и в описываемой индустрии Кударо I. Своеобразны также чопперы и чоппинги «с носиком», отмеченные на том же Яштухе [Бердзенишвили 1979, т. XIII], а также в комплексах древних галечных орудий на местонахождениях Кумары I и Усть-Ту в бассейне Амура [Деревянко 1983, рис. 6: 12—14; Деревянко, Маркин, Васильев 1994: 165]. Что же касается поздних дериватов чопперов и чоппингов, характеризующихся довольно тщательной ретушной обработкой лезвий и отчасти сближающихся со скребками, то примерами их являются многочисленные образцы этих орудий в верхнем палеолите Енисея [Абрамова 1972: 125—141].

Таковы в целом изложенные вкратце авторские представления о подходах к морфолого-типологическому анализу чопперов и чоппингов. Более детально они будут продемонстрированы при анализе конкретных орудий.

3.6.2. Нуклевидные скребки

Эти орудия, о характерных чертах которых уже упоминалось выше, действительно представляют собой нук-

левидные изделия с хорошо выраженными скребковидными краями. Во франкоязычной археологической литературе их принято именовать *grattoir nucleiform* или *gabet*, в англоязычной — *core scraper* или *heavy-duty scraper*. Наряду с чопперами они относятся к одним из наиболее ранних и архаичных макроорудий, но, возникнув еще в доашельское время, прослеживаются на протяжении всего каменного века вплоть до неолита. Самые примитивные образцы с зазубренным благодаря грубой оббивке рабочим краем встречены в доашельских комплексах Олдува [Leakey 1971: fig. 22:1]. Наиболее многочисленны и вариативны они, как кажется в ашеле — прежде всего в Африканско-Ближневосточном регионе. В мустье и в верхнем палеолите подобные формы встречаются реже, смыкаясь с такими поздними дериватами, как массивные скребки на отщепах, лядевидные скребки (*grattoir caréné*) и массивные скребки с «плечиками» (*grattoir épais à museau*).

Единой общепризнанной дефиниции нуклевидных скребков в настоящее время не существует. Более того, в типологических словарях и руководствах, которые отражают специфику Европейского региона, доашельские и ашельские скребковые формы — их вариации и номенклатура — практически не рассматриваются [Bordes 1961; Leroi-Gourhan 1988; Debénath, Dibble 1994].

Рассмотрев различные дефиниции, мы склонны в основном опираться на определения нуклевидных скребков, предложенные на основании анализа африканских материалов [Leakey 1971; Clark and Kleindienst 1974] (рис. 9). Знакомство с нуклевидными скребками, выделенными в доашельском ансамбле из пещеры Аль-Гуза в Йемене [Амирханов 1991], а также собственный опыт выделения подобных орудий на материалах кавказских ашельских комплексов [Любин 1998] и сангоанских (верхнеашельских) индустрий из Кот д'Ивуара [Любин, Геде 2000] позволяет авторам предложить следующую формулировку их основных характеристик.

Нуклевидные скребки представляют собой массивные и высокие (*high backed*) орудия, отличающиеся очень крутой или отвесной оббивкой края, нанесенной от плоской вентральной стороны предмета на протяжении части ее периметра или всего периметра. Главные вариации скребков связаны с видом исходного сырья, формой и размерами заготовки и характером рабочего края (контуры и угол наклона, тип и распространенность оббивки и, порой, дополнительной ретушной обработки).

Исходным сырьем повсеместно являлся подходящий подручный материал (кварц, кварцит и лавовые породы в Олдуве, известняк, базальт и кремь в Убейдии, кристаллизованный известняк в Аль-Гузе, кремь в Латамне, сланец и песчаник в Кударо I) в виде брусковидных или аморфных кусков, галек и желваков — цельных или расколотых, а также — реже — крупных отщепов. При всем разнообразии пород все заготовки должны были обладать, по крайней мере, одной плоской поверхностью. Именно поэтому всюду, где это было возможно (Олдувай, Латамна, Кударо I), намеренно, как представляется, отбирались плоско-выпуклые или двоякоплоские гальки и желваки либо плитчатые

(tabular) и брусковидные куски с плоскими поверхностями, образующимися в результате кливажа — расщепления породы по плоскостям спайности или вторичным трещинам. В силу этого нижние плоские поверхности нуклевидных скребков, от которых производилась крутая оббивка, часто были покрыты коркой или являли собой плоскость естественного раскола. В ином случае эта плоская поверхность получалась путем искусственного раскалывания. Крутизна рабочих краев нуклевидных скребков, как правило, достигает 80—90°, а при сильном износе кромки лезвия может достигать 100—110°. Макроследы их износа, как и у прочих скребков, располагаются на верхней, обработанной стороне рабочего края, что связано с кинематикой работы этими орудиями [Филиппов 1983: 47—49].

Существуют разные мнения о допусках касательно размеров нуклевидных скребков. Согласно Дж. Д. Кларку и М. Кляйндист, размеры большинства их превышают 10 см [Clark and Kleindienst 1974], а М. Лики понижает нижний предел до 5 см [Leakey 1971]. Заметим, что ранее сам Кларк считал возможным отнести к нуклевидным скребкам орудия размером 3—5 см [Clark 1967: 37]. В целом, однако, в доашельских и ашельских комплексах в подавляющем большинстве случаев нуклевидные скребки бывают довольно крупными и массивными.

Наиболее распространены однолезвийные формы этих артефактов — концевые и боковые, с прямым, выпуклым или — реже — вогнутым рабочим краем. Более редки скребки округлой формы с оббивкой части периметра (discoidal) или всей окружности (circular) (см., например: [Любин, Геде 2000: рис. 54: 2; 58: 1]). Последние бывают двоякоплоскими в поперечном сечении или плоско-выпуклыми, порой даже конусообразными, что отражено в выделении скребков типа «tea-cosy» (чехольчик для чайника) (рис. 9: 4). Свообразны так называемые «push-planes» (рубанки), имеющие подпрямоугольные очертания и оббивку боковых краев в дистальной половине орудия. Среди нуклевидных скребков с двумя рабочими краями Дж. Д. Кларк и М. Кляйндист выделяют двойные боковые (double side) и продольно-поперечные (side and end), рабочие лезвия которых лежат в одной плоскости, а также двойные с рабочими лезвиями в разных плоскостях (double side bevel based) [Clark and Kleindienst 1974: 97, fig. 13]. Крайне редкой, как кажется, разновидностью являются тройные скребки с разными вариантами взаиморасположения лезвий (three scraping edges) (рис. 9: 1).

Касаясь географического распространения этих орудий, отметим, что в раннем палеолите Европы нуклевидные скребки практически отсутствуют [Debénath, Dibble 1994: 115], в то время как в доашельских и ашельских индустриях Африки они занимают весьма видное место [Leakey 1971: 9, 31, 44, 81, 102, 124, 153, 192, 211, fig. 22, 27, 89, 90; Любин, Геде 2000: рис. 44—47, 54, 57, 58]. В доашельских и ашельских индустриях Олдувая, в частности, нуклевидные скребки составляют 4,7—8,7 % всех орудийных форм [Leakey 1971]. Примечателен тот факт, что вне Африки, судя по современным данным, подобные орудия отмечены как будто

только в доашельских и ашельских индустриях Западной Азии: в Йемене (пещера Аль-Гуза), в Израиле (Убейдия), в Сирии (Латамна) и на Кавказе (пещеры Кударо I, Азых, Треугольная, местонахождения Яштух и Кинжал). Подобная картина распространения этих изделий позволяет предположить, что продвижение носителей индустрий с нуклевидными скребками происходило непосредственно вдоль африкано-сирийского рифта, дальняя северная оконечность которого обозначена лавовыми покровами и вулканами Анатолии и Транскавказского поперечного поднятия [Любин 1998: 8—9, рис. 2; Lioubine 2002: 10—11, fig. 2]. Таким образом, вновь подтверждается высказанная ранее одним из авторов гипотеза о ближневосточно-африканских корнях кавказского ашеля [Любин 1998].

3.6.3. Пиковидные (киркоподобные) орудия

Хотя термин «пик» используется многими исследователями доашельских и ашельских индустрий [Kleindienst 1962; Leakey 1971; Clark and Kleindienst 1974; Isaac 1977; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993], устойчивого общепринятого определения его в литературе не существует. Большинство авторов сходятся лишь в том, что это макроорудие отличается массивным заостренным концом или двумя такими концами и, в особенности, очень массивным сечением подтреугольной или подчетыреугольной формы, отчего параллельно применяется название «триэдр» или «квадриэдр» [Balout, Biberson, Tixier 1967; Leroy-Prost, Davaois et Leroy 1981; Baccar, Vandermeersch 1988; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993]. Более того, некоторые исследователи склонны рассматривать квадриэдры и, в особенности, триэдры отдельно от пиков как самостоятельные типы макроорудий [Isaac 1977; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993]. Ни одно из этих понятий, однако, не было включено в наиболее популярный преисторический словарь под редакцией А. Леруа-Гурана [Leroi-Gourhan 1988]. Возможно, что наряду с расхождениями в определениях, в этом сыграло свою роль и мнение Ф. Борда о том, что пики представляют собой одну из разновидностей неклассических бифасов, или рубил [Bordes 1961]. Подобное заключение противоречит сложившемуся у исследователей африканских индустрий мнению о том, что эти орудия относятся к разным субкатегориям: пики — к Heavy duty tools, а рубила — к Large cutting tools [Kleindienst 1962; Clark and Kleindienst 1974; Isaac 1977]. Правда, с легкой руки Ф. Борда, пики стали относить к разряду бифасов даже при описании доашельских и ашельских индустрий Олдувайского ущелья в Восточной Африке [Leakey 1971], а также имеющих явные африканские корни раннеашельских комплексов израильской стоянки Убейдия [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993].

Причина смешения пиков с бифасами, или рубилами, лежит, по-видимому, в акцентировании внимания на тех признаках, которые действительно не могут быть использованы для четкого разграничения этих форм. Рубила, которые можно вкратце охарактеризовать как полностью или частично двусторонне обработанные макроорудия с двумя сходящимися на дистальном кон-

це боковыми лезвийными краями (подробнее — в следующем разделе), порой имеют весьма массивное поперечное сечение, форма последнего может иногда быть и треугольной и даже подчетырехугольной. Первая отмечается у так называемых «трехгранных бифасов» (*tri-hedral biface* или *biface à pointe triédrique*), одна из сторон которых является двускатной с хорошо выраженным срединным ребром. Подчетырехугольное сечение может наблюдаться либо в виде «сплюснутого» ромба при двускатности обеих сторон, либо в виде параллелограмма, отражающего наличие более коротких и крутых граней-площадок, с них производилась встречная уплощающая обработка более широких граней (принцип нуклеуса типа Джрабер). Таким образом, если опираться только на форму сечения и массивность, то становится понятной логика Ф. Борда, трактовавшего пики как бифасы с очень массивным подтреугольным или подчетырехугольным поперечным сечением [Bordes 1961: 69]. Любопытно, что Г. Айзек, традиционно относивший пики и рубила к разным субкатегориям, одновременно указывал на тесную связь этих орудийных форм. Он выделял *picklike handaxes*, или пикоподобные рубила, являющиеся переходной формой от рубил к «настоящим пикам» [Isaac 1977: 120, fig. 40], которые различаются Айзеком по пропорциям поперечного сечения. Настоящие пики характеризуются, по его мнению, примерным равенством толщины и ширины сечения, а пиковидные рубила имеют толщину, не превышающую 2/3 ширины [Isaac 1977: 236]. Отдельно, как уже отмечалось, он выделяет еще и триэдры — как переходную по массивности, хотя без указания точных значений, форму от пиковидных рубил к пикам. Заметим, что Ф. Борда тоже писал о переходной форме от обычных бифасов к пикам, отдавая эту роль упомянутому выше *biface triédrique* [Bordes 1961: 69].

Еще дальше пошли исследователи Убейдии, подразделив массивные «бифасы» этой индустрии только на основе формы сечения. На этом основании были выделены триэдры и квадриэдры с соответствующими формами сечения, а также пики — с «полигональным» или «иррегулярным» сечением [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 144—145]. Интересно, что И. Гилад, описавший в этой же работе материалы одного из слоев — I—15, выделяет там как пики с треугольным сечением, так и триэдры, отличающиеся сплошной обработкой всех трех сторон (в дистальной части) [Gilead 1993: 105]. Другие авторы продолжают выделять триэдры по форме сечения, но следующим по важности критерием также считают обработку его сторон. Три французских исследователя, опиравшиеся на материалы Магриба и Сахары, учли буквально все мыслимые варианты оформления каждой из трех граней этих орудий (наличие оббивки, нанесение сколов с той или иной грани-площадки) и их сочетания, выделив в результате 6 типов, 15 подтипов и 57 моделей триэдров [Lerooy-Prost, Davois et Lerooy 1981: 293—299]. В Убейдии на сходных основаниях было выделено 15 вариантов триэдров [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 152—153, fig. 72]. Поскольку при таком подходе критерий степени массивности сечения отходит, как отмечалось, на второй план, по-

стольку порой в группу триэдров помещают как орудия с сечением, приближающимся к равностороннему треугольнику, так и изделия типа *biface triédrique*.

На наш взгляд, все упомянутые разработки объединяет один существенный недостаток, а именно невнимание к характеру орудийных и аккомодационных элементов. Как было обосновано ранее, наиболее целесообразным принципом выделения основных разновидностей палеолитических каменных орудий является морфолого-функциональный. Это подразумевает их разграничение в связи с сочетанием и взаиморасположением на заготовке рабочих и аккомодационных элементов, позволяющим говорить об определенных «моделях». Что касается рубил и пиков, то наш собственный опыт изучения западноафриканских позднеашельских (сангоанских) комплексов с территории республики Кот д'Ивуар [Любин, Геде 2000] показал, что здесь довольно четко выделяются, с одной стороны, конвергентно-лезвийные двусторонне обработанные орудия типа рубил, а с другой — превосходящие последние по массивности орудия с массивным рабочим концом без выраженных боковых лезвий, отвечающие традиционным представлениям о пиках. Хотя данная коллекция характеризует лишь западноафриканские позднеашельские материалы, ограниченные в пространственном и хронологическом отношении, она позволила, на наш взгляд, подтвердить действенность морфолого-функционального подхода при разграничении ручных рубил и пиков. Ознакомившись с доступной литературой, где описываются и изображаются образцы макроорудий, причисляемых к пикам, триэдрам или рубилам, мы укрепились во мнении, что наряду с большой массивностью сечения отличительной чертой пиков следует считать тип рабочего элемента.

Опираясь на анализ ивуарийских сангоанских коллекций и литературных источников, мы предлагаем следующую генерализованную дефиницию пиков. Это тяжеловесные орудия с массивными корпусами (толщина поперечного сечения часто мало уступает ширине), единственным рабочим элементом которых являются специально оформленные мощные и зауженные дистальные концы. Их завершение чаще всего имеет острый характер, но порой может быть узколезвийным или скребковидным. Круто оббитые ребра между гранями корпуса лишены приострения и следов работы и не являлись намеренно изготовленными рабочими лезвиями. Они возникли в результате оконтуривания корпусов, придания им удобной для захвата формы, а потому связаны с аккомодацией, а также с технологией изготовления этих орудий, поскольку являются ребрами между оббиваемыми гранями, служившими то площадками, то поверхностями скалывания. Далее пики могут подразделяться по форме поперечного сечения — подтреугольной (триэдры), куполообразной, подчетырехугольной (квадриэдры) или полигональной, а также по позиции дистальных элементов — централизованной или смещенной в плоскость одной из сторон, обычно более широкой. Необходимо, разумеется, учитывать и метрические характеристики и способ оформления каждой из сторон.

При классификации ивуарийских пиков были выделены две основные их разновидности: 1. Орудия с массивным подчетыреугольным или полигональным поперечным сечением и более или менее хорошо центрированным, то есть расположенным в геометрическом центре сечения дистальным рабочим элементом типа трех- или четырехгранных острий-«бойков» или узких поперечных лезвий; 2. Орудия с плоско-выпуклым подтреугольным или куполообразным поперечным сечением и рабочими элементами, расположенными в плоскости наиболее широкой стороны и имеющими характер мощных трехгранных дистальных острий (преимущественно у триэдров), узких лезвий или же скребковидных завершений [Любин, Геде 2000: 32—34, рис. 10: 1, 2] (рис. 10).

Очевидно, что при изучении других коллекций с пиковидными орудиями могут быть выделены дополнительные или же отличные по сочетанию основных коррелирующих признаков разновидности этих изделий. Так, например, в восточноафриканских материалах и в Убейдии присутствуют двуконечные пики, пики с изменяющейся формой сечения (квадриэдр-триэдр) и т. п. В любом случае, на наш взгляд, следует учитывать комплекс признаков, обязательно включающих характер и взаиморасположение рабочих и аккомодационных элементов в связи с общей формой орудия, а не опираться только на форму сечения. Термины «квадриэдр» и «триэдр» уместнее употреблять для обозначения соответствующих форм сечения пиков, а не особых орудийных типов (рис. 11: 3, 4). Заметим, кстати, что при описании материалов Убейдии триэдрами часто именовались изделия с весьма далекими от треугольной формами поперечных сечений [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993, fig. 17: 1, 3; 29; 33: 2, 3].

Предложенная дефиниция пиков, подчеркивающая их отличия от ручных рубил, отнюдь не означает, что мы отрицаем возможность существования переходных форм, о которых писал Г. Айзек и которые в той или иной мере присущи ашельскому орудийному набору в целом [Isaac 1977]. Так, при описании сангоанских пиковидных орудий была выделена такая переходная форма, сочетающая черты пиков (подчетыреугольное сечение базальной половины массивных корпусов + центрированное относительно этого сечения острие) и ручных рубил (приостренные боковые лезвия в дистальной половине орудия, имеющей сечение в виде низкого треугольника) [Любин, Геде 2000: 34, рис. 10: 3] (рис. 10: 3). Переходные формы встречаются, судя по иллюстрациям, и в Убейдии [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993, fig. 28: 1]. В то же время, существование таких смешанных орудийных форм несколько не противоречит выделению пиков и рубил как самостоятельных классов ашельских макроорудий. Они создавались по различным моделям, имели различные конструктивные элементы и разное функциональное назначение — преимущественно ударное у пиков и режуще-рубящее у рубил.

Согласно описанию типологического состава индустрий Олдувая, пики как таковые впервые выделяются в раннем ашеле [Leakey 1971: 125, 132, 139]. Судя по ри-

сункам, не исключено, однако, что на самом деле подобные орудия появились уже в олдованских уровнях (см., например: [Leakey 1971, рис. 43: 1]). Во всяком случае, их рудиментарные формы в доашельских ансамблях можно усмотреть, как нам кажется, в немногочисленных «протобифасах» или двусторонне обработанных остроконечных чопперах (pointed choppers) с субтреугольным или грубо четырехугольным (roughly quadrilateral) поперечным сечением корпусов и массивными острыми или закругленными дистальными концами [Leakey 1971: 5, 72, 93].

Повышенное внимание к этим архаичным, безусловно ашельским, макроорудиям объясняется тем обстоятельством, что они могут играть роль важных пространственно-хронологических и культурных маркеров. Наиболее ранние формы их, как отмечалось, известны только в Африке (Олдувай). В Африке же они широко распространены на протяжении всего ашеля. Совсем иная картина наблюдается в Европе, где пики зафиксированы в среднем ашеле — в небольшом количестве и на крайнем юго-западе континента [Raposo, Santonja 1995, fig. 5: 8, 9]. Зато в Леванте, который имел тесные сухопутные связи с Африкой, пики-триэдры были распространены, по данным Ф. Урса, на протяжении раннего ашеля (Убейдия) и раннего среднего ашеля (Джуб-Джаннин II, Латамна, Абу Кемаль, Дейр-ез-Зор и др.), но исчезают в среднем/позднем ашеле [Hours 1975: 259]. Единичные среднеашельские пики-триэдры встречаются также в юго-восточном углу Турции близ г. Газипантеп, в 20—30 км от сирийской границы [Minzoni-Deroche et Sanlaville 1990: 87—98, fig. 4: a, b]. Этот район является, по существу, продолжением наиболее заселенной в ашеле сирийско-ливанской центральной депрессии [Hours 1975: 261, 262]. Далее к северу, в обширных горных районах Восточной Анатолии и на Кавказе, пики до сих пор не обнаруживались. Восточная Анатолия, правда, пока мало исследована [Любин 1957: 71—90; Taskiran 1998: 569—577], но кавказский ашель представлен многими ансамблями. Отсутствие в них пиковидных форм можно рассматривать, на наш взгляд, в первую очередь как хронологический показатель: носители ашельских индустрий явно проникли на Кавказ с юга, но, по всей видимости, не ранее второй половины среднего ашеля [Любин, Беляева 2001] *.

4.6.4. Ручные рубила

Эта категория раннепалеолитических орудий, как известно, была распознана и описана ранее прочих, еще в XVIII—XIX вв. [Brézillon 1971: 246—247; Debénath and Dibble 1994: 139]. Обозначающему их английскому термину handaxe изначально соответствовали французские аналоги hache или coups-de-poing, которые впоследствии дополнило, а затем и практически вытеснило

* Неожиданное обнаружение в 2002—2003 гг. двух своеобразных пиков с массивными четырехгранными дистальными концами на ашельском местонахождении на горе Кинжал в Центральном Предкавказье (Пятигорье) может, однако, привести к корректировке этого вывода.

название *biface* [Vayson de Pradenne 1920: 466; Bordes 1961: 49; Brézillon 1971: 149—151]. Если суммировать различные дефиниции, то эти изделия определяются как макроорудия, изготовленные из блоков породы или крупных отщепов и оформленные с помощью частичной или сплошной двусторонней обработки таким образом, что они приобретают линзовидное поперечное сечение и удлиненную в плане форму, края которой на большей части периметра являются лезвийными, а один из концов заужен и часто в той или иной степени заострен [Bordes 1961: 49; Isaac 1967; Tavoso 1978; Roe 1981: 74; Ранов 1988: 48; Debénath, Dibble 1994: 130]. Термины *handaxe* и *biface* обычно рассматриваются как синонимичные [Isaac 1977: 235; Ранов 1988: 47], однако каждый из них несет, очевидно, свою семантическую нагрузку, делающую акцент либо на морфолого-функциональных аспектах, либо на технических, то есть связанных с характером обработки. Как отмечают авторы последнего справочника по палеолитической типологии А. Дебенат и Х. Диббл, предпочтение, отдаваемое многими исследователями термину *biface*, связано как раз с тем, что он лишен функциональной окраски, свойственной названию *handaxe* — «ручное рубило» [Debénath, Dibble 1994: 130].

Однако, на наш взгляд, целесообразность такого выбора весьма спорна. Как уже отмечалось, сам принцип выделения орудий предполагает главенство не технических, а именно морфолого-функциональных критериев. Использование же термина «бифас», отражающего в первую очередь способ обработки, чревато смешением отличных по своим орудийным характеристикам изделий. Неслучайно Ф. Борд, воспринявший и популяризовавший именно этот термин, указал на затруднения при разграничении бифасов и двусторонне обработанных скребел кина, а также листовидных форм. С другой стороны, крупные орудия с конвергентными боковыми лезвиями, образующими при схождении острый конец, могли изготавливаться и при помощи минимальной двусторонней обработки. Это наблюдается, например, в Африке, где в качестве заготовок часто применялись крупные отщепы. Для таких орудий, как пишет А. Алиман, «...термин „ручное рубило“, вероятно, более подходит, чем „бифас“» [Алиман 1960: 14]. Д. Роу в качестве основного признака этих макроорудий называл прежде всего протяженные лезвия, занимающие обычно большую часть их периметра. Бифасиальная обработка отмечается им как существенный, но все же распространенный в разной мере признак [Roe 1981: 74].

На наш взгляд, широкое использование термина «бифас» даже англоязычными авторами [Leakey 1971; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993; Roe 1994] имеет скорее субъективные причины — авторитет типологических разработок французской палеолитической школы и лично Ф. Борда. Последние же опирались на западноевропейские, главным образом французские ашельские памятники, где подобные орудия изготавливались преимущественно из блоков породы и поэтому оформлялись, как правило, с помощью интенсивной двусторонней обработки. В ашеле Кавказа, и в частности в кудар-

ской индустрии, орудия такого рода, как и в Африке, довольно часто делались на отщепах и подвергались лишь частичной, а порой и крайне незначительной двусторонней обработке [Любин 1998: 172]. С другой стороны, в данной индустрии имеются бифасиальные орудия иного облика — мелкие «рубильца» и листовидные орудия. Это обстоятельство укрепляет нас во мнении, что рассматриваемую категорию макроорудий целесообразнее именовать не бифасами, а ручными рубилами, тем более что в смысловом отношении этот термин стоит в одном ряду с общепринятыми наименованиями других групп ашельских макроорудий (чопперы, кливеры, нуклевидные скребки).

Итак, мы выделяем в качестве ручных рубил макроорудия удлиненной формы с более или менее протяженными лезвиями на боковых краях, которые сходятся на дистальном конце, образуя острие либо выпуклый либо прямой лезвийный участок (рубил с поперечным лезвием). Подобное орудие оформляется путем частичной или полной двусторонней обработки, интенсивность которой зависит от формы, размеров и пропорций используемой заготовки. В качестве заготовки могут быть использованы отщеп, плитчатый обломок породы, желвак, галька и т. п. Учитывая параметры орудий кударской индустрии, мы опускаем нижнюю условную границу класса рубил по длине от 10 см, характеризующих все классы категории *Large cutting tools* [Kleindienst 1962], до 7 см, что также является широко принятым рубежом [Brézillon 1971: 156]. Однако при этом мы отграничиваем орудия длиной 7—10 см от более крупных, выделяя, соответственно, две группы рубил. Частично или полностью двусторонние орудия сходной формы, но не достигающие размера 7 см, рассматриваются в качестве рубилец, а бифасиальные изделия небольшой толщины с особенно узкими и удлиненными пропорциями (длина/ширина > 2) — в качестве листовидных орудий.

Что касается методики классификации рубил, то мы, как и большинство исследователей, имеющих дело с классификацией рубил, склонны в целом опираться на типологию Ф. Борда [Bordes 1961] — несмотря на заявленную ранее ориентацию на разработки, связанные с африканскими и ближневосточными материалами. Дело в том, что разработанная на африканских материалах типология Клейндинст—Кларка [Kleindienst 1962; Clark, Kleindienst 1974] является, по существу, вторичной по отношению к обобщенным Бордом типологическим разработкам французской школы. Эти два автора выделяют сходные варианты формы рубил, но в меньшем количестве (10 вариантов) и без обоснований их разграничения. Нельзя не заметить также, что, судя по рисункам, часть орудий типа грубых массивных рубил оказалась здесь в составе других классов орудий — уже рассматривавшихся нами выше пиков и неоправданно, как представляется, выделенных *core-axes* [Любин, Геле 2000: 27—28, 30—31]. Другие исследователи раннепалеолитических индустрий Африки и Ближнего Востока классифицируют рубила либо в духе схемы Клейндинст и Кларка [Leakey 1971; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1973], либо модифицируют типологию Ф. Борда [Sanlaville et al. 1979; Muhesen 1985].

Своеобразный подход к анализу рубил демонстрирует, наконец, Д. Роу, разработавший свою методику на ашельских коллекциях Англии [Roe 1964; 1968]. В основе его методики лежат измерения и индексы, сходные с предложенными Бордом, однако результаты анализа воплощаются не в тип-листе, а в диаграммах. Вариации форм здесь лишь показаны, но практически не описаны и не названы. Фактически речь идет о модели непрерывной вариабельности форм рубил от заостренных (pointed) до овальных (ovate). Такой подход был с одобрением воспринят Г. Айзеком, который рассматривал весь комплекс ашельских орудий как систему взаимосвязанных и переходящих друг в друга форм [Isaac 1967; 1977]. Отчасти с этим можно согласиться, однако для описания и сравнительного анализа орудий необходимо рассматривать их дискретно, в связи с определенными типологическими понятиями. К сожалению, Роу и в дальнейшем развивал свой метод лишь в его статистико-математической, но не типологической ипостаси. В результате проделанный им анализ рубил из относимых к развитому олдовану и ашелю комплексов Олдувая выразился в массе графиков, а также таблиц, показывающих распределение отдельных признаков, но так и не дал ответа на вопрос, какие же формы рубил и в каких соотношениях присутствуют в каждом из рассмотренных комплексов [Roe 1994]. Крайним развитием такого подхода можно считать атрибутивный анализ рубил Олдувая и Штеркфонтейна, выполненный при помощи сложных математических методов Д. Стайлзом [Stiles 1980]. Помимо отсутствия внятного типологического описания смущает и качество положенных в основу подобных исследований баз данных. Как отмечалось выше, атрибутивный анализ каменного инвентаря предполагает возможность полноценного описания орудий через объективную фиксацию большого комплекса признаков, что едва ли достижимо для большей части ашельских изделий (разная сохранность, морфологическая невыразительность и т. п.).

Во всяком случае, очевидно, что для рубил кударской индустрии, которые немногочисленны и среди которых немало незаконченных, фрагментированных или сильно окатанных форм, статистико-математический анализ такого рода совершенно неприменим. Невозможна и выработка на данных материалах локальной исследовательской типологии. Разработка такой типологии требует наличия достаточно больших коллекций, позволяющих проследить как разнообразие, так и повторяемость морфологических характеристик. В кударской же индустрии количество рубил слишком мало, а вариабельность их слишком велика в зависимости от типов сырья и заготовок, чтобы можно было выделять среди них характерные и устойчивые морфологические разновидности, или подлинные типы. В любом случае — возможно создать такую конкретную типологию или нет — необходимо, как говорилось выше, выразить изучаемый набор орудий в терминах служебной типологии, чтобы иметь инструмент для сравнения.

Используя в качестве таковой типологию Борда, мы принимаем ее лишь в той мере, в какой она приложима к анализируемому материалу и не противоречит его

особенностям. Как справедливо отмечают Р. Шильд и Ф. Вендорф, «...система, предложенная Бордом и затем принятая многими, не является панацеей, что касается бифасов... классификация Борда была, прежде всего, набором направляющих линий, по которым должны развиваться индивидуальные таксономии» [Shild, Wendorf 1977: 21]. Начнем с весьма актуального вопроса о частичных бифасах. Как уже говорилось выше, для данной индустрии характерна значительная доля частично двусторонне обработанных рубил на отщеповых заготовках. Они составляют около 85 % всех подобных орудий. Как правило, такие рубила в целом отличаются от полностью бифасиальных форм менее массивным и порой плоско-выпуклым поперечным сечением, однако какого-либо разграничения между первыми и вторыми по форме в плане нет. Исходя из этого факта и изложенных выше общих принципов, мы не будем следовать Борду, обособившему частичные бифасы в числе неклассических, которые не подразделялись им по форме и пропорциям, подобно классическим [Bordes 1961]. На наш взгляд, необходимо описывать и определять общую форму, приданную ручным рубилам, независимо от того, являются ли они частичными или полными бифасами. Заметим, что подобной точки зрения придерживался, очевидно, и М. Брезийон. В таблице, призванной обобщить выделяемые Бордом типы бифасов, Брезийон распространил почти все варианты классических форм и на частичные бифасы [Brézillon 1971: 153].

Следует подчеркнуть также, что под названием «неклассических» Ф. Борд объединил весьма разнородные орудия: кроме частичных бифасов туда попали бифасы неправильной, или трудноопределимой, формы, орудия переходные к скреблам и нуклеусам и даже пики. С другой стороны, выделяемые им среди «классических» бифасов типы учитывают отнюдь не все возможные варианты правильных и устойчивых форм этих изделий. В результате при анализе материалов из других регионов, и в частности кавказского, приходится относить к неклассическим некоторые рубила с достаточно выдержанными очертаниями, но не попадающие ни в один из описанных классических типов. Остается и вопрос о том, как классифицировать рубила, лишь отчасти сопоставимые с определениями этих типов. Заметим, забегая вперед, что в кударской ашельской индустрии возможно соотнести с «классическими» бифасами лишь 6—7 из 63 выделенных здесь ручных рубил.

Спорным является и другое, предложенное Ф. Бордом, подразделение ручных рубил на массивные и плоские. Мы учитываем его, но хотим обратить внимание на то, что порой оно буквально разрывает сходные по очертаниям в плане рубила: при превышении порога массивности сердцевидные относятся уже к миндалевидным, а субтреугольные — к копьевидным. Между тем, значение отношения ширина/толщина, равное 2,35, введенное Бордом в качестве условной границы между этими группами, по признанию автора, было выбрано случайным образом, на основании визуального восприятия нескольких консультантов [Bordes 1961: 55—56]. Другой вариант разграничения, выбранный, очевидно,

также субъективно, был позднее предложен Д. Роу — отношение толщина/ширина, равное 0,5 [Roe 1964]. Плавное изменение данного индекса и отсутствие объективных критериев для проведения границы побудило некоторых исследователей даже вовсе отказаться от такого подразделения [Shild, Wendorf 1977: 32].

Однако преобладает все же стремление к некоему разграничению массивных и плоских рубил, что связано, видимо, с представлением о корреляции показателя массивности, или уплощения, со степенью развития техники обработки этих орудий, а следовательно, косвенно и с их относительной хронологией [Malvesin-Fabre 1948]. Недаром индекс массивности даже называют *refinement indice* [Roe 1964: 1968]. Д. Гиллад [Gilead 1970], а вслед за ним и другие исследователи [Bar-Yosef 1975; Isaac 1975] отмечают довольно четкую тенденцию к уменьшению длины бифасов и их массивности от более ранних памятников, начиная с Олдуая, к более поздним — вплоть до верхнеашельских индустрий Леванта. Такая корреляция, казалось бы, подтверждает важное хронологическое значение индекса массивности. Однако феномен среднеашельских бифасов Гешер Бенот Йаакова, которые по средней длине хорошо укладываются в диапазон, характерный для ранне- и среднеашельских индустрий (13,5—16,7 см), а по индексу массивности близки группе позднеашельских индустрий Леванта, заставляет обратить внимание на фактор сырья и форму заготовок. Эту аномалию упомянутые исследователи единогласно объясняют уникальным для Ближнего Востока характером заготовок рубил в данной индустрии: в ней использовались преимущественно базальтовые отщепы, а не желваки и обломки кремня, как в подавляющем большинстве остальных раннепалеолитических памятников Леванта. Аналогичное заключение о явной связи индекса массивности рубил с типом их заготовок можно сделать и на других примерах. Так, более древние ашельские рубила Олдуая, которые изготавливались преимущественно на крупных отщепах из лавовых пород, а также кварцита [Callow 1994: 253], менее массивны, нежели более поздние орудия этого типа из Убейдии и даже Латамны. Большинство ашельских комплексов Кавказа, включая кударскую индустрию, демонстрируют заметно меньшую в среднем массивность рубил, чем даже самые поздние, финально-ашельские индустрии Леванта, что вновь объясняется широким использованием в первых отщеповых заготовках из лавовых пород или сланцев.

Таким образом, имеются определенные трудности с применением некоторых используемых в типологии Борда критериев к ручным рубилам из тех комплексов, где применялись некремневые породы и было широко развито использование отщепов. В то же время, что касается подразделения рубил по форме в плане, разработки Борда оказываются, на наш взгляд, все же более приемлемыми, нежели прочие. Ф. Борд, напомним, не столько выделил, сколько упорядочил на основе метрических параметров уже выделявшиеся ранее его предшественниками разновидности рубил — в общей сложности около 20 типов [Brézillon 1971: 149—155; Farizy 1988: 128]. В основе этой типологии, следовательно,

лежат весьма обширные, хотя и ограниченные в региональном отношении коллекции, а также огромный коллективный опыт. Можно спорить о том, насколько предложенные Бордом метрические критерии (отношение ширины в середине длины бифаса к максимальной ширине (n/m) и отношение его общей длины к расстоянию от базы до участка с максимальной шириной (L/a))* позволяют четко разграничить основные варианты формы рубил в плане — треугольные, субтреугольные (копьевидные), сердцевидные (миндалевидные) и овальные [Bordes 1961, fig. 7]. Однако найти адекватную замену этим подразделениям, очевидно, трудно. Недаром аналогичные, в общем, формы выделялись и среди африканских рубил [Kleindienst 1962; Howell, Clark 1963; Mason 1969; Clark, Kleindienst 1974] и среди ближневосточных [Gilead 1970; Sanlaville et al. 1979].

Итак, типологические определения кударских рубил даются, насколько это возможно, на основе сопоставления с типами бифасов, установленными Бордом [Bordes 1961]. Выделяя те же основные варианты формы рубил в плане — треугольные, субтреугольные (копьевидные), сердцевидные (миндалевидные) и овальные, мы прилагаем их, однако, как к частичным, так и к полным бифасам. Аналогично рассматриваются и единичные обушковые рубила, которые не выделяются здесь особой асимметрией в плане. Отмечая наличие обушковых форм, мы не следуем авторам, обособляющим их от прочих рубил и относящим к «ножам» [Kleindienst 1962; Clarke, Kleindienst 1974]. При отступлении от названных вариантов формы указывается степень приближения к ним (например, «грубо подсердцевидное рубило»), а при полной невозможности такого сопоставления дается иное определение, наиболее близко отражающее очертания (например, «подпрямоугольное»). Большое внимание уделяется детальному анализу морфологических характеристик каждого орудия — с акцентом на изучении технико-технологических аспектов (выбор заготовки, приемы оформления орудия в целом и, в особенности, рабочих и аккомодационных элементов).

4.6.5. Кливеры и рубила с поперечным лезвием

Англоязычный термин «cleaver» (топор-дровокол) и франкоязычный термин «hachereaux» (топорик) используются для наименования орудий, объединяемых наличием дистального поперечного лезвия (*outils à tranchant transversal*). Среди артефактов, в названиях которых фигурируют эти термины, выделяются, по меньшей мере, четыре разновидности: 1) топоробразные отщепы (cleaver flakes, или *eclat-hachereaux*); 2) топоровидные орудия на отщепах (*hachereaux sur éclat*, или *flake cleavers*); 3) топоровидные ручные рубила с поперечным

* Д. Роу предложил сходные, хотя несколько иные и, возможно, более показательные характеристики формы рубил: L_1/L (соответствует a/L Ф. Борда), B/L (m/L) и B_1/B_2 (отношение ширины в 1/5 длины от дистального конца к ширине в 1/5 длины от базального конца).

лезвием (*hachereaux-bifaces*, или *cleaver-like bifaces*); 4) ручные рубила с узким совковидным дистальным концом (*ultra-convergent cleavers*, или *chisel-ended hand axes*). Первая и последняя разновидности обычно исключаются из числа топоровидных орудий. Первая — из-за того, что топоровидные отщепы, форма которых и острый поперечный дистальный край предопределялись особой оббивкой нуклеуса, являлись лишь потенциальными кливерами [Van Riet Lowe 1952: 58; Isaac 1977: 23; Ранов 2001: 322]. Последняя же форма отвергается на основе распространенного представления о том, что кливером можно называть лишь те орудия с поперечным лезвием, ширина которого составляет не менее половины максимальной ширины всего предмета [Isaac 1977: 236].

Что касается второго и третьего вариантов, то они рассматриваются преисториками неоднозначно. Некоторые объединяют и те и другие в единую группу топоровидных орудий — кливеров (*cleavers*, или *hachereaux*) [Isaac 1977: 236; Cranshaw 1983; Roe 1994: 152—153]. Однако большинство [Biberson 1954; Tixier 1957; Bordes 1961; Guichard J. et G. 1966; Balout, Biberson et Tixier 1967; Chavaillon 1988; Debénath, Dibble 1994; Ранов 2001] рассматривают их как два самостоятельных класса, называя кливерами лишь топоровидные орудия на отщепах. На первый взгляд кажется, что морфолого-функциональный принцип выделения орудийных классов должен склонять нас к первой точке зрения. Однако, как и в случае с чоплерами и чоппингами, характер заготовок и обработки привели здесь к слишком существенным различиям между моделями этих орудий, чтобы можно было объединять их в один класс.

Кливеры на отщепах изготавливались на крупных сколах с острым поперечным дистальным краем-лезвием, лишенным вторичной обработки. Крупные размеры обеспечивались благодаря использованию некремневого сырья — кварцита, песчаника или лавовых пород, блоки которых имели соответствующие габариты. Отщепы-заготовки, снимаемые с этих блоков, могли быть первичными (краевыми), имеющими ограничение спинок или бивентральными (техника Комбева). Они могли быть удлиненными или, напротив, укороченными, поперечными (техника Виктория-Вест), когда лезвием становился короткий боковой край исходного отщепа. Поперечное сечение кливеров на отщепах в зависимости от заготовки и отделки было двояко-плоским, плоско-выпуклым, подтреугольным или линзовидным (Комбева). Вторичная отделка, не затрагивающая, как подчеркивалось, поперечного лезвийного края, была, как правило, незначительной. Наблюдается лишь краевая или малораспространенная оббивка-ретушь на боковых краях орудия (часто крутая, притупляющая — вероятно, для удобства захвата рукой [Heinzelin de Braucourt 1962: 44; Ранов 2001: 110] — и стесывающая участки ударных бугорков сколов). Отделка эта, по мнению Ж. Тиксье, преследовала двоякую цель: придать орудию удлиненную симметричную форму и утончить бугорковую часть исходной заготовки [Tixier 1957: 918].

Обстоятельное представление об особенностях и вариациях кливеров на отщепах дают дефиниция и

классификация этих форм, разработанные Ж. Тиксье на основании изучения более чем 650 подобных орудий из 17 стоянок Северной Африки (Магриб). Тиксье констатирует, что главным отличительным признаком их является неретушированное поперечное дистальное лезвие, полученное пересечением двух плоскостей — гладкой плоскости откола отщепа и дистального края его спинки, рельеф которой менялся в зависимости от техники расщепления. При классификации он опирался на морфолого-технологические признаки, выделив 6 типов кливеров, расположенных им по степени сложности изготовления и предполагаемой хронологической последовательности [Tixier 1957: 914—923] (рис. 12: 1). Первые два типа (0 и I) включают краевые отщепы, где поперечное лезвие образовано пересечением брюшковой поверхности либо с гладкой естественной поверхностью, либо с негативом единичного скола на дистальном конце заготовки (*eclat a enlevements oppose*). Эти два типа — наиболее архаичные, связанные, по всей видимости, еще с галечными культурами. Тип II фиксирует применение радиальной техники расщепления, типы III и IV — появление техники леваллуа и ее вариантов. Тем не менее, все они в целом сделаны по одной модели: крупные удлиненные отщепы разного типа приобретали топоровидный облик благодаря наличию исходного лезвийного края и оформлению корпуса посредством краевой, в основном аккомодационной, ретушной отделки боковых краев, а также — у типов II—IV — оснований. Орудия эти имели клиновидный продольный профиль и уплощенный поперечный. Что касается типа V, то он характеризуется почти сплошной оббивкой обеих сторон, не затрагивающей лишь участков, примыкающих к поперечному лезвию. Как кажется, он принципиально отличается от этих достаточно стандартизованных отщеповых форм, тем более что почти сплошная отделка корпуса делает совершенно неясным характер исходной заготовки. Это орудие приближается скорее к рубилам с поперечным лезвием (*hachereau-biface*) [Bordes 1961: 64; Tillet 1983: 51].

Классификационная схема Тиксье может быть дополнена еще двумя выделенными позднее формами. Это «кливер на отщепах Комбева» (тип VI) [Balout et al. 1967: 233] и «кливер на отщепах Виктория-Вест» (тип VII) [Tillet 1983: 48]. Первый изготавливался на бивентральных отщепах — двубрюшковых сколах с двумя, соответственно, ударными бугорками (*eclat à deux bulbes*), называемых иногда «отщепами Янус» и получаемых посредством снятия с бруска другого скола (*technique de l'eclat-nucleus*) [Brézillon 1971: 101—102, fig. 17] (рис. 12: 2). Второй тип связан с укороченными по оси скалывания сколами, лезвием которых при оформлении кливера становился один из боковых краев, а ударный бугорок оказывался сбоку (*side-struck flake*) [Brézillon 1971: 82—83, fig. 6] (рис. 11: 1, 2). В обоих этих случаях вторичная обработка тоже применялась лишь для оконтуривания и притупления боковых краев орудия. Наиболее интенсивно, как правило, утончался боковой край кливера Виктория-Вест, несущий площадку и ударный бугорок.

Попытки классифицировать кливеры на отщепях были позднее предприняты также Ж. и Г. Гвишарами [Guichard J. et G. 1966], Т. Тийе [Tillet 1983: 48—52] и Ж. Шавайоном [Chavaillon 1988: 462]. Ж. Шавайон подразделяет эти орудия по относительной толщине и форме: кливеры массивные и плоские; кливеры с краями дивергентными, параллельными и конвергентными. Ж. и Г. Гвишары сгруппировали их по особенностям оформления краев и сторон. Т. Тийе, объединив исследовательские подходы Тиксье и Шавайона, выделил 44 подтипа кливеров на отщепах. Большинство авторов все же отталкиваются от схемы Тиксье, выгодно отличающейся учетом существенных технологическо-морфологических признаков наряду с простотой и компактностью. Разумеется, при изучении конкретных материалов эта схема должна быть дополнена или откорректирована.

Помимо «классических» кливеров встречаются порой орудия на отщепах, отличающиеся от них ретушной подправкой поперечных лезвий, что отмечено, в частности, в материалах стоянки Кампас в Дордони [Tavoso 1975: 13—31]. Любопытно, что на этой стоянке имеется особенно широкий ассортимент изделий с поперечным лезвием, среди которых наряду с кливерами как таковыми (типы 0, II по схеме Тиксье) и упомянутыми ретушированными «кливерами» имеются также поперечно-лезвийные унифасы, бифасы и, наконец, кливеровидные отщепы, 3/4 периметра которых окаймлено крутым натуральным обушком-гранью. Таким образом, в некоторых индустриях действительно наблюдается непрерывная вариабельность топоровидных форм, что, видимо, и дало основание некоторым исследователям рассматривать их как единую группу.

Признавая наличие переходных форм, мы, однако, как уже говорилось, склонны обособлять кливеры на отщепах в их классическом варианте от прочих топоровидных орудий, и в частности от рубил с поперечным лезвием. Согласно дефиниции Ф. Борда, эти рубила представляют собой вариабельные двусторонне обработанные формы, одно из лезвий которых является более или менее поперечным, то есть противоположащим основанию, и может быть в плане прямолинейным, выпуклым или вогнутым. Это лезвие оформляется ретушью, идущей от дистального края предмета, либо несколькими крупными сколами от одного или двух боковых краев, либо, наконец, одним боковым ударом (*en coup de tranchet*), который обеспечивает наиболее острый и тонкий поперечный рабочий край [Bordes 1961: 63]. В случае отщеповых заготовок, дополняют другие авторы, поперечный край иногда остается необработанным — как у подлинных кливеров. При этом он может быть получен таким же образом, что и у кливеров типа I (*bifaces à biseau terminal prédéterminés*) [Guichard J. et G. 1966: 6; Balout et al. 1967: 224, fig. 9; Guichard 1976: 919]. При всей вариабельности основная масса этих топоровидных орудий все же более сходна с обычными ручными рубилами — по наличию боковых лезвий, оформленных двусторонней обработкой, и отличается от них лишь наличием третьего лезвия — поперечного, чаще всего полученного тем же образом, что и боковые. Таким образом, в отличие от большинства кливеров,

они являются обычно трехлезвийными орудиями. Существует определенное разнообразие в терминах, обозначающих эти орудия, что, возможно, отчасти порождено их собственным разнообразием: *square-ended handaxe* [Garrod and Bate 1937: 79]; *biface à arête* [Pradel 1942: 156—159]; *biface à biseau transversal* [Gruet 1945: 198]; ручное рубило с поперечным лезвием [Паничкина 1950: 51]; *hachereau-biface* [Bordes 1961: 63]; *biface à biseau terminal* [Chavaillon 1962: 782; Balout, Biberson, Tixier 1967: 227]; *biface à bout droit* [Heinzelin de Braucourt 1962: 44]; *biface à bout tranchant* [Leroi-Gourhan 1964: 17]; *cleaver-like biface* [Debénath, Dibble 1994: 165].

Топоровидные орудия в целом неизменно связаны с ручными рубилами ашельских индустрий — от самых ранних в Олдувае [Leakey 1971: 125, fig. 66: 1, 76] до позднейших. Распространение их также соответствует ареалу распространения ашельских индустрий [Ranov 2001: 105—109]. Но хронологическое и пространственное распространение кливеров на отщепах и рубил с поперечным лезвием имеют различный характер.

Кливеры на отщепах, или подлинные кливеры, наиболее обильно представлены в Африке и даже считаются специфическими африканскими орудиями [Tixier 1957: 914; Debénath, Dibble 1994: 170]. Однако в ряде районов этого континента они отсутствуют. Таковыми, насколько известно на сегодняшний день, являются Нубия, Египет [Guichard 1968: 183; Gilead 1970: 290], север Чадского бассейна [Tillet 1983: 271] и, по всей видимости, приатлантическая часть Западной Африки [Любин, Геде 2000]. Вне Африки эти кливеры наиболее многочисленны в ашельских ансамблях Индийского субконтинента [Allchin 1963: 210—234; Sankalia 1974; Ranov 2001: 108—109]. На Ближнем Востоке кливеры представлены преимущественно в небольших количествах в большинстве ашельских стоянок, включая раннеашельские (Убейдия) и среднеашельские (Джуб-Джаннин II и Латамна). Большие серии их встречены только в среднеашельской стоянке Гешер Бенот Йааков [Stekelis 1960: 70—80; Gilead 1973: 73—86; Goren-Inbar et al. 1991: 7—33] и Табун* [Garrod and Bate 1937: 79—88]. Немногочисленные образцы кливеров известны и далее к северу, на Кавказе.

Что касается Европы, то кливеры встречаются в среднем и верхнем ашеле Испании, Юго-Западной Франции и в Центральной Европе к северу от Альп — в прирейнской Германии [Bosinski, Luttrupp 1971: 67—69] и, как кажется, в Чехии [Valoch 1995: 67—70]. В Италии и в Северо-Восточной Франции они неизвестны. Интересно, что наличие кливеров наряду с некоторыми другими особенностями ашельских индустрий юго-запада Франции послужило основанием для отнесения последних к «ашелю южному» в отличие от классических индустрий «северного ашеля» на северо-востоке [Bordes, Moisen 1969: 172—174; Tavoso 1975: 13]. В Англии находки орудий типа кливеров на отщепах единичны и атипичны [Robinson 1986: 20—21].

* По данным Д. Гилада, в ашельском слое Ed пещеры Табун кливеры составляют 10 % орудий [Gilead 1970: 291].

Таким образом, в Евразии, если исключить дальнюю инвазию в Индостан, классические кливеры распространены только в приафриканских районах и исчезают по мере удаления от этой зоны. Чем ближе к Африке, тем раньше время появления этих форм — ранний ашель на Ближнем Востоке (Убейдия) и средний ашель в Испании. Это отражает скорее всего культурные влияния или колонизацию со стороны Африки, поскольку независимое изобретение вряд ли согласуется с подобной картиной [Bordes 1961: 61; Gilead 1970: 289]. Максимальное распространение кливеров связано, по-видимому, с совершенствованием технологий расщепления камня (техники леваллуа, Комбева). Поскольку кливеры в большинстве демонстрируют характерную технологическую и морфометрическую стандартизацию, орудия эти могут рассматриваться как свидетельства поведенческих стереотипов или даже традиций, свойственных определенным популяциям *Homo erectus*, а также как один из маркеров путей расселения из Африки в Евразию. При этом следует учитывать, однако, что отсутствие кливеров на некоторых территориях могло быть обусловлено отсутствием каменного сырья, подходящего для получения отщепов-заготовок с необходимыми параметрами. Бифасиальные же орудия с поперечным лезвием не демонстрируют жесткой связи

с сырьем и более вариабельны с точки зрения технологии и морфометрических характеристик. Они существуют в самых различных индустриях, могли возникать независимо как вариация ручных рубил и потому менее показательны в отношении культурных контактов или инвазий.

В ашельских индустриях Кавказа представлены как кливеры, так и рубила с поперечным лезвием. Среди кливеров здесь можно отметить единичные образцы типов 0, II, III и даже VII (на сколах Виктория-Вест), а также своеобразные переходные формы, у которых брюшко исходных отщепов в значительной мере стесано крупными сколами [Паничкина 1950: 51, рис. 11: 2б табл. VIII: 1—3; Любин, Формозов 1956: 5; Любин 1958: 37, рис. 9: 2; 1981: 13—15, рис. 4г, 5б; 1998: 33, 137, 150, 156, рис. 34, 50, 51, 52, 77, 88, 91, 93; Кикодзе 1986: 56—63]. Материалом для их изготовления служили андезит, базальт, песчаник и сланец. Кавказ, таким образом, вписывается в ареал распространения приафриканских средне/позднеашельских индустрий с рубилами и кливерами, являясь, по существу, северной оконечностью африкано-ближневосточной рифтовой зоны и так называемого «левантийского коридора», по которому происходило распространение их носителей.

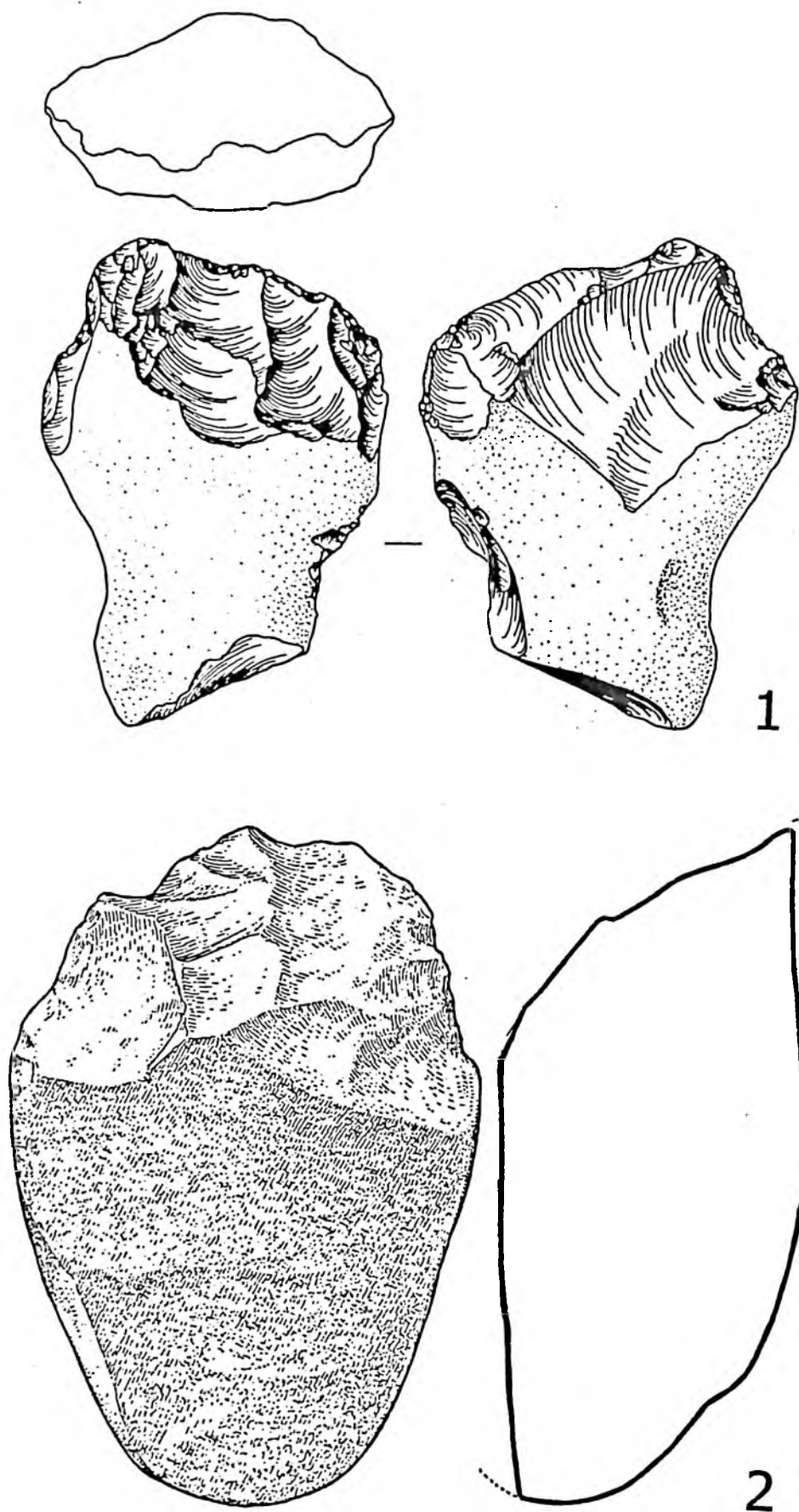

Рис. 7. Образцы чоппингов (1) и чопперов (2) [Debénath, Dibble 1994: 127, fig. 10: 1, 2]
Fig. 7. Examples of chopping (1) and chopper (2) [Debénath, Dibble 1994: 127, fig. 10:1, 2]

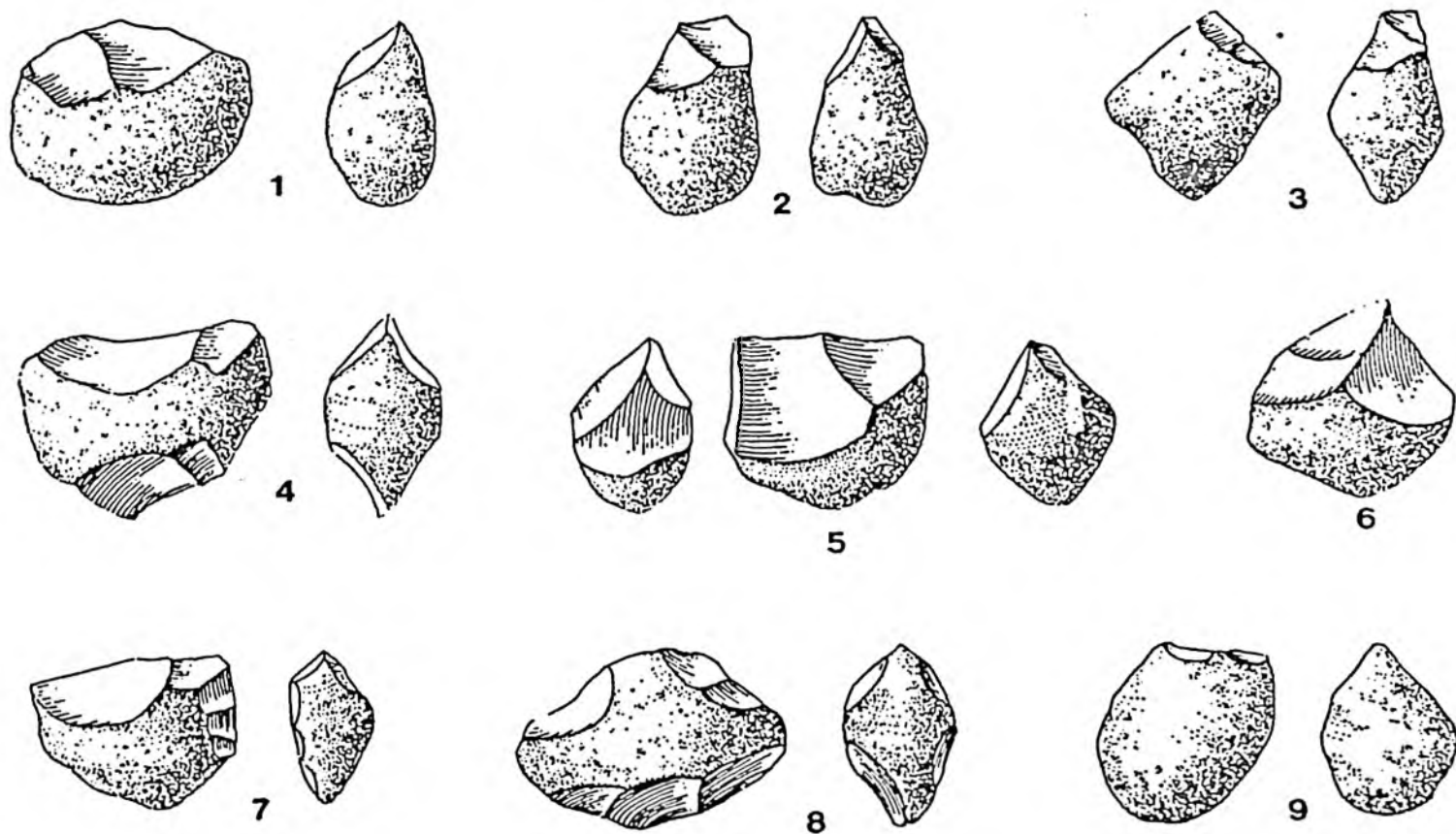

Рис. 8. Модели основных разновидностей чопперов: 1 — боковой чоппер; 2 — концевой чоппер; 3 — долотовидный чоппер; 4 — двойной чоппер; 5 — чоппер с круто усеченным боковым краем; 6 — остроконечный чоппер или чоппер с острием;

7 — поперечно-продольный чоппер; 8 — чоппер с круговой оббивкой; 9 — атипичный чоппер [Chavaillon 1988]

Fig. 8. Models of principal chopper varieties: 1 — side-chopper or chopper lateral; 2 — end-chopper or chopper distal; 3 — chisel-chopper or chopper-ciseau; 4 — double-ended chopper or chopper-double; 5 — truncated chopper or chopper à troncature; 6 — pointed chopper or chopper à pointe; 7 — chopper recurrent or chopper lateral transverse; 8 — chopper-discoïd or chopper périphérique; 9 — atypical chopper or chopper passif [Chavaillon 1988]

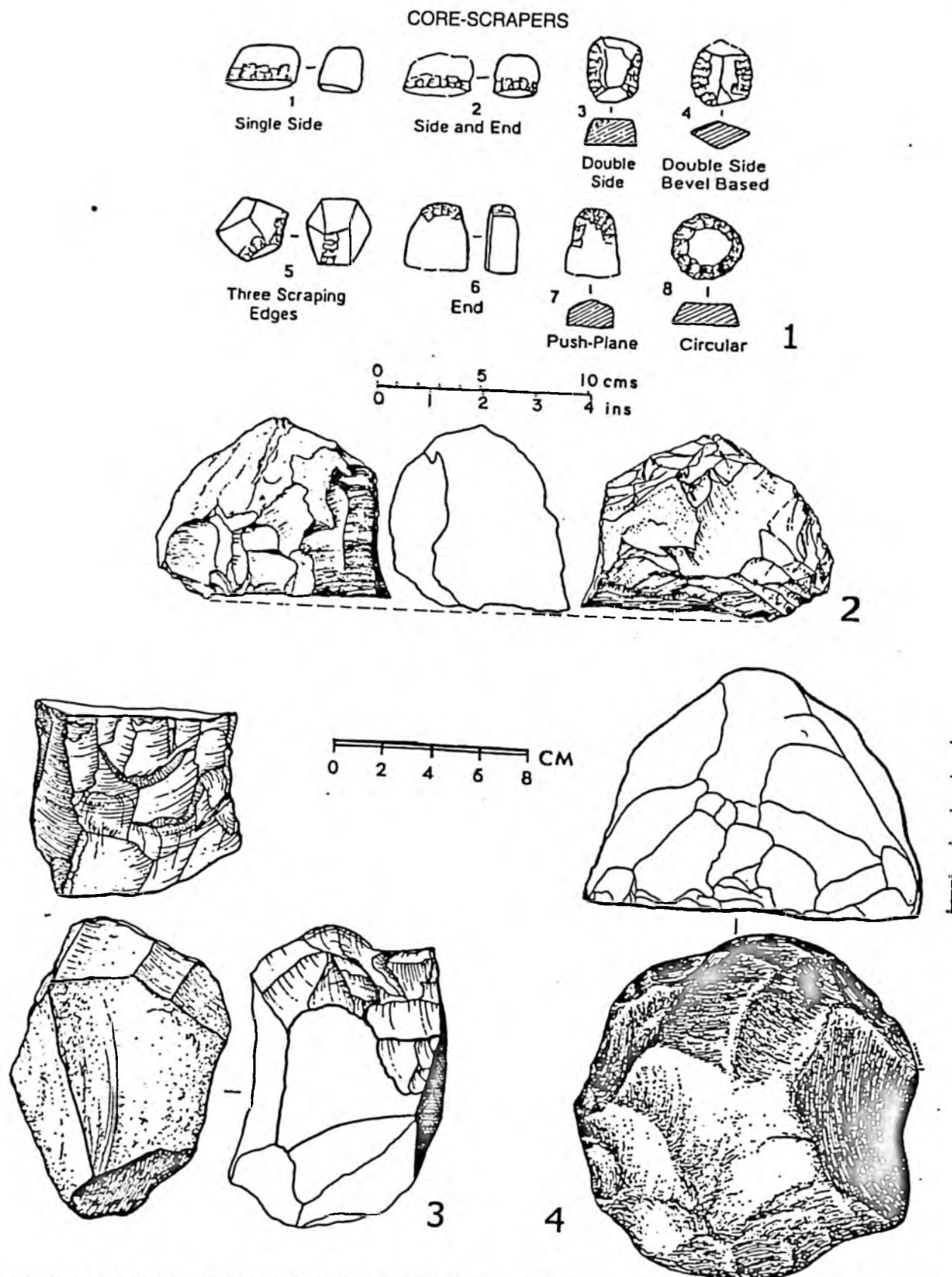

Рис. 9. Нуклевидные скребки: 1 — типы этих орудий по классификации Дж. Д. Кларка и М. Клейндист [Clark and Kleindienst 1974: 96—97, fig. 13]; 2 — образец нуклевидных скребков из ашельской индустрии Латамны (Сирия) [Clark 1967, pl. 13: 4]; 3 — образец нуклевидных скребков из ашельской индустрии Убейдии (Израиль) [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993, fig. 27: 2]; 4 — образец нуклевидных скребков из сангоанской индустрии Гуабуо I (Кот д'Ивуар, Западная Африка) [Любин, Геле 2000: 95, рис. 54: 2]

Fig. 9. Core scrapers: 1 — types of core scrapers in the Clark and Kleindienst classification [Clark and Kleindienst 1974: 96—97, fig. 13]; 2 — example of core scrapers from Latamne (Syria) [Clark 1967, pl. 13: 4]; 3 — example of core scrapers from Ubeidiya (Israel) [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993, fig. 27: 2]; 4 — example of core scrapers from the Sangoan industry of Guabuo I (Cote d'Ivoire, West Africa) [Lioubine, Guede 2000: 95, fig. 54: 2]

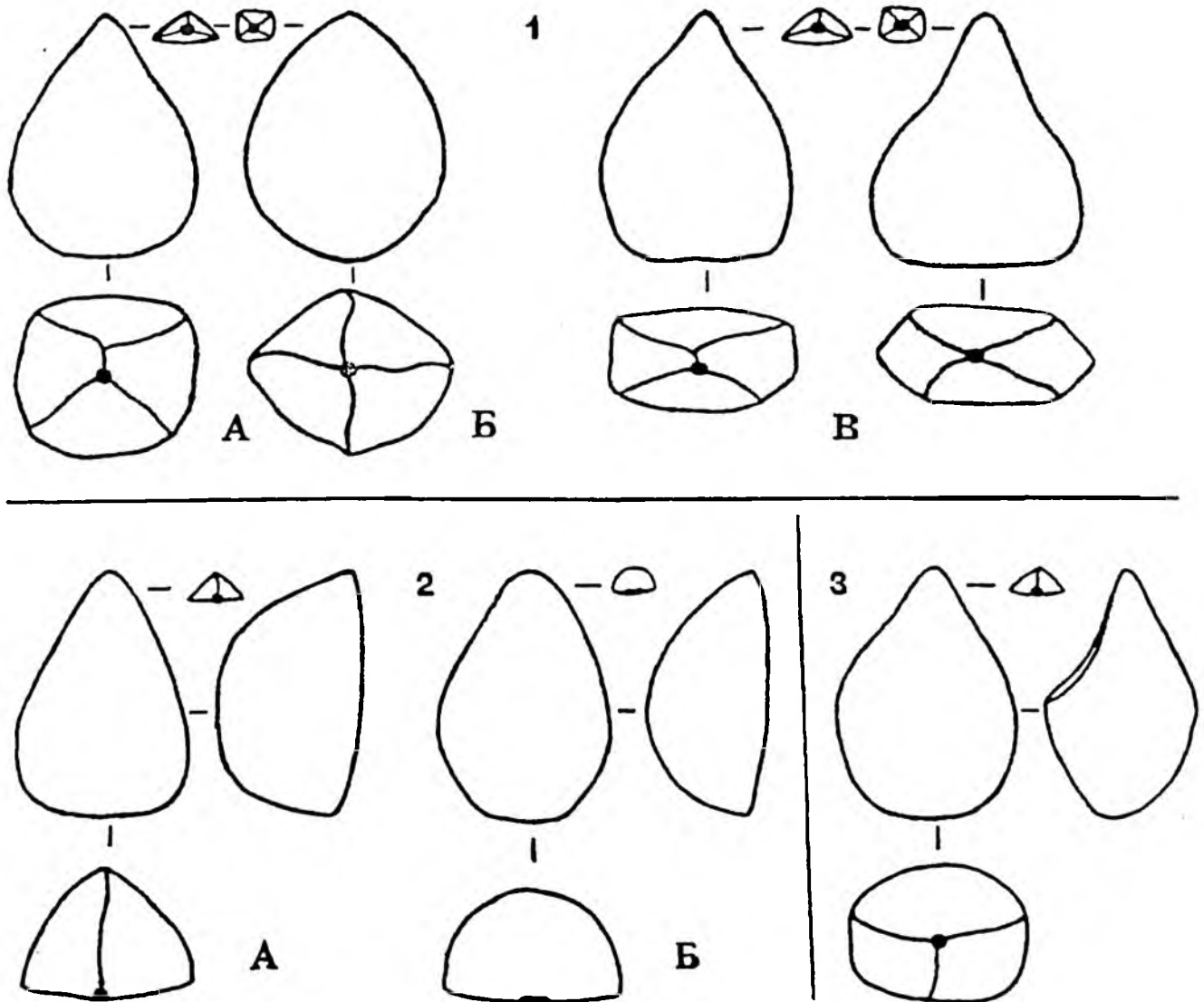

Рис. 10. Модели основных ивуарийских пиковидных форм:

1. Первая разновидность — пики с подчетырёхугольным поперечным сечением массивных корпусов и хорошо центрированными трех- или четырехгранными рабочими остриями (А — подконусовидные или грушевидные (каплевидные) по общей форме; Б — субовальные; В — грушевидные, двоякоуплощенные).
 2. Вторая разновидность — пики с плоско-выпуклым поперечным сечением и расположением дистальных рабочих элементов в плоскости гладкой вентральной стороны (А — с подтреугольным сечением корпусов и трехгранными дистальными остриями; Б — с куполообразным сечением корпусов и дистальными концами в виде узких режущих или скребковых лезвий).
 3. Квадриэдри-триэдри, сочетающие черты пиков (подчетырёхугольное сечение базальных половин массивных корпусов + хорошо центрированные трехгранные дистальные острия) и ручных рубил (приостренные лезвия в дистальной части орудий)
- Fig. 10. Models of key varieties of ivoirian picks:**
1. The first variety — picks with sub-quadrangular cross-sections of massive bodies and centered thick distal points (A — cone-shaped or pear-shaped (drop-shaped); Б — sub-ovate; В — double-flat pear-shaped).
 2. The second variety — picks with plano-convex cross-sections and a distal working element placed in the plane of the widest ventral side (A — with sub-triangular cross-section and trihedral distal points; Б — with dome-shaped cross-section and dictal ends terminated by narrow cutting or scraping edges).
 3. A hybrid variant: quadrihedral-trihedrals combining features of pics (sub-quadrangular cross-sections of basal parts of massive bodies + neatly centered thrihedral distal points) and handaxes (intendenly sharpened edges in the distal part of tools)

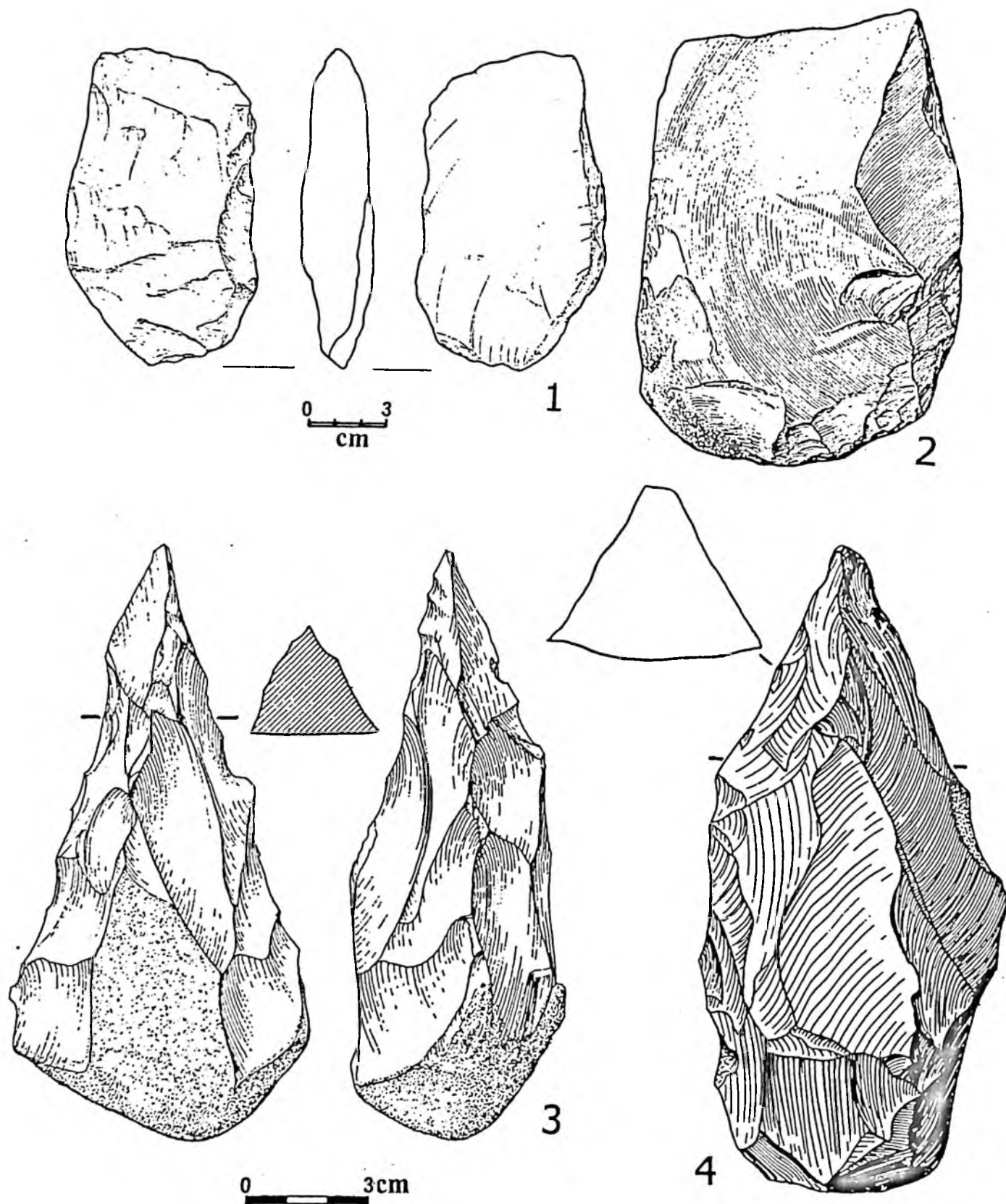
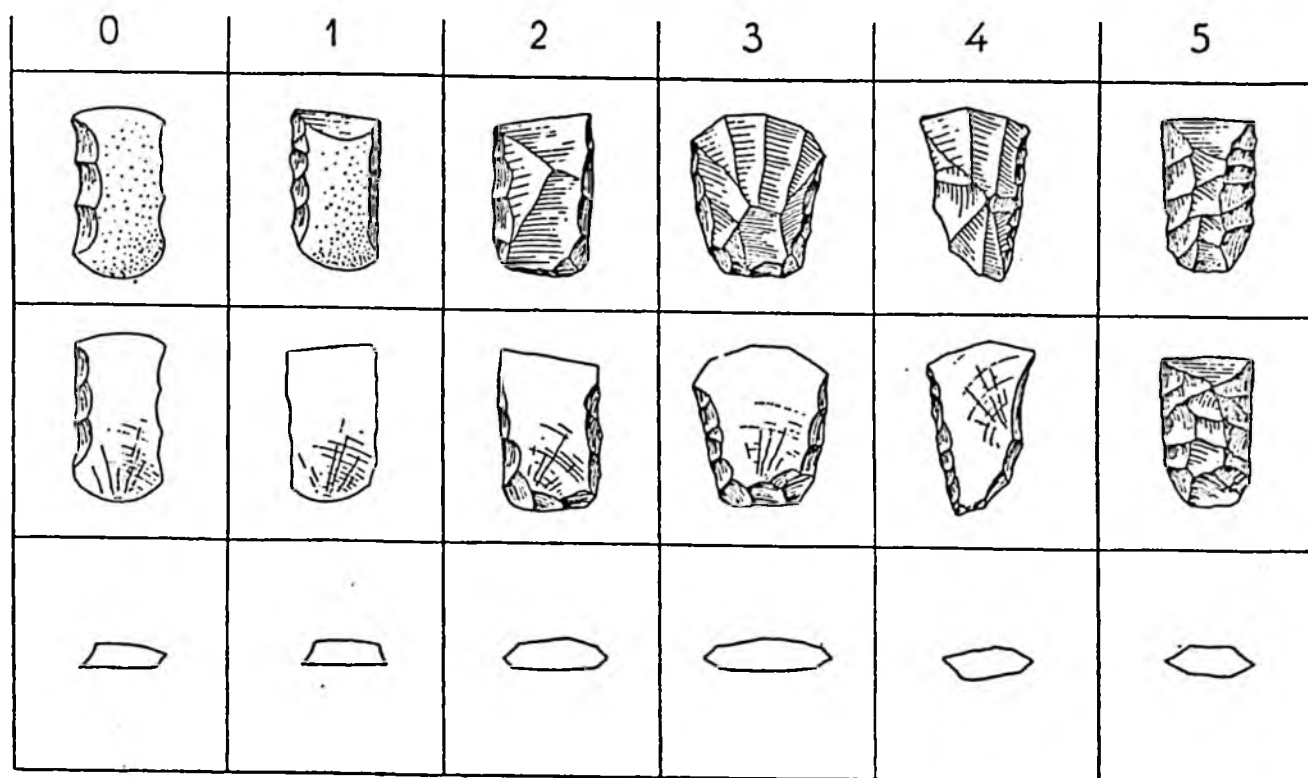
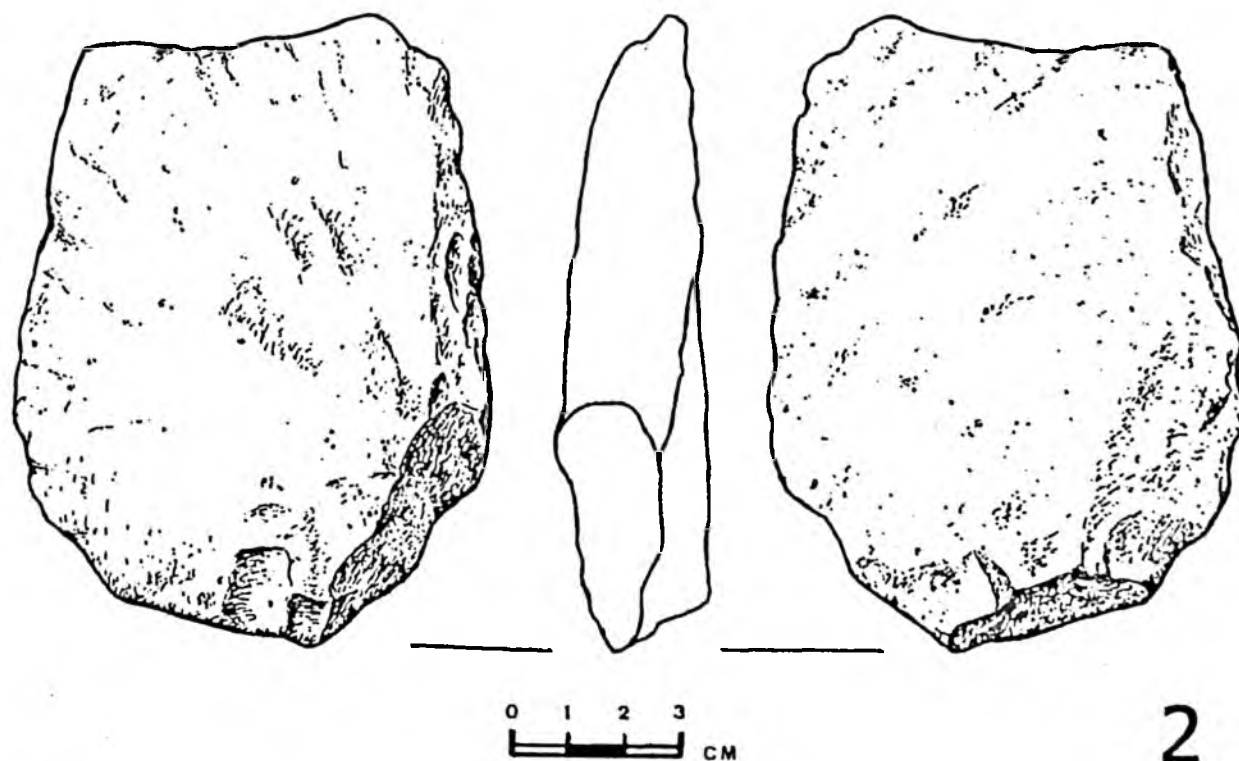

Рис. 11. 1, 2 — образцы кливеров на отщепках типа Виктория-Вест; 3, 4 — образцы триэдров
 (1 — Гешер Бенот Йааков [Goren-Inbar et al. 1991, fig. 6: 2]; 2 — Комб-Капелль [Bordes 1979, pl. 74: 1]);
 3 — Ийал 23 [Ronen and Winter 1977, fig. 6: 4], 4 — Аббевиль [Bordes 1979, pl. 89: 4]
 Fig. 11. 1, 2 — examples of flake cleavers of Victoria West type; 3, 4 — examples of trihedrals
 (1 — Geshar Benot Yuakov [Goren-Inbar et al. 1991, fig. 6: 2]; 2 — Comb-Capelle [Bordes 1979, pl. 74: 1]);
 3 — Eyal 23 [Ronen and Winter 1977, fig. 6: 4]; 4 — Abbeville [Bordes 1979, pl. 89: 4]

1

2

Рис. 12. 1 — модели различных типов кливеров на отщепе [Tixier 1957]; 2 — кливер на отщепе Комбева [Goren-Inbar et al. 1991, fig. 4]

Fig. 12. 1 — models of flake cleavers types [Tixier 1957]; 2 — cleaver on the Kombewa flake [Goren-Inbar et al. 1991, fig. 4]

Глава 4

АШЕЛЬСКАЯ ИНДУСТРИЯ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I

4.1. Сырьевая база

Для изготовления орудий ашельские обитатели пещеры использовали главным образом сланцы, алевролиты и песчаники, а также — в гораздо меньшей степени — кремнь, кремнистый известняк, андезит и обсидиан. Песчаники могли собираться в виде галек и валунов по берегам и террасам р. Джеджори. Сланцы, алевролиты и кремнистые известняки встречаются здесь либо также в аллювии реки, либо непосредственно в обнажениях сланцевых и известняковых пород. В обнажении плитчатых известняков близ селения Фасраг, в 0,5 км к востоку от пещеры видны, например, слои окремненных сланцеватых известняков и пачки переслаивания последних с алевролитами и глинистыми известняками. Петрографы Г. М. Ковнурко и Н. Б. Селиванова, исследовавшие ашельские артефакты из пещеры, отметили большую вариабельность использованных пород: песчаники — аркозовые (кварц-полевошпатовые и кварцевые) — видоизменяются от средне- до мелкозернистых, алевролиты — от кварцевых до тонкослоистых, сланцы — от кварцево-сланцевых до глинисто-кремнистых и глинистых.

Резкое преобладание в составе коллекций сланцев, алевролитов и песчаников (свыше 80 %) объясняется широким распространением этих пород в данном районе и острым недостатком кремня. Толщи сланцев и подчиненных им песчаников занимают всю северную и северо-восточную часть бассейна р. Джеджори и слагают участок Водораздельного хребта, обрамляющего этот район с севера; А. Л. Рейнгард [1917] предлагал даже назвать этот участок Сланцевой цепью. Река Джеджори и ее притоки, берущие начало на ледниках названной цепи, пересекают район сланцев и песчаников, транспортируя эти породы далеко вниз по течению.

Изделия из сланцевых пород, сильно варьирующих по минеральному составу и степени метаморфизма (изменения под влиянием температуры и давления), различались и по характеру патинизации и выветривания. Изделия из кремнистых сланцев выветрены слабо и сохранили свою естественную окраску; предметы из глинистых, глинисто-кремнистых сланцев и окремненных известняков, утратив кремнезем и карбонат, стали легкими, иногда даже мягкими, легко ломающимися и стирающимися по краям. Лезвия, ребра, ретушная подправка на поделках из глинистых сланцев нередко сильно, иногда до неузнаваемости, сглажены. Несколько тонких сланцевых предметов, не выдержав давления

вышележащих слоев, оказались разломанными на две-три части. Поверхность ряда сланцевых изделий покрыта светло-серой или темной, пятнистой, часто пачкающей пленкой. В то же время, сланцы, в отличие от песчаников и кремней, но подобно андезитам, являются весьма пластичной породой. При расщеплении они не образовывали глубокого раковистого излома. Сланцевые сколы отличаются уплощенностью и прямоосностью: профили их не искривлены, ударные бугорки расплывчаты, почти не прослеживаются конусы и изъязнения от удара. Тонкослоистые (листоватые) сланцы расслаивались по свойственным им параллельным плоскостям. Следуя этим плоскостям, ашельские мастера порой получали удлиненные пластинчатые формы (яркий пример — орудие типа «цалди», т. е. подобие тесака — см. ниже). Впрочем, листоватость и наличие в некоторых сланцах неоднородных прослоек обуславливали иногда преждевременные надломы снятий, ступенчатые завершения негативов.

Аркозовые (кварц-полевошпатовые и кварцевые) песчаники употреблялись в меньшем, чем сланцы и алевролиты, объеме. Из этих гораздо более твердых и почти не подвергавшихся выветриванию и патинизации пород изготовлено большинство крупных орудий (чоперы, нуклеидные скребки, лучшие, как правило, скребла и рубила). В пещере обнаружены и целые песчаниковые гальки и валуны, использовавшиеся как отбойники и ретушеры. Имеются также подобные предметы неясного назначения, без видимых следов утилизации (манупорты).

Андезитовое сырье также, казалось, было местным, поскольку в верховье реки Джеджори, около селения Кобиота, примерно в 12 км от пещеры, находится конусообразная андезитовая сопка Настыцуп (или Киста) [Богачев 1926; Кузнецов 1941]. При обследовании ее, однако, мы не обнаружили те особенные стекловатые разновидности андезитов, из которых ашельцы изготавливали редкие лавовые предметы. Разновидности эти, по данным специалиста по четвертичным магмам В. П. Петрова, напоминают не типичные лавы потоков, а так называемые «смоляные камни», которые можно встретить в нижних частях потоков и в туфовых выбросах в районах деятельности четвертичных вулканов Юго-Осетии (подробнее об этом см.: [Любин 1977: 102—104]).

«Смоляные камни», судя по остаткам корки, сохранившимся на некоторых ашельских и мустьерских андезитовых изделиях, собранных в югоосетинских пред-

горьих, имели, очевидно, форму округлых желваков с корочным покрытием в виде рельефного «каракулевого» узора. Фрагмент такой корки имелся также и на андезитовом скребле и на ряде мелких обломков из этого сырья, найденных в ашельском слое пещеры. Скудость встреченных здесь андезитовых поделок говорит о вероятности их неместного происхождения и доставки издалека. Возможным источником андезитового сырья, по нашему мнению, могут быть многочисленные лавовые потоки, расположенные в более южных среднегорьях и предгорьях. Таковы, например, центры излияний в районе селений Чимас, Кроз, Чврива, где возвышается великолепный вулканический конус горы Мтавар-Ангелози, описанный еще Абилом [Abich 1887; Левинсон-Лессинг 1941; Залесский, Петров, Беликов 1936]. Если эти предположения верны, то «смоляно-каменное» андезитовое сырье было здесь чужеродным, приносным. Совершенно же экзотическим является обсидиановое сырье, встреченное в ашельских слоях в виде редких мелких сколов и единичных сильно патинизированных орудий (рубильце, лимас). Обсидиан должен был доставляться с далекого закавказского юга (Джавахетия, Армения). Что касается кремневого сырья, то оно было здесь весьма дефицитным. Встречаемые кое-где галечки черного, светлого или зеленоватого цвета использовались для изготовления мелкоразмерных орудий с прочными и острыми рабочими элементами (мелкие скребла, скребки, выемчатые и клювовидные формы). Пытались использовать и трещиноватые обломки темного местного кремня или сильно окремененного сланца. В то же время, подобные орудия и мелкие сколы из более качественного светлого, розового и красноватого кремня указывают на его импорт, так как кремень таких расцветок в Кударском ущелье как будто не встречается. Не исключена доставка его из области, расположенной к югу от Рачинского хребта (Имеретия), где он изобилует.

4.2. Каменный инвентарь восточной галереи

4.2.1. Краткие сведения о восточной галерее

Восточная галерея, как и южная, является сквозной, ведущей в центральную часть пещеры. Экспозиция на восток и входное отверстие в виде широкого раструба (рис. 13: А) сообщают ей много света и солнца. Длина ее равна 8 м, ширина составляет в среднем около 3 м, но ближе ко входу она несколько сужается — особенно в нижней части — за счет выступа скальной ступени (рис. 14: А).

Мощность вскрытых отложений у входа и на границе с центральной камерой равнялась 3,3 м, а в средней части, где верхний (голоценовый) слой заключал в себе средневековую каменную кладку, достигала 4 м. Во входной части галерея имеет уклон вовнутрь пещеры, примыкая другим концом к имеющему противоположный уклон ее основному стволу (темная галерея — центральная камера — южная галерея), по которому происходил сброс наружу карстовых вод. Это обусловило резкое отличие толщи плейстоценовых осадков у

входа в восточную галерею от толщи в дальней ее части, граничащей с центральной камерой. Как свидетельствует продольный разрез галереи (рис. 15), на протяжении первых трех-четырех метров от входа плейстоценовые отложения залегали субгоризонтально, ашельский слой 5 имел вид единой однородной желтоватой супеси, не членившейся на литологические уровни А, Б и В. В средней же и дальней частях галерей эти уровни выделяются, но значительная часть толщи нижнего ашельского уровня 5В уничтожена обширным — шириной до 3,0 м и глубиной до 1,5 м — эрозионным карманом, в который один за другим вложены сильно провисающие останцы двух верхних ашельских и двух мустьерских уровней. Колонка этих уровней наиболее четко прослеживается в поперечном разрезе С-Ф-З (рис. 14: Б), рассекшем толщу осадков на границе данной галереи с центральной камерой:

Слой 1. Современный. Суглинок черный, комковатый.

Слой 2. Мезолитический. Суглинок коричневатосерый, переполненный угловатым щебнем и глыбами известняка.

Слой 3. Верхний мустьерский. Суглинки, расчленяющиеся на горизонты «а», «б» и «в», в зависимости от оттенков цвета (палево-сероватый, буроватый, желтоватый), количества и степени выветрелости известнякового обломочника.

Слой 4. Нижний мустьерский. Суглинок палево-зеленоватый, переполненный заметно выветрелым известняковым щебнем и обломками кальцитовых натеков.

Слой 5. Ашельский слой. Три уровня (А, Б и В) уплотненных суглинков более ярких палевых и желтовато-бурых тонов с большим или меньшим количеством сильно выветрелого обломочника, покрытого фосфатными оболочками или пленками. На пристенных участках слой достигал мощности 2,0 м, в местах наибольшего размыва в тальвеге галереи утончался до 0,6 м. Суглинок уровней 5Б и 5В определен геологами как пористый алевритистый фосфорит [Ренгартен, Черняховский 1980: 33].

Слой 6. Коричнево-серая стерильная глина.

Продольный 14-метровый разрез Q—R—F—B—V, рассекший осадки как восточной галереи, так и центральной камеры, особенно наглядно показывает постепенное изменение стратиграфической картины по мере продвижения от входа вглубь галерей (рис. 15). Различимое деление ее ашельской толщи на два уровня началось с четвертого метра от входа, на три — лишь с шестого, в дальней части. В силу этого вскрытие ашельских отложений в галерее, производившееся в 1957—1958 гг. и начинавшееся с привходовых квадратов Р, П, О, Н и М, производилось восьмью искусственными горизонтами толщиной 10—15 см. Археологический материал (983 экз.) изучался, соответственно, без деления по литологическим уровням, но с неизменным вниманием к планиграфической и стратиграфической позиции находок. Так, было отмечено, что количество каменных изделий во входной части галерей мизерно: в пределах двух первых линий квадратов содержалось

лишь 22 предмета. Привходовая половина галерей (первые—четвертые квадраты) доставила в целом лишь около 15 % находок. По мере продвижения вглубь галерей число находок возрастало: более 2/3 изделий происходит из второй, дальней половины галерей.

Что касается стратиграфического распределения материалов, то основная масса находок была приурочена к верхам ашельского слоя: горизонты 1—3 содержали, в частности, 64 % всех продуктов и отходов первичного расщепления, то есть почти всех изделий, исключая орудия на гальках и кусках породы. Число таких изделий в этих трех горизонтах колебалось от 161 до 233 экз. Начиная с горизонта 4, количество этих находок постепенно убывает от 83 экз. в данном уровне до 15 экз. в самых низах (горизонт 8). Довольно наглядное представление о распределении каменных, а также костных находок в галерее по вертикали дало нанесение их на поперечные профили, расположенные на стыках всех восьми линий квадратов. На каждый из таких разрезов были спроецированы находки, встреченные по обе стороны от границы квадратов на удалении 0,5 м. Наиболее репрезентативны профили, находящиеся в двух, четырех, шести и семи метрах от входа в галерею (т. е. на границах квадратов О и П, Н и М, Л и К, К и И) (рис. 16). Уровень пола галерей в начале ее интенсивного заселения, судя по появлению множественных находок, в двух метрах от входа проходил на глубине около 260 см, в четырех метрах — на глубине 300 см, в шести и семи метрах — на глубине 310—320 см от условной «нулевой» отметки. Единичные находки встречались, однако, и ниже — до глубины 327, 332 см (горизонт 8): первоначально люди, видимо, посещали пещеру эпизодически, используя ее вначале, возможно, лишь как охотничий лагерь. Эти разрезы косвенно фиксируют также и планиграфические различия в размещении находок: максимальное количество их сосредоточено, как отмечалось, в дальней от входа части галерей, преимущественно близ ее южной стены.

В ашельском каменном инвентаре восточной галереи, насчитывающем, напомним, 983 изделия, представлены все вышеописанные виды сырья, исключая обсидиан. Среди них господствуют сланцы и алевролиты (более 63 %) и песчаники (более 21 %). Сланцы и алевролиты, как указывалось выше, весьма варьируют по своему характеру. Преобладают глинистые и глинисто-кремнистые сланцы, но имеются и более прочные кремнистые. В то же время, среди глинистых сланцев выделяются предметы из сильно выветрелого, ломкого материала (около 17 %). Около 10 % приходится на долю местных низкокачественных кремнистых пород. Прочее сырье включает изделия и обломки из импортного кремня и единичные андезиты.

4.2.2. Техника первичного расщепления в коллекции из восточной галереи

Анализ техники расщепления в коллекции из восточной галереи пещеры основан на изучении найденных там 898 сколов и их фрагментов (включая орудия), что составляет 91,1 % находок, а также 25 изделий, определенных как нуклеусы и нуклевидные формы (2,5 %). Подобное количество нуклеусов представляется явно недостаточным для получения такой массы сколов, тем более что 5 нуклевидных обломков несут на себе лишь единичные снятия. Кроме того, собственно ядрища (20 экз., или 2,0 % находок) не отражают всего спектра разновидностей сырья, встреченного среди отщепов. Эти обстоятельства указывают, видимо, на получение определенной части сколов на стороне.

Рассмотрим вначале, как распределяются по типам сырья три основные категории продуктов расщепления — 1) нуклеусы и нуклевидные формы, 2) сколы-заготовки и их фрагменты, 3) мелкие сколы и чешуйки (табл. 1).

Таблица 1

Распределение категорий продуктов расщепления из восточной галереи по сырьевым группам

Продукты расщепления	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень		Андезит	Всего
				местный	импортный		
Нуклеусы и нуклевидные формы	6	8	6	3	—	—	23 +2 известняк
Сколы в целом	189 21,1 %	381 42,3 %	188 20,9 %	74 8,2 %	54 6 %	12 1,3 %	898 100 %
Сколы-заготовки и их обломки L > 2,5 см	132 24,4 %	227 42 %	101 18,7 %	42 7,8 %	28 5,2 %	10 1,9 %	540 100 %
Мелкие сколы и чешуйки L < 2,5 см	57 15,9 %	154 43 %	87 24,3 %	32 9,8 %	26 7,3 %	2 0,6 %	358 100 %

Даже при первом взгляде на массовый материал, включающий все сколы и обломки, становится очевид-

ным абсолютное господство местного сырья (сланцеватые и песчаниковые породы, а также местный низкока-

чественный кремнь), что подтверждают и подсчеты — оно составляет более 92 %. Импорт представлен небольшим количеством качественного цветного кремня и андезита. Среди местного сырья доминируют сланцеватые породы — около 60 % изделий, однако 2/3 их составляют глинистые и глинисто-кремнистые сланцы, то есть наименее прочный, но, по-видимому, самый распространенный и легко доступный материал. Интересно, что доля сланцев, особенно кремнистых, среди мелких сколов и чешуек намного выше, нежели среди песчаника. Это указывает, возможно, на более интенсивную по сравнению с последним обработку сланца, включая отделку орудий, в самой пещере. Заметим, однако, что преобладание во всех случаях, в том числе и среди сланцевых изделий, крупных сколов над отходами вновь свидетельствует о получении части сколов вне галереи.

Мелкие сколы-отходы и более крупные отщепы количественно сближаются лишь среди кремневых изделий, и особенно у таковых из приносного кремня. Это объясняется, однако, не расщеплением на месте, ибо нуклеусы из импортного кремня отсутствуют, а интенсивной вторичной обработкой. Абсолютное большинство кремневых сколов и практически все отщепы из импортного кремня являлись орудиями. Высокое качество этого сырья отразилось в особо тщательном оформлении, а часто и переоформлении таких изделий. Особняком по соотношению сколов-заготовок и отходов стоит песчаник. Если среди первых песчаниковые отщепы составляют почти четверть, то в отходах песчаник едва достигает 16 %. Такая картина может объясняться как более распространенной практикой расщепления песчаника вне галереи, так и меньшим, чем у прочих пород, числом отходов при обработке этого грубого сырья. Отметим, забегая вперед, что спинки песчаниковых сколов в целом отличаются от других относительно малым количеством негативов и одновременно их относительно большей величиной.

Нуклеусы, как уже отмечалось, немногочисленны (20) и довольно разнородны. Все песчаниковые нуклеусы (6) сделаны из валунов и сохранили валунную корку. У трех из них, наиболее крупных (7,1×10,5×9,4 см; 9,7×14,7×9,1 см; 8,7×9,3×13,7 см) корка занимает очень большие участки, показывая, что расщеплением затронута лишь часть валуна (рис. 17: 3; 18: 2). У одного из них, одноплощадочного, несколько сколов были сняты в одной плоскости с гладкой площадки, представляющей собой ровную поверхность валуна. У второго (рис. 17: 3) скалывание велось от слегка выпуклой естественной поверхности валуна, обретая таким образом веерообразный характер. К тому же приуроченная к этой площадке плоскость расщепления имеет выпуклость около 120°, то есть налицо тенденция к подпризматическому принципу расщепления. Еще одно снятие сделано с противоположной, уплощенной стороны валуна, что можно рассматривать скорее как скол подправки рабочей поверхности. Представляется, что расщепление данного ядрища, как и первого, находится в начальной стадии. Обращает на себя внимание использование в качестве площадок гладких участков валун-

ной поверхности. Третий нуклеус имеет две рабочие поверхности. На одной из них скалывание было одноплощадочным с тенденцией к подпризматичности, наблюдается грубая подправка площадок (рис. 18: 2А, С). На второй поверхности, противолежащей первой, имеется негатив одного крупного скола снятого с выпуклой грубофасетированной площадки (рис. 18: 2В, С). Переход с одной поверхности на другую связан, вероятно, с многочисленными заломками сколов. Три более мелких песчаниковых ядрища имеют размеры от 5,5 до 6,5 см в поперечнике и толщину от 2,5 до 4,2 см. Одно из них может быть охарактеризовано как поврежденное поддисковидное с грубой подправкой круговой площадки. Аналогичную подправку площадки имеет также разбитое одноплощадочное ядрище. Третий, наиболее массивный нуклеус изготовлен на толстом краевом сколе, брюшко которого послужило площадкой для нескольких конвергентно направленных снятий. И в этом случае характерна заметная выпуклость рабочей поверхности, т. е. вновь тяготение к подпризматическому принципу скалывания.

Шесть нуклеусов изготовлены из глинисто-кремнистого сланца. Наибольший (8,7×8,8×4,9 см) представляет собой уплощенный обломок сланца с 2—3 снятиями на его торце, сделанными с гладкой, образованной одним сколом площадки. Второй нуклеус, не превышающий 5—6 см в поперечнике, также является одноплощадочным. Но здесь рабочая поверхность с негативами трех сколов является относительно широкой и выпуклой. У одного из боковых краев его как будто имеются мелкие сколы поперечной подправки поверхности. С этим ядрищем сходно по типу скалывания еще одно, но более мелкое и лишь с двумя негативами без следов подправки. Четвертое ядрище, маленькое и, очевидно, остаточное (толщина 2,2 см), имеет почти полностью обработанную тыльную поверхность с небольшим участком корки и рабочую поверхность с двумя негативами. Более крупный приурочен к подправленной площадке, а снятие второго, небольшого и перпендикулярного первому, сделано прямо от покрытой коркой грани тыльной стороны. Этот скол, как кажется, скорее всего предназначался для подправки рабочей поверхности. Пятое ядрище имеет самые маленькие размеры (3,3×2,8×2,2 см) и также, несомненно, принадлежит к остаточным. Несколько мелких сколов были сняты здесь с площадки, образованной предшествующей рабочей поверхностью, дистальная часть которой обломана. Особняком от этих одноплощадочных нуклеусов стоит последнее, шестое ядрище данной сырьевой группы. Оно отличается уплощенностью (7,0×6,4×2,3 см) и центростремительными сколами, два из которых сняты со специальной гладкой и сильно скошенной площадки, а два других — прямо от слабо-выпуклой тыльной стороны. Тыльная сторона очень оглажена, но на ней читаются следы сходной обработки. Один из концов обломан. Уплощенность данного предмета, центростремительный характер оббивки и общая конфигурация допускают и возможность видеть в нем незаконченное или поврежденное бифасальное орудие (рис. 18: 1). Помимо собственно нуклеусов

имеются два угловатых и продолговатых нуклевидных обломка с единичными сколами.

Среди нуклеусов третьей сырьевой группы имеются два одноплощадочных нуклеуса на алевролитовых гальках с гладкими в обоих случаях площадками, включая одну естественную. Еще два небольших нуклеуса из серого кремнистого сланца демонстрируют поперечно-продольное скалывание. Площадки их несут следы грубой подправки. Однако заломы и забитость одного из них и очень маленькие, указывающие на остаточный характер, размеры другого, не позволяют относить эти ядрища к показательным формам. Чрезвычайно любопытно, наконец, одно маленькое торцовое ядрище с серией мелких субпараллельных сколов, снятых с крутой грани небольшого отщепе. Выпуклая по дуге и относительно широкая рабочая поверхность (1,8 см) не позволяет видеть в нем орудие типа многофасеточного резца, такие орудия, впрочем, не известны в данной индустрии. Однако и подобный тип ядрища представляется некой аномалией и пока не имеет аналогов в ашельской коллекции Кударо (рис. 19: 1). Помимо нуклеусов, имеется нуклевидный обломок сланцевой гальки с единственным сколом.

Из местного кремня сделаны лишь три маленьких нуклеуса. Большой нуклеус (3,3×4,0×3,1 см) на обломке (?) коричневатого-черного полосчатого кремня является двусторонним, с одноплощадочным скалыванием на каждой из сторон с противоположащих площадок (тип «джрабер» [Любин 1961]). Обе площадки его грубо подправлены. Еще один, самый маленький из всех, нуклеус (2,2×2,1×1,8 см) является односторонним одноплощадочным с гладкой площадкой и изготовлен из куска серого кремня. Последний кремневый нуклеус аналогичен предыдущему по типу скалывания и площадке, но изготовлен на отщепе. Цель расщепления столь мелких нуклеусов остается неясной.

Упомянем, наконец, нуклевидные предметы из известняка: крупную гальку с двумя сколами на одном из ее концов и отщеп с крупным сколом на брюшке.

Количество нуклеусов явно недостаточно для уверенных выводов о характере расщепления того или иного типа сырья. Однако мы все-таки попробуем суммировать некоторые наблюдения. Во-первых, господствует одноплощадочное скалывание и более сложные формы нуклеусов редки. Лишь один нуклеус может быть уверенно отнесен к поддисковидным, а в остальных случаях дело ограничивается появлением дополнительной боковой или противоположащей площадки. Подправка поверхности скалывания отмечена у трех ядрищ (сланец, песчаник). Подправка площадок развита слабо (9) и более характерна для сланцевого и кремневого сырья. У песчаниковых ядрищ из валунов обращает на себя внимание тенденция к подпризматическому одноплощадочному скалыванию, а также создание нескольких поверхностей скалывания. Разброс углов между площадкой и поверхностью скалывания аналогичен диапазону, указанному ниже для сколов (90—125°), с преобладанием средних значений. Малое число нуклеусов не позволяет делать обобщения по этим замерам. Та же причина мешает сделать определенные выводы о распределении нуклеусов и их характеристик по расчленимым горизонтам. Можно отметить лишь приуроченность большинства нуклеусов и нуклевидных форм к горизонтам 1—3 (20 изделий из 25), а также отсутствие их ниже горизонта 6.

Рассмотрим теперь более подробно и сопоставим основные характеристики сколов-заготовок каждой из сырьевых групп. Сравнение сколов по размерам затруднено тем, что многие из них представлены в обломках. Целые отщепы составляют от 60 % (песчаник) до 40 % (сланцы) сколов-заготовок. Однако более крупные размеры песчаниковых заготовок несомненны: из 81 такого скола 60 % превышают длину в 5 см, а четверть имеют длину более 7 см (рис. 19: 8; 33: 5). Сопоставление со сколами из других пород (табл. 2) показывает, что последние содержат значительно меньше крупных изделий. Отщепы из песчаника выделяются и наибольшей толщиной (рис. 37: 8) — 1,6 см в среднем против 1,17—1,22 см у прочих.

Таблица 2

Распределение размеров сколов-заготовок из восточной галереи по основным сырьевым группам

Основные характеристики сколов	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень
Общее количество целых сколов	81	86	50	29
Сколы длиной от 5 до 7 см	34,5 % *	30 %	24 %	24,1 %
Сколы длиной более 7 см	24,7 %	12,8 %	8 %	—
Средняя длина сколов	5,3 см	4,4 см	4,8 см	3,4 см

Удлиненные, или пластинчатые, отщепы ($L > 2m$) встречаются в данной коллекции достаточно редко — лишь 22 изделия (8,9 %) среди всех 246 целых сколов.

Присутствие таких заготовок (рис. 19: 4) в различных сырьевых группах неодинаково: больше всего их среди отщепов из кремнистых сланцев — 14 %, а у остальных

* За 100 % во второй и третьей строках принято число целых сколов в каждой сырьевой группе, указанное в первой строке.

пород эта доля колеблется от 5,8 % до 6,9 %. Возможно, что кремнистые сланцы, будучи слоистыми и одновременно довольно прочными, в отличие от глинистой разновидности, наиболее способствовали получению удлиненных пластинчатых сколов.

Анализ характера спинок отщепов показывает существенные различия между сырьевыми группами по наличию краевых и полукраевых сколов. Очень значительна их доля среди песчаниковых изделий — 54 % (рис. 19: 3), что как будто противоречит сделанному выше заключению о преимущественном расщеплении песчаника вне галереи. Однако частое использование таких отщепов с большими или меньшими участками гладкой валунной корки для оформления орудий свидетельствует о том, что они рассматривались как хорошие сколы-заготовки и, соответственно, могли приноситься наряду с прочими. Около трети краевых и полукраевых отщепов отмечено среди сколов из кремнистых сланцев и алевролитов (рис. 19: 2, 7). Они могли образовываться при расщеплении галек из этого сырья — как в самой пещере, так и на стороне, откуда доставлялись в числе заготовок, как и в случае с песчаником. Кремневые сколы обычно имеют лишь небольшие участки желвачной корки, причем она встречается, как правило, лишь у изделий из местного кремня (18,8 %). Минимально присутствие корки у отщепов и обломков глинистого сланца — 4 %. Судя по всему, такое сырье очень редко использовалось в виде галек, поскольку поблизости были выходы этих сланцев, изобиловавшие естественными обломками.

Огранка спинок сколов, то есть расположение и направление негативов на них, может рассматриваться, разумеется, только по целым изделиям. К сожалению, в ряде случаев, в особенности на нескольких очень оглаженных сколах из мягкого глинистого сланца, распознать характер огранки оказалось невозможно. Не учитываются в данном анализе, конечно, и краевые сколы. В результате нам удалось охарактеризовать огранку 201 из 250 целых сколов. Для всех типов сырья характерно доминирование одноплощадочного параллельного или слабоконвергентного скалывания — от 45,6 % у сколов из глинистого сланца до 60,5 % у изделий из кремнистых сланцев (рис. 19: 2). Среди песчаниковых отщепов такая огранка отмечена чуть более чем в половине случаев. От 19 до 25 % сколов показывают предшествующее скалывание с перпендикулярных боковых площадок, причем это несколько более распространено у валунного (песчаник) и отчасти галечного (кремнистые сланцы и алевролиты) сырья (рис. 19: 3, 6, 7). Несколько реже использовались противоположащие площадки — от 11,6 % до 20,3 % (рис. 19: 4). Некоторым исключением является здесь лишь глинистый сланец, где противоположащее двуплощадочное скалывание встречено почти у 30 % отщепов. Возможно, что к полюсному скалыванию побуждала естественная удлиненная форма плитчатых обломков такого сланца. Более сложная огранка с использованием трех и более площадок, то есть приближающаяся к подрадиальной, встречается довольно редко — от 3,1 % до 8,8 %. Чаще всего она фиксировалась опять же на сколах из глинистого сланца — почти

9 %, немного реже у кремнистого — 7 %. Допустимо, что здесь могла играть определенную роль плитчатость этого сырья, располагавшая к плоскостному принципу срабатывания ядрищ. При этом последовательное скалывание с одной рабочей поверхности требует периодической смены и увеличения числа приуроченных к ней ударных площадок. Наиболее редко отмечается такая огранка у изделий из песчаника (3,1 %) (рис. 17: 2). Вероятно, это отчасти можно объяснить тем, что валунное сырье, если оно, конечно, не бралось изначально в виде скола или уплощенного обломка, позволяло не придерживаться принципа расщепления в одной плоскости. Появлялась возможность переходить на новые поверхности скалывания, переоформлять их, что фиксируется реберчатыми сколами (рис. 17: 1), или же использовать подпризматический принцип. На определенное развитие последнего указывает, кстати, повышенная относительно прочих видов сырья доля песчаниковых сколов с крутыми гранями-обушками (27,2 %). Лишь треть этих обушков покрыта валунной коркой (рис. 19: 3). В данном случае подобные сколы связаны не с особой «долечной» техникой, а с подпризматическим на начальной стадии расщеплением крупных уплощенных валунов. В других случаях обушковые грани представляли собой площадки для боковых снятий, а одна такая грань образовалась из-за дополнительного продольного раскола отщепа в момент удара (рис. 19: 4). Обушковые грани среди сколов из сланца и кремня составляют от 16 до 10 %, и корка на них отмечена лишь дважды (рис. 19: 2). Во многих из этих случаев затруднительно определить первичный или вторичный характер обушковых граней, а также судить о намеренности их получения. Сланец, особенно глинистый, дает очень плоский излом и часто раскалывается в соответствии с внутренней слоистостью. Местный кремнь также характеризуется слоистостью и трещиноватой структурой.

Отмеченные особенности большей части сланцеватых пород, а также определенная близость к ним местного кремня существенно отражаются не только на общем облике соответствующих изделий, но и на характере их брешковых поверхностей. Особенно невыразительны они у изделий из глинистых сланцев: бугорки очень плоские или практически незаметны, конус не выделяется, а точка удара часто угадывается только по маленькому выступу внутренней кромки ударной площадки. Микротрещины не видны, но в редких случаях вероятное возникновение их выражается в необычной, «угловатой» форме бугорка, когда скол, снимаемый в целом согласно спайности породы, как бы вырывает из нуклеуса участок более глубокого слоя. Наиболее сложно распознать признаки искусственного расщепления у некоторых мелких обломков из глинистого сланца, а также у изделий с сильно выветреной и оглаженной поверхностью. Не исключено, что в ряде случаев такие признаки действительно отсутствуют, поскольку в качестве заготовок порой могли использовать естественные обломки подходящей формы и размера. Это касается и отдельных предметов из окремненных сланцеватых пород: в коллекции имеются несколько углова-

тых обломков кремнистого сланца и местного кремня, а также немало мелких орудий, изготовленных именно на подобных обломках, а не на отщепах. Особенно это характерно для местного трещиноватого кремня, который, по-видимому, был лишь в малой степени пригоден для первичного расщепления.

В то же время, из кремнистых сланцев и алевролитов получено немало выразительных отщепов, которые имеют достаточно четкие и выпуклые ударные бугорки, часто сопровождаемые отходящими от точки удара микротрещинами («усиками»). Вообще чем более окремененным является сырье, тем более четко проявляются на нем все признаки искусственного удара. Так, четыре скола из лидита, как и импортные кремни, имеют очень хорошо выраженные бугорок и конус. Эти породы, обладающие раковистым изломом, отличаются от кремнистых сланцев большей гладкостью брющка, тогда как у последних — благодаря, видимо, их слонистой структуре — встречается порой ребристая или даже слегка «ступенчатая» брющковая поверхность.

Песчаники дают в общем достаточно ровную брющковую поверхность и обширные, но расплывча-

тые и слабовыпуклые — даже у крупных сколов — ударные бугорки. Конус и точка удара четко не выделяются — скорее, можно говорить о зоне удара (рис. 17: 2). Имеется пример двубугоркового отщепа, когда касание отбойника произошло одновременно в двух точках (рис. 17: 1). Следует отметить, что на песчаниковых отщепах, как и на прочих сколах, изъязнцы почти не встречаются. Учитывая этот факт, а также расплывчатость и слабую выпуклость бугорков, относительную редкость трещин и заломов, можно предполагать, что особенно жестких отбойников не употребляли и в качестве них выступали, видимо, главным образом все те же песчаниковые гальки. Этот вывод подтверждается находками подобных песчаниковых галек со следами забитости (см. в следующем разделе) при отсутствии галек из иных, более твердых пород.

Данные о распространении здесь подправки ударных площадок сколов, полученные на основании анализа определяемых площадок (площадки целых сколов + площадки базальных обломков), кратко подытожены в таблице 3.

Таблица 3

Основные характеристики ударных площадок сколов из восточной галереи по сырьевым группам

Характеристики ударных площадок	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень
Количество определенных площадок	90/100 %	83/100 %	49/100 %	25/100 %
Гладкие площадки, в т. ч. с коркой	78,9 % 15,6 %	71,1 % 6 %	79,6 % 10,2 %	60 % 4 %
Двугранные площадки	12,2 %	12,1 %	10,2 %	8 %
Грубофасетированные площадки	8,9 %	15,7 %	10,2 %	28 %
Тонкофасетированные площадки	—	1,2 %	2 %	4 %
Выпуклые площадки	11,1 %	22,9 %	20,4 %	28 %
Средний угол ударных площадок	109,6°	110,4°	111,8°	110,5°

Как следует из этих данных, во всех сырьевых группах преобладают гладкие ударные площадки. Однако что касается подправленных площадок, то наблюдается определенная связь распространенности подправки с типом сырья. Так, песчаниковые сколы чаще прочих имеют гладкие площадки с коркой, но совершенно не имеют тонкофасетированных (т. е. с более чем 3—4 фасетками) и реже остальных демонстрируют выпуклые площадки. Наибольший процент выпуклых и фасетированных площадок, включая тонкофасетированные, дает кремень. Заметим, что это происходит главным образом за счет небольших сколов и орудий из импортного высококачественного кремня. Сланцы занимают промежуточную позицию с точки зрения подправки площадок. Любопытно, что у глинистых сланцев подправка площадок несколько более развита, нежели у кремнистых. Возможно, это перекликается со сделанным выше наблюдением о большем распространении среди первых многоплощадочного плоскостного скалывания. Определенной неожиданностью оказалось

то, что, несмотря на довольно широкий разброс углов площадок — от 90 до 130° — во всех сырьевых группах, мы получили очень близкие средние значения — около 110°. Если рассмотреть распределение площадок по углам более подробно, то оказывается, что наибольшее число площадок повсюду сосредоточено в диапазоне 105—115°. Наряду с низкими показателями фасетирования это свидетельствует, очевидно, о достаточно архаичной технике скалывания.

О том же говорит немалая средняя толщина сколов, слабое развитие сложной многоплощадочной огранки и неправильность формы абсолютного большинства отщепов. Встречается очень мало отщепов, которые можно было бы трактовать в качестве сколов подправки поверхности и площадок ядрищ или иного их переоформления. Выделенные 8 реберчатых и полуреберчатых сколов чаще всего (5 случаев) связаны с переходом на новую, перпендикулярную прежней, площадку. Ребро при этом расположено асимметрично и одна из граней заметно уже и круче другой. Фактически это обушко-

вые сколы, причем грань-обушок срезала предшествующую площадку, а основная часть спинки сохранила связанные с той площадкой поперечные негативы. Среди таких сколов по 2 из глинистого и кремнистого сланца и один кремневый. В трех других случаях (песчаник, кремнь и глинистый сланец) ребро расположено почти по оси сколов. Все эти три скола довольно массивны: толщина (т) варьирует от 1,2 до 2,7 см, индекс массивности ($e/t \times 100$) — 56,3—87,5. Только здесь, видимо, можно говорить о полной переориентации раскалывания плоскостного нуклеуса (рис. 17: 1).

Мелкие сколы и чешуйки составляют в целом 39,9 % всех сколов. Большинство их (92 %) имеют одноплощадочную огранку, а 12 предметов (3,4 %) сохранили корку (6 — песчаник, 4 — кремнистый сланец и 2 — кремнь). Более сложная огранка мелких сколов встречается практически только у глинистых сланцев, что, несомненно, связано с распространением такой огранки у крупных сколов из этого сырья. Очень трудно подразделить данную категорию сколов на отходы от первичной и вторичной обработки. Размеры сколов не всегда могут быть показательными, поскольку отходы от обработки рубил, чопперов, грубых скребел и тому подобных макроорудий нередко имеют вид небольших отщепов, аналогичных тем, что возникали при оббивке ядрищ. К отходам от вторичной обработки наиболее уверенно можно отнести совсем мелкие (до 0,5 см в поперечнике) чешуйки и некоторые более крупные сколы данной группы, базальная часть спинки которых несет явную орудийную ретушь. Следует заметить, что собственно чешуек насчитывается чуть более десятка и абсолютное большинство их — из импортного кремня. Единичные чешуйки отмечены среди кремнистых и глинистых сланцев. Сколов второго рода, представляющих собой, собственно говоря, отходы от поджигления ретушированного края, выделено 15 экз.: из них 11 — кремневые, включая 7 или 8 из импортного кремня, 2 — из глинистого сланца и 2 — из кремнистого сланца. Кроме того, имеются еще 4 скола, срезавшие уже не прикраевую, но более обширную часть орудия (1 — кремнь, 2 — кремнистый сланец и 1 — глинистый сланец (рис. 19: 5)). По-видимому, такие сколы свидетельствуют о модификации орудий. Наконец, один скол из кремнистого сланца, несмотря на не вполне ясный характер проксимального конца (повреждение?), имеет вид резцового отщепа.

Проследить какие-либо закономерности в распределении различных сколов и их отдельных параметров по 8 раскопочным горизонтам затруднительно, поскольку количество находок в каждом из уровней слишком мало для статистически корректных выводов. Можно лишь вновь указать на сосредоточение большинства находок из всех видов сырья в горизонтах 1—3. Ниже количество их убывает. Любопытно также, что в низах практически отсутствуют предметы из кремнистого сланца и кремня. Особенно это заметно в отношении кремней, которые в горизонтах 6—8 представлены лишь шестью чешуйками. Кроме того, имеется тенденция к некоторому увеличению к верхам доли песчаников. Что касается параметров сколов, типов ударных площадок и т. п., то

мы не видим определенной корреляции их с глубиной залегания изделий.

4.2.3. Каменные орудия из восточной галереи

К орудиям было отнесено 196 предметов. Имеется также ряд изделий, в особенности сланцевых, с сильными повреждениями краев, а также отдельные предметы, у которых остается неясным характер ретуши — является ли она вторичной обработкой или результатом утилизации.

Чопперы (4 экз.). Они изготовлены из валунов песчаника длиной от 11,3 до 15,0 см и весом от 0,8 до 1,5 кг. Три из них изготовлены на валунах удлинённой формы с уплощенными сторонами и крутыми гранями-торцами. Четвертый оформлен на плоско-выпуклом валуне. Во всех случаях один из концов валуна был узким, удобным для захвата рукой, рабочее же лезвие располагалось на противоположном более широком крае, в плоскости одной из сторон предмета. Все чопперы являются концевыми, но у одного из них рабочее лезвие лежит под прямым углом к длинной оси орудия, у прочих — косо по отношению к ней. Рабочие лезвия двух чопперов образованы двумя крупными снятиями, третьего — одним, четвертого — четырьмя или пятью. Последний наиболее интересен. Оформлен он на плитчатом валуне толщиной 4,2 см. Узкий, сходящийся на конус конец последнего стал удобной рукояточной частью орудия. Широкий же дистальный край его состоит из двух симметрично расположенных отрезков: один был получен отвесным обрубом и как бы дополняет естественный обушок предмета, второй же был оббит сколами под углом 60—70°, образовавшими слабозубчатое лезвие (рис. 20: 2). Наличие такой же рукояточной части и скошенного по отношению к длинной оси предмета лезвия характеризует и другой чоппер. Лезвие его оформлено под тем же углом, но выступает в виде невысокого острия (рис. 20: 1). На рабочих лезвиях, по крайней мере, трех орудий заметны следы их утилизации в виде выщербиин. Примечательно, что все эти чопперы были сосредоточены в дальней трети восточной галереи (квадраты Л, К, И), где располагалось подавляющее большинство найденных в ней орудий.

Чоппинг (1 экз.). Он выделяется чрезвычайно крупными размерами (16,0×12,4×7,7 см) и большим весом (около 2,5 кг). Орудие оформлено на песчанниковом валуне подпрямоугольных очертаний со слабовыпуклыми сторонами и является концевым (рис. 21). Извилистый рабочий край его образован альтернативными снятиями — тремя с одной стороны, одним с другой и лежит почти в срединной фронтальной плоскости предмета. Угол заострения рабочего края равен 45—50°. Одна из сторон предмета, судя по выбоинам-лункам от ударов, первоначально, как кажется, использовалась в качестве наковальни.

Нуклеидные скребки — 4 экз. Это высокие (high-backed) массивные скребок-формы довольно крупных размеров с рабочими краями, образованными крутой или отвесной ретушью, идущей снизу вверх от упло-

щенных поверхностей. Два из них изготовлены из брусковидных фрагментов песчаниковых галек (рис. 22: 2, 4), два — из подходящих кусков сланца. Крутизна рабочих лезвий их варьирует в пределах 70—90°, но на сильно сработанной кромке одного из них она достигает угла 110—115° (ретушь нависающая). Один скребок является концевым, одинарным, два — двойными, а лезвие четвертого имеет вид крутой дуги, занимающей 2/3 периметра орудия. Наиболее показательны два орудия этого типа, плоские стороны которых и основания (пятки) сохранили галечную корку. Первое, песчаниковое, грубо подтреугольное в плане, с дуговидным лезвием, имеет размеры 7,4×8,5×4,3 см. Половина рабочего лезвия этого образца показывает следы сильного износа: рабочая кромка выкрошилась и стала из-за этого нависающей (рис. 22: 2). Орудие это несколько напоминает африканские нуклеидные скребки типа push-plane [Любин, Геде, 2000: 74, рис. 47: 1]. Второму, изготовленному из сланца нуклеидному скребку крутыми обрубками с трех сторон приданы четырехугольные очертания; четвертый край — пятка орудия — сохранил галечную корку. Два из трех обрубков подправлены крутой ретушью, образующей скребковые лезвия, но лишь одно из них выпрямлено и имеет следы износа (рис. 22: 4). Размеры этого скребка — 6,7×6,2×4,5 см. Еще один двойной скребок, сделанный из сланца, интересен лежащими в разных плоскостях лезвиями (рис. 22: 1). Оба узкие, ограниченные с обеих сторон обломами лезвия оформлены немногочисленными фасетками крутой (60—70°) ретуши. Глинистый сланец, из которого сделано это орудие, сильно выветрен. Размеры изделия составляют 5,2×5,2×3,3 см. Концевой скребок из песчаника имеет удлинённые пропорции (9,8×5,2×5,5 см) и слегка расширенный рабочий край; галечная корка сохранилась здесь на обратной стороне лишь по одному продольному краю и отчасти в основании. Лезвие его оформлено многоярядной ретушью, самый нижний ряд которой лежит под углом 80° (рис. 22: 3).

Видное место в коллекции каменных орудий из восточной галереи занимает группа частично или полностью двусторонних орудий (ручные рубила, рубильца, листовидные орудия). Она состоит из 16 сланцевых и 2 песчаниковых предметов, в размещении которых наблюдается определенная упорядоченность. Подавляющее большинство их, независимо от глубины залегания, располагалось вдоль южной стены галереи (рис. 23), поскольку вдоль северной, как и сейчас, был удобный проход вглубь пещеры. При этом большая часть этих орудий залегала в дальней половине галереи. Помимо того, здесь, как кажется, можно говорить о двух скоплениях изделий. Первое, состоящее из 8 сланцевых рубил и рубилец, находилось в квадратах Л, К_{21–23} на относительно близких глубинах. Второе, включающее три превосходных песчаниковых орудия — два классических ручных рубила в сопровождении крупного бокового скребла — было встречено в соседних квадратах Л и М на еще более близких глубинах (280—290 см от нулевой отметки) (рис. 24: Б).

Ручные рубила (12 экз.). Половина из них (6 экз.) являются относительно крупными (> 10 см), другая по-

ловица — меньшего размера, начиная от 7 см. Два рубила изготовлены из песчаника, остальные — из сланцев. Оба песчаниковых образца, наряду с третьим, встреченным поблизости, но уже в пределах центральной камеры (кв. Ж₂₂), являются наиболее крупными и совершенными орудиями из всех обнаруженных в пещере рубил из этой породы. Оба этих рубила являются двояковыпуклыми бифасами, причем, согласно критериям Ф. Борда [Bordes 1961], их можно причислить к классическим образцам.

Наиболее правильную форму и лучшую отделку имеет симметрично двояковыпуклое миндалевидное рубило, к сожалению, еще в древности утратившее свой дистальный конец (рис. 25). Первоначальная длина его достигала, как кажется, 15 см; размеры сохранившейся части: 13,7×9,1×4,5 см. Стороны его оббиты немногочисленными широкими плоскими снятиями, границы между которыми (межфасеточные ребра) малозаметны. Ближ продольных лезвий ребра эти срезаны ретушью, благодаря чему оба лезвия, если рассматривать этот бифас в профиль, стали почти прямолинейными. В то же время, в базальной части орудия на боковых краях сохранились небольшие фрагменты так называемых «переменных» (или «переходных», по А. Е. Матюхину [1983: 148]) ударных площадок, с которых снимались сколы оформления одной из сторон. Впрочем, фрагменты эти малозаметны и практически не нарушают общий весьма совершенный облик орудия. На пятке орудия сохранился небольшой участок галечной корки, расположенный почти под прямым углом к длинной оси предмета.

Второе песчаниковое рубило (15,9×8,2×4,5 см) обладает почти идеальной удлиненной подсердцевидной формой, но благодаря большой массивности также относится к миндалевидным. Поперечное сечение его имеет вид не двояковыпуклой линзы, а неправильного параллелограмма. Такое сечение свидетельствует об асимметрично двускатном рельефе каждой стороны предмета. Один скат на каждой из сторон был крутым, а второй — более обширным, пологим. Внешние края противолежащих друг другу крутых скатов служили ударными площадками для крупных снятий, образующих вторую пару скатов и одновременно уплощающих весь корпус орудия. Всюду, кроме базальной части, продольные лезвия выпрямлены и приострены ретушью как в плане, так и в профиль. Базальная часть приострена более небрежно. Дистальный конец предмета имеет наиболее совершенную отделку: он оббит таким образом, что поперечное сечение стало здесь равномерно двояковыпуклым и более тонким. Асимметрию двускатных сторон предмета усиливает крупная выпуклость, сохранившаяся на одной из них: снятия, идущие от обоих краев этой стороны, не смогли удалить это явно нежелательное утолщение (рис. 26).

Сланцевые рубила (10 экз.) в большинстве изготовлены из глинистого сланца с параллельной текстурой. Такая сланцеватость характерна и для трех орудий из кремнистых сланцев. Специфика сланцев в целом и особенности конкретной их разновидности четко отразились на облике изготовленных из них бифасов. Почти

все сланцевые рубила являются частичными (8 экз.) бифасами, более плоскими, нежели песчаниковые, и отличаются атипичностью и вариабельностью общей формы и очертаний. Четыре сланцевых рубила являются обушковыми. Относительной правильностью формы выделяются четыре орудия из кремнистого сланца.

Длину в 10 см превышают лишь 4 таких рубила — 2 кремнисто-сланцевых и 2 глинисто-сланцевых. Первое из них имеет размеры 10,4×7,8×3,0 см и сохранилось достаточно хорошо. Изготовлено оно, как кажется, из отщепа, часть брюшковой поверхности которого прослеживается на одной из сторон. На углу базальной части орудия сохранилась и массивная ударная площадка исходного скола. Остальная часть периметра орудия приострена бифасиальными радиально направленными пологими и полукрутыми сколами и кое-где ретушью. При этом сланцеватость породы вызвала ряд заломов в основании бифаса. Орудие кажется не совсем законченным отделкой: на дистальном конце его сохранился фрагмент переходной площадки; одно из продольных лезвий не вполне выпрямлено, а второе является синусоидальным. В плане, однако, это орудие имеет довольно правильные очертания сердцевидного рубила с закругленным концом (рис. 27). К подсердцевидным формам, но с заузненным и асимметричным дистальным концом относится и одно из глинисто-сланцевых рубил (рис. 28: 2) — тоже частичное и, благодаря тонкости исходного отщепа, очень уплощенное (11,4×7,8×2,2 см).

Второе рубило из кремнистого сланца не поддается обычной классификации. Отнесение его к орудиям такого рода может быть даже оспорено. Тем не менее оно имеет основные, хотя и своеобразно выраженные признаки рубила: массивную пятку, удлиненный корпус с приостренными двусторонней оббивкой лезвиями и заостренный конец. Размеры его — 16,5×7,5 (в основании — 9,5×4,3 см); очертания — удлиненно-прямоугольные, с заметно расширяющейся скошенной пяткой и широким острием-лезвием на дистальном конце (рис. 29). Заготовкой послужила крупная сланцевая галька, гладкая поверхность которой сохранилась на пятке и, отчасти, на одной из сторон предмета. В гальке видны два разных прослоя сланца — светлый и зеленоватый, имевшие, судя по всему, одинаковую прочность. Орудие это двояковыпуклое, симметрично двускатное с обеих сторон. Обработка его — пример исключительно экономной и умелой (удачной?) оббивки: на обеих сильно заглаженных сторонах его заметны следы считанных крупных, широких и плоских сколов, приостряющих продольные лезвия. Последние почти не подправлены ретушью. Основным рабочим элементом орудия были, возможно, не эти неотделанные лезвия, а его дистальный конец, хорошо приостренный крупным косым сколом (*coup du tranchet oblique*). И еще одна интересная деталь — на углу основания предмета имеется дуговидный выступ, явно приостренный ретушью.

Оригинально и последнее орудие этой группы, лишь немногим превышающее 10 см (10,6×5,6×3,1 см) и сближающееся с более мелкими неклассическими формами. Это глинисто-сланцевое обушковое рубило, отличающееся несколько замысловатой отделкой сто-

рон и основания. Одна сторона его уплощена широкими и плоскими поперечными снятиями, нанесенными от обушка, вторая — такими же снятиями, идущими вдоль длинной оси предмета от его дистального конца; основание же получило форму буквы «V», образованной грубыми парарезцовыми сколами (рис. 28: 1). В результате этих манипуляций дистальная часть орудия оказалась утонченной и приостренной дополнительной ретушью; обушок и основание же сохранили массивность. продольное лезвие, противолежащее обушку, стало резко синусоидальным. Очертания его резко асимметричные, но в дистальной трети оно напоминает сердцевидные формы.

Остальные шесть небольших (< 10 см) рубил из восточной галереи, изготовленные из глинистых и кремнистого (1 экз.) сланцев, еще более разнохарактерны. Два примыкают по размерам к описанным образцам, а четыре имеют длину 7—8 см. Поверхности глинисто-сланцевых орудий претерпели заметно большее изменение и разрушение. У некоторых из них поверхности при прикосновении мажутся, края и межфасеточные ребра сильно заглажены и в одном случае выкрашиваются, обнажая листоватое строение породы. Неустойчивые формы и очертания всех этих орудий обусловлены, видимо, формой и очертаниями исходных сколов-заготовок и невзыскательным отношением мастеров к этим поделкам. Два из них имеют обушки, три — поперечные дистальные концы. Два экземпляра демонстрируют сплошную бифасиальную отделку, остальные — частичную. Представляем наиболее интересные и лучше сохранившиеся образцы.

Единственное рубило из кремнистого сланца — обушковое, частичное, субсердцевидное, довольно удлиненное и плоское (9,7×6,0×2,3 см) — изготовлено на плитчатой гальке, отвесные торцы которой послужили ударными площадками для оформления пологими чередующимися снятиями одного из продольных краев орудия, а также его основания и отчасти острия. Сланцеватость породы обусловила ряд крупных заломов сколов оформления и заметную волнистость на поверхности негативов. Орудие, возможно, также не было закончено отделкой: продольное лезвие не выпрямлено ретушью, а на дистальном конце сохранился, как кажется, остаток переходной площадки, с которой оно должно было быть (?) приострено. На значительных участках сторон орудия и на обушке сохранилась галечная корка (рис. 30: 2). Другое удлиненно-сердцевидное рубило (9,4×5,4×2,3 см) резко отличается от предыдущего. Орудие это изготовлено на тонком удлиненном отщепа и является частичным (незначительная противолежащая подправка краев и основания). Дистальный конец его приострен, как и у описанного ранее большего кремнисто-сланцевого бифаса, крупным косым плоским сколом (*coup du tranchet oblique*) с одной стороны и, сверх того, подобным ему противолежащим сколом с другой, брюшковой, стороны. Главным рабочим элементом орудия, как представляется, являлось именно это скошенное, тонкое дистальное острие-лезвие (рис. 30: 1).

Заслуживают, наконец, внимания четыре образца особенно «мажущихся», т. е. чрезвычайно выветрелых частичных бифасов с поперечным завершением дистальных концов — округлыми, прямыми и скошенными, соответственно. Изготовлены эти орудия на отщепах и подправлены в основном со стороны спиннок сколов-заготовок. Два изделия имеют обушки, два обработаны ретушью по всему периметру. Приводим изображение последнего, наименьшего (7,0×4,2×2,0 см) орудия со скошенным дистальным концом (рис. 31: 1) и двух обушковых, изготовленных на массивных отщепах (рис. 31: 2, 3). Один из них имеет утонченный со стороны спинки обухок, прямой дистальный конец и тщательно подправленное плоской ретушью, но сильно заглаженное коррозией лезвие. Размеры этого орудия — 8,3×6,7×2,8 см. Дистальный конец второго, очень близкого по размерам, закруглен.

Рубильца (3 экз.). Они изготовлены из кремнистого сланца, разновелики и совершенно разнородны. Первое является самым миниатюрным (3,3×1,9×1,1 см) из всех бифасов пещеры. Это симметрично двояковыпуклый и тщательно оформленный мелкими сколами лиманд. Функциональное назначение подобного орудия (рис. 32: 1) загадочно. Второе рубильце — массивное (5,3×4,3×2,3 см), с подчетыреугольными очертаниями и плоской площадкой в основании, со сплошной небрежной оббивкой сторон и шиповидным дистальным концом (рис. 32: 6). Третье орудие — частичное, более тонкое (5,3×4,0×1,3 см), подтреугольных очертаний, с противоположащей подправкой продольных лезвий и отломанным дистальным острием (рис. 32: 2).

Листовидные орудия (3 экз.). Это фрагменты узких и тонких «инволистных» изделий. Два из них были найдены в соседних квадратах (Л—М₂₂), но на разных глубинах (–232 и –275 см от нулевой отметки). Один является обломком острого дистального конца (рис. 32: 3), второй — обломком орудия, лишенного подобного конца (рис. 32: 4). Возможно, что это фрагменты одного кремнисто-сланцевого орудия, средняя часть которого утрачена. Третье, сильно оглаженное, удлиненное и тонкое (9,3×4,1×2,1 см) орудие имеет сплошную двустороннюю отделку и неправильные листовидные очертания. Базальная часть его, как кажется, обломана в древности. Дистальный конец, по крайней мере с одной стороны орудия, утончен плоскими снятиями, направленными вдоль продольной оси предмета. Слабосинусоидальные лезвия местами подправлены ретушью, с характерными для слоистой породы заломами (рис. 32: 5).

Скребла (90 экз.). Скребла являются наиболее многочисленной категорией каменных орудий в инвентаре галереи. На первый взгляд, кажется, что они представляют собой довольно хаотичное многообразие случайных неустоявшихся форм. Более внимательное рассмотрение материала позволяет, однако, проследить в нем некоторые закономерности в отношении исходного сырья, ретушной отделки и предпочитаемых моделей орудий. При отборе сырья предпочтение отдавалось породам, позволявшим получать более прочные и острые рабочие лезвия: кремнистому сланцу и алевролиту

(48,4 %) и кремню (22 %). Для изготовления скребел, в частности, были использованы все наиболее крупные кремневые сколы. Песчаники и глинистые сланцы представлены среди скребел в заметно меньшем объеме, чем в составе всего инвентаря, — 15,5 % и 13,9 %, соответственно.

Что касается предпочтений в характере оформления скребел, то следует отметить преобладание среди них однолезвийных образцов (84 экз.) и обушковых форм, а также стремление оконтурить часть этих орудий, придавая им продолговатые подпрямоугольные или грубо подтрапещиевидные очертания. Особенности эти свойственны скреблам всех уровней галереи. В ретушной обработке скребел наблюдается связь с характером исходной породы и, вне этой связи, господство краевой отделки. Скребла из сланцевого материала, особенно из глинистого сланца, как правило, оформлялись немногочисленными краевыми, широкими и крупными, иногда желобчатыми (creuse) пологими и полукрутыми фасетками. Ретушь эта чаще всего была однорядной, реже — двухрядной. Около трети скребел (орудия из кремня, кремнистого сланца, песчаника) оформлены ретушью полукрутой и глубокой, модифицирующей, двух- и трехрядной. В отдельных случаях она приближалась к типу полукина. На двух предметах отмечена отвесная ретушь (abrupte). Кое-где на лезвиях видны — в виде кромочной нависающей ретуши — следы утилизации. Применение многорядной чешуйчатой ретуши единично (крупное андезитовое скребло — рис. 32: 7). Такие виды интенсивной модифицирующей отделки, как ретушь распространенная, сплошная, бифасиальная и, за исключением одного случая, высокая, сколовая (sur-elevee), здесь не прослежены. В целом же преобладало применение однорядной ретуши разной крутизны, размеров, формы и количества фасеток, подкрепленной иногда мелкой кромочной подретушевкой. На лезвиях скребел из мягких пород последняя могла быть также следствием утилизации или естественных повреждений (concassage). Скребла, оформленные пологой и плоской ретушью, использовались, скорее всего, как режущие инструменты.

Наиболее интересной и оригинальной группой скребел являются однолезвийные скребла с обушками более или менее геометризованных очертаний — редкий случай некоторой стандартизации простых (ординарных) скребел. Скребла этой группы (20 экз.) — боковые и поперечные — были оформлены различной ретушью, но их объединяет сходство исходных заготовок и приемов оконтуривания. Сколы-заготовки обычно имели продолговатые очертания и грани-обушки (иногда натуральные) по одному из продольных краев. Придание этим сколам подпрямоугольных и подтрапещиевидных очертаний достигалось усечением их дистальных или базальных частей, а порой и обоих концов посредством обрубов или брюшковых стесов — под прямым или скошенным углом к длинной оси орудий. Иногда брались сколы-заготовки укороченных пропорций, где усекался один или оба боковых края, а обушком тогда становилась базальная часть с площадкой. Ретуширование длинного края, противоположащего

обушковому, завершало оформление этих орудий. Приводим изображения тринадцати наиболее характерных образцов таких скребел. Три из них — наиболее крупные и массивные ($11,5 \times 9,2 \times 4,0$; $10,1 \times 5,5 \times 2,3$; $7,3 \times 3,6 \times 2,0$ см) — сделаны из песчаника (соответственно, рис. 33: 3, 5, 6), два — из светлого кремня (рис. 33: 1, 2), четыре — из сланца (рис. 33: 4; 34: 3—6), одно — из андезита (рис. 32: 7), одно — из кремнистого известняка (рис. 34: 7) и одно, наименьшее ($4,7 \times 2,5 \times 1,2$ см), — из алевролита (рис. 34: 2). Девять из этих скребел сделаны на удлинённых пластинчатых отщепе и являются боковыми, два (алевролитовое и меньшее из песчаниковых) — поперечными. У трех скребел усечены оба конца исходных заготовок, причем у одного, сланцевого, сколы усечения были противоположающимися и нанесены под очень острым углом к фронтальной плоскости предмета, благодаря чему произошло утончение обоих концов (рис. 33: 4). Подобные скошенные сколы, одновременно усекающие и утончающие концы, хорошо выражены еще у трех орудий (рис. 33: 3; 34: 3). Наиболее крупное из скребел этой подгруппы оформлено ретушью пологой, однорядной, создавшей, по существу, не скребущий, а режущий край (рис. 33: 6). Отделка лезвий остальных скребел выполнена двух-трехрядной, полукрутой или крутой модифицирующей ретушью. Наиболее совершенная регулярная ретушь такого рода видна на андезитовом скребле (рис. 32: 7) и скребле из кремнистого известняка (рис. 34: 7).

Остальные скребла из ашельских слоев данной галереи лишены столь явной спецификации. Морфологически они гораздо менее устойчивы, хотя среди них также преобладают однолезвийные удлинённые образцы, оформленные краевой ретушью разного рода. Характер их чаще всего предопределен формой исходных сколов-заготовок, которые сильно варьируют по очертаниям и размерам. Большинство этих простых скребел являются боковыми (49 экз.), 8 — поперечными. К одинарным скреблам, в некоторой мере условно, отнесены также еще семь своеобразных небольших скребел-острий. Пять из них — узкие массивные удлинённые и остроконечные предметы, один край которых образован обломом, а второй обработан крутой и глубокой многорядной ретушью (в одном случае — высокой сколовой) (рис. 35: 1). Кроме того, имеются два почти таких же, но плоских предмета, оформленных пологой лицевой (рис. 35: 3) или плоской брюшковой ретушью. Более сложные формы здесь единичны: двулезвийные скребла (6 экз.) представлены одним небольшим боковым с противоположающимися лезвиями, тремя удлинённо-треугольными конвергентными (рис. 35: 2, 4) и одним угловатым, у которого в месте схождения лезвий врезан глубокий анкош (рис. 35: 5). К конвергентным скреблам, возможно, относится еще один своеобразный сланцевый предмет, по форме и величине напоминающий жука-скарабея ($4,4 \times 2,9 \times 2,3$ см). Дистальный конец его заострен, грубая нависающая ретушь тянется по всему левому краю и в базальной половине правого. Зауженные концы орудия подтесаны с плоской вентральной стороны.

Таким образом, большая часть скребел является весьма разнородной, хотя в целом для них характерны такие признаки, как однолезвийность, преобладание боковых обушковых форм и оформление краевой ретушью. Отметим, в то же время, наличие значительной серии скребел геометризованных очертаний. Привлекает внимание также присутствие нескольких своеобразных скребел-острий.

Скребки (11 экз.). Скребковидные изделия разнородны, малочисленны и малохарактерны. Любопытен скребок продолговато-округлой формы с обработкой почти по всему периметру. Он сделан из кремнистого сланца и оформлен грубыми снятиями, дополняемыми лишь на части лезвия мелкой занозистой ретушью (рис. 35: 7). Четыре скребка можно отнести к концевым. Самый крупный и грубый из них оформлен на массивном ($6,2 \times 4,4 \times 2,5$ см) песчаниковом отщепе (рис. 35: 9). Наиболее совершенный вид имеет массивный белокремневый скребок ($4,2 \times 5,0 \times 2,2$ см), дуговидный край которого оформлен ретушью *surelevee* и несет следы небольшого износа на кромке лезвия (рис. 35: 8). Крутое лезвие имеет и третий, несколько менее массивный скребок из черного кремня. Приведем, наконец, изображение последнего из них, наиболее плоского скребка, лезвие которого приурочено к одному из краев подтреугольного фрагмента андезитового скола и оформлено полукрутой ретушью (рис. 35: 6). Остальные изделия представляют собой плоские атипичные формы с невыразительной, отчасти, возможно, утилизационной ретушью. Что касается сырья, то абсолютное большинство скребков и скребковидных форм изготовлено из кремня и кремнистого сланца. В единичных случаях использовались песчаник, глинистый сланец и андезит.

Выемчатые орудия (25 экз.). Они многочисленны и характерны. Наиболее типичны небольшие, изготовленные, как кажется, путем намеренной фрагментации массивных сколов предметы более или менее геометризованных очертаний (главным образом подтреугольных) с клетонскими выемками (13 экз.). Десять из них имеют по одной выемке (рис. 36: 1, 2), два — по две смежные выемки, разделенные небольшим шипом (рис. 36: 4), и один — две противоположающиеся выемки на разных сторонах изделия (рис. 36: 3). Остальные выемчатые изделия представляют собой разнородные сколы с преимущественно боковыми и более широкими клетонскими выемками, иногда слегка подправленными ретушью (рис. 36: 6, 9). Два-три предмета можно отнести к концевым анкошам (рис. 36: 5). Необходимо отметить, что на краях ряда изделий имеются случайные, по всей видимости, выемки-выщербины.

Зубчатые формы (3 экз.). Как специально изготовленные изделия они, на наш взгляд, практически отсутствуют, если не считать множества сколов и обломков со следами утилизации и естественных повреждений (мелкая, локальная, чередующаяся или прерывистая ретушь в сочетании с выщербинами, выкрашиванием и т. п.). Наиболее значительны эти следы на хрупких краях изделий из глинистого сланца. Они могли возникнуть в результате вытапывания пола пещеры людьми и животными, а также давления пере-

крывающих слоев, перемещения водой, коррозии, гравиационных движений и других факторов. К подлинным орудиям с зубчатой отделкой краев можно, как кажется, отнести лишь два изделия типа зубчатых скребел (рис. 36: 8) и одно, напоминающее скребочек (рис. 36: 7).

Клювовидные формы (28 экз.). Изделия эти весьма варьируют по сырью, заготовкам, отделке, формам и предполагаемому назначению. Для получения различных прочных колюще-режущих клювовидных форм (шпильев, буравов, шплов, проколов и т. п.) явно отбирались наиболее твердые и прочные породы: кремнь (6 экз.) и кремнистый сланец (16 экз.). Последний имеет преимущественно черный и черно-зеленоватый цвет, обладает хорошо выраженным раковнистым изломом и напоминает лидит (мелкозернистый кремнистый сланец, сложенный в основном халцедоном). Менее плотный серый кремнистый сланец представлен лишь тремя образцами, песчаник — одним, андезит — одним и одним же, как ни странно, — глинистый сланец, который, благодаря своей непрочности, сильно выветрился и расстрескался.

Подавляющее большинство клювовидных орудий оформлено на дистальных концах коротких подтреугольных отщепов. Угловые и боковые выступы-клювы встречались редко. Наиболее выразительны массивные образцы с концевыми клювами, образованными двумя смежными, сходящимися на острие предмета глубокими клетонскими анкошами (8 экз.). В нескольких случаях на концах острий заметны выщербины или фасетки ретуши (износ или подправка?). Мощные концы этих клювовидных орудий имеют трехгранное сечение. Толщина и ширина нескольких из них достигала 0,7—1,2 см на расстоянии 1 см от конца острий (рис. 36: 15). Концы двух предметов были обломаны в древности (рис. 36: 14). Размеры этих двух самых крупных экземпляров — 6,0×6,0×2,5 см и 4,7 (5,5?)×6,3×2,9 см, соответственно. Образцы более мелких экземпляров — кремневый и лидитовый — представлены на рисунке (рис. 36: 10, 11). Своеобразен образец, оформленный на брюшковой стороне серокремневого отщепа. Он образован не анкошами, а двумя широкими пологими снятиями, создавшими клюв более тонкий, но также трехгранный (рис. 36: 12). Особняком стоит и светлокременевый удлинненный предмет, имеющий трехгранное сечение по всей своей длине. Дистальный конец его слегка приострен 2—3 фасетками (рис. 36: 13). Еще два предмета из этой категории орудий можно отнести к типу *bes burinante alterne* (резцевидный клюв): их режущая кромка выделена противоположащей ретушью (рис. 37: 3). Отметим, наконец, четыре предмета с небольшими боковыми шипами (рис. 37: 4) и четыре плоских изделия, дистальные концы которых напоминают не столько клювы, сколько широкие режущие острия. Одно из них изготовлено из бело-розового (импортного?) кремня (рис. 37: 2), а другое оформлено на фрагменте андезита — также явно приносного сырья (рис. 37: 1).

Комбинированное орудие (1 экз.). Оно представляет собой крупный (7,7×7,8×2,0 см) отщеп кремнистого известняка, сильно изъеденный коррозией. На брюшковой

стороне его оформлено угловое скребло, на спинке — по правому краю — скребло боковое с сильно заглаженными фасетками. Третьим элементом является выделенный ретушью узкий режущий выступ (рис. 38: 4).

Разные (11 экз.). Среди оригинальных орудийных форм, не отмеченных в составе других ашельских комплексов, следует назвать нестандартизованные, но явно намеренно и целенаправленно оформленные режущие инструменты двоякого рода. Первые представляют собой крупные песчаниковые отщепы, на которых посредством выемок вычленялись участки выпуклого острия, в той или иной мере подправляемые ретушью. Наиболее показательны три экземпляра. Дуговидный режущий край первого, оформленный на брюшке отщепа полукрутой ретушью, выделен выемкой и ретушной подправкой, нанесенными со стороны спинки (рис. 37: 5). Размеры этого изделия — 6,0×5,5×1,8 см. Второе орудие такого типа (8,7×7,7×3,2 см) также является брюшковым, но дуговидное лезвие подправлено тут очень незначительно, а выделяющие его анкоши противостоят друг другу (рис. 37: 8). Длина слабо выпуклого лезвия третьего экземпляра, оформленного на краевом укороченном отщепе и вычлененного двумя широкими лицевыми анкошами, достигает 7 см. Прерывистые фасетки ретуши на лезвии появились, вероятно всего, в результате утилизации (рис. 37: 6). К этим изделиям, как кажется, примыкает крупный (7,1×6,5×2,6 см) краевой песчаниковый отщеп, дистальный конец которого срезан желобчатым брюшковым сколом. Левый край последнего подправлен ретушью и, сливаясь с острым краем отщепа, образует вместе с ним единое режущее лезвие (рис. 37: 7).

Другие привлекающие внимание разновидности режущих орудий являют собой не целостные формы, оформленные по какой-то схеме, но небольшие рабочие элементы такого рода, приуроченные к различным частям отщепов или их фрагментов. Интересен крупный (10,0×8,7×2,3 см) песчаниковый краевой скол, края которого были обломаны повсюду, за исключением двух узких — шириной 1,5—2,5 см — лезвийных участков, приостренных противоположащей ретушью (рис. 38: 2). С этим изделием перекликается массивное стамескообразное (*chisel-like*) орудие, изготовление которого потребовало поразительно минимальных усилий — нанесения двух-трех фасеток ретуши на трехгранный в сечении дистальный конец полукраевого песчаникового отщепа. Срезав ребро между двумя смежными гранями, фасетки эти оформили острое поперечное клиновидное лезвие, имеющее угол в 55° и ширину в 0,8—0,9 см (рис. 38: 5). Более мелкий предмет с рабочим элементом сходного рода оформлен на фрагменте плоского отщепа: короткое подретушированное лезвие выделено обломами (рис. 38: 1). Третий, подчетыреугольный предмет, выкроенный грубыми обрубками в основании и по правому краю, имеет прямое лезвие на дистальном конце, частично подправленное с двух сторон ретушью (рис. 38: 3).

Отметим среди «разных» и плохо сохранившееся изделие из глинистого сланца, которое имеет, как кажется, явно выделенный ретушью широкий выступ на правом боковом крае.

Своеобразны, наконец, два крупных орудия, изготовленные из сланцев — глинистого и кремнистого, на плитчатых заготовках подчетыреугольных очертаний. Первое — из кремнистого сланца — оформлено на крупном двоякоплоском краевом отщепе (?). Три края образованы отвесными обрубками, а четвертый, рабочий, грубо приострен мелкими снятиями со стороны брюшка (рис. 39: 1). Размеры его — 9,0×7,7×2,2 см. Предмет этот отчасти напоминает кливеры типа «0» по схеме Ж. Тиксье, однако отличается от них ретушной подправкой поперечного края. Второе, более массивное (10,8×8,8×3,2 см) орудие из светлого глинистого сланца имеет обрубку только в основании и на одном из продольных краев. Обе стороны его уплощены широкими снятиями. Дистальный же край и второй продольный дополнительно приострены крупной пологой и полукрутой ретушью. На дистальном конце, который имеет вид широкого острия, ретушь эта является бифасиальной (рис. 39: 2). Орудие это может быть соотнесено с обушковыми рубилами с поперечным лезвием, но имеет совсем иные пропорции и общую форму, по которым сближается с предшествующим орудием.

В составе инвентаря восточной галереи имеется десятка полтора обломков каких-то орудий, а также несколько неопределимых, благодаря интенсивному воздействию утилизации и выветривания, предметов из глинистого сланца. Выделяются, наконец, предметы, не относящиеся, ввиду отсутствия вторичной обработки, к категории орудий, но также имевшие определенную орудийную функцию.

Манупорты. Среди крупных галек выделяется группа (6 экз.) предметов длиной в 6—7 см, грубойцевидной формы, которые не имеют на своих поверхностях следов утилизации. Они могли приноситься сюда как в качестве запасов сырья, так и для иных надобностей.

Ретушеры. Валуну и крупные гальки (песчаниковые, редко — сланцевые) приносились на стоянку не только для изготовления макроорудий или расщепления. Они использовались также в качестве отбойников и ретушеров. Размеры тех и других, за исключением единичных случаев, были меньшими, чем у чопперов. В составе коллекции ретушеров из восточной галереи (7 экз.) лишь два представлены валунами (т. е. больше 10 см). Лунки-выемки от соответствующего использования этих предметов приурочены почти исключительно к их плоским поверхностям.

4.2.4. Итоги анализа ашельского инвентаря восточной галереи

Толща ашельских отложений восточной галереи доставила в общей сложности 983 находки каменных изделий, а также отбойников и манупортов. В составе изделий — нуклеусы, отщепы, чешуйки, осколки, орудия на гальках, сколах и аморфных обломках породы.

Специфической чертой инвентаря данной галереи является малая роль в нем песчаникового компонента: изделия из этого сырья составляют здесь менее четверти ансамбля. Среди сколов удельный вес песчаника равен 21 %, а среди скребел — наиболее многочисленной

группы орудий — уменьшается вплоть до 15,5 %. В то же время, изделия из сланцев составляют в галерее более 63 %, что превышает долю этого сырья во всех прочих частях пещеры. Предпочтение, отдаваемое сланцам, объяснить трудно, так как, судя по многим изделиям из песчаника и, в частности, по двум найденным в галерее мастерски изготовленным ручным рубилам, обработка этого материала не была непосильной задачей для ее обитателей. Забегая вперед, отметим, что преимущественное использование сланцев наблюдается и в других частях пещеры. Однако расчленение материалов по вертикали показывает, что это сырье повсеместно абсолютно доминирует в нижних, более ранних уровнях заселения, в то время как в более поздних уровнях доля его несколько сокращается при постепенном увеличении доли песчаниковых изделий. Эта тенденция прослежена и в восточной галерее, хотя проявляется здесь слабее.

Второй особенностью коллекции из восточной галереи является необычно большое количество мелких сколов и чешуек (39,9 %) и сравнительно низкий, по сравнению с другими галереями, процент орудий (19,9 %). Впрочем, второй показатель вполне объясним зависимостью его от первого: при подведении общего баланса высокий процент отходов сказался на доле орудий. Относительное же обилие здесь мелких отходов обусловлено, по всей видимости, расположением галереи в стороне от главного направления сброса карстовых вод и связанной с этим лучшей сохранностью ашельских отложений, особенно в привходовой части галереи.

Еще одной отличительной чертой данной галереи является сравнительно повышенная доля в ней целых, то есть нефрагментированных сколов, что прослежено для всех сырьевых групп (для песчаника, к примеру, она составила 61,4 % против 46—49 % в двух других галереях и центральной камере). Это может быть обусловлено как меньшим влиянием эрозии, приводящей обычно к перемещению и повреждению части изделий, так и меньшим вытаптыванием их в связи с особенностями использования галереи. Напомним, что находки в ней тяготели к южной стене, что связано, возможно, с наличием постоянного прохода вдоль северной.

Немногочисленные нуклеусы (2,0 %) демонстрируют различные стадии срабатывания: имеются как лишь начатые расщеплением очень крупные ядрища на песчаниковых валунах, так и мелкие остаточные формы. Преобладают достаточно простые приемы: одноплощадочное уплощающее скалывание (60 % случаев), очень редкая подправка поверхности ядрищ (3 экз.) и редкая, обычно грубая подправка площадок (9). При начальном расщеплении уплощенных песчаниковых валунов одноплощадочное скалывание велось с естественных гладких площадок и имело подпризматический характер. Более сложные формы ядрищ представлены лишь четырьмя образцами, включая 2 ортогональных остаточных, 2 радиальных и два двухсторонних. Последние, впрочем, демонстрируют сочетание двух рабочих поверхностей с одноплощадочным скалыванием.

Общее количество сколов несопоставимо с количеством нуклеусов, указывая на получение значительной части их вне пещеры. Характеристики сколов-заготовок показывают четкую корреляцию с сырьевыми группами. Так, песчаниковые сколы имеют наибольшие средние размеры, а кремневые — наименьшие. Более половины сколов из песчаника являются полукраевыми, в то время как среди кремнисто-сланцевых отщепов таковые составляют лишь треть, а среди кремневых — менее 1/5. Огранка спинок сколов в целом соответствует характеру нуклеусов: у всех типов сырья одноплощадочное скалывание доминирует (от 45 % у глинистого сланца до 60 % у песчаника). На втором месте — двухплощадочное ортогональное (от 19 до 25 %) и встречное (11—20 %). Более сложная огранка редка (3—9 % у разных видов сырья). Песчаниковые сколы выделяются обилием предметов с крутой гранью-обушком (27 %), треть которых покрыта коркой. Большею частью они связаны, видимо, с подпризматическим характером скалывания с валунов. Сколы из других ви-

дов сырья имеют обушковые грани лишь в 10—16 % случаев. Единственным показателем, не зависящим от сырья, является средний угол ударных площадок (около 110° для сколов любой сырьевой группы). Подправка площадок развита слабо: от 20 % у песчаника до 40 % у кремня, причем подправка более чем 3—4 фасетками (тонкая) крайне редка (0—4 %). Следует отметить, что наиболее тщательно подправленные ударные площадки отмечены у нескольких сколов и орудий из импортного высококачественного кремня.

В целом техника расщепления выглядит достаточно архаичной: значительная массивность сколов, отсутствие леваллуазских заготовок и подлинных пластин, преобладание скошенных и неподправленных ударных площадок. В то же время, явная связь ее показателей с сырьевыми группами наводит на мысль о том, что этот примитивизм может быть отчасти следствием низкого качества местных пород, которые были вынуждены использовать ашельские обитатели пещеры.

Орудия составляют 196 экз., или 19,9 % всех находок.

Таблица 4

Состав орудий в каменном инвентаре восточной галереи

Наименование орудий	Количество
<i>1</i>	<i>2</i>
Чопперы	4
Чоппинги	1
Нуклевидные скребки	4
Ручные рубила:	12 (6,1 %)
крупные:	6
классические	2
атипичные	4
частичные	3
обушковые	1
небольшие (< 10 см), частичные:	6
обушковые	3
с поперечным лезвием	3
Рубильца	3
Листовидные орудия	3
Скребла:	90 (46 %)
однолезвийные:	84
боковые	49
поперечные	8
«геометризованные»	20
скребла-острия	7
двулезвийные:	6
боковые	1
конвергентные	4
угловатые	1
Скребки:	11 (5,6 %)

Продолжение табл. 4

1	2
концевые	4
одноплечиковые	1
атипичные (плоские и др.)	6
Выемчатые орудия:	25 (12,7 %)
клектонские геометризованных очертаний	13
клектонские ординарные	12
Зубчатые изделия	3
Клювовидные орудия	28 (12,7 %)
Комбинированные орудия	1
Разные	11
Итого	196 (100 %)

Перечень орудий в ансамбле восточной галереи характеризует абсолютное преобладание небольших орудий на отщепах при малом удельном весе макроорудий (чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, ручные рубила и кливеровидные орудия). Первые насчитывают 173 экз. (88,2 % всего состава орудий), вторые — лишь 23 экз. (11,7 %). Более 2/3 (71,4 %) орудий на отщепах образуют три большие группы — скребла (46,0 %), выемчатые (12,7 %) и клювовидные изделия (14,2 %). В целом набор орудий на отщепах достаточно ограничен: скребла здесь в основном однолезвийные, часто атипичные; остроконечники, лимасы, резцы и ножи с ретушированным обушком отсутствуют; зубчатые орудия единичны; скребки в большинстве своем атипичны. Вторичная отделка осуществлялась главным образом посредством довольно примитивной и порой небрежной краевой пологой ретуши — часто разреженной, иррегулярной. Крутая, распространенная и бифасиальная ретушь применялась редко. Зато выемки и обрубы (крутые усечения) практиковались довольно часто как при оконтуривании орудий, так и при оформлении их рабочих элементов.

В то же время в облике орудий на отщепах очевиден ряд прогрессивных черт. Таковы наметки стандар-

тизации скребел и выемчатых изделий, выраженные в стремлении придать им посредством концевых обрубков и брюшковых стесов геометризованные очертания (рис. 33; 34). Инновационный оттенок имеют относительно большой ассортимент клювовидных форм и выемок — как орудийного, так и аккомодационного характера, а также появление необычных для ашеля листовидных орудий (рис. 32: 3—5).

В большей или меньшей степени эти явления, как будет показано далее, прослеживаются и в других частях пещеры. Вместе с тем некоторые встреченные в восточной галерее орудия не обнаружены ни в центральной камере, ни в других галереях. К ним относятся кливеровидные орудия (рис. 39), серия небольших атипичных плоских и главным образом частичных сланцевых рубил с обушками или поперечными лезвиями (рис. 28; 30: 1; 31) и ручные рубила с приостренным дистальных концов косыми плоскими сколами (*coup du tranchet oblique*) (рис. 29; 30: 1). Рядом с этими атипичными рубилами, напомним, встречены два крупных классических ручных рубила из песчаника (рис. 25; 26), аналоги которым имеются только среди находок на смежном участке центральной камеры.

Рис. 13. Кударо I. Восточная галерея: А — до начала раскопок; Б — общий вид после удаления всей толщи осадков вплоть до низов ашельского слоя (на стене слева прочерчена линия поверхности пола до начала раскопок)
 Fig. 13. Kudaro I cave. The eastern gallery: А — before beginning of the excavation; Б — general view after removing sediments up to the lowermost levels of the Acheulian layer (on the left rock wall there is marked a line of the cave floor before digging)

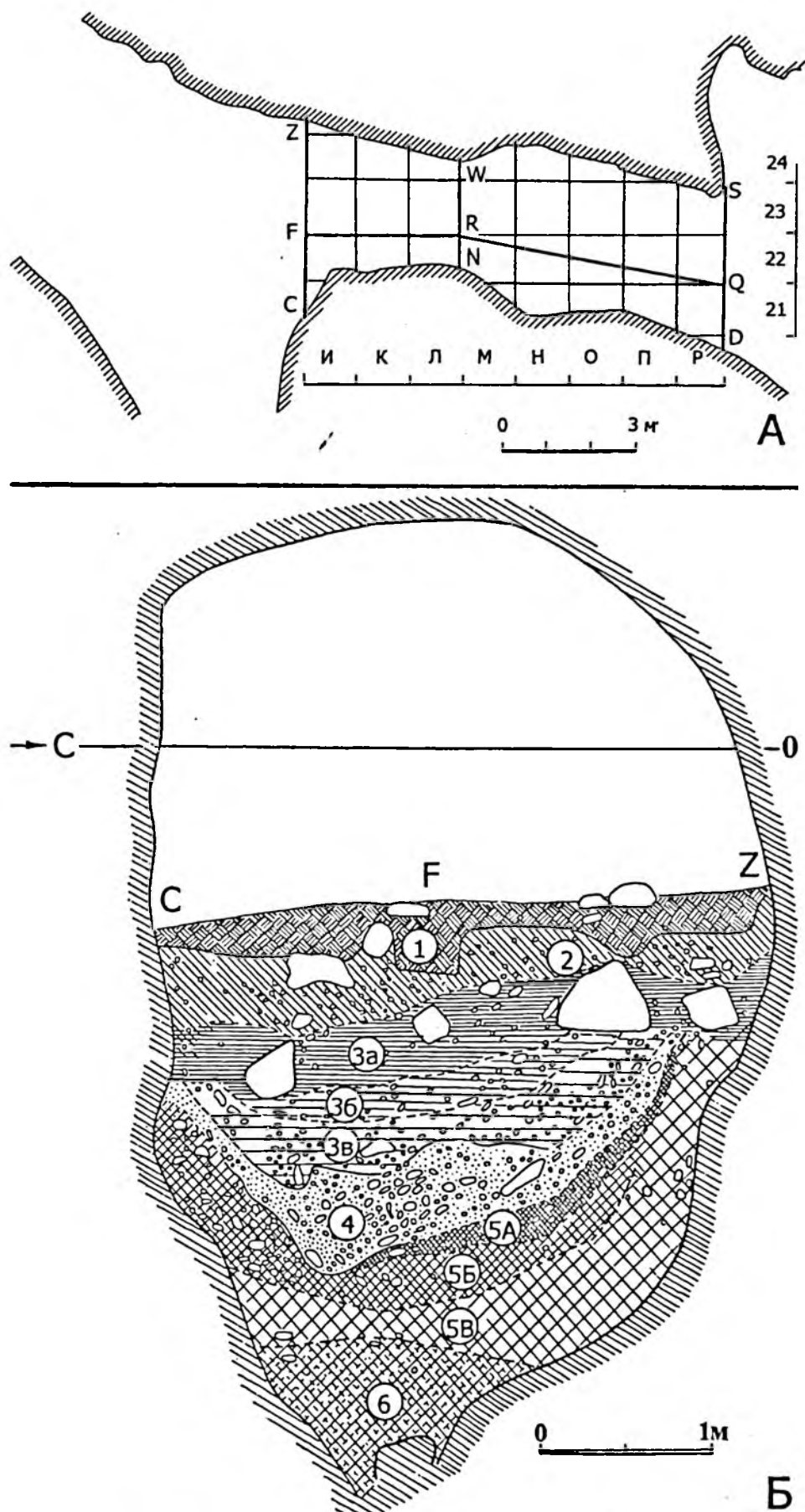

Рис. 14. Кударо I. Восточная галерея: А — план; Б — поперечный разрез C-F-Z: 1 — голоценовый слой; 2 — мезолитический (?); 3а—в, 4 — мустьерские; 5А, 5Б, 5В — ашельские слои; 6 — придонная стерильная глина
 Fig. 14. Kudaro I cave. The eastern gallery: А — plan; Б — transverse sediment section C-F-Z: 1 — Holocene layer; 2 — Mesolithic (?); 3а—в, 4 — Mousterian; 5А, 5Б, 5В — Acheulian; 6 — basal sterile clay

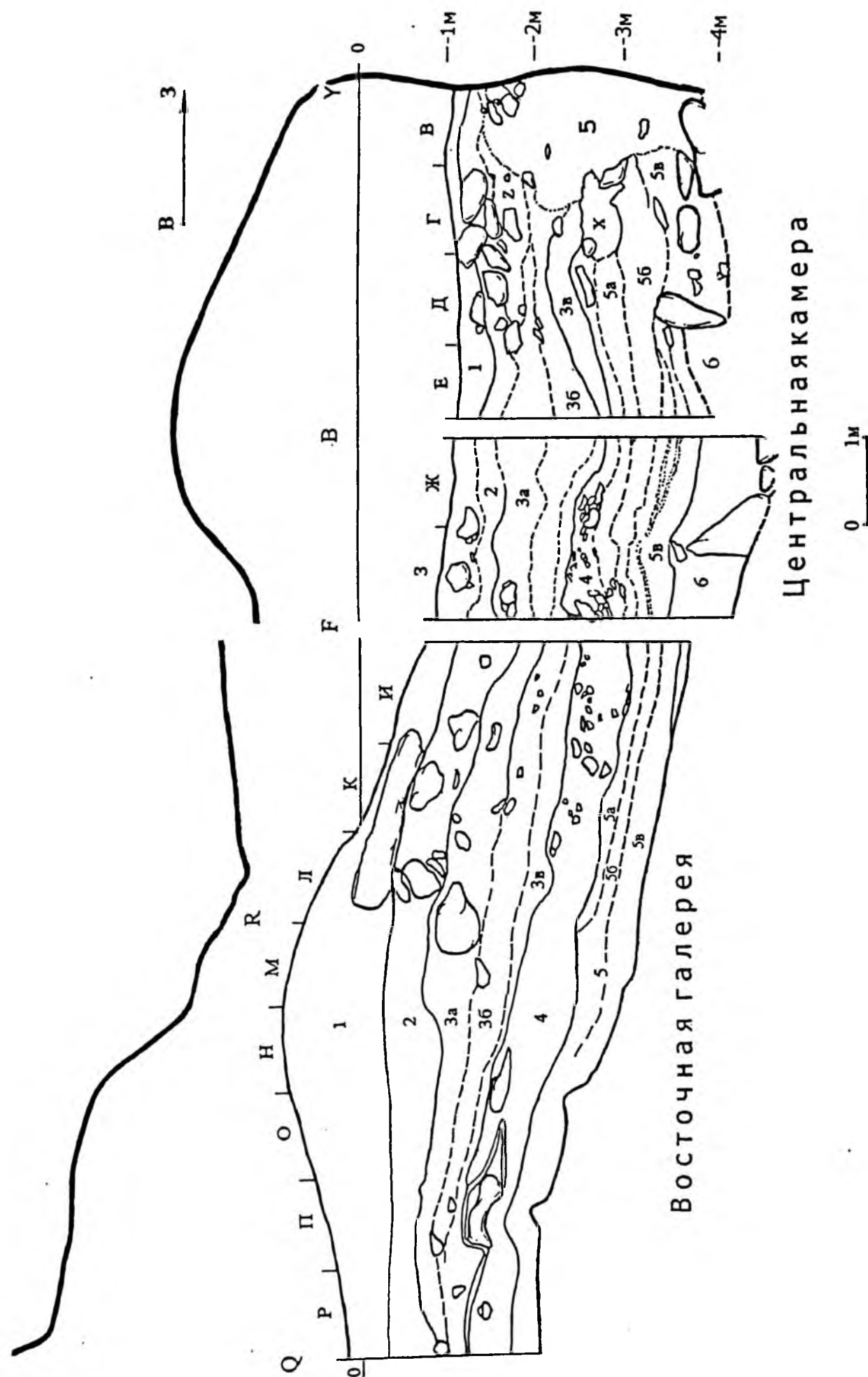

Рис. 15. Кударо I. Продольный разрез, рассекший отложения восточной галереи и центральной камеры по линии Q-R-T-B-V (раскопки 1957—1959, 1961 гг.)
 Fig. 15. Kudaro I cave. Longitudinal section across sediments of the eastern gallery and the central chamber along the line Q-R-T-B-V (excavation areas 1957—1959, 1961 гг.)

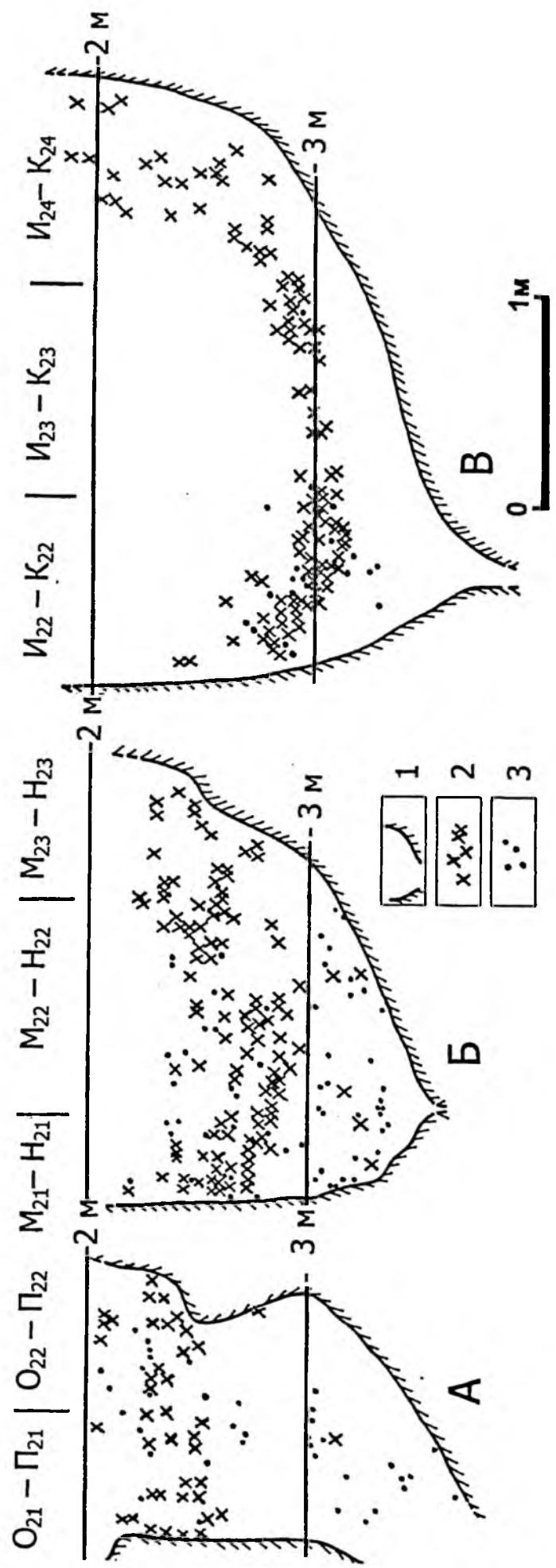

Рис. 16. Кударо I. Восточная галерея. Поперечные профили, демонстрирующие расположение каменных изделий и костей, найденных на расстоянии полуметра по обе стороны каждого из профилей: А — профиль на удалении двух метров от входа в галерею (граница линий квадратов О и П); Б — профиль в четырех метрах от входа (граница линий квадратов И и М); В — профиль в семи метрах от входа (граница линий квадратов И и К). Условные обозначения: 1 — скальные стены; 2 — каменные изделия; 3 — кости.

Fig. 16. Koudaro I cave. The transverse profiles demonstrating a distribution of lithic artefacts and bones found within 0.5 m zones on both sides of each profile: А — a profile at a distance of 2 m from the gallery mouth (a border between the «O» and «I» square lines); Б — a profile at a distance of 4 m from the entrance (a border between the «H» and «M» square lines); В — a profile at a distance of 7 m from the entrance (a border between the «I» and «K» square lines). Legend: 1 — rock walls; 2 — lithic artefacts; 3 — bones

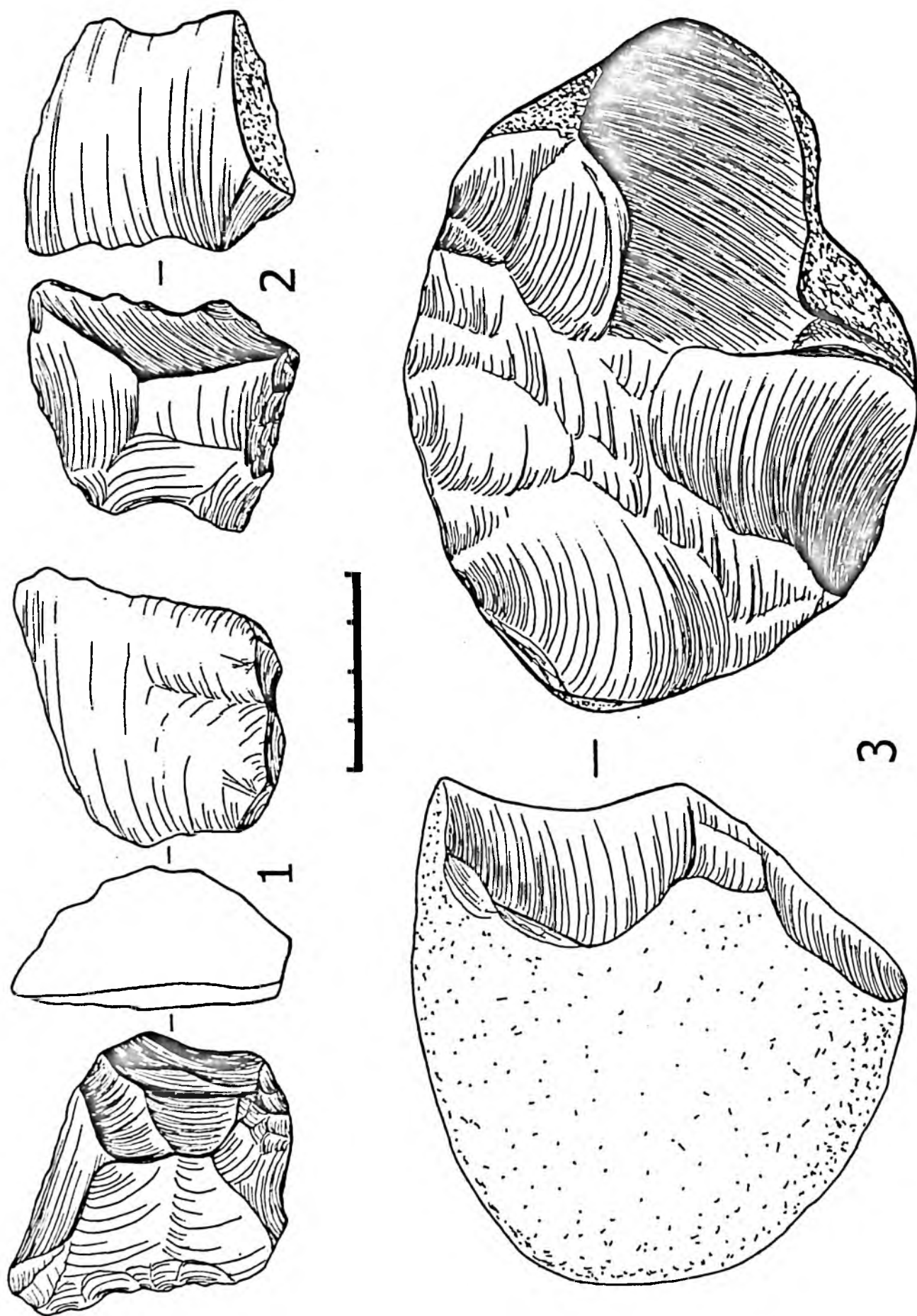

Рис. 17. Кударо I. Восточная галерея. 1, 2 — отщепы; 3 — нуклеус (все из песчаника)
 Fig. 17. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1, 2 — flakes; 3 — core (all of sandstone)

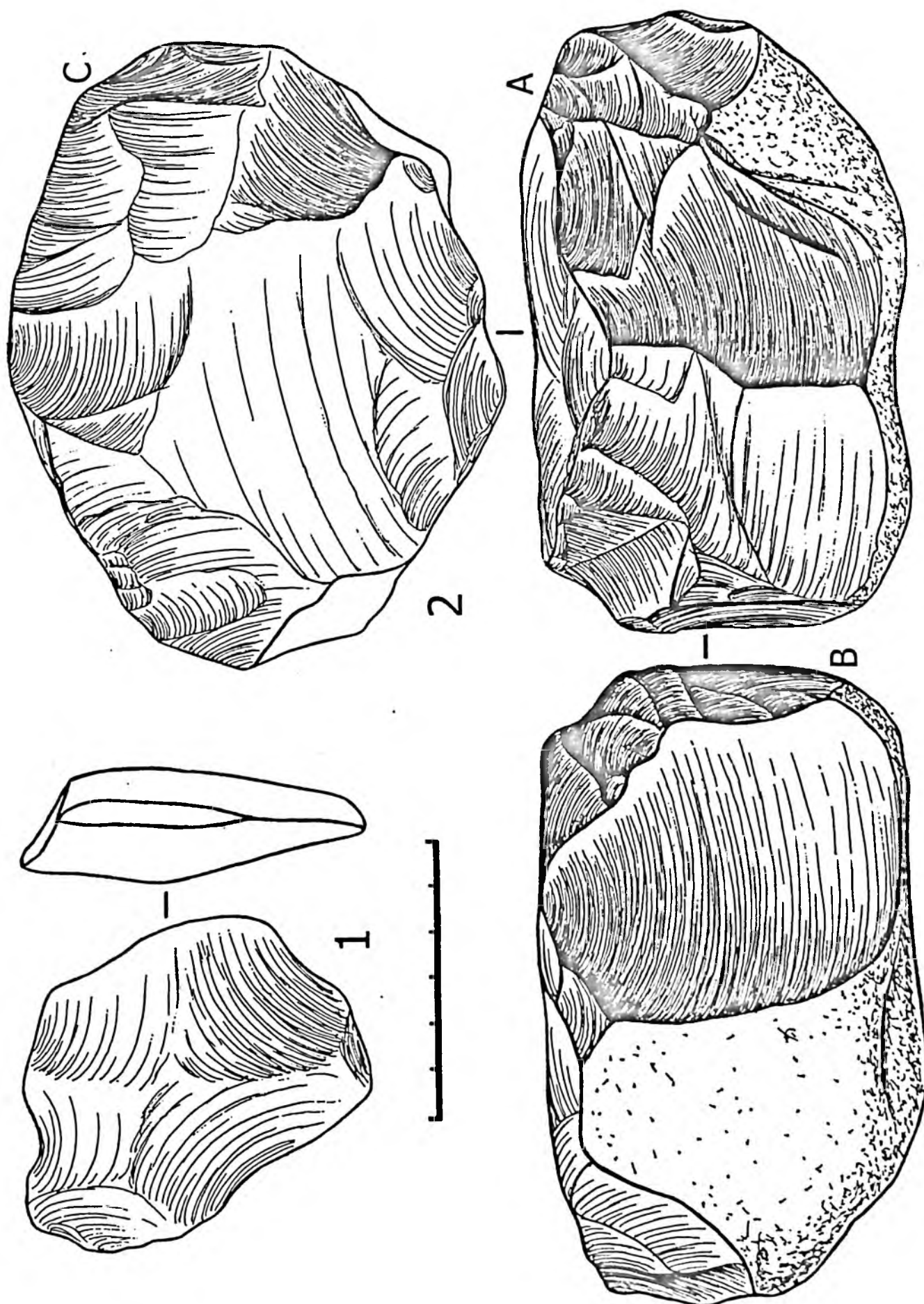

Рис. 18. Кударо I. Восточная галерея. Нуклеусы (1 — из глинистого сланца, 2 — из песчаника)
 Fig. 18. Kudaro I cave. The eastern gallery. Cores (1 — of shale; 2 — of sandstone)

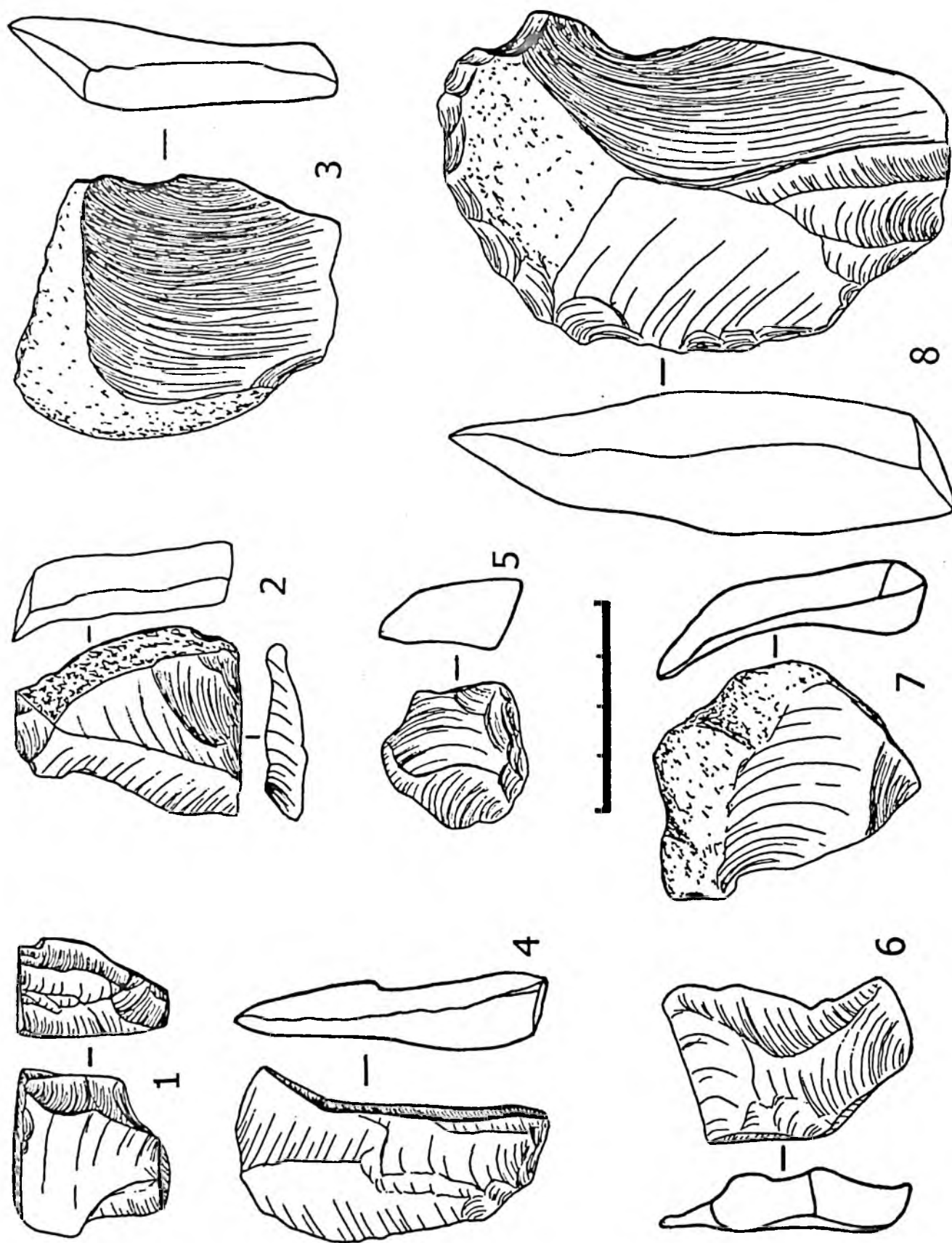

Рис. 19. Кударо I. Восточная галерея: 1 — кремневый нуклеус; 2—8 — отщепы (2, 7 — из кремнистого сланца, 3, 4, 8 — из песчаника, 5 — из глинистого сланца)
 Fig. 19. Kudaro I cave. The eastern gallery: 1 — core of chert; 2—8 — flakes (2, 7 — of schist; 3, 4, 8 — of sandstone, 5 — of shale)

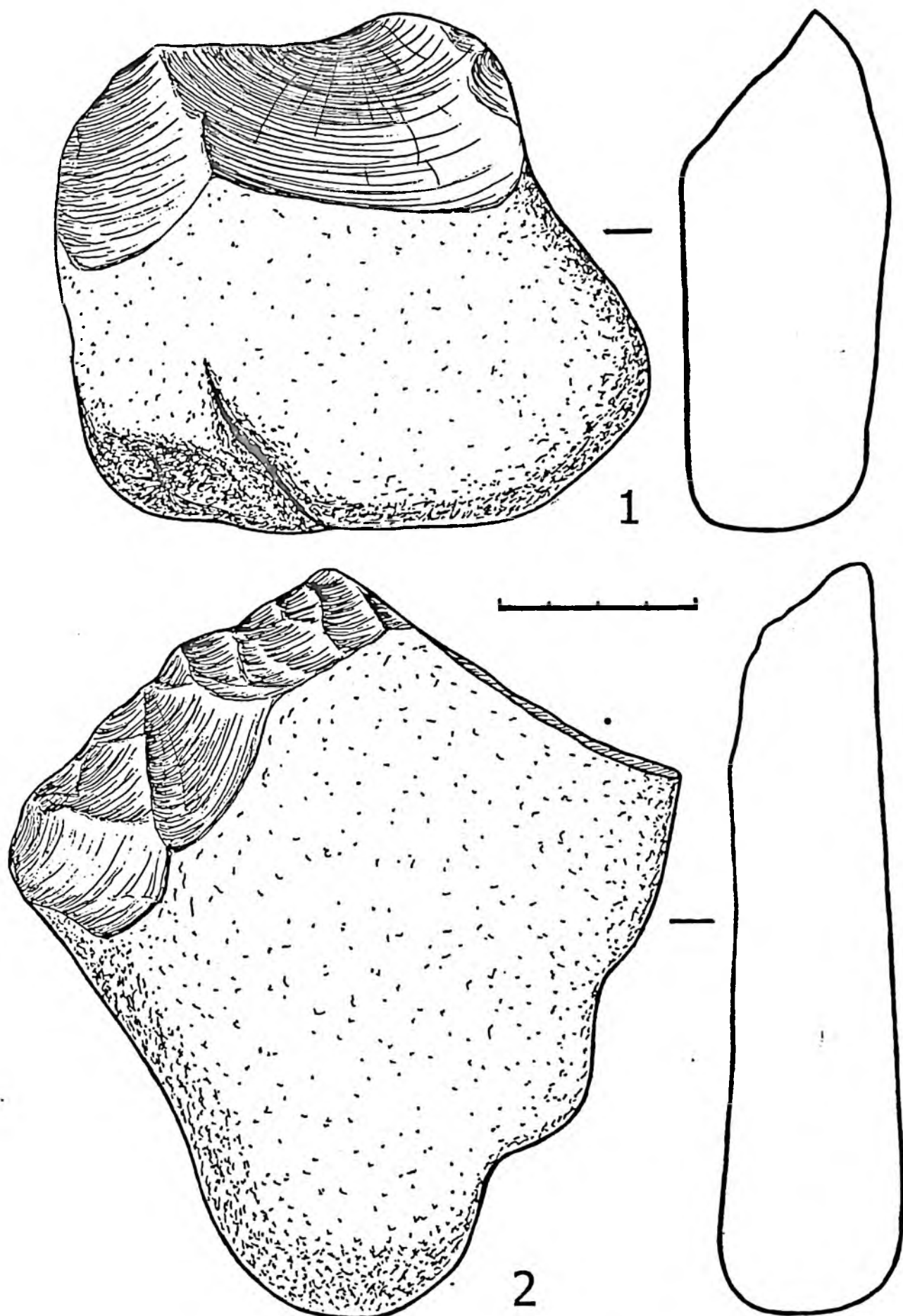

Рис. 20. Кударо I. Восточная галерея. Чопперы
Fig. 20. Kudaro I cave. The eastern gallery. Choppers

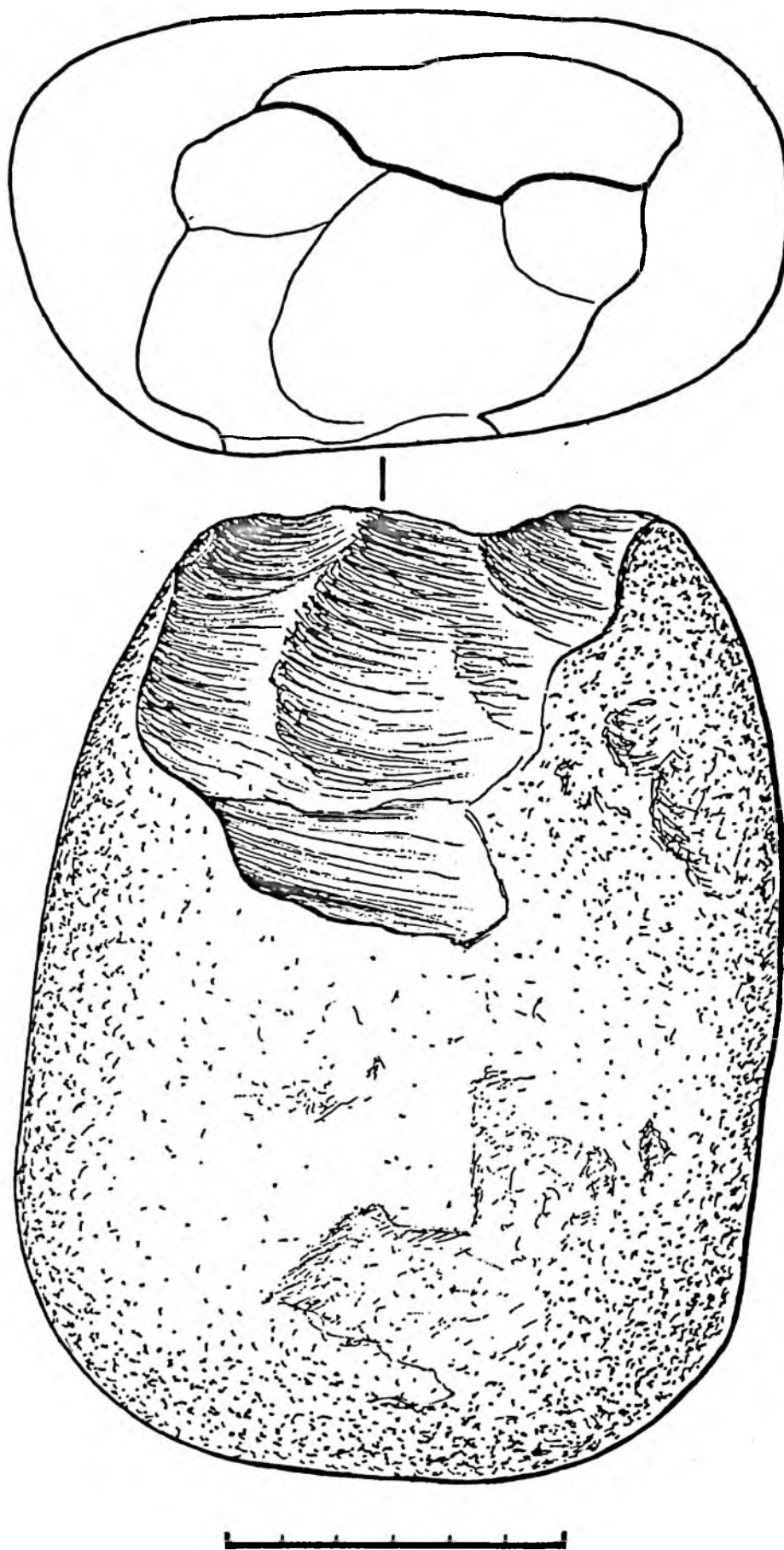

Рис. 21. Кударо I. Восточная галерея. Чоппинг
Fig. 21. Kudaro I cave. The eastern gallery. Chopping

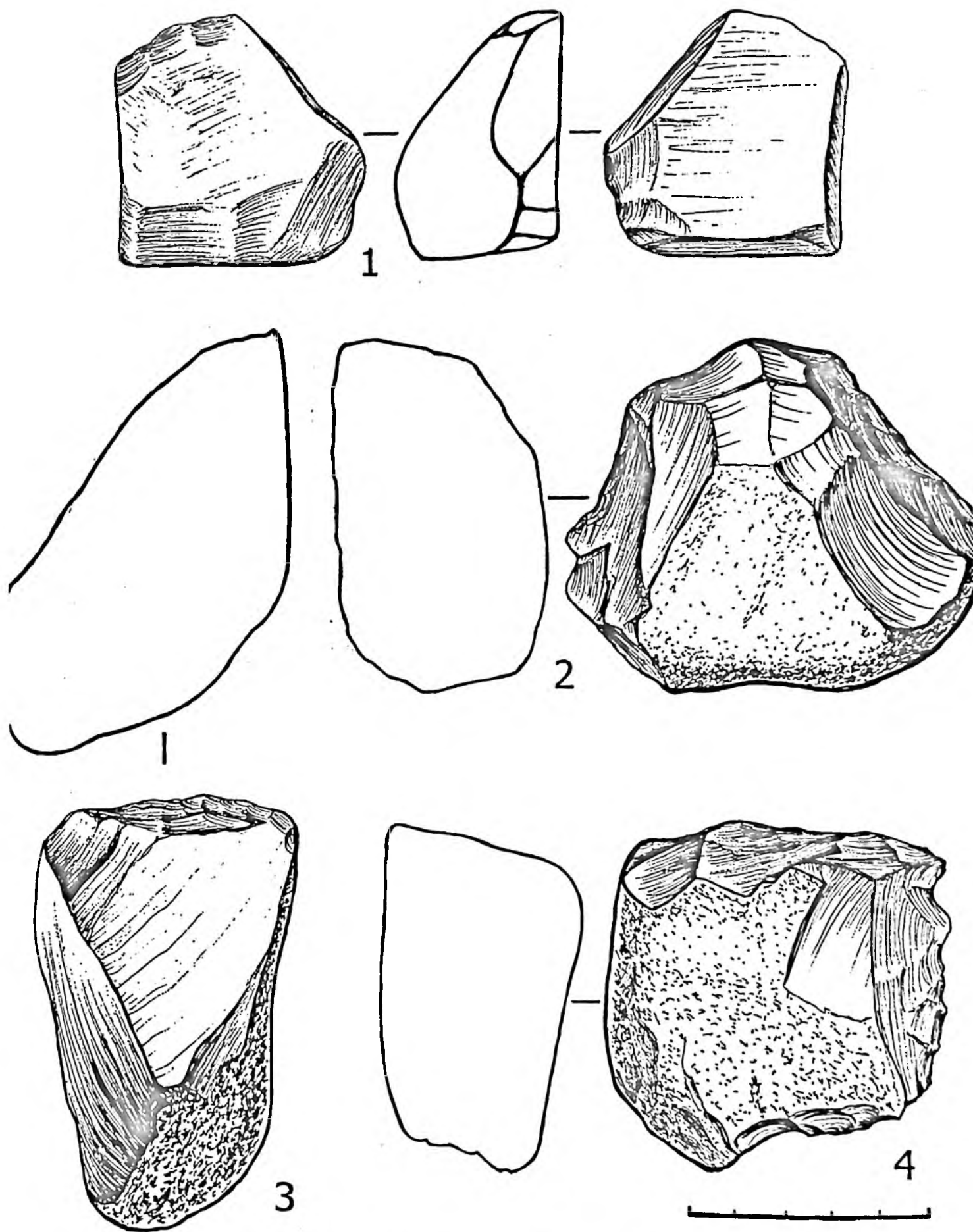

Рис. 22. Кударо I. Восточная галерея. Нуклевидные скребки
 Fig. 22. Kudaro I cave. The eastern gallery. Core scrapers

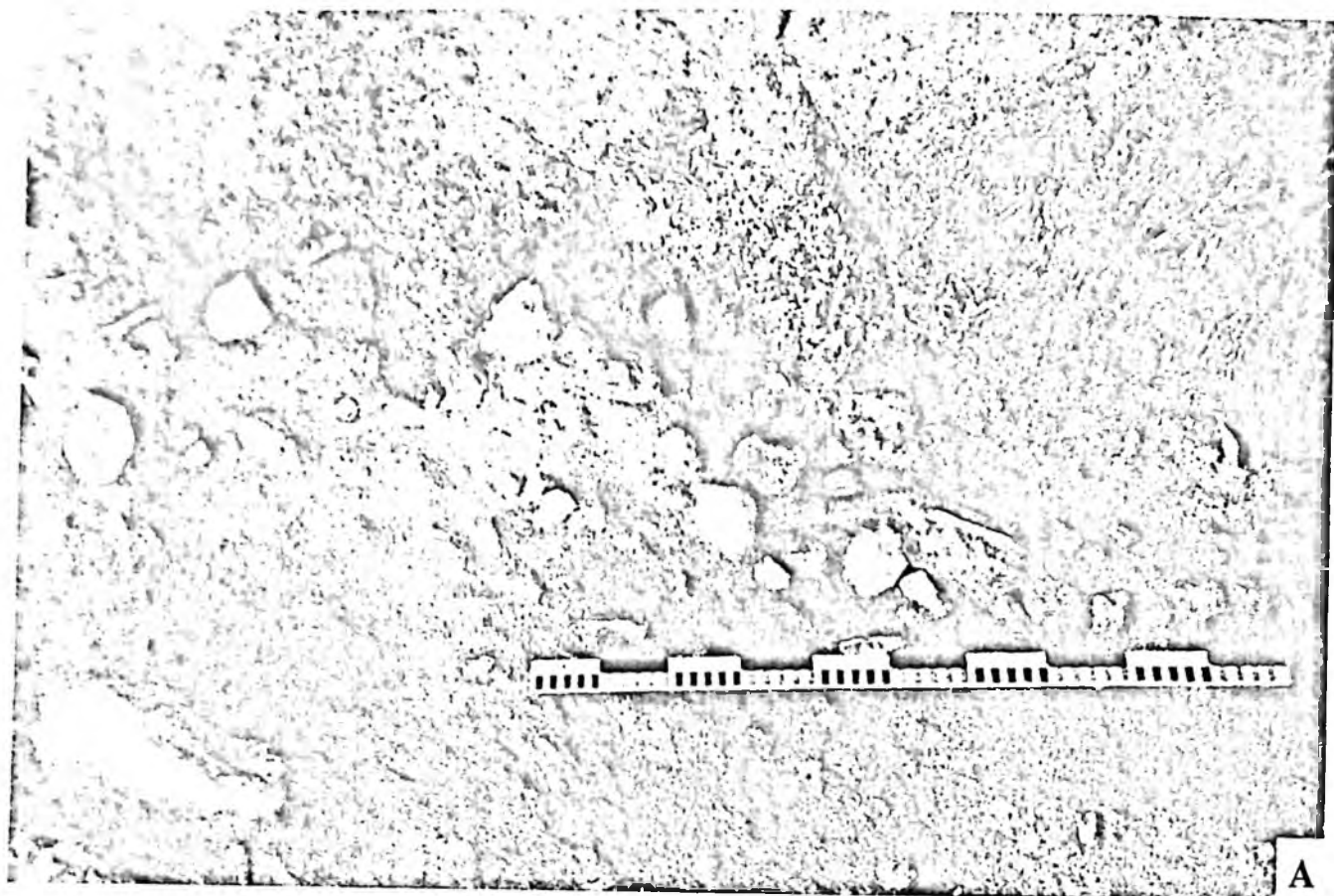

Рис. 23. Кударо I. Восточная галерея. А, Б — скопления каменных изделий у южной стены галереи в низах ашельского слоя
 Fig. 23. Kudaro I cave. The eastern gallery. A, Б — concentration of lithic finds along the southern wall of the gallery in the lowermost level of the Acheulian layer

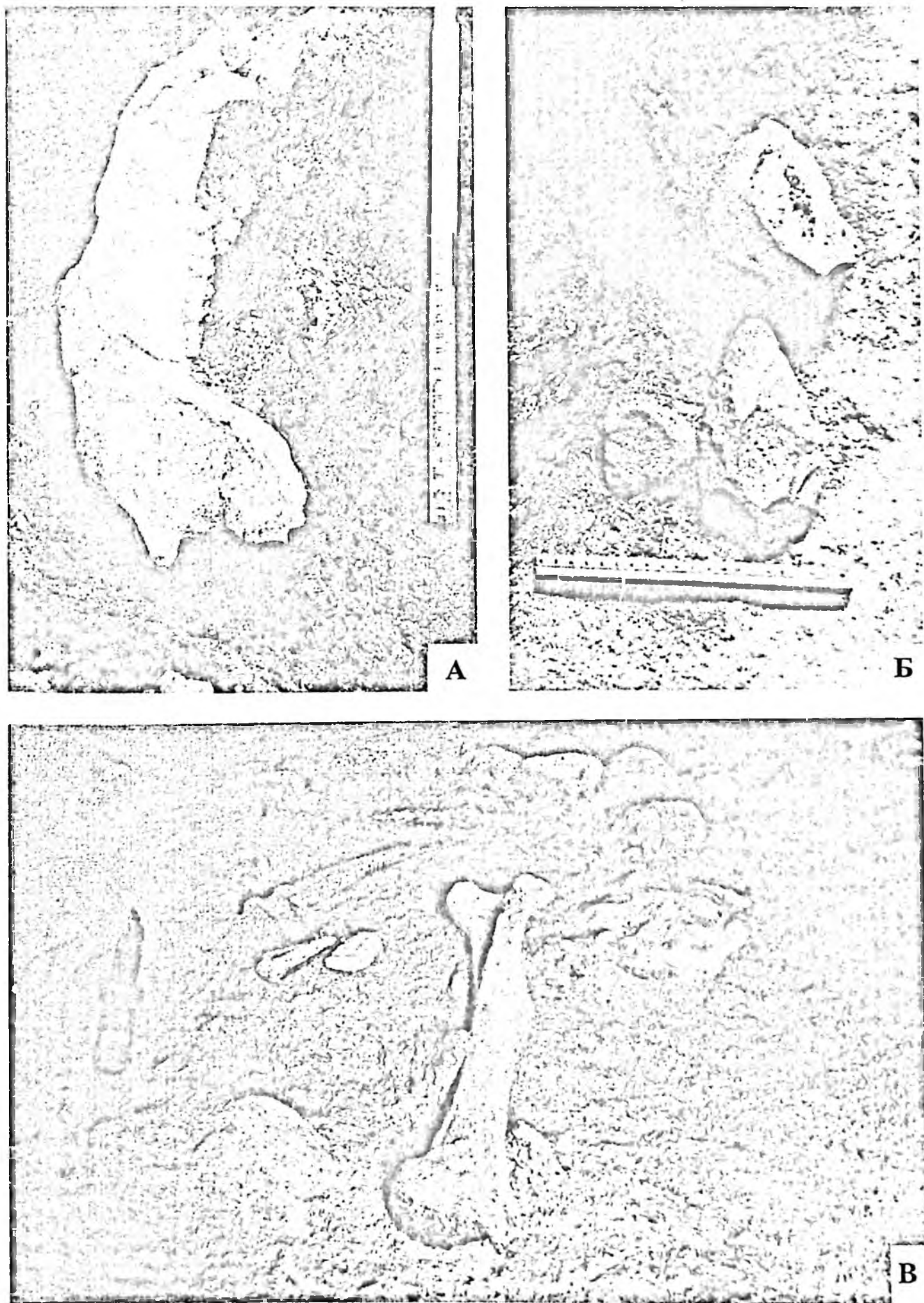

Рис. 24. Кударо I. Восточная галерея. Находки in situ в ашельском культурном слое:
А — челюсть пещерного медведя; Б — рубило и скребла; В — берцовая кость пещерного медведя
Fig. 24. Kudara I cave. The eastern gallery. Finds in situ in the Acheulian layer:
А — mandible of a cave bear; Б — handaxe and side scrapers; В — tibial bone of cave bear

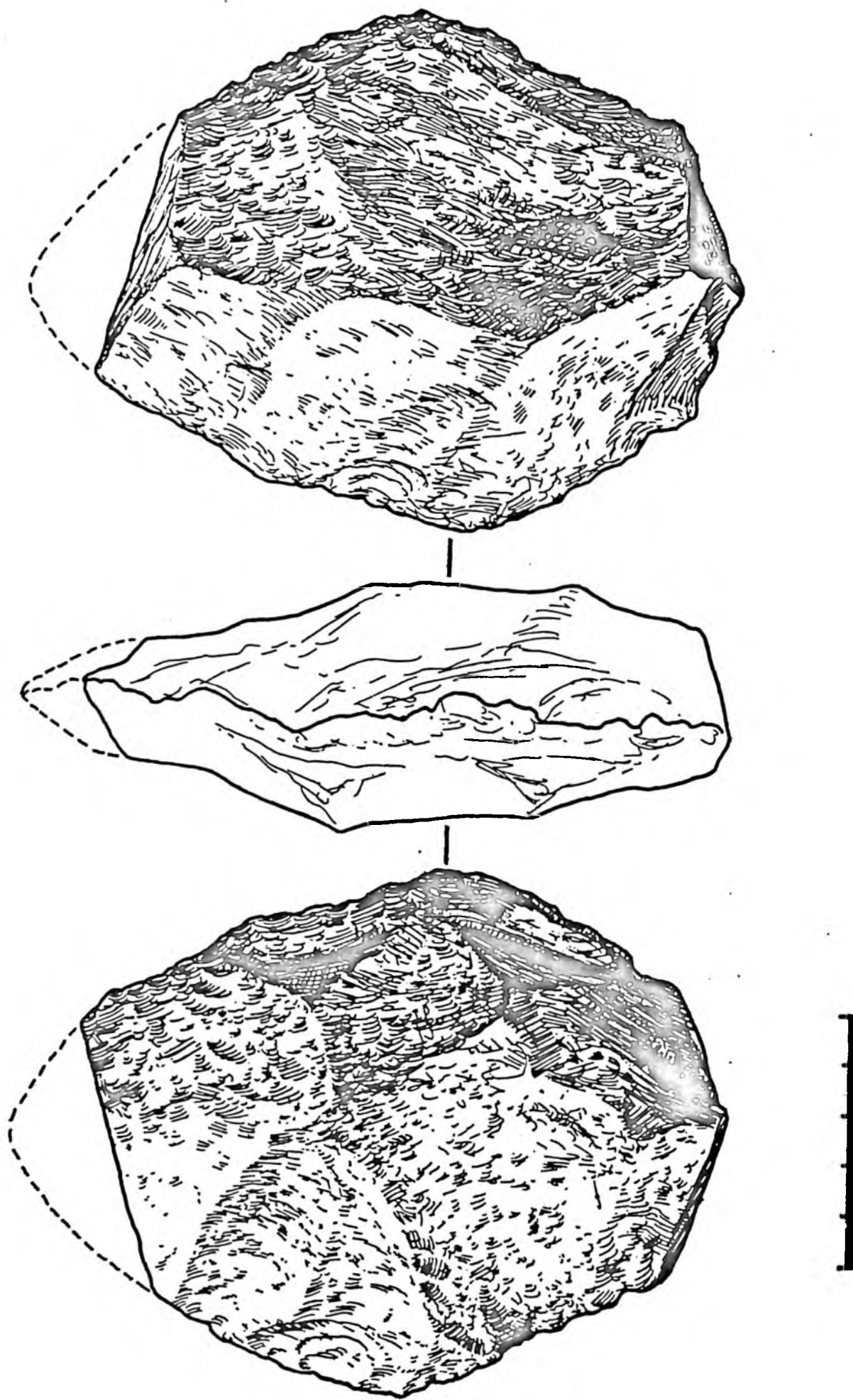

Рис. 25. Кударо I. Восточная галерея. Миндалевидное ручное рубило из песчаника
Fig. 25. Kudaro I cave. The eastern gallery. Amygdaloid handaxe of sandstone

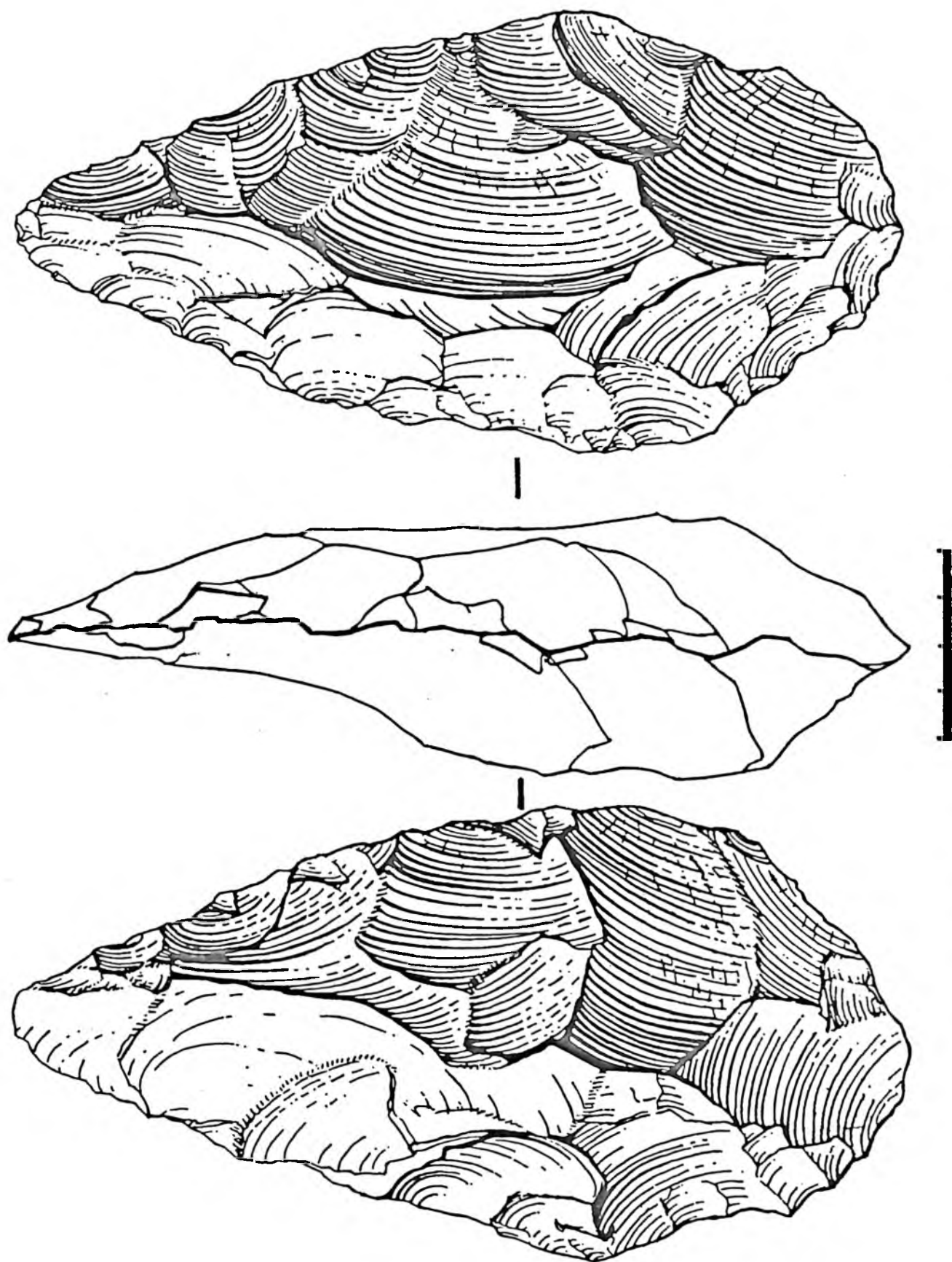

Рис. 26. Куларо I. Восточная галерея. Миндалевидное ручное рубило из песчаника
Fig. 26. Kudaro I cave. The eastern gallery. Amygdaloid handaxe of sandstone

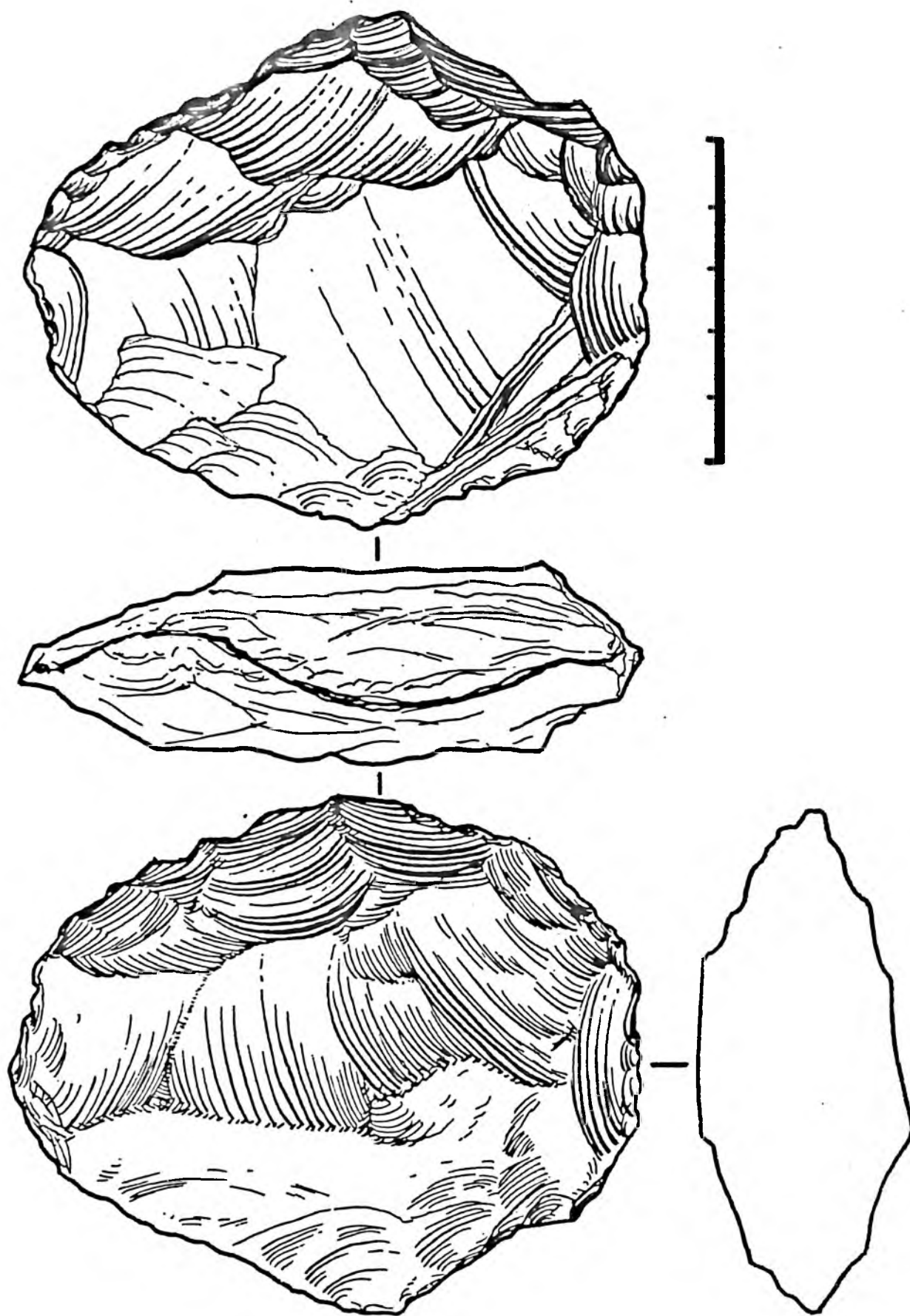

Рис. 27. Кударо I. Восточная галерея. Сердцевидное ручное рубило из кремнистого сланца
Fig. 27. Kudaro I cave. The eastern gallery. Cordiform handaxe of schist

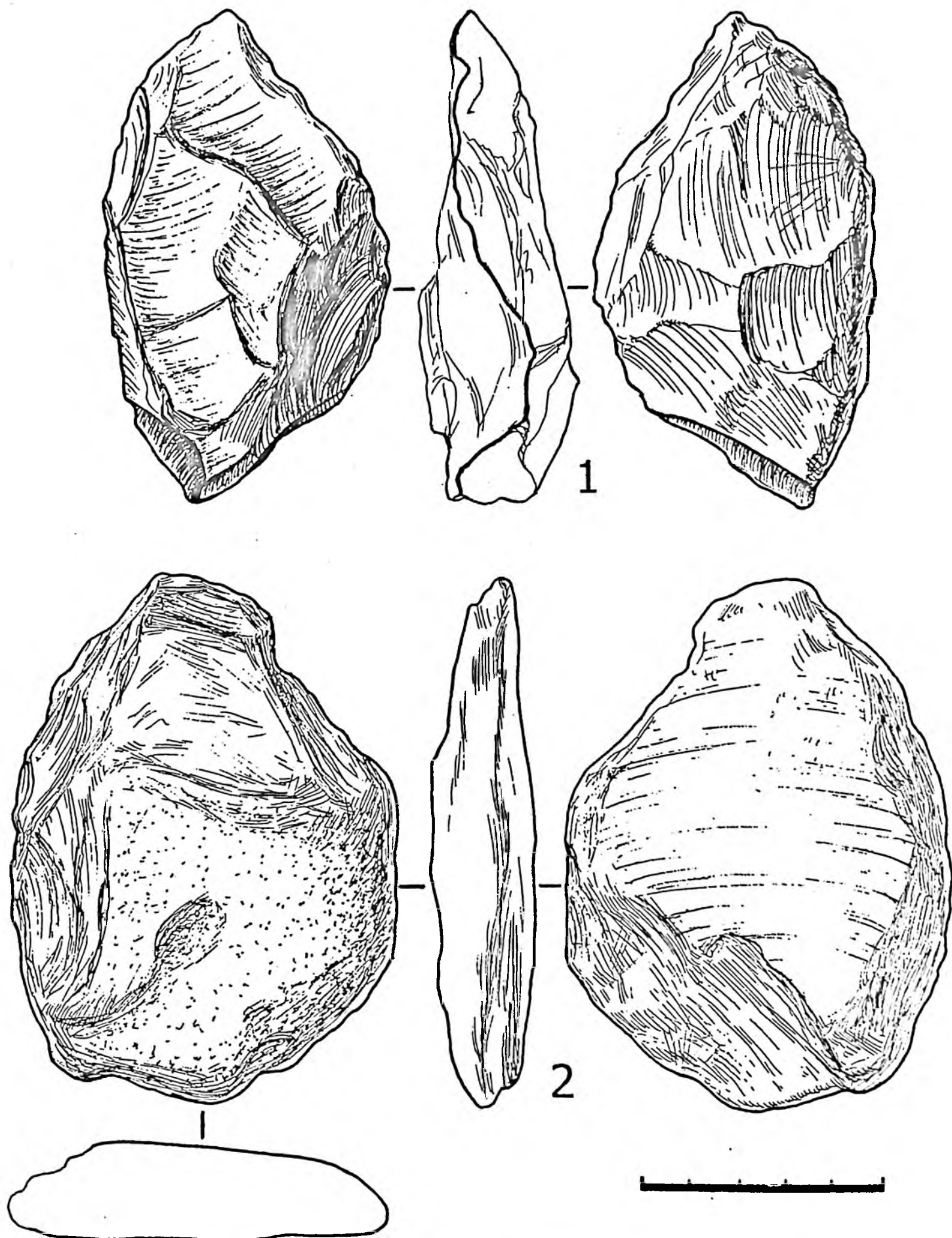

Рис. 28. Кударо I. Восточная галерея. 1, 2 — атипичные сланцевые ручные рубила
 Fig. 28. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1, 2 — Atypical handaxes of shale

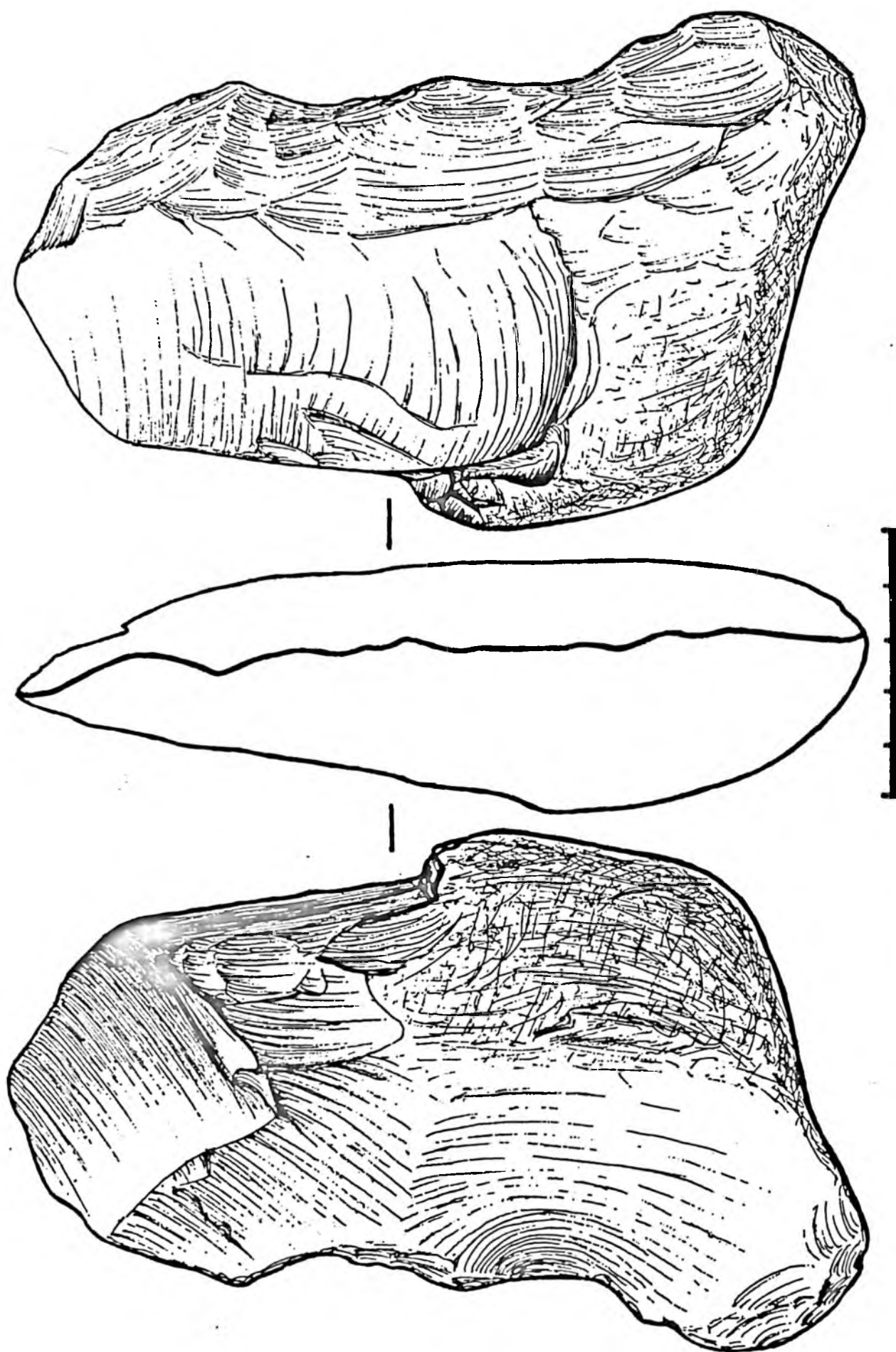

Рис. 29. Кударо I. Восточная галерея. Атипичное ручное рубило из кремнистого сланца с дистальным концом, приотстрепленным косым сколом (coup du tranchet oblique)
 Fig. 29. Kudaro I cave. The eastern gallery. Atypical handaxe of schist with distal end sharpened by oblique tranchet blow (coup du tranchet oblique)

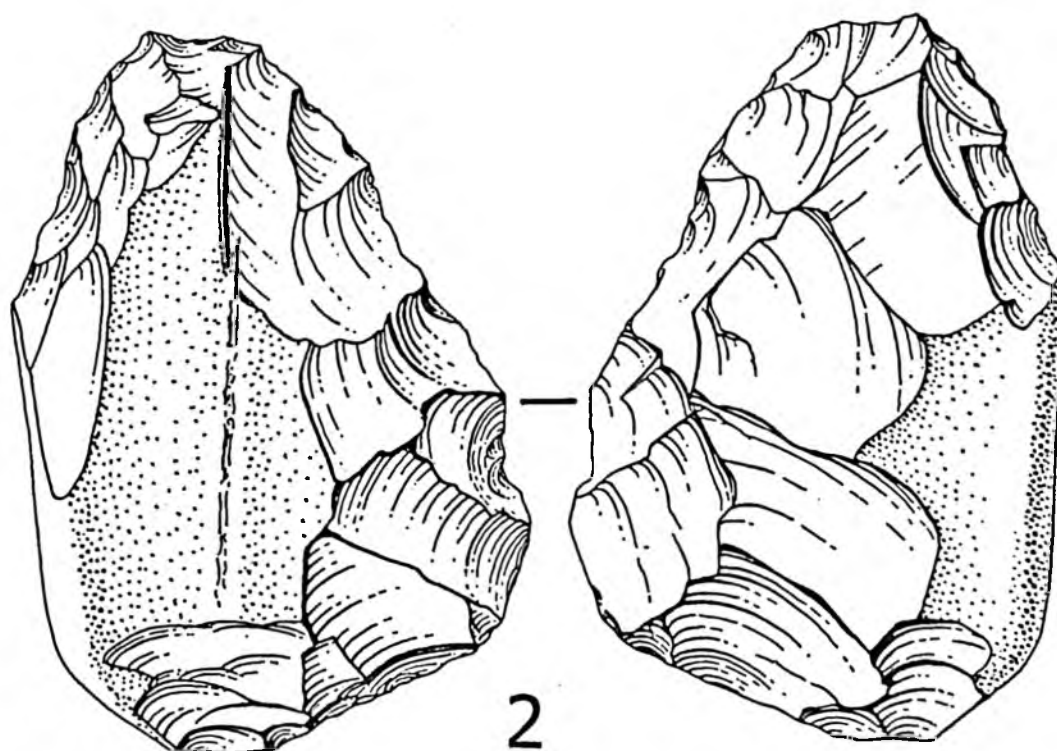
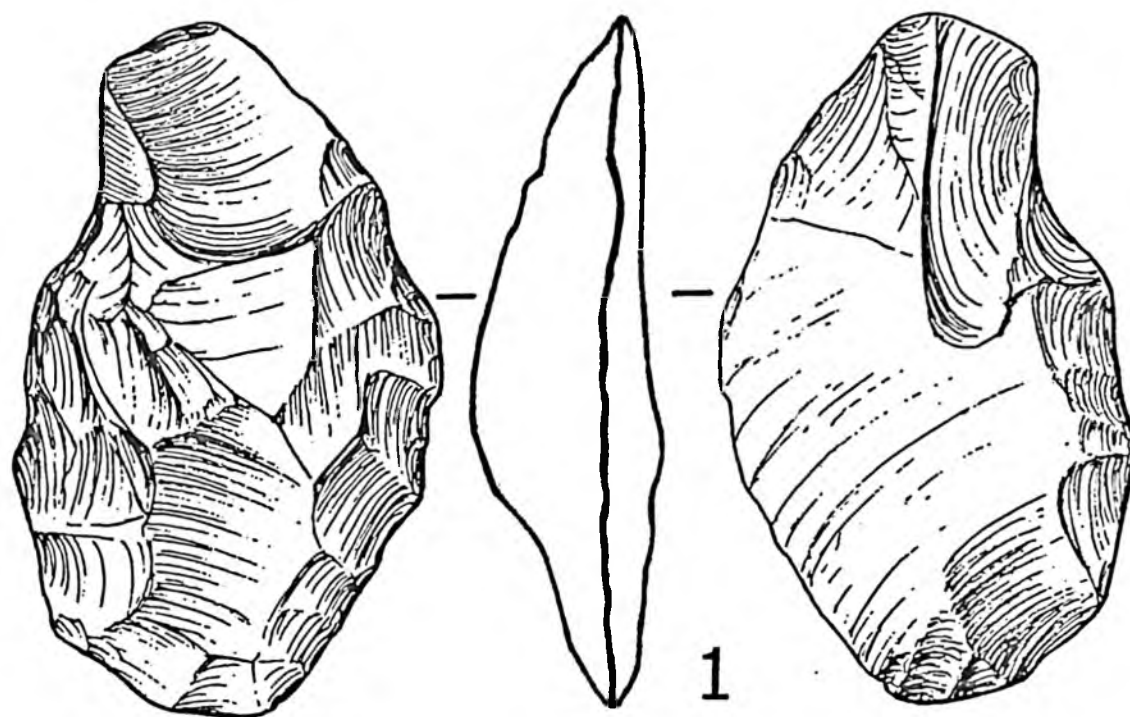

Рис. 30. Кударо I. Восточная галерея. Ручные рубила: 1 — удлиненный сердцевидный частичный бифас из кремнистого сланца с дистальным концом, приостренным двумя противоположными косыми плоскими сколами (coup du tranchet oblique); 2 — субсердцевидный частичный бифас с обушком, изготовленный из плитчатой кремнисто-сланцевой гальки

Fig. 30. Kudaro I cave. The eastern gallery. Handaxes: 1 — elongated cordiform partial biface of schist with distal end sharpened by two alternate oblique flat removals (coup du tranchet oblique); 2 — sub-cordiform partial biface, made of tabular schistose pebble

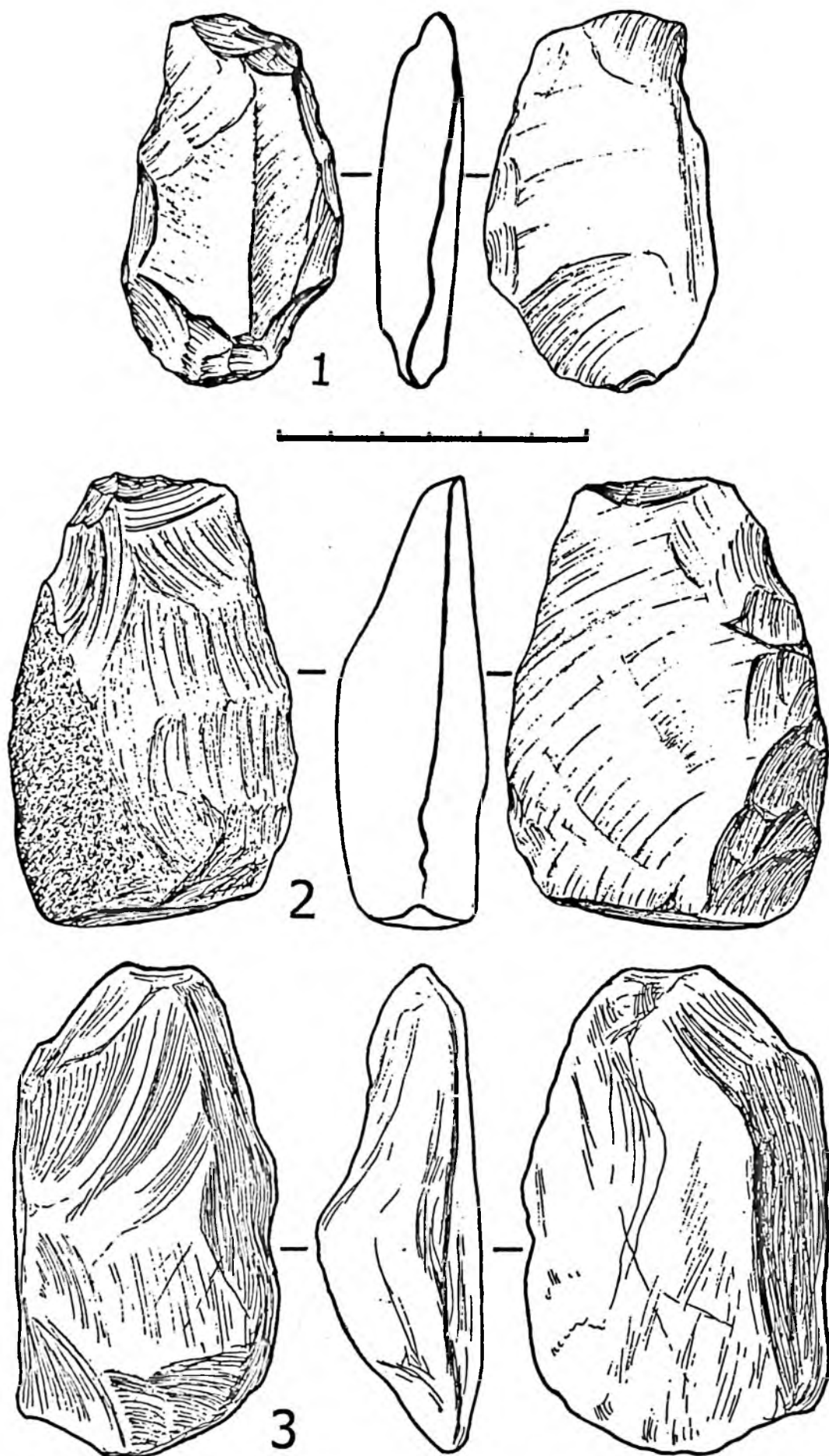

Рис. 31. Кударо I. Восточная галерея. 1—3 — атипичные сланцевые частично двустороннеобработанные ручные рубила с поперечными лезвиями

Fig. 31. Kudara I cave. The eastern gallery. 1—3 — atypical schistose handaxes-partial bifaces with transverse working edges

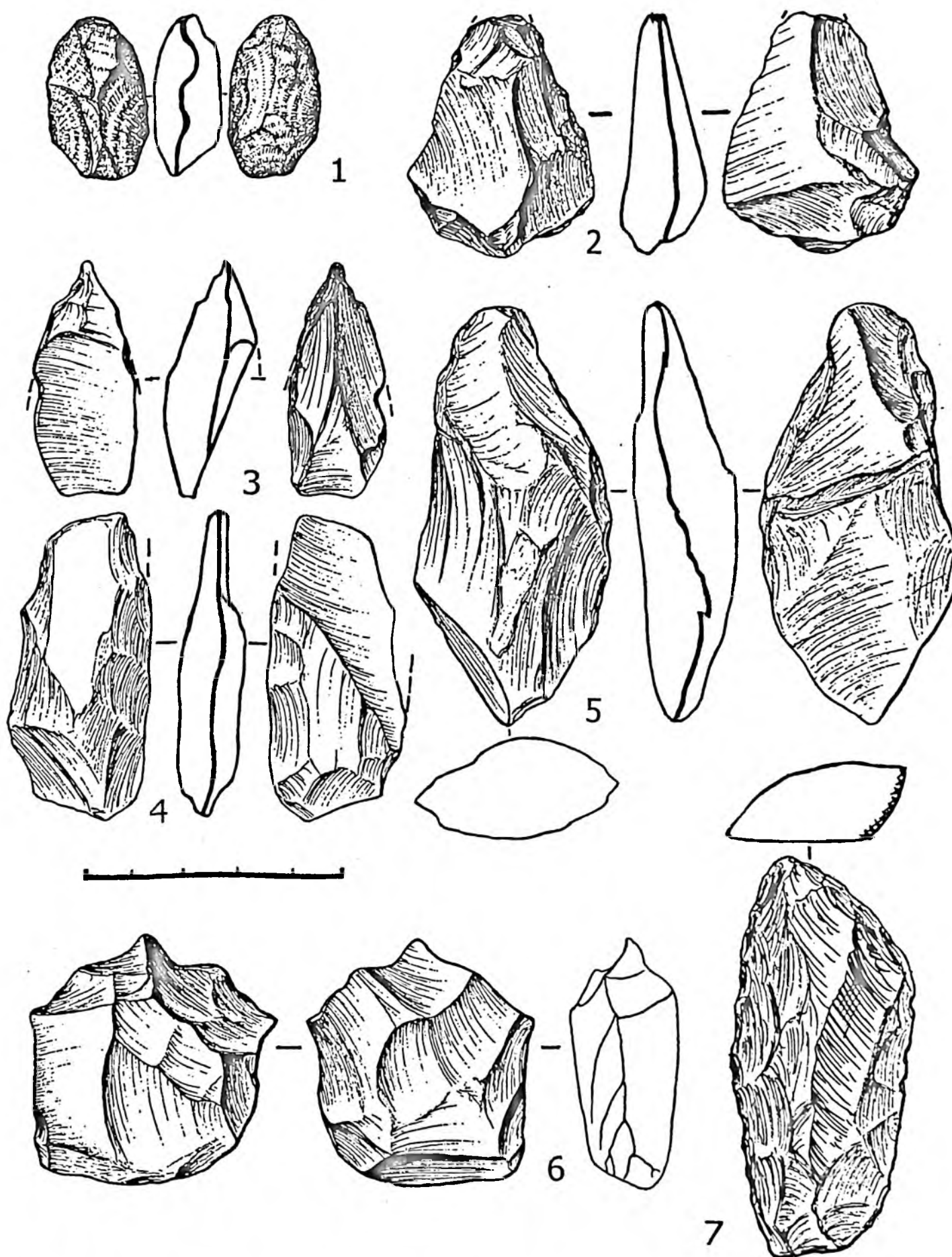

Рис. 32. Кударо I. Восточная галерея. 1, 2, 6 — рубильца; 3—5 — листовидные формы; 7 — боковое скребло с обушком
 Fig. 32. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1, 2, 6 — small handaxes; 3—5 — foliate pieces (leaf-shaped points); 7 — backed single scraper

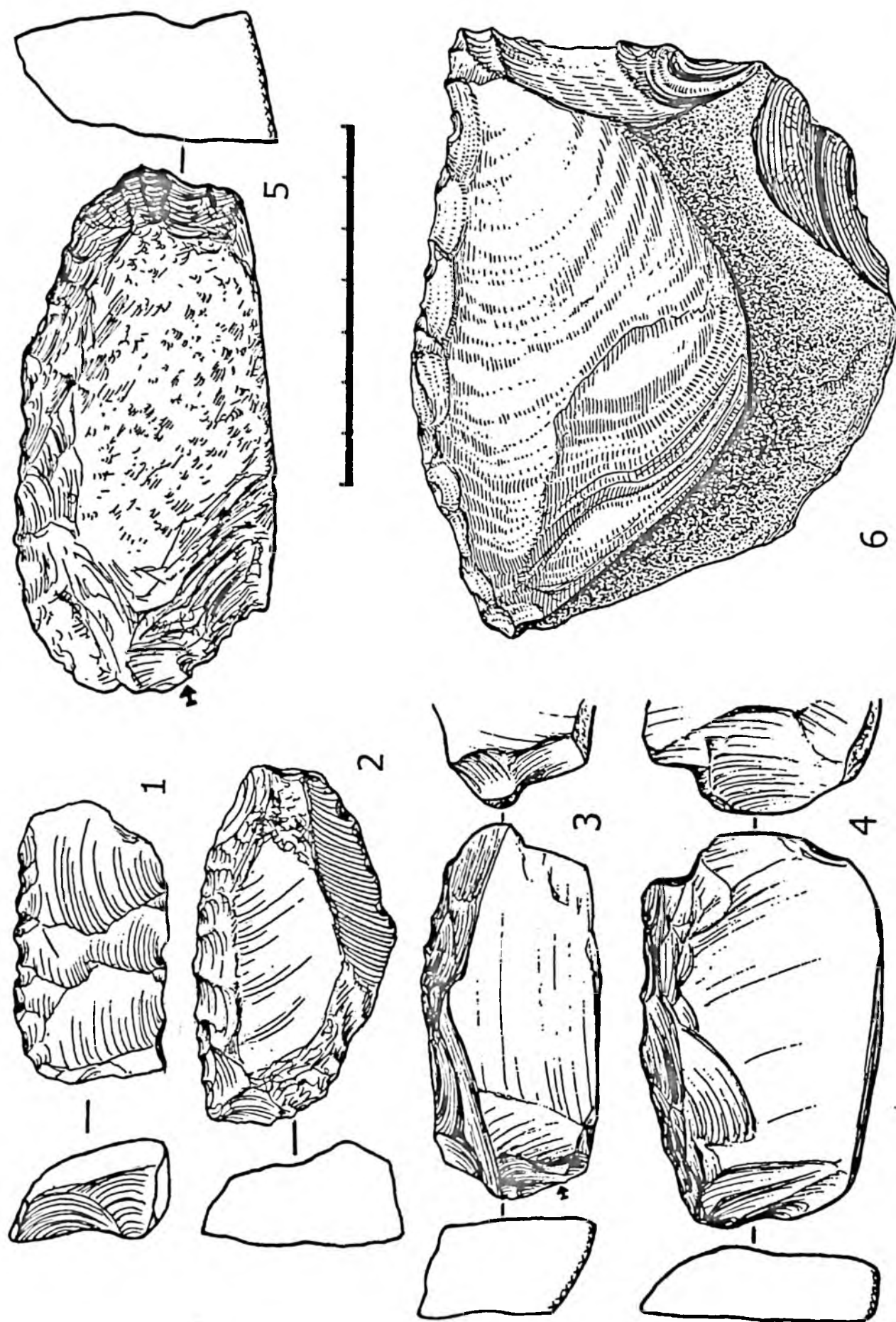

Рис. 33. Кударо I. Восточная галерея. Однолезвийные скребла геометризованных (подпрямоугольных или трапециевидных) очертаний с подтеской или усечением концов (sub-rectangular or sub trapezoidal shape with thinned or truncated ends).
Fig. 33. Kudaro I cave. The eastern gallery. Single scrapers of geometric (sub-rectangular or sub trapezoidal) shape with thinned or truncated ends

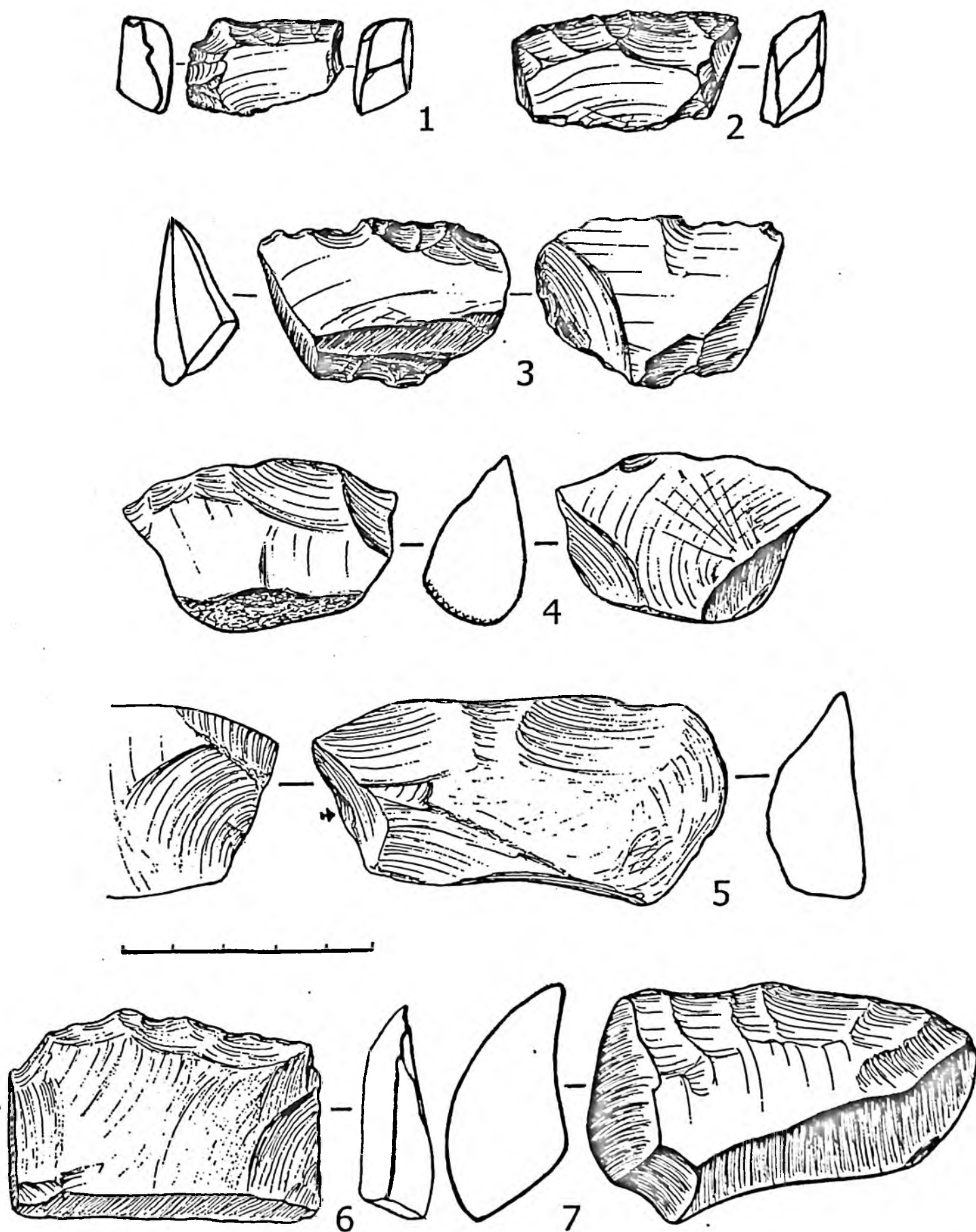

Рис. 34. Кударо I. Восточная галерея. Однолезвийные скребла геометризованных (подпрямоугольных или трапецевидных) очертаний, концы которых усечены или подтесаны плоскими сколами

Fig. 34. Kudaro I cave. The eastern gallery. Single scrapers of geometric (sub-rectangular or sub-trapezoidal) shape with thinned or truncated ends

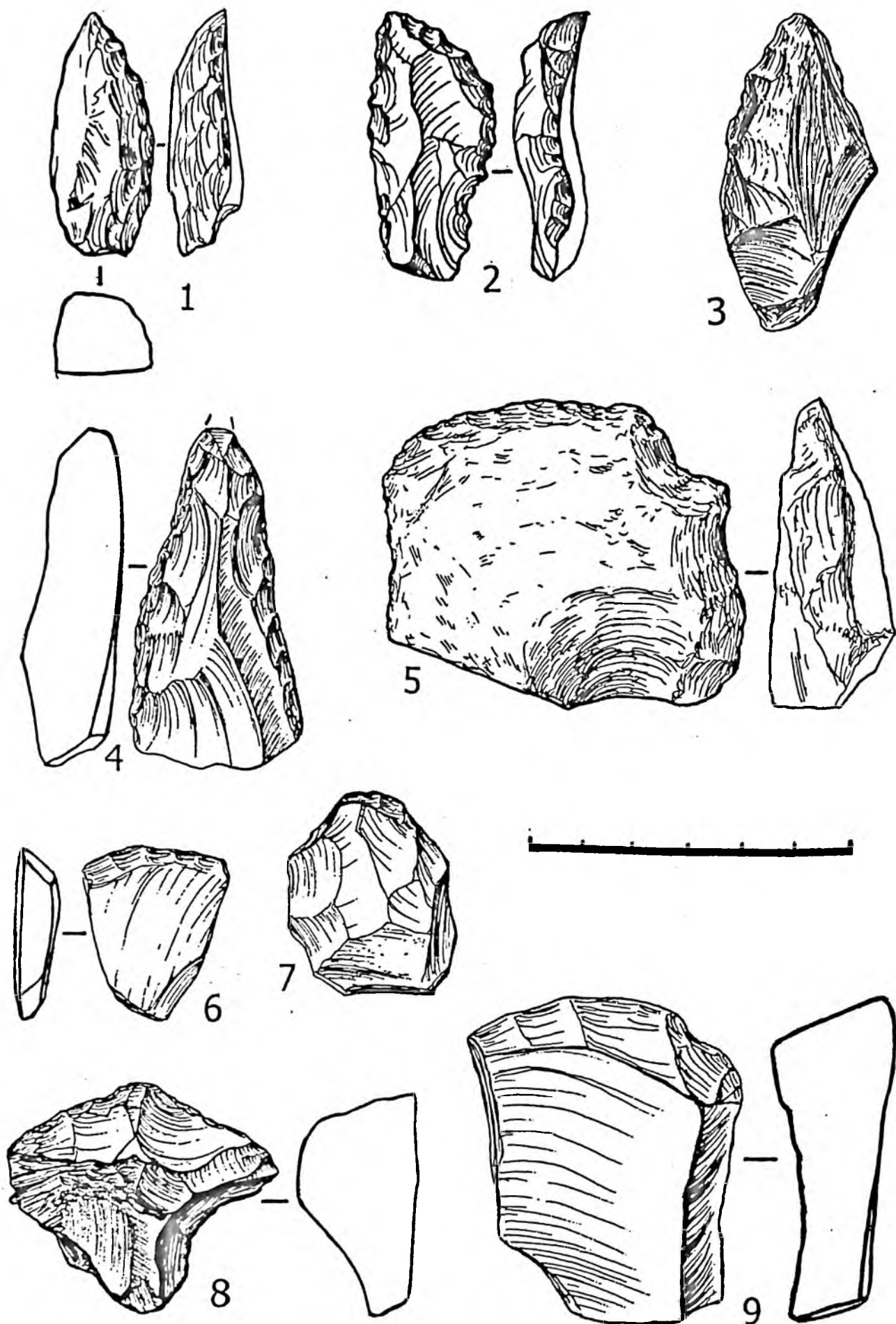

Рис. 35. Кударо I. Восточная галерея. 1—5 — скребла (1 — однолезвийное высокой формы, 2—4 — конвергентные, 5 — двойное угловатое с выемкой на правом дистальном углу); 6—9 — скребки
 Fig. 35. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1—5 — scrapers (1 — massive single scraper with abrupt retouch, 2—4 — convergent, 5 — double skewed (deje) with notch at the right distal corner); 6—9 — end scrapers

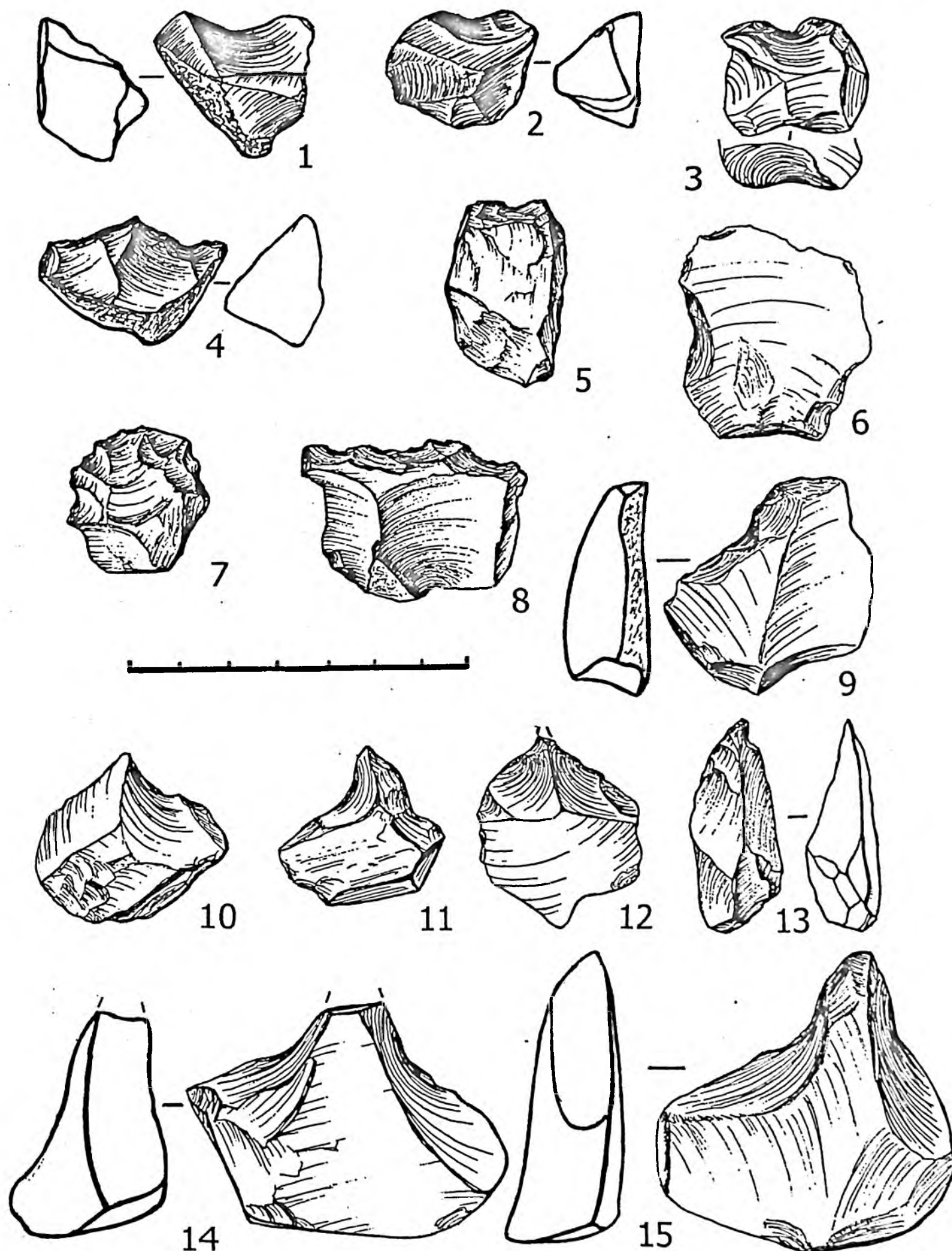

Рис. 36. Кударо I. Восточная галерея. 1—6, 9 — выемчатые орудия; 7—8 — зубчатые орудия; 10—15 — клювовидные орудия
 Fig. 36. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1—6, 9 — notched tools; 7—8 — denticulated tools; 10—15 — becs

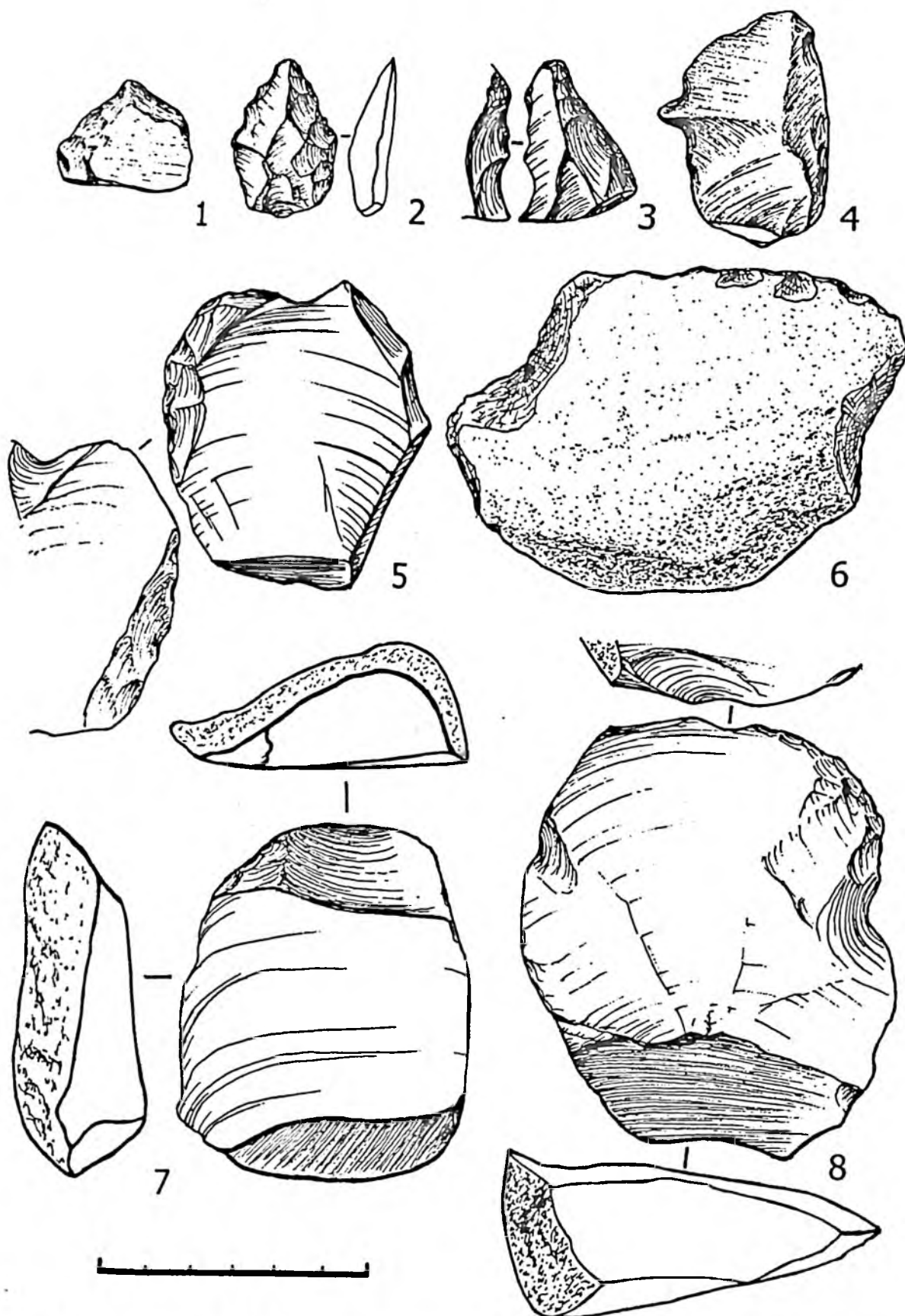

Рис. 37. Кударо I. Восточная галерея. 1—4 — клювовидные орудия (1, 2 — широкие концевые клювы-острия, 3 — резцевидный концевой клюв (bec burinant alterne), 4 — боковой клюв-шип); 5—8 — орудия со специально выделенными лезвийными участками (5 — угловое ретушированное лезвие, выделенное с брюшковой стороны ретушной подправкой и выемкой, 6 — лезвие, выделенное двумя лицевыми выемками, 7 — концевое лезвие, оформленное брюшковым желобчатым сколом и ретушью, 8 — угловое ретушированное лезвие, выделенное двумя противоположными выемками)

Fig. 37. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1—4 — becs (1, 2 — distal wide-angle becs-points, 3 — alternately retouched distal bec (bec burinant alterne), 4 — sided bec-spine); 5—8 — tools with specially isolated narrow cutting edges (5 — angle retouched cutting edge, isolated by inverse retouch and notch, 6 — cutting edge isolated by two notches, 7 — distal cutting edge, formed by ventral concave flake scar and retouch, 8 — angle retouched cutting edge isolated by two notches)

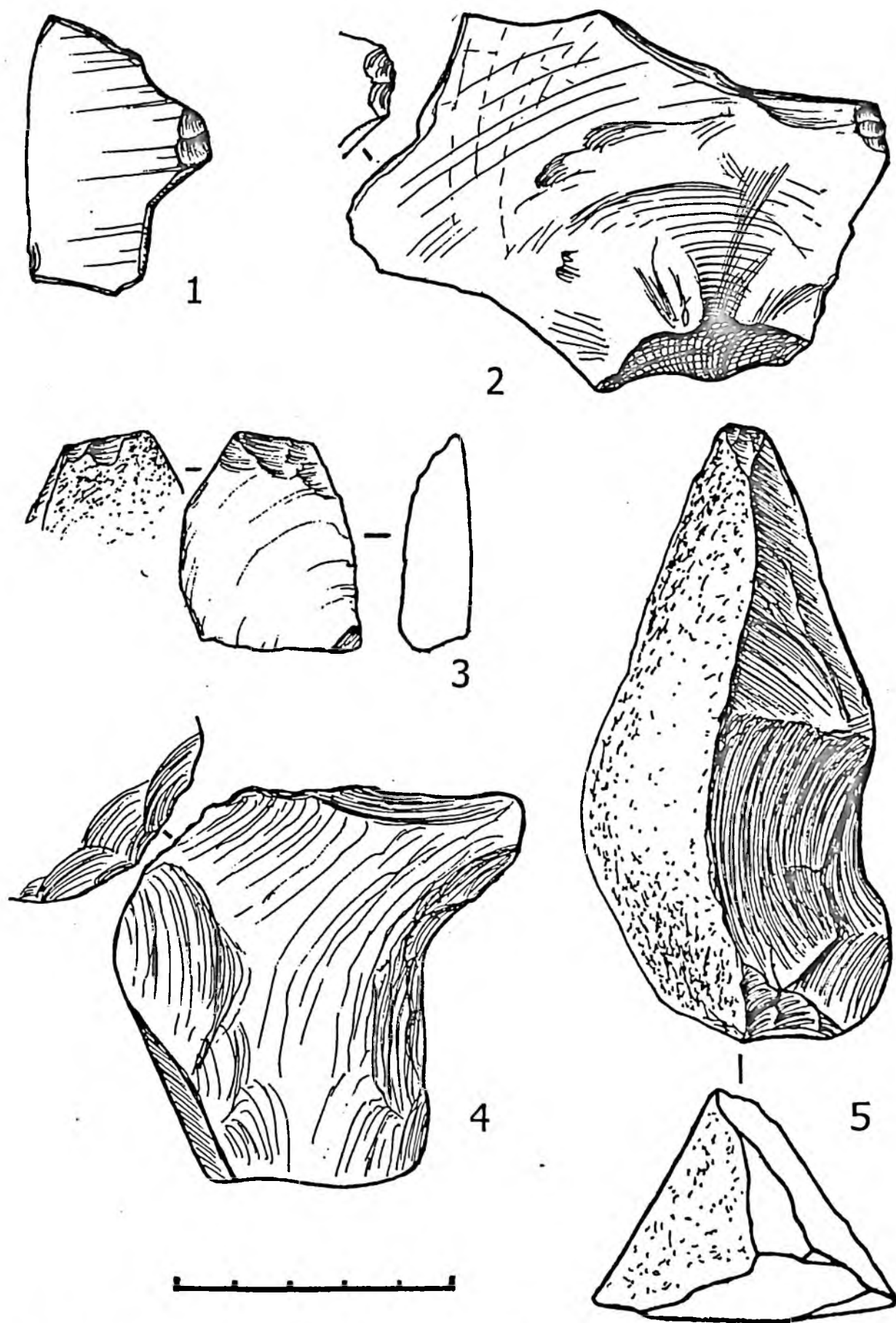

Рис. 38. Кударо I. Восточная галерея. 1—3, 5 — орудия с узкими лезвийными участками, приостренными ретушью; 4 — комбинированное орудие: двойное скребло (брюшковое угловое на левом дистальном крае, боковое — по правому краю) + узкий режущий выступ на правом дистальном углу

Fig. 38. Kudaro I cave. The eastern gallery. 1—3, 5 — tools with narrow retouched cutting edges; 4 — combination tool: double side scraper (ventral retouched scraping edge at the left distal corner and dorsal lateral scraper on the right edge) + protruding narrow cutting edge at the right distal corner

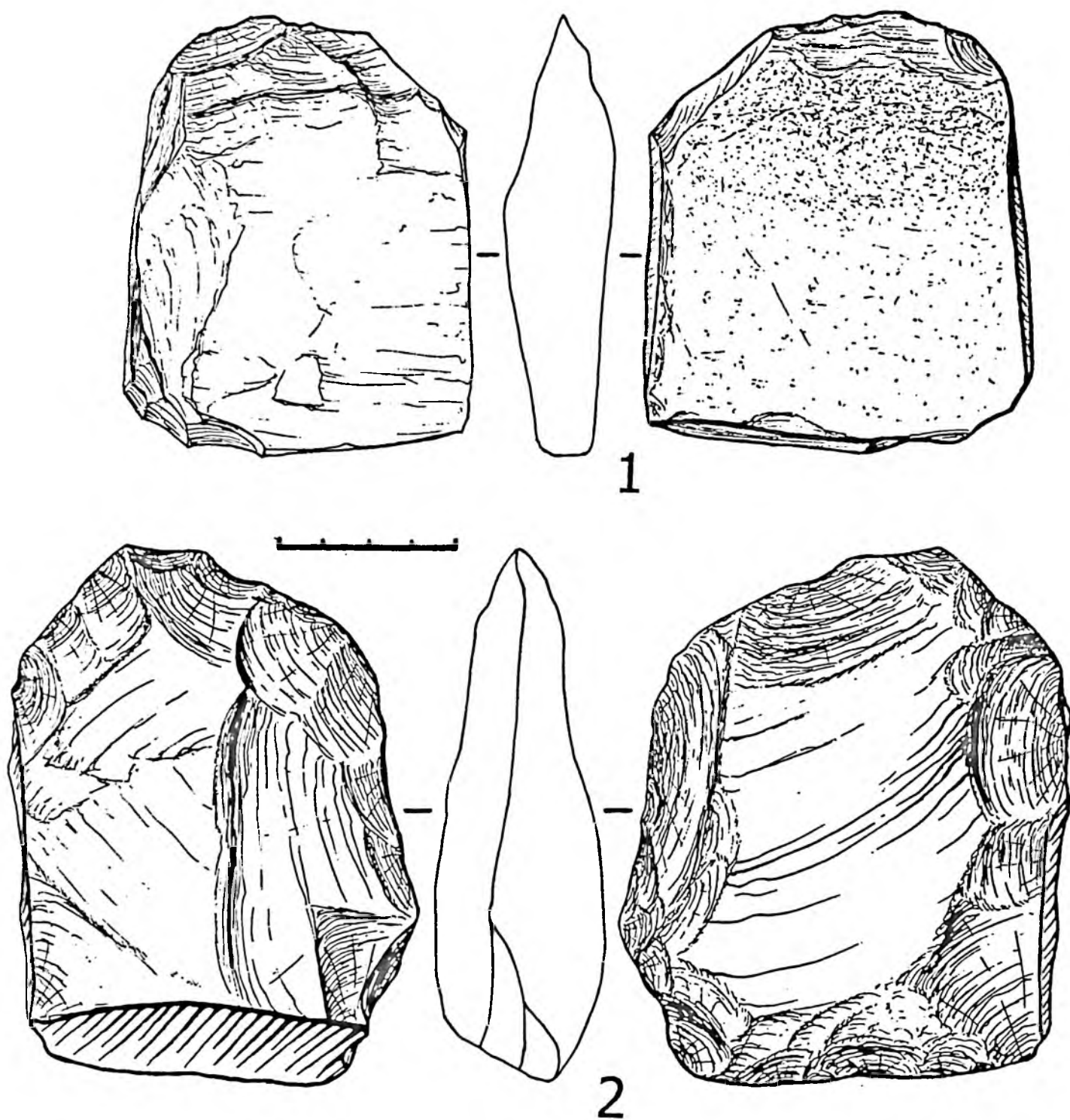

Рис. 39. Кударо I. Восточная галерея. Кливеровидные орудия на плитчатых заготовках
Fig. 39. Kudaro I cave. The eastern gallery. Cleaver-like tools on slab-like blanks

4.3. Каменный инвентарь центральной камеры

4.3.1. Краткие сведения о центральной камере

Просторная и светлая центральная камера — место слияния трех галерей — является наиболее комфортной частью пещеры (рис. 5; 40). Площадь камеры на уровне современного пола достигала 28 кв. м. В плейстоцене же на уровнях обитания в ней ашельских и мустьерских людей площадь камеры была сужена за счет поднимавшихся в ее юго-восточном углу широких скальных отвершков (рис. 41). Они сокращали площадь камеры почти на четверть и, безусловно, влияли на организацию здесь жилого пространства и размещение культурных остатков, включая орудия.

Отложения камеры вскрывались в течение трех сезонов. В 1955 г. в ней был поставлен разведывательный шурф. В 1959 г. была раскопана восточная часть на площади 12 кв. м, в 1961 г. — основная часть на площади около 20 кв. м. В процессе этих работ были получены четыре разреза толщи осадков в камере: два — на границах с южной и восточной галереями, третий — на границе раскопов 1959 и 1961 гг., четвертый (шестиметровый профиль F—B—V) рассекал камеру в направлении с востока на запад и являлся продолжением продольного разреза осадков восточной галереи (рис. 5; 15). Последний разрез наиболее информативен: он показывает падение всех слоев в сторону центральной камеры, провисание плейстоценовых уровней на границе квадратов Ж и Е, минимальную мощность этих отложений (0,9 м) на отрезке F—B и максимальную (более 2 м) — близ западной стены камеры. Приближаясь к западной стене, мустьерские и ашельские слои теряют свои индивидуальные признаки. Вначале они частично замещаются неясными линзами Z и X, а затем все эти уровни превращаются в нерасчлененную толщу сцементированных суглинков серо-зеленоватого или белесоватого цвета. На этом сильно сцементированном пристенном участке шириной 1,5—2,0 м ашельские отложения сохранились, как кажется, более или менее полно: мощность их достигала 2,0—2,3 м, что сопоставимо с мощностью пристенных останцов ашельской толщи в восточной (рис. 14, Б) и темной галереях. Именно на этом участке была сосредоточена основная масса культурных остатков, встреченных в центральной камере (рис. 41).

В остальной части камеры колонка отложений в целом близка к колонке в восточной галерее (рис. 14, Б), однако границы между слоями здесь были плохо различимы не только в плане, но и на зачищенных разрезах. Контакты между слоями были расплывчаты, проработаны эрозией и намечались приблизительно. В силу этого обстоятельства, а также большой изменчивости мощности осадков и недифференцированности их на самом богатом культурными остатками участке близ

западной стены отложения в камере, как и в восточной галерее, разбирались условными горизонтами толщиной в 10—15 см, при максимальном, однако, внимании к стратиграфической и планиграфической приуроченности находок.

Подобно коллекциям из трех галерей, каменная индустрия центральной камеры рассматривается отдельно с целью выяснения особенностей использования этой части пещеры, которая, очевидно, являлась главным бытовым и производственным центром ашельских обитателей пещеры. В ней обнаружены следы костров в виде сильно размытых углистых пятен (три близ западной стены и два севернее скальных отвершков), а также наибольшее количество фаунистических остатков и каменных изделий. Размещались они неравномерно, тяготея в большинстве, как говорилось, к западной стене, а в северо-восточной части камеры, через которую шел проход в темную галерею, находок было немного (рис. 41). Особенностью распределения культурных остатков по вертикали является сравнительно большая насыщенность ими низов ашельской толщи. Отметим также наблюдаемое падение подошвы ашельского слоя в пределах камеры с севера на юг — примерно на 0,5 м. Так, наиболее глубоко залегающие ашельские артефакты в южной части камеры находились на глубинах —380, —399 см от нулевой горизонтали, а в северной части — на глубинах —330, —350 см.

В коллекции изделий из центральной камеры (раскопы 1959, 1961 гг. + шурф 1955 г.) насчитывается 2268 предметов. Абсолютно доминируют сколы и их обломки (1983 экз., или 87,4 % всех находок). 19,1 % составляют орудия. Набор сырья включает традиционно преобладающие разновидности песчаников (32 %) и сланцев (55 %), небольшую долю местного кремня (9 %), а также экзотическое сырье — приносной кремнь (около 3 %), два десятка андезитов и два обломка обсидиана.

4.3.2. Техника первичного расщепления в коллекции из центральной камеры

Центральная камера доставила намного больше продуктов расщепления, нежели восточная галерея. Это обстоятельство чрезвычайно важно с точки зрения обеспечения более надежной статистики и большей корректности следующих из нее выводов. На площади около 28 кв. м было найдено 75 предметов, отнесенных к нуклеусам и нуклевидным формам, и 1983 скола — как целых, так и фрагментированных. Среди этих сколов учтены и орудия на сколах. Следует сразу отметить, что по сравнению с составом сколов восточной галереи здесь наблюдается существенное уменьшение и абсолютного и относительного количества мелких сколов и чешуек. Если в восточной галерее они составляли почти 40 % всех сколов, то в центральной камере — лишь 13,8 %.

Как и в восточной галерее, рассмотрим вначале распределение всех упомянутых категорий изделий по основным разновидностям сырья (табл. 5).

Таблица 5

Распределение категорий продуктов расщепления из центральной камеры по сырьевым группам

Продукты расщепления	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень		Андезит	Обсидиан	Всего
				местный	импортный			
Нуклеусы и нуклевидные формы	34	17	10	14	—	—		75
Сколы в целом	642 32,4 %	731 36,7 %	368 18,6 %	158 8,0 %	63 3,2 %	19 1,0 %	2	1983 100 %
Сколы-заготовки и их обломки L > 2,5 см	551 33,2 %	661 38,72 %	315 18,4 %	114 6,7 %	52 3,0 %	15 0,9 %	2	1710 100 %
Мелкие сколы и чешуйки L < 2,5 см	91 33,3 %	70 25,6 %	53 19,4 %	44 16,1 %	11 4,0 %	4 1,5 %		273 100 %

Если сопоставить эту таблицу с соответствующими данными по восточной галерее, то сразу бросается в глаза, что в восточной галерее доминирование глинистого сланца было более явным. Доля его почти в два раза превышала долю песчаника среди сколов, а среди мелких сколов — почти в три раза. В центральной же камере песчаник совсем немного уступает сланцу, а среди мелких сколов даже преобладает. Следует также отметить небольшое возрастание доли песчаника от нижних горизонтов к верхним. Кремнистый сланец и кремень представлены здесь примерно так же, как в восточной галерее, но количество последнего в целом возрастает. При этом доля экзотического приносного кремня как будто сокращается, но следует учитывать порность атрибуции некоторых видов кремня как импортных. Вновь отмечено небольшое, но постоянное присутствие андезитовых предметов, а в горизонтах 8 и впервые зафиксированы единичные обсидианы.

Что касается нуклеусов и нуклевидных форм, то помимо увеличения их общего количества (75 экз., или 3,3 % всех находок) центральная камера отличается значительным присутствием среди них предметов с единичными сколами (31 экз.) — опробованных песчаниковых галек и валунов, плитчатых или брусковидных обломков сланцев и местного кремня. Собственно нуклеусы представлены 44 изделиями (1,9 % коллекции). Доминируют песчаниковые ядрища (22), большинство которых (14 экз.) имеют, как и в восточной галерее, довольно крупные размеры, изготовлены на гальках и валунах и сохраняют значительную часть естественной поверхности. На сколах оформлены только три таких нуклеуса, причем один из этих сколов является краевым. Как уже было отмечено выше относительно песчаниковых ядрищ восточной галереи, наиболее крупные нуклеусы представляют собой уплощенные валуны или большие гальки диаметром от 10 до 13 см, для начального расщепления которых в качестве площадки использовалась одна из широких ровных плоскостей. Имеется 4 таких нуклеуса с гладкой естественной площадкой и выпуклой рабочей поверхностью высотой 6—7 см. Они могут быть определены как одноплощадочные с тенденцией к подпризматическому скалыванию, но можно предполагать, что в случае дальнейшего рас-

щепления их форма могла видоизмениться (рис. 42). К типу подпризматических относятся и два ядрища, отличающиеся меньшими размерами и скалыванием не поперек, а вдоль длинной оси гальки. Как одноплощадочное грубопризматическое определено ядрище, грани поверхности скалывания которого имеют угол больше 180° (рис. 43: 5). Еще один нуклеус, оформленный на валуне, имеет фактически две обособленные рабочие поверхности, причем скалывание велось с противоположащих площадок. Более выпуклая рабочая поверхность сопряжена с гладкой площадкой, другая же, уплощенная, — с грубо подправленной.

Другой способ расщепления крупных галек заключался в веерообразном (1 экз.) или поддисковидном (4 экз.) скалывании, когда рабочей поверхностью становилась как раз уплощенная сторона (рис. 43: 4). Любопытно, что площадку, расположенную по периметру рабочей поверхности, подправляли лишь частично, максимально используя для нанесения ударов естественные участки гальки с подходящей выпуклостью и углом. Наиболее распространенная подправка отмечена у единственного поддисковидного нуклеуса на краевом сколе. Наконец, особняком стоит небольшой, но довольно массивный двусторонний диск (7,4×6,2×4,5 см) с идущими по всему периметру чередующимися сколами, в результате чего край его имеет вид очень извилистого лезвия. При наличии выделенного острия и при несколько меньшей массивности этот предмет мог бы быть определен как бифасиальное орудие.

Наряду с крупными выделяется группа из 8 маленьких песчаниковых ядрищ, рабочая поверхность которых составляет в поперечнике лишь 4,5—6,0 см. Среди них преобладают одноплощадочные с гладкими площадками (6 экз.). Еще два ядрища имеют подперпендикулярные площадки (ортогональное скалывание). Заготовками были небольшие гальки, а в двух случаях — отщепы. Два одноплощадочных нуклеуса являются остаточными, а один из ортогональных имеет край, оформленный как лезвие скребла.

Сланцевые нуклеусы — как из глинистого (8), так и из кремнистого сырья (6) — существенно отличаются от песчаниковых. Почти все они изготовлены из плитчатых или, реже, угловатых обломков (отщеп использо-

ван лишь однажды) и невелики по размеру. Высота рабочей поверхности только в одном случае (глинистый сланец) превышала 7 см. У девяти ядрищ этот показатель не достигает и 5 см. Толщина нуклеусов варьирует от 5,0 до 1,4 см. Три наиболее тонких (1,4—1,8 см) ядрища, можно, по всей видимости, рассматривать как остаточные.

Большинство этих нуклеусов являются одноплощадочными (7). Радиальное скалывание представлено лишь одним небольшим ядрищем из глинистого сланца с круговой грубо подправленной площадкой (рис. 43: 2). В двух случаях скалывание велось с перпендикулярно расположенных площадок, а в одном — с противоположащих, во встречных направлениях. Три нуклеуса являются двусторонними, причем все они изготовлены на плитчатых обломках глинистого сланца. У двух таких ядрищ скалывание велось с перпендикулярно расположенных площадок. Среди них привлекает особое внимание ядрище с дополнительной плоскостью скалывания на торцевой грани. Этот брусковидный (4,7×4,4×3,0 см) нуклеус выделяется также в наибольшей степени подправленными площадками — фасетированной и тонкофасетированной. Первая любопытна тем, что подправлялась частично от основной рабочей поверхности, а частично от торцевой. Последнее из сланцевых ядрищ совмещает в себе две системы скалывания — протопризматическое с подправленной площадки и навстречу ему, но под большим углом — одноплощадочное с гладкой площадки. В целом грубая подправка и выпуклость имеются лишь у 6 из 18 определяемых площадок (одна разбита ударом), т. е. в трети случаев. Нужно отметить, что такая подправка представляется более характерной для ядрищ из кремнистого сланца — 3 из 4 площадок, в то время как у нуклеусов из глинистого сланца подправлены лишь 2 из 12 площадок. Сопоставление описанных сланцевых ядрищ с таковыми из восточной галереи показывает их общее сходство как по типу заготовок, так и по приемам скалывания.

Кремневые нуклеусы (8) изготовлены преимущественно из небольших обломков местного кремня и, соответственно, весьма невелики по размерам — от 2,3 до 4,4 см в длину и ширину, от 1,2 до 2,8 см в толщину (рис. 43: 1, 3). Два нуклеуса сделаны из импортного сырья, а заготовками послужили небольшой светло-коричневый скол удлинённых пропорций и достаточно крупный (5,1×6,1×3,9 см) обломок молочно-серого кремня. Отметим преобладание здесь двусторонних ядрищ — 5. Два из них имеют перпендикулярные площадки, а в одном случае скалывание велось с противоположащих площадок, каждая из которых была приурочена к своей рабочей поверхности (тип «джрабер»). Еще два двусторонних ядрища отличаются более сложным характером расщепления. Одна сторона их также демонстрирует одноплощадочное скалывание, зато другая несет в первом случае негативы встречных снятий с противоположащих площадок, а во втором — снятия с

трех смежных площадок (подперекрестный прием) (рис. 43: 1). Были ли некоторые из мелких снятий сколами подправки рабочей поверхности или имели самостоятельное значение — судить затруднительно. Малые размеры ядрищ и, тем более, негативов, а также весьма низкое качество местного кремня (трещиноватость, сланцеватость, склонность к заломам) озадачивают относительно цели их расщепления. Не исключено, однако, что все несовершенство и мелкогабаритность получаемых сколов искупались возможностью получения лезвий такой остроты и прочности, которые были недостижимы ни у сланца, ни у песчаника. Отметим, кстати, что одно из сложных двусторонних ядрищ и самое крупное из всех изготовлено из молочно-серого импортного кремня. Приносной кремь был использован также для подпризматического ядрища, сделанного на отщепе (рис. 43: 3). Его гладкая и слегка скошенная (110°) площадка образована сколом, срезающим базальную часть отщепа-заготовки. Два одно-сторонних нуклеуса из местного кремня представляют собой одноплощадочный и ортогональный. Подправка площадок у кремневых ядрищ развита слабо: отмечены 4 грубофасетированные выпуклые площадки, а прочие 11 — гладкие. Возможно, что на подправку площадок обращали мало внимания, поскольку в данном случае она едва ли могла заметно улучшить качество сколов.

Анализ ядрищ центральной камеры в целом только углубляет и дополняет наши наблюдения по нуклеусам восточной галереи. Подправка площадок осуществлялась лишь спорадически, и сложные формы нуклеусов очень редки. Для песчаника применялось чаще всего подпризматическое краевое скалывание с использованием в качестве площадок широких поверхностей уплощенных валунов и крупных галек или же — более редко — подрадиальное расщепление в плоскостях, параллельных или субпараллельных этим поверхностям. Для сланцев и кремня, представленных плитчатыми или угловатыми обломками, отмечается преимущественно одноплощадочное срабатывание рабочей поверхности, дополняемое порой ортогональным и — в единичных случаях — встречным и подперекрестным. Возможна двусторонняя утилизация таких нуклеусов, наиболее развитая у кремневых изделий.

При характеристике сколов возникает проблема большого количества фрагментов и малого процента целых изделий. В центральной камере степень фрагментации сколов оказалась еще большей, чем в восточной галерее. Целые сколы из глинистого сланца составляют в камере 26,6 % против 40 % в восточной галерее, а целые сколы из песчаника — 49 % против 60 %. Тем не менее, основная масса сколов из всех видов сырья в центральной камере существенно больше, чем в этой галерее, — более чем в 3 раза среди песчаниковых изделий и в 1,5—2,0 раза среди прочих. Рассмотрим вначале размеры сколов (табл. 6).

Таблица 6

Распределение размеров сколов-заготовок из центральной камеры по основным сырьевым группам

Основные характеристики сколов	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень
Общее количество целых сколов	270	149	122	53
Сколы длиной от 5 до 7 см	31,3 % [*]	30,4 %	23,4 %	3,8 %
Сколы длиной более 7 см	23,4 %	7,4 %	6,6 %	—
Средняя длина сколов	5,5 см	4,7 см	4,5 см	3,15 см

В целом полученные показатели очень близки к таковым для восточной галереи (табл. 2). Несколько уменьшилась доля крупных (длиной более 7 см) сколов из сланцевого сырья, наиболее заметное различие — практическое отсутствие в центральной камере кремневых сколов длиннее 5 см (2 из 53), в то время как в галерее эту длину превышали 7 из 29 целых сколов (24,1 %). Это различие может отражать большую редукцию кремневых изделий в центральной камере, но может быть и случайным, учитывая недостаточное для корректной статистики количество целых сколов из кремня.

Ширина сколов замерялась, но не учитывалась при сопоставлениях, потому что в случае оформления на них орудий вторичная обработка чаще всего модифицировала именно боковые края. По этой причине вторым показателем, который мы сравнивали, стала толщина. Замер ее делался как на целых сколах, так и на фрагментах. Средняя толщина песчаниковых сколов является наибольшей и совершенно аналогична цифре, полученной для таких сколов из восточной галереи, — 1,6 см. Средняя толщина сколов из кремня и сланца колеблется от 1,03 см до 1,20 см (1,17—1,22 см в восточной галерее). Небольшое уменьшение средней толщины кремневых сколов согласуется с уменьшением их средней длины. Типичный скол из местного кремня изображен на рисунке (рис. 44: 4).

Удлиненные сколы в данной коллекции встречаются несколько реже, чем в восточной галерее — 4,8 % против 8,8 %. Отметим, однако, что в центральной камере впервые встретились сколы, которые можно назвать подлинными пластинами, т. е. сколы, имеющие параллельные и субпараллельные края и огранку. Таких пластин найдено 15 экз. Абсолютное большинство их сделано из глинистого (7) и кремнистого (7) сланцев (рис. 44: 1) и лишь одна — из самых верхов ашельской толщи отложений — из песчаника. К сожалению, многие из них (9) представлены небольшими обломками. Прочие же — целые (4) и базальные (2) — фрагменты имеют гладкие площадки. Шесть пластин имеют обушковые грани (2 — покрыты коркой). Любопытна находка в горизонте 2 полуреберчатой пластины со встречной огранкой, которая, будучи уклонившимся сколом, срезала часть противоположной площадки ядрища. Число пластин слишком мало для наблюдений по их распре-

делению, но все же отметим, что они встречены и в верхах (гор. 1—2) — 4 экз. и в средней части (гор. 4—5) — 3 экз., но явно преобладают в базальных горизонтах 8—9 — 8 экз.

Анализ характера спинок сколов прежде всего подтверждает отмеченные выше для изделий из восточной галереи различия между сырьевыми группами по присутствию краевых и полукраевых отщепов. Очень значительна их доля среди песчаниковых отщепов (рис. 44: 2, 3, 6; 55: 2, 4) — 58,1 %, что даже чуть выше, нежели в этой галерее (54 %). Зато несколько уменьшился в центральной камере процент таких сколов среди кремнистых сланцев — 24,7 % (35,6 % — в галерее) и весьма значительно сократилась их доля среди кремневых отщепов — 8,5 % (18,8 % — в галерее). Здесь снова возникает, правда, вопрос о репрезентативности данных по кремню, число изделий из которого слишком невелико. Краевые и полукраевые сколы из глинистого сланца наиболее редки — 7,3 %, что близко этому показателю для восточной галереи (4 %). Центральная камера продемонстрировала также некоторое увеличение по сравнению с восточной галереей доли обушковых сколов из кремня и сланцев — от 10—16 % до 18—22 %. Для песчаника, напротив, фиксируется незначительное снижение их процента — от 27,2 % до 26,5 %. Однако у песчаниковых сколов из центральной камеры эти грани-обушки значительно чаще образованы срезанием естественного (корочного) края ядрища (рис. 44: 2; 61: 2) — 44,7 % против 32,0 % в галерее. Отметим и некоторое увеличение в камере процента естественно-обушковых сколов среди кремневых и сланцевых изделий. В прочих случаях обушковые грани представляют собой срезы боковых грани ядрищ, порой являвшиеся площадками при ортогональном скалывании (6 — сланцы, 5 — песчаник, 3 — кремень), обломы или грани продольного раскола отщепа в момент его снятия (9). Такой раскол кажется более характерным для песчаника (8).

Анализ огранки спинок сколов вновь показал, что для всех типов сырья характерно доминирование одноплощадочного скалывания — от 48,8 % у сколов из глинистого сланца до 57,4 % у изделий из кремнистых сланцев. Среди песчаниковых отщепов такая огранка отмечена почти в половине случаев. От 17 до 26 % всех сколов демонстрируют предшествующее скалывание с

^{*} За 100 % во второй и третьей строках принято число целых сколов в каждой сырьевой группе, указанное в первой строке.

подперпендикулярных боковых площадок, несколько реже использовались противоположащие площадки — от 13,0 до 18,5 %. Двухплощадочное скалывание чаще всего встречалось у плитчатых обломков глинистого сланца. Более сложная огранка с использованием трех и более площадок, то есть подрадиальная, встречается довольно редко — от 2,8 до 7,8 %. Чаще она отмечалась на кремнях — около 11 %, а также на сколах из глинистого сланца (рис. 44: 5) — почти 9 %, немного реже у кремнистого — 7 %. Здесь также могла играть определенную роль плитчатость этого сырья, располагавшая к плоскостному принципу срабатывания ядрищ. Менее всего характерна сложная огранка для изделий из песчаника (4,0 %). Это отчасти объяснимо тем, что песча-

ник часто доставлялся в виде крупных уплощенных валунов, которые подталкивали скорее к их одноплощадочному и даже подпризматическому срабатыванию. В случае же подрадиального расщепления крупных валунов сколы, очевидно, срезали лишь часть рабочей поверхности и редко захватывали негативы, связанные с удаленными участками круговой площадки и формирующие в целом радиальную систему снятий. Наиболее выразительный песчаниковый скол с подрадиальной огранкой представлен на рис. 44: 6. Встречаются единичные реберчатые и полуреберчатые сколы (рис. 44: 3), связанные, очевидно, с переоформлением нуклеусов.

Рассмотрим теперь основные характеристики ударных площадок (табл. 7).

Таблица 7

Основные характеристики ударных площадок сколов из центральной камеры по сырьевым группам

Характеристики ударных площадок	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевриты	Кремень
Количество определенных площадок	284/100 %	151/100 %	127/100 %	61/100 %
Гладкие площадки, в т. ч. с коркой	76,4 % 24,6 %	71,5 % 10,8 %	64,6 % 8,7 %	65,6 % 1,6 %
Двугранные площадки	12,3 %	15,9 %	15,0 %	6,6 %
Грубофасетированные площадки	10,6 %	9,9 %	15,0 %	18 %
Тонкофасетированные площадки	0,7 %	2,6 %	4,7 %	8,2 %
Выпуклые площадки	28,5 %	28,5 %	21,3 %	31,1 %
Средний угол площадок	111,3°	110,5°	109,6°	110,4°

Данная таблица не показывает принципиальных изменений по сравнению с показателями ударных площадок, зафиксированными в восточной галерее (табл. 3). Вновь очевидно преобладание во всех сырьевых группах гладких площадок и очень близкие значения их средних углов. Одним из значимых изменений представляется существенный рост доли покрытых коркой площадок у песчаниковых изделий, что согласуется с несколько большим в центральной камере процентом краевых и полукраевых сколов из этого сырья, включая естественно-обушковые. В то же время показатели подправки площадок песчаниковых сколов здесь чуть выше, чем в восточной галерее *. То же можно сказать и в отношении кремнистого сланца. Глинистый же сланец показывает небольшое и, быть может, малосущественное ухудшение подправки. Зато более очевидно снижение показателей подправки у кремневых сколов, что можно связывать с меньшей представленностью в центральной камере изделий из качественного импортного кремня. Когда мы рассматривали показатели подправки площадки по археологическим горизонтам, то наблюдалось как будто некоторое увеличение числа подправ-

ленных площадок к верхам. Однако при распределении по горизонтам число определяемых площадок оказывается слишком малым для надежных выводов об изменениях качества их подправки. К этому вопросу мы вернемся после завершения анализа материалов из всех частей пещеры и обобщения этих данных, в том числе и с точки зрения динамики показателей техники расщепления по вертикали — от нижних уровней к верхним.

Кратко рассмотрим, наконец, найденные в центральной камере мелкие сколы и чешуйки. Количество их, как уже отмечалось выше, относительно невелико — 270 (13,8 % всех сколов). Реже всего встречаются такие сколы из импортного сырья (кремень и андезит) — 15, а чаще всего — песчаниковые (89). На втором месте — преобладавший среди них в восточной галерее глинистый сланец (69). Кремнистый сланец и местный кремень представлены, соответственно, 53 и 44 предметами. Среди них преобладают сколы с одноплощадочным скалыванием с гладкой площадки. Около трети имеют более сложную огранку, что наиболее характерно для глинистых сланцев. Около 5—6 мелких сколов или чешуек несут на себе столь мелкую и тщательную одноплощадочную огранку, связанную с небольшими скошенными гладкими площадками, что позволяет видеть в них вероятные сколы с ретушированных краев орудий. Три таких скола — кремневые, остальные сделаны из кремнистого и глинистого сланца. Один мелкий скол из импортного кремня с широкой двугранной площад-

* Выпуклые площадки у песчаниковых сколов могут быть и гладкими — при ударе по выпуклому участку естественной поверхности валуна или гальки. Поэтому рост доли выпуклых площадок связан здесь не только с лучшей их подправкой, но и с увеличением числа корочных площадок.

кой является, видимо, сколом подправки площадки нуклеуса.

4.3.3. Каменные орудия из центральной камеры

В центральной камере было обнаружено 433 орудия. Состав их отличается большим разнообразием и вариативностью форм, нежели в восточной галерее.

Галечные макроорудия (чопперы, чоппинги и нуклевидные скребки) насчитывают 14 экз. Как и в восточной галерее, они изготовлены из валунов и крупных галек песчаника (13) и кремнистого сланца (1) сходных габаритов и веса. Наличие здесь большой группы этих предметов позволяет охарактеризовать их в целом. Для орудий такого рода явно отбирались гальки и валуны весом примерно от 0,5 до 1,6 кг, брусковидные, то есть двояковыпуклые, плитчатые или — реже — плоско-выпуклые с крутыми, хотя и закругленными боковыми и концевыми гранями-торцами. Привлекает внимание также то, что по форме в плане намеренно, как представляется, подбирались предметы с подпрямоугольными (2 экз.), подтреугольными (5 экз.) и подовальными (7 экз.) очертаниями. Первые и вторые имеют, как правило, прямые лезвия, последние — выпуклые. Противоположные лезвиям пяточные части этих орудий являются, соответственно, прямыми, имеющими форму буквы «V» или дуговидными. Подавляющее большинство галечных орудий представляют собой чопперы, два — с альтернативной обработкой лезвий — чоппинги (chopping-tools) и два — нуклевидные скребки.

Чопперы (10 экз.). Изготовлены на валунных заготовках всех трех типов, но на подовальных имеют наиболее протяженные, занимающие половину их периметра рабочие края, оформленные серией последовательных снятий — более крупными и пологими вначале и более мелкими и крутыми при окончательной отделке (рис. 45: 2). Первые снятия наносились под углом 45—55°, последние, типа грубой ретуши, — под углом 70—75°. Шесть таких чопперов мы условно называем боковыми (side chopper), поскольку их лезвия располагаются вдоль одного из длинных краев орудия. Не исключено, однако, что первоначально они могли иметь иные очертания и форму, которые изменились благодаря сильной редукции в процессе срабатывания и переоформления рабочего края. Из этих орудий два имеют на лезвиях выступы-острия, что позволяет определять их также в качестве заостренных чопперов (pointed chopper). Остальные четыре чоппера являются концевыми (end chopper) (1 экз.) или поперечными (chopper transverse) (3 экз.). Последние оформлены на одном из широких прямых краев подтреугольных валунов (рис. 46: 2), а концевой, с выемчатым лезвием, — на узком торце гальки в форме удлиненной четырехугольной призмы (рис. 46: 1).

Чоппинги (2 экз.). Они оформлены на уплощенных валунах подтреугольных очертаний и маловыразительны: альтернативные снятия на них единичны и занимают лишь часть рабочего края.

Нуклевидные скребки (2 экз.). Они отличаются наиболее крутой оббивкой рабочего края (до 80—90°) и характерными односторонними макроследами его износа и закругленной кромкой лезвия. Наиболее характерен концевой экземпляр таких орудий, изготовленный на узком подпрямоугольном брусковидном валуне. Рабочий край носит следы явного подживления и сильного износа: смятость в прилезвийной части, закругленность, затертость кромки (рис. 45: 1).

Бифасиальные орудия (47 экз.) представлены ручными рубилами, рубильцами и листовидными орудиями.

Ручные рубила (19 экз.). Подразделяются нами на крупные (более 10 см) и среднеразмерные (7—10 см). К крупным относятся 5 рубил. Четыре из них — два песчаниковых и по одному из кремнистого известняка и сланца — принадлежат к лучшим образцам этих орудий в инвентаре пещеры. Пятое, песчаниковое, представлено крупным фрагментом базальной части.

Из четырех упомянутых целых экземпляров наиболее совершенный вид имеет крупное (14,5×8,4×4,7 см), симметрично двояковыпуклое копьевидное рубило с массивной пяткой, слабоизвилистыми — в профиль — лезвиями и хорошо подправленным и утонченным дополнительным ретушью дистальным концом. Изготовлено оно из достаточно изотропного кремнистого известняка, дававшего хорошо выраженный раковистый излом. Первоначальный вид заготовки, использовавшейся для его оформления, неясен. Остатки негативов плоских выравнивающих снятий, сохранившихся на самых выпуклых частях предмета, резко отличаются по углу наклона от негативов подправки продольных лезвий орудия. Это, по-видимому, предполагает, что изначально заготовка была подвергнута уплощению. Затем, очевидно, этот полуфабрикат утончался посредством создания вспомогательных площадок, оконтуривался и приострялся. Заключительная оббивка производилась чередующимися крутыми снятиями, направленными от краев к длинной оси орудия. Последняя мелкая ретушная подправка лезвий была нанесена в основном только с одной стороны орудия (рис. 47: 1).

Второе, более крупное и массивное (17,8×9,5×4,6 см) ручное рубило, удлиненно-сердцевидных очертаний, изготовлено из песчаника и имеет, в отличие от идеальных образцов рубил такого рода, асимметричное дистальное острие, поперечное сечение в виде низкого параллелограмма и сильно утонченную базальную половину (рис. 47: 2). Сечение отражает асимметричную двускатность обеих выпуклых сторон. Утончение же было достигнуто скалыванием с обеих сторон двух крупных уплощающих снятий, направленных от основания орудия вдоль его длинной оси. Возможно, что второе из них, приведшее к сильному утончению базальной части и несколько нарушившее прямизну подрезанного им лезвия, стало результатом не совсем расчетливого действия мастера. Оба выпуклых продольных лезвия рубила подправлены крупной противолежащей ретушью, нанесенной на каждой из сторон по краям более коротких и крутых скатов. Острый дистальный конец изделия оформлен тоже противоре-

жащей ретушью, но расположенной, напротив, на краях более широких и пологих скатов.

Третье крупное рубило своеобразно. Это удлиненное (13,5×7,5×3,3 см) частичное рубило с обушком (*biface à dos* или *backed biface* французских и английских типологов), очертания которого приближают его к лимандам или, ввиду заостренного дистального конца, к так называемым *paviformes* [Bordes, 1961: 68]. Изготовлено оно на большом поперечном песчаниковом отщепе укороченных пропорций, сохранившем на ударной площадке участок гладкой галечной корки. Абрис этого отщепа, если сориентировать его вдоль длинной оси, был настолько близок к контурам искомого орудия, что потребовалась лишь незначительная подправка его краев. Косая площадка скола стала частью обушка, который был продлен брюшковой ретушью, положенной под аналогичным углом, вплоть до дистального конца. Брюшковой же, но пологой ретушью было приостроено основание орудия. На другой, лицевой стороне скола ретушная подправка опоясала все края предмета: вдоль обушка она была мелкой и плоской, вдоль противоположного продольного края — крутой или полукрутой, неровной наподобие лезвий большинства крупных скребел, в основании же и на острие — более тщательной, приостряющей. Острие было при этом выделено двумя идущими от краев орудия навстречу друг другу желобчатыми (*creuse*) снятиями (рис. 48: 2).

Четвертое целое ручное рубило — наименьшее в этой группе (10,6×4,7×2,5 см). Оно изготовлено на поперечном сланцевом отщепе, имеет частичную двустороннюю обработку и по своим сильно удлиненным пропорциям ($L/m-2,2$) и малой толщине является переходной формой от ланцетовидных рубил к листовидным орудиям. Корпус его тонок и изящен, продольные лезвия являются в плане слабовыпуклыми, а в профиль — прямыми. Сланцеватость исходной породы обусловила, однако, ступенчатость (занолистость) сколов отделки сторон и ретуши лезвий. Ступенчатость наиболее выражена на утолщенном продольном крае орудия, где интенсивная ретушь срезала ударную площадку и ударный бугорок исходного отщепа. Противоположное, более тонкое лезвие оформлено пологой ретушью (рис. 48: 1).

Небольшие (7—10 см в длину) ручные рубила насчитывают 14 экз. Все они, за исключением двух сланцевых образцов, представлены фрагментами или выбракованными, по всей видимости, предметами. Оба имеющих законченный вид субсердцевидных сланцевых рубила являются частичными и обушковыми. Если расположить эти предметы спинками лежащих в их основе отщепов вверх, то обушки находятся по левому краю их базальных половин, соединяясь со столь же утолщенными пятками. Плоская сторона большего образца (9,9×7,0×2,8 см) несет следы очень незначительной обработки, представляющей собой остатки вспомогательной площадки, с которой снимались сколы, приострявшие и закруглявшие нижнюю треть лезвийного края (рис. 49: 2).

Остальные 12 рубил из этой группы фрагментированы или не закончены обработкой. Некоторые из них

интересны как изделия, приобретшие неустраняемые дефекты на той или иной стадии их изготовления. Показателен сплошь двусторонне оббитый предмет субсердцевидных очертаний с лезвием по всему периметру, завершению отделки которого воспрепятствовала высокая горбовидная выпуклость на одной из его сторон (рис. 49: 1). Выпуклость эта возникла, очевидно, из-за неумения мастера выполнить уплощение предмета на начальной стадии его оформления.

Рубильца (18 экз.). Это мелкие (длиной от 3,3 до 7,1 см) частично двусторонне обработанные орудья, имеющие различные (неправильно подтреугольные, субсердцевидные, ромбовидные и др.) очертания и, как правило, весьма тонкое сечение (от 0,9 до 1,6 см). Большая часть их (14 экз.) изготовлены из листоватого сланца и имеют двоякоплоские сечения и укороченные пропорции. Мелкая слоистость, листоватость сырья обусловили частую ступенчатость, занозистость ретушных снятий, а в результате надламывания тонких и хрупких слоев по краям они стали местами смятыми и притупленными. Орудья эти встречены во всех горизонтах ашельских отложений центральной камеры, включая восьмой, базальный. Пять орудий представлены крупными фрагментами, а из остальных наиболее выразительны семь рубилец. Первое — единственное рубильце, изготовленное из песчаника, — является весьма массивным (6,0×4,7×2,0 см), имеет подовальные очертания и грубую ретушнюю подправку по всему периметру (рис. 50: 6). Второе — наиболее крупное и удлиненное (6,91×3,3×1,6 см), со слабодвояковыпуклым сечением и субсердцевидными очертаниями, имеет острый выступ на углу основания (рис. 50: 7). Аномалии такого рода известны в литературе под названием *bifaces à gibbosité* (бифасы с протуберанцем) [Dibble, Debenath, 1994: 167]. Третье рубильце — более мелкое (4,2×2,9×1,6 см), двояковыпуклое, имеет такой же острый выступ в основании (рис. 50: 3). Четвертое, пятое и шестое рубильца — мелкие, тонкие, двоякоплоские, различающиеся по очертаниям (рис. 50: 1, 2, 4). Длина их находится в пределах 3,5—4,5 см, толщина — 0,9—1,1 см. Особняком, наконец, стоит седьмой предмет — своеобразное массивное (6,3×4,9×2,4 см) орудие с клювовидным завершением дистального конца (рис. 50: 5). Близкой аналогией ему является «бифас со сплюсненным клювом» (*biface à rostre aplati*) [Debenath, Dibble 1994: 165, fig. 82—83], однако данный предмет имеет не сплющенное плоское, а массивное острие: в 0,5 см от конца толщина его равна 0,7 см. Это орудие отнесено к рубильцам условно и может быть сближено с клювовидными орудьями. Основным рабочим элементом его является, видимо, именно острие, так как оба конвергентно сходящихся продольных края имеют отвесную и «рваную» из-за листоватости исходной породы оббивку.

Листовидные орудия (10 экз.). Как и рубила, они встречены во всех ашельских уровнях. Семь экземпляров представлены фрагментами. Все они изготовлены из сланца, разнокалиберны, но отличаются узкими и удлиненными пропорциями. Сланцеватость породы и здесь придавала орудьям двоякоплоские или плоско-

выпуклые сечения. Наиболее интересны, разумеется, три неповрежденных и совершенно непохожих друг на друга образца. Первый, имеющий правильные лавролистные очертания, сообщенные ему не столько вторичной обработкой, сколько формой исходного отщепа, является тонким ($7,5 \times 3,8 \times 1,1$ см) и двоякоплоским в сечении (рис. 51: 4). Со стороны спинки отщепа-заготовки его оконтуривает скудная краевая ретушь, со стороны брюшка — несколько плоских снятий. Второе целое листовидное орудие — такое же двоякоплоское, но более длинное и массивное ($10,6 \times 4,3 \times 1,7$ см), имеет неправильные листовидные очертания, получившиеся благодаря капризно расщепляющейся сланцеватой породе (рис. 51: 3). Третье орудие — небольшое, массивное и очень узкое ($5,1 \times 2,1 \times 1,4$ см) — отличается слегка изогнутым корпусом и тщательной противолежащей подретушовой лезвий (рис. 51: 1). Среди фрагментированных образцов заслуживают внимания два предмета. Первый является наиболее крупным ($12,1 \times 4,5 \times 1,7$ см), несмотря на утрату им в древности кончика острия и базальной части, и поражает правильностью своих листовидных очертаний, прямоосностью и аккуратной ретушной отделкой — плоской и частичной на брюшке и пологой, хорошо выравнивающей продольные лезвия на спинке (рис. 51: 5). Второй является обломком тщательно оформленного немногими плоскими снятиями дистального острия орудия (рис. 51: 2).

Остроконечники (15 экз.) встречаются во всех ашельских горизонтах центральной камеры. Песчаник для их изготовления не использовался совершенно. Привлекались более прочные мелкозернистые породы: кремь (6 экз.), сланец (7) и андезит (2). Можно выделить пять разновидностей этих орудий: прото-мустьерские, типа *pointe surelevee*, тейякские, типа «кинсон» и атипичные.

Протомустьерские остроконечники (4 экз.) встречаются в раскопе 1959 г. только в двух верхних горизонтах ашельского слоя. Два более крупных сланцевых изготовлены на небольших ($4,8 \times 4,2 \times 1,9$ см и $4,4 \times 3,3 \times 1,1$ см) отщепах с гладкими площадками, скошенными под углом 130° и 105° . Треугольные очертания первого из них унаследованы от исходного отщепа, края которого лишь слабо подправлены краевой ретушью (рис. 52: 4). Второй же, слегка асимметричный, оконтурен и оформлен с помощью глубокой модифицирующей полукрутой ретуши (рис. 52: 3). Оба эти остроконечника найдены в горизонте 1 — в одном квадрате и почти на одной глубине. Третий, андезитовый (рис. 52: 2), и четвертый, чернокремневый (рис. 52: 1), остроконечники этого типа происходят из горизонта 2. Небольшой ударный бугорок последнего, представляющего собой *pointe dejetee*, слегка стесан плоскими фасетками.

Остроконечники высокой формы (*pointes surelevees*) — 3 экз. Все они — кремневые, найдены в горизонтах 1, 2 и 8. Наиболее характерный, белокремневый, происходит из горизонта 8. Он отличается массивностью дистальной половины, прямыми лезвиями и отделкой ретушью *surelevee* (рис. 52: 7). Размеры его — $3,6 \times 2,7 \times 1,9$ см. Лезвия второго, чернокремневого, слег-

ка асимметричного ($3,6 \times 2,7 \times 2,0$ см), найденного в горизонте 1, отделаны таким же образом (рис. 52: 6).

Остроконечники тейякские — 5 экз. Они происходят из горизонтов 3, 4, 5 и 8. Три из них — из черного кремня и лидита — изготовлены на толстых отщепах. Все эти орудия имеют неправильные подтреугольные контуры и зубчатые, сходящиеся к дистальному острию края. Два из них утратили дистальные концы в древности (рис. 52: 5, 8).

Остроконечник типа «кинсон» (?) — 1 экз. Это серокремневое орудие с треугольным сечением, наиболее широкая грань которого выпукла и покрыта сплошной пологой и полукрутой ретушью, направленной навстречу друг другу от продольных краев предмета. Вторая и третья грани орудия гладкие и расположены под прямым углом (рис. 52: 9). Размеры этого изделия — $4,8 \times 2,3 \times 1,8$ см.

Остроконечники атипичные — 2 экз. Наиболее интересен длинный. Узкий и массивный ($5,2 \times 2,8 \times 1,8$ см) предмет, изготовленный на брусковидном двоякоплоском отщепе кремнистого сланца (рис. 52: 10). Дистальное острие его обломано в древности.

Протолимас (1 экз.) изготовлен из андезита, который имеет сильно выветрелую пористую поверхность серого цвета и, безусловно, доставлен сюда издалека. Он асимметричен (правый край — выпуклый), имеет небольшие размеры ($4,2 \times 2,7 \times 1,6$ см) и обладает характерно выпуклой верхней стороной. Дистальный конец его приострен, базальный — округлый. Нижняя сторона его неравномерно обработана крупной ретушью — частичной, плоской в средней части брюшка исходного отщепа и более интенсивной, полукрутой на концах, благодаря чему весь предмет приобрел вид «кресла-качалки» («rocket»). Полукрутая и крутая ретушь на верхней, выпуклой стороне орудия местами напоминает ретушь полукина.

Скребла — 180 экз. Как и в инвентаре восточной галереи, скребла являются здесь наиболее многочисленной категорией орудий. В центральной камере их даже больше: на каждый квадратный метр в среднем приходится по 6 скребел против 4 в восточной галерее. В то же время большая часть скребел происходит из южной части камеры (к югу от продольного разреза V—B—F), где мощность ашельских отложений больше и подошва их располагается на 0,5 м глубже, чем в восточной галерее и в северной части центральной камеры. Соответственно этому вскрытие ашельских отложений в южной части велось не 5—6, а 8—9 раскопными горизонтами. Расчленение находок по этим горизонтам показало, что самые глубокие из них (гор. 7—9) доставили наиболее архаичные формы скребел. Таким образом, в составе скребел восточной галереи и центральной камеры наблюдаются определенные отличия.

Второй особенностью скребел центральной камеры является некоторое изменение в составе сырья, применявшегося для их изготовления. Песчаник здесь использовался чаще, сланцы же и алевриты всех разновидностей, а также кремь, напротив, реже, чем в восточной галерее (соответственно, 28,3 %, 56,6 %, и 12,1 % против 15,5 %, 62,3 % и 22 % в галерее). Андезит

встречался крайне редко — 4 экз (2,2 %). Андезит, подобно некоторым цветным кремням розовой, красной и белой окраски, является, как представляется, импортным привнесением.

Качество и ассортимент скребел из камеры определялись не только несколько худшим составом сырьевого материала, но и, как кажется, наличием в их составе более древних (?) изделий, происходящих из самых нижних уровней ашельских отложений (гор. 7—9). Рассмотрение технологических и морфологических показателей этих орудий по стратиграфической вертикали удостоверяет явные изменения в используемом сырье, в заготовках, формах, размерах и отделке этих, казалось бы, банальных форм. Так, в самых ранних горизонтах 7—9, документирующих первичные визиты ашельских людей в пещеру, когда они только приступали к освоению местного сырья, грубый и вязкий крупнозернистый песчаник котировался, видимо, невысоко. Ему явно предпочитались более пластичные, мелкозернистые, хотя и листоватые порой, сланцы, а также алевролиты. Именно поэтому, очевидно, 29 из 45 скребел, найденных в этих уровнях (т. е. 64,4 %), сделаны из сланцев и алевролитов, а из песчаника — лишь 7 экз. (15,5 %).

Вполне допустимо, что первопришельцы приносили с собой некоторые орудия из неместного (экзотического) сырья. Такими в базальном горизонте 9, на наш взгляд, были два предмета: сильно выветрившееся андезитовое двойное боковое скребло (рис. 53: 1) и крупное, массивное, обработанное ретушью *surelevée* светлокремневое скребло с утонченным обушком (рис. 53: 5). Они найдены, соответственно, на глубинах —381 и —386 см от нулевой горизонтали. Несколькими сантиметрами глубже были встречены только несколько мелких отщепов и обломков.

Сколы-заготовки, на которых были изготовлены скребла из горизонтов 7—9, отличались большим разнообразием. Случаи какого-либо оконтуривания заготовок не прослеживаются. Скребла из песчаника (6 из 7 экз. обнаружены в горизонте 8) являются здесь особенно массивными и выглядят наиболее примитивно. Размеры двух из них — 8,2×7,1×4,5 см и 6,5×9,3×2,2 см. Четыре из семи песчаниковых скребел сделаны на краевых или полукраевых сколах. Рабочие лезвия их оформлены грубой крупной полукрутой ретушью. Среди сланцевых скребел также встречены три крупных, хотя и более тонких орудия. Кремнистый сланец позволял производить более тщательную ретушнюю отделку и получать достаточно ровные и острые рабочие лезвия (рис. 53: 4). Крупное же скребло из слоистого, листоватого сланца отличается ступенчатой ретушной отделкой.

Судя по отмеченным выше предметам из экзотического сырья, пришлые ашельцы умели изготавливать не только однолезвийные скребла. В коллекции из горизонта 8 встречено три двулезвийных скребла: два конвергентных из сланца (рис. 53: 3) и песчаника (рис. 53: 2), а также одно мелкое двойное боковое из черного кремня. Первое, изготовленное из массивного (6,2×6,4×2,5 см) полукраевого отщепа весьма слоистой сланцевой породы и оформленное немногочисленными

крупными фасетками желобчатой (*creuse*) ретуши, которая, кстати сказать, весьма распространена среди ашельских орудий Кударо, выглядит особенно примитивно.

Среди однолезвийных скребел заслуживает внимания орудие, найденное в горизонте 7. Оно изготовлено на довольно массивном краевом отщепе подпрямоугольных очертаний из черного сланца (рис. 54: 9). По размерам (7,7×6,3×2,2 см), форме, наличию обушка и искусной отделке ретушью — вначале полукрутой, широкой, желобчатой, а затем мелкой кромочной — оно находит параллели лишь в более высоких ашельских уровнях центральной камеры.

Морфологические особенности части скребел в выше залегающих горизонтах 6—1 понемногу меняются. Причины этому следует, очевидно, усматривать в постепенном раскрытии мастерами технологических возможностей местного сырья, в инновациях, подсказанных этими возможностями, и в общем прогрессе техники обработки камня. Некоторые инновации исходили, возможно, из опыта обработки сланцеватых пород. Присущее им расслоение по параллельным плоскостям могло навести на мысль об использовании этого качества при первичном расщеплении сланца и при утончении предметов с помощью уплощающих стесов. Последнее проявилось, как уже отмечалось, при изготовлении некоторых плоских сланцевых ручных рубил, а также тонких рубилец и листовидных орудий и в оконтуривании-утончении коротких краев отдельных скребел.

Появление и постепенное нарастание новых идей и приемов изготовления скребел наблюдается в центральной камере примерно с горизонта 4. Прослеживается стремление к отбору для изготовления небольших однолезвийных скребел узких удлиненных отщепов более или менее подпрямоугольных или трапецевидных очертаний, имеющих утолщение (обушок) по одному из продольных краев. Концевые части таких отщепов-заготовок порой — если они выходили за пределы задуманной формы — отсекались путем крутых обрубов или, чаще всего, уплощающих стесов. Эти стесы, как правило, наносились с брюшка отщепов, которые за редким исключением были сланцевыми. На втором продольном крае таких предметов оформлялось рабочее лезвие. Однолезвийные (боковые или поперечные) скребла подобного рода, если их поместить рабочим краем сверху, выглядят в известной мере стандартизованными. Все они продолговатые, обушковые и имеют благодаря отбору заготовок или специальному оконтуриванию последних довольно устойчивые размеры и пропорции: средние размеры таких скребел в названных горизонтах составляли 4,0—6,0×2,5—4,0×1,5—2,5 см. Рабочие края этих скребел были прямыми или (чаще, чем в восточной галерее) выпуклыми, а порой даже неправильно изогнутыми — выпукло-выемчатыми. Оформляющая эти края ретушь является одно- или двухрядной, пологой или полукрутой, нередко крутой, желобчатой. В горизонтах 1—3 встречено 14 подобных скребел. Приводим изображения их наиболее характерных образцов (рис. 54: 1—8).

Повышенное внимание к этой сравнительно небольшой группе скребел вызвано не только тем, что она выделяется относительной серийностью, но и тем, что здесь наблюдается переключка со сходной группой скребел из восточной галереи. Однако если в восточной галерее скребла такого типа встречаются в большинстве ашельских уровней, то в центральной камере, как отмечалось, — только в трех верхних горизонтах. Мы склонны рассматривать это явление как косвенный, сугубо археологический показатель более раннего возраста нижних ашельских уровней в центральной камере, как свидетельство того, что освоение человеком этого пещерного убежища начиналось именно с центральной камеры.

Помимо описанной группы в составе 165 однолезвийных скребел (91,6 % всех скребел центральной камеры) имеются также обычные разновидности боковых (80 экз.), поперечных (67 экз.) и угловых (4 экз.). Отметим среди них два массивных скребла с выпукло-вогнутыми рабочими лезвиями: одно из лидита (рис. 55: 1) и одно из песчаника. Заслуживает также внимания своеобразное сланцевое обушковое скребло, которое напоминает унифас с обушком. Верхняя сторона его сплошь оббита широкими снятиями, направленными от краев к центру, пятка утолщена — как и левый край, простирающийся до кончика дистального острия. Правый же край подправлен одно-двухрядной ретушью и имеет следы износа (рис. 55: 3). Интересны также три крупных поперечных скребла из песчаника, найденные в верхней части ашельской толщи отложений, но имеющие довольно грубый облик. Самое крупное из них (9,1×11,9×2,8 см) изготовлено на сравнительно тонком отщепе, вторичная отделка которого ограничилась лишь нанесением на его поперечный прямой край двух-трехрядной пологой чешуйчатой ретуши (рис. 55: 5). Второе скребло — выпуклое — оформлено на верхней гладкой стороне массивного (7,0×8,2×3,2 см) краевого отщепе путем нанесения на его поперечный край крупной полукрутой, отчасти желобчатой, но в целом аккуратной однорядной ретуши (рис. 55: 4). Третье из этих песчаниковых скребел, с прямым или даже слабо-вогнутым краем, оформлено еще более редкими фасетками такой же ретуши на полукраевом отщепе, один из краев которого срезан крутым обрубом (рис. 55: 2).

Остальные скребла были представлены двойными формами (15 экз. или 8,6 %) или фрагментами скребел. В составе двойных скребел имеются боковые двулезвийные, конвергентные и угловатые. Угловатые (2 экз.) происходят из горизонтов I и 3 и имеют весьма совершенную форму и отделку. Одно из них — брюшковое, желтокремневое — оформлено однорядной ретушью и демонстрирует заметный износ лезвий (рис. 56: 9). Второе угловатое скребло сделано из местного кремнистого сланца и, если исключить изготовление его на довольно массивном (толщина — 1,7 см) отщепе с сильно скошенной гладкой ударной площадкой, имеет «мустьероидный» облик. Рабочие лезвия его достаточно хорошо выровнены: боковое оформлено ретушью полукина, поперечное — краевой полукрутой ретушью (рис. 56: 11). Два конвергентных скребла изображены на рис. 53:

2, 3. Третье такое скребло изготовлено на треугольном лидитовом (?) отщепе, имеет вогнутые продольные лезвия со следами износа и базальную часть, сильно утонченную крупным пологим лицевым снятием, нанесенным с оформленной на брюшке исходного отщепе вспомогательной ударной площадки. С брюшковой стороны базальная часть орудия также утончена косым уплощающим сколом (рис. 56: 7). Утончение такого рода впервые встречено в ашельском инвентаре пещеры. Наиболее интересным образцом двойных боковых скребел является массивное изделие из кремнистого сланца, оформленное сублямеллярной ретушью *surelevée* (рис. 56: 10). Дистальный конец этого скребла утрачен в древности, размеры сохранившейся части — 5,5×4,0×2,5 см.

Наконец, особо отметим ряд скребел из импортного, экзотического сырья. Среди них выделяются три кремневых орудия с тщательно оформленными лезвиями (рис. 56: 4, 6, 8), которые найдены в горизонтах 4 и 5. Превосходно выровненный крутой, дуговидный рабочий край одного них, более массивного (5,2×2,7×2,1 см), является, по всей видимости, результатом значительной редукции и износа: ретушь *surelevée*, которая, вероятно, не является первичной, сильно подрезана здесь фасетками нависающей ретуши (рис. 56: 8). Еще 5—6 сходных, но более мелких скребел были встречены также в других ашельских горизонтах. Все они изготовлены из кремня или кремнистых пород, позволяющих получать наиболее прочные лезвия. Некоторые из таких скребел претерпели, видимо, сильную редукцию и являются фактически «огрызками» более крупных форм. На трех из них, помимо основной крутой или полукрутой ретуши, также заметна мелкая нависающая ретушь. Три из рассматриваемых скребел напоминают цитрусовые дольки: два из белозового кремня (рис. 56: 1, 3) и одно из лидита (рис. 56: 2). Отметим еще одно более крупное скребло подпрямоугольных очертаний с двумя противолежащими лезвиями (рис. 56: 5).

Подытоживая, еще раз отметим определенную дифференциацию скребел центральной камеры в связи с их стратиграфической позицией: более архаичный облик изделий из нижних горизонтов и более развитые формы в верхах. Очевидно также, что, при продолжающемся господстве однолезвийных типов, ассортимент скребел в центральной камере несколько шире, чем в восточной галерее. Обращают на себя внимание и некоторые хорошо отделанные изделия правильной формы, они, возможно, воплощают традиции, выработанные ранее на другом (кремневом или вулканическом?) сырьевом материале и принесенные сюда, как думается, из более южных районов Закавказья.

Скребки — 26 экз. Они встречены во всех уровнях ашельских отложений и изготовлены преимущественно из различных разновидностей сланцев — 19 экз. Песчаник был использован в трех случаях, а кремень — в четырех. Подобно скребкам в инвентаре восточной галереи, все они однолезвийные и сделаны на довольно массивных отщепе, плитках или же их обломках. Несмотря на кажущуюся разнородность предметов, отне-

сенных к этой категории, среди них, на наш взгляд, можно выделить три группы изделий.

1. Округлые массивные скребки — 2 экз. Первый, более крупный и массивный (4,9×2,5×1,9 см), происходит из горизонта 8 (рис. 57: 3), второй — из горизонта 1 (рис. 57: 2).

2. Оригинальные концевые скребки геометризованных очертаний — 10 экз. Они подразделяются на две отчетливые разновидности:

а) скребки треугольных или подчетыреугольных очертаний с выпуклыми лезвиями, изготовленные на двоякопослоских сланцевых плитках и повсюду, за исключением рабочего края, оконтуренные крутыми обрубками, — 4 экз. (рис. 57: 1, 5, 6, 8);

б) скребки подпрямоугольных удлинённых очертаний с прямыми рабочими краями, изготовленные на довольно массивных фрагментах отщепов или плиток, оконтуренных обрубками с двух или трех краев, — 5 экз. (рис. 57: 4, 7, 9). По расположению рабочего края и его примыканию к ним примыкает еще один концевой скребок на массивном (5,8×4,2×2,5 см) полукраевом песчаниковом отщепе (рис. 57: 10). Обрубы, о которых шла речь, призваны были в известной мере стандартизировать размеры и контуры заготовок, а также сузить до нужного предела ширину их рабочих лезвий.

3. Скребки атипичные, на различных случайных, как кажется, сколах — 14 экз. Среди них, впрочем, встречаются единичные достаточно выразительные формы.

Выемчатые орудия (58 экз.) встречены во всех горизонтах ашельской толщи. Изготовлены они в основном из кремнистого сланца (33 экз., или 56,8 %), песчаника (15 экз., или 25,8 %) и кремня (8 экз., или 13,7 %). Единичные образцы сделаны из местной кремнистой породы и андезита. Большинство выемок являются боковыми, приуроченными к продольным лезвиям разнородных отщепов или их фрагментов. Концевые анкоши единичны.

В то же время, подобно инвентарю восточной галереи, здесь выделяется группа бесспорных орудийных выемчатых форм, выполненных на небольших заготовках подтреугольных или подчетыреугольных очертаний (17 экз.). Заготовки такого рода получались намеренным усечением двух или трех краев какого-нибудь массивного, как правило, отщепы или плитки с целью придания им геометризованных очертаний. Два (при конвергентно идущих обломах) или три края таких предметов имеют вид крутых обрубков, а на оставшемся крае одним ударом отбойника (почти все выемки являются клетонскими) делался необходимый «вырез». Мелкие выемчатые изделия такого рода иногда встречаются в мустье [Bordes 1979: 43—44], и там их рассматривают как микролитические поделки, отмечая сравнительно малые размеры предметов и небольшую ширину, глубину и крутизну самих анкошей * [Любин,

Аутлев 1994: 128—134, рис. 43—45]. В группе ашельских геометризованных выемчатых форм из центральной камеры также встречаются мелкие изделия, но наиболее показательны весьма крупные, массивные, отличающиеся широкими и глубокими врезами и большой крутизной угла наклона лезвий (рис. 57: 11—15). Ширина выемок у этих орудий достигает 3—4 см, глубина вреза — 0,4—0,5 см, а крутизна лезвий варьирует между 55 и 80°, достигая в отдельных случаях (вышербины или нависающая ретушь) 90° и более. Широкий радиус вреза свидетельствует о том, что лезвиями таких выемок могли обрабатывать деревянные предметы толщиной до 5—6 см (древки копий, рогатины?).

Показательны изображения трех наиболее крупных и интересных сланцевых геометризованных форм (рис. 57: 13, 14, 15). Размеры их, соответственно, равны: 4,5×4,5×1,5 см; 4,5×6,4×2,8 см; 3,8×5,7×2,7 см. Привлекает внимание, что у первого и третьего, помимо длинных боковых крутых обрубков, имеются небольшие косые, примыкающие к краям выемок. Они, по всей видимости, призваны были ограничить ширину и глубину врезов, облегчить обработку жердей с сучками и т. п. Кроме того, на первом из приведенных орудий эти сколы, примыкающие к краю выемки, носят явно приостряющий характер. Такое же приострение, но по одному краю выемки, отмечено еще у нескольких предметов, а у двух, сверх того, там оформлены небольшие острия (рис. 57: 12, 13). Комбинация выемок с небольшими прямыми или выпуклыми приостренными участками края и даже остриями также облегчала, вероятно, обработку древесины, позволяя делать разные операции одним и тем же инструментом.

Зубчатые изделия — 38 экз. В центральной камере их намного больше, нежели в восточной галерее. Даже при самом придирчивом отборе некоторые из этих 38 предметов вызывают все же сомнения в их специальном изготовлении: мелкозубчатая в ряде случаев ретушь или очень отвесные выемки допускают и влияние утилизации либо вытапывания (подолиты). Учтя условно эти спорные предметы, мы отбросили, однако, еще немало изделий с зубчатостью явно случайного или утилизационного характера. Если бы эти предметы рассматривались формально, то число «зубчатых» можно было увеличить в 2—3 раза.

Из 38 изделий, отобранных в качестве наиболее вероятных зубчатых орудий, 15 (39,4 %) изготовлены из песчаника, 19 (50 %) — из сланцевых пород и 4 (10,5 %) — из кремня разного рода. Находки эти происходят из всех уровней, исключая горизонты 6 и 7. Образец зубчатых, найденный в горизонте 8, представлен на рис. 58: 9.

Клювовидные формы — 36 экз. Это небольшие, как правило, острия, которые, как и в восточной галерее, весьма разнообразятся по сырью, заготовкам, массивности, величине, форме и отделке. Они служили, по-видимому, в качестве шильев, буравов, пробойников, проколов и т. п. Порой они являются лишь одним из ра-

* Размеры выемчатых орудий в инвентаре Баракаевской мустьерской стоянки (Северный Кавказ), к примеру, равны 1—3 см, ширина вреза — 1,0—1,35 см, глубина — 0,2—

0,3 см; угол лезвий варьирует от крутого (11 %) до полукрутого (50 %) и пологого (39 %).

бочих элементов комбинированных форм, но чаще всего представляют собой вполне самостоятельную орудийную форму. В коллекции из камеры в подавляющем большинстве они изготовлены из кремнистого сланца (около 50 %) и кремня (30,5 %). Песчаник применялся для оформления этих орудий очень редко (6 экз.), а глинистый сланец — в единичных случаях. Ключовидные острия выделялись чаще всего двумя смежными анкошами, подправленными иногда ретушью. Наиболее архаичные формы встречены в самых низах ашельских отложений (гор. 8). В двух соседних квадратах на близкой глубине здесь были найдены два предмета, сделанных как будто по одной «выкройке». Они изготовлены на близких по размеру (8,0×4,3×2,7 и 9,0×5,4×2,4 см) массивных плитчатых фрагментах отщепов сланца и песчаника, имеют подчетыреугольные очертания и края, обрезанные обрубками или естественно-обушковыми (левый отвесный край у песчаникового образца). На правых верхних углах этих орудий посредством анкошей были выделены мощные трехгранные клювы длиной до 1,0 см, шириной до 1,5 см и толщиной в основании до 0,8—1,0 см (рис. 58: 8, 10).

Не менее мощные клювы были оформлены на двух подтреугольных предметах, найденных в горизонтах 2 и 4. Клювы были выделены здесь весьма широкими анкошами, занимающими почти полностью боковые края предметов и сходящимися на их дистальных концах. Одно из этих орудий сделано из песчаника (рис. 58: 5), второе — из алевrolита (?) (рис. 58: 2). Отметим также широкоугольный, но более тонкий в сечении клюв, оформленный на боковом крае отщепа из глинистого сланца (рис. 58: 7). Узкие и короткие выступы-шипы можно наблюдать на трех внешне несхожих предметах. На первом из них, песчаниковом, короткий шип вычленен двумя небольшими анкошами на дистальном конце брюшковой стороны краевого отщепа (рис. 58: 6). Второе и третье орудия изготовлены из кремнистого сланца и могут, скорее всего, быть определены как проколки (рис. 58: 1, 4). Два-три орудия, наконец, следует отнести к резцеvidным клювам (*bes burinantе alterne*): режущая кромка выделена двумя противолежащими выемками.

Долотовидные изделия (5 экз.). Можно, на наш взгляд, выделить пять предметов типа долотец. Их рабочие лезвия шириной от 2 до 5 см приурочены к поперечным краям продолговатых заготовок. Рабочие края несут с одной стороны следы плоских или пологих ретушных снятий, а с другой они — гладкие, необработанные. Ровные, приостренные поперечные лезвия этих орудий могли использоваться для строгания (?) древесины. Три наиболее крупных предмета (рис. 59: 3—5) изготовлены из кремнистого сланца, одно — из андезита (рис. 59: 1) и одно — из кремня (рис. 59: 2). Наиболее тонкое сланцевое орудие (6,8×4,7×1,2 см) имеет плоскую противолежащую подтеску двух концов: проксимального, оформленного в виде ровного лезвия, и дистального — в виде широкоугольного острия (рис. 59: 5). Наименьшее орудие (3,4×2,6×1,1 см), сделанное из андезита, отнесено к подобным формам условно. Оно имеет острый клиновидный конец, лишенный, однако, какой-либо ретушной подправки (рис. 59: 1). Особенно

интересно небольшое (3,5×2,7×2,0 см) кремневое изделие, напоминающее поделки типа *pièce escaillée* (рис. 59: 2). На продольных краях этого подпрямоугольного предмета имеются следы плоских противолежащих снятий. Противолежащая ретушная подправка видна и на его коротких краях: на одном из них она плоская, с дополнительной утилизационной, как кажется, выкрошенностью кромки, на другом — полукрутая, но также со следами износа.

Разные (13 экз.). В составе орудий центральной камеры, как и в восточной галерее, имеется группа изделий, которые либо лишь мельком и под разными названиями выделялись в других ашельских комплексах, либо являются совершенно оригинальными, не имеющими каких-либо аналогов и, соответственно, надлежащей атрибуции в литературе. Прежде всего, это все те же отмеченные уже в инвентаре восточной галереи орудийные формы, лезвийные рабочие элементы которых вычленены либо анкошами, либо крутыми обломами (обрубками). Среди первых показательны два крупных песчаниковых отщепа, на которых крупные и широкие анкоши выделяют в одном случае мощное (толщиной в 2,0 см в 1,5 см от конца) широкоугольное (до 6 см в основании) лезвие-острие (рис. 60: 7), а в другом — прямое пятисантиметровое лезвие со следами утилизации (рис. 60: 5). Среди вторых отметим два столь же крупных песчаниковых отщепа, на брюшковых сторонах которых посредством крутых обрубков были выделены и затем подправлены полукрутой (55—60°) ретушью два лезвийных рабочих участка — прямой, двухсантиметровый у одного орудия (рис. 60: 4) и широкоугольный, длиной до 5 см — у другого (рис. 60: 6). Оба лезвийных участка напоминают лезвия скребкового типа и были весьма прочными: в 1 см от внешней кромки толщина их достигала 1,5 см.

Более вариательно использовались обруббы и анкоши для вычленения более или менее сходных рабочих элементов на менее крупных песчаниковых сколах. С помощью обрубков, например, выделяются прочные стрелчатые острия (рис. 59: 7) и широкие лезвийные участки (рис. 59: 9), а с помощью крутых выемок — более узкие лезвия (рис. 59: 6). Иногда при помощи двух-четырех смежных плоских выемок вычленялись два-три острых выступа (рис. 60: 2, 3).

Среди аналогов своеобразным изделиям, отмеченным в восточной галерее, бросается в глаза массивный (6,6×6,7×2,5 см) краевой песчаниковый отщеп, боковой край которого срезан и одновременно утончен желобчатым брюшковым сколом, подправленным у верхнего угла ретушью (рис. 59: 8). Вторым аналогом находке из восточной галереи является стамескообразное (*chisel-like*) орудие, изготовление которого потребовало минимальных усилий — снятия двух-трех фасеток ретуши на дистальном конце удлинённого массивного трехгранного в сечении отщепа. Срезав дистальную часть ребра между двумя смежными гранями, фасетки эти создали поперечное лезвие шириной 0,9 см и крутизной около 55° (рис. 60: 1).

Большой интерес представляют также два крупных и, как кажется, однотипных орудия. Большее из них

(11,8×7,7×4,8 см) изготовлено из песчаника (рис. 61: 2), меньшее (10,0×6,5×4,1 см) — из сланца (рис. 61: 1). Сделаны они на массивных отщепах и имеют сходные пропорции и очертания. Оба они имеют широкие и массивные пятки и по два смежных, расположенных под тупым углом противолежащих лезвия. Орудия эти можно рассматривать, на наш взгляд, как своеобразные крупные широкоугольные острия. Следует отметить, что в одном случае острие это было оформлено не односторонней, а двусторонней противолежащей ретушью на манер орудий типа резцевидных острий (*bec bûgînantе alterne*). В 1 см от кончика это острие имеет толщину в 1,3 см.

В инвентаре центральной камеры, как и в инвентаре восточной галереи, имеется также целый ряд орудий явно незаконченных, неудавшихся или переоформленных, множество фрагментов орудий, а также большое количество предметов со следами естественных, как кажется, повреждений (последние представлены преимущественно сланцем), утилизации или очень скудной ретушной подправки. Очевидно, что в работах разного рода использовались и простые отщепы, их фрагменты или иные обломки без всякой дополнительной подправки или же с незначительной подправкой, которая не создавала какое-либо морфологически узнаваемое или серийное орудие. Такие предметы случайного и мимолетного, быть может, одноразового употребления довольно многочисленны.

Манупорты, ретушеры и т. п. — 22 экз. Это песчанниковые гальки и валуны, порой не несущие видимых следов утилизации, но иногда имеющие ряд выщербин, лунок, легкую забитость, что предполагает вероятное использование их в качестве ретушеров, отбойников, наковален и т. п.

4.3.4. Итоги анализа каменного инвентаря центральной камеры

Центральная камера как наиболее обширная часть пещеры являлась главным бытовым центром ее ашельских обитателей. Здесь обнаружено 2268 каменных изделий — 2/5 (39,6 %) находок, встреченных в раскопанной части пещеры. В качестве продуктов и отходов расщепления были проанализированы 2058 изделий.

Как отмечалось, собственно отходы — мелкие сколы и чешуйки — представлены в камере намного хуже, нежели в восточной галерее. Основной причиной этого является, скорее всего, расположение камеры в русле основного ствола сброса карстовых вод, в результате чего отложения ее были в большей мере подвержены периодической эрозии, приводившей к выносу наиболее мелкогабаритных изделий. В то же время, как и в случае восточной галереи, проведенный анализ вновь продемонстрировал значительную устойчивость основных показателей техники расщепления и тесную связь их с сырьем. Фиксируемые нами изменения по вертикали минимальны: в центральной камере это ясно проявляется лишь в общем увеличении количества изделий к верхним уровням и в небольшом нарастании к верхам доли песчаника. Прочие колебания различных показате-

телей по отдельным горизонтам носят хаотичный и, скорее всего, случайный характер, связанный с условностью выделения этих уровней и относительно небольшим числом изделий в большинстве горизонтов. В связи с этим приходится характеризовать технические параметры материалов из ашельских отложений центральной камеры в целом.

Нуклеусы и нуклевидные изделия (75 экз.) представлены в камере несколько лучше, нежели в рассмотренной выше галерее, — 3,3 %. Половина из 44 оформленных ядрищ сделана из песчаника — преимущественно крупных галек и валунов. Основные варианты их расщепления, связанные с изначальной уплощенно-округлой формой сырья — одноплощадочный, переходящий в подпризматический (13 экз. из 22), а также — реже (5 экз.) — радиальный. Более сложные формы нуклеусов, в частности двусторонние, единичны. Среди сланцевых нуклеусов, оформленных чаще всего на плитчатых или брусковидных обломках, такие формы уже более заметны, а одноплощадочные нуклеусы составляют половину. Нуклеусы из кремня, несмотря на малые размеры, демонстрируют наибольшую долю многоплощадочных нуклеусов. Интенсивность их утилизации объясняется, видимо, особо бережным отношением к кремневому сырью, несмотря на его невысокое в данном случае качество. Подправленные площадки (14 экз.) имеются во всех сырьевых группах.

Параметры сколов, в особенности их средние размеры по сырьевым группам, очень близки тем, что прослежены в восточной галерее. Повышение доли фрагментированных сколов может быть связано как с действием эрозии, так и с большей интенсивностью обитания в камере. Другая особенность камеры — некоторый рост доли краевых и полукраевых сколов с естественными обушками и площадками среди песчанниковых изделий и доли естественно-обушковых сланцевых сколов — согласуется с большей долей нуклеусов и нуклевидных форм, включая таковые в начальной стадии расщепления. По доминированию одноплощадочного скалывания и редкости подправленных площадок сколы вполне соответствуют характеру нуклеусов.

В целом техника расщепления представляется достаточно архаичной: относительно небольшое количество подправленных выпуклых площадок и значительная скошенность площадок сколов (вплоть до 125—130°), практическое отсутствие подправки поверхностей скалывания нуклеусов, значительная массивность большинства отщепов, малое число отщепов правильной формы и т. п. В то же время, отдельные сколы и орудия из качественного импортного кремня, из однородного кремнистого сланца или мелкозернистого песчаника демонстрируют порой очень тонкую и тщательную обработку и достаточные технические навыки. Нельзя не отметить и наличие подлинных пластин. Это вновь подтверждает уже высказывавшуюся мысль о том, что подлинный уровень технического потенциала индустрии несколько скрадывался низким качеством большей части наличного сырья.

Орудия насчитывают 433 экз., или 19,1 % всех находок центральной камеры. Орудийная часть ашельско-

го ансамбля камеры является весьма значительной и содержательной: она составляет 32,9 % всех орудий кударской ашельской индустрии (1313 экз.), заключая в

себе наиболее многочисленные и репрезентативные образцы почти всех ведущих форм макроорудий и орудий на отщепах (табл. 8).

Таблица 8

Состав орудий в каменном инвентаре центральной камеры

Наименование орудий	Количество
Чопперы	10
Чоппинги	2
Нуклевидные скребки	2
Ручные рубила:	19 (4,4 %)
крупные	5
средние	14
Рубильца	18
Листовидные орудия	10 (2,3 %)
Остроконечники:	15 (3,4 %)
протомустьерские	4
pointes surelevees	3
тейякские	5
кинсон	1
атипичные	2
Протолимас	1
Скребла:	180 (41,6 %)
однолезвийные простые:	165
боковые	80
поперечные	67
угловые	4
«геометризованные»	14
двулезвийные:	15
боковые	10
конвергентные	3
угловатые	2
Скребки:	26 (6,0 %)
округлые массивные	2
концевые геометризованных очертаний	10
атипичные	14
Выемчатые орудия:	58 (13,3 %)
клектонские геометризованных очертаний	17
клектонские обычные	35
ретушированные	6
Зубчатые изделия	38 (8,7 %)
Клювовидные орудия	36 (8,3 %)
Долотовидные орудия	5
Разные	13
Итого	433 (100 %)

Тип-лист демонстрирует следующие черты орудийного набора центральной камеры:

— Подавляющее большинство орудий (92,4 %) изготовлено на отщепах или их фрагментах. Макроорудия

(чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки, ручные рубила), оформленные на гальках, валунах, крупных обломках породы или — редко — крупных отщепах, составляют лишь 7,6 % орудийного набора.

— Количество и ассортимент ряда орудий (чопперы, рубильца, листовидные орудия, клювовидные и выемчатые формы) здесь больше и шире, а отдельные категории (остроконечники) впервые представлены сериями и показывают достаточную вариабельность. В то же время некоторые другие формы, отмечавшиеся нами в восточной галерее, а именно плечиковые скребки и комбинированные орудия в камере не обнаружены.

— Зачатки стандартизации ашельских орудий, придания им сравнительно устойчивых геометризованных форм прослеживаются здесь, как и в восточной галерее, на примере скребел, выемчатых орудий, а также впервые на примере скребков.

— Фиксация многочисленных находок по стратиграфической вертикали дала возможность проследить некоторые признаки эволюции орудийного инвентаря. Количественные и качественные изменения наиболее заметны при рассмотрении скребел, составляющих здесь 41,6 % орудийного набора. Так, в наиболее глубоко залегающих уровнях отложений южной части

камеры (горизонты 7—9) отмечены лишь массивные и примитивно обработанные образцы этих орудий. В верхах же этих осадков (горизонты 1—4) зафиксированы начатки моделирования заготовок для изготовления скребел: путем отсечения концевых частей отщепов им придавались более или менее близкие размеры и очертания. Речь идет о появлении на этих уровнях скребел так называемых «геометризованных очертаний» (рис. 54: 1—8). Забегая вперед, отметим, что в темной и южной галереях скребла такого рода встречены лишь в единичных экземплярах и тоже только в верхних ашельских уровнях.

Таковы основные выводы из проведенного нами анализа орудийного набора центральной камеры. Обсуждение его особенностей будет продолжено в заключительной части этой главы, когда будут подведены итоги подобного анализа материалов из всех частей пещеры и станет возможным их полноценное сопоставление.

Рис. 40. Кударо I. А — южная галерея и — в глубине — центральная камера, Б — общий вид со стороны южной галереи на центральную камеру и соединяющиеся с ней две другие галереи — восточную (справа) и темную (слева)
 Fig. 40. Kudaro I cave. A — the southern gallery and — in the depth — the central shamber; Б — general view (from the south gallery) of the central chamber and joined two other galleries — the eastern (to the right) and the dark (to the left)

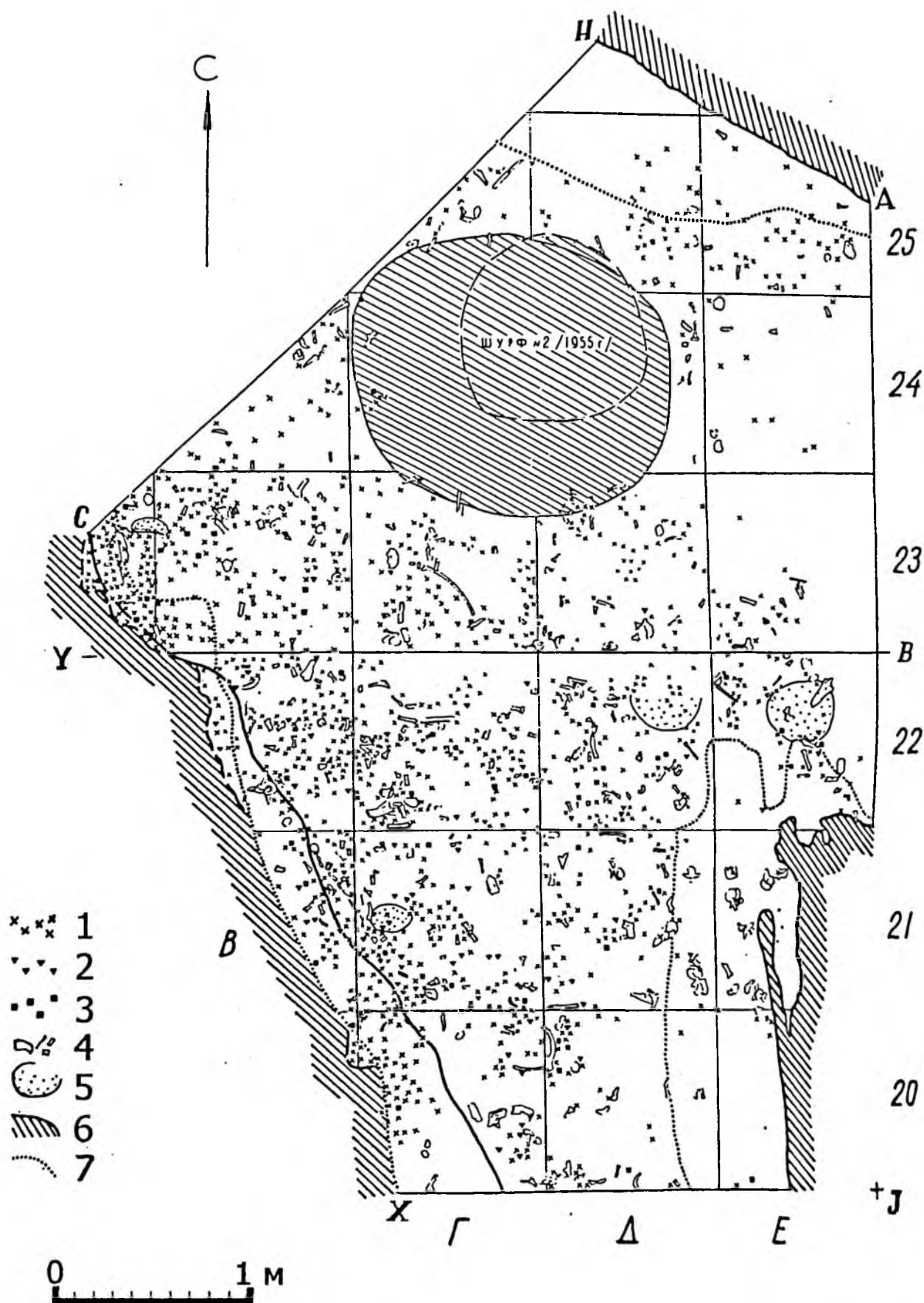

Рис. 41. Кударо I. Центральная камера (раскоп 1961 г.). План размещения ашельских культурных остатков: 1 — отщепы; 2 — орудия, 3 — нуклеусы; 4 — кости; 5 — скопления угля; 6 — очертания стены пещеры в кровле ашельского слоя; 7 — очертания стены пещеры и скальных отворшков в подошве ашельского слоя

Fig. 41. Kudaro I cave. The central shamber (excavation area 1961). Distribution map of Acheulian cultural remains: 1 — flakes; 2 — tools; 3 — cores; 4 — bones; 5 — charcoal concentrations; 6 — outlines of the rock walls in the top level of the Acheulian layer; 7 — outlines of rock walls and rock pillars in the bed level of the Acheulian layer

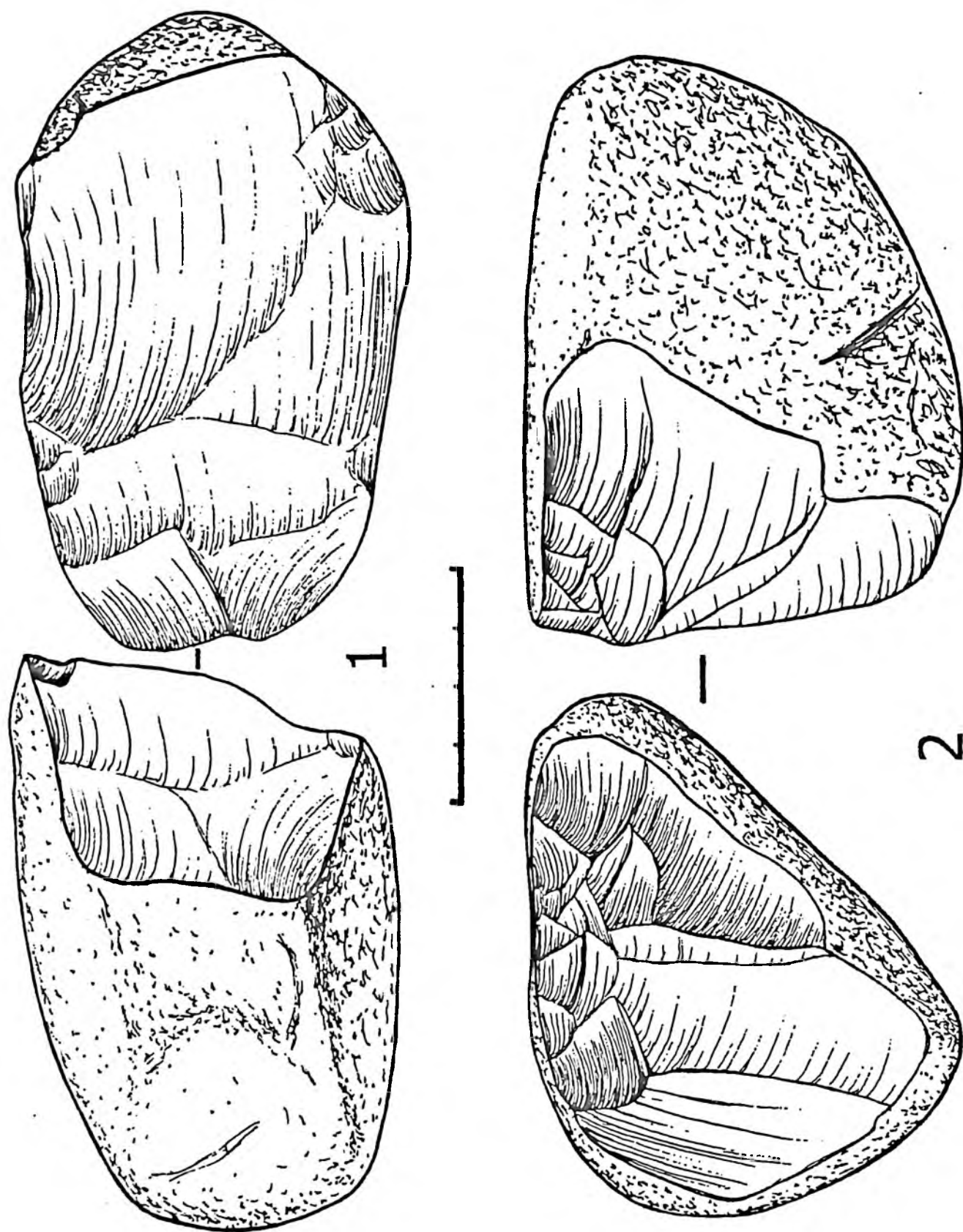

Рис. 42. Кударо I. Центральная камера. Пуклеусы (песчаник)
 Fig. 42. Kudaro I cave. The central shamber. Cores (all of sandstone)

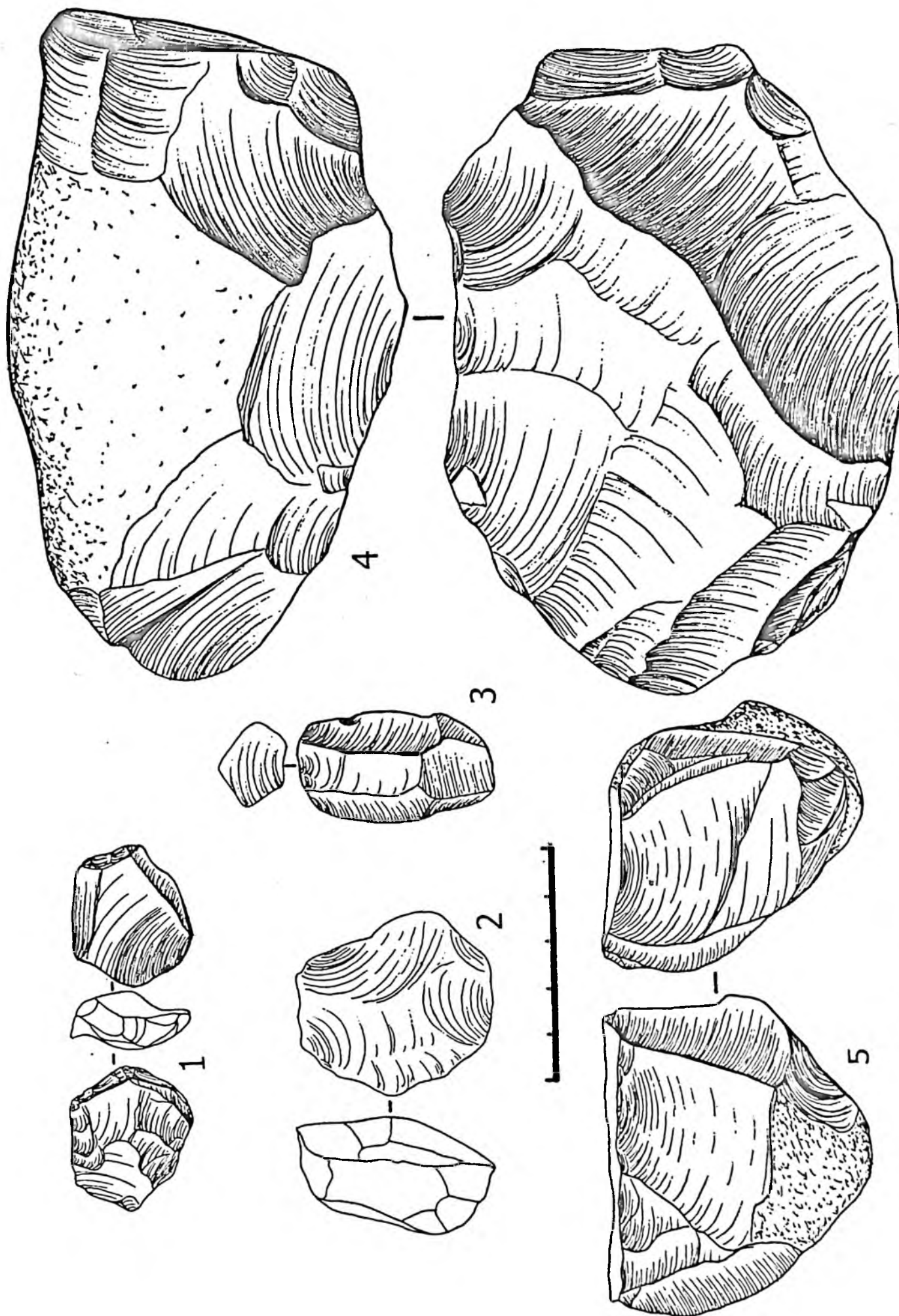

Рис. 43. Кударо I. Центральная камера. Пуклеусы (1, 3 — кремни; 2 — глинистый сланец; 4, 5 — песчаник)
 Fig. 43. Kudaro I cave. The central chamber. Cores (1, 3 — of chert; 2 — of shale; 4, 5 — of sandstone)

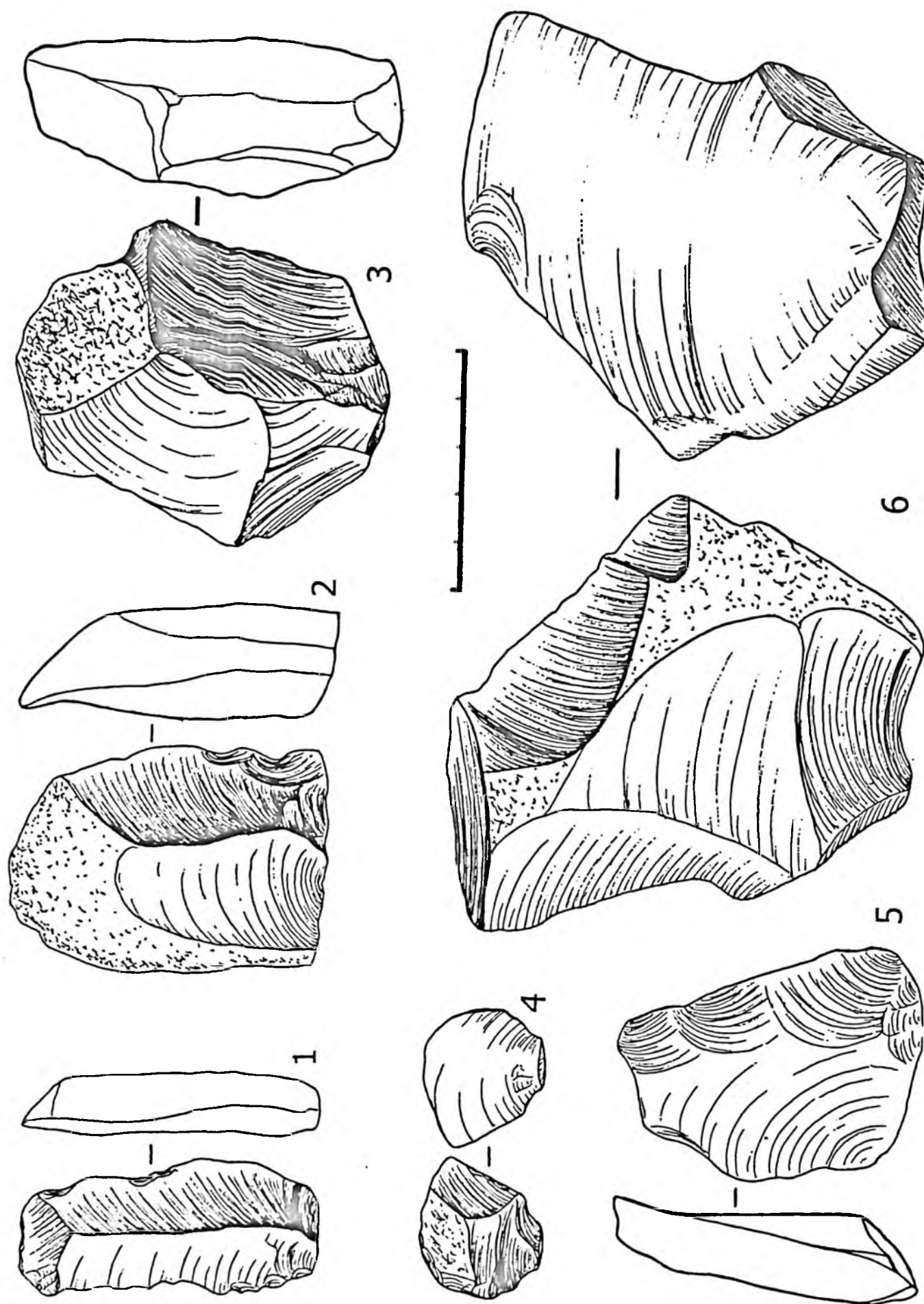

Рис. 44. Кударо I. Центральная камера. 1 — пластина (кремнистый сланец); 2—6 — отщепы (2, 3, 6 — песчаник; 4 — кремнь, 5 — глинистый сланец)
 Fig. 44. Kudaro I cave. The central chamber. 1 — blade (schist); 2—6 — flakes (2, 3, 6 — of sandstone; 4 — of chert; 5 — of shale)

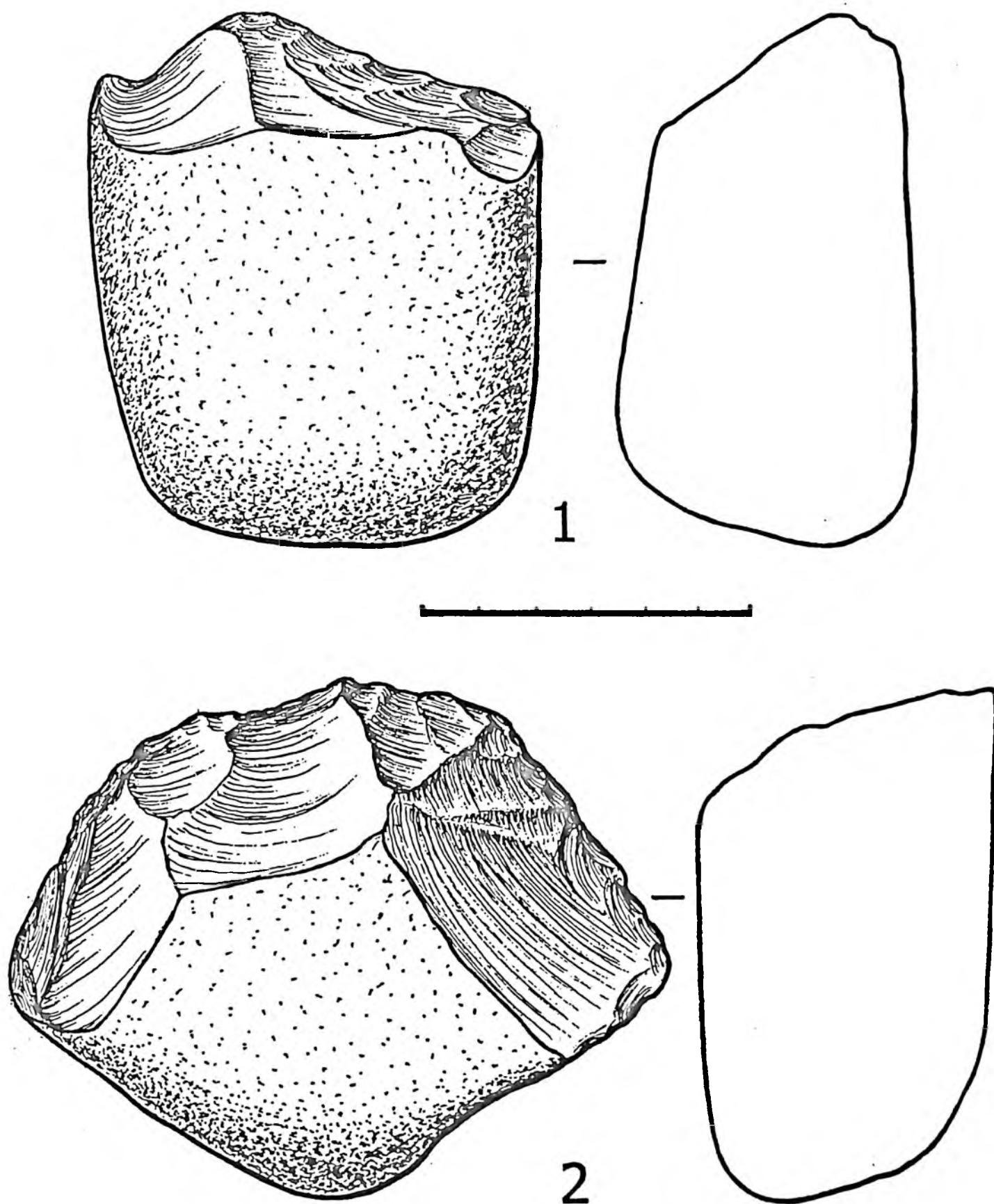

Рис. 45.
Кударо I. Центральная камера. 1 — нуклевидный скребок; 2 — чоппер
Fig. 45.
Kudaro I cave. The central shamber. 1 — core scraper; 2 — chopper

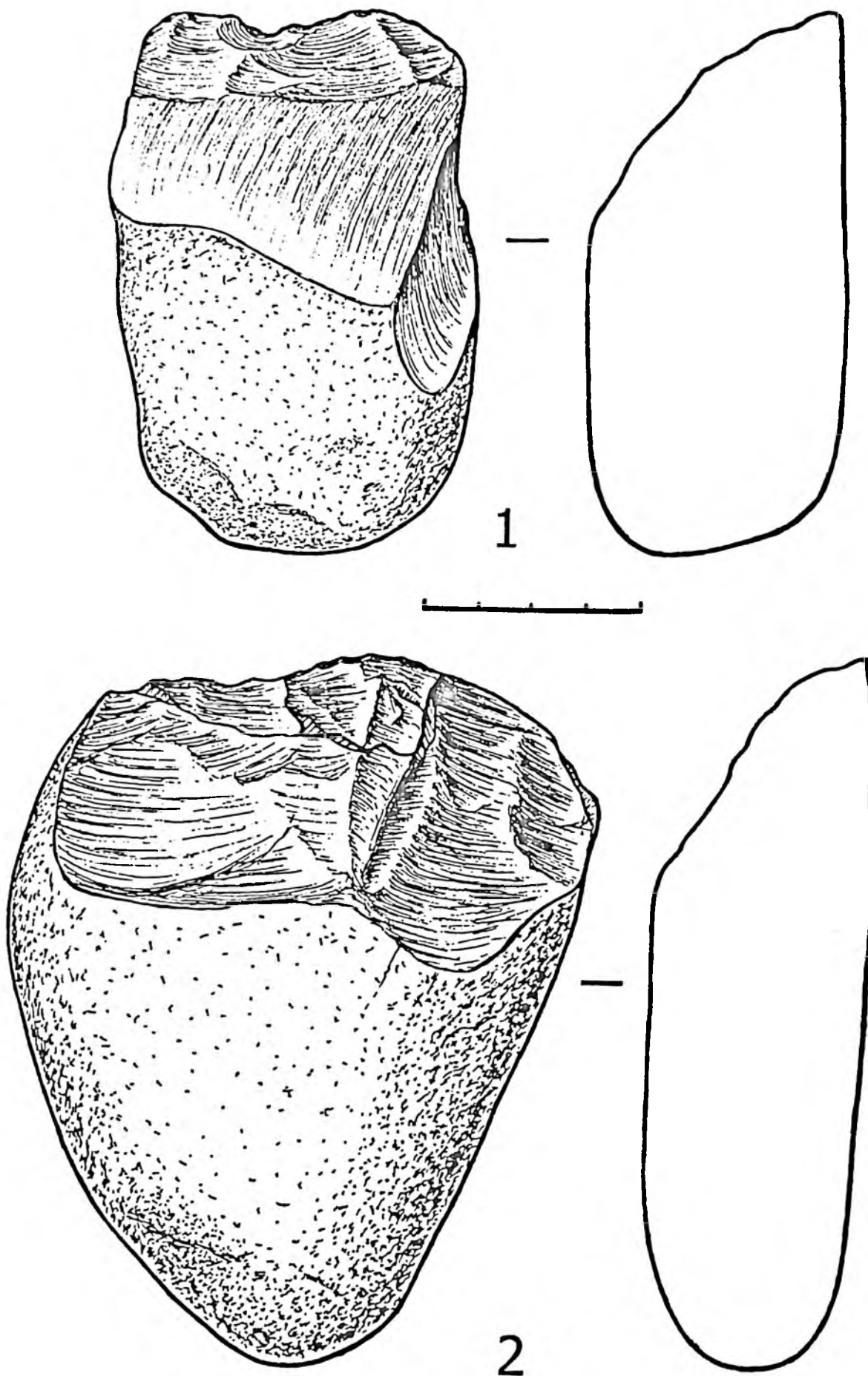

Рис. 46.

Кударо I. Центральная камера. Чопперы

Fig. 46.

Kudaro I cave. The central chamber. Choppers

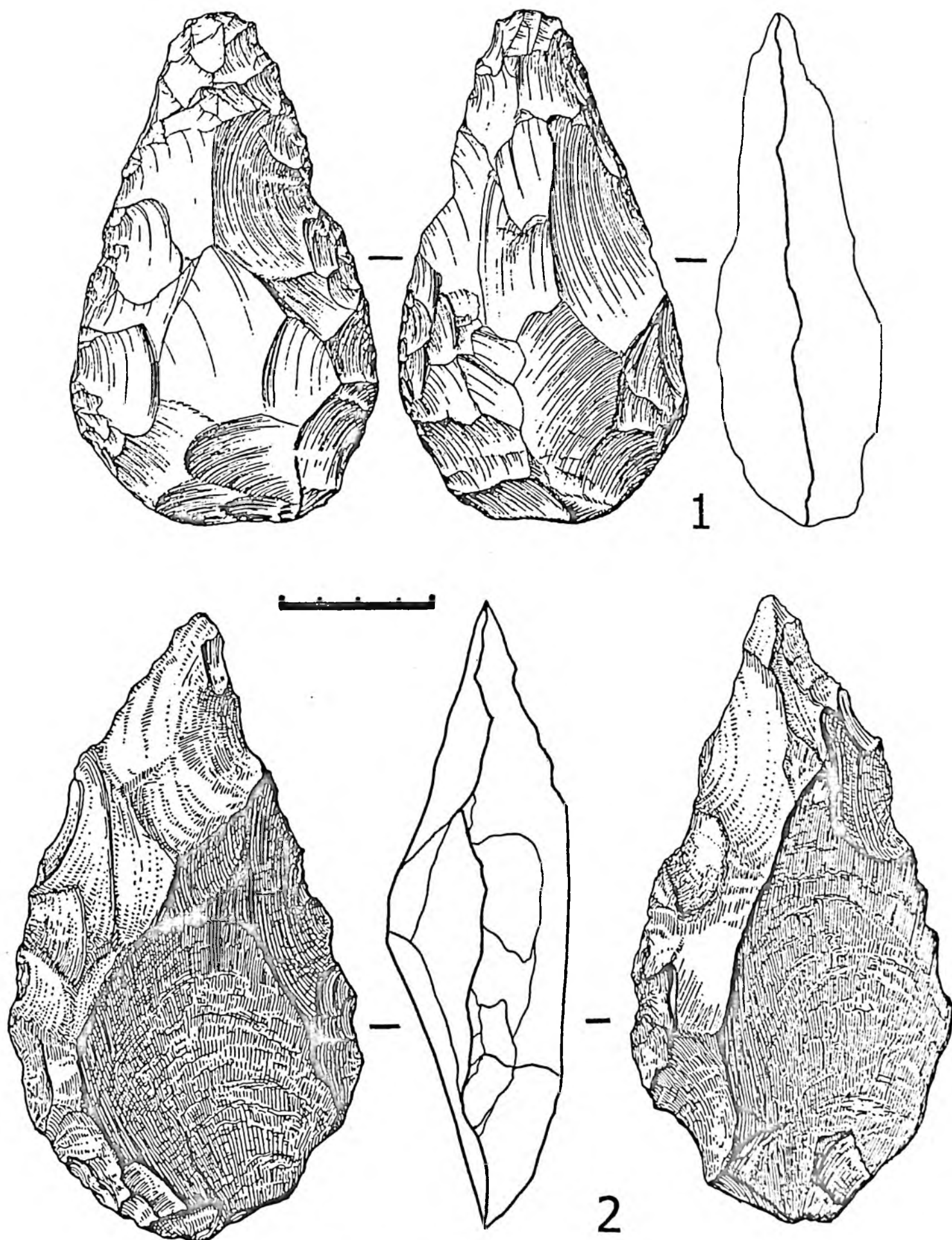

Рис. 47. Кударо I. Центральная камера. Ручные рубила
 Fig. 47. Kudara I cave. The central shamber. Handaxes

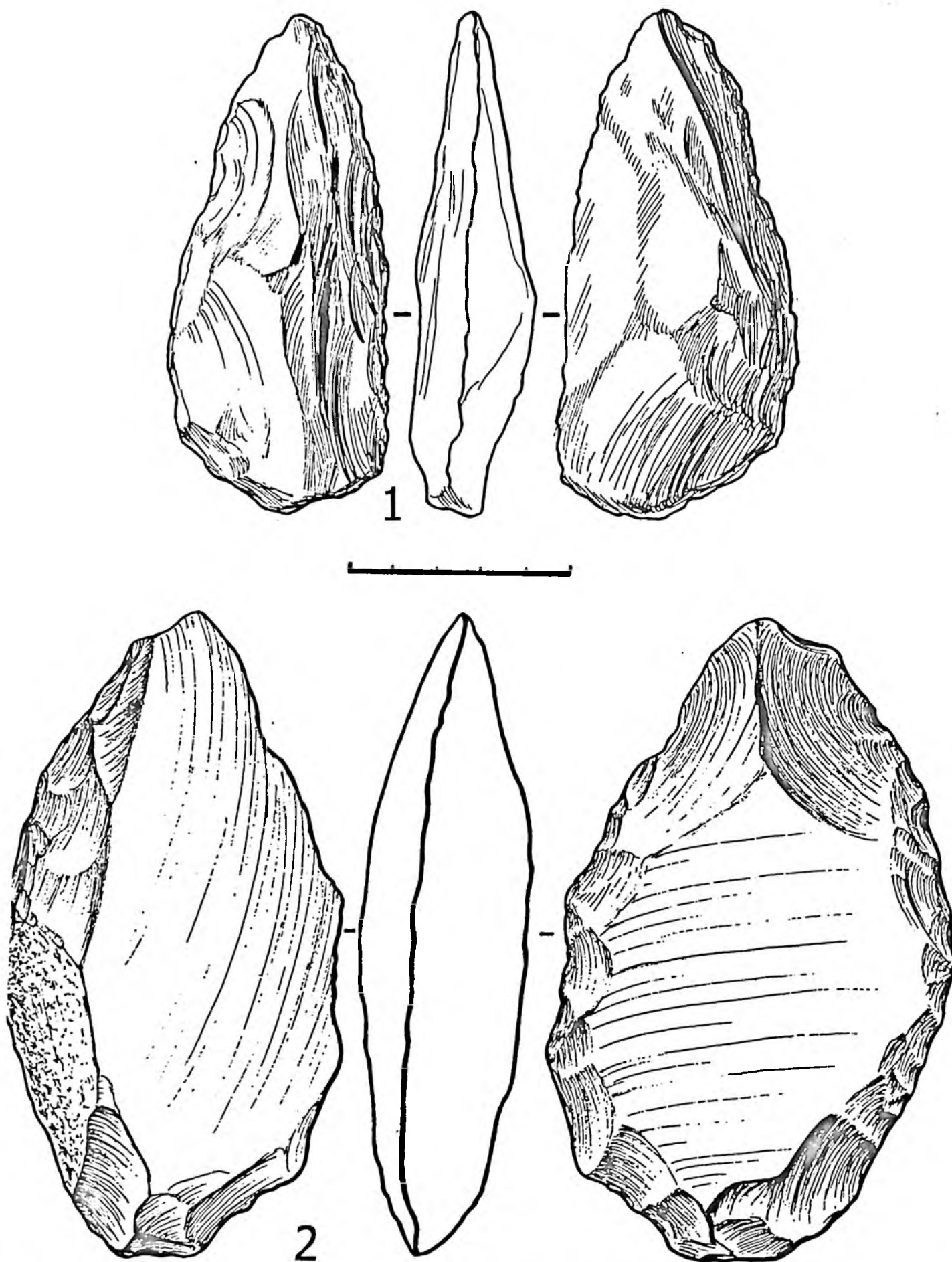

Рис. 48. Кударо I. Центральная камера. Ручные рубила: 1 — переходная форма от ланцетовитного рубила к листовидному орудью; 2 — частичный бифас с обушком, напоминающий лодьевидные формы (naviformes)

Fig. 48. Kudaro I cave. The central chamber. Handaxes: 1 — transitional form from a lanceolate handaxe to a foliate point; 2 — partial backed biface resembling (naviformes)

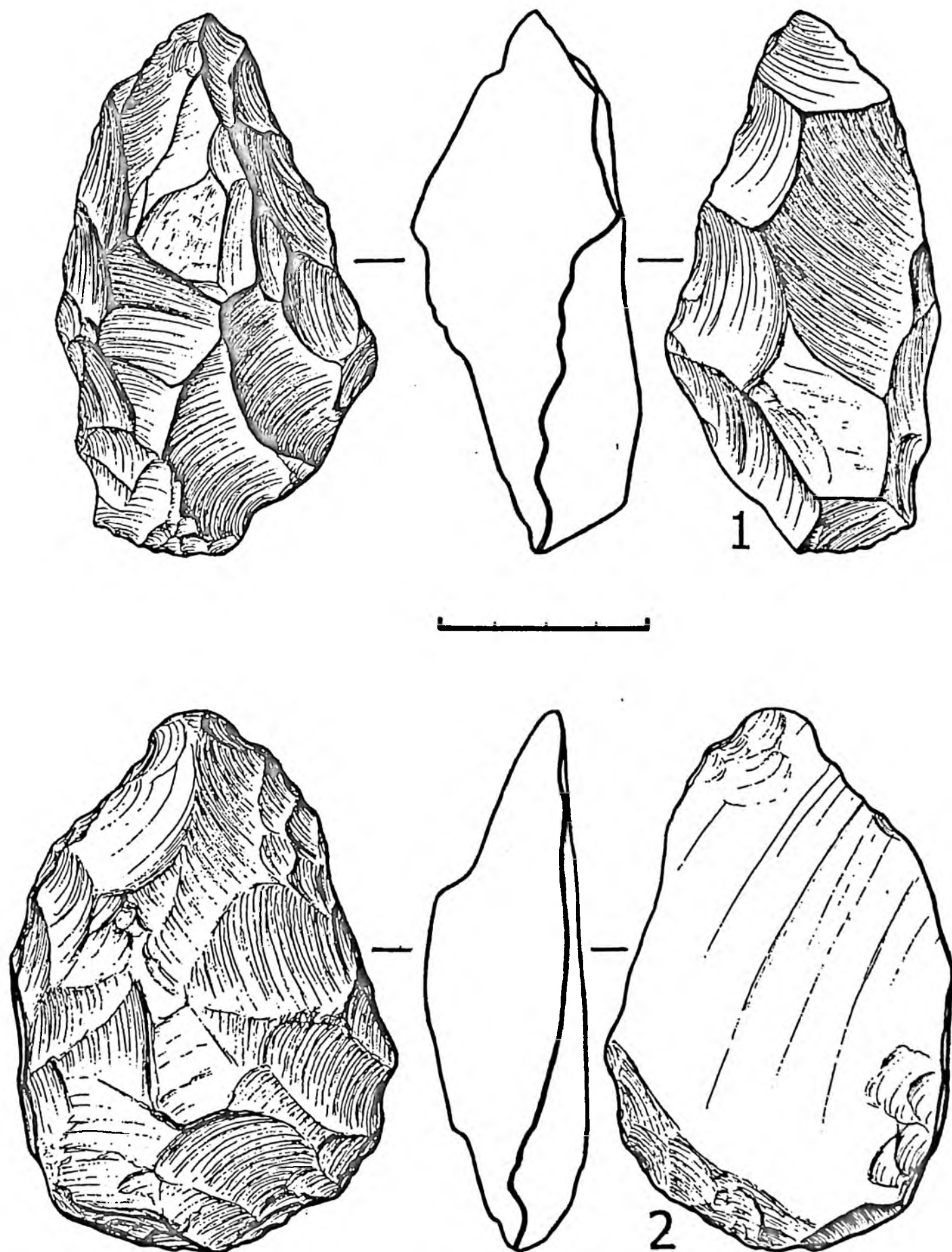

Рис. 49. Кударо I. Центральная камера. Ручные рубила: 1 — незаконченное, оставленное на стадии грубой оббивки; 2 — субсердцевидный частичный бифас с обушком

Fig. 49. Kudaro I cave. The central chamber. Handaxes: 1 — unfinished, left in the stage of rough flaking; 2 — sub-cordiform partial backed biface

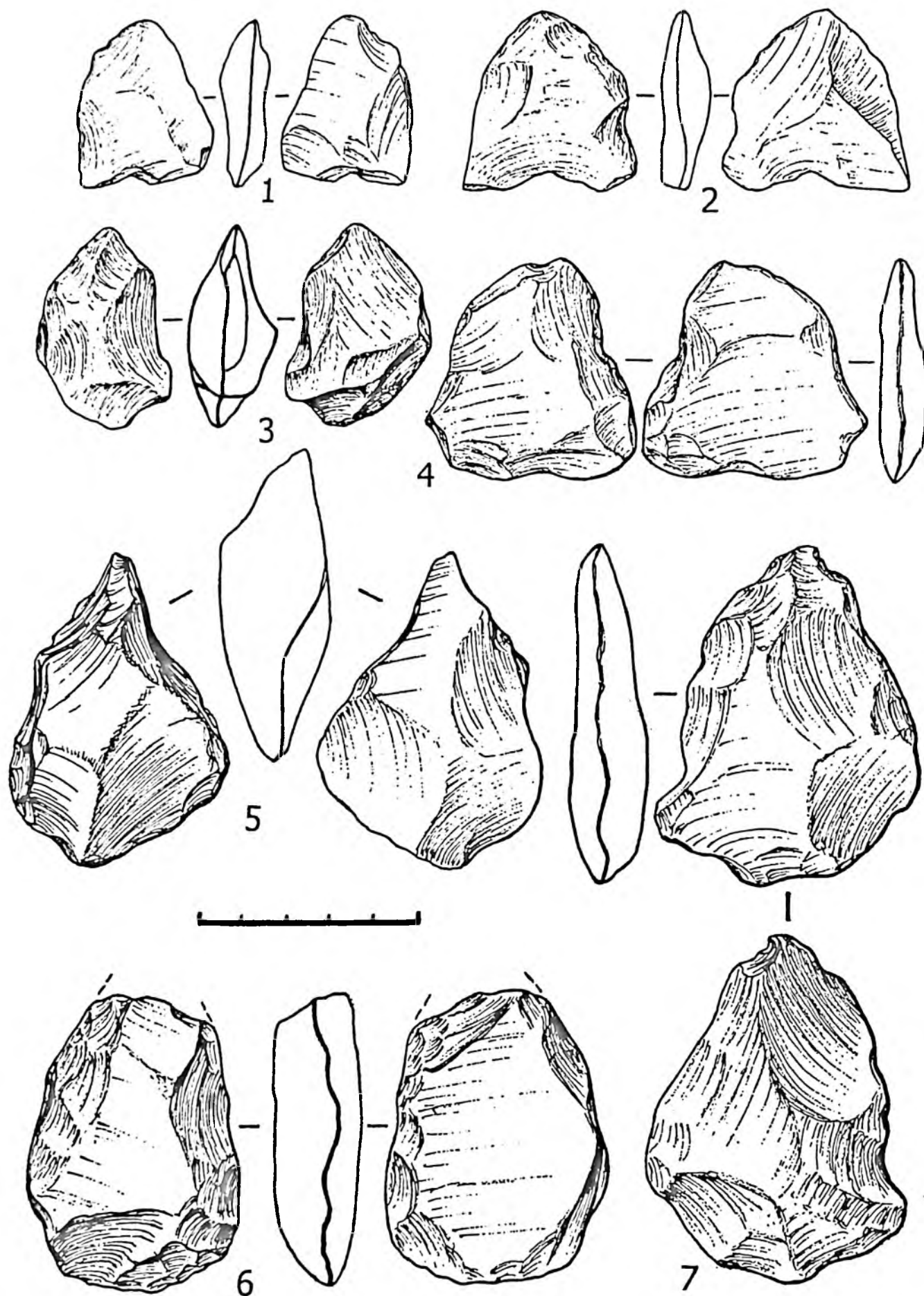

Рис. 50. Кударо I. Центральная камера. 1—7 — атипичные рубильца различных очертаний (3 и 7 — с острым выступом-«протуберанцем» в основании (biface à gibbosité); 5 — с клювовидным дистальным концом)

Fig. 50. Kudaro I cave. The central shamber. 1—7 — atypical handaxes of various shapes (3 and 7 — with pointed protuberance in the base (bifaces à gibbosité); 5 — with bec-like distal end)

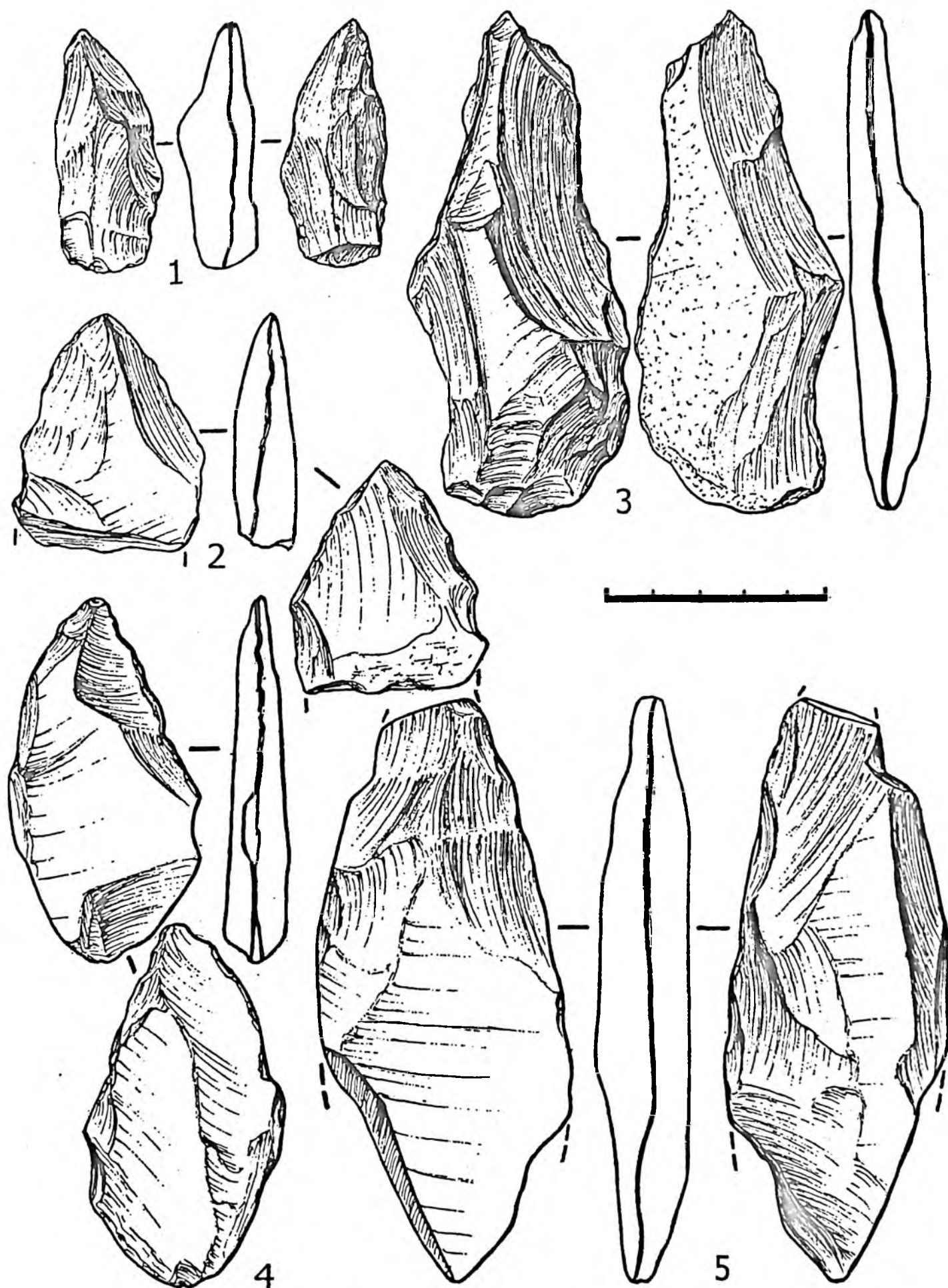

Рис. 51. Кударо I. Центральная камера. Листовидные изделия
 Fig. 51. Kudaro I cave. The central shamber. Foliate pieces (leaf-shaped points)

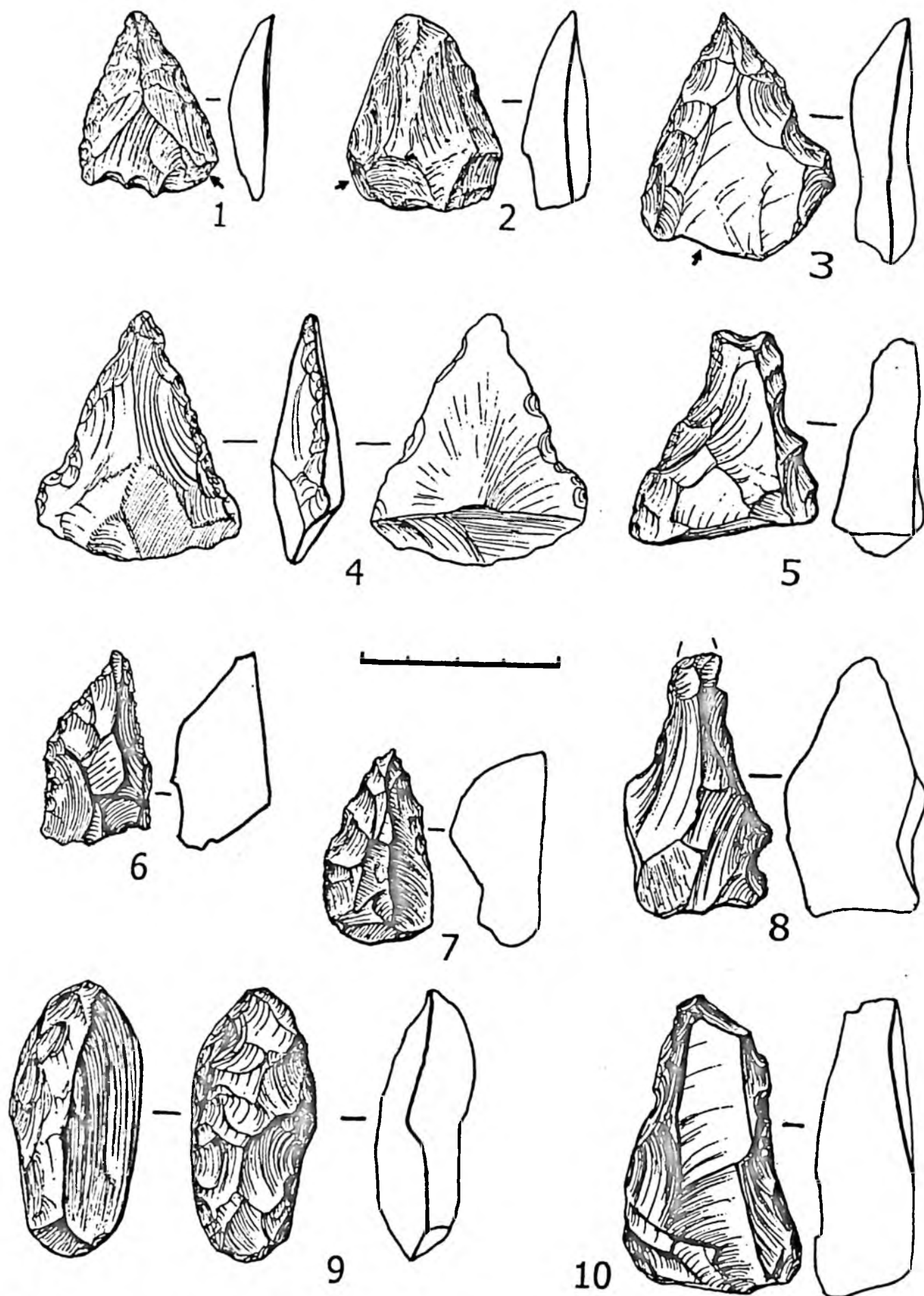

Рис. 52. Кударо I. Центральная камера. Остроконечники: 1—4 — протомустьерские; 6, 7 — высокой формы (pointes surelevées); 5, 8 — тейякские; 9 — типа «кинсон»; 10 — атипичный

Fig. 52. Kudara I cave. The central chamber. Points: 1—4 — proto-Mousterian; 6, 7 — massive with abrupt retouch (pointes surelevées); 5, 8 — Tayac type; 9 — Quinson type; 10 — atypical one

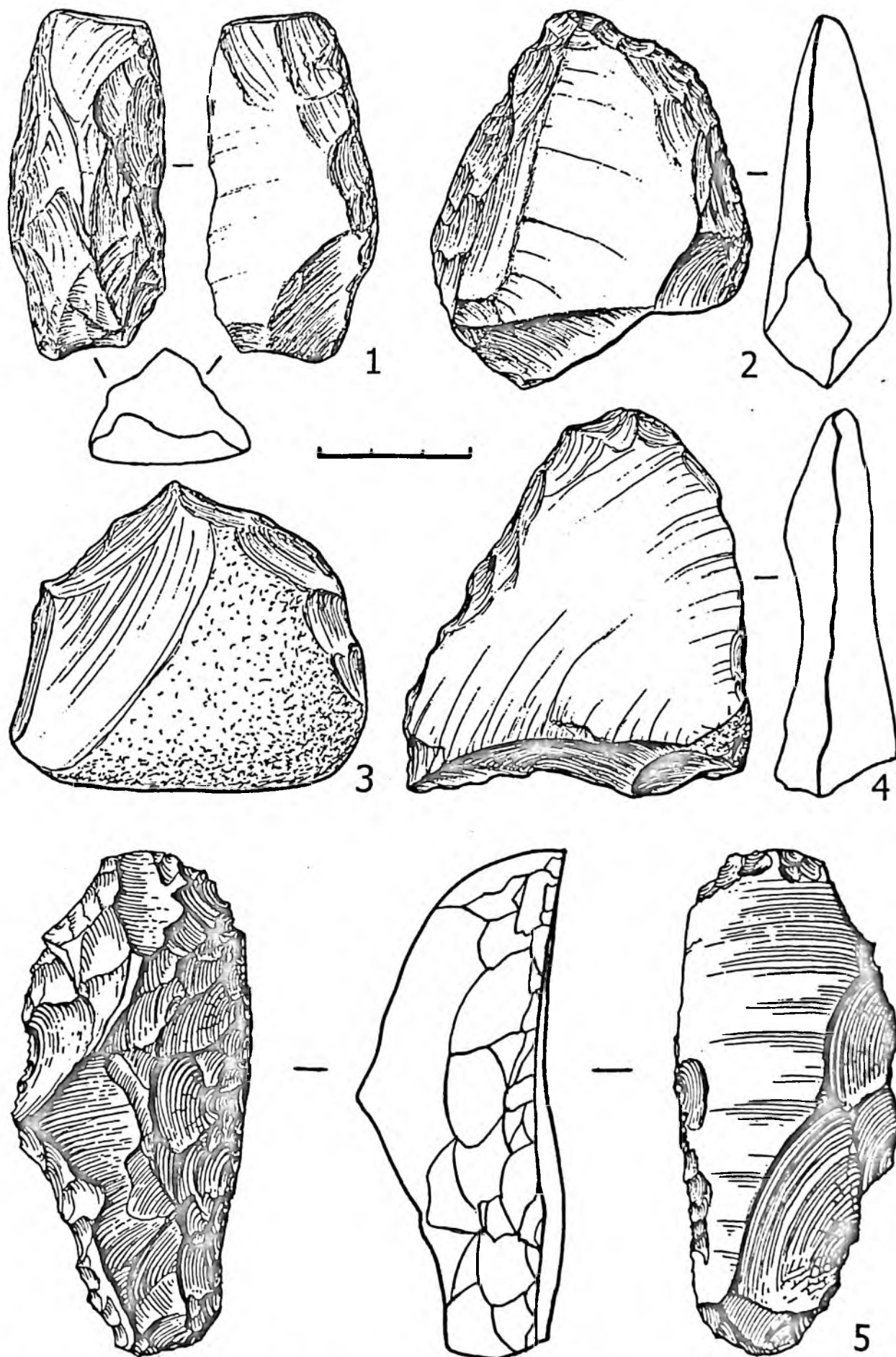

Рис. 53. Кударо I. Центральная камера. Скребла: 1 — двойное боковое; 2, 3 — конвергентные; 4 — диагональное; 5 — типа полукина с утонченным обушком

Fig. 53. Kudaro I cave. The central chamber. Scrapers: 1 — double scraper; 2, 3 — convergent; 4 — diagonal; 5 — demi-Quina type with thinned back

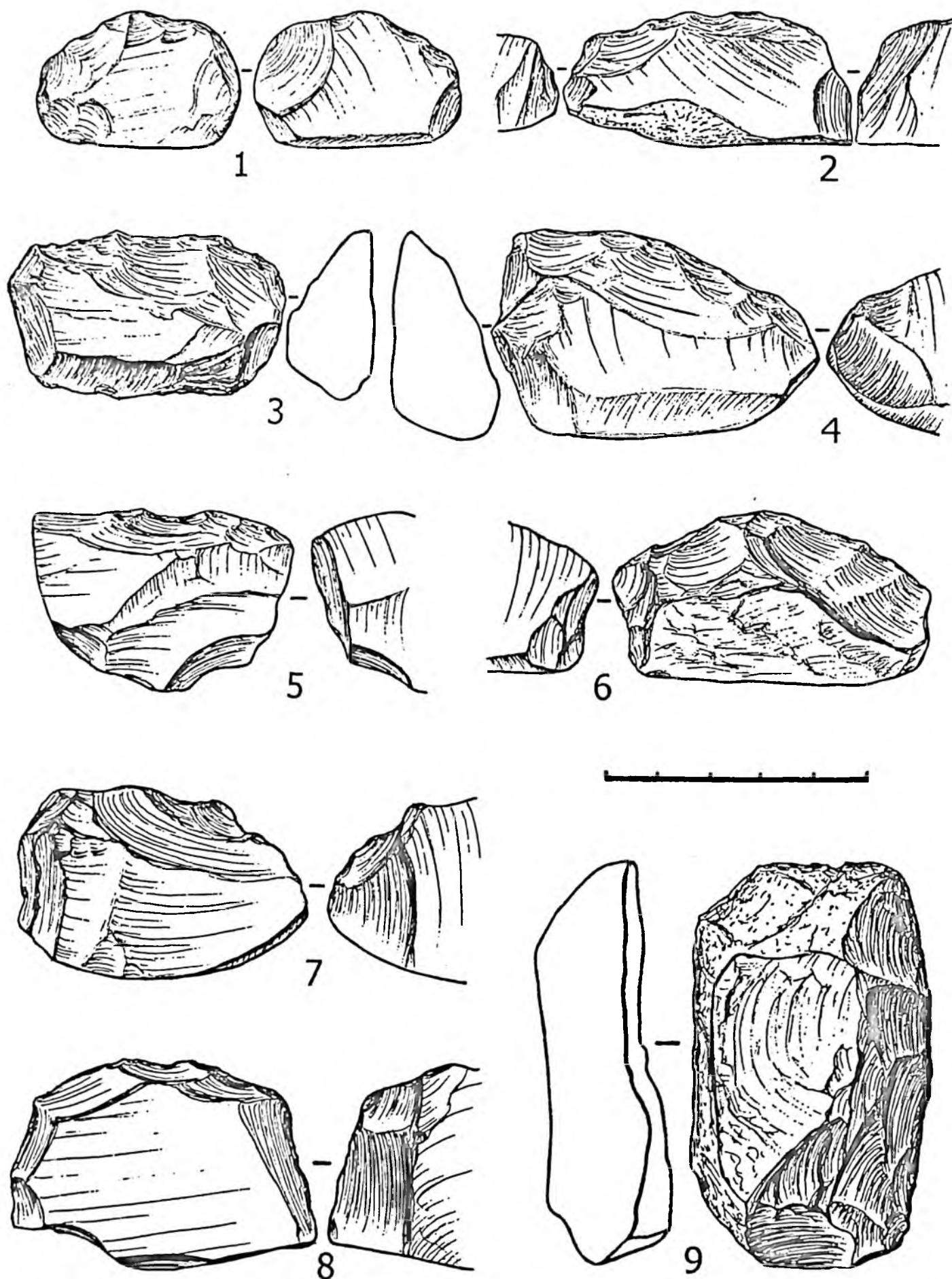

Рис. 54. Кударо I. Центральная камера. Скребла: 1—8 — однолезвийные обушковые геометризованных очертаний с подтеской или усечением концов; 9 — боковое с обушком

Fig. 54. Kudaro I cave. The central shamber. Scrapers: 1—8 — backed single scrapers of geometric shape with thinned or truncated ends; 9 — backed single scraper

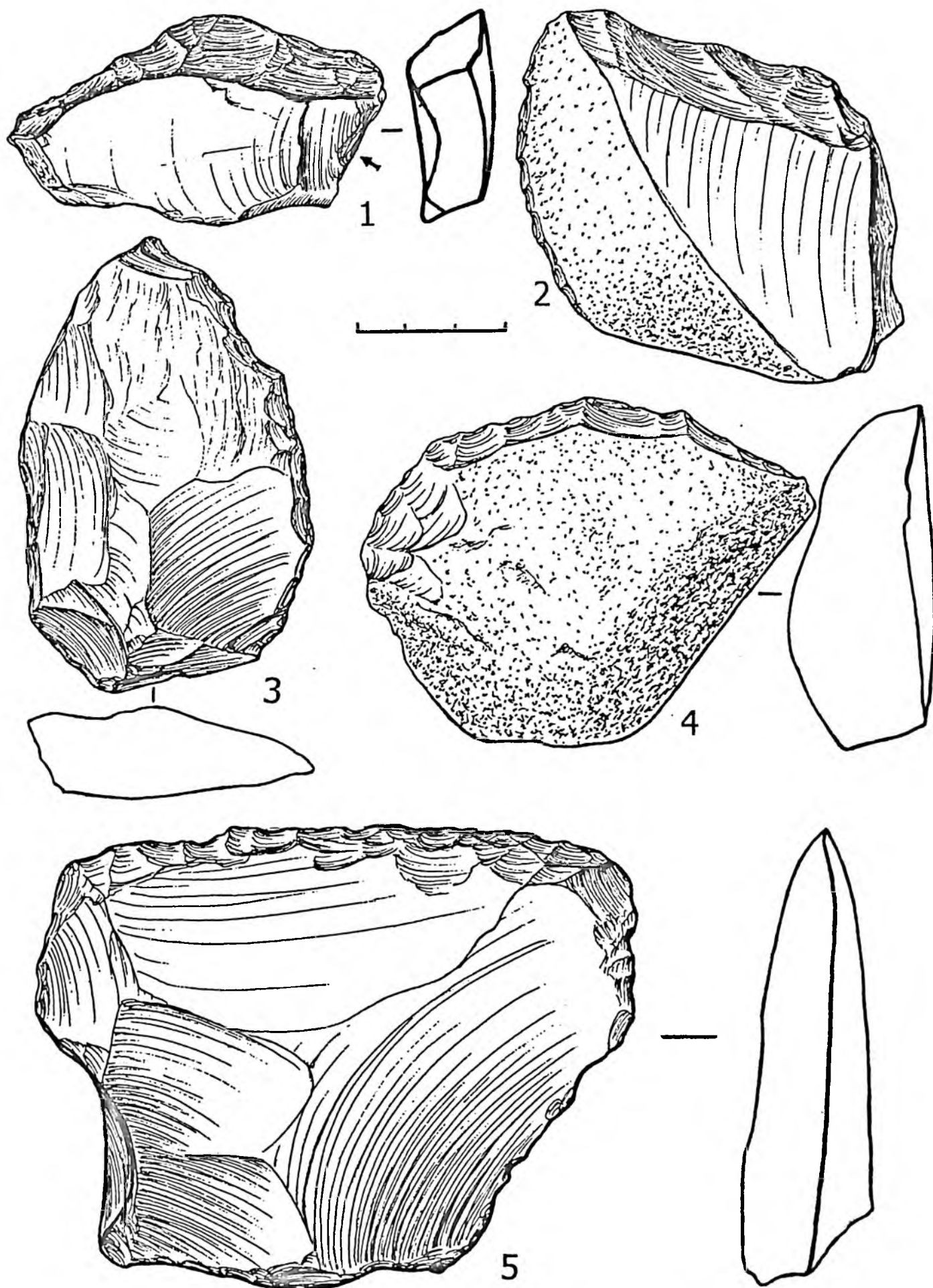

Рис. 55. Кударо I. Центральная камера. Однолезвийные скребла: 1, 3 — боковые; 2, 4, 5 — поперечные
 Fig. 55. Kudaro I cave. The central shamber. Single scrapers: 1, 3 — lateral; 2, 4, 5 — transverse

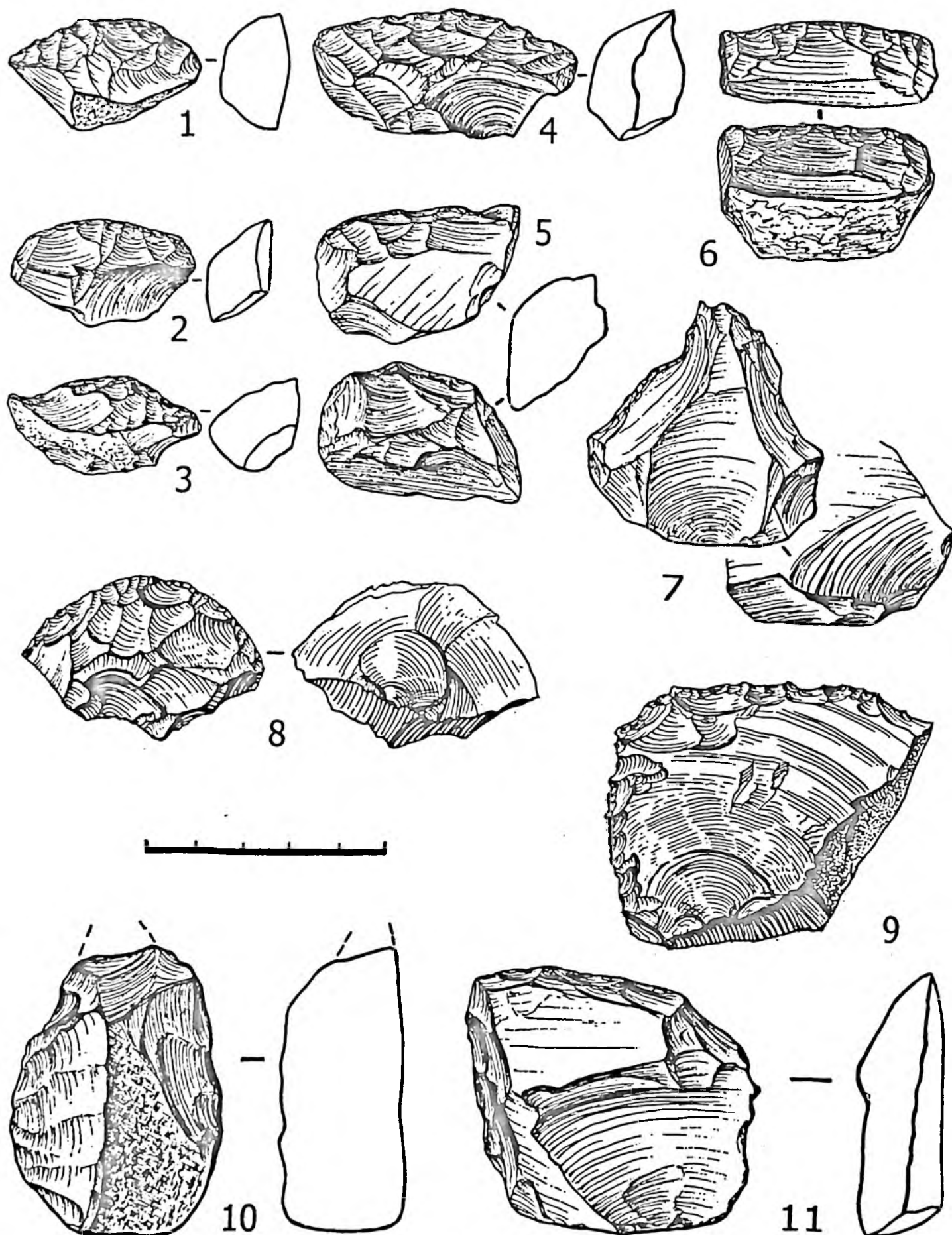

Рис. 56. Кударо I. Центральная камера. Скребла: 1—4, 6, 8 — мелкие массивные высокой формы; 5, 10 — двойные боковые; 7 — конвергентное; 9, 11 — угловатые

Fig. 56. Kudara I cave. The central shamber. Scrapers: 1—4, 6, 8 — small massive with abrupt retouch; 5, 10 — double; 7 — convergent; 9, 11 — dejeté

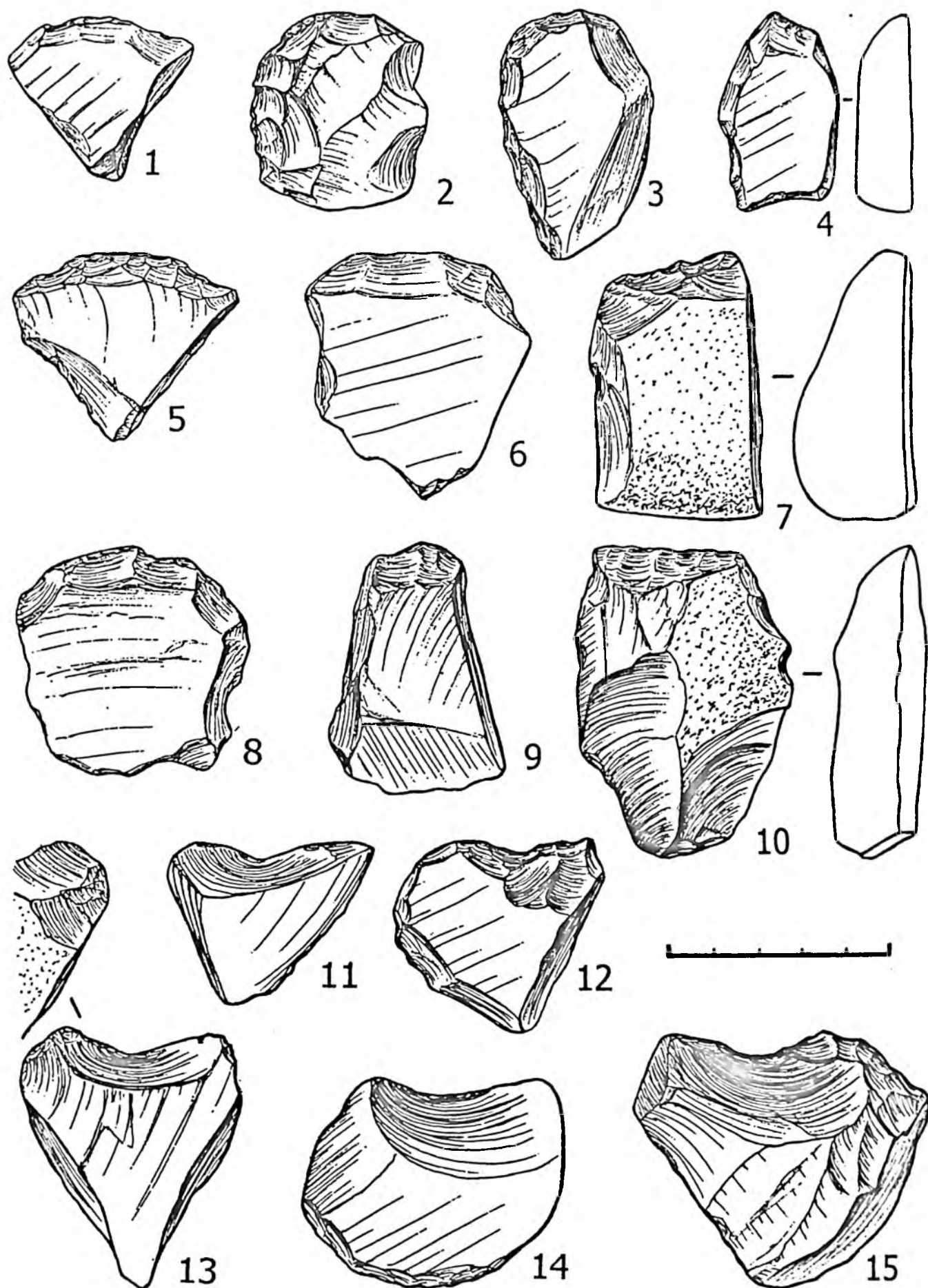

Рис. 57. Кударо I. Центральная камера. Скрепки: 1, 5, 6, 8 — подтреугольных или подчетырёхугольных очертаний; 2, 3 — подокруглые, массивные; 4, 7, 9, 10 — подпрямоугольные с прямыми лезвиями; 11—15 — выемчатые орудия
 Fig. 57. Kudara I cave. The central chamber. 1—10 — end scrapers (1, 5, 6, 8 — sub-triangular or sub-quadrangular forms; 2, 3 — sub-ovate, massive; 4, 7, 9, 10 — subrectangular with straight working edges); 11—15 — notched tools

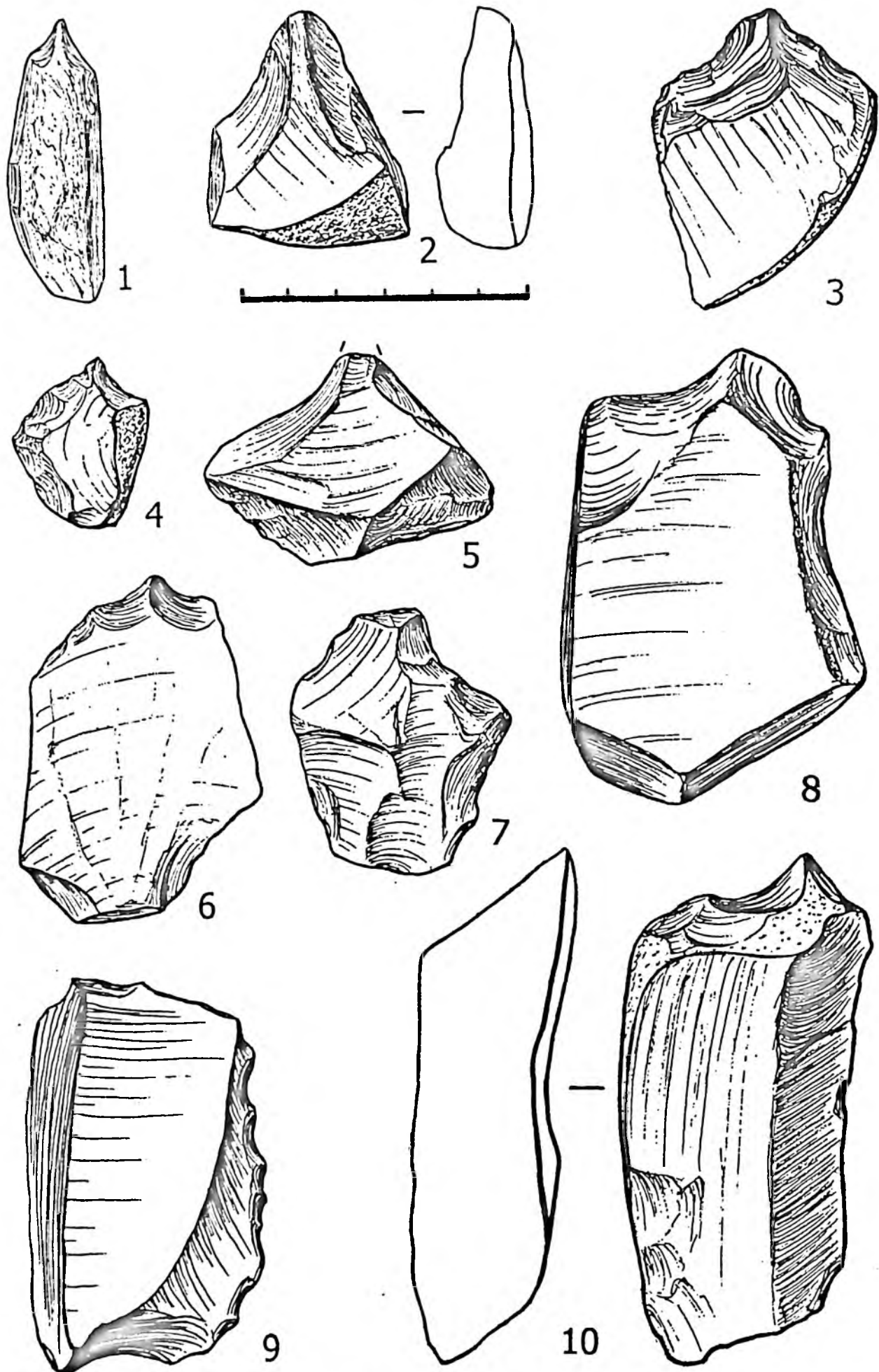

Рис. 58. Кударо I. Центральная камера. 1—8, 10 — клювовидные орудия; 9 — зубчатое орудие
 Fig. 58. Kudaro I cave. The central chamber. 1—8, 10 — becs; 9 — denticulated tool

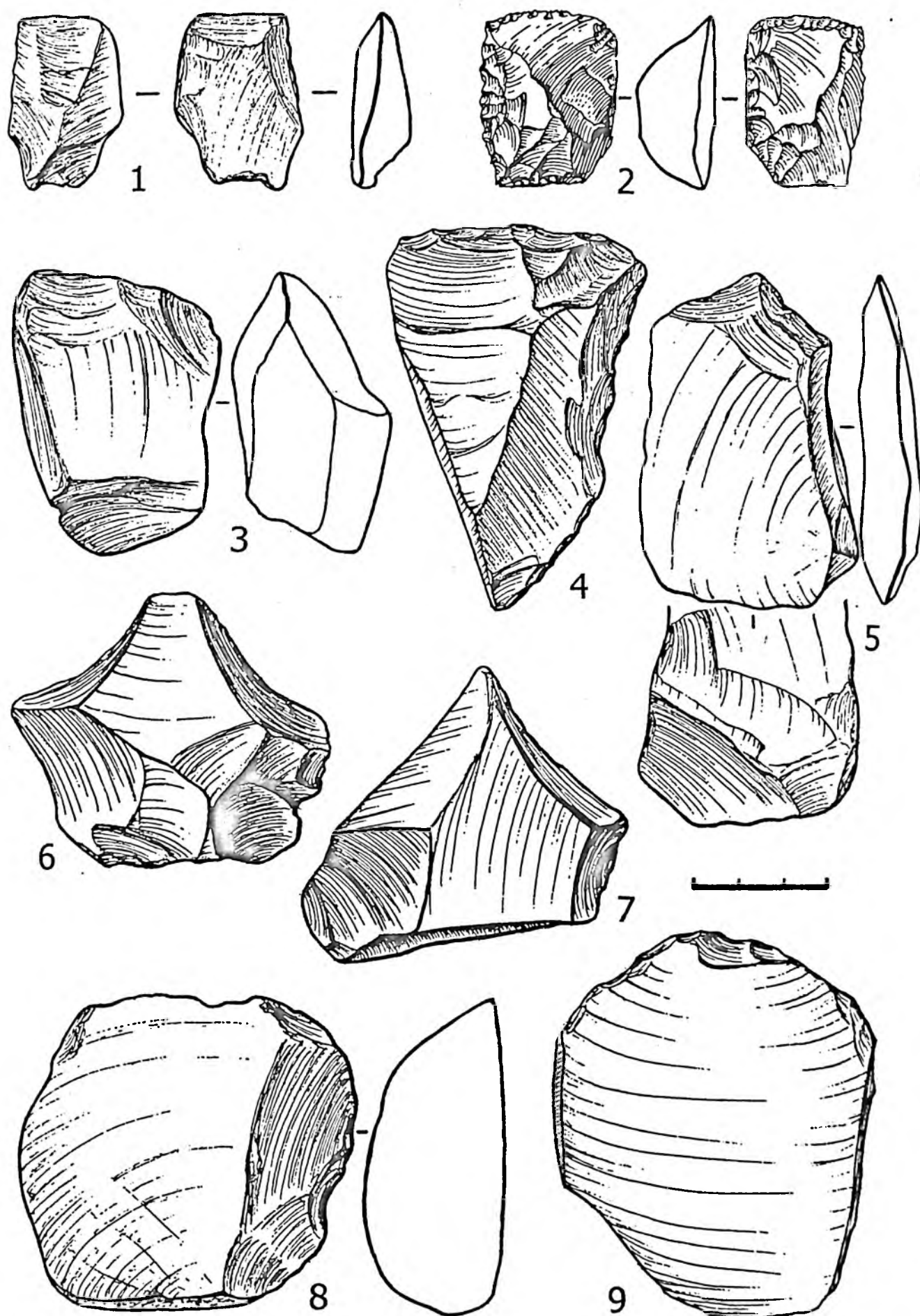

Рис. 59. Кударо I. Центральная камера. 1—5 — долотовидные орудия; 6—9 — орудия с лезвиями и остриями, вычленяемыми с помощью выемок и обломов
 Fig. 59. Kudaro I cave. The central chamber. 1—5 — chisel-like tools; 6—9 — tools with cutting edges and points isolated by notches or truncation

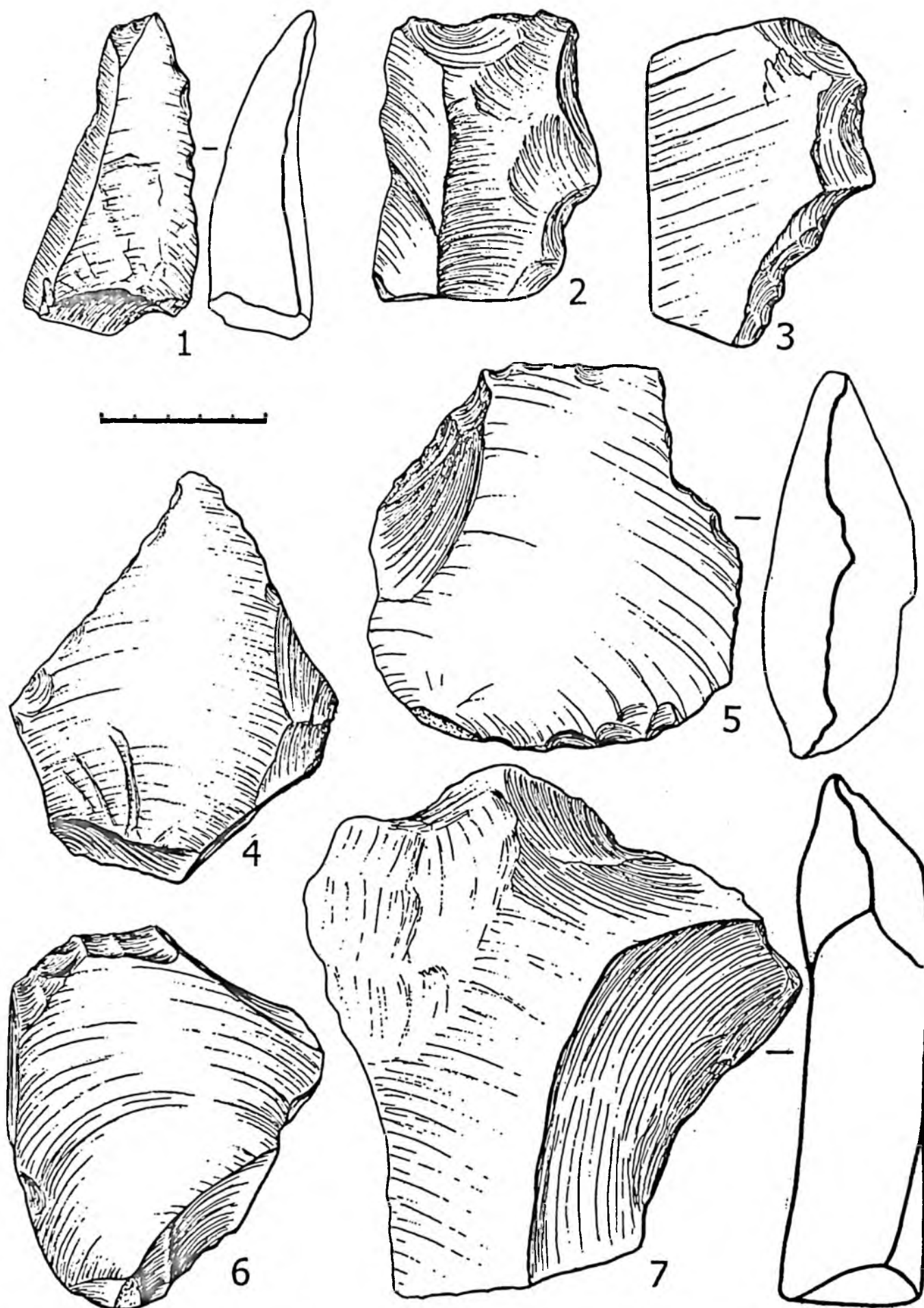

Рис. 60. Кударо I. Центральная камера. Орудия со скребковыми (1, 4, 6), клювовидными (2, 3, 7) и режущими (5) элементами, выделенными клектонскими выемками или обломами

Fig. 60. Kudara I cave. The central chamber. Tools with scraping (1, 4, 6), bec-like (2, 3, 7) and cutting (5) working elements, isolated by clactonian notches or truncation

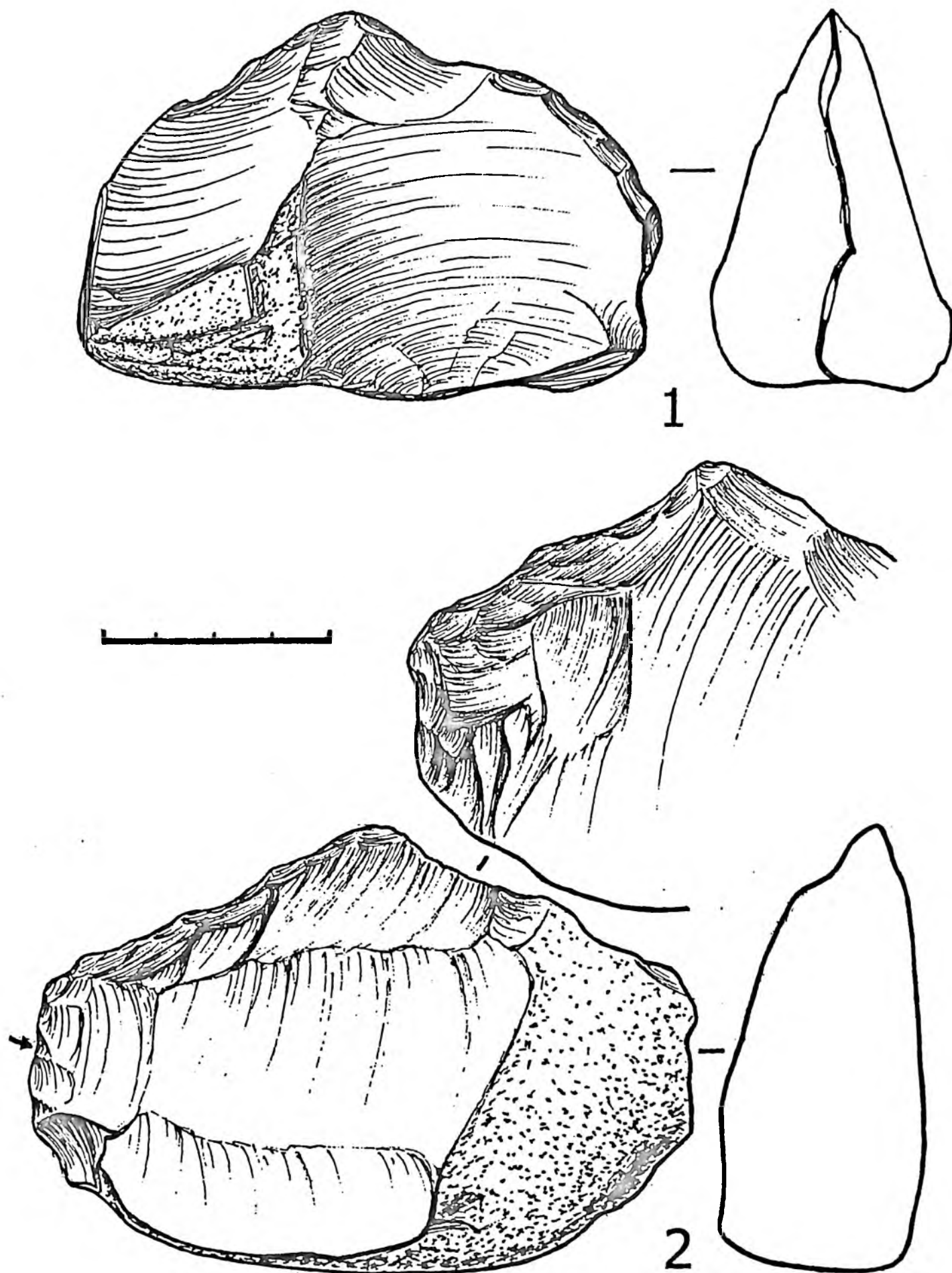

Рис. 61. Кударо I. Центральная камера. Массивные широкоугольные острия или чопперы с остриями (?)
 Fig. 61. Kudara I cave. The central shamber. Massive wide-angle points or pointed choppers (?)

4.4. Каменный инвентарь северо-западной (темной) галереи

4.4.1. Краткие сведения о темной галерее

Темная галерея является наиболее дальней от входов и действительно наиболее темной и, видимо, наименее комфортабельной частью пещерной полости. Длина ее достигает 25 м, ширина составляет около 5 м в устье и 2—3 м на остальном протяжении (рис. 5; 62). В силу своей удаленности от обоих входов в пещеру она обладала наиболее стабильным, хотя и влажным микроклиматом, на что указывает большое количество в отложениях обломков натечных образований. В плювиальные и тектонически активные времена, когда в глубине массива горы Часавали-хох открывались карстовые тракты, галерея становилась водоносной. В дальнем конце ее оживал источник, воды которого частично размывали и выносили или смешивали палеолитические отложения во всей пещере. Степень размыва и перебива нижнемустьерских и ашельских седиментов в этой галерее была максимальной. Мустьерские слои здесь утончены и, как правило, сливаются. Ашельские слои, судя по всему, подвергались глубокой эрозии как в ашельское время, так и позднее — в мустьерский период. Так, только в этой галерее размыты верхний ашельского слоя 5А и низы мустьерского слоя 4, смешавшись, заполнили глубокие эрозионные врезы X_{1-3} (разрез U—O (рис. 63)), а размывы, происходившие в ашельское время, образовали карманы R_1 и R_2 , глубоко проникшие внутрь ашельской толщи (разрез В—К (рис. 64)).

Необычно сложная, местами «поскутная» стратиграфия отложений заставила внести в методику вскрытия культурных слоев в этой галерее значительные коррективы. Стратиграфический контроль, позволявший проследить быстро меняющуюся картину напластований, обеспечивался частым профилированием толщи осадков и вскрытием их на небольших площадях. Вскрытие подвергнутого исследованию шестиметрового привходового участка галереи производилось в течение четырех полевых сезонов двухметровыми (1978; 1980) или однометровыми (1983; 1984) прирезками. При этом было получено четыре полных поперечных профиля — разрезы U—O, T—W, P—M и В—К (рис. 5; 62). Всего за эти годы было раскопано около 21 кв. м площади галереи. Усложнение стратиграфии заставляло год от года уменьшать размеры вскрытий (10 кв. м — в 1978 г., 6 кв. м — в 1980 г., 2,7 кв. м — в 1983 г. и 2,5 кв. м — в 1984 г.). Подробное изложение и анализ стратиграфических наблюдений и естественно-научных данных, полученных во время этих раскопок, будут опубликованы в отдельном издании. Здесь же мы отметим наиболее характерные черты двух самых показательных, как представляется, разрезов темной галереи.

Поперечный разрез U—O (рис. 63).

Профиль этот расположен в двух метрах от условной границы с центральной камерой. Общая мощность вскрытой толщи осадков достигала здесь 3,5 м. Мощность отложений с ашельскими культурными остатками, включая и смешанные отложения карманов X_{1-3} и

R, составляет 2,5 м. Верхний уровень с ашельскими находками представлен заполнением эрозионных карманов X_{1-3} и сложен неоднородным суглинком с беспорядочно залегающим заметно окатанным известняковым обломочником. Второе образование ашельского времени — карман R здесь невелик по размерам, но выделяется своей коричневатой-бурой окраской и скоплением щебня.

Третий уровень образован местами сливающимися отложениями слоев 5А и 5Б, а четвертый соответствует слою 5В. Как и в других частях пещеры, они сложены более плотным суглинком, переполненным выветрелым обломочным материалом. Слой 5А характеризуется чередованием серо-зеленоватых и желтоватых прослоев (действие слабой плоскостной эрозии?). Слой 5Б наиболее четко выделяется в виде останца желтовато-бурого суглинка у западной стены галереи. Слой 5В представлен комковатым суглинком красноватого оттенка с большим количеством разложившихся обломков натечков. Куски известняка нередко были покрыты темно-бурой пленкой, а кости — темным налетом.

Поперечный разрез В—К (рис. 64).

Этот профиль фиксирует северную границу раскопанной части галереи, которая сужается здесь до 2,5 м. Общая мощность отложений на этом разрезе примерно такова, как и на разрезе U—O, но мощность уровней с ашельскими находками сокращается до 2 м. Карманы X_{1-3} со смешанными ашело-мустьерскими находками на этом профиле сливаются в единый пласт X толщиной до 0,8 м, состоящий из слабо различимых по окраске и насыщенности обломочником подразделений — Ха, б, в, г. Эрозионные карманы-врезы R_1 и R_2 внедряются один за другим в толщу ашельских отложений у западной стены галереи на глубину до 0,6 м. Они пререзают слои 5А и Б и верхи слоя 5В. Заполнение этих карманов существенно отличается от заполнения слоя X и представляют собой отчетливо слоистые хорошо отмученные средние суглинки с немногочисленным мелкоокатанным щебнем.

Ашельские слои 5А и 5Б представлены останцами в средней и восточной части разреза. Как и на предыдущем разрезе, имеющиеся между ними в целом различия по цвету заполнителя и характеру обломочника прослеживаются лишь местами. Местами же наблюдается плавный переход от одного слоя к другому, что вновь побуждает обозначить эти отложения как 5А—Б. Базальный ашельский уровень 5В вновь довольно четко отчленяется от вышележащих осадков, но выглядит здесь необычно, подразделяясь на три части. Верхняя часть его оглиненна, средняя — комковата, сложена характерными для этого слоя ореховатыми отдельностями, а нижняя, покрытая известково-глинистой коркой, сильно карбонатизирована и имеет ярко-белую окраску. Любопытно, что стерильный слой б на этом разрезе тоже приобретает необычную для него слоистую структуру — это субаквальный глинистый осадок с отчетливой ленточной цикличностью.

В целом разрез В—К демонстрирует максимальную относительно других участков пещеры изменчивость

отложений на всех уровнях. В них прослеживаются следы многочисленных размывов и перемылов, возрастает степень оглинения осадков, убывает количество обломочного материала, увеличивается объем фосфатных конкреций.

Исходя из описанной стратиграфической картины и приуроченности находок, мы будем рассматривать ашельские материалы темной галереи по четырем уровням. Первый, самый верхний составляют переотложенные ашельские изделия из заполнения карманов X_{1-3} *; второй — также переотложенные находки из карманов R_1 и R_2 ; третий — индустрия ашельских слоев 5А-Б; четвертый — базальный слой 5В. Помимо этих четырех коллекций отдельно будут кратко охарактеризованы и лишённые точной стратиграфической привязки находки из осыпей разрезов разных лет и из скальной расселины, расположенной в юго-западном углу раскопа 1978 г. (квадраты Z_{0-1} — E_{0-1}) (рис. 62).

Общее количество находок в темной галерее составило 1363 экз.: 238 — карманы X_{1-3} , 52 — карманы R_1 — R_2 , 894 — слои 5А-Б и 5В и 179 — осыпи. Планиграфическое размещение находок в трех верхних уровнях было сходным: количество их резко сокращалось в дальнем конце раскопанной части галереи. В базальном уровне (слой 5В) картина оказалась, однако, иной: постепенно убывая на протяжении пяти линий метровых квадратов, число находок вновь возрастало на последнем, шестом метре раскопа. Половина всех изделий изготовлена из различных сланцев, чуть более трети (34,3 %) — из песчаника, 12,5 % — из местного кремня. Четыре предмета сделаны из местного известняка. Экзотическое сырье (импортный кремень, андезит, обсидиан) использовано для 33 изделий (2,4 %).

4.4.2. Техника расщепления в коллекции из темной галереи

4.4.2.1. Карманы X_{1-3} содержали 186 изделий, отнесенных к продуктам расщепления. Среди них было 57 сколов-заготовок, 107 фрагментов таких сколов, 14 мелких сколов или чешуек и 8 нуклевидных форм. Соотношение сырьевых групп здесь практически аналогично тому, которое указано выше для всей коллекции темной галереи. Статистические выкладки при столь малом количестве предметов в каждой из этих групп невозможны и потому придется описывать их технические параметры менее детально. Нуклевидные формы представлены тремя нуклевидными обломками (песчаник (2) и сланец) и пятью собственно нуклеусами. Три мелкоразмерных нуклеуса — песчаниковый и два сланцевых — являются остаточными формами, близкими к *globuleaux*. Крупные размеры (8,8×10,1×5,3 см и 11,4×11,1×6,8 см) имеют два ядрища. Одно изготовлено из уплощенного песчаникового валуна, подвергнутого радиальному расщеплению, направленному от гладкой естественной площадки, расположенной по его периметру. Второе ядрище, сделан-

ное также из песчаникового валуна, демонстрирует преимущественное скалывание с одной грубо подправленной площадки. Однако небольшой единичный скол с перпендикулярной гладкой площадки и оформление крупными сколами противоположащей не использованной площадки предполагали, видимо, так и не осуществленное усложнение системы скалывания (рис. 65: 3).

Целые сколы немногочисленны — 57 экз. Преобладают песчаниковые сколы — 31, глинистые и кремнистые сланцы представлены 14 и 8 предметами, соответственно, из кремня сделаны лишь 4 отщепы. Среднюю длину и толщину в такой ситуации подсчитывать некорректно, но можно отметить, что песчаниковые сколы вновь отличаются наиболее крупными размерами. Длина 13 песчаниковых сколов превышает 7 см, а еще 5 таких сколов лежат в диапазоне 5—7 см. Среди 22 сланцевых сколов отмечен только один отщеп длиной более 7 см, а средние размеры (5—7 см) имеют 12 предметов. Что касается кремня, то ни один скол не достигает даже 5 см. Песчаник также вновь выделяется очень большой долей и полукраевых и краевых сколов, а также сколов с естественными обушками, половина из которых покрыта валунной коркой. При общем преобладании огранки спинок, указывающей на одноплощадочное скалывание, отметим около 10 отщепов с радиальным или веерообразным скалыванием, 8 — с двухплощадочным встречным и 2 — с ортогональным. Среди 77 определяемых площадок (целые сколы + базальные фрагменты) абсолютно доминируют неподправленные площадки — 60, из которых 11 покрыты коркой. Последнее более характерно для песчаника — 8 случаев. Количество фрагментов сколов (102) почти в два раза превышает количество целых, что сопоставимо, в общем, с показателями для ашельского слоя в этой и других частях пещеры, однако есть еще довольно много неопределимых обломков — 42 экз., что, возможно, говорит о более интенсивной фрагментации попавшего в линзы материала. Мелкие сколы и чешуйки немногочисленны (14), причем половина их — кремневые, включая 3 из импортного кремня. Доля этих сколов и их сырьевой состав мало отличаются от таковых в собственно ашельских уровнях. То же самое, как показано выше, можно сказать и о прочих технических характеристиках изделий из описываемых линз, что подкрепляет мнение о переотложении данного материала из верхов слоя 5А-Б.

4.4.2.2. Карманы R_1 и R_2 доставили лишь 40 изделий, которые можно рассматривать как продукты первичного расщепления. Помимо двух сланцевых остаточных нуклеусов типа *globuleaux* имеется одна довольно любопытная форма из глинистого сланца — ядрище средних размеров (7,2×7,2×2,7 см) и округлой формы с оформленной почти по всему периметру площадкой. Большую часть рабочей поверхности занимает один крупный негатив, обрамленный центростремительными сколами (рис. 65: 2). В связи с этим данный нуклеус напоминает леваллуазские «черепиховидные» ядрища, однако отличается от них тем, что радиальное оформление рабочей поверхности выглядит в данном случае весьма несовершенным (разная крутизна негативов, заломы).

* Мустьерские изделия из них легко вычлениваются по внешнему облику и немногочисленны.

В числе прочих изделий 10 целых сколов-заготовок, 26 их фрагментов и один мелкий скол из кремня. Сырьевой состав сколов-заготовок вместе с их фрагментами следующий: 13 песчанников, 19 сланцевых (8 — глинистый сланец, 11 — кремнистый), 4 кремневых и 1 андезитовый. Глинистый сланец представлен только одним целым сколом, прочие — фрагменты. Среди целых сколов преобладают среднеразмерные, шесть из них имеют длину в интервале 5—7 см, а четыре, включая единственный кремневый, — чуть более 4 см. Как обычно, почти половина песчанниковых сколов имеет на спинке участки корки. Кремневый отщеп и один из песчанниковых несут на спинке следы ортогонального скалывания, а все прочие — одноплощадочного. Из 16 определенных площадок подправлены лишь 3: двугранная и грубофасетированная в группе кремнистых сланцев и двугранная у песчанниковых сколов. Как представляется,

продукты расщепления из карманов R₁ и R₂ не имеют каких-либо существенных отличий от таковых из прочих ашельских уровней темной галереи и других участков пещеры.

4.4.2.3. Подразделения слоя 5 — 5А-Б и 5В — доставили основную часть находок в темной галерее (894 предмета, или более 65 % ашельской коллекции). Первый содержал 435 предметов, а второй — 459. Учитывая эрозию кровли 5А-Б и переотложение части его материалов в линзы, эта верхняя часть ашельских напластований первоначально должна была обладать большим числом изделий. Однако при их сопоставлении мы вынуждены, разумеется, исходить только из наличных данных. К продуктам расщепления были отнесены 722 изделия: 375 из 5А-Б и 347 из 5В. Рассмотрим вначале их распределение по сырьевым группам (табл. 9).

Таблица 9

Распределение категорий продуктов расщепления из слоев 5А-Б и 5В темной галереи по сырьевым группам

Продукты расщепления	Слой	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевриты	Кремень		Андезит и обсидиан	Известняк	Всего 100 %
					местный	импортный			
Нуклеусы и нуклевидные формы	5А-Б	5	7	8	—	—	—	—	20
	5В	2	2	2	—	—	—	—	6
Сколы в целом	5А-Б	155/43,7 %	97/27,3 %	58/16,3 %	30/8,5 %	10/2,8 %	4	1	355
	5В	109/32 %	102/29,9 %	82/24,1 %	31/9,1 %	9/2,6	7	1	341
Сколы-заготовки и их обломки	5А-Б	151/44,8 %	94/27,9 %	56/16,6 %	27/8,0 %	5/1,5 %	3	1	337
	5В	103/34,8 %	91/30,7 %	68/23 %	122/7,4 %	5/1,7 %	4	1	296
Мелкие сколы и чешуйки L<2,5см	5А-Б	4	3	2	33	5	1	—	18
	5В	6	11	14	9	4	1	—	45

Итак, распределение по сырью вновь показывает доминирование песчаников и сланцев. Любопытно, однако, различие между слоями по соотношению этих видов сырья среди всех видов сколов. В низах сколы из сланца доминируют над песчанниковыми — 54 % против 32 %, но в верхних уровнях (5А-Б) возрастает доля песчаника и наблюдается практическое равенство — 43,6 % и 43,7 %. Тенденция к возрастанию снизу вверх доли песчаника при некотором сокращении доли сланцев прослеживается, хотя и в меньшей степени, во всех галереях и в центральной камере, что может означать постепенное освоение этого грубого и поначалу, возможно, недооцененного материала. Суммарный процент сколов из песчаника (38 %) в темной галерее выше, чем в других частях пещеры, уступая лишь южной галерее. Не исключено, что это следствие лучшей представленности в темной галерее как более поздних отложений, так и связанных с ними материалов.

По количеству нуклеусов и нуклевидных форм слой 5 темной галереи (26 экз., или 2,9 % находок) уступает

южной галерее (39) и тем более — центральной камере (75), но близок к показателям восточной галереи (25). Однако число собственно нуклеусов в слое 5 темной галереи меньше такового в восточной — 16 против 20. Из найденных в толще слоя 5 темной галереи 16 ядрищ (1,8 % коллекции) 11 были обнаружены в 5А-Б, а 5 — в 5В.

Нуклеусы из уровня 5А-Б представлены 4 изделиями из песчаника, 5 — из глинистого сланца и 2 — из кремнистого сланца. Среди песчанниковых нуклеусов имеется лишь один ординарный одноплощадочный на небольшом обломке полукраевого отщепка с образованной обломом гладкой площадкой. Три других песчанниковых ядрища являются более сложными формами. Два относятся к двусторонним. Одно лишь немногим больше предыдущего (5,0×4,3×2,6 см) и также изготовлено на обломке скола. Оно характеризуется одноплощадочным скалыванием на каждой из сторон с противолежащих площадок и может быть отнесено к типу «джрабер». В данном случае одна из площадок являет-

ся грубофасетированной, а другая, сильно скошенная, — гладкой. Второе двустороннее ядрище изготовлено на валуне и имеет более крупные размеры — $9,5 \times 7,6 \times 6,2$ см. Скалывание на одной из сторон велось в одном направлении с грубофасетированной выпуклой площадки, а на другой было двуплощадочным встречным. Одна из площадок была гладкой, вторая — двугранной, но обе отличаются сильной скошенностью: углы их относительно плоскостей скалывания достигают $70-75^\circ$. Последние встречные снятия с них, также располагавшиеся под углом друг к другу, оказались неудачными и заломались, не срезав центральную выпуклость этой стороны ядрища. Последнее из песчаниковых ядрищ из 5А-Б — вновь небольшое и, видимо, остаточное подрадиальное. Грубофасетированная площадка занимает примерно $3/4$ его периметра.

Ядрища из глинистого сланца (5 экз.) включают две небольшие ($4,5-5,3$ см в поперечнике) одноплощадочные формы с незначительной подправкой площадок. Два более крупных нуклеуса (до 7 см в поперечнике рабочей поверхности) являются двухплощадочными. Один относится к продольно-поперечным, или ортогональным с обеими гладкими площадками. К двухплощадочным встречным отнесен нуклеус, поверхностью скалывания которого стало брюшко полукраевого скола, а гладкими площадками — покрытые коркой крутые боковые грани спинки исходного отщепы, расположенные субпараллельно оси его скалывания. Пятое, наиболее крупное ядрище ($7,3 \times 6,8 \times 4,4$ см) является двусторонним: на каждой из сторон скалывание велось в одном направлении, на довольно выпуклой рабочей поверхности и с прямыми, практически гладких площадок с минимальной подправкой (рис. 65: 1). Площадки противоположат друг другу, но под небольшим углом (около 35°). Рабочие поверхности имеют подправку.

Оба нуклеуса из кремнистого сланца невелики. Один из них вообще является обломком веерообразного или радиального нуклеуса с фасетированной площадкой. Второй, самый крупный из трех ($5,4 \times 2,8 \times 3,0$ см), относится к двусторонним типа «джрабер», то есть с одноплощадочным скалыванием на каждой из сторон с противоположащих друг другу площадок. Обе площадки грубо фасетированы.

В слое 5В найдено 2 нуклеуса из песчаника и 3 из сланца. Песчаниковые являются наиболее крупными — примерно 7×9 см в поперечнике — и изготовлены из валуна и плоской гальки. Ядрище на гальке имеет лишь один крупный негатив и может быть отнесено к одноплощадочным. Однако распространение грубофасетированной площадки на боковые стороны и наличие еще одного, небольшого из-за заломы, бокового скола показывает, что этот нуклеус находится в начальной стадии расщепления и должен был сбавываться с нескольких площадок. Второй песчаниковый нуклеус выделяется большой толщиной, аналогичной высоте основной рабочей поверхности, — 7,2 см. Фактически он имеет три поверхности расщепления: две с одноплощадочным скалыванием, включая таковую с дополнительными сколами подправки поверхности, и одну с двухплощадочным скалыванием, направленным навстречу друг

другу под небольшим углом. Каждая из рабочих поверхностей последовательно выступала в качестве ударной площадки для примыкающей плоскости скалывания (рис. 66: 3).

Оба нуклеуса из глинистого сланца невелики. Наиболее крупным (около 6 см в поперечнике) является одноплощадочный нуклеус с прямой гладкой площадкой, который сделан одновременно из глинистого сланца и, в центральной части, кремнистого сланца. Другой нуклеус можно определить как двусторонний двухплощадочный со встречным скалыванием (тип «джрабер»). Одна из его площадок выпуклая двугранная, а противоположащая ей — гладкая, покрытая галечной коркой. Малые размеры и укороченные пропорции ($4,1 \times 5,0 \times 2,5$ см) указывают, вероятно, на остаточный характер этого нуклеуса. Еще меньшим — до 4 см высотой — является ядрище из кремнистого сланца, демонстрирующее ортогональное скалывание с перпендикулярно расположенных площадок. Одна из его площадок выпуклая двугранная, а вторая грубофасетированная, но прямая.

При характеристике сколов мы будем опираться на 696 предметов — 355 из 5А-Б и 341 из 5В. Количество чешуек и мелких сколов мало: 18 в верхнем слое и 45 в нижнем, что составляет вместе 9,1 % всех сколов из обеих частей слоя 5. Отметим, что треть их сделаны из кремня. Подобная малая доля мелких сколов и чешуек в темной галерее сильно уступает их проценту в восточной галерее, но близка к таковому в центральной камере и южной галерее. Это объясняется, как уже говорилось, предполагаемым в этом направлении выносом отложений водной эрозией, которая могла удалять некоторые мелкие изделия. Среди этих сколов отметим четыре чешуйки из импортного кремня, являющиеся, видимо, сколами оформления или же переоформления орудий. Один мелкий песчаниковый скол может быть определен как скол подправки площадки нуклеуса.

К сколам, которые потенциально могли быть заготовками, отнесены 633 изделия — 337 предметов из уровня 5А-Б и 296 из уровня 5В. Наиболее целесообразно, как представляется, рассмотреть сколы-заготовки из этих двух подразделений слоя 5 отдельно, но при постоянном сопоставлении друг с другом. Распределение их по сырьевым группам (табл. 9), как отмечалось, примечательно практически равенством долей песчаника и сланцев в 5А-Б, в то время как в 5В и во всех прочих случаях мы наблюдаем большее или меньшее преобладание сланцев. Метрические характеристики сколов-заготовок, которые могли быть получены только по целым изделиям, представлены в таблице 10.

Целые сколы-заготовки из 5А-Б составляют 127 экз., а в 5В — 87 экз. В обоих слоях половина их или более сделаны из песчаника. Преобладание песчаника среди целых сколов отмечено и во всех прочих частях пещеры. Это связано, видимо, с тем, что данное сырье намного меньше подвержено фрагментации, нежели хрупкий сланец. Как и в случае с мелкими сколами и чешуйками, доля целых сколов в темной галерее меньше, нежели в восточной, но весьма близка показ

телям коллекций из центральной камеры и южной галереи. Это допускает аналогичную причину повышенной фрагментации сколов-заготовок в названных частях пещеры — активные эрозийные процессы. Из-за малочисленности целых образцов статистика для каждой из сырьевых групп по размерам сколов-заготовок является, конечно, не вполне корректной, но полученные показатели очень близки таковым в других коллекциях, что удостоверяет их приемлемость.

В целом можно сказать, что песчаник вновь демонстрирует наибольшие размеры сколов: и в 5А-Б и в 5В средняя длина составляет 5,7 см. Средняя толщина сколов из этого сырья — 1,8 см и 1,7 см, соответственно. Сланцы дают среднюю длину в диапазоне 4,8—4,3 см, а толщину — 1,3—1,1 см. Можно, хотя и с осторожностью отметить, что средние габариты песчаниковых сколов здесь сходны с таковыми в южной галерее, но несколько превышают показатели восточной галереи и центральной камеры.

Таблица 10

Распределение размеров сколов-заготовок из слоев 5А-Б и 5В темной галереи по основным сырьевым группам

Основные характеристики сколов	Слой	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень	Андезит	Известняк
Общее количество целых сколов	5А-Б	70	37	15	4	—	1
	5В	43	17	19	7	1	—
Сколы длиной от 5 до 7 см	5А-Б	38,6 %*	29,7 %	33,3 %	—	—	1
	5В	44,2 %	17,6 %	26,3 %	—	—	—
Сколы длиной более 7 см	5А-Б	24,3 %	10,8 %	—	1	—	—
	5В	23,6 %	1	—	—	—	—
Средняя длина сколов	5А-Б	5,7 см	4,8 см	4,7 см			
	5В	5,7 см	4,7 см	4,3 см			

По наличию полукраевых и естественно-обушковых сколов темная галерея мало отличается от прочих. Как обычно, среди песчаниковых сколов имеется около половины полукраевых (рис. 66: 2; 72: 10) и краевых (52 % — в 5А-Б, 52,4 % — в 5В) и около четверти обушковых (25—24 %). Сланцевые сколы уступают по этим позициям в 1,5—2,0 раза. Несколько повышенной выглядит здесь доля полукраевых и краевых сколов у глинистого сланца, но это может быть случайной вариацией вследствие их слишком малого для корректной статистики числа.

Найдено 11 удлиненных пластинчатых сколов: 6 — в 5А-Б (3 песчаниковых, 2 сланцевых и кремневый) и 5 — в 5В (4 песчаниковых и кремнисто-сланцевый). Однако к подлинным пластинам можно отнести, пожалуй, лишь базальный фрагмент небольшого кремневого скола с параллельным ограничением спинки. Четыре скола представляют собой удлиненные полукраевые снятия с покрытой коркой крутой обушковой гранью и единственным негативом. Еще один удлиненный отщеп имеет крутую обушковую грань с негативом. Такие сколы получены, очевидно, скалыванием с выпуклых поверхностей крупных валунов подпризматическим способом. В другом случае — две покрытые коркой крутые боковые грани и узкий негатив между ними — можно предполагать скалывание с торца гальки. Еще два удлиненных песчанико-

вых отщепов являются реберчатыми, обе крутые грани которых представляют собой проксимальные части крупных негативов (рис. 66: 4). Они могут быть определены как продольные сколы переоформления площадки, срезавшие примыкавшую к ней рабочую поверхность. Наконец, имеется пластинчатый обушковый скол из кремнистого сланца, приобретший такую форму благодаря дополнительному продольному расколу в момент удара.

Анализ системы скалывания по огранке спинок был выполнен для 111 из 127 целых сколов слоя 5А-Б, поскольку семь отщепов были краевыми, а у двух мелких кремневых сколов и восьми сланцевых направления негативов определить не удалось. В 5В характер огранки спинок удалось описать у 71 из 87 целых сколов. В обоих уровнях преобладает скалывание в направлении, совпадающем с направлением снятия самих сколов. Это одноплощадочное параллельное скалывание (25,2 % в 5А-Б и 33,8 % в 5В) и субпараллельное, по принципу «узкого веера» (25,2 % в 5А-Б и 19,7 % в 5В). В сумме подобные варианты скалывания демонстрируют около половины сколов в каждом из подразделений слоя 5. Это же наблюдается и во всех сырьевых группах. Что касается распределения в сырьевых группах других типов огранки спинок, то малое число целых сколов в каждой из них заставляет осторожно относиться к точным процентам. Можно

* За 100% во второй и третьей строках принято число целых сколов в каждой сырьевой группе, указанное в первой строке.

лишь отметить, что двухплощадочное подперпендикулярное (ортогональное) и встречное скалывание демонстрируют примерно 12 % сколов слоя 5А-Б и 20 % — в 5В. Подрадиальная или радиальная огранка (рис. 66: 1), напротив, лучше представлена в верхнем уровне — более 20 %, а в низах едва превышает 10 %. Интересно, что в нижнем уровне хуже представлен и «веер», который можно рассматривать как переходный к подрадиальному способ скалывания. Однако интерпретировать эти различия между уровнями темной галереи ввиду небольшого числа целых сколов-

заготовок затруднительно, а совсем уж малое количество нуклеусов не позволяет привлечь их для дополнительных сравнений. Сопоставляя сколы и ядрища темной галереи, можно лишь вновь обратить внимание на общее соответствие приемов скалывания при явной нестыковке по количеству и размерам. Иначе говоря, речь опять идет о частичном получении сколов-заготовок вне пещеры.

Основные характеристики ударных площадок целых сколов и базальных фрагментов представлены в таблице 11.

Таблица 11

Основные характеристики ударных площадок сколов-заготовок из слоев 5А-Б и 5В темной галереи по сырьевым группам

Характеристики ударных площадок	Слой	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень
Количество определенных площадок	5А-Б	79/100 %	37/100 %	25/100 %	13/100 %
	5В	57/100 %	20/100 %	27/100 %	9/100 %
Гладкие площадки, в т. ч. с коркой	5А-Б	77,2 %	78,4 %	80 %	84,6 %
	5В	77,2 %	75 %	81,5 %	66,7 %
Двугранные площадки	5А-Б	12,7 %	16,2 %	8 %	—
	5В	12,3 %	15 %	11,1 %	11,1 %
Грубифасетированные площадки	5А-Б	10,1 %	5,4 %	12 %	15,4 %
	5В	7 %	10 %	7,4 %	16,7 %
Тонкофасетированные площадки	5А-Б	—	—	—	—
	5В	3,5 %	—	—	—
Выпуклые площадки	5А-Б	21,5 %	16,2 %	20 %	38,4 %
	5В	19,3 %	20 %	22,2 %	22,2 %
Средний угол площадок	5А-Б	110,3°	110,8°	113,4°	114°
	5В	109,7°	106°	108,7°	108°

Эти данные достаточно близки таковым по другим частям пещеры (см. табл. 3, 7). Опять резко доминируют гладкие площадки и приближается к 110° средний угол. Обращают на себя внимание ухудшившиеся в сравнении с восточной галереей и центральной камерой показатели кремневых сколов, но это может быть объяснимо практическим отсутствием среди сколов-заготовок темной галереи изделий из импортного кремня. Местный же кремень обладал невысоким качеством, а потому специальная подготовка площадок для его расщепления, видимо, не оказывала существенного влияния на качество сколов и потому применялась редко. Прочие колебания процентов следует рассматривать скорее как случайные вариации, порой связанные, возможно, и с тем, что объем анализируемых групп изде-

лий не был достаточным для надежных статистических выкладок.

4.4.2.4. Осыпи (1978—1984) и расселина. Продукты расщепления среди 179 находок включают два небольших остаточных нуклеуса (двусторонний подрадиальный из песчаника и кремневое ядрище с тремя поверхностями с одноплощадочным скалыванием на каждой), а также 134 скола. Мелкие сколы и чешуйки составляют 21 экз., включая 7 из импортного кремня, а сколы-заготовки — целые или фрагментированные — 110 экз. В сырьевом отношении преобладают сланцы (около 45 %), на втором месте — песчаник (37 %). Немного лучше обычного представлен кремень (около 18 %). Найден один обломок андезитового скола. Поскольку данная коллекция невелика и является пестрой

смесью материалов из разных уровней, более подробный анализ техники расщепления по этим материалам представляется нам нецелесообразным.

4.4.3. Каменные орудия из темной галереи

4.4.3.1. Верхний ашельский уровень (карманы X_{1-3}). Ашельская индустрия из заполнения карманов X_{1-3} в пределах раскопанной части темной галереи представлена 238 предметами. Распространение их весьма неравномерно: на четырехметровом участке галереи, примыкающем к светлой центральной камере (раскопы 1978—1980 гг.), было обнаружено 219 предметов (более 90 % всех находок), а на более удаленном и слабо освещенном двухметровом участке (раскопы 1983—1984 гг.) — лишь 19 предметов. К орудиям отнесено 81 изделие, что составляет более трети всех находок (34 %).

Ручные рубила (7 экз.). Четыре из них являются крупными (> 10 см), а три имеют небольшие размеры (7—9 см). Первые изготовлены из сланца и имеют вполне законченный вид. Менее крупные рубила представлены одним частичным сланцевым и двумя песчаниковыми орудиями. Большинство их (5 экз.) располагались довольно компактно: в западной половине самого крупного эрозийного вреза X_1 в пределах двух квадратных метров раскопа 1980 г. Четыре из них залежали на глубинах от 225 до 238 см от нулевой отметки и лишь пятый находился глубже (—265 см). Однако залежали они, как и обломки известняка в этом кармане, беспорядочно и под разными углами, а не горизонтально, что указывает на явное изменение первоначального положения — перемещение. Еще два рубила располагались вне этого скопления — в том же кармане, но в пределах раскопа 1978 г. и в линзе X_2 у восточной стены пещеры. Таким образом, самый поздний ашельский уровень, представленный в темной галерее в основном заполнением карманов X , оказался столь же «рубильноносным», как и повсеместно залегающие ашельские слои 5А-Б и В.

Особенности расщепления различных местных пород сказывались на морфологии и характере обработки этих орудий. Весьма характерны в этом отношении три крупных своеобразных сланцевых ручных рубила. Одно из них является «бутылковидным» (*lageniforme*), а два других — подсердцевидными, с сильно асимметричными и вытянутыми дистальными остриями. Бутылковидное (19,2×10,1×3,9 см) имеет слабовыпуклые боковые лезвия и края, приостренные по всему периметру (рис. 67). Стороны его оббиты крупными пологими снятиями-стесами, нередко заканчивающимися заломами. Стесы эти, судя по плиссированной поверхности негативов, срезали порой несколько микрослойков. Плоскопараллельная структура породы сказалась и на характере противолежащей ретуши на продольных краях орудия: фасетки этой ретуши надламывались при пересечении границ слойков, а потому приострение лезвий оказалось недостаточным.

Негативы оббивки второго крупного рубила (18,2×10,2×3,9 см), сделанного из сланцевой гальки, совсем плоские, или пологие, со слабоплиссированной поверхностью. Однако краевые снятия, глубже врезавшиеся внутрь сланцеватой породы, заканчивались заломами. Эти заломы помешали приострить более прямой край орудия, который в базальной половине орудия напоминает обушок (рис. 68). Форма этого рубила неправильно-сердцевидная. Третье крупное рубило (17,5×9,2×3,8 см), также неправильно-сердцевидное по очертаниям, изготовлено на отщепе и является частичным. Поверхность его при извлечении из слоя была покрыта патиной цвета «слоновой кости», а при высыхании это покрытие во многих местах выкрошилось, и следы немногочисленных плоских сколов оббивки его сторон стали прослеживаться с трудом. Попытка мастера уточнить предмет с помощью двух нанесенных с разных сторон крупных и глубоких снятий не вполне удалась из-за резких заломов в их дистальных частях, но приострение более выпуклого продольного края посредством аккуратной плоской и пологой ретуши было выполнено успешно (рис. 69). Четвертое крупное ручное рубило также является частичным. Оно изготовлено на массивном краевом отщепе из сланцеватой породы, имеет плоско-выпуклое сечение и трапецевидное завершение дистального конца (рис. 70: 2). Узкое и прямое поперечное лезвие на его дистальном конце сближает это орудие с так называемыми *ultra convergent cleavers* [Clark 1967: 32]. В отличие от трех предыдущих образцов, оно относится к массивным рубилам (12,0×6,7×3,5 см; $m/e = 1,8$).

Лучшим образцом рубил среднеразмерной группы является также частичное, плоско-выпуклое сланцевое рубило (8,6×5,1×2,1 см), но имеющее приостренный дистальный конец. Поверхность этого удлиненно-сердцевидного рубила сильно оглажена (рис. 70: 1). Оба песчаниковых рубила этой группы имеют неправильную подсердцевидную форму, причем одно из них, частичное, оббито очень грубо и намечено, видимо, лишь вчерне.

Рубильца (1 экз.). Орудие (6,3×4,0×1,7 см) оформлено на отщепе кремнистого сланца и является сердцевидным. Оно обработано частично, но имеет аккуратно подправленные продольные лезвия (рис. 71: 4).

Листовидные орудия (1 экз.). Представлены сланцевым изделием удлиненной формы с частичной противолежащей обработкой.

Остроконечники (3 экз.). Два из них изготовлены из местных сланцев, а третий, самый крупный, — из красноватого туронского кремня, широко встречающегося в Имеретии, к югу от Рачинского хребта. Все они разнотипны. Первый остроконечник — небольшой, массивный — является острием высокой формы (*pointe surelevée*) (рис. 71: 1). Второй похож на типичные мустьерские остроконечники (рис. 71: 2), а третий, оформленный в своей дистальной половине субпараллельной ретушью, напоминает мустьерские формы листовидных очертаний (рис. 71: 6). Данное сходство, а также залегание их в смешанном ашело-мустьерском заполнении кармана X_1 может вызвать сомнения относительно при-

надлежности всех трех предметов к ашельскому инвентарю. Мы склонны, однако, рассматривать эти три орудия как ашельские, поскольку остроконечники из мустьерских слоев этой пещеры оформлялись на заметно более тонких леваллуазских треугольных отщепах и пластинках с фасетированными, как правило, площадками. Так, толщина остроконечников из мустьерских слоев колеблется, за редким исключением, в пределах 0,6—1,1 см [Любин 1977: 45, 47, 49], в то время как толщина трех рассматриваемых здесь орудий равна, соответственно, 1,9, 1,65 и 2,2 см. Залегали они, кстати сказать, на тех же глубинах, что и ручные рубила из кармана Х₁. Наиболее длинный (10,6 см) и массивный краснокремневый остроконечник носит следы особенно интенсивного использования: на краях его лезвий поверхность первичной крупной и распространенной субпараллельной ретуши наложена мелкая, местами нависающая ретушь подправки и утилизации. Принесен этот превосходный предмет, несомненно, издалека и мог происходить из какой-то синхронной ашельской индустрии Имеретии, где высококачественный туронский кремль встречался в изобилии.

Псевдоллимас (1 экз.). Орудие высокой формы, изготовленное из темной кремнистой породы, с грубой и неровной оббивкой обоих краев. Возможно, обработка этого изделия не закончена: приострелен лишь один конец, а на втором сохранилась корка.

Скребла (29 экз.). 11 изготовлены из песчаника, 10 — из сланца, причем почти исключительно кремнистого, 6 — из кремня и 2 — из андезита. Песчаниковые образцы — наиболее крупные, сланцевые имеют в основном средние размеры, но некоторые кремнисто-сланцевые, а также все кремневые и андезитовые — самые мелкие. Кремневые и кремнисто-сланцевые орудия, отличавшиеся прочностью и остротой лезвий, использовались, судя по сильной сработанности лезвий, наиболее интенсивно. В то же время, рабочие края некоторых песчаниковых и сланцевых экземпляров едва намечены плоской пологой ретушью, они выполняли, скорее всего, режущие функции. Таким образом, группа скребел включает как посредственные по отделке и даже отчасти сомнительные, так и весьма выразительные образцы орудий этого рода.

В составе этих орудий имеется 22 однолезвийных скребла (15 боковых и 7 поперечных), 6 двулезвийных и одно трехлезвийное. Скребла «геометризованной» формы, подобные тем, что были встречены в центральной камере и в восточной галерее, здесь отсутствуют. Зато имеются три экземпляра превосходно оформленных крупных однолезвийных скребел, оформленных на краевых песчаниковых отщепах. Два из них изготовлены на пластинчатых отщепах и являются боковыми — лицевым и брюшковым (рис. 71: 7, 9), а третье, самое массивное, относится к поперечным (рис. 71: 5). Двулезвийные скребла — боковые (5 экз.) и конвергентное — в большинстве невыразительны, исключая одно боковое, изготовленное на небольшом кремнисто-сланцевом отщепе и заслуживающее особого внимания (рис. 71: 3). Одно из его лезвий оформлено бифасиальной ретушью — плоской распространенной на брюшке

и полукрутой со стороны спинки скола-заготовки. Кроме того, оба конца этого продолговатого орудия были явно утончены небольшими лицевыми снятиями, сделанными со специально, как представляется, подготовленных ударных площадок. Боковые скребла с ядрищным утончением одного конца были найдены также в инвентаре центральной камеры (рис. 56: 7) и в слое 5В южной галереи (раскоп 1986—1987 гг.) (рис. 113: 2). Трехлезвийное скребло из кремнистого сланца принадлежит к типу двойных угловатых (рис. 71: 8). Углы его, в которых сходятся лезвия, необычно закруглены. Рабочие края оформлены чешуйчатой ретушью и заметно сработаны.

Скребки (12 экз.). Большинство их изготовлено из твердых пород: 5 из кремнистого сланца и 3 из кремня, прочие представлены песчаником (2 экз.) и глинистым сланцем (2 экз.). Морфологически они довольно разнообразны. Два образца являются одноплечиковыми (а eralement) концевыми скребками, оформленными с помощью клетонской выемки, примыкающей к дистальному концу (рис. 72: 6). У двух других одноплечиковых, сделанных из песчаника, лезвия выделены с одной стороны обломом, а с другой — выемкой. Интересен скребок типа «рабо», созданный посредством отвесной ретуши на одном из участков остаточного кремнисто-сланцевого нуклеуса. Три скребка являются обычными концевыми (рис. 72: 4). Еще четыре представляют собой атипичные формы или фрагменты скребков.

Выемчатые изделия (10 экз.). Большинство (8 экз.) изготовлено из различных сланцев, а два — из песчаника. Почти все эти орудия, кроме двух образцов, оформлены на фрагментах сколов. Большая часть выемок являются клетонскими, к явно ретушированным относятся только одна, а еще в двух случаях ретушь в глубине врезов носит характер утилизации. Приводим изображения трех наиболее выразительных орудий такого рода, одно из которых имеет крутой клетонский врез (рис. 72: 2), второе — полукрутой (рис. 72: 3), а третье — пологий (рис. 72: 1).

Зубчатые орудия (4 экз.). Эти изделия выделяются среди многочисленных мелкозубчатых предметов (утилизация, повреждения) более крупными зубцами, разделенными клетонскими выемками, что позволяет предполагать намеренность их изготовления. Три из них, песчаниковые, имеют зубчатые лезвия на боковых краях и на дистальном конце предмета, а четвертый, кремневый, — на обоих продольных краях (рис. 72: 5).

Клювовидные изделия (6 экз.) изготовлены в основном из песчаника (5 экз.), в одном случае — из сланца. Трафаретных форм нет, но вырисовываются две группы: острые концевые клювы, выделяемые ретушью и клетонскими выемками и обломами, и широкоугольные, образуемые пологими врезами. Наилучший образец первых представлен на рис. 72: 11. Он представляет собой песчаниковый отщеп, зауженный двумя сходящимися к его дистальному концу обломами, продолжением которых являются выемки, фланкирующие короткое шиповидное острие. Образец широкоугольных плоских острий, оформленный на сланцевом отщепе,

изображен на рис. 72: 9. Следует отметить, что острие одного из орудий этой второй группы имеет двустороннее противолежащее оформление наподобие изделий типа *bes burinant alterne*.

Комбинированные орудия (6 экз.). Два песчанниковых изделия представляют собой сочетание зубчатого края с угловым скребком (рис. 72: 10), а два кремневых являются небольшими массивными боковыми скреблами, на дистальных концах которых оформлены дополнительно либо клетонская выемка, либо короткий шип. К комбинированным же формам, видимо, можно отнести два изделия типа «кинсон» из сланца и песчанника. У обоих одна из сторон сложена двумя расположенными под тупым углом гранями, а вторая сплошь оббита идущими от краев к центру снятиями. Помимо продольных краев, несущих следы сильной сработанности, один из них, сланцевый, имеет на дистальном конце долотовидное лезвие, оформленное двусторонней плоской ретушью (рис. 72: 7). У другого же, песчанникового, более грубо обработанного, на одном из продольных краев дополнительно выделен острый выступ типа *bes burinant alterne*.

Разное (1 экз.). Здесь мы опишем своеобразное трехлезвийное орудие. Это очень тонкий (1,0 см) двоякоплоский отщеп листоватого сланца подчетыреугольных очертаний, на дистальном и боковых краях которого посредством двусторонних плоских прикраевых снятий оформлены прямые лезвия (рис. 72: 8). Изготовление его подобно изготовлению орудия типа «цалди»: поверхности спинки и брюшка совпадают с параллельными плоскостями слойков листоватого сланца, благодаря чему предмет приобрел форму тонкой плитки.

Помимо описанных орудий, в индустрии из карманов X_{1-3} найдено еще свыше 80 изделий (мелкие фрагменты неопределимых орудий, сколы и фрагменты) с различными следами подправки, утилизации и естественных повреждений.

Отбойник (1 экз.). Представлен крупной брусковидной галькой с характерными следами износа — выбоинами от ударов. Еще одна небольшая и очень уплощенная песчанниковая галька без следов утилизации могла быть скорее заготовкой для орудия (?).

4.4.3.2. Второй ашельский уровень (карманы R и R_1). Второй (сверху вниз) ашельский уровень в темной галерее представлен переотложенными находками из заполнения карманов (R и R_1). Переотложение их произошло в ашельское время и потому заполнение этих карманов, или линз, содержит только ашельские артефакты из слоев 5А-Б и из верхней половины слоя 5В (рис. 64). За все годы в этих карманах найдены всего 52 предмета, включая 12 орудий.

Чопперы (1 экз.) Это крупное орудие (13,5×7,1×8,5 см) оформлено на песчанниковом валуне, служившем первоначально ретушером. Чоппер является боковым, но своеобразен по оформлению. Рабочий участок ограничен и представляет собой резко выступающее, выделенное выемками и дополнительно подправленное ретушью массивное лезвие, угол которого составляет около 75° (рис. 73). Допустима, хотя и менее

обоснованна, на наш взгляд, трактовка этого орудия в качестве крупного нуклевидного скребка.

Нуклевидные скребки (2 экз.). Они изготовлены на брусковидных песчанниковых валунах (9,5×10,4×4,9 и 8,3×9,7×5,5 см, соответственно) и имеют очень круто или отвесно оббитые рабочие края. У одного орудия этот край прямой и слегка зазубренный, а у другого — округлый, резко выступающий и, видимо, судя по нависающей краевой ретуши, неоднократно подправлявшийся (рис. 74: 6).

Ручное рубило (1 экз.). Небольшое (7,7×5,2×2,6 см) сланцевое, необычайно сильно окатанное, приближающееся по очертаниям к овальному.

Листовидное орудие (1 экз.). Это фрагмент средней части тонкого (1,3 см) и удлиненного сланцевого орудия с частичной двусторонней обработкой. Обе стороны его уплощены, а края приострены крупной стесывающей ретушью (рис. 74: 3).

Скребла (2 экз.). Одно сланцевое, тонкое (1,1 см) с боковым рабочим краем (рис. 74: 4) и одно песчанниковое, массивное (7,6×6,1×3,1 см), с грубой пологой брюшковой ретушью по продольному краю и — отчасти — по поперечному (угловатое скребло?) (рис. 74: 5). Левый край несет легкую ретушь утилизации.

Выемчатые формы (2 экз.). Представлены маловыразительными предметами с небольшими клетонскими выемками.

Клювовидные изделия (1 экз.). Это миниатюрная проколка, выделенная клетонскими выемками на сургучно-красном кремневом отщепе (рис. 74: 1).

Комбинированные изделия (2 экз.). Первое представляет собой сочетание лезвия скребла с двумя клювовидными остриями, выделенными с помощью выемок и ретуши на углах небольшого сланцевого отщепа (рис. 74: 2). Второе соединяет клетонскую выемку на дистальном конце небольшого песчанникового отщепа и два примыкающих к нему угловых клюва.

Помимо описанных орудий здесь, как и в других ашельских уровнях, имеется группа предметов (около 10 экз.) со следами некоторой подправки или утилизации. Интересно, что в этой небольшой коллекции доля орудий столь же высока (23 %), как и в заметно более крупных коллекциях из других уровней.

4.4.3.3. Третий ашельский уровень (слой 5А-Б). Как уже говорилось выше, коллекции из ашельских уровней 5А и 5Б рассматриваются совместно, так как в ряде случаев (особенно в раскопах 1980 и 1983 гг.) в процессе раскопок не удавалось четко расчленить эти литологические подразделения, и находки из них изначально шифровались под индексом 5А-Б. Слой 5А-Б разбирался 5—6 условными горизонтами мощностью в 5—10 см, что позволило установить увеличение числа находок сверху вниз. В то же время, как и во всей толще ашельских отложений в целом, количество их уменьшалось по мере продвижения вглубь галереи: на двухметровом участке раскопа 1978 г. было встречено 210 артефактов, а на таких же по протяженности участках 1980 и 1983—1984 гг., соответственно, — 163 и 62. Из 435 находок в этом уровне к орудиям отнесено 131 изделие, или 30,1 %.

Чопперы (2 экз.). Первый, имеющий форму толстого кружка колбасы (средняя часть удлиненной округлой гальки, расслонившейся по двум параллельным плоскостям) приострен тремя сколами под углом 45—50°. Второй является классическим образцом крупных (13,5×13,0×5,9 см) и тяжелых (более 1,6 кг) орудий такого рода (рис. 75: 2). Мощное выпуклое рубящее лезвие его оформлено на брусковидном валуне темно-зеленого кремнистого сланца посредством четырех-пяти крупных снятий, сколотых с одной из сторон бруска под углом 60—70°. С другой стороны это лезвие имеет участок с мелкой плоской ретушью — результатом подправки или утилизации.

Нуклевидный скребок (1 экз.). Удлиненный брусковидный валун, на одном из узких концов которого мелкими сколами и ретушью, наложенными под углом 80—90°, оформлен прямой рабочий край. Имеются характерные для скребков макроследы износа рабочего края.

Ручные рубила (6 экз.). Они изготовлены из сланцевых (2 экз.) и песчаниковых (4 экз.) отщепов, включая один полукраевой, и отличаются небольшими размерами (7—10 см). Одно песчаниковое орудие демонстрирует начальную стадию оформления. Еще три песчаниковых рубила оббиты частично и довольно грубо, что, возможно, также говорит о незавершенности обработки. Самое мелкоразмерное из них можно отнести к коротким миндалевидным (рис. 75: 1), а два другие напоминают лиманды. Наиболее интересен лиманд, одно из лезвий которого изогнуто в виде буквы «S» (*limande à arête torse*) (рис. 76: 1). Сланцевые орудия имеют более совершенный и законченный вид, но форма одного из них, частичного, не очень ясна из-за облома дистальной части. Лучшим образцом является рубило средних размеров (9,8×7,2×3,4 см) и подтреугольных очертаний, с несколько массивной базальной частью и гладкой площадкой в основании. Оно характеризуется почти сплошной плоско-выпуклой отделкой сторон. Один из продольных краев приострен ретушью, обработка же другого не слишком удалась, ибо последнее крупное снятие слишком глубоко врезалось в сланцевую породу и, не преодолев спайность выпшележащих слоев, заломилось, образовав ступенчатую выемку (рис. 76: 2).

Рубильца (3 экз.). Два из них представляют незавершенные, лишь грубо намеченные орудия миндалевидной и удлиненно-миндалевидной формы, для изготовления которых использовали сланцевый краевой отщеп и сланцевую же расколотую гальку. Наиболее совершенный вид имеет третье — небольшое (5,8×3,9×2,3 см) плоско-выпуклое орудьице сердцевидных очертаний со слегка асимметричным дистальным концом. Изготовлено оно на сланцевом отщепе, небольшие участки спинки и брюшка которого не были срезаны при двусторонней обработке. Последняя, однако, приостряет лезвие по всему периметру этого рубильца (рис. 77: 1).

Листовидное орудие (1 экз.). Небольшой, узкий и тонкий (4,9×2,9×0,9 см) фрагмент дистальной части двоякоплоского сланцевого изделия.

Лимас (1 экз.) — белокремневый, резко горбовидный, с заметными следами износа более прямого лезвия (рис. 78: 1).

Скребла (53 экз.). Изготовлены из различных сланцев, преимущественно кремнистых (27), кремней (16) и песчаников (10). Около трети сланцевых скребел, сделанных из наиболее слоистых и листоватых разновидностей сланцев, имеют двоякоплоское сечение. Что касается кремня, то отмечены светло-серые (8), красноватые (3) и черные (5) разновидности этой породы. Два необычно крупных предмета из светло-серого кремня, по всей видимости, принесены издалека. Остальные же кремневые скребла — мелкоразмерные и, скорее всего, изготовлены из местного сырья. Песчаниковые скребла выделяются крупными размерами и более примитивным видом.

Из 53 скребел 42 экземпляра (80 %) являются однолезвийными. Преобладают простые боковые скребла (34 экз.). Поперечные представлены шестью экземплярами. Особо отметим наличие в коллекции однолезвийных скребел из слоя 5А-Б темной галереи двух образцов, напоминающих выделенные ранее «геометризованные» формы таких орудий из верхних уровней в центральной камере и в других частях пещеры. Рабочие края 20 скребел всех разновидностей являются в разной, но в основном в незначительной степени выпуклыми, прочие же имеют более или менее прямой и иногда зубчатый край. Выемчатое лезвие имеет лишь одно песчаниковое скребло. Брюшковые скребла единичны. Двулезвийные скребла (11 экз.) включают 2 боковых, 4 конвергентных и 5 угловатых.

В целом здесь не прослеживается стремление придать скреблам какие-либо стандартизованные формы. В то же время, треть их, по меньшей мере, изготовлены на пластинчатых отщепах с обушками — натуральными или в виде крутой грани и облома. Большинство скребел, включая и двулезвийные, оформлены скудной краевой, чаще всего однорядной ретушью. Порой ретушь эта является пологой и формирует скорее не скребущий, а режущий край.

Наиболее выразительны и разнообразны по своему типу и оформлению 16—17 скребел. Таковы, прежде всего, четыре кремневых скребла. Два из них, изготовленных на массивных отщепах светлого, по-видимому импортного, кремня относятся к типу полуклина и отличаются сильным износом лезвий (рис. 77: 4, 6). Два других, краснокремневых, имеют небольшие размеры и сильный износ крутых лезвий, предполагающий сильную редукцию. Возможно, интенсивная обработка и утилизация этих орудий объясняется высоким качеством кремневого сырья, из которого они сделаны. Среди сланцевых скребел, однако, также имеются отдельные хорошие образцы. Настоящим шедевром является крупное боковое выпуклое скребло с обушком, изготовленное на краевом отщепе глинистого сланца. Его лезвие идеально приострено и выровнено с помощью полукрутой чешуйчатой ретуши (рис. 77: 8). Выразительны также несколько скребел из кремнистого сланца — как поперечные (рис. 77: 3), так и боковые (рис. 77: 5). Более примитивный вид имеют наиболее характерные об-

разцы массивных скребел из песчаника — поперечное и боковое (рис. 77: 2, 7). Острый дистальный конец бокового скребла дополнительно приострен крупным желобчатым снятием со стороны брюшка. Вновь обратим внимание на «геометризованные» скребла с усечением и подтеской концов (рис. 78: 5, 7). Что касается двулезвийных скребел, то среди них меньше выразительных форм. Наиболее интересны угловатое светлокремневое скребло (рис. 78: 2) и своеобразное крупное (8,6×8,0×2,0 см) скребло с противолежащими лезвиями — прямым и выпуклым, оформленными на плитке листоватого сланца (рис. 78: 9). Лезвия эти сходятся на углу плитки наподобие резцевидного клюва (*bes burinant alterne*).

Скребки (10 экз.). Восемь — кремнисто-сланцевые и два — песчаниковые. На первый взгляд, они выглядят разнокалиберными, сделанными без какого-либо определенного замысла на случайных сколах или их фрагментах. При более внимательном рассмотрении, однако, их можно разделить на группы, являющиеся прообразом, по крайней мере, двух моделей более поздних мустьерских форм — массивных округлых скребков и плечиковых (*à museau* и *à épaulement*). Имеются здесь также обычно встречающиеся в мустье плоские, атипичные скребки. Встречено два образца округлых массивных скребков, из которых наиболее выразителен массивный (5,2×4,6×2,3 см) округлый скребок из кремнистого сланца со следами сильного износа краев (рис. 78: 8). Плечиковые скребки представлены пятью экземплярами (четыре одноплечиковых и один двухплечиковый). Хорошими образцами одноплечиковых являются песчаниковый и кремнисто-сланцевый скребки, узкий рабочий край которых фланкирован с одной стороны клетонской выемкой, а с другой обломом (рис. 78: 3, 4). У песчаникового двухплечикового скребка (*à museau*) рабочий край выделен двумя выемками с обеих сторон (рис. 78: 6). Помимо указанных форм, в коллекции имеются один двуконечный скребок и два атипичных плоских скребка.

Выемчатые орудия (13 экз.) изготовлены из сланцев (9), кремня (2) и песчаника (2). Все выемки являются клетонскими. Девять экземпляров оформлены на небольших фрагментах довольно массивных сколов, а три — на продолговатых отщепках. Среди первых интересны три выемчатых орудия, имеющие «геометризованные» очертания: четырехугольный с двумя — боковой и концевой — крутыми выемками (рис. 79: 2) и два треугольных с более пологой концевой выемкой (рис. 79: 1). Два изделия на продолговатых сколах имеют широкие клетонские выемки в дистальной части одного из продольных краев и отчасти напоминают орудия, выделяемые обычно под названием «bill-hook» («крюковидный клюв»). Клетонская выемка на этих двух орудиях соседствует с концевым обушком — натуральным, в виде облома или площадки (рис. 79: 3, 5).

Зубчатые орудия (4 экз.). Представляют собой орудия с продольными крупнозубчатыми лезвиями, которые, как кажется, были сделаны специально. Кроме них имеются многие десятки предметов с двумя-тремя небольшими выемками или с мелкой зубчатостью, что от-

ражает, вероятно, утилизацию или вытаптывание пола и залегание в щебенчатых осадках.

Клювовидные орудия (16 экз.). Как и в других описываемых ашельских коллекциях пещеры, включают предметы с выступами-остриями или шипами, фланкируемыми выемками, обломами или ретушью. Выделяемые элементы могут быть подразделены: 1) на широкие и плоские выступы (угол схождения краев более 90°; фланкирующие выемки — неглубокие и пологие; рабочий элемент-выступ имеет скорее лезвийный, режущий, чем колющий характер); 2) острые и часто массивные острия (угол схождения образованных выемками краев меньше 90°; выемки крутые и глубокие); 3) короткие и узкие выступы типа шипов и проколов (угол схождения 40—50°; выемки глубокие, но небольшие); 4) резцевидные клювы-кромки типа *bes burinant alterne* (углы схождения варьируют; выделяющие рабочий элемент выемки, обломы или ретушь — противолежащие). Клювовидные изделия первого варианта (5 экз.) в данной коллекции наиболее крупные и изготовлены в основном из песчаника (4), а в одном случае — из кремнистого сланца. Орудия с массивными остриями (4 экз.) имеют меньшие размеры и делались в равной мере как из песчаника (2), так и из кремнистого сланца (2). Короткие шипы, или проколки (4 экз.), оформлены на наименьших по размеру заготовках — трех кремнисто-сланцевых и одной кремневой. Из трех резцевидных клювов два сделаны из сланца, а один — из песчаника. Приводим изображения наиболее характерных клювовидных форм первого варианта (широкие плоские острия) (рис. 79: 7, 10), второго (массивные острия) (рис. 79: 8, 9), третьего (шипы-проколки) (рис. 79: 6) и четвертого (резцевидные клювы) (рис. 79: 4).

Долотовидные орудия (2 экз.). Это удлиненные песчаниковые отщепы, дистальный конец которых (рис. 81: 3) или угол на этом конце приострены плоской чешущатой ретушью.

Комбинированные орудия (14 экз.). Как и в ашельском инвентаре из других частей пещеры, они совмещают на одном предмете два или более орудийных элемента, которые либо соседствуют друг с другом, либо разобщены. Обычно сочетаются скребла, скребки, клювы, зубчатые лезвия и выемки. Последние, впрочем, могут иногда выполнять вспомогательную или аккомодационную функцию. Среди сочетаний разных элементов чаще всего представлены скребла + клетонские выемки (6 экз.) (рис. 80: 3) и скребла + концевые клювы (3 экз.) (рис. 80: 1). В единичных экземплярах встречаются поперечное скребло, выделенное двумя выемками, + клюв (рис. 80: 4); концевой скребок, фланкируемый выемками, + брюшковое скребло + участок зубчатого лезвия (рис. 80: 5); два скребковых выступа на брюшке отщепка + две клетонские выемки (рис. 80: 7); скребок + клювовидное острие, разделенные клетонской выемкой; выпуклое скребло на крупном полукруглом сланцевом отщепе с широким, но плоским клювовидным выступом и приострением одного из участков края со стороны брюшка скола (рис. 80: 6).

Разные (4 экз.). Сюда отнесены необычные орудийные формы. Первое из них представляет собой крупный

фрагмент массивного песчаникового отщепа с тремя поперечными парарезцовыми сколами, наложенными под углом на дистальный конец-облом предмета и словно бы призванными приострить этот конец (рис. 81: 2). Второе изделие является массивным краевым песчаниковым отщепом, один из продольных краев которого обработан лицевой ретушью (скребло?), а дистальный конец оббит с двух сторон подобно чоппингу с выделенным острием (рис. 81: 4). Третье — это небольшой короткий и массивный кремнисто-сланцевый отщеп с узким лезвийным участком, выделенным на левом крае двумя лицевыми выемками. Благодаря крутой желобчатой подтеске с противоположной стороны участок этот сильно приподнят над плоскостью брюшка (рис. 80: 2). Четвертое изделие заслуживает особого внимания. Это так называемый топор типа «цалди» — оригинальное пластинчатое орудие в форме тесака с частично обломанной в древности «рукоятю» (рис. 81: 1) — яркий образец искусного расщепления крупной отдельности сланца с плоскопараллельной структурой. Строго следуя листоватому строению породы, мастер сумел получить очень длинную и широкую пластину (21,6×8,1×1,5 см). Приострение одного из ее продольных краев и оформление рукояточной части позволило, по всей видимости, использовать этот предмет в качестве крупного ножа. К настоящему времени сланцеватая порода сильно выветрилась, края крошились и на них хорошо видна листоватость данного сырья. Два сланцевых орудия такого же облика были обнаружены грузинским археологом А. Н. Каландадзе в ашельском слое расположенной поблизости пещеры Цона. Ввиду уникальности подобной орудийной формы, он с полным основанием присвоил ей наименование «ручной топор цонского типа», или «цалди», поскольку это орудие напомнило ему называемые этим словом грузинские железные ножи для подрезки виноградных лоз [Каландадзе 1969].

Помимо описанных орудий, в инвентаре слоя 5А-Б, как и в других рассматриваемых здесь коллекциях, имеются фрагменты неопределимых орудий и множество (более 100 экз.) сколов и обломков с выщербинами и псевдоретушью, возникшими в результате работы и естественных повреждений. Есть и предметы со следами искусственной, как кажется, но крайне незначительной подправки. Отметим здесь и наличие необработанных, но отчасти использованных и явно намеренно принесенных галек.

Отбойники (1 экз.). Это мелкий песчаниковый валун с характерными следами от ударов на одном из узких концов.

Отбойники-ретушеры (1 экз.). Представлены крупной песчаниковой плоско-выпуклой галькой со следами от ударов на обоих более узких концах и «сыпью» из мелких лунок — на выпуклой стороне.

Манупорты (4 экз.). Это три крупные песчаниковые гальки и половина четвертой, меньшего размера, но тоже песчаниковой, которые не имеют видимых следов использования. Их могли приносить как потeciальные отбойники и ретушеры или просто как сырьевой запас.

4.4.3.4. Четвертый ашельский уровень (слой 5В). Индустрия базального ашельского уровня 5В темной галереи характеризует начальный этап ее заселения человеком. Согласно размещению находок в плане, в период формирования этого слоя, в отличие от слоя 5А-Б, исследованный раскопками участок этой галереи использовался более-менее равномерно, исключая пятую от ее устья линию метровых квадратов, где было обнаружено лишь 26 изделий (5,7 % всех находок в слое 5В). Заметим, что этот участок дал наименьшее число находок и в вышележащем уровне 5А-Б (29 экз., или 6,7 %).

Из 459 изделий, встреченных на раскопанном шестиметровом отрезке галереи, 134 (29,2 %) изготовлены из песчаника, 252 (54,9 %) — из различных сланцев. 62 (13,5 %) — из кремней. Имеется и импортное сырье: 8 андézитовых изделий и одно обсидиановое. Два предмета сделаны из местного известняка. К орудиям отнесены 112 изделий, или 24,4 % всех находок в этом слое.

Чопперы (1 экз.). Орудие оформлено на крупном (10,3×13,4×5,7 см) брусковидном песчаниковом валуне посредством четырех крупных снятий. Сильно выпуклый рабочий край имеет в плане вид ломаной линии (рис. 82: 2).

Чоппинги (2 экз.). Первый изготовлен на крупном и массивном (8,8×10,3×3,8 см) полукраевом песчаниковом отщепе, имеющем форму полуоткрытого веера. Дуговидный край «веера» оббит серией крупных альтернативных снятий и подретуширован с одной из сторон. Подретушовка эта не смогла, однако, выпрямить рабочий край в профиль (рис. 82: 1). Второе орудие, оформленное на плитчатом фрагменте крупной, сильно слоистой гальки кремнистого сланца, можно определить как чоппинг с выделенным острием. Рабочий край этого орудия смят заломами и заметно окатан.

Нуклевидные скребки (3 экз.). Все изготовлены из крупных брусковидных отдельностей кремнистых в разной степени сланцев. Двум из них, сделанным из более плотной породы, с помощью отвесных обрубков придана форма прямоугольного параллелепипеда. Размеры их — 10,0×7,8×6,4 и 10,1×7,2×5,1 см, а вес — 0,7 и 1,0 кг, соответственно. На продольных гранях меньшего из них заметна ретушь утилизации, а на одной из торцовых граней обонх — макроследы интенсивного одностороннего износа. Особенно значительны следы износа торцового края у меньшего образца: короткие фасетки с заломами, плотно налегающие здесь друг на друга, придали этому краю ступенчатый характер и изменили общий угол заострения его прикромочной части, превратив его в отрицательный — 105—110°. Столь сильное изнашивание кромки свидетельствует, видимо, об интенсивной работе по очень твердому материалу (рис. 83: 2). Третий, наименьший нуклевидный скребок (8,3×6,8×4,4 см), сработанный из менее качественной породы — мелкослоистой и трещиноватой, носит следы сильной деформации краев на большей половине их периметра (заломы, выкрошенность, называемая ретушь утилизации). В результате столь сильного износа орудие даже приобрело слегка округлые очертания.

Все бифасиально обработанные орудия со сходящимися продольными лезвиями (11 экз.) из данного базального ашельского слоя (проторубило, ручные рубила, рубильца, листовидные орудия), независимо от использованного сырья, кажутся сделанными неумело или небрежно. Это, возможно, объясняется тем, что у первых ашельских обитателей пещеры еще не доставало умения обрабатывать местное посредственное сырье.

Проторубило (1 экз.). Наиболее крупное (12,5×11,6×6,6 см) из орудий подобного рода, изготовленное (или изготавливавшееся, если считать его полуфабрикатом) на крупном песчаниковом валуне. Оно оббито лишь частично с помощью немногочисленных крупных снятий. Дистальный конец его, однако, закруглен, а продольные лезвия более или менее выровнены и кое-где подправлены ретушью (рис. 83: 1). О том, находился ли этот предмет на стадии черновой оббивки или приобрел уже законченный вид, мог судить только его изготовитель. На наш взгляд, валун-заготовка не был предварительно утончен, а потому чрезмерная его толщина могла препятствовать дальнейшей обработке этого рубила.

Ручные рубила (4 экз.). Орудия небольших размеров (< 10,5 см), три из которых сделаны из сланца, а одно из песчаника. Два сланцевых представлены крупными фрагментами — дистальным и базальным. Оббивка всех, а в особенности песчаниковых, груба и примитивна. Относительно последних можно, видимо, предполагать незавершенность отделки. Лучшим образцом является частичное ручное рубило ((10,2)×6,6×3,5 см) неправильно подсердцевидных очертаний, дистальный конец которого утрачен в древности. Спинка исходного отщепа-заготовки почти не получила дополнительной подправки, исключая его проксимальную часть, но с брюшковой стороны край приострен по всему периметру. Несколько более крупное частичное рубило из песчаника имеет неправильно подовальную форму: один край является выпуклым, другой — почти прямым.

Рубильца (4 экз.). Это мелкие (5—6 см) двусторонне обработанные орудия: два сланцевых, одно кремневое и одно обсидиановое. Лучшее из сланцевых — двоякоплоское, тонкое (6,0×3,6×1,2 см), оформленное немногочисленными плоскими стесами (рис. 84: 2). Кремневое — подсердцевидное, частичное — сделано довольно неуклюже. Наибольший интерес, конечно, вызывает сильно патинированное обсидиановое рубильце (4,8×8,5×1,7 см) в форме удлиненного зауженного лиманда с плоско-выпуклым сечением (рис. 84: 1). Оба конца его не острые, а в разной степени закругленные. Орудие оформлено небольшим количеством снятий и практически не имеет дополнительной ретушной подправки. Выступающие края и ребра изделия слегка оглажены и даже отчасти выкрошены.

Листовидные орудия (2 экз.). Одно изготовлено из слоистого кремнистого сланца, второе — из глинистого сланца. Первое, утратившее, как кажется, лишь самый кончик, — длинное, узкое и тонкое (8,5×3,2×1,3 см). Второе, сохранившееся полностью, чуть короче, шире и массивнее (7,2×3,7×2,1 см). Оба они дают представление о подлинном виде орудий такого типа, встречаемых в других частях пещеры, как правило, лишь в виде об-

ломков. Кремнисто-сланцевый образец изготовлен, видимо, на краевом сколе с гальки. Верхняя сторона его грубо подретуширована по краям, а нижняя сплошь, хотя и неровно стесана плоскими снятиями (рис. 84: 3). Изделие из глинистого сланца имеет сходную отделку нижней стороны, ограничение же верхней отчасти, как кажется, сохранило рельеф спинки исходного скола-заготовки (рис. 84: 6).

Лимас (1 экз.). Типичный, белокремневый, оформленный по всему периметру ретушью типа *surlevée* (рис. 85: 1). Дистальный конец его — острый с выделенным двумя выемками клювом, а базальный слабо закруглен. Размеры этого орудия — 4,4×2,0×2,0 см. Использованное сырье, а возможно, и сам лимас имеют, скорее всего, неместное происхождение.

Скребла (27 экз.). Включают 12 сланцевых, по 7 песчаниковых и кремневых изделий и одно андезитовое. Преобладают однолезвийные скребла — 24 изделия: 20 боковых, 3 поперечных и одно бифасиальное.

Однолезвийные скребла оформлены на разнообразных сколах (при некотором предпочтении удлиненных и обушковых). Отделка их, в общем, довольно посредственная: ретушь краевая, нередко пологая и прерывистая или, в случае песчаниковых скребел, грубоватая, небрежная. Лучшей отделкой отличаются несколько кремневых и кремнисто-сланцевых образцов. Гораздо более совершенны в этом отношении все три двулезвийных скребла — два конвергентных из кремня и кремнистого сланца и одно угловатое из кремнистого сланца, оформленные ретушью полукрутой и крутой, многорядной и в основном распространенной. Приводим изображения лучших образцов скребел: трех однолезвийных — песчаникового (рис. 84: 9), кремнисто-сланцевого (рис. 84: 4) и сланцевого (рис. 84: 7), двух конвергентных — белокремневого с усеченной в древности бугорковой частью исходного скола с целью придания прямоосности лезвиям (?) и с сильным износом рабочих краев (рис. 84: 8) и весьма удлиненного, но массивного (толщина — 1,7 см) кремнисто-сланцевого скребла-острия (рис. 84: 5), а также угловатого с прямыми, сходящимися под острым углом лезвиями (рис. 85: 8). Обратим внимание также на единственное в данной коллекции однолезвийное выпукло-вогнутое скребло с бифасиальным оформлением рабочего края, подвергшегося затем довольно сильному износу (рис. 85: 13).

Скребки (12 экз.). 10 сланцевых и по одному из песчаника и кремня. Они разнокалиберны и не стандартизованы, но, как и в других частях пещеры, здесь все же прослеживаются массивные концевые формы (7), массивные подокруглые (1), а также плечиковые скребки с лезвием, фланкированным одной или двумя выемками (3). Наиболее выразительные образцы массивных концевых скребков изображены на рис. 85: 3, 4, массивный подокруглый скребок — на рис. 85: 6, двуплечиковые скребки — на рис. 85: 5. Имеется также атипичный плоский скребок округлой формы (рис. 85: 2).

Выемчатые орудия (15 экз.). Большинство их (10 экз.) оформлены на сланцевых заготовках, два — на песчаниковых и три — на кремневых. Все они сделаны

на отщепях мелких и средних размеров. 13 выемок являются клектонскими, 2 — ретушированными. По расположению на сколах-заготовках подразделяются на концевые (7), боковые (6) и поперечные (2). Выемки варьируют по глубине, ширине и крутизне вреза. Наиболее показательны пять образцов клектонских концевых анкошей — три кремневых (рис. 85: 7, 12), один песчаниковый (рис. 85: 10) и один сланцевый (рис. 85: 11). Изображаемый образец ретушированных выемок относится к концевым (рис. 85: 9).

Зубчатые изделия (5 экз.). Включают два песчаниковых и три сланцевых предмета.

Клювовидные изделия (17 экз.). Изготовлены из разнообразного сырья: 10 — сланцевые, 3 — песчаниковые, 3 — кремневые и 1 — андезитовое. Как обычно, они представляют собой набор инструментов типа проколов, шильев, разверток, коротких шипов или широких заостренных выступов, выделенных двумя одно-сторонними или противоположными выемками, обломами или же выемкой с одного края и обломом с другого. Эти формы очень варьируют по размерам, степени заострения и массивности клювовидных выступов. Преобладают мелкие орудия (13), к крупным можно отнести лишь 4 таких изделия. Первые включают пять орудий с остриями, выделенными ретушью и выемками (рис. 86: 1, 2), пять подобных острий, выделенных противоположными выемками (рис. 86: 3), и одно своеобразное, выделенное, в отступление от принятых приемов оформления клювовидных острий, не выемками, а приострением узкого дистального конца отщепа с помощью плоской лямеллярной ретуши. Эта ретушь наложена поперек оси скола, стесывая под углом массивную дистальную часть брюшка (рис. 86: 4). Среди крупных предметов наиболее показательны широкое боковое острие, выделенное двумя клектонскими выемками (рис. 86: 10).

Долотовидные изделия (6 экз.). Изготовлены из сланца и напоминают плоские скребки, но лезвия их имеют более острый угол заточки (20—30°), который предполагает скорее режущую функцию. Они оформлены плоской или пологой ретушью (рис. 86: 7).

Комбинированные орудия (13 экз.). Это разнообразные формы с двумя или — реже — тремя рабочими элементами, представляющие собой сочетания более или менее выраженных скребел, скребков, выемок, клювов и долотовидных подтесок. Среди подобных орудий слоя 5B темной галереи встречены: скребло в сочетании с выделенными выемками клювовидными скребками (*bes-grattoir*) на обоих концах удлиненного кремневого отщепа (рис. 86: 5); двойное скребло с дополнительно оформленным угловым клювовидным скребком (*bes-grattoir d'angle*) (рис. 86: 6); глубокая ретушированная выемка + подтесанное с брюшка долотовидное лезвие (рис. 86: 13); простое боковое скребло высокой формы с боковой выемкой на противоположном крае и подтеской обоих концов массивной заготовки со стороны брюшка (рис. 86: 9); скребло + выделенный противоположными выемками концевой скребок (рис. 86: 12); скребло + небольшой широкий клюв; оформленный противоположными выемками концевой клюв + зубча-

тый продольный край; концевой скребок + широкий клювовидный выступ; два массивных клювовидных острия + широкая боковая выемка; два предмета, сочетающие скребла и клектонские выемки; боковое боушковое скребло + дистальное асимметричное острие (рис. 86: 8); конвергентное скребло в дистальной половине крупного песчаникового отщепа + брюшковая выемка в его базальной части (рис. 86: 14) и, наконец, кремнисто-сланцевый отщеп подпрямоугольных очертаний, трехсантиметровый проксимальный конец которого заострен с двух сторон ретушью подобно долоту, а на углу дистального конца и на части прилегающего к нему продольного края ретушью оформлено скребковое лезвие (рис. 86: 11).

Кроме орудий, вновь отметим наличие необработанных галек, часть которых явно использовались для первичной и вторичной обработки.

Ретушеры (5 экз.). К ним отнесены песчаниковый валун (14,0×11,0×8,8 см), две крупные и одна мелкая галька с большим или меньшим количеством мелких лунок на выступающих участках гладкой поверхности. Пятый предмет, определенный как ретушер, представляет собой небольшой (3,6×2,6×1,2 см) двоякопослойный и округлый в плане сланцевый отщеп с выкрошенными от нажима (?) краями на 3/4 его периметра.

Еще 4 песчаниковые гальки средних и крупных (до 10 см) размеров без следов употребления могли быть принесены с той же целью или же в качестве потенциальных нуклеусов или орудий.

4.4.3.5. Нестратифицированные находки. Помимо стратифицированных, расчлененных по слоям находок, здесь собрана значительная (179 экз.) коллекция предметов, обнаруженных в осыпях мелкозема и обломочника из пяти полученных в разные годы (1961, 1978, 1980, 1983 и 1984) поперечных разрезов толщи осадков галереи. В эту же коллекцию включено небольшое количество находок, встреченных в заполнении узкой и глубокой расселины, расположенной у западной стены пещеры на границе темной галереи с центральной камерой. Осадки, заполнявшие расселину, были сильно карбонатизированы, обесцвечены, что не позволило расчленить их, а также залегавшие в них находки стратиграфически. Таким образом, находки из осыпи и расселины, из которых 30 изделий (16,7%) отнесены к орудиям, рассматриваются нами суммарно. Следует все же отметить, что находки из расселины имеют особую ценность: здесь, как и на других удобных пристенных участках (в восточной галерее, к примеру), встречено небольшое скопление каменных изделий, в числе которых находились три ручных рубила.

Чоппинг (1 экз.). Орудие изготовлено на массивном (8,8×7,0×4,4 см) краевом песчаниковом отщепа. Пятка его, как и одна из сторон, сохранила галечную корку. Прямые продольные края получены отвесными обрубами. На дистальном конце посредством единичных снятий с обеих сторон предмета оформлено узкое (1,5 см), но мощное (толщина в 1,5 см от края — 2 см) долотовидное лезвие (рис. 87: 12). Подобный чоппинг с долотовидным концом был найден в верхнем ашельском уровне (5A-B) южной галереи (рис. 110: 2).

Ручные рубила (3 экз.). Одно изготовлено из черного кремнистого сланца, выветренного, судя по свежей выбоине, на глубину до 2—3 см, второе — из сланца красновато-коричневого цвета, третье — из зеленовато-серого песчаника. Все они оформлены на крупных отщепках и являются частичными. Наиболее правильные очертания и лучшую отделку имеет первое, весьма крупное (15,0×9,1×3,5 см) овальное рубило со скошенной в виде гладкой площадки пяткой и трапецевидным завершением дистального конца (рис. 88: 2). Один из продольных краев его сильно притуплен, поскольку оформлявшие его ретушные снятия не смогли преодолеть сопротивление многочисленных слоев породы и, надламываясь, создали почти отвесный ступенчатый край-обушок. Второй, более тонкий продольный край, напротив, был хорошо приострен несколькими крупными пологими снятиями и кое-где мелкой ретушью. Второе ручное рубило, такой же длины, но более узкое и тонкое (15,0×7,5×3,1 см), является атипичным: один продольный край его выпуклый, другой — выпукло-вогнутый, дистальное острие асимметрично; приострение обоих краев одностороннее, противолежащее, но округлое основание оформлено оббивкой с обеих сторон (рис. 88: 1). Третье рубило, песчаниковое, имеет меньшие размеры и грубоподсердцевидную форму. Обработка его, как кажется, не была завершена.

Рубильце (1 экз.). Орудье изготовлено из листоватого сланца, имеет небольшие размеры (5,8×3,9×1,0 см), сердцевидные очертания и двоякоплоское сечение (рис. 87: 4). Поверхность его сильно выветрена: прослеживаются лишь немногочисленные плоские снятия с обеих сторон.

Листовидные орудия (2 экз.). Наиболее интересен дистальный фрагмент кремнисто-сланцевого двоякоплоского орудия со сплошной обработкой обеих сторон (рис. 87: 3).

Скребла (13 экз.). Набор скребел в этой смешанной коллекции не отличается от набора, встреченного в стратифицированных уровнях. Изготовлены они на разноразмерных отщепках — кремнисто-сланцевых (11 экз.) и песчаниковых (2 экз.). Преобладают, как обычно, однолезвийные формы (9 экз.) — боковые (7 экз.) и поперечные (2 экз.). Двулезвийные скребла (4 экз.) представлены двумя двойными боковыми, угловатым и конвергентным. Приводим изображения наиболее репрезентативных образцов — однолезвийного бокового (рис. 87: 10), угловатого (рис. 87: 2) и двулезвийного бокового (рис. 87: 8). На последнем, песчаниковом, привлекает внимание плоский утончающий брюшковый скол на дистальном конце предмета — прием, изредка встречаемый в данной ашельской индустрии, а также в ашельском инвентаре абхазского местонахождения Яштух.

Выемчатые орудия (4 экз.). Три из них сделаны из сланца, одно — из песчаника. Наиболее выразительны два орудия с клетонскими выемками (рис. 87: 1, 9).

Комбинированные орудия (4 экз.). Два из них — песчаниковые, два — кремневые. Встречены обычные сочетания рабочих элементов: простое скребло + зубчатый край; скребло + выемка; скребло + выемка + конце-

вой скребок. Наиболее интересен последний вариант, представленный двумя кремневыми предметами (рис. 87: 6, 7).

Разные (2 экз.). Сюда отнесены два сланцевых орудия, рабочие элементы которых выделены выемками. У первого выемки фланкируют небольшое лезвие (рис. 87: 5). У второго орудия выемки выделяют широкое массивное острие, что сближает его с некоторыми клювовидными формами. Однако оно уникально тем, что благодаря крутому сколу с обратной стороны острие это расположено под углом около 130° к фронтальной плоскости предмета (рис. 87: 11).

4.4.4. Итоги исследования ашельского инвентаря темной галереи

Как уже говорилось, в ашельских уровнях галереи в общей сложности было найдено 1363 каменных изделия: 238 — в верхнем уровне (карманы X_{1-3}); 52 — в карманах R_{1-2} ; 435 — в слое 5А-Б и 459 — в слое 5В; 179 — в осыпях четырех разрезов и расселине.

Расчленение материалов по слоям позволило сделать важные наблюдения о характере использования сырья. Первоначально при освоении местного сырья предпочтение отдавалось легче поддающимся расщеплению сланцам: в базальном уровне 5В из сланцев изготовлено 54,9 % изделий, в то время как из песчаников лишь 29,1 %. Со временем, по мере, видимо, адаптации к сырому удельный вес песчаниковых изделий повысился до 38,6 % (слой 5А-Б) — 37 % (карманы X_{1-3}). Еще четче эта тенденция проявляется при анализе сколов: в слое 5В песчаник составляет 32 % против 54 % у сланца, а в слое 5А-Б доля их практически одинакова — 43,6 % и 43,7 %, соответственно. Третий же местный компонент — мелкозернистый и трещиноватый кремнь представлен примерно одинаково (около 10 %) во всех уровнях. Сходная динамика использования местного сырья прослежена и на разделенных по слоям материалах раскопа 1986—1987 гг. в южной галерее (см. следующий раздел). Помимо основных разновидностей сырья в темной галерее обнаружено 16 предметов из андезита, 2 — из обсидиана и 4 — из известняка. Экзоты (обсидиан, андезит, а также цветной, чаще всего высококачественный кремнь) зафиксированы в темной галерее в небольшом количестве. Наиболее яркие образцы их встречены как в базальном уровне 5В (обсидиановое рубильце), так и в позднейшем уровне X_{1-3} (крупный краснокремневый остроконечник листовидной формы), что свидетельствует о каких-то непрекращающихся связях с такими южными областями Грузии, как Джавахетия и Имеретия.

Показатели техники расщепления в коллекции темной галереи в целом не имеют существенных отличий от других частей пещеры. Характеристики сколов почти не изменяются от слоя к слою, исключая заметно большее использование в верхних уровнях песчаникового сырья, что фиксировалось и в прочих частях пещеры. Наряду с этим наблюдается устойчивая корреляция с типами сырья. Средняя длина сколов, средняя толщина, доля краевых и полукраевых сколов, средний угол

ударной площадки, распределение вариантов ограничения спинки и другие признаки в каждой сырьевой группе имеют значения, аналогичные или приближенные к установленным для ашельских коллекций из других частей пещеры — в особенности к таковым из центральной камеры и южной галереи. Таким образом, вновь подтверждается единая техническая основа индустрии и чрезвычайно сильное отражение в ней разнокачественности сырья. В темной галерее опять проявляются архаичные черты техники расщепления, характерные для всех анализируемых ашельских коллекций пещеры Кударо I: преобладание скошенных и неподправленных или грубо подправленных ударных площадок, неразвитая подправка поверхностей скалывания нуклеусов, неправильная форма и значительная массивность большинства сколов-заготовок и т. п.

В то же время, обратим внимание на любопытную особенность материалов темной галереи: среди найденных в четырех ее ашельских уровнях весьма немногочисленных нуклеусов (24 экз., или 1,8 % всех находок) почти нет крупных ядрищ, а около трети нуклеусов можно квалифицировать как остаточные. Таковыми, в частности, являются два из четырех ядрищ с радиальной системой снятий. Отметим также, что ординарные одноплощадочные нуклеусы, составляющие в других частях пещеры от 32 % (центральная камера) до 60 % (восточная галерея), достигают здесь лишь 25 %, что означает, соответственно, относительно большую долю многоплощадочных нуклеусов и, следовательно, повышенную редукцию, или степень срабатывания нуклеусов. С другой стороны, явное несоответствие между числом сколов и нуклеусов, а также достаточно крупные размеры многих заготовок предполагают, что основная часть заготовок была принесена в темную гале-

рею извне. Подобная картина отражает, возможно, обитание в условиях неблагоприятного климата, когда люди укрывались в глубине полости, то есть в темной галерее, а заготовкой сырья и частичным расщеплением его вне пещеры занимались лишь эпизодически, что и предопределило более интенсивное срабатывание принесенных ядрищ.

В инвентаре галереи выделено 366 орудий (26,8 % всех изделий). От уровня к уровню удельный вес орудий возрастает: в слое 5B они составляют 24,4 %, в слое 5A-B — 30,1 %, на уровне карманов X_{1-3} — 34,0 %. Иначе говоря, на долю орудий приходится от 1/4 до 1/3 находок каждого уровня, что является чрезвычайно высоким показателем для стоянок любого типа.

Причины этого явления, на наш взгляд, очевидны и уже отчасти названы выше. Извне в пещеру приносили преимущественно сколы-заготовки и нередко, видимо, изготовленные также на стороне орудия. В пещере, судя по всему, производилась, в основном, утилизация сколов-заготовок, а также приострение или переоформление готовых орудийных форм. Малая доля в темной галерее связанных с этим отходов — мелких сколов и чешуек — объяснима тем, что они большей частью вымывались водными потоками в периоды усиления эрозии. В темной галерее, как и в резко наклонной южной галерее, смыв этот был, очевидно, максимальным. В первой из них мелкие сколы и чешуйки составляют всего лишь около 9 % находок, во второй — 10,7 %. В центральной камере этот мелкогабаритный материал представлен чуть лучше — 13,8 %, а в восточной галерее составляет уже большую часть сколов (39,9 %).

Количество и ассортимент орудий во всех ашельских слоях темной галереи представлены в едином списке (табл. 12).

Таблица 12

Состав орудий в каменном инвентаре темной галереи

Наименование	Ашельские уровни				Нестратифицированные находки	Всего
	X_{1-3}	R_{1-2}	5A-B	5B		
1	2	3	4	5	6	7
Чопперы	—	1	2	1	—	4
Чоппинги	—	—	—	2	1	3
Нуклевидные скребки	—	2	1	3	—	6
Проторубило	—	—	—	1	—	1
Ручные рубила:	7	1	6	4	3	21 (5,7 %)
крупные	4	—	—	—	3	
средние:	3	1	6	4	—	
незаконченные	—	—	4	2	—	
фрагменты	—	—	1	2	—	
Рубильца	1	—	3	4	1	9
Листовидные орудия	1	1	1	2	2	7
Остроконечники	3	—	—	—	—	3
Лямасы	1	—	1	1	—	

Продолжение табл. 12

1	2	3	4	5	6	7
Скребла:	29	2	53	27	13	124 (33,8 %)
однолезвийные:	22	1	42	24	9	
боковые	15	—	34	20	7	
поперечные	7	—	6	3	2	
бифасиальные	—	—	—	1	1	
«геометризованные»	—	—	2	—	—	
двулезвийные:	6	—	11	3	4	
боковые	4	—	2	—	2	
конвергентные	1	—	4	2	1	
угловатые	—	—	5	1	1	
трехлезвийные	1	1	—	—	—	
Скребки:	12	—	10	12	—	34 (9,2 %)
концевые	3	—	—	7	—	
одноплечиковые	4	—	4	1	—	
двуплечиковые	—	—	1	2	—	
округлые массивные	—	—	2	1	—	
двуконечные	—	—	1	—	—	
типа «рабо»	1	—	—	—	—	
атипичные (плоские и др.)	4	—	2	1	—	
Выемчатые орудия:	10	2	13	15	4	44 (12,1 %)
клектонские	9	2	10	13	4	
ретушированные	1	—	—	2	—	
геометризованных очертаний	—	—	3	—	—	
Зубчатые	4	—	4	4	—	12
Клювовидные	6	1	16	17	—	40 (11,0 %)
Долотовидные	—	—	2	6	—	8
Комбинированные	6	2	14	13	4	39 (10,7 %)
Разные	1	—	4	—	2	7
Всего:	81 (34,0 %)	12 (23,0 %)	131 (30,1 %)	112 (24,4 %)	30 (16,7 %)	366 (100 %)

Состав орудий повсюду как будто сходен. Бросается, однако, в глаза, что верхний уровень X_{1-3} выделяется наличием группы крупных и наиболее совершенных ручных рубил (рис. 67—69), появлением остроконечников (рис. 71: 1, 2, 6), скребел с утончением корпуса снятиями, произведенными со специально подготовленных на концах ударных площадок (рис. 71: 3), и скребел на пластинчатых заготовках из песчаника (рис. 71: 7, 9). В среднем ашельском уровне 5А-Б зафиксированы скребла «геометризованных форм» (рис. 78: 5, 7) и своеобразное орудие типа «цалди» (рис. 81: 1). На этом фоне орудийный инвентарь нижнего ашельского уровня 5В кажется несколько обедненным. Следует еще раз отметить также, что ручные рубила в нем отличаются грубостью отделки, предполагающей, видимо, недостаточное умение обращаться с местным сырьем.

В целом же набор ашельских орудий из темной галереи, как и в других частях пещеры, имеет довольно развитый облик. Крупные галечные орудия (чоперы, чоппинги, нуклевидные скребки) и ручные рубила составляют лишь десятую часть орудийного инвентаря. Подавляющая же часть его изготовлена на отщепах. Более 1/3 (34,1 %) орудий представлены скреблами, от 9 до 12 % — скребками, выемчатыми и клювовидными орудиями. Ассортимент большинства этих форм — скребел, скребков и, в особенности, клювовидных — весьма разнообразен. Обнаружение во всех уровнях двусторонне обработанных листовидных орудий также говорит о развитости местной ашельской индустрии. Как уже отмечалось ранее, особенности ряда орудийных форм во многом обусловлены, по-видимому, характером местного сырья — порой вязкого и трудно-расщепляемого (валунный песчаник) или слоистого, листоватого (сланец).

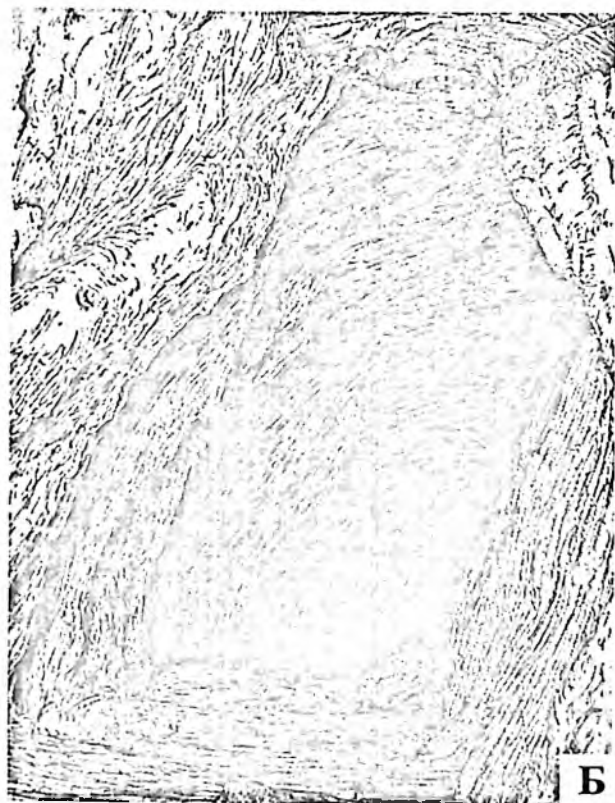
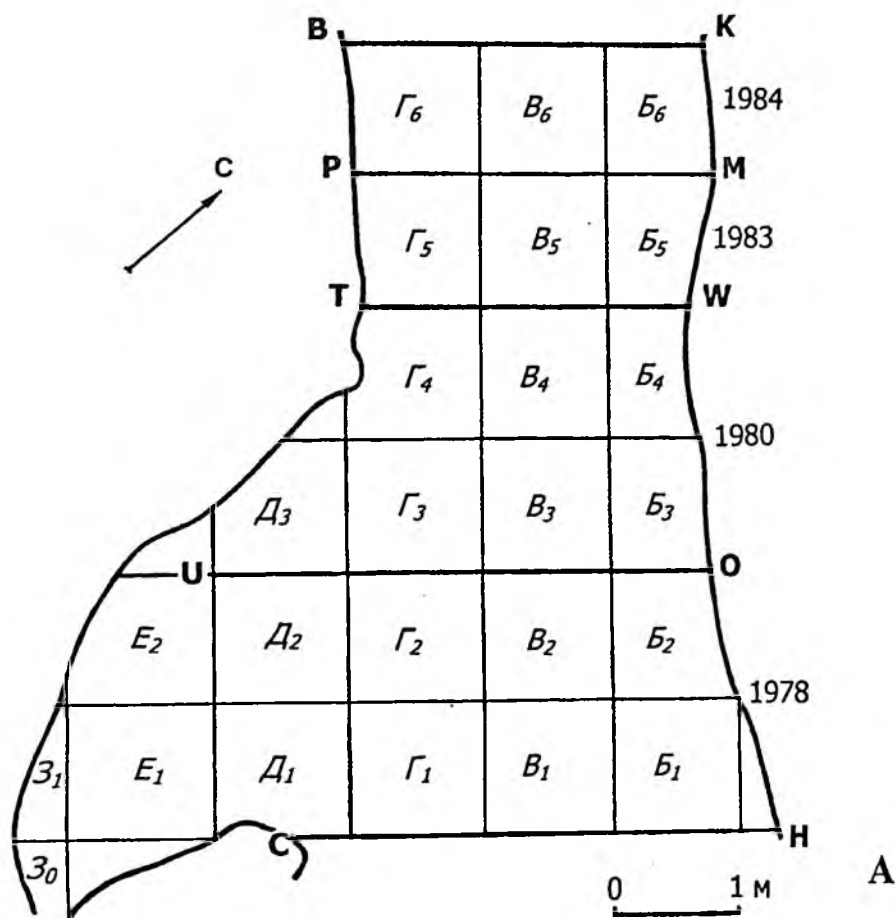

Рис. 62. Кударо I. Темная галерея. А — план раскопанной части галереи с указанием линий поперечных разрезов (В-К и др.); Б — общий вид на галерею со стороны центральной камеры; В — общий вид на раскопанный участок (в глубине — защитная кладка, закрывающая стратиграфический разрез В-К)

Fig. 62. Kudaro I cave. The dark gallery. A — plan of excavated area with indication of fixed transverse sediment sections (B-K etc.); Б — general view of the dark gallery from the central chamber; В — general view of the excavated area (in the depth — a stony wall protecting a stratigraphic profile B-K)

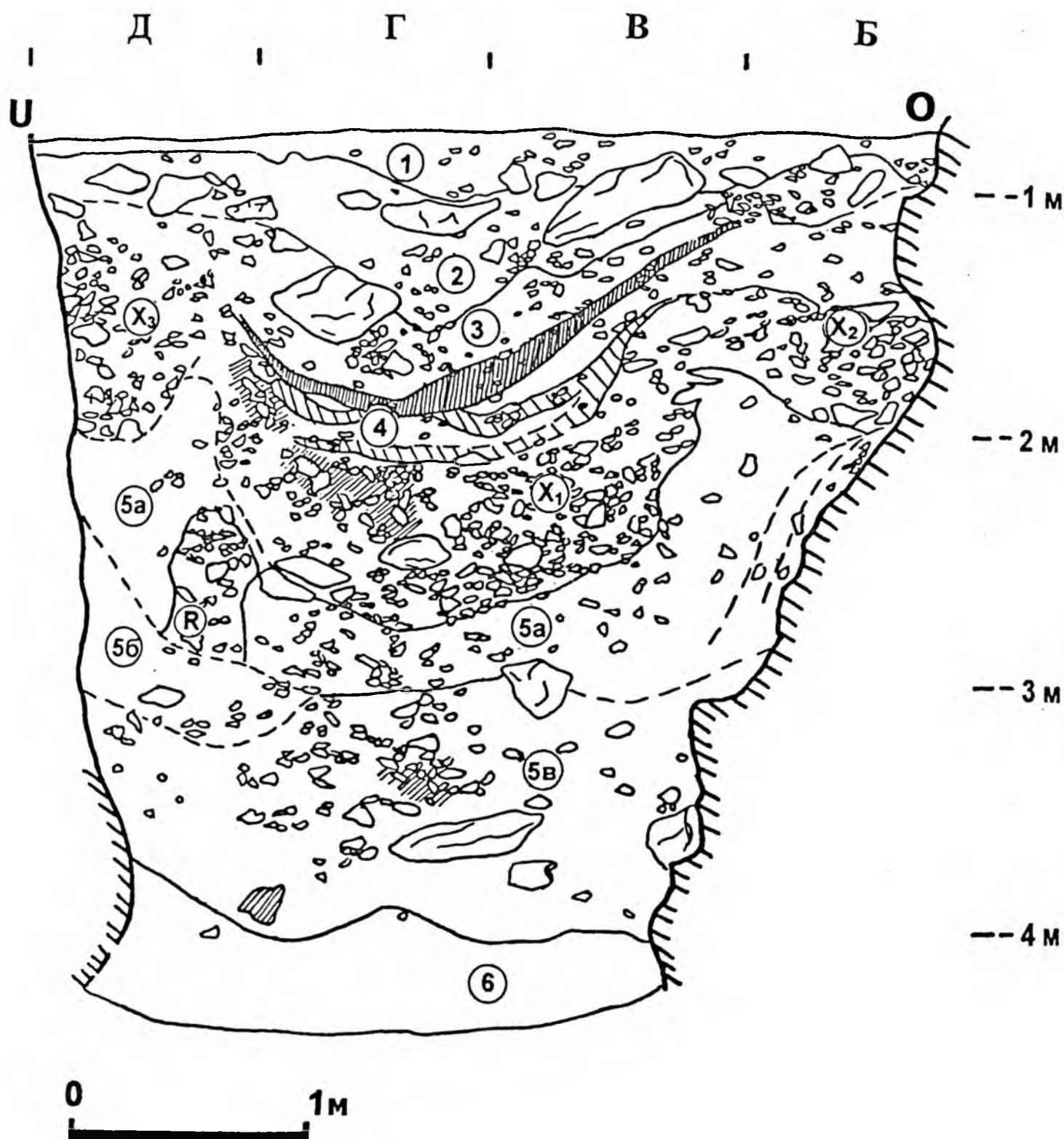

Рис. 63. Кударо I. Темная галерея. Поперечный разрез U-O: 1 — голоценовый слой; 2 — мезолитический (?); 3, 4 — мустьерские; X_{1-3} — карманы, содержащие переотложенные седименты верхней части ашельской толщи; R — карман, содержащий переотложенные ашельские материалы слоя 5A; 5A, 5B, 5B — ашельские слои; 6 — придонная стерильная глина

Fig. 63. Kudaro I cave. The dark gallery. The transverse sediment section U-O: 1 — Holocene layer; 2 — Mesolithic (?); 3, 4 — Mousterian; X_{1-3} — pockets containing redeposited Acheulian sediments of the uppermost level of the Acheulian sequence; R — pocket containing redeposited Acheulian materials of the layer 5A; 5A, 5B, 5B — Acheulian; 6 — basal sterile clay

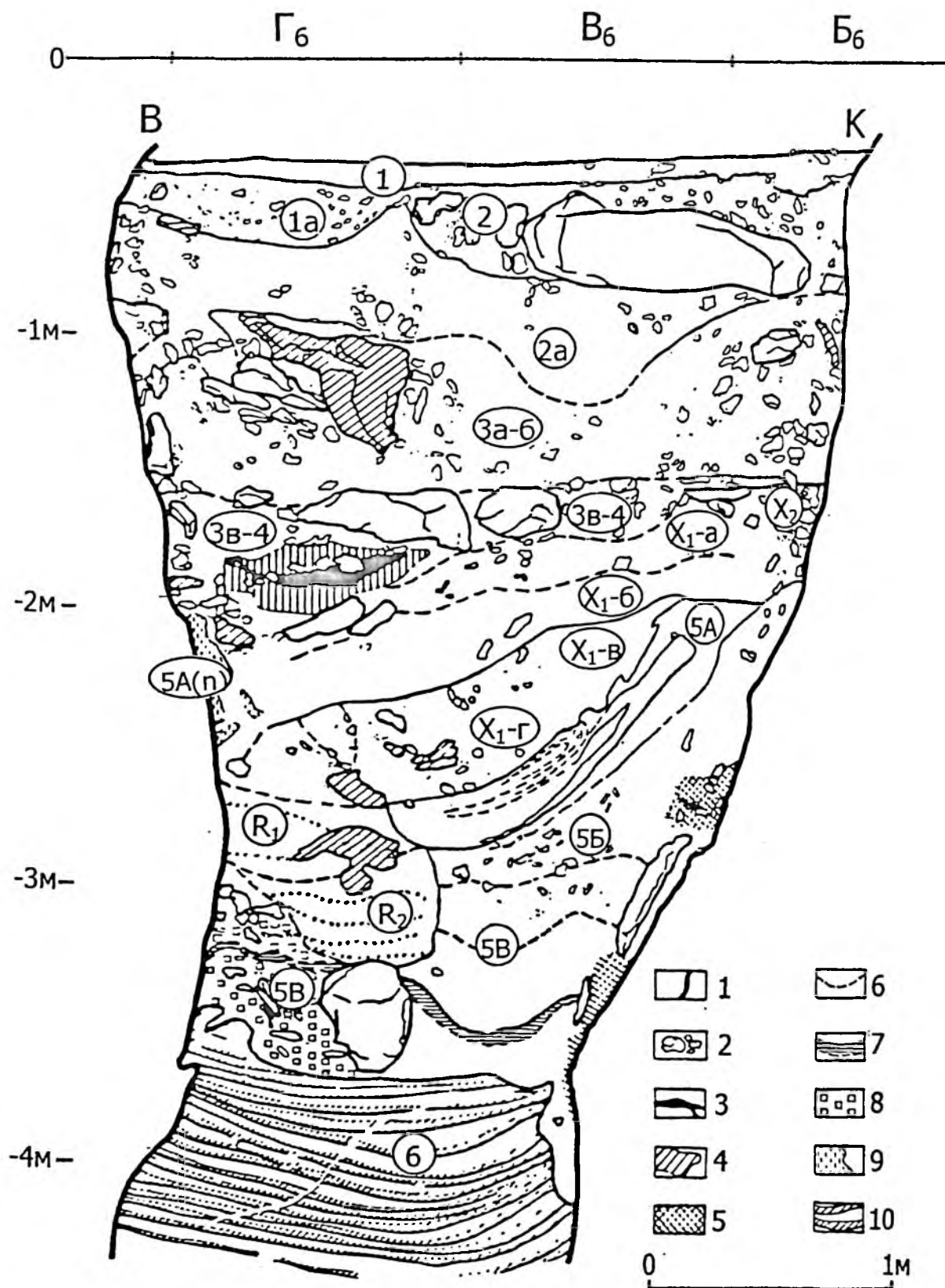

Рис. 64. Кударо I. Темная галерея. Поперечный разрез В-К: 1, 1а — голоценовый слой; 2, 2а — мезолитические (?); 3а-б, 3в-4 — мустьерские; X_{1-a-g} , X_2 — карманы, содержащие переотложенные седименты верхней части ашельской голши; R_{1-2} — карманы с переотложенным ашельским материалом слоев 5А, 5Б и 5В; 5А, 5Б, 5В — ашельские слои; 6 — придонная стерильная глина. Условные обозначения: 1 — скала; 2 — обломки известняка; 3 — очажная линза; 4 — обломки кальцитовых натеков; 5 — участки цементации; 6 — нечеткие границы слоев и горизонтов; 7 — белесоватая прослойка; 8 — ореховатые отдельности; 9 — 5А (п), сцементированный пристенный останец слоя 5А; 10 — ленточные глины слоя 6

Fig. 64. Kudara I cave. The dark gallery. The transverse sediment section B-K: 1, 1а — Holocene layer; 2, 2а — Mesolithic (?); 3а-б, 3в-4 — Mousterian; X_{1-a-g} and X_2 — pockets containing redeposited Acheulian sediments of the uppermost level of the Acheulian sequence; R_{1-2} — pockets containing redeposited Acheulian materials of the layers 5А, 5Б and 5В; 5А, 5Б, 5В — Acheulian; 6 — basal sterile clay. Legend: 1 — rock walls; 2 — limestone debris; 3 — hearth lens; 4 — fragments of flowstones; 5 — brecciated loam; 6 — disputable borders between stratigraphic unites; 7 — whitish streak; 8 — phosphatic nodules; 9 — 5А (п), located along the rock the wall brecciated erosion remnant of the layer 5А; 10 — clayey bands in the layer 6

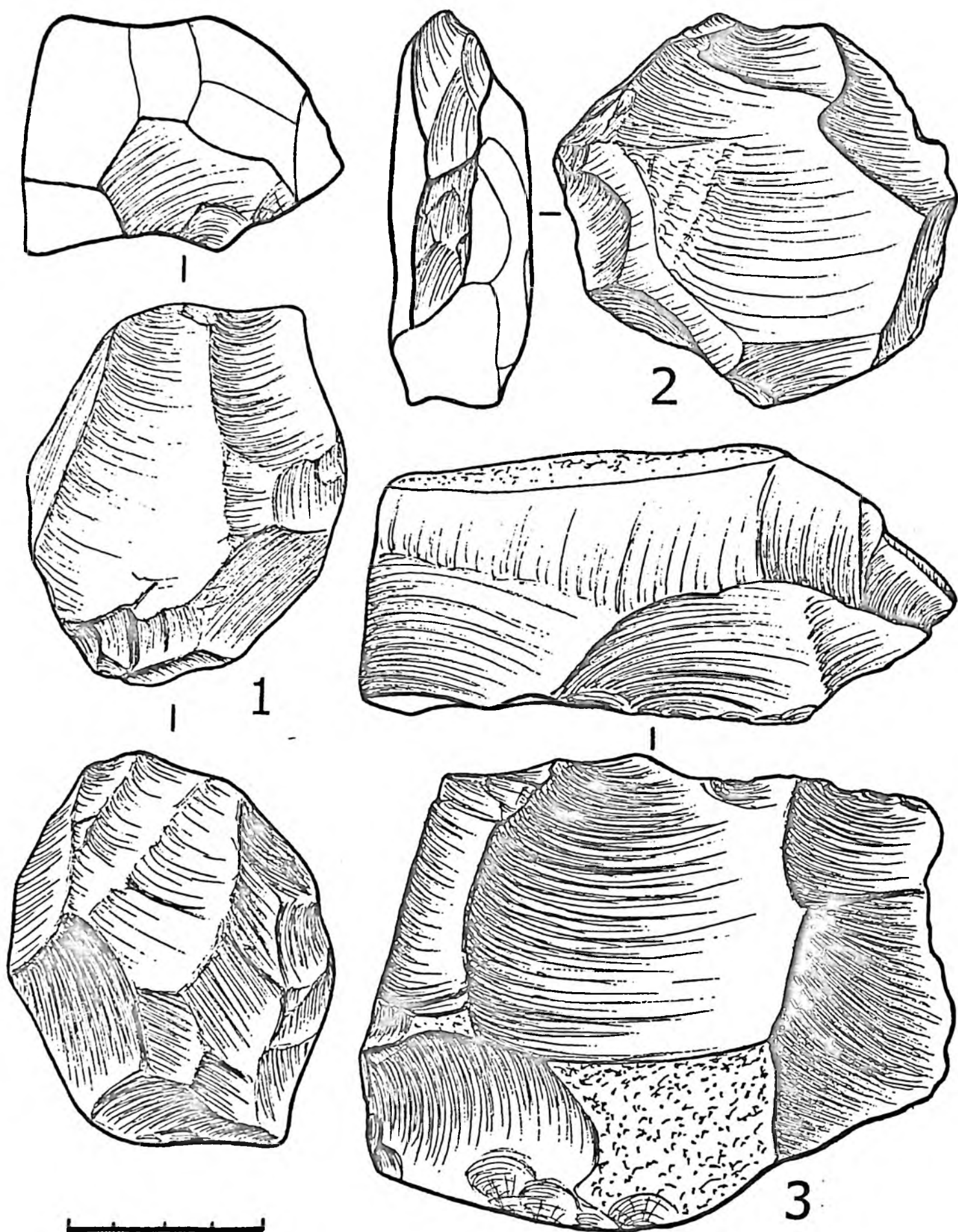

Рис. 65. Кударо I. Темная галерея. Нуклеусы (1 — сланец; 2, 3 — песчаник)
 Fig. 65. Kudaro I cave. The dark gallery. Cores (1 — of schist; 2, 3 — of sandstone)

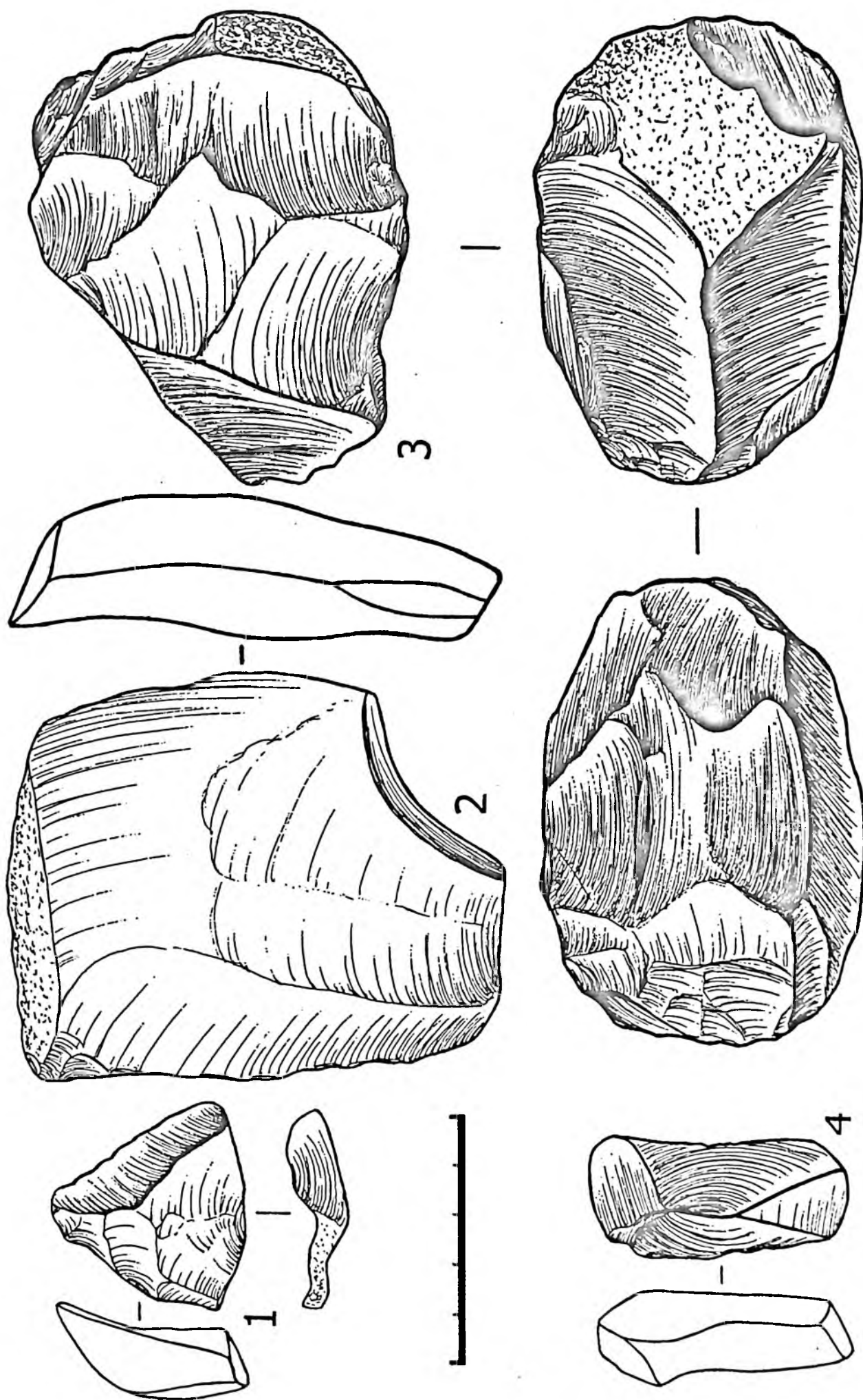

Рис. 66. Куларо I. Темная галерея. 1, 2, 4 — сколы; 3 — пуклеус (1 — сланец; 2—4 — песчаник)
 Fig. 66. Kudaro I cave. The dark gallery. 1, 2, 4 — flakes; 3 — core (1 — of schist; 2—4 — of sandstone)

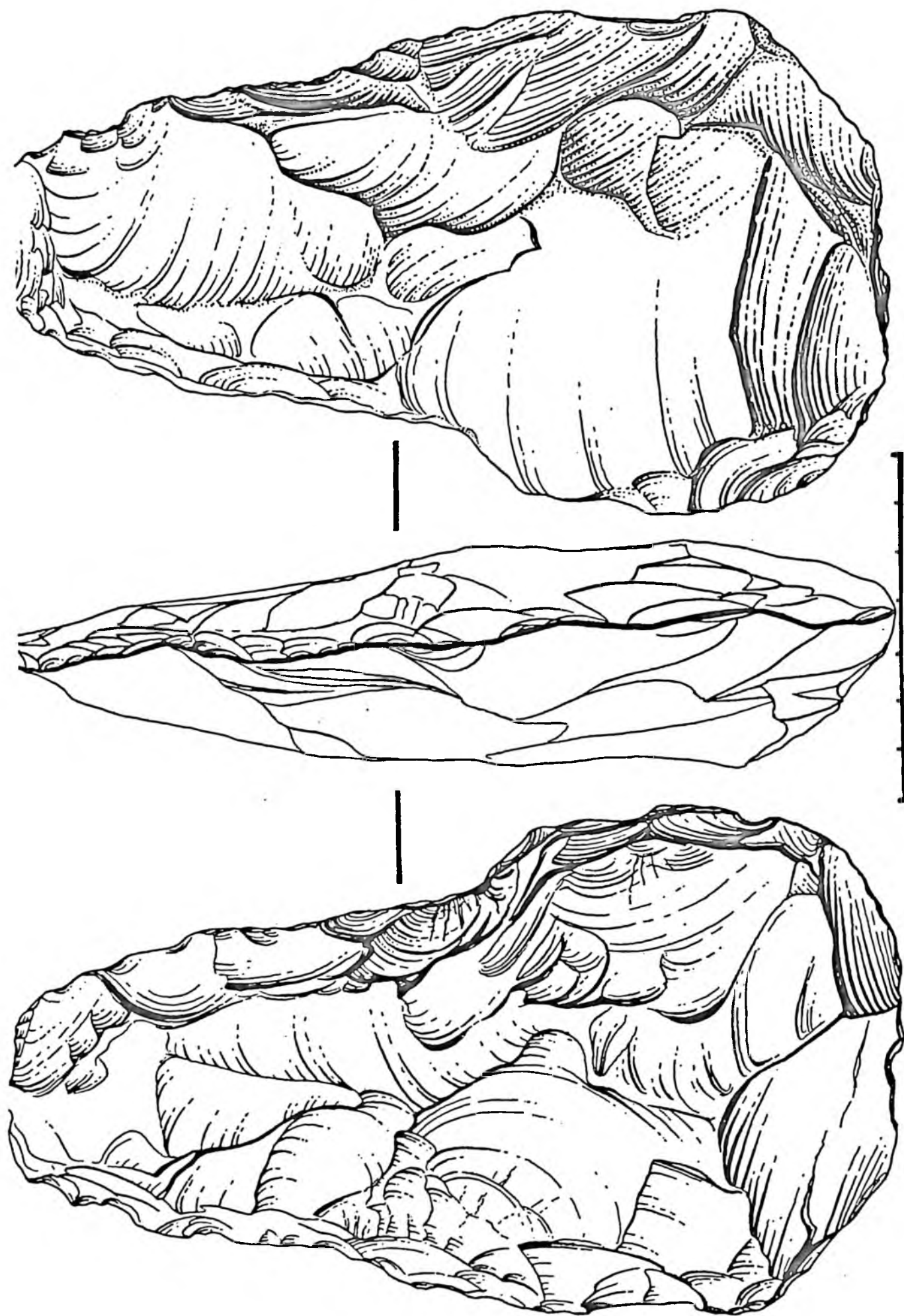

Рис. 67. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X₁₋₃. Бутылковидное (lageniforme) ручное рубило
 Fig. 67. Kudaro I cave. The dark gallery. The uppermost Acheulian level X₁₋₃. Handaxe of the lageniforme type

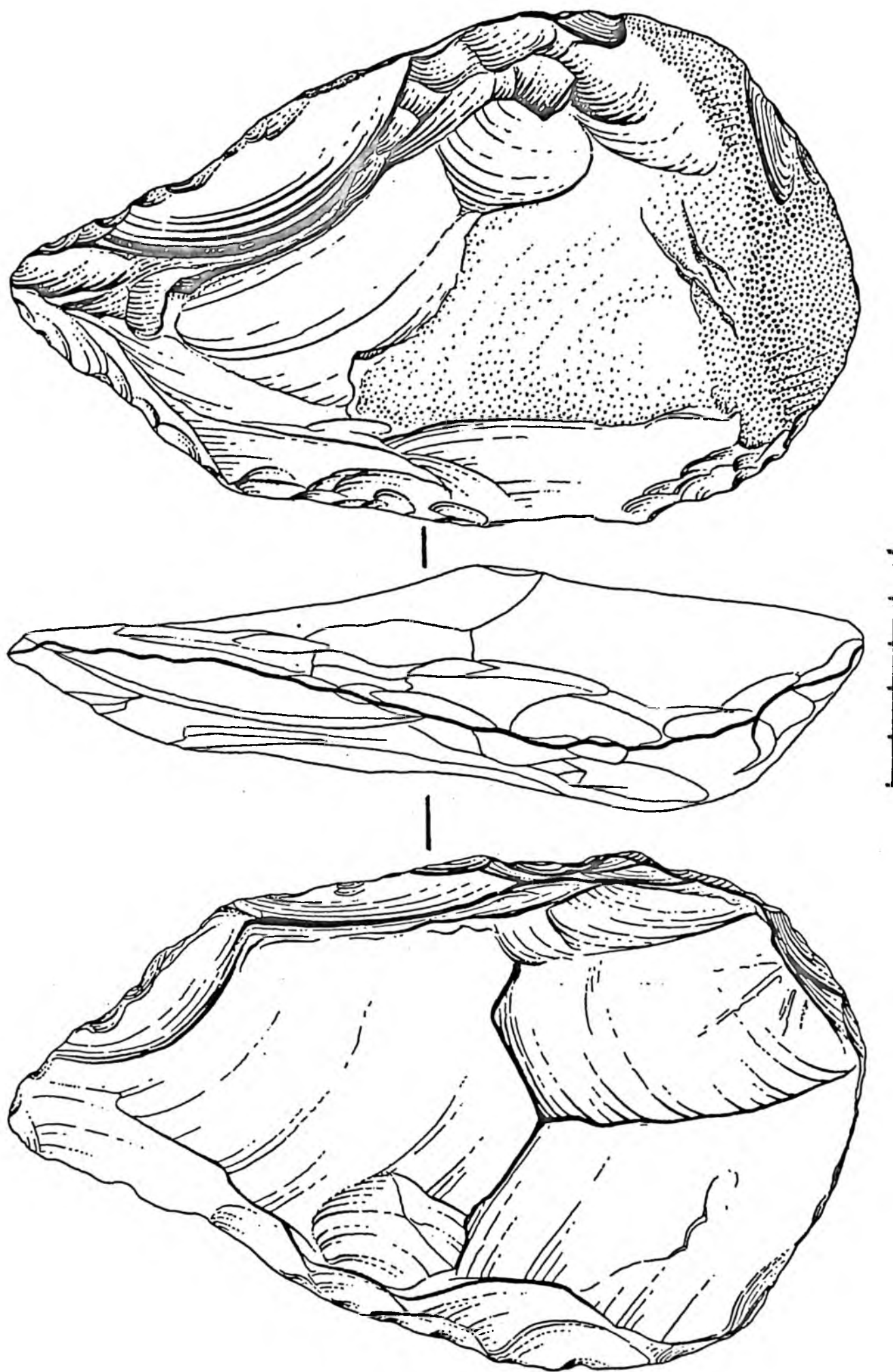

Рис. 68. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X₁₋₃. Ручное рубило
Fig. 68. Kudaro I cave. The dark gallery. The uppermost Acheulian level X₁₋₃. Handaxe

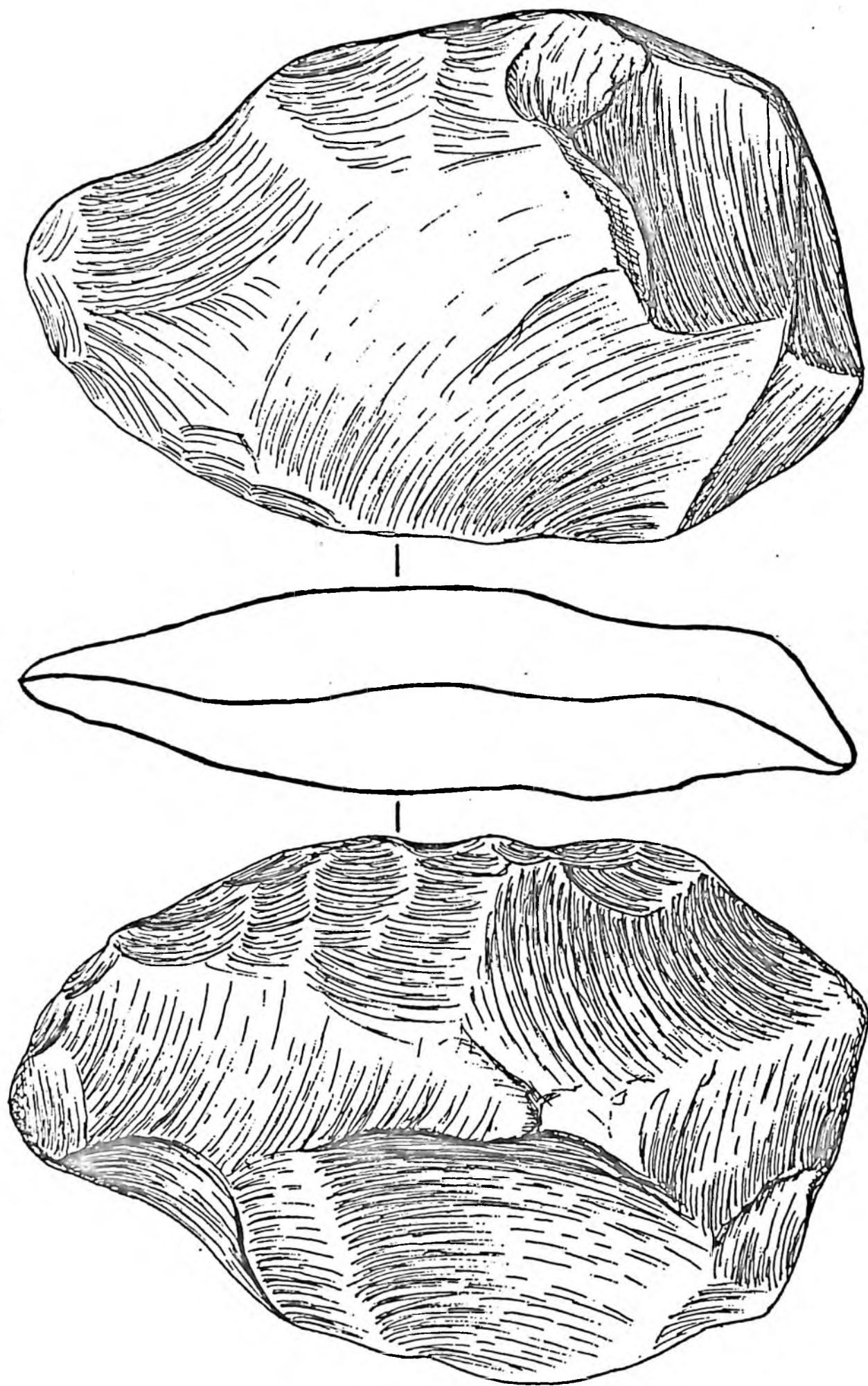

Рис. 69. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X₁₋₃. Ручное рубило
 Fig. 69. Kudaro I cave. The uppermost Acheulian level X₁₋₃. Handaxe

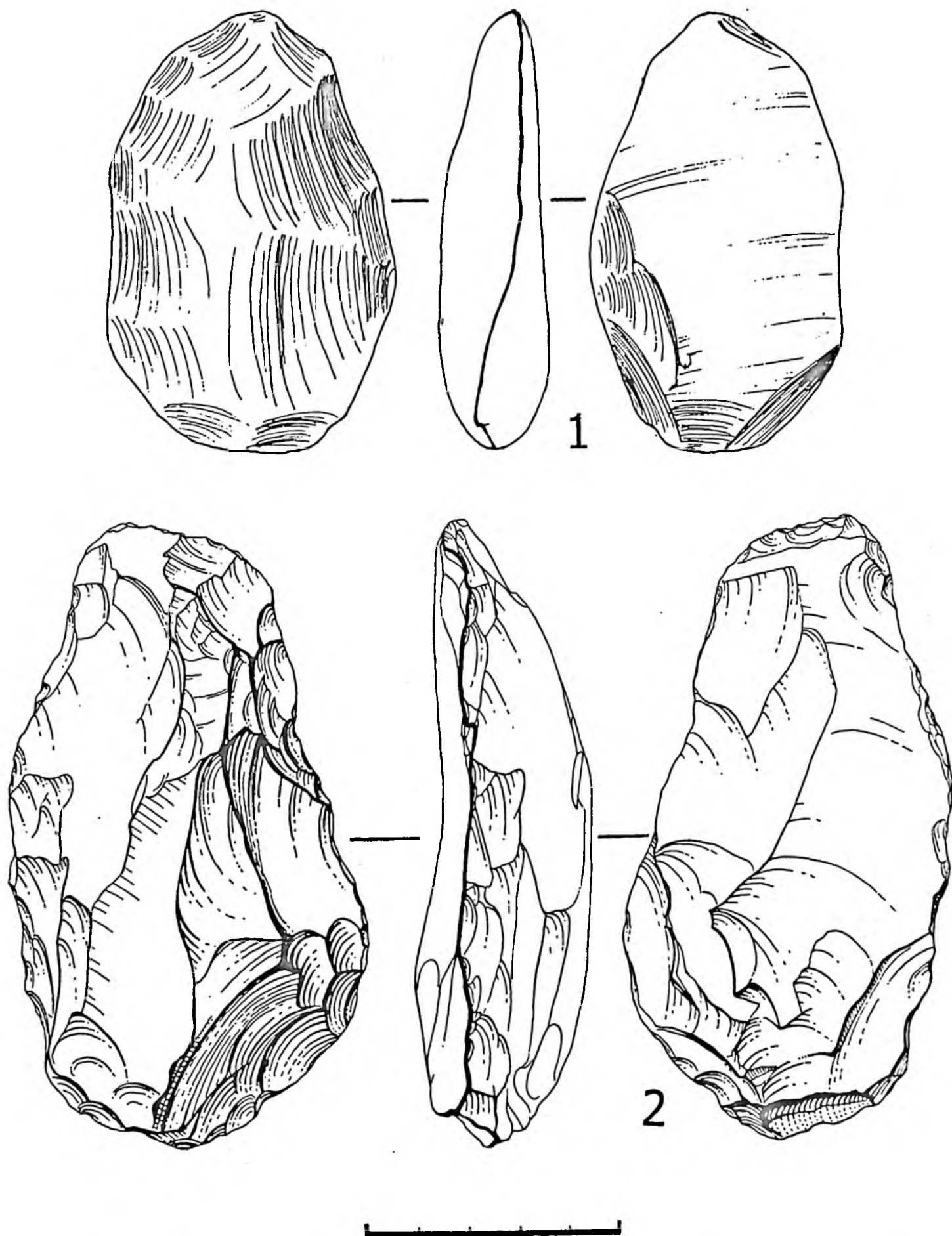

Рис. 70. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X_{1-3} . Ручные рубила: 1 — удлиненно-сердцевидный частичный бифас; 2 — массивный частичный бифас с поперечным дистальным лезвием
 Fig. 70. Kudaro I cave. The dark gallery. The uppermost Acheulian level X_{1-3} . Handaxes: 1 — elongated cordiform partial biface; 2 — massive partial biface with the transverse distal edge

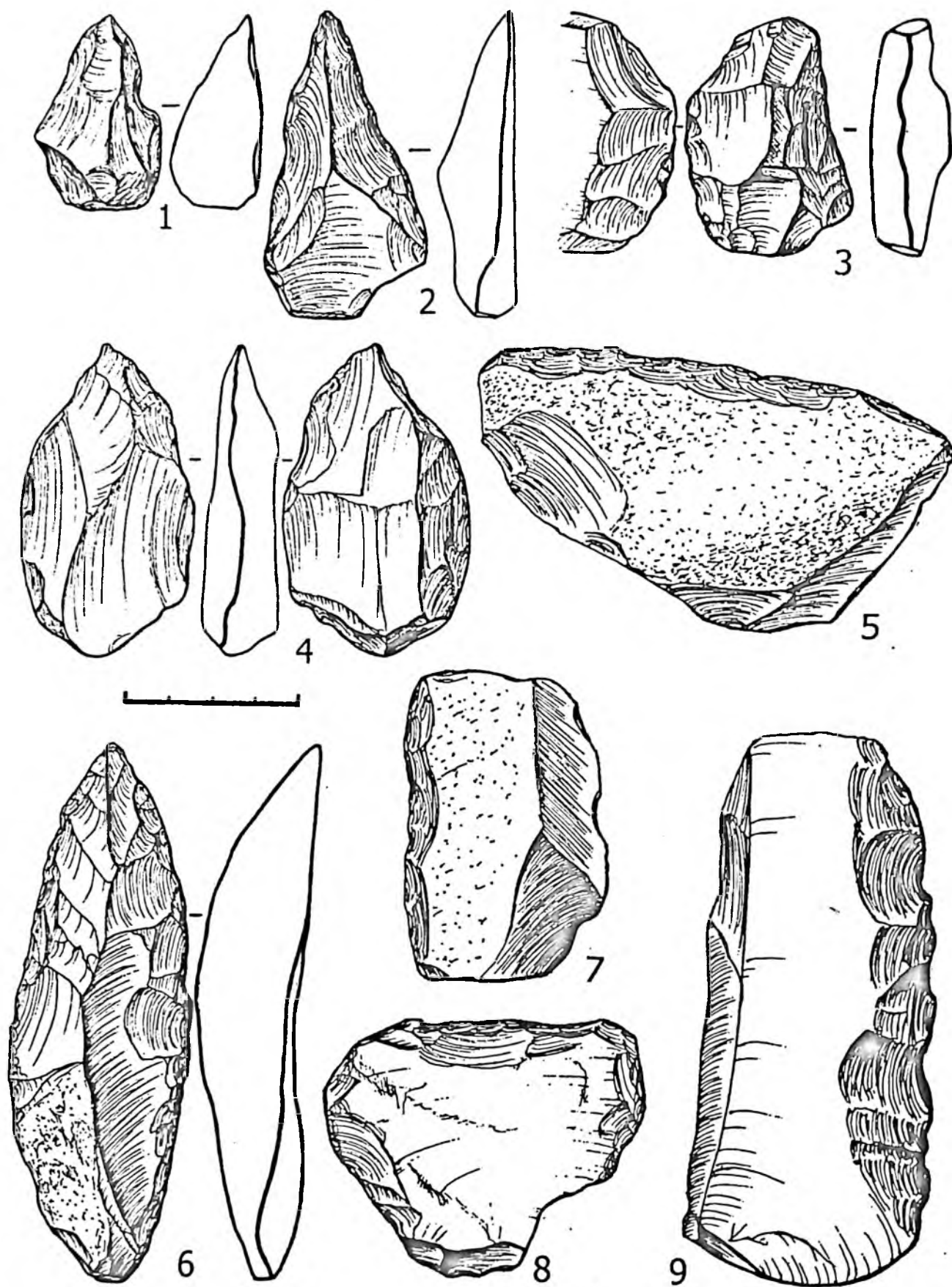

Рис. 71. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X₁₋₃.

1, 2, 6 — остроконечники (1 — высокой формы (pointe surelevée), 2 — мустьерского облика, 6 — удлиненный листовидный);
3, 5, 7—9 — скребла (3 — двойное боковое с лицевым ядришным утончением обоих концов, 5 — поперечное,

7, 9 — простые боковые, 8 — двойное угловатое); 4 — рубильце

Fig. 71. Kudaro I cave. The dark gallery. The uppermost Acheulian level X₁₋₃.

1, 2, 6 — points (1 — massive with abrupt retouch (pointes surelevée), 2 — similar to Mousterian forms; 6 — elongated foliate);

3, 5, 7—9 — scrapers (3 — double lateral with dorsal thinning of both ends, 5 — transverse,

7, 9 — single lateral, 8 — double dejeté); 4 — small handaxe

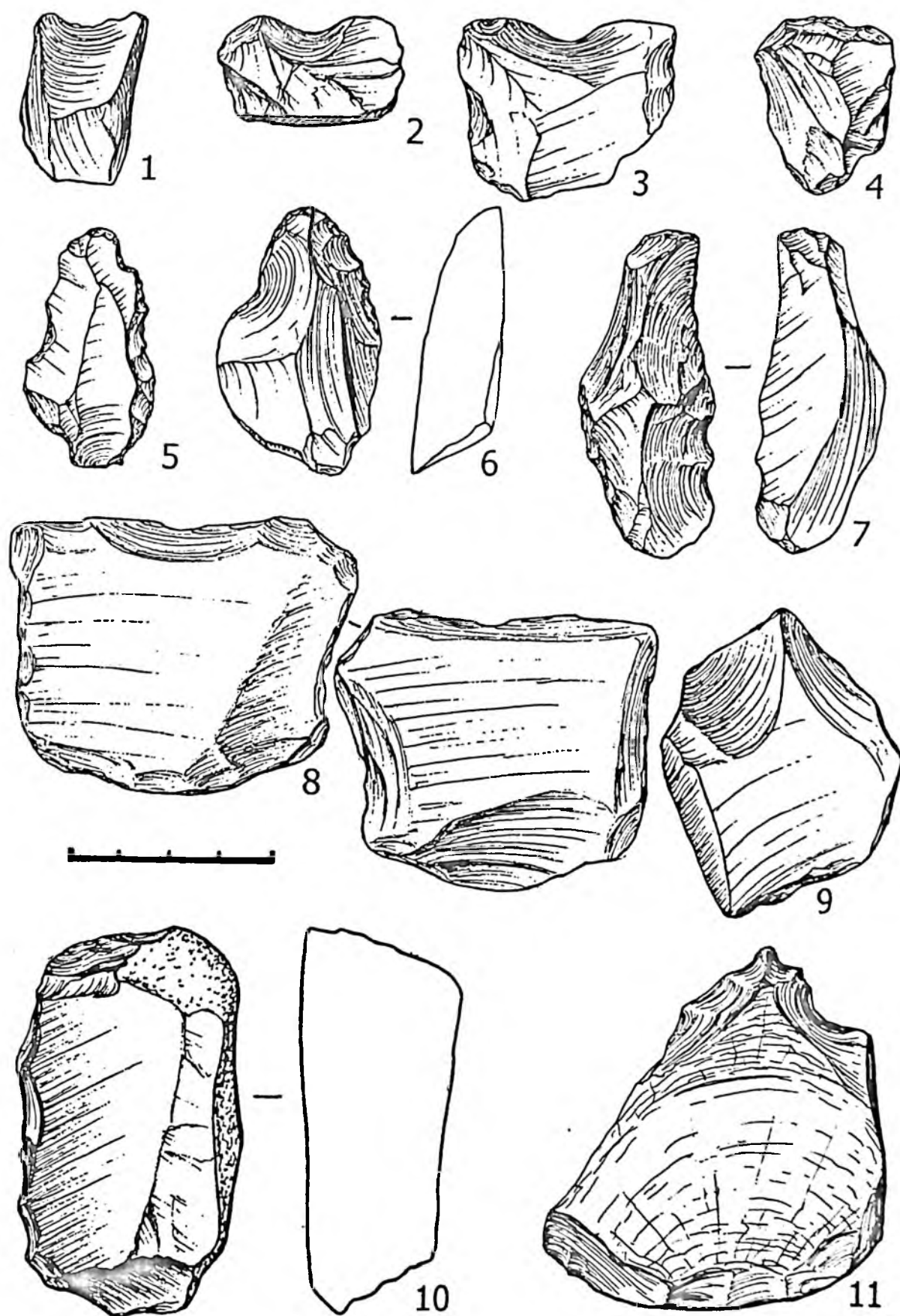

Рис. 72. Кударо I. Темная галерея. Верхний ашельский уровень X_{1-3} . 1—3 — выемчатые орудия; 4, 6 — скребки; 5 — зубчатое орудие; 7 — орудие типа кинсон; 8 — тонкое трехлезвийное орудие; 9, 11 — клювовидные орудия; 10 — комбинированное орудие (угловой скребок + зубчатый боковой край)

Fig. 72. Kudaro I cave. The dark gallery. The uppermost Acheulian level X_{1-3} . 1—3 — notched tools; 4, 6 — end scrapers; 5 — denticulated tool; 7 — Quinson type tool; 8 — thin schistose tool with three cutting edges; 9, 11 — becs; 10 — combination tool (angle end scraper + denticulated lateral edge)

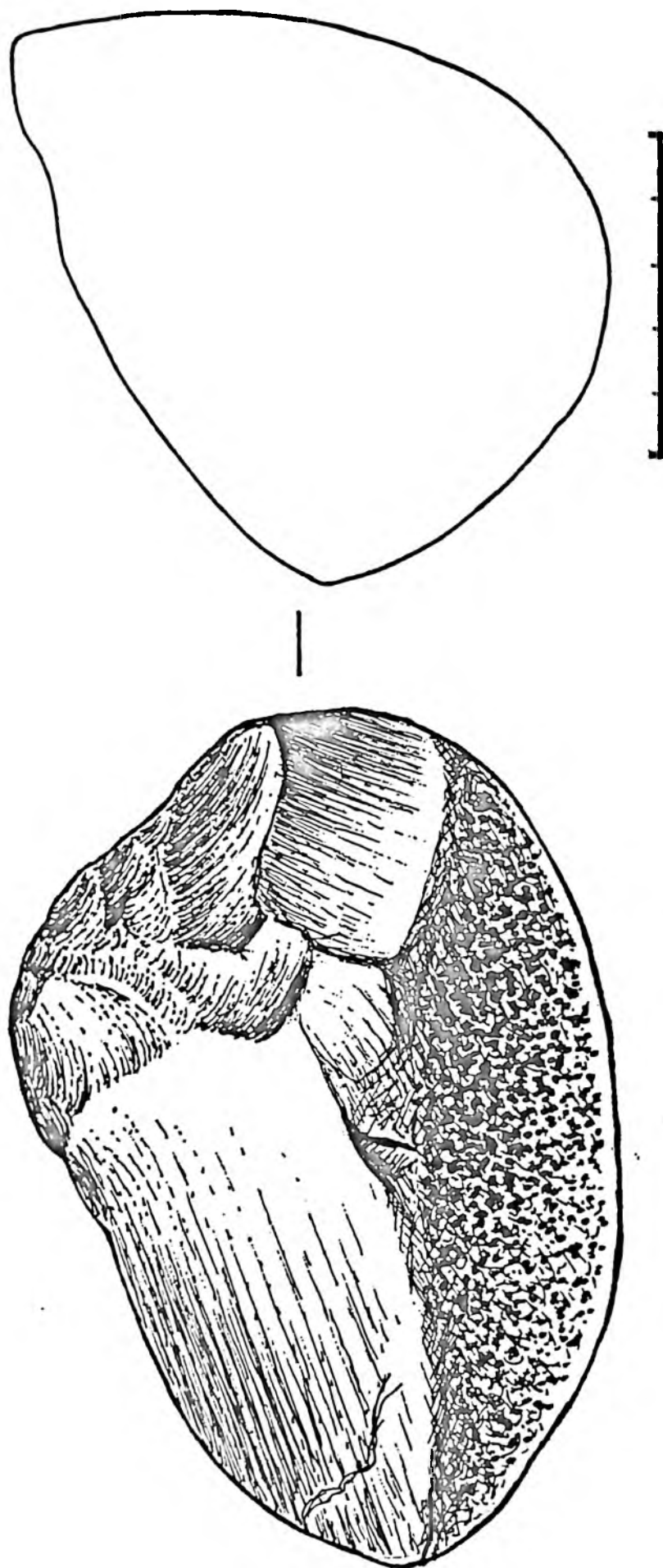

Рис. 73. Кударо I. Темная галерея. Карманы R_1 и R_2 . Боковой чоппер с резко выступающим лезвием, напоминающим скребковый край
 Fig. 73. Kudaro I cave. The dark gallery. Pockets R_1 and R_2 . Sided chopper with strongly protruding working edge resembling that of end scraper

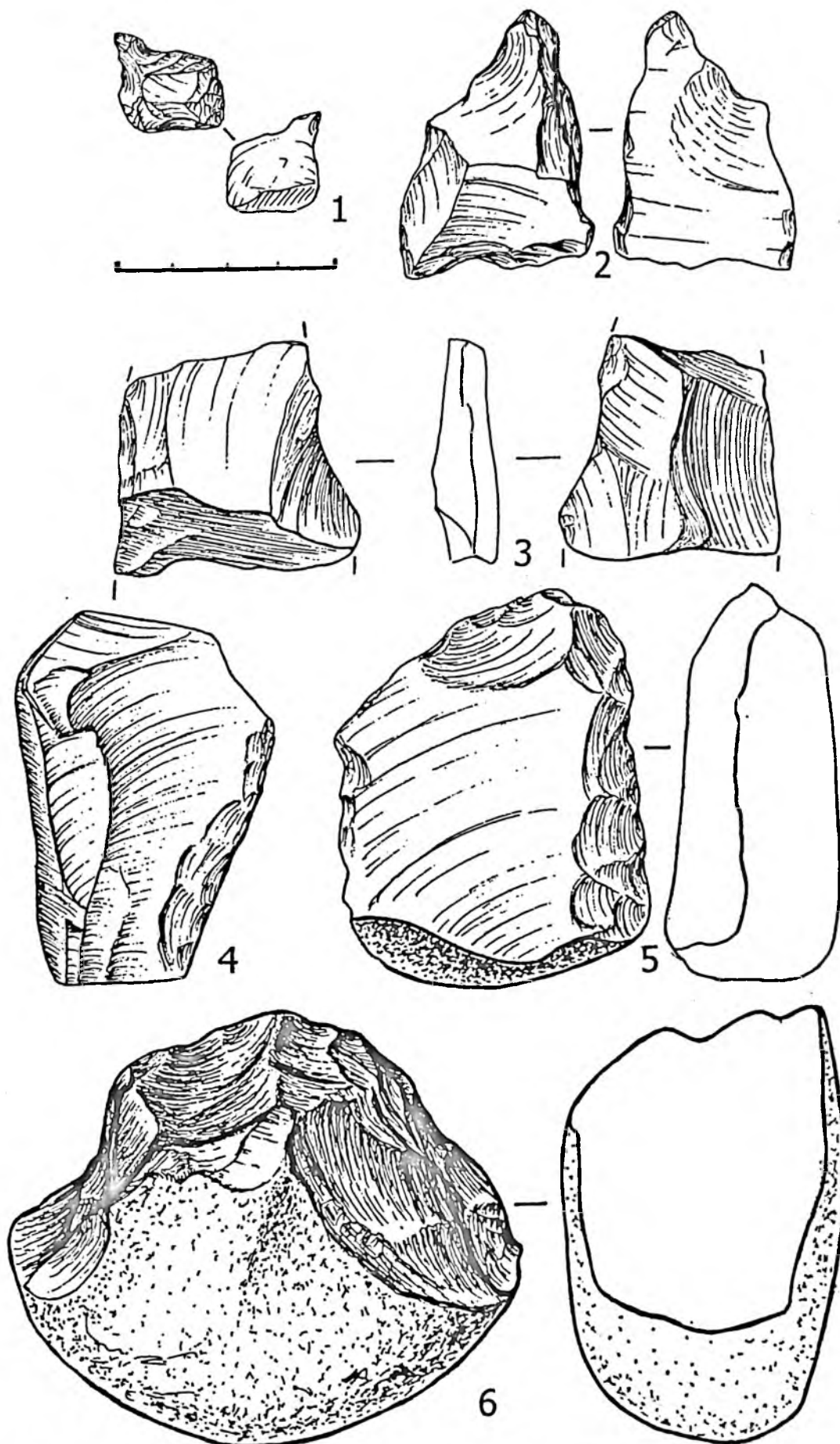

Рис. 74. Кударо I. Темная галерея. Карманы R₁ и R₂. 1 — проколка; 2 — комбинированное орудие (скребло + клювовидные острия); 3 — фрагмент листовидного орудия; 4, 5 — скребла; 6 — пуклевидный скребок

Fig. 74. Kudar I cave. The dark gallery. Pockets R₁ and R₂. 1 — borer (percoir); 2 — combination tool (scraper + becs); 3 — fragment of foliate piece; 4, 5 — single scrapers; 6 — core scraper

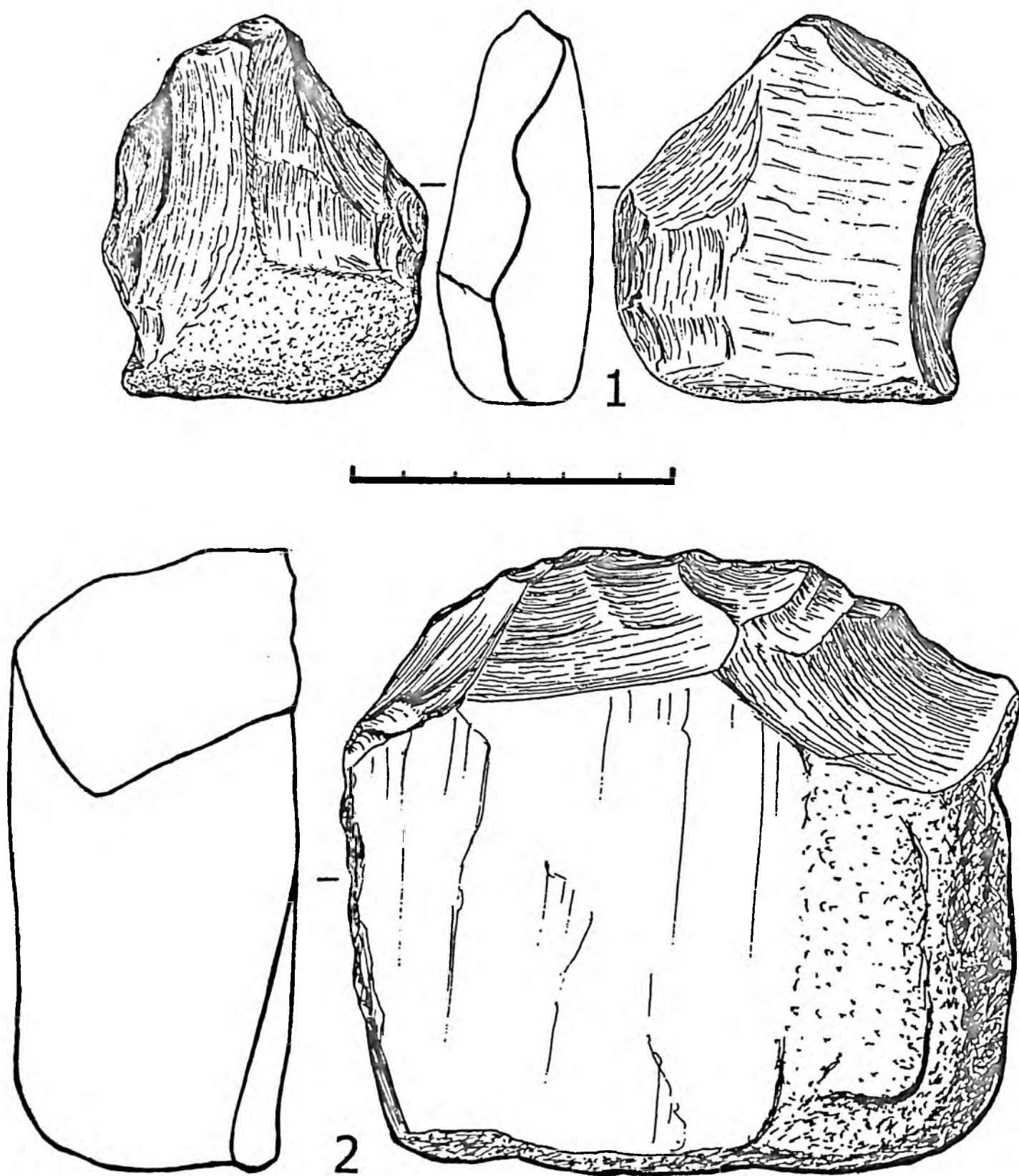

Рис. 75. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. 1 — не законченное обработкой (?) миндалевидное ручное рубило; 2 — чоппер
 Fig. 75. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1 — unfinished (?) amygdaloid handaxe; 2 — chopper

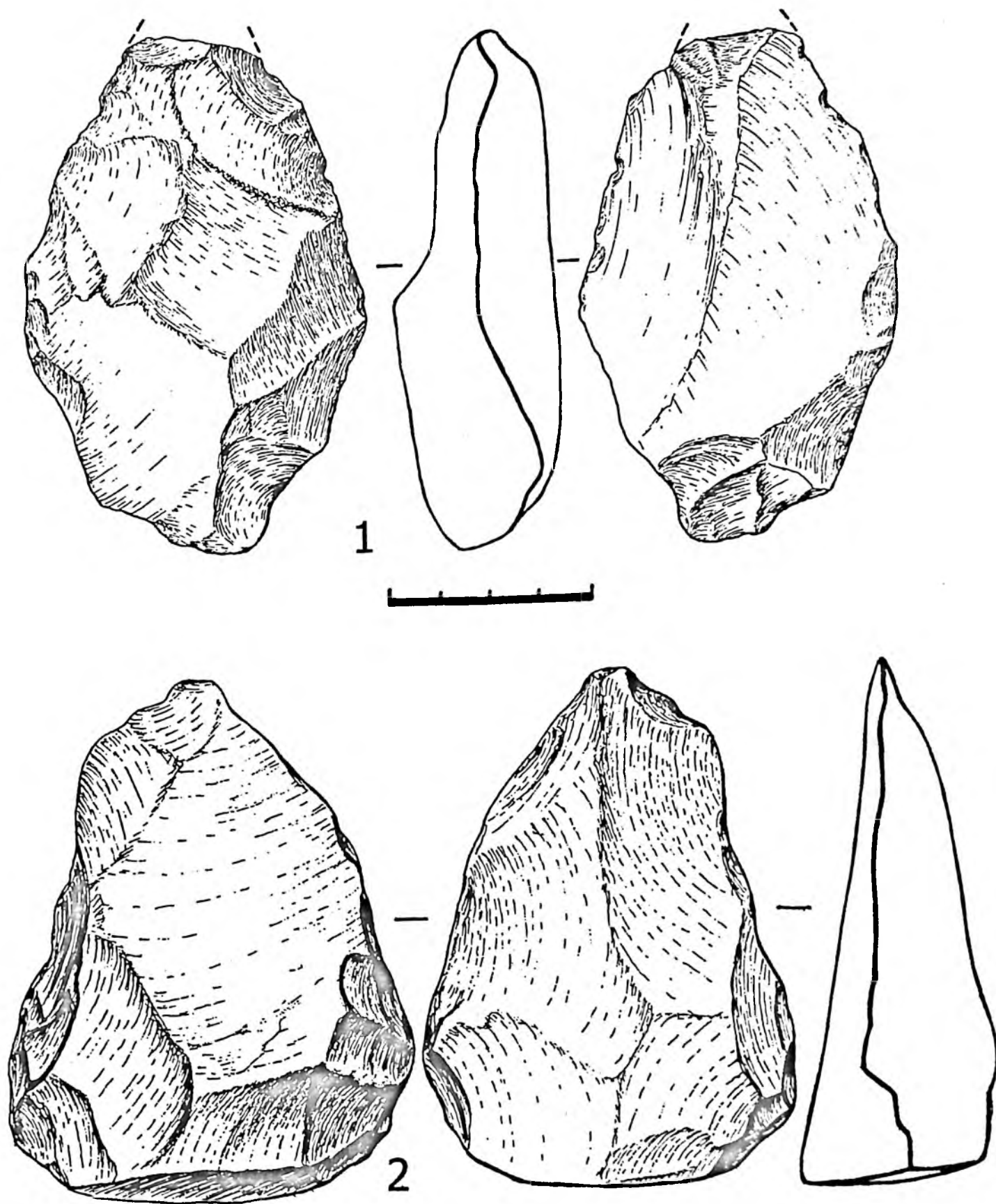

Рис. 76. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. Ручные рубила: 1 — лиманд; 2 — подтреугольное
 Fig. 76. Kudara I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. Handaxes: 1—limand; 2—sub-triangular

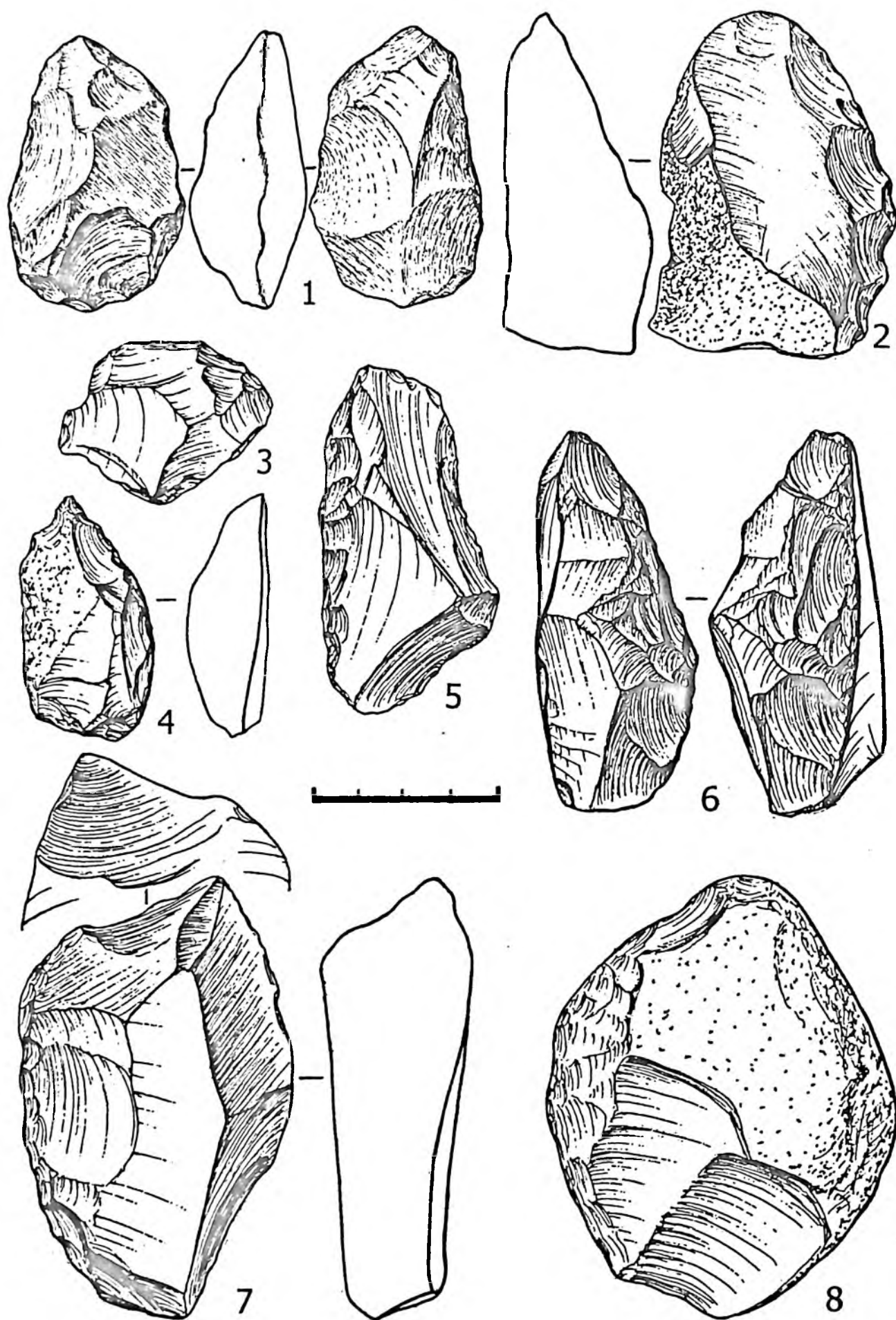

Рис. 77. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. 1 — сердцевидное рубильце; 2—8 простые скребла
 Fig. 77. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1 — small cordiform handaxe; 2—8 — single side scrapers

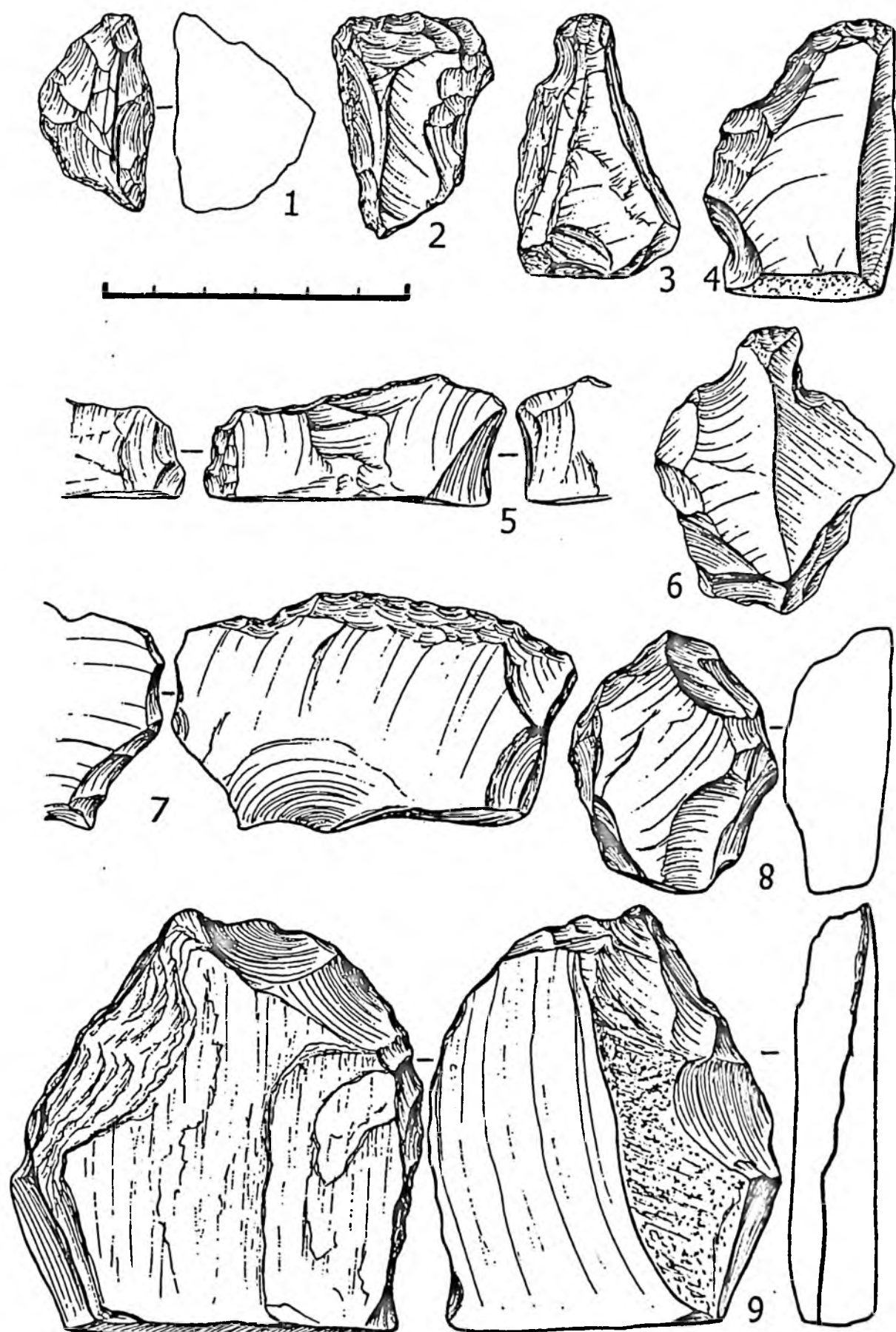

Рис. 78. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. 1 — лимас; 2, 5, 7, 9 — скребла (2 — угловатое; 5, 7 — геометризованных очертаний с подтеской концов; 9 — крупное угловатое с противоположащими лезвиями); 3, 4, 6, 8 — скребки (3, 4 — одноплечиковые, 6 — двуплечиковый, 8 — округлый)
 Fig. 78. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1 — limace; 2, 5, 7, 9 — scrapers (2 — dejet; 5, 7 — single scrapers of geometric shape with thinned ends; 9 — large dejet scraper with alternate edges); 3, 4, 6, 8 — end scrapers (3, 4 — one-shouldered, 6 — double-shouldered, 8 — ovate)

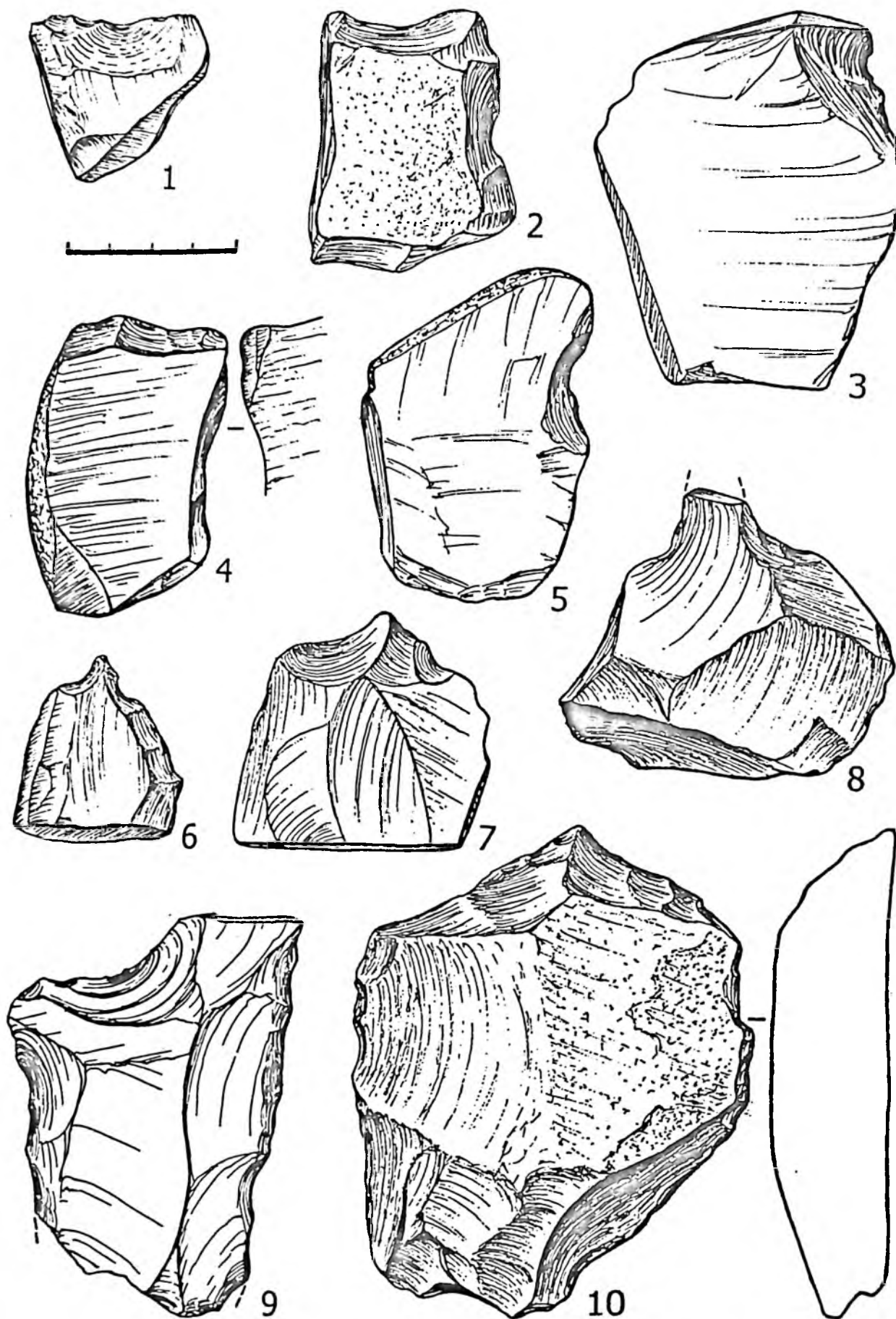

Рис. 79. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. 1, 2 — выемчатые орудия; 3, 5 — орудия, напоминающие тип «billhook» («крючковатый клюв»); 4, 6—10 — разные клювовидные формы (4 — резцевиный клюв (bec burinant alterne), 7, 10 — широкие клювы-острия)
 Fig. 79. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1, 2 — notched tools; 3, 5 — tools resembling «billhook»; 4, 6—10 — various becs (4 — bec burinant alterne, 7, 10 — wide-angle becs-points)

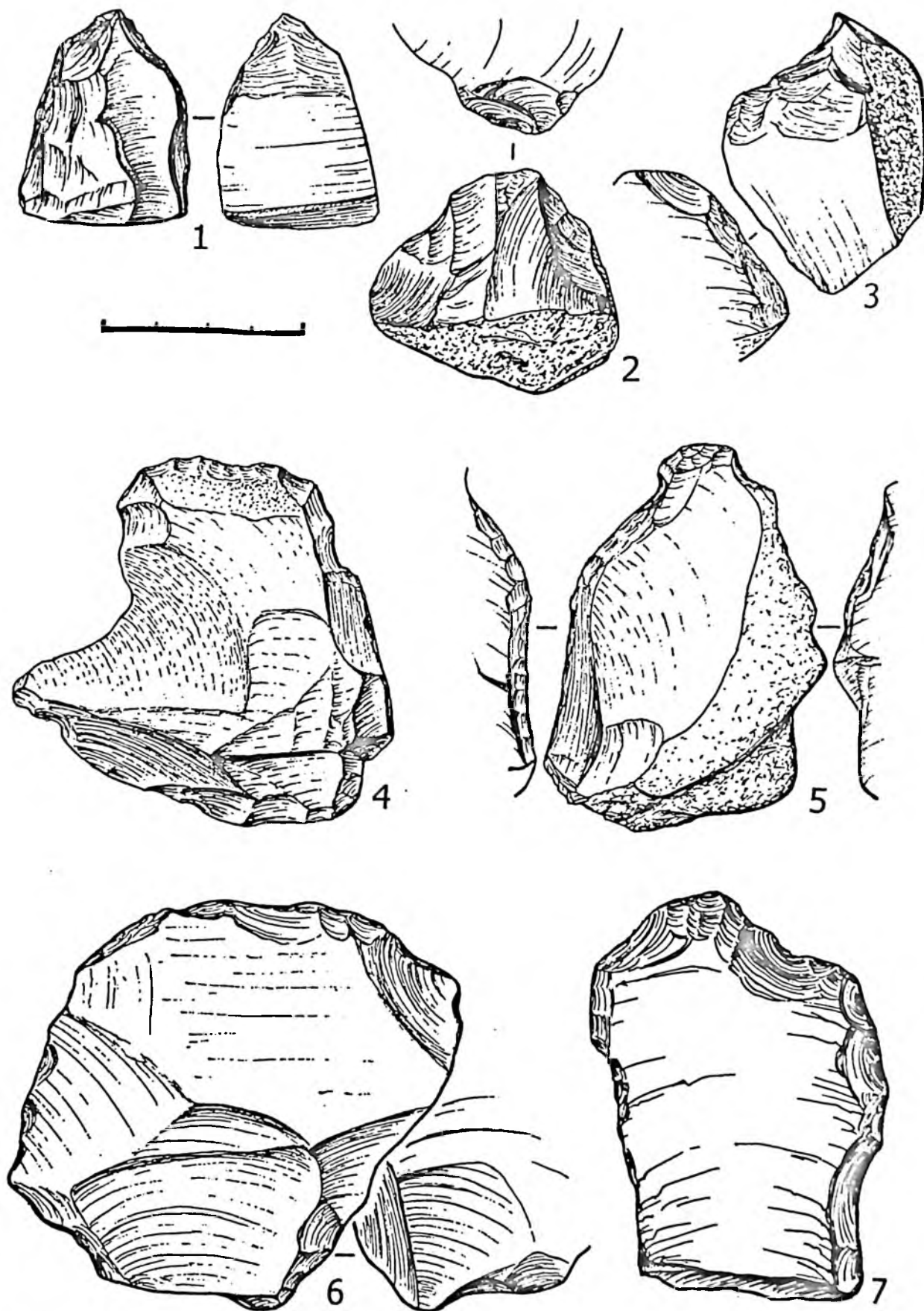

Рис. 80. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-Б. 1, 3—7 — комбинированные орудия (1 — скребло + концевой клюв, 3 — скребло + выемка, 4 — скребло + клюв, 5 — концевой двуплечиковый скребок + брюшковое скребло, 6 — скребло + два широких клюва-острия, 7 — два скребковых выступа + две клетонские выемки); 2 — узкий долотовидный край, выделенный выемками
 Fig. 80. Kudara I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1, 3—7 — combination tools (1 — single scraper + end bec, 3 — single scraper + notch, 4 — single scraper + bec, 5 — double-shouldered end scraper + single scraper on interior surface, 6 — single scraper + two wide-angle becs, or points, 7 — two scraping edges + two notches); 2 — narrow chisel-like edge isolated by notches

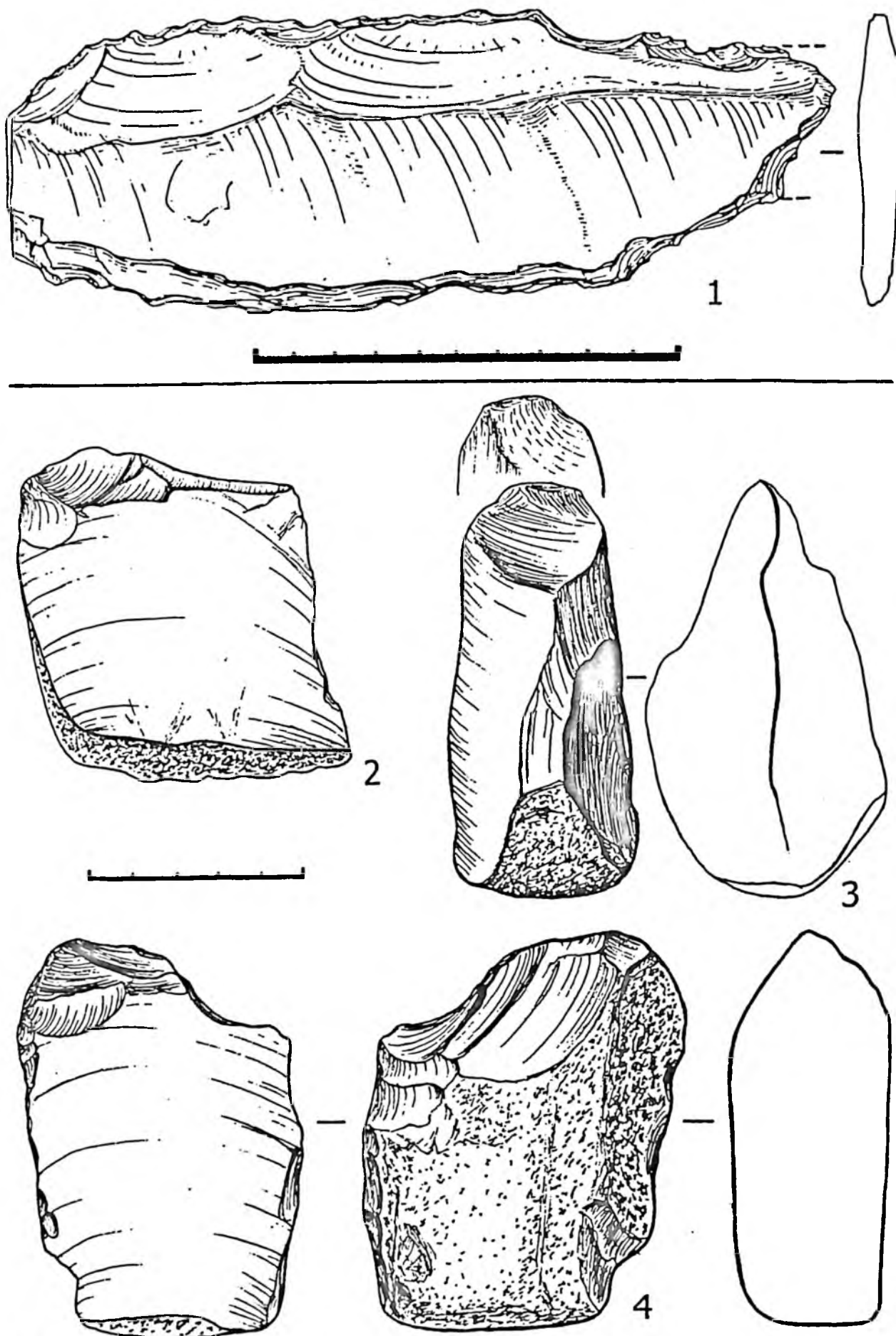

Рис. 81. Кударо I. Темная галерея. Слой 5А-В. 1 — орудие типа «цалди»; 2 — отщеп с парарезцовыми сколами;

3 — долотовидное орудие; 4 — комбинированная форма (скребло + концевой чоппинг (?))

Fig. 81. Kudara I cave. The dark gallery. Layer 5A-B. 1 — «tsaldi»; 2 — flake with para-burin spalls;

3 — chisel-like tool; 4 — combination tool (side scraper + ended chopping (?))

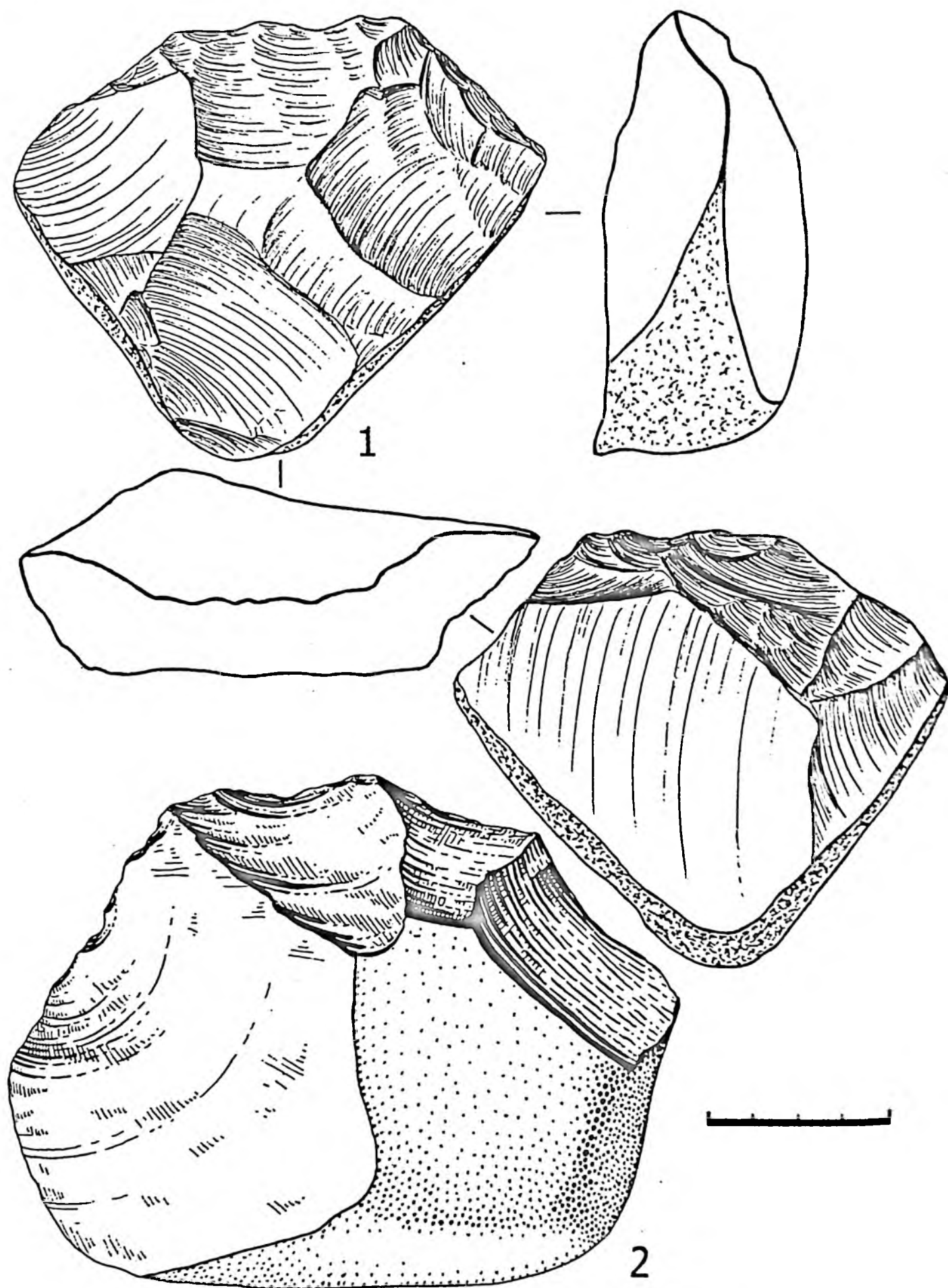
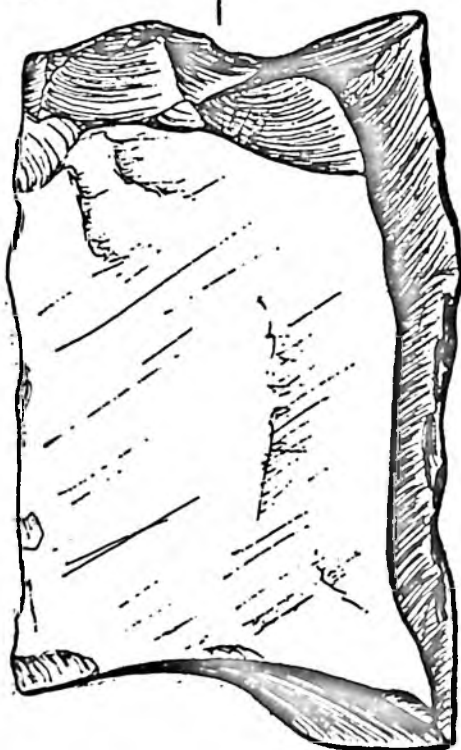
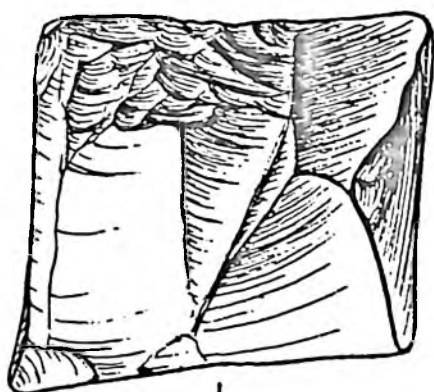
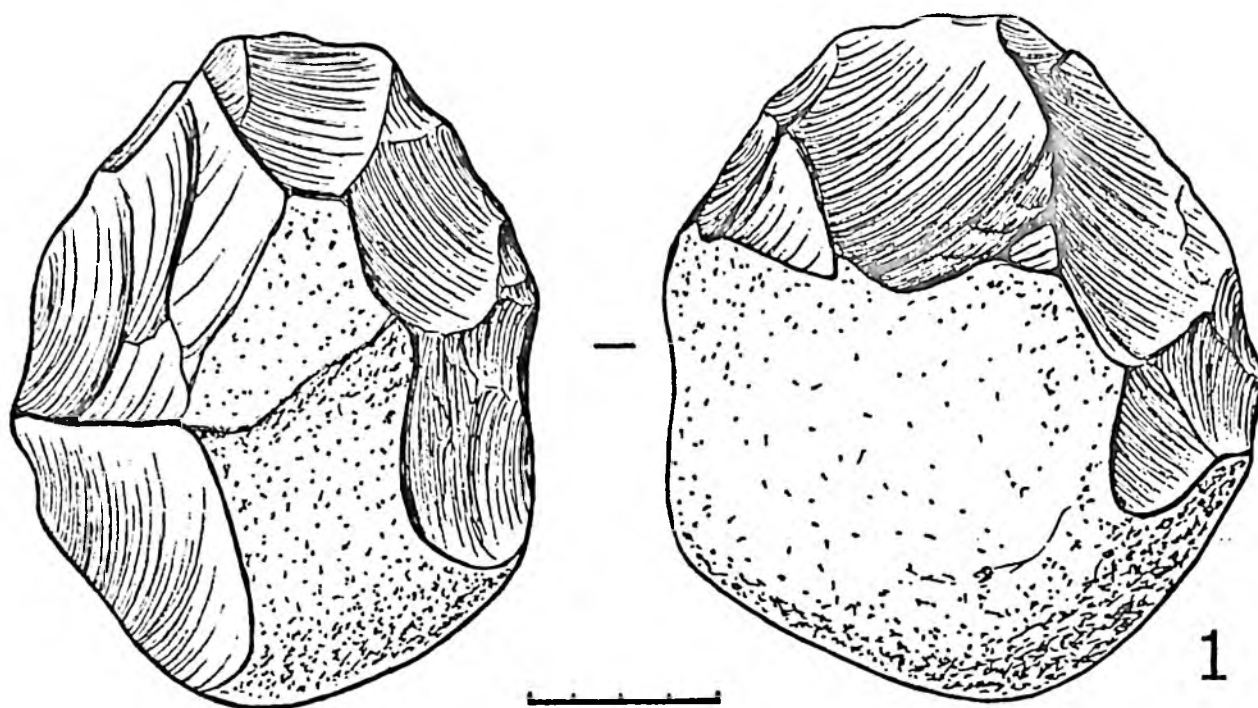

Рис. 82. Кударо I. Темная галерея. Слой 5B. 1 — чоппинг; 2 — чоппер
 Fig. 82. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5B. 1 — chopping; 2 — chopper

2

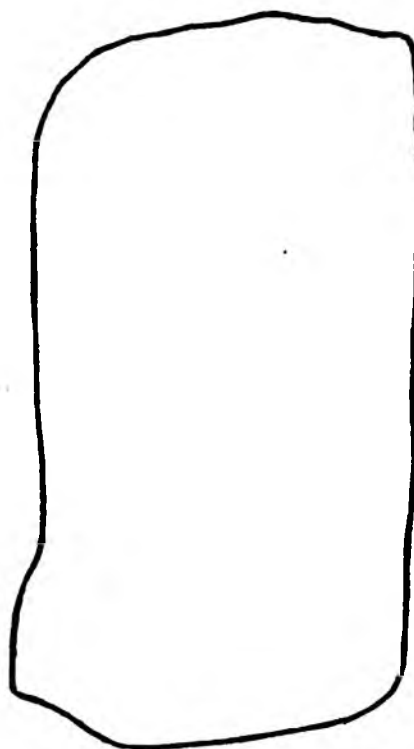

Рис. 83. Кударо I. Темная галерея. Слой 5В. 1 — проторубило; 2 — нуклевидный скребок
 Fig. 83. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5B. 1 — proto-handaxe; 2 — core scraper

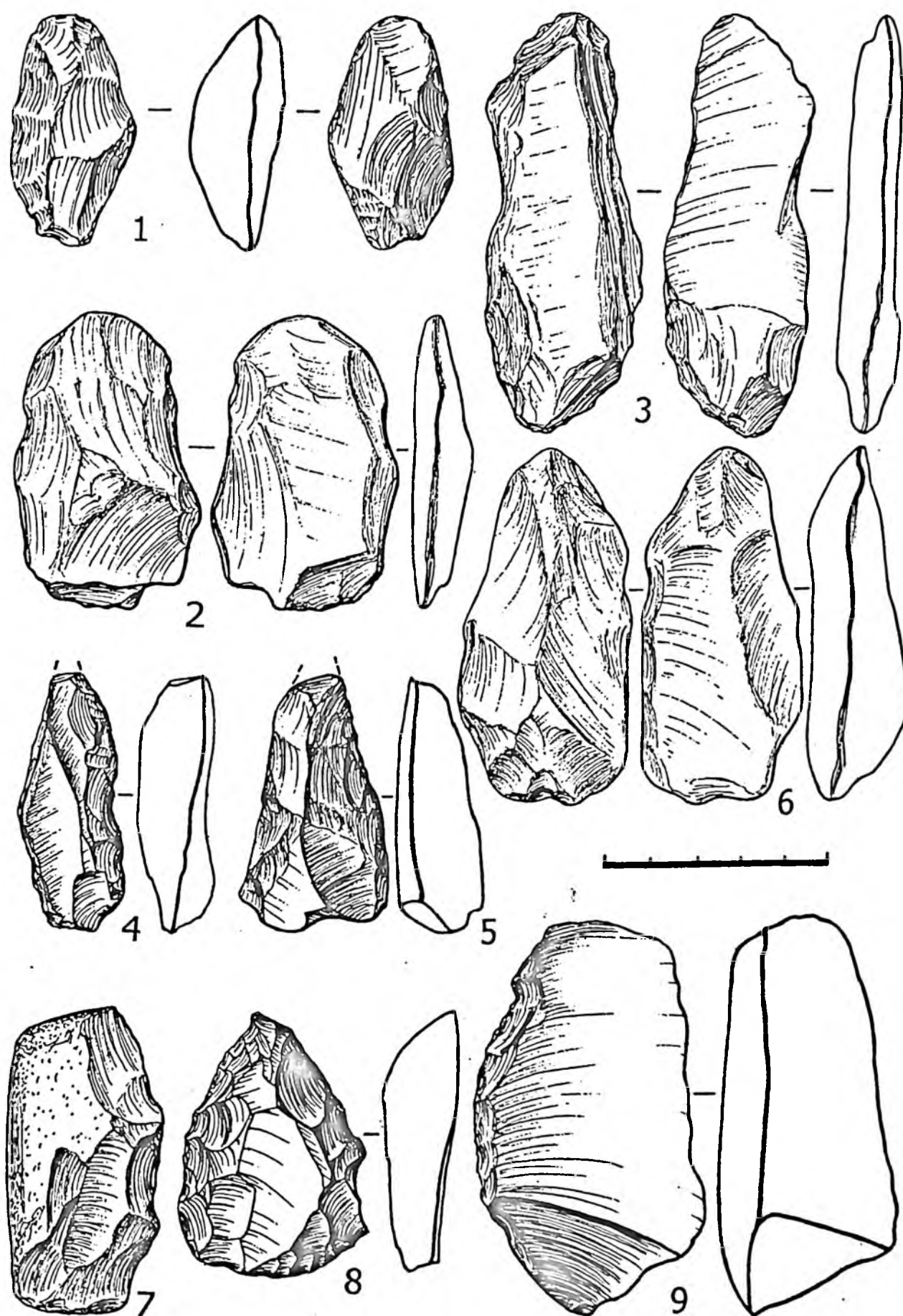

Рис. 84. Кударо I. Темная галерея. Слой 5B. 1, 2 — рубильца (1 — обсидиановое); 3, 6 — листовидные формы; 4, 5, 7—9 — скребла (4, 7, 9 — простые боковые, 5, 8 — конвергентные)

Fig. 84. Kudara I cave. The dark gallery. Layer 5B. 1, 2 — small handaxes (1 — of obsidian); 3, 6 — foliate pieces; 4, 5, 7—9 — scrapers (4, 7, 9 — single lateral, 5, 8 — convergent)

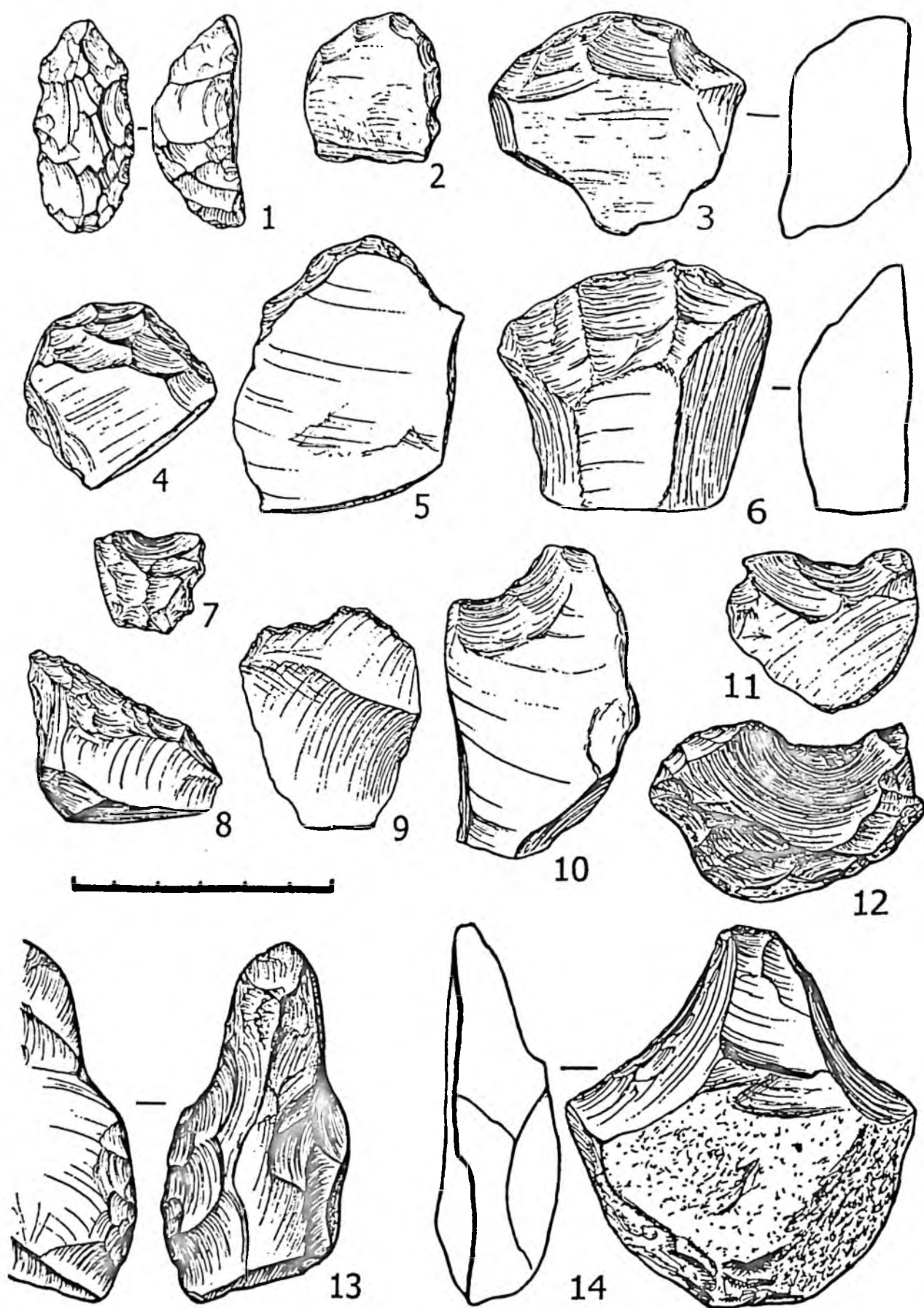

Рис. 85. Кударо I. Темная галерея. Слой 5В. 1 — лимас; 2—6 — скребки (2 — плоский атипичный, 3, 4, 6 — подокруглые, 5 — двуплечиковый); 7, 9—12 — выемчатые орудия (7, 10—12 — клектонские); 8 — угловатое скребло; 13 — однолезвийное бифасиальное скребло; 14 — клювовидное орудие

Fig. 85. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5B. 1 — limace; 2—6 — end scrapers (2 — flat atypical, 3, 4, 6 — sub-ovate, 5 — double-shouldered); 7, 9—12 — notched tools (7, 10—12 — clactonian notches); 8 — dejet scraper; 13 — single bifacial scraper; 14 — bec

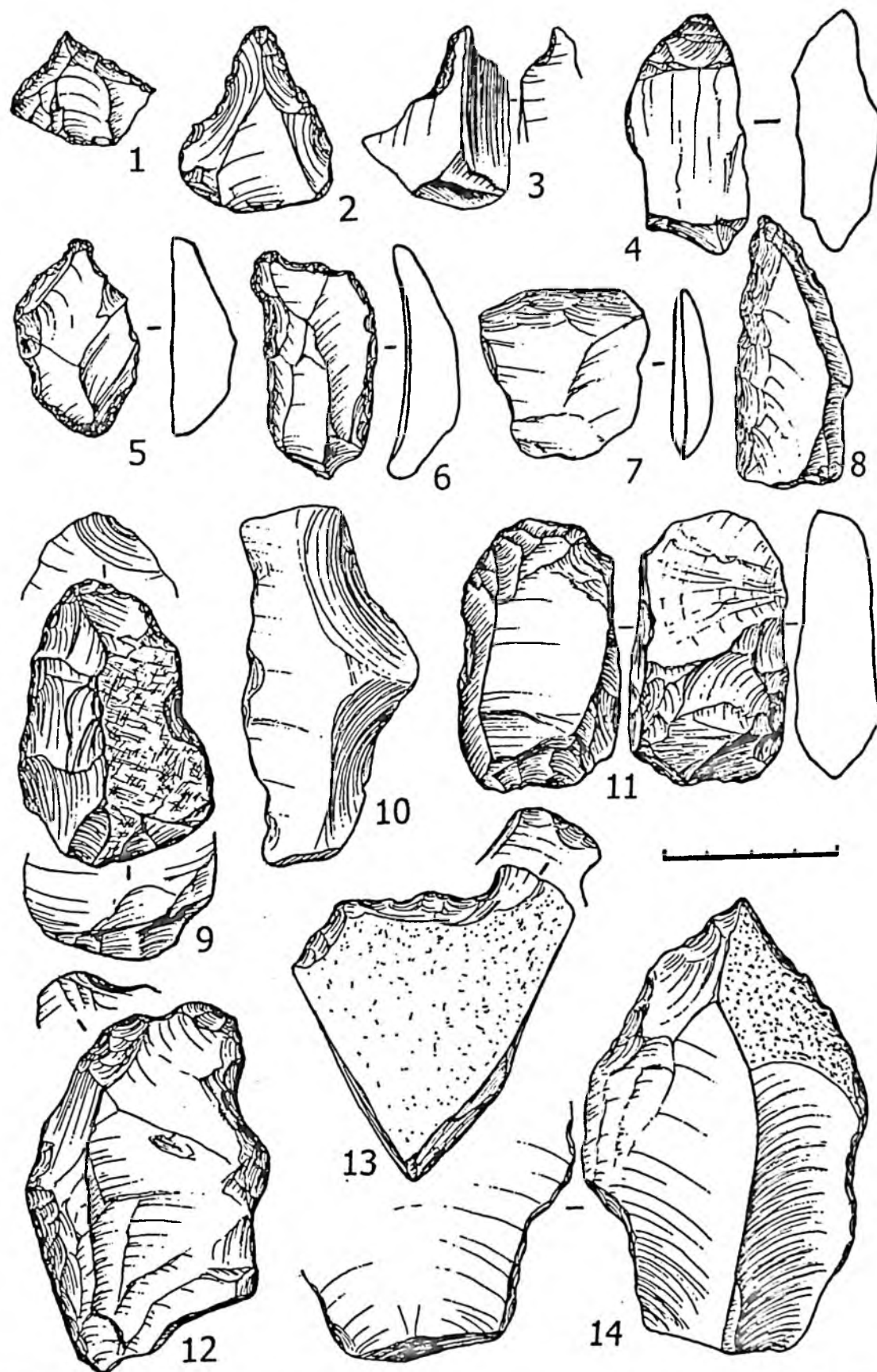

Рис. 86. Кударо I. Темная галерея. Слой 5В. 1—4, 10 — кленовидные орудия (1—4 — концевые, 10 — боковое); 7 — долотовидное орудие; 5, 6, 8, 9, 11—14 — комбинированные орудия (5, 6 — скребло + кленовидные скребки (bec-grattoir), 8 — скребло + дистальное острие, 9 — боковое скребло с подтеской обоих концов + выемка, 11 — концевой скребок + долотовидное лезвие на базальном конце, 12 — скребло + концевой скребок, 13 — ретушированная выемка + долотовидное лезвие, 14 — конвергентное скребло + выемка в базальной части)

Fig. 86. Kudaro I cave. The dark gallery. Layer 5B. 1—4, 10 — becs (1—4 — ended, 10 — sided); 7 — chisel-like tool; 5, 6, 8, 9, 11—14 — combination tools (5, 6 — scraper + bec-like end scraper (bec-grattoir), 8 — single lateral scraper + distal point, 9 — single lateral scraper with thinning of both ends + notch, 11 — end scraper + chisel-like edge at the basal end, 12 — single lateral scraper + end scraper, 13 — retouched notch + chisel-like edge, 14 convergent scraper + notch in the basal part)

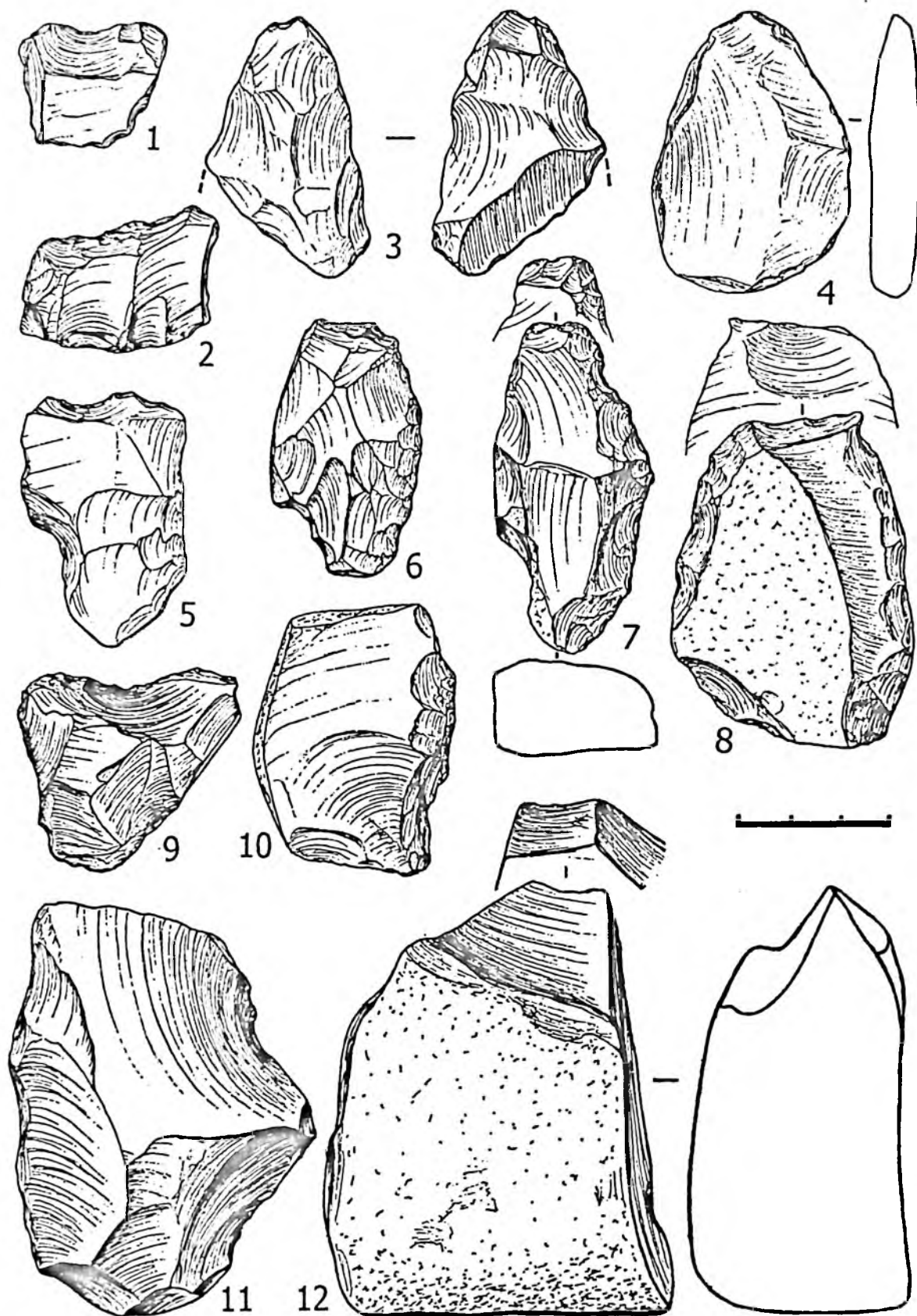

Рис. 87. Кударо I. Темная галерея. Нестратифицированные находки. 1, 9 — клектонские выемки; 2 — угловатое скребло; 3 — фрагмент листовидного орудия; 4 — рубильце; 5 — узкое боковое лезвие, выделенное выемками; 6, 7 — комбинированные орудия (скребло + выемка + концевой скребок); 8 — двойное боковое скребло с брюшковым утончением дистального конца; 10 — простое боковое скребло; 11 — массивное боковое широкое клювовидное острие, выделенное клектонскими выемками; 12 — чоппинг с долотовидным концом

Fig. 87. Kudaro I cave. The dark gallery. Unstratified finds. 1, 9 — tools with clactonian notches; 2 — dejeté scrapers; 3 — fragment of foliate piece; 4 — small handaxe; 5 — sided narrow cutting edge isolated by notches; 6, 7 — combination tools (single scraper + notch + end scraper); 8 — double scraper with ventral thinning of the distal end; 10 — single scraper; 11 — massive sided wide-angle bec-point, isolated with clactonian notches; 12 — chisel-ended chopping

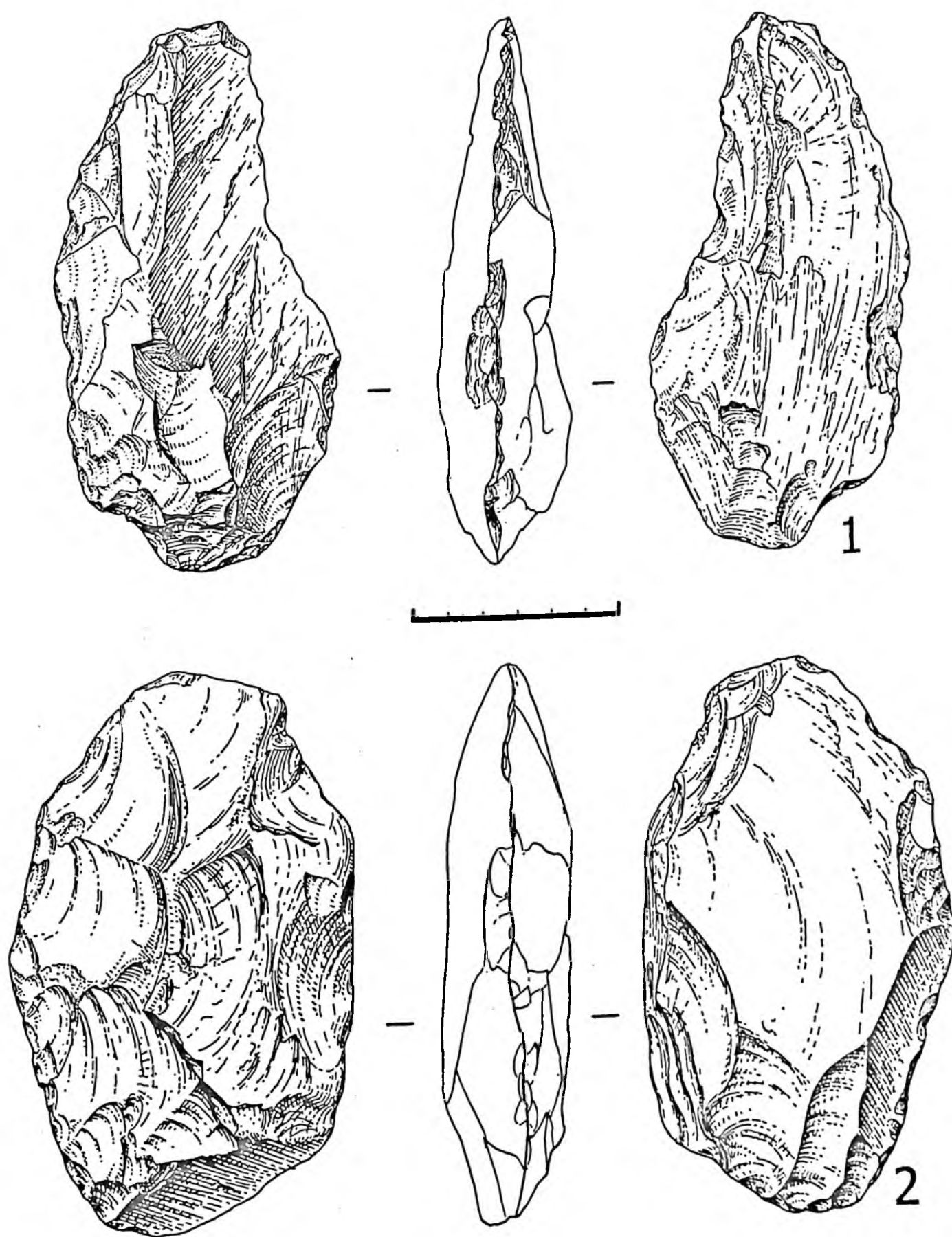

Рис. 88. Кударо I. Темная галерея. Нестратифицированные находки. Ручные рубила: 1 — атипичное; 2 — подовальное
 Fig. 88. Kudaro I cave. The dark gallery. Unstratified finds. Hanaxes: 1 — atypical; 2 — sub-ovate

4.5. Каменный инвентарь южной галереи

4.5.1. Краткие сведения о южной галерее

Южная, или вторая входная галерея — наиболее узкая, низкая и наклонная часть пещерной полости. Длина ее равна 14 м, ширина в северной половине колеблется в пределах 1,7—2,5 м, в южной — 2,5—3,5 м. Высота южной галереи у границы с центральной камерой равняется 1,5 м, у наружного входа — 2,6—2,7 м. Угол падения современного пола достигает в среднем 16—18°: на протяжении 14 м пол понижается на 4 м, причем наибольший уклон зафиксирован на привходовой площадке. Раскоп, вскрывший привходовую площадку (квадраты 1—4) и примыкающие к ней 9 метров галереи (квадраты 5—13) (рис. 89), показал, что сходным был и уклон скального дна (рис. 90). Благодаря этому основной сброс карстовых вод в пещере в периоды увлажнения климата происходил именно через эту галерею, приведя к наиболее заметной эрозии ее плейстоценовых отложений по сравнению с другими частями пещеры. Судя по тому, что низы сохранившихся ашельских отложений демонстрируют более субгоризонтальное залегание, нежели косо срезанная кровля, эрозионные процессы приобрели особую интенсивность, по-видимому, уже в посташельское время. Недаром мустьерские уровни пострадали здесь в наибольшей степени, выклиниваясь в трех метрах от наружного входа (кв. 7). Ашельские же отложения — в виде линз и останцов — простирались на 2 м дальше, вплоть до входа (рис. 90).

О масштабах эрозии ашельских отложений в южной галерее свидетельствуют стратиграфические разрезы — поперечный разрез W—A—O в средней части галереи (рис. 91) и 10-метровый продольный разрез A—B (рис. 90), а также наблюдения в ходе раскопок. Общая мощность отложений на наиболее показательном разрезе W—A—O уменьшается здесь до 2,15 м за счет в основном резкого утончения мустьерских слоев 3 и 4. Ашельский же культурный слой, фиксируя неоднократно водной эрозии, расчленяется на этом участке не на три, как обычно, а на шесть останцевых уровней (5A, Б, В, Г, Д и Е), которые прослеживаются в виде тонких прослоев, линз, заполнения неглубоких карманов. Границы между подразделениями А и Б, Г и Д порой сливались, что особенно проявлялось во время разборки этих останцов в плане. Пришлось обозначить их как 5A-Б и 5Г-Д, сократив, таким образом, количество выделяемых уровней до четырех. Приводим краткое описание поперечного разреза W—A—O (сверху вниз) (рис. 91):

Слой 1. Современный. Черно-серый суглинок.

Слой 2. Мезолитический. Суглинок темно-бурый, комковатый, пятнистый (с органогенными ходами?), с угловатым щебнем и беспорядочно залегающими глыбами известняка.

Слой 3. Верхний мустьерский. Суглинок палево-желтоватый, с редким щебнем.

Слой 4. Нижний мустьерский. Суглинок темно-коричневатый с мелким окатанным щебнем, покрытым иногда черноватой марганцевистой пленкой.

Слой 5A-Б. Верхний ашельский. Суглинок желтоватый, уплотненный, с обширными — особенно у стен галереи — участками цементации и многочисленным оглаженным известняковым обломочником.

Слой 5В. Второй ашельский. Слой размытых ореховатых отдельностей с темными пленками на гранях. Заметно сцементирован, особенно в верхах и у стен, содержит много окатанных обломков известняка, а также мелкий щебень, хрящ и фрагменты натексов.

Слой 5Г-Д. Третий ашельский. Суглинок серовато-желтый, плотный, местами крупитчатый. Содержит многочисленный (до 70 % заполнения) некорродированный, слабооглаженный обломочник и редкие фрагменты натексов, покрытые черной пленкой.

Слой 5Е. Базальный ашельский. Залегал в виде линзы, перекрывая стерильный слой 6. Заполнитель отчасти напоминает таковой в слое 5В. Немногочисленный щебень заключен в слоистые фосфатные оболочки или оглажен.

Особенностью всей толщи отложений в южной галерее является отсутствие глубоких эрозионных врезов типа X_{1-3} и R_{1-2} в темной галерее и высоких пристенных поднятий ашельских слоев, наблюдаемых в восточной и темной галереях.

Раскопки южной галереи производились по частям, с разрывом в 30 лет. В 1955 г. был поставлен шурф, в 1956 г. вскрыты отложения приустьевой ее части площадью 15—16 кв. м (квадраты Е—Ж—З—И₅₋₁₀) и восточной половины входной площадки, в 1986—1987 гг. раскопана средняя часть галереи площадью около 7 кв. м (кв. Е—Ж—З₁₁₋₁₃) (рис. 89) и западная половина площадки. Нераскопанным остался лишь дальний пятиметровый участок галереи, примыкавший к центральной камере и оставленный в качестве контрольного для будущих исследований.

Первые два сезона были периодом выяснения стратиграфии и выработки методики исследования отложений стоянки. Чрезвычайно сложный, неустойчивый характер стратиграфической картины не позволил сразу расчленить ашельскую толщу на литологические подразделения, установленные в последующие годы (5A-Б, В, Г-Д и Е), поэтому в 1955—1956 гг. не могло быть сделано того подразделения находок, которое имеется в коллекции из раскопок 1986—1987 гг. В силу этих обстоятельств мы вынуждены будем вначале описать каждую коллекцию по отдельности и лишь затем синтезировать эти результаты.

Общее количество находок в южной галерее составляет 1118: 585 предметов были найдены в раскопе 1955—1956 гг., 533 — в раскопе 1986—1987 гг. Состав каждой из коллекций по основным видам сырья таков: сланцы — 46,3 % и 51,6 %, песчаник — 39,3 % и 34,9 %, местный кремний — 10,7 % и 10,7 %, соответственно. Экзотическое сырье представлено скудно:

импортный кремнь — 1,9 % и 1,1 %, андезит — 4 экз. в первом раскопе и 2 экз. во втором, обсидиан — только 1 экз. в раскопе 1955—1956 гг. Находки 1986—1987 гг. распределены по слоям следующим образом: 5А-Б — 120 экз., 5В — 225 экз., 5Г-Д — 90 экз. и 5Е — 98 экз.

Находки размещались весьма неравномерно: в отложениях хорошо освещенной площадки перед входом в галерею (линии квадратов 1—4) найдено лишь 5 предметов, в приустьевой части галереи (квадраты 5—7-е) — 53, на протяжении трех следующих метров (квадраты 8—10-е) — 528, в самой середине галереи (квадраты 11—12-е) — 520, а на последней раскопанной линии (13-е квадраты), где не удалось вскрыть сильно сцементированные низы ашельской толщи, — 13. Интерпретируя подобную неравномерность в распределении находок, следует, конечно, учесть, что в средней части галереи эрозия срезала верхнюю часть ашельских отложений в меньшей степени, нежели в привходовой части. Тем не менее столь резкое превосходство центрального участка над привходовым по числу изделий не может быть объяснено лишь за счет неодинаковой эрозии. Можно допустить, что на пятиметровом отрезке средней части галереи (8—12-е линии квадратов) находился основной бытовой центр ее обитателей. Напомним, кстати, что в восточной галерее количество находок также увеличивалось по мере удаления от внешнего входа.

Что касается других наблюдений по распределению находок в плане и по вертикали, то они имеются главным образом по раскопу 1986—1987 гг., поскольку в 1956 г., в самом начале раскопок пещеры, методика такой фиксации еще только начинала разрабатываться. Имеющиеся за 1956 г. данные позволяют, однако, сказать, что основная часть каменных изделий и фаунистических остатков была приурочена здесь к уровню, соответствующему слою 5В в раскопе 1986—1987 гг. Кроме того, на границе квадратов Д₈₋₉ и Е₈₋₉, близ западной стены галереи, было отмечено скопление песчаниковых галек, валунов и продуктов их расщепления (ядрище, нуклевидные куски, краевые и другие сколы). Один из валунов с явными следами сильной забитости служил, очевидно, отбойником.

Дислокация находок на участке раскопа 1986—1987 гг. документирована более тщательно и подробно. Количество изделий в каждом из выявленных здесь подразделений слоя 5 (А-Б, В, Г-Д и Е) уже было указано выше. В каждом из нижних уровней их было около сотни, максимальное количество — 225 экз. — в слое 5В и 120 экз. в слое 5А-Б. Рассмотрим общую картину распределения находок по стратиграфической вертикали, прослеженную благодаря нанесению их на два поперечных профиля, проходящие по стыкам ли-

ний квадратов — одиннадцатых и двенадцатых, двенадцатых и тринадцатых. Каждый из профилей вобрал находки из прилегающих к нему с юга и севера полу-квадратов, т. е. с поперечной полосы раскопа шириной в 1 м. Первый профиль (рис. 92) показывает, что 1) общая мощность ашельских напластований в этой части галереи достигает 1,2—1,3 м (глубина самой нижней находки — 598 см от нулевой горизонтали, а самой верхней — 472 см); 2) находки в пределах слоев 5А-Б и 5В залегают рассеянно и почти равномерно; 3) в 5Г, 5Д и в верхах 5Е каменные изделия и кости располагаются компактно и субгоризонтально; 4) имеется явный, почти лишенный находок «просвет» между этим скоплением и изделиями, залегающими в низах 5Е. Наблюдаемый уровень сгущения находок фиксирует, возможно, время наиболее интенсивного заселения галереи, а «просвет» — вероятный интервал в пребывании в ней человека. Второй вертикальный профиль, включающий наряду с северной половиной 12-х квадратов южную половину 13-х, где изделия почти исчезали, является менее репрезентативным (рис. 92). Однако распределение находок на нем четко обозначает глубокий эрозионный карман в толще слоя 5А-Б и общее тяготение к восточной стене галереи. Бросается в глаза и резкое увеличение костных материалов в низах ашельских отложений.

Планиграфическое размещение находок в раскопе 1986—1987 гг. менялось не только от слоя к слою, но и от горизонта к горизонту (5А-Б и 5В разбирались четырьмя условными горизонтами каждый, 5Г и Д — тремя, 5Е — пятью). Наиболее показательны в этом отношении планы распределения находок в горизонте 3 слоя 5А-Б, горизонте 4 слоя 5В и горизонте 3 слоя 5Е (рис. 93). В горизонте 3 слоя 5А-Б большинство культурных остатков сосредоточено в западной, пристенной части квадрата Е₁₁, в горизонте 4 слоя 5В они рассеяны по всей поверхности 11-х и 12-х квадратов, а в горизонте 3 слоя 5Е сосредоточены в широком кармане, врезанном в кровлю придонного стерильного слоя 6.

4.5.2. Техника первичного расщепления в коллекции 1955—1956 гг. из южной галереи

Южная часть южной галереи, раскопанная в 1955—1956 гг., доставила всего 482 скола (82,4 % находок), включая превращенные вторичной обработкой в орудия, и лишь 12 предметов, которые можно отнести к нуклеусам или нуклевидным формам (2,1 %). Распределение их по видам сырья выглядит следующим образом (табл. 13).

Таблица 13

Распределение категорий продуктов расщепления из раскопа 1955—1956 гг. южной галереи по сырьевым группам

Продукты расщепления	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень		Андезит	Обсидиан	Известняк	Всего
				местный	импортный				
Нуклеусы и нуклевидные формы	4	—	4	—	—	—	—	4	482 100 %
Сколы и их обломки в целом	197 40,9 %	107 22,9 %	119 24,7 %	42 8,7 %	11 2,3 %	4	1	1	482 100 %
Сколы-заготовки и обломки L > 2,5 см	186 42 %	104 23,5 %	101 22,8 %	40 9,0 %	7 1,6 %	4	—	1	443 100 %
Мелкие сколы и чешуйки L < 2,5 см	11 28,2 %	3 7,7 %	18 46,2 %	2 5,1 %	4 10,2 %	—	1	—	39 100 %

Данная таблица показывает примерно то же соотношение между группами сырьевых материалов, что было отмечено и в других частях пещеры. Вновь обращает на себя внимание мизерное количество мелких сколов и чешуек (8,1 % всех сколов), что выше было связано с возможным результатом интенсивной водной эрозии.

Семь нуклевидных форм отражают самую начальную стадию расщепления. Две из них — песчаниковый валун и обломок кремнистого сланца, имеющие по одному сколу, говорят скорее даже об опробовании. Собственно нуклеусами являются пять предметов, в том числе четыре песчаниковых. Все они относительно невелики (6,6—6,2 см в максимальном измерении) и имеют на тыльной стороне небольшие участки корки. Все эти нуклеусы выделяются редкой, в общем, среди яд-

рищ индустрии подправкой площадок и — в одном случае (массивное одноплощадочное ядрище) — явной подправкой рабочей поверхности мелкими сколами (рис. 94: 4), что напоминает леваллуазские формы и, возможно, указывает на зарождение этой техники. Второй нуклеус тоже является одноплощадочным. Третье ядрище демонстрирует ортогональное скалывание с грубой подправкой обеих площадок, а четвертое, отчасти поврежденное — подрадиальное. Наконец, имеется чрезвычайно миниатюрный (менее 3 см), предельно сработанный многоплощадочный нуклеус типа globeaux из кремнистого сланца.

Сколы-заготовки насчитывают 443 экз. (75,7 % находок), причем целые составляют лишь 137 экз. (от 15 % среди кремневых сколов до 41 % среди песчаниковых).

Таблица 14

Распределение размеров сколов-заготовок из раскопа 1955—1956 гг. по сырьевым группам

Основные характеристики сколов	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремень
Общее количество целых сколов	76	23	31	7
Сколы длиной от 5 до 7 см	30,2 % *	34,8 %	22,6 %	—
Сколы длиной более 7 см	30,2 %	4,3 %	16,1 %	—
Средняя длина сколов	6,3 см	4,7 см	5,0 см	3,5 см

Эта таблица демонстрирует примерно те же показатели, что прослеживались и ранее. Однако в раскопе 1955—1956 гг. южной галереи песчаниковые сколы оказались в среднем еще крупнее, нежели во всех ранее рассмотренных частях пещеры (рис. 95: 3; 108: 1). Распределение сколов из разного сырья по толщине демонстрирует сходную картину: песчаники здесь достигают средней толщины в 1,8 см, сланцы — несколько массивнее, чем обыкновенно — 1,4—1,5 см, а кремни имеют обычное малое значение — 1,0 см. К удлиненным (L/m > 2) отнесено 8 сколов, но подлинных пластин среди них нет.

Полукраевые и краевые сколы вновь распространены среди песчаников (рис. 95: 3) — до 53,7 %, а среди сланцев они редки — менее 4 % у глинистых сланцев, около 11 % у кремнистых. Три полукраевых скола сделаны из кремня (6,4 %).

Анализ ограничения спинок целых сколов показывает привычное доминирование одноплощадочного скалывания в параллельных и субпараллельных направлениях — от 48 % у песчаника до 62 % у глинистых сланцев. Вне этих рамок только кремнистый сланец, целые сколы из которого показывают лишь около 30 % случаев одноплощадочного скалывания. Примерно такова среди

* За 100 % во второй и третьей строках принято число целых сколов в каждой сырьевой группе, указанное в первой строке.

сколов из кремнистого сланца и доля ортогонального скалывания (95: 2), которое хорошо представлено и среди песчанниковых сколов-заготовок — 26 %. На третьем месте (14—18 %) встречное скалывание с противоположащих площадок (94: 1), отсутствующее только у кремневых сколов — вероятно, ввиду их малых размеров. Подрадиальное скалывание отмечено в единичных случаях, но относительно лучше представлено среди кремневых и кремненно-сланцевых сколов (94: 2, 3; 95: 3). Одному из таких сколов приданы правильные очертания (рис. 94: 3), что также наводит на мысль о возможных зачатках левалуазской техники. Как обычно, обушковые сколы наиболее характерны для песчаника — 24,2 %, а в прочих сырьевых группах составляют от 9,0 % (кремнь) до 13,4 % (глинистый сланец). Большинство крутых граней-обушков представляют собой срезанный край естественной поверхности нуклеусов, но есть и грани-площадки (рис. 95: 2).

Вновь доминируют гладкие ударные площадки, включая покрытые коркой: от 75 % у глинисто-сланцевых сколов до 60 % у кремнисто-сланцевых. Подправленные площадки чаще встречаются среди кремнисто-сланцевых сколов — около 40 %, около четверти их отмечено у песчанниковых и глинисто-сланцевых сколов-

заготовок (рис. 94: 2). Хуже всего — 10 % — обстоит дело с подправкой площадок у кремневых изделий. Средний угол скошенности площадок, как обычно, демонстрирует независимость от типа сырья и колеблется в интервале 107,6 — 108,8°.

В целом техника расщепления в коллекции из раскопа 1955—1956 гг. южной галереи имеет черты, очень близкие тем, что отмечались ранее для коллекций из других частей пещеры. Отличительной чертой этой коллекции является, пожалуй, довольно тщательное оформление нуклеусов и несколько более крупные, чем в других частях пещеры, габариты песчанниковых заготовок.

4.5.3. Техника расщепления в коллекции 1986—1987 гг. из южной галереи

Из 533 находок к продуктам расщепления отнесены 400 экз.: 367 сколов и их фрагментов (68,9 %) и 33 нуклевидных формы (6,2 %). Собственно нуклеусы составляют 27 экз. (5,1 %). Рассмотрим вначале, как обычно, распределение их по сырью и по слоям 5А-Б, 5В, 5Г-Д и 5Е. Поскольку два нижних уровня маломощны и дали мало находок, мы будем характеризовать их суммарно.

Таблица 15

Распределение категорий продуктов расщепления из раскопа 1986—1987 гг. южной галереи по сырьевым группам

Продукты расщепления	Слой	Песчаник	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремнь		Андезит	Известняк	Всего 100 %
					местный	импортный			
Нуклеусы и нуклевидные формы	5А-Б	—	3	2	1	1	—	—	7
	5В	5	8	1	—	—	—	2	16
	5Г-Д-Е	6	1	—	1	—	—	2	10
Сколы в целом	5А-Б	39/48,2 %	25/30,9 %	6/7,4 %	9/11 %	—	2/2,5 %	—	81
	5В	48/29,8 %	66/41 %	26/16,1 %	16/9,9 %	5/3,1 %	—	—	161
	5Г-Д-Е	41/32,8 %	41/32,8 %	25/20 %	16/12,8 %	1	—	1	125
Сколы-заготовки и их обломки	5А-Б	36/50,7 %	24/33,8 %	6/8,5 %	5/7 %	—	—	—	71
	5В	44/30,3 %	61/42,1 %	24/16,6 %	16/11 %	—	—	—	145
	5Г-Д-Е	36/36,4 %	39/39,4 %	12/12,1 %	10/10,1 %	1	—	1	99
Мелкие сколы и чешуйки L < 2,5 см	5А-Б	3	1	—	4	—	2	—	10
	5В	4	5	2	3	2	—	—	16
	5Г-Д-Е	5	2	13	6	—	—	—	26

Сырьевой состав сколов из раскопа 1986—1987 гг. южной галереи в целом близок таковому в других частях пещеры: доминируют сланцы, на втором месте — песчаник, а кремнь, как обычно, составляет немногим более 10 %. В то же время, благодаря расчленению материала по слоям в этой коллекции из южной галереи,

как и в темной галерее, проявился рост доли песчаника в верхнем слое 5А-Б. Однако если в темной галерее увеличение доли песчаника привело лишь к уравниванию ее с долей сланцев, то здесь в верхнем уровне (слой 5А-Б) число песчанниковых сколов даже превосходит сланцевые.

Несмотря на большое количество песчаниковых сколов в 5А-Б, нуклеусы из этого сырья там не представлены. В этом уровне найдено всего 6 нуклеусов. Из глинистого сланца сделаны три ядрища: два относительно крупных ($8,1 \times 6,4 \times 4,1$ и $5,3 \times 4,6 \times 2,9$ см) одноплощадочных и маленький двухплощадочный торцовый. Все они имеют на тыльной стороне галечную корку. На первом из одноплощадочных с гладкой прямой площадки сделаны лишь два небольших снятия, что говорит, видимо, о начальной стадии скалывания. Второе ядрище отличается слабовыпуклой поверхностью скалывания, образованной гранями трех субпараллельных сколов, снятых с гладкой корочной, но при этом естественновыпуклой площадки. Мелкий ($4,2 \times 2,6 \times 1,9$ см) торцовый нуклеус демонстрирует встречное скалывание с расположенных под тупым углом гладких площадок, т. е. фактически в двух плоскостях. Маленькие размеры как самого ядрища, так и негативов, а также заломы большинства снятий предполагают остаточный характер этого нуклеуса. К остаточным, вероятно, можно отнести и два кремневых нуклеуса сходных и еще меньших размеров. Первый, сделанный из приносного кремня, относится к двусторонним двухплощадочным со встречным скалыванием (тип «джрабер») с гладких площадок. На одной из сторон имеются еще подперпендикулярные основным мелкие снятия с заломом — попытка либо изменить направление скалывания, либо подправить рабочую поверхность. Второй, совсем крошечный, кремневый нуклеус — простой одноплощадочный, но выделяется фасетированной выпуклой площадкой. Наилучший образец ядрищ верхнего слоя представлен одноплощадочным нуклеусом на гальке окремненного сланца ($7,7 \times 9,4 \times 5,6$ см). Слабовыпуклая поверхность с боковой подправкой, фасетированные площадки и очень правильные очертания расположенного в центре крупного негатива делают это ядрище похожим на левалуазские формы (рис. 94: 5).

В слое 5В найдено 12 нуклеусов. Любопытно преобладание здесь, против обыкновения, более сложных и редуцированных форм. Из пяти песчаниковых ядрищ только одно — крупное, на валуне — является простым одноплощадочным с единичным сколом подправки корочной площадки. Два демонстрируют радиальное расщепление — поддисквидное ядрище ($7,9 \times 5,9 \times 3,0$ см) на расколоте гальке или полукраевом сколе со скалыванием прямо с галечной поверхности и меньший по размеру двусторонний диск со скалыванием от его ребра. Значительную степень срабатывания можно предположить для еще двух песчаниковых ядрищ — мелкого с многочисленными плоскостями скалывания, служившими одновременно в качестве площадок (*globuleaux*), и небольшого с двумя подперпендикулярными рабочими поверхностями. Более широкая и плоская демонстрирует ортогональное скалывание с гладкой корочной и грубо фасетированной площадок. На другой, более выпуклой поверхности, для которой первая выступила в роли площадки, скалывание производилось в одном направлении и носит подпризматический характер.

Среди пяти нуклеусов из глинистого сланца имеется один среднеразмерный одноплощадочный с гладкой площадкой, один очень мелкий, сработанный, со встречным скалыванием, а также три более сложные формы. Две из них, более мелкие по размеру, также, видимо, принадлежат к остаточным: двусторонний двухплощадочный («джрабер») с подправленными площадками и *globuleaux*. Довольно крупный нуклеус ($6,8 \times 8,4 \times 5,6$ см), площадками для которого служили противоположные поверхности довольно крупного валуна, является двусторонним. На одной поверхности скалывание было одноплощадочным, на другой — двухплощадочным встречным. Единственный нуклеус из кремнистого сланца представляет собой, по-видимому, верхнюю часть расколоте примерно пополам одностороннего диска, сделанного из уплощенной гальки. В слое 5В найден, наконец, и один простой одноплощадочный нуклеус на обломке известняка.

Нижняя толща слоя 5 (5Г-Д-Е) доставила девять нуклеусов. Из пяти песчаниковых три весьма сходны — это крупные одноплощадочные нуклеусы на валунах с гладкими корочными площадками. Они, кстати говоря, были найдены на одном квадрате и почти на одинаковой глубине. Одно из ядрищ выделяется несколько более выпуклой поверхностью скалывания. Еще один нуклеус меньшего размера ($6,9 \times 6,1 \times 3,4$ см) также сделан на валуне, но срабатывался как односторонний поддисквидный. Последний песчаниковый нуклеус имеет сходные габариты, но характеризуется бессистемным многоплощадочным скалыванием (*globuleaux*), что обычно более свойственно мелким сработанным формам. Глинистый сланец был использован дважды — для довольно крупного и удлиненного двухплощадочного нуклеуса со встречным скалыванием, обе площадки которого забиты и неопределимы, и для меньшего по размерам ($5,7 \times 5,5 \times 3,3$ см) одностороннего диска на гальке. Площадки последнего ядрища местами гладкие, естественно-корочные, а местами грубо подправлены крупными снятиями. Имеются, наконец, еще два небольших одноплощадочных нуклеуса из кремнистого сланца или кварцита и из кремня. Оба они имеют гладкие площадки.

Итак, в раскопе 1986—1987 гг. южной галереи встречено всего 27 нуклеусов: по 10 из песчаника и глинистого сланца, по 3 из кремнистого сланца и кремня и один из известняка. Чуть менее половины ядрищ (12) представлены простыми одноплощадочными формами, еще в трех случаях одностороннее срабатывание было встречным (все — глинистый сланец), а в четырех радиальным или подрадиальным. Двусторонние формы (5) включают два ядрища типа «джрабер», два ядрища с сочетанием одноплощадочного с встречным и одноплощадочного подпризматического с ортогональным, а также один двусторонний диск. Три нуклеуса, наконец, демонстрируют бессистемное многоплощадочное скалывание. Подправка площадок зафиксирована у пяти ядрищ, но в большинстве случаев она является довольно грубой. Подправка поверхности небольшими сколами отмечена лишь у двух ядрищ. Некоторой параллелью отмеченным ранее в коллекции 1955—1956 гг. раз-

витым формам ядрищ является лишь упомянутый нуклеус протолеваллуазского облика, имеющий к тому же и более тщательно фасетированные площадки. Следует подчеркнуть значительную степень сработанности многих нуклеусов. Особенно привлекает внимание заметная редукция более чем половины песчаниковых ядрищ (небольшие размеры, многоплощадочное скалывание), что, помимо коллекции 1986—1987 г. и описанной выше коллекции 1955—1956 г. из южной галереи, наблюдалось еще только в материалах темной галереи.

Относительно большое количество (5 % находок) и сильная степень сработанности нуклеусов на участке раскопа 1986—1987 гг. может отчасти объяснить повышенную долю мелких сколов и чешуек в этой части южной галереи — 14,2 % против 8,1 % на участке раскопа 1955—1956 гг. Основная часть их, судя по размерам и морфологии, связана, видимо, именно с первичным расщеплением. В качестве возможных отходов от

вторичной обработки допустимо рассматривать не более десятка таких сколов.

Число целых сколов-заготовок, пригодных для всестороннего анализа, в раскопе 1986—1987 гг. еще меньше, чем в раскопе 1955—1956 гг. — лишь 116 экз. Если же начать рассматривать их не только по четырем основным сырьевым группам, но и по слоям, то количество целых сколов в каждом случае оказывается совершенно мизерным и непригодным для статистических сопоставлений. Максимальное количество целых сколов из песчаника, например, отмечено в слое 5В и составляет всего 25 предметов. Кремнистый же сланец и кремнь ни в одном уровне не представлены даже десятком изделий. По этой причине мы вынуждены не рассматривать распределение основных параметров целых сколов по слоям, а сопоставить только сырьевые группы.

Таблица 16

Распределение размеров сколов-заготовок из раскопа 1986—1987 гг. по основным сырьевым группам

Основные характеристики	Песчаники	Глинистые и глинисто-кремнистые сланцы	Кремнистые сланцы и алевролиты	Кремнь экз.
Общее количество целых сколов	62	29	16	9
Сколы длиной от 5 до 7 см	37,1 %*	31,0 %	18,8 %	1
Сколы длиной более 7 см	25,8 %	20,7 %	12,5 %	1
Средняя длина сколов	5,9 см	5,2 см	4,7 см	

Полученные данные довольно близки подобным показателям из других частей пещеры. Средняя длина кремневых сколов не указана, поскольку длина восьми из девяти таких изделий не превышает 4 см, а последнее имеет длину 9,4 см. Не забывая о малочисленности выборок для уверенных статистических выводов, укажем все же на несколько большие, нежели во всех прочих частях пещеры, размеры песчаниковых и глинисто-сланцевых сколов. О том же говорят и показатели средней толщины. Следует с осторожностью отметить, что в 5А-Б размеры песчаниковых сколов как будто несколько уменьшаются.

Картина распространения в разных сырьевых группах краевых и полукраевых, а также естественно-обушковых сколов вновь чрезвычайно близка таковой, наблюдаемой в других частях пещеры. Полукраевые и краевые сколы составляют до 60 % среди песчаниковых сколов (рис. 95: 1, 5), около 30 % — среди сколов из кремнистого сланца, нередко встречававшегося, очевидно, в виде галек, и лишь незначительно превышает 10 % в группах глинистых сланцев и кремней. Естественные обушки, как обычно, наиболее распространены у песчаниковых сколов — около 30 %. Заметим, что из 34 таких сколов 25 имеют обушки, покрытые валунной коркой (рис. 95: 5). У сколов из сланцев и кремня доля обушковых сколов колеблется от 12,5 % (кремнь) до

19 % (кремнистый сланец). Покрытые коркой обушки здесь попадают реже — самое большее у трети обушковых сколов (кремнистый сланец).

Удлиненные сколы редки — 6 экз. Пять из них найдено в слое 5В: два из песчаника, два из глинистого сланца и один кремневый. Еще один такой скол из глинистого сланца найден в слое 5Е. К собственно пластинкам, то есть сколам с параллельно или субпараллельно расположенными негативами, можно отнести не более трех сколов. Наиболее четкую субпараллельную границу имеет только один из них (глинистый сланец, 5Е), а у двух других единственный продольный негатив сочетается с неясной по способу получения гранью. Еще три скола — два песчаниковых и глинисто-сланцевый — являются пластинчатыми отщепами с короткими обушками.

Спинки сколов анализировались только по целым экземплярам. Полностью короткое покрытие имеют спинки 19 сколов, из которых 14 являются песчаниковыми. Среди сколов с негативами предшествующих снятий два скола из кремнистого сланца оказались трудноопределимыми с точки зрения их направления. Таким образом, мы можем рассмотреть характер скалывания на спинках 95 сколов. Во всех сырьевых группах преобладает, как обычно, одноплощадочное скалывание — параллельное (около 30 %) и субпараллельное,

* За 100% во второй и третьей строках принято число целых сколов в каждой сырьевой группе, указанное в первой строке.

конвергентное (20—25 %) (рис. 95: 5). В то же время, нужно иметь в виду, что некоторые варианты с субпараллельно идущими негативами могут отражать и скалывание типа «веера» и даже радиальное — в том случае, когда скол является относительно коротким и узким и не срезает другие, направленные под большим углом негативы. Явно поддисковидное скалывание демонстрируют здесь 12,6 % всех определимых спинков сколов, включая восемь песчанников, три глинисто-сланцевых и один кремнисто-сланцевый. Примерно таким же процентом представлены спинки сколов с негативами, указывающими на двухплощадочное ортогональное и встречное скалывание (рис. 95: 5). Однако если среди песчанников эти варианты столь же часты, как и радиальный (по 8 экз.), то у сланцев радиальная огранка распространена в меньшей степени. Еще три скола имеют негативы от подперекрестного трехплощадочного скалывания, а последние два относятся к реберчатым. Оба они короткие и очень массивные, срезающие, судя по всему, часть площадки и примыкающую к ней часть рабочей поверхности. Подобные сколы, встречавшиеся и в других частях пещеры, были, очевидно, нужны для переориентации скалывания. Как и ранее, отмечены сколы из песчаника с двумя бугорками (3 экз.) — следствие касания отбойника одновременно в двух точках, что неудивительно, учитывая редкость выпуклых площадок.

Ударные площадки удалось определить у 130 сколов-заготовок. Однако в каждой из разных сырьевых групп число сколов с такими площадками оказалось вновь слишком невелико, чтобы рассматривать их подробно. Так, наибольшее их количество, зафиксированное у песчанниковых сколов, составляет лишь 66 экз., что при раскладке по слоям дает от 19 до 27 образцов. У прочих сырьевых групп число определимых площадок в каждом из уровней слоя 5 едва ли достигает или даже не достигает десятка. Поэтому мы вынуждены будем охарактеризовать их главным образом только по сырьевым группам. Гладкие площадки — образованные плоскостью раскола или корочные — составляют в целом 76,9 % и абсолютно доминируют во всех группах, образуя от 72 % у кремневых сколов до 76 % у песчанниковых и 80 % у глинисто-сланцевых. Корочные площадки среди гладких составляют от более чем половины (песчаник, кремнистый сланец) до 10 % случаев (глинистый сланец). Как и в случае с распространением корки на спинках сколов, это связано, очевидно, с основной исходной формой сырья (галыки и валуны либо плитчатые или угловатые обломки).

Подправленные площадки довольно редки — 30, или 23,1 % всех определимых площадок. Из них двугранные (12, или 9 %) распределены довольно равномерно по всем сырьевым группам. Фасетированные (18 (13,9 %)) включают таковые с относительно грубой подправкой (8) и отделанные более мелкой ретушью (10). Практически все грубофасетированные отмечены у песчанниковых сколов (7 экз.). Более тщательно фасетированные площадки чаще встречаются у кремневых сколов (2 из 11) и у кремнисто-сланцевых (4 из 23), в то время как среди 30 глинисто-сланцевых сколов подоб-

ные площадки отмечены лишь однажды, а среди 66 песчанниковых сколов с определимыми площадками — трижды (около 4,5 %). Это мизерное количество, но следует обратить внимание, что ранее тщательно фасетированные площадки вообще практически не фиксировались на песчанниковых изделиях (максимальная доля 0,7 % в центральной камере). В целом же фасетированные площадки среди песчанниковых сколов составляют здесь около 15 %, что близко этому показателю в коллекции 1955—1956 гг. (13 %), но выше, чем в других частях пещеры. Средняя величина угла ударных площадок, как всегда, не показывает корреляции с типом сырья и практически не отличается от значений, полученных для коллекций сколов из других частей пещеры — немногим более или немногим менее 110°.

4.5.4. Орудия из южной галереи (коллекция 1955—1956 гг.)

В раскопе 1955—1956 гг. южной галереи обнаружено 177 предметов, которые можно определить в качестве орудий (30,3 %). Такой процент орудий несколько выше, нежели в темной галерее, и намного выше, нежели в восточной галерее (19,9 %) и в центральной камере (19,1 %). Не следует, однако, забывать о наиболее заметных следах водной эрозии отложений именно в темной и южной галереях, что могло привести к выносу части мелкогабаритных продуктов расщепления и, соответственно, сокращению доли отходов.

Чопперы (4 экз.). Три из них оформлены на речных песчанниковых валунах, четвертый — на плитчатом куске кремнистого сланца, явно искусственно отделенном по плоскостям кливажа от более крупного блока этой породы. Два валунных образца также имеют двоякоплоскую брусковидную форму, третий же является плоско-выпуклым. Два чоппера имеют вытянутые пропорции и являются концевыми, или поперечными. Два других можно отнести как к поперечным, так и к боковым, поскольку их длина равна ширине. Наиболее законченный, как кажется, и морфологически хорошо выраженный облик имеют два последних чоппера (1,1×11,3×5,0 см и 9,0×9,3×6,7 см). Их лезвия — почти прямое у одного и выпуклое у другого — достаточно хорошо выровнены в плане посредством крупных снятий, рассекавших весь поперечник орудий, и небольшой дополнительной подретушью. Угол заострения лезвий одинаков — 65—70° (рис. 96). Данный довольно совершенный вид ашельских чопперов весьма характерен для индустрии Кударо I.

Ручные рубила (11 экз.). Разнообразные формы, имеющие сплошную или частичную двустороннюю оббивку и варьирующие по типу заготовки, размерам и морфолого-функциональным характеристикам. Как и в других частях пещеры, их можно подразделить на две более или менее четкие группы: крупные ручные рубила (5 экз.) и небольшие грубо оформленные рубила (6 экз.).

Наибольший интерес представляют крупные ручные рубила, три из которых изготовлены из сланца, два — из песчаника. Самым крупным и выразительным

является сланцевый бифас (рис. 97), найденный в северной части раскопа 1956 г. в самой подошве ашельского слоя на глубине 562 см от нулевой горизонтали. Дистальный конец этого орудия утрачен в древности. Лезвия и межфасеточные ребра сильно оглажены. Длина сохранившейся части составляет 16,8 см, ширина равна 10,8 см, толщина — 5,0 см. Очертания его напоминают прямоугольник, дистальная часть которого закруглена по широкой дуге. Основание — ровное, необработанное — представляет собой массивную пятку. Заготовкой для этого орудия послужил, судя по сохранившемуся фрагменту брюшка, крупный сланцевый отщеп. Поперечное сечение в виде параллелограмма, грани которого попарно разновелики и параллельны, свидетельствует об оббивке его сторон с двух противоположных вспомогательных (переходных или временных) ударных площадок, срезанных при окончательной отделке продольных лезвий. На двускатных выпуклых сторонах орудия площадки эти составляли часть более крутых скатов. Мельчайшие фрагменты таких площадок сохранились только в привершинной части орудия. Следует, однако, отметить, что оббивка базальной части рубила была произведена не от этих боковых площадок, а от его пятки — снятиями, направленными снизу вверх вдоль длинной оси предмета. Умелое использование вспомогательных площадок и пластичность породы позволили завершить обработку этого бифаса считанным количеством крупных снятий. На каждой стороне отмечено не более 10—12 негативов таких снятий, причем наиболее крупные из них достигают размеров 7х7 см. Продольные лезвия этого рубила при такой обработке были настолько хорошо выпрямлены, что их дополнительной ретушной отделки не понадобилось.

Второе крупное ручное рубило (10,8х8,2х4,0 см) изготовлено из песчаника и является овальным, оформленным довольно грубой оббивкой по всему периметру (рис. 98: 1). Продольные лезвия его лишены тщательной подправки и в профиль имеют зигзагообразную форму.

Третье рубило (13,1х7,0х2,2 см) представляет собой частичный бифас с обушком (*biface à dos*), но весьма посредственный с точки зрения правильности формы и качества обработки (рис. 98: 2). Изготовлено оно на довольно тонком краевом отщепе, сколотом с гальки кремнистого сланца и имеющем удлинненно-сердцевидные очертания. Поверхность орудия покрыта молочно-белой, местами отслаивающейся коркой толщиной до 1,0—1,5 мм — результат десилификации известняка или, скорее всего, осаждения карбонатно-фосфатного материала. Поперечное сечение орудия является плоско-слабовыпуклым. Плоская (брюшковая) поверхность оббита несколькими мелкими плоскими или пологими снятиями только близ острия и по правому краю. Верхняя, слабовыпуклая сторона оббита таким же образом по этому же краю и в дистальной половине предмета. В целом вся оббивка довольно лаконична и небрежна, дистальное острие расположено асимметрично, ретушная отделка лезвий отсутствует. Возможно, мастер считал свою работу законченной, поскольку его вполне устроили полученные им достаточно прямой лезвийный край и слегка изогнутое «клювовидное» острие (подоб-

ный изгиб острия, кстати сказать, отмечен и на некоторых других кударских рубилах).

Четвертое и пятое крупные рубила представлены фрагментами. Четвертое — это базальный обломок сланцевого двоякоплоского и частично двусторонне обработанного орудия (рис. 99: 3), отличающегося необычной шириной и тонкостью ((8,8)х11,2х2,7 см). Пятое, песчаниковое, также является частичным и лишенным дистальной части. Оно имеет подтреугольные очертания и наиболее архаичный вид: сечение массивно, лезвия оббиты немногочисленными сколами, толстая (4,8 см) пятка покрыта галечной коркой.

Вторая группа ручных рубил (6 экз.), включающая 4 песчаниковых и 2 кремнисто-сланцевых орудия, стабильна по размерам (6—7 см в длину), но отличается грубостью и незаконченностью частичной двусторонней оббивки. Заготовками для рубил этой группы служили массивные краевые отщепы, сколотые с галек. Два предмета сохранились только в виде базальных половин. Рассматриваемые «бифасальные полуфабрикаты» залегали кучно в пределах восьмых—десятих линий квадратов южной галерей. Скопления подобных вещей не отмечены в других местах пещеры. Возможно, это указывает на то, что обитатели южной галереи еще не освоили в тот период местное песчаниковое и кремнисто-сланцевое галечно-валунное сырье. Изображаем два рубила из этой группы: песчаниковое (7,0х5,1х3,9 см) (рис. 99: 2) и лучше других оформленное кремнисто-сланцевое (6,6х3,2х3,1 см) (рис. 99: 1).

Рубильца (4 экз.). Три сланцевых (рис. 100: 1, 3) и одно зеленокремневое (рис. 100: 4). Первые — двоякоплоские и тонкие, напоминают подобные в центральной камере. Более массивное (4,4х3,5х2,1 см) кремневое может быть определено как миндалевидное рубильце с обушком.

Листовидные орудия (2 экз.). Как и в других частях пещеры, они сделаны из сланца и сохранились в виде фрагментов. Один из встреченных здесь фрагментов — узкий, второй же — более широкий обломок дистальной части орудия (рис. 100: 2).

Остроконечники (1 экз.). Единственный экземпляр, изготовленный из кремнистого сланца, который вполне, на наш взгляд, соответствует этой атрибуции. Это крупный, удлинненный и достаточно массивный предмет (6,8х3,0х1,7 см) с двумя сходящимися обработанными лезвиями, ретушь на которых, однако, различна: левый край подправлен небрежной крутой зубчатой ретушью, правый — ретушью ровной, но отвесной, нависающей, которая свидетельствует, видимо, о сильной его сработанности. Орудие, к сожалению, повреждено при раскопках (рис. 104: 6).

Линасы (1 экз.). Это небольшое орудие из светлого кремня найдено в шурфе 1955 г. Один из концов его обломан в древности (рис. 102: 1).

Скребля (65 экз.). Как и в других частях пещеры, они изготовлены в основном (42 экз.) из более легко расщепляемых глинистых и кремнистых сланцев. Песчаник использован в 14 случаях, кремень — в трех. Андезит и халцедон представлены единичными предметами. Подавляющее большинство скребел оформлено на

сравнительно небольших сколах: средние размеры их колеблются в пределах 5—6 см в длину и 1,5—2,0 см в толщину (лишь 9—10 сколов достигают толщины 2—3 см). В оформлении рабочих лезвий преобладает ретушь краевая, нередко скудная, однорядная, разреженная или легкая кромочная. Применение ретуши распространенной и ретуши полукрутой ограничено (6—7 экз.). Рабочие лезвия скребел, изготовленных из непрочных глинистых и листоватых сланцев, часто заметно оглажены и порой отчасти выкрошены. 50 скребел являются однолезвийными, 15 — двойными.

Однолезвийные скребла содержат 20 поперечных и 30 боковых. Из них 29 экз. имеют более или менее прямые лезвия, 10 экз. — выпуклые, 2 экз. — вогнутые и 8 экз. — неправильной формы (выпукло-вогнутые или зубчатые). Очертания этих скребел весьма разнообразны, но если некоторые боковые расположить, как поперечные, ретушированными лезвиями вверх, то 4 поперечных и 5 боковых скребел образуют вместе небольшую группу (9 экз.) предметов, имеющих сравнительно близкие размеры и форму. Это довольно тонкие (1—2 см), продолговатые (5—7 см) и узкие (2,5—4,0 см) сланцевые изделия, аналогичные скреблам подпрямоугольных или подтрапецевидных геометризованных очертаний из верхних ашельских уровней восточной галереи, центральной камеры и из верхнего ашельского слоя 5А-Б в соседнем раскопе 1986—1987 гг. этой же южной галереи. Такая форма, как представляется, была придана данным орудиям намеренно путем усечения или подтески одного или обоих концов со стороны брюшка или спинки исходных заготовок. Скребла эти являются обушковыми, поскольку противоположный лезвию край оставлен утолщенным (естественная крутая грань скола или намеренный облом) (рис. 100: 5—8; 101: 6). К этой группе примыкает сходное по очертаниям и оформлению, но гораздо более крупное, наибольшее среди сланцевых одинарных скребел (10,3×6,2×3,2 см) орудие, сильно выпуклый рабочий край которого приострен крупной распространенной ретушью (рис. 101: 7). Единичные экземпляры небольших сланцевых скребел, сближающихся, кстати сказать, по очертаниям со скреблами вышеописанной группы, оформлены более тщательной полукрутой (рис. 101: 1) или распространенной (рис. 101: 4) ретушью. Приведем рисунки еще нескольких образцов — двух лучших поперечных скребел из песчаника (рис. 101: 3, 5), массивного скребла типа полукина из кремнистого сланца (рис. 101: 2) и мелкого поперечного краснокремневого, выпуклый рабочий край которого, отделанный высокой ретушью (*surelevée*), демонстрирует явные следы сильной редуции и износа (рис. 102: 4). Особняком, наконец, стоит массивное боковое брюшковое скребло из песчаника, являющееся наиболее крупным (12,5×7,6×4,6 см) в серии однолезвийных скребел. Рабочее лезвие его приострено крупной пологой ретушью, а дистальный конец утончен крупным плоским снятием (рис. 102: 8).

Двулезвийные скребла (15 экз.) содержат 7 двойных боковых скребел, включая 4 противоположащих, 5 конвергентных и 3 угловатых. Боковые скребла изго-

товлены главным образом на небольших удлиненных пластинчатых отщепах, скребла конвергентные — на подтреугольных сколах, угловатые — на подчетыреугольных. Половина двойных скребел, в том числе два наиболее крупных конвергентных и два угловатых, изготовлены из песчаника. Какие-либо признаки стандартизации как двойных боковых скребел, так и скребел со сходящимися лезвиями не прослеживаются. Ретушная отделка разнообразится от едва намеченной кромочной или краевой у большинства рассматриваемых форм до крупной полукрутой и крутой, а порой зубчатой у некоторых песчаниковых орудий. Приведем изображения самых характерных двойных боковых скребел (рис. 102: 2, 3).

Среди скребел со сходящимися лезвиями наиболее выразительны четыре крупных скребла из песчаника — два конвергентных (рис. 102: 5, 7) и два угловатых (рис. 103: 5, 6). Все они изготовлены на отщепах различных очертаний. На первом из конвергентных (4,8×7,1×2,6 см) лезвия сходятся под тупым углом, на втором ((6,3)×8,1×3,0 см) — под острым, хотя само дистальное острие утрачено в древности. Угловатые скребла — двулезвийные и трехлезвийные — отличаются еще более резко. Рабочие лезвия первого, наиболее крупного в данной коллекции скребла (12,2×7,2×4,0 см) расположены под прямым углом. Одно из них, дистальное — прямое и короткое — приострено под углом 70—75°, а левое, продольное, грубо оббито крупной зубчатой ретушью. Правый продольный край, частично сохранивший валунную корку, выполняет роль толстого обушка (рис. 103: 6). Второе угловатое — двойное — имеет подпрямоугольные очертания (6,8×8,2×2,6 см) и отличается наиболее аккуратным оформлением всех трех рабочих лезвий: дистальный поперечный край подправлен двухрядной крутой (70—75°) ретушью, а боковые края — ретушью одинарной пологой (рис. 103: 5).

Скребки (27 экз.). Для их изготовления, как представляется, отбирались наиболее прочные породы: светлый и розовый импортный (?) кремль, кремнистый сланец и черная, плотная и непрозрачная местная кремнистая порода, принадлежащая, по всей видимости, к лидитам. Песчаник был использован лишь в четырех случаях, а андезит — в одном.

Скребки, как и скребла ашельской кударской индустрии, содержат сравнительно развитые, на наш взгляд, компоненты. Многообразие форм скребков выражено здесь более или менее отчетливо. Таковы концевые скребки на удлиненных заготовках, скребки, рабочие лезвия которых выделены одной или двумя выемками (*à museau* и *à épaulement*), крупные и массивные округлые скребки. По-настоящему стандартизованных форм здесь все-таки нет, поскольку скребки указанных групп различаются по технологическим особенностям сырья, характеру исходных заготовок, крутизне, ширине и очертаниям рабочих краев, величине врезов, образующих плечиковые формы, замене кое-где выемок обломами и т. п. Тем не менее, как нам кажется, можно говорить о намечающейся тенденции к изготовлению набора более или менее устойчивых в морфологическом

отношении форм. Формируются и определенные приемы обработки, придающие этим орудиям тот или иной типолого-морфологический облик. Это касается не всех скребков данной коллекции: многие из них, оформленные на плоских заготовках, сделаны весьма небрежно и атипичны.

Приведем краткие данные о скребках всех проследженных нами морфологических групп.

1. Концевые скребки на удлинённых заготовках (5 экз.). Наиболее архаично выглядит лидитовый (?) концевой скребок, оформленный на дистальном конце брюшка крупного и массивного (8,2×4,7×2,6 см) пластинчатого отщепы с натуральным обушком. Округлый рабочий край его получен ретушью полукина и имеет угол 70—75° (рис. 103: 4). С обратной стороны этого края имеется широкий желобчатый скол, срезавший подходящее сюда ребро между двумя гранями спинки, что позволило создать ровную в профиль линию лезвия. Левый продольный край предмета носит зубчатый характер, возможно, вследствие утилизации. Второй скребок этого типа оформлен на узком и тонком плитчатом обломке. Третий является микроскребком с тщательно отретушированным округлым лезвием (рис. 103: 1). Особо выделяется крупный концевой скребок на песчанниковой гальке, который тяготеет к нуклеидным формам (рис. 102: 6).

2. Концевые плечиковые скребки (7 экз.). Три из них сделаны на удлинённых заготовках, зауженный рабочий край которых фланкирован одной (*grattoir à éraulement*) (2 экз.) или двумя (1 экз.) выемками. Наиболее показательны два сланцевых одноплечиковых экземпляра. На первом ширина узкого рабочего края («рыльца»), ограниченного с правой стороны клектонской выемкой, составляет 2 см. Кроме того, весь корпус этого скребка был намеренно заужен продольным обрубом левого края исходной заготовки (рис. 104: 7). Второй одноплечиковый скребок скроен сходным образом (рис. 104: 5), но обруб здесь нет, клектонская выемка шире, рабочее лезвие, напротив, уже (1,5 см). На базальном конце данного скребка с брюшковой стороны намечено еще одно скребковое лезвие. Третий удлинённый скребок — двуплечиковый (*a museau*), оформленный на массивном конце длинного (9,1 см) полукраевого пластинчатого скола, имеет еще более узкое лезвие (1,0 см), фланкированное двумя выемками (рис. 104: 8). Имеются также небольшие и короткие двуплечиковые скребки, фланкированные двумя выемками (4 экз.). Они различаются по величине и характеру выемок (клектонские или ретушированные), по размерам и крутизне рабочих краев, по ретушной отделке и т. д. Сказанное хорошо иллюстрируют, как кажется, два образца таких скребков (рис. 104: 1, 2).

3. Крупные массивные скребки подокруглых очертаний (4 экз.) (рис. 103: 2, 3). Наиболее крупный, сделанный из песчаника, имеет размеры 6,0×5,3×3,0 см (рис. 104: 9).

Имеется, наконец, большая группа мелких скребков (11 экз.), имеющих различные очертания, выпуклое или прямое рабочее лезвие (рис. 104: 3, 4). Они определены

как плоские атипичные скребки, причем один из них отнесен к скребкам с определенной долей условности.

Выемчатые изделия (15 экз.). В большинстве своем они, как и скребки, изготовлены из породы типа лидита или приближающихся к нему по твердости кремнистых сланцев. Четыре предмета сделаны из песчаника, два — из более мягких светлых разновидностей сланцев. Намеренность специального изготовления некоторых полых и неглубоких выемок оставляет определенные сомнения. Наименее спорные и морфологически хорошо выраженные выемчатые формы изготовлены из кремнистых сланцев. Наиболее показательны несколько «геометризованных» образцов — прообразов более поздних мустьерских треугольников и четырехугольников с выемкой. На двух из них, наиболее массивных, выемки оформлены ретушью (рис. 105: 3, 7), на трех других представляют собой клектонские врезы (рис. 105: 2, 4). Имеются еще 8 орудий с клектонскими выемками на боковых краях продолговатых отщепов (рис. 105: 5, 10) и 2 с подобными выемками на дистальных концах (рис. 105: 6).

Зубчатые орудия (4 экз.). К зубчатым орудиям могут быть причислены, прежде всего, два отщепы с крупной зубчатостью продольных лезвий, образованной несколькими смежными выемками. Кроме них выделено еще два мелких кремневых отщепы, на краях которых имеется мелкая крутая или полукрутая, противоположная или лицевая ретушь (рис. 105: 1).

В составе коллекции 1955—1956 гг. имеется еще более 70 предметов (отщепы и их фрагменты, аморфные обломки) с мелкой и нерегулярной зубчатой ретушью или, скорее, с зазубренностью и выщербленностью краев. Это могут быть следы утилизации или естественных повреждений необработанных лезвий, а также — порой — их незначительной искусственной подправки.

Клювовидные формы (20 экз.) представляют собой весьма широкий набор ашельских прототипов более поздних мустьерских и верхнепалеолитических орудий, классифицируемых обычно как клювы (*becs*), резцеvidные острия (*becs burinantes alternés*), проколки, шилья, развертки. Кударские изделия отличаются лишь более крупными, как правило, габаритами и более примитивным оформлением. Длина сколов-заготовок, на которых изготовлена половина этих орудий, колеблется в пределах 5—9 см, а в одном случае достигает 12 см. Наиболее крупные образцы этих изделий изготовлены из песчаника (5 экз.), наиболее мелкие (3—4 см) — из кремня и кремнистого сланца, остальные же — из других разновидностей сланца.

Выделение клювов, шильев, проколов и острий за редким исключением производилось с помощью клектонских выемок. Последние весьма варьируют по размещению их на заготовках, по ширине и глубине врез, по крутизне лезвий. Они фланкируют рабочие элементы с одного или обоих краев, с одной или (в случае с *becs burinantes alternés*) с обеих сторон предмета. Глубокие крутые выемки выделяют крупные, резко выступающие острия-клювы (рис. 106: 1—6, 8), пологие — острия широкие и плоские, которые, как представляет-

ся, выполняли не столько прокалывающую, сколько режущую функцию (рис. 106: 7). Ключовидное орудие типа *bes burinant* alterne с широким и массивным ключом изображено на рис. 106: 10.

Наконец, охарактеризуем одно весьма необычное крупное ключовидное изделие. Оно имеет частично бифасальную оббивку крупными плоскими сколами и широкий клюв, подчеркнутый небольшими противолежащими ретушированными выемками (рис. 106: 9). Этот клюв расположен на углу предмета асимметрично относительно его длинной оси. Основание орудия закруглено грубой ретушью. Общими очертаниями, частично двусторонней оббивкой и асимметрично изогнутым ключовидным дистальным концом данное изделие отдаленно напоминает некоторые ручные рубила кударской ашельской индустрии.

Долотовидные орудия (4 экз.). Это небольшие сланцевые изделия, дистальные концы которых приострены плоской и пологой чешуйчатой ретушью (рис. 105: 8, 11). Еще одно долотовидное лезвие отмечено на комбинированном орудии, где оно сочетается с зубчатым.

Комбинированные орудия (14 экз.). Изделия такого рода состоят из двух или трех рабочих элементов. Одним из них в большинстве случаев является скребло, вторым — выемка, зубчатый край или скребок. Наиболее интересны четыре орудия. На первом, сработанном из прочного кристаллического сланца, имеются лезвие скребла и зубчатое лезвие, оформленные на противоположных продольных краях массивного пластинчатого отщепы (рис. 105: 12). Скребло — выпуклое, высокой формы (*racloir surelevé*). Средняя часть его лезвия поджита широким брюшковым снятием, придавшим профилю края довольно сильный изгиб. Функциональное назначение этого выемчатого снятия не вполне ясно. Второе, чернокремневое орудие представляет собой комбинацию глубокой концевой клетонской выемки и прямого бокового скребла высокой (*surelevé*) формы (рис. 105: 9). Третье орудие, изготовленное из кремнистого сланца, сочетает двойное скребло того же типа с лезвиями, оформленными противолежащей ретушью, и плоское скребковое лезвие на дистальном конце (рис. 107: 2). Четвертое орудие — массивное, двуконечное (рис. 107: 4). На одном конце его противолежащими выемками оформлено массивное, треугольное в сечении ключовидное острие, на другом — скребок, фланкированный выемкой (*grattoir à epaulement*).

Остальные комбинированные орудия менее выразительны и представляют собой следующие сочетания: боковое скребло + короткий концевой клюв; боковое скребло + боковой зубчатый край; скребок + зубчатый край; скребло + клетонская выемка; зубчатый край + долотовидное концевое лезвие; скребло + противолежащий зубчатый край; два боковых анкоша + противолежащее выпуклое скребло.

Особого внимания, однако, заслуживают еще два крупных орудия — своеобразные кударские формы, на которых широкоугольные ключовидные выступы сочетаются в одном случае с противолежащей клетонской выемкой (рис. 108: 1), а в другом — с коротким

лезвием, фланкированным небольшими выемками (рис. 107: 3).

Разные (5 экз.). Первое изделие представляет собой фрагмент частично двусторонне обработанного орудия, верхний конец (острие?) которого утрачен в древности (рис. 107: 1). На брюшковой стороне его, подобно некоторым частичным бифасам, приострена базальная часть. На лицевой стороне ретушь также частично обрамляет основание, приостряя помимо этого еще и вогнутое левое продольное лезвие. Правое лезвие, симметрично вогнутое относительно левого, образовано одним широким снятием. Не исключено, что это может быть фрагмент частичного бифаса.

Атрибуция второго орудия затруднена. Оно изготовлено на крупном, но довольно тонком (11,2×8,1×2,3 см) полукруглом краевом отщепе слоистого сланца. Брюшко этого орудия полностью уплощено радиально направленными плоскими снятиями, а вдоль дугообразного сильно поврежденного края на нем видны следы ретушной подправки. На спинке же, покрытой галечной коркой, имеется серия пологих ретушных снятий, приостряющих правый нижний угол предмета, и остатки двух снятий, приуроченных к вершине дуговидного лезвия (рис. 107: 5). Функциональное назначение этого орудия не вполне ясно (скребло?).

Третий предмет оформлен на необычно тонком, удлинённом и прямоосном краевом отщепе кремнистого сланца (8,9×4,3×1,0 см) подовальных очертаний. Правый боковой край его подправлен краевой полукруглой ретушью, а арковидный дистальный конец — ретушью краевой, пологой, двусторонней (рис. 109: 2).

Четвертое орудие, изготовлено на сколе более массивном и коротком (6,9×4,9×2,0 см) и оформлено краевой ретушью с двух сторон. На одной стороне — в дистальной трети, напоминающей конвергентное скребло, — ретушью, пологой справа и отвесной слева; на остальной части предмета, отчасти с обеих сторон, — ретушью пологой, более небрежной (рис. 109: 1).

Пятый предмет представляет собой крупный и удлинённый (16,5×8,9×4,0 см) плоско-выпуклый песчаниковый валун, от одного из концов которого был сколот отщеп, срезавший 2/3 его выпуклой стороны таким образом, что один продольный край предмета стал острым, а второй, сохранивший валунную корку, — удобным обушком. Вторичная обработка орудия была произведена с двух сторон: с одной стороны грубая ретушь подправляла острый край, несколько снятий с другой утончали один из его концов (рис. 109: 3). Примечательно, что рабочий край данного орудия, как и у большинства галечных орудий типа чопперов и нуклевидных скребков, расположен в плоскости плоской стороны исходного валуна. По удлинённой форме и противопоставлению продольного лезвия и обушка это орудие ассоциируется в какой-то мере с кударско-цонскими оригинальными орудиями типа «цалди», изготавливавшимися, однако, на сланцевых плитках (рис. 81: 1).

Помимо орудий и продуктов расщепления в раскопе 1955—1956 гг. найдено несколько намеренно прине-

сенных валунов и галек — использованных и неиспользованных.

Отбойники (2 экз.). Две крупные гальки с очень хорошо выраженной забитостью на обоих концах. Первая имеет сильно вытянутую округло-овальную форму, а вторая — подгрушевидную (рис. 108: 2).

Манупорты, ретушеры (7 экз.). Три песчаниковых валуна размером от 19 до 10 см и четыре гальки размером от 6,4 до 8,5 см в наибольшем измерении. Одна, реже — две стороны у них являются уплощенными и иногда имеют более-менее различные выщербины и побитости (утилизация в качестве наковален, ретушеров?).

4.5.5. Орудия из южной галереи (коллекция 1986—1987 гг.)

Как говорилось выше, к началу этих раскопок была уже выработана более совершенная методика изучения и фиксации стратиграфических наблюдений и археологических материалов. Вслед за темной галереей в этом раскопе южной галереи в ашельском слое 5 были выделены такие его подразделения, как 5А-Б и 5В. Оказалось также, что здесь 5В подстилается еще тремя стратиграфически значимыми уровнями — 5Г, Д и Е. Поскольку уровни 5Г и Д не всюду четко расчленились, материалы из них, подобно случаю с 5А-Б, получали маркировку 5Г-Д. Таким образом, мы рассмотрим эту коллекцию по каждому из четырех отмеченных стратиграфических подразделений — 5А-Б, 5В, 5Г-Д и 5Е.

4.5.5.1. Слой 5А-Б. Коллекция орудий из этого выклинивающегося в направлении входа в галерею слоя составила 30 экз.

Макроорудия — чопперовидные и скребковидные формы — заслуживают особого внимания.

Чопперы (1 экз.). Своеобразное крупное (9,5×11,1×6,5 см) орудие из песчаника, напоминающее острокопечный чоппер или чоппер с выделенным острием (chopper à pointe или pointed chopper) (рис. 110: 1). Дистальное острие, однако, здесь заменяет небольшое узкое лезвие, слегка приостренное ретушью с вентральной стороны предмета. Лезвие фланкируют конвергентно сходящиеся к нему груборетушированные боковые края. Края эти расположены под широким углом друг к другу, благодаря чему в целом орудие имеет очертания низкого равнобедренного треугольника. Заготовкой для него послужил расколотый валун. Массивная пятка и базальная половина обратной стороны предмета покрыты галечной коркой. Близкие параллели этому орудью в ашеле Кавказа, насколько нам известно, имеются только в сборах С. Н. Замятнина и И. И. Коробкова на местонахождении Яштух в Абхазии.

Чоппинги (1 экз.). Это чоппинг с долотовидным концом (рис. 110: 2), изготовленный на крупном аморфном куске известняка (11,7×8,7×6,9 см). Узкое и прямое поперечное рабочее лезвие орудия на дистальном конце образовано пересечением нескольких альтернативных снятий, направленных сверху вниз вдоль длинной оси предмета. С одной стороны их было два, с другой — четыре-пять. В 1—2 см от конца рабочий

край имеет симметричное клиновидное сечение толщиной 1,5—2,0 см. В отличие от чопперов, лезвие этого орудия расположено во фронтальной плоскости, что характерно для чоппингов. Орудие служило, видимо, не для грубой рубки, поскольку на лезвии нет видимых макроследов износа. Сходный долотовидный чоппер имеется среди нестратифицированных ашельских находок из темной галереи (см. рис. 87: 12).

Нуклевидные скребки (1 экз.). Орудие изготовлено на фрагменте плоского песчаникового валуна (9,7×8,8×4,4 см). Круто оббитое лезвие его занимает третью часть периметра предмета и демонстрирует характерные для орудий такого рода макроследы износа (смятость и выкрошенность края, нависающая ретушь).

Листовидные орудия (1 экз.). Это небольшой концевой (или базальный) фрагмент сланцевого орудия со сплошной двусторонней оббивкой (рис. 111: 2), которое напоминает уже описанные удлиненные листовидные формы. Судя по фрагменту, орудие это имело почти параллельные края и узкий поперечник (4,0 см). Однако массивность (2,5 см) и грубая ступенчатая оббивка придают ему архаичный облик. Характер оббивки, впрочем, обусловлен, видимо, неоднородностью исходной сланцевой породы: более окрепшие темные слои перемежаются здесь со светлыми более глинистыми.

Лимас (1 экз.). Он изготовлен из местного трещиноватого черного кремня и имеет следы древнего повреждения.

Скребла (7 экз.). Среди них 4 однолезвийных и 3 двулезвийных. Однолезвийные, на первый взгляд, весьма разнообразятся по заготовкам, размерам и отделке и сходны лишь по наличию обушков — натуральных с коркой, в виде обломов или крутых граней. В то же время два из них вполне можно соотнести с выделенной нами группой стандартизованных простых скребел «геометризованной» формы, встречающихся в верхних горизонтах ашельских напластований центральной камеры, темной и восточной галерей (см. рис. 32: 7; 33: 1—6; 34: 2—7; 54: 1—8; 78: 5, 7). Скребла эти имеют подпрямоугольные или же подтрапецевидные очертания, удлиненные пропорции и грубо ретушированные лезвия, расположенные параллельно обушковым краям. Геометризованные очертания их были достигнуты путем отсечения одной или обеих концевых частей отщепов, на которых они оформлялись. Пологими снятиями со стороны брюшка отсекался чаще всего базальный конец скола. Наиболее характерный образец скребла такого рода был найден в верхах данного слоя на рассматриваемом здесь участке южной галереи. Оно оформлено на песчаниковом отщепе, оба конца которого усечены — один со стороны спинки, а другой со стороны брюшка (рис. 111: 3). Выпуклый рабочий край этого орудия (9,6×5,8×2,7 см) грубо подправлен несколькими фасетками. К «геометризованным» формам, как кажется, примыкает еще один предмет, имеющий брюшковые стесы на проксимальном конце продолговатого исходного скола-заготовки. Это однолезвийное скребло, рабочее лезвие которого оформлено не лицевой ретушью, а крупными плоскими снятиями на

брюшке. Два других однолезвийных скребла являются простыми боковыми.

Что касается двойных скребел, то два из них представлены небольшими фрагментами конвергентных (?) форм, а третье является весьма посредственно отделанным угловатым скреблом.

Скребки (7 экз.). Четыре из них атипичны. Пятый относится к двуплечиковым формам (a museau). Шестой образец — концевой, широкий и относительно плоский, — изготовлен из отщепе кремнистого сланца, на боковых краях которого имеются две неглубокие симметричные выемки (рис. 110: 4). Седьмой скребок — угловой одноплечиковый (grattoir à épaulement déjeté или grattoir à épaulement d'angle), который интересен своими необычно крупными габаритами: 10,9×9,6×3,6 см. Обычно такие орудия имеют гораздо меньшие размеры. Угловой скребок фланкирован глубоко врезанной в левый край отщепе клетонской выемкой (рис. 111: 5). Округлое лезвие орудия оформлено крутой ретушью. Грань облома на дистальном конце предмета могла служить обушком для упора пальца.

Выемчатые орудия (3 экз.) включают два атипичных и один типичный треугольник с выемкой. Близкие аналоги ему имеются в центральной камере.

Клювовидные изделия (1 экз.). Единственное клювовидное острие оформлено выемками на углу отщепе.

Комбинированные орудия (6 экз.). Они являются скребками или скреблами в комбинации с другими рабочими элементами. Таковы скребок + скребло на небольшом остаточном нуклеусе; скребок + клетонская выемка на противоположных концах аморфного обломка кремня; скребок на углу небольшого подтреугольного песчанникового отщепе + острие на другом его углу (рис. 110: 3) и скребок на дистальном конце + сильно сработанное скребло на продольном крае массивного скола розоватого кремнистого известняка (рис. 111: 4). Все скребковые элементы имеют узкие лезвия, оформленные крутой и отвесной ретушью. Пятое комбинированное орудие представляет собой сочетание шиповидного выступа, выделенного клетонскими анкошами на одном из продольных краев исходного отщепе, и скребла полукина на его дистальном конце. На шестом образце — комбинация двойного скребла с противолежащими лезвиями и дистального острия, фланкированного двумя ретушированными брюшковыми выемками.

Разное (1 экз.). Сюда отнесено небольшое тонкое (6,0×4,2×1,5 см) орудие овальной формы, изготовленное на краевом отщепе, снятом с гальки кремнистого сланца. Брюшко этого отщепе покрыто сплошной плоской ретушью, боковые края и округлый дистальный конец приострены. Базальный конец, напротив, притуплен противолежащей отвесной ретушью и оформлен в виде буквы «V» (рис. 111: 1).

Помимо орудий и иных изделий, в данной коллекции имеются, как обычно, принесенные гальки и валуны.

Ретушеры, манупорты (4 экз.). Это крупные (5—10 см) гальки (3 экз.) и брусковидный валун (14,5×9,1×6,7 см) из песчаника. На поверхности трех из них можно видеть незначительные следы (мелкие лунки от на-

давливания?), возникшие, вероятно, от использования в качестве ретушеров (?).

Доля орудий в слое 5А-Б в пределах раскопа 1986—1987 гг. южной галереи составила 17,5 % всех находок. Помимо изделий с вторичной обработкой есть также много отщепов, которые несут следы легкой подправки или утилизации. Все вместе они свидетельствуют о весьма интенсивной деятельности человека в этой части пещеры в период формирования данного уровня. На это же косвенно указывает наличие комбинированных форм, отражающих усиленное и, видимо, повторное использование ряда подручных изделий. Скребла на этом участке слоя 5А-Б немногочисленны, но скребков немало и они довольно разнообразны: концевые, торцовые, одно- и двуплечиковые. Среди макроорудий привлекает внимание впервые встреченный в ашельском инвентаре пещеры остроконечный чоппер с лезвийным дистальным концом. Отметим, наконец, наличие здесь, как и в верхних ашельских уровнях других частей пещеры, удлиненных и подпрямоугольных, искусственно «геометризованных» скребел.

4.5.5.2. Слой 5В. Превосходя прочие подразделения слоя 5 в раскопе 1986—1987 гг. по общему числу находок, этот уровень доставил и наибольшее количество орудий — 59 экз.

Чопперы (2 экз.). Оба, боковой и концевой, оформлены на крупных песчаниковых гальках. Первый, сделанный из довольно тонкой двоякоплоской гальки (10,6×8,9×3,4 см), имеет сильновыпуклое лезвие, сформированное несколькими крупными сколами с одной стороны и частично подправленное плоской ретушью с другой (рис. 112: 4). Угол заострения этого лезвия, занимающего более половины периметра орудия, составляет 55—60°.

Второй, концевой чоппер изготовлен на очень массивном плоско-выпуклом валуне, толщина которого превышает ширину (9,5×7,6×9,1 см). Он оформлен более крутыми (75°) снятиями, направленными от плоской стороны предмета к выпуклой. Лезвие этого чоппера носит заметные следы износа. Оба предмета, судя по мелким лункам на не затронутых оббивкой участках их галечной поверхности, использовались также как ретушеры.

Чоппинги (1 экз.). Крупное (10,3×8,7×5,6 см) орудие поддисковидной формы на двоякоплоском обломке известняка. Поскольку рабочий край тянется почти по всему периметру предмета, исключая круто оббитую пятку, орудие отчасти напоминает дисковидный чоппинг, однако отличается от подобной формы своеобразным расположением и оформлением лезвий. Рабочее лезвие занимает почти всю окружность края орудия, состоя из трех отрезков: один из них, как у чоппера, лежит в плоскости одной из плоских сторон, а два других, противолежащих друг другу, оббиты альтернативно и по спирали переходят из плоскости одной стороны предмета в плоскость другой (рис. 112: 3). Участки с альтернативной оббивкой отличаются извилистостью. Данное орудие является, пожалуй, лучшим из всех изготовленных из местного известняка. Поверхность его и, в особенности, ребристые выступы на ней сильно вы-

встрены и заглажены, что в значительной мере может отражать относительную мягкость этой породы.

Нуклевидный скребок (1 экз.). В отличие от чоппиров имеет угол заострения рабочего края около 80° и макроследы износа в виде более мелких и более круто положенных фасеток, перекрывающих негативы снятий первоначальной оббивки. Кромка лезвия смята и закружена. Брусковидный валун, на котором оформлено это орудие, первоначально служил, видимо, отбойником-ретушером: узкий, противолежащий лезвию конец его и смежные с ним участки покрыты точечными лунками. Размеры изделия — $11,0 \times 9,8 \times 6,8$ см.

Рубильце (1 экз.). Атипичное, асимметричное двоякоплоское бифасиальное орудие (5,0 $\times$ 3,0 $\times$ 1,2 см) из листоватого сланца, сходное с подобными изделиями из центральной камеры. Неровные продольные края его — прямой и дуговидный — грубо приострены противолежащей ретушью с заломами (рис. 112: 1).

Листовидное орудие (1 экз.). Фрагмент двояковыпуклого, довольно массивного и грубо оббитого сланцевого орудия, имеющего слабовыпуклые субпараллельные продольные края и удлиненно-листовидные очертания (рис. 112: 2). Размеры сохранившейся части — $5,3 \times 4,5 \times 2,5$ см.

Скребла (30 экз.). В подавляющем большинстве это посредственно сделанные и отчасти (5 экз.) фрагментированные орудия. Рабочие лезвия их оформлены в основном ретушью краевой и довольно небрежной, изредка — у крупных и массивных экземпляров — распространной, у более толстых предметов — полукрутой, ступенчатой. Преобладают однолезвийные формы (18 экз.): боковые (15) и поперечные (3). Большой серией представлены, однако, и двулезвийные (12 экз.): двойные боковые (6), угловатые (4) и конвергентные (2). Однолезвийные очень часто (13 экз.) имеют утолщенные обушки — натуральные корочки или в виде крутой грани. Некоторые из таких форм с приостренными пологой ретушью лезвиями могли использоваться скорее как скребла-ножи. Четыре боковых однолезвийных скребла являются брюшковыми, а у трех на лезвиях имеется широкий выступающий шип. В составе двулезвийных скребел отметим три боковых, оформленных противолежащей ретушью; два из них являются выпукло-вогнутыми.

В целом можно заключить, что скребла слоя 5B, особенно однолезвийные, сделаны на самых разных сколах, маловыразительны по характеру отделки и многообразны по форме. Можно выделить, в то же время, несколько весьма развитых двулезвийных скребел: два угловатых (рис. 113: 1, 4), конвергентное (рис. 113: 3) и боковое выпукло-вогнутое, оформленное противолежащей ретушью (рис. 113: 5). Среди однолезвийных скребел отметим: поперечное с выделенным широким острием, сделанное на крупном сланцевом краевом отщепе (рис. 113: 6), крупное боковое брюшковое, оформленное распространной пологой ретушью и имеющее клетонскую выемку на дистальном конце лезвия (рис. 113: 8), диагональное (рис. 113: 7) и высокое кремневое типа полукулина со следами износа лезвия. Особого внимания заслуживают два скребла с призна-

ками утончения концов — дистального у первого и базального у второго. На одном из них, однолезвийном, морфологическая выраженность лицевого утончения дистального конца безупречна (рис. 113: 2).

Скребки (5 экз.). Один из них сделан из песчаника, по два — из сланца и кремня. Один сланцевый скребок относится к концевым, второй имеет зауженный рабочий край, который фланкируют выемки (à museau) (рис. 114: 2). Оба кремневых образца — подокруглые массивные (сагепе) со следами сработанности по всему периметру лезвий. Один из них миниатюрный (2,2 $\times$ 1,2 $\times$ 1,4 см), а второй (рис. 114: 1) немного крупнее (3,3 $\times$ 2,9 $\times$ 2,7 см). Пятый скребок — двойной. Рабочие края его — прямой и выпуклый — расположены на концах удлиненного фрагмента массивного отщепы (7,1 $\times$ 3,9 $\times$ 3,0 см).

Выемчатые изделия (4 экз.). Два изготовлены из песчаника, по одному — из сланца и местного трещиноватого кремня. Типичны два песчаниковых образца, у которых выемки расположены на брюшке — мелкая ретушированная и крупная клетонская, угловая, в базальной части большого краевого отщепы со следами утилизации на выпуклом продольном крае.

Зубчатые изделия (3 экз.). Регулярная и непрерывная зубчатая ретушь, которую можно рассматривать как намеренную, встречена на 3 предметах. Наибольший интерес среди них представляет зубчатое орудие с частично ретушированным обушком (рис. 114: 5). Еще один случай специально, как кажется, сделанного зубчатого края встречен среди комбинированных форм. Кроме того, в коллекции имеется до 30 предметов из разных пород камня с нерегулярной, разноразмерной зубчатостью на краях или участках краев. На мелких кремневых сколах она иногда мельчайшая, с острыми зубчиками. Прерывистая и разновеликая, имеющая разные углы «рваная» ретушь такого рода, на наш взгляд, является результатом естественных повреждений или утилизации необработанных острых краев сколов.

Клювовидные изделия (2 экз.). Одно из песчаника, другое из кремнистого известняка. Оба они концевые, но первое оформлено лицевой ретушью, а второе — брюшковой (рис. 114: 4).

Долотовидные изделия (2 экз.). Это концевые, довольно узкие, вероятно, строгальные инструменты на удлиненных отщепах кремнистого сланца. Они отдаленно напоминают грубые плоские столярные стамески: прямые лезвия «заточены» с одной стороны, плоскости фасок оформлены пологой ретушью. Наиболее крупное такое орудие сделано на массивном краевом сколе с гальки и имеет угол заострения лезвия $30\text{--}35^\circ$ (рис. 114: 10).

Комбинированные орудия (7 экз.). Они совмещают на одном предмете два или три рабочих элемента разного назначения. Для их оформления, помимо ретуши, нередко применялись выемки. Наиболее банально орудие с сочетанием скребла и зубчатого лезвия. Остальные шесть орудий заслуживают отдельного описания. На первом из них для выделения рабочих элементов (клювовидный выступ и лезвийный участок) использованы только глубокие клетонские врезы (рис. 114: 7).

На втором интересно сочетание двойного скребка с двумя массивными выступами-остриями по левому краю, фланкированными клетонскими выемками (рис. 114: 6). На третьем орудии совмещены долотовидное лезвие и крутой торцевой скребок (рис. 114: 8). Четвертое, белокремневое орудие представляет собой комбинацию выпуклого скребла и проколки (рис. 114: 3). На пятом экземпляре имеется скребковое лезвие, приуроченное к углу массивного подпрямоугольного песчаникового отщепа. Вторым рабочим элементом, судя по следам утилизации, был, вероятно, острый поперечный дистальный край отщепа, а остальные края являлись обушковыми (рис. 115: 10). В основании и по правому краю они были натуральными, обушок же по левому краю был получен отвесным обрубом. Шестое орудие — наиболее сложный полифункциональный инструмент, не имеющий аналогов среди общепознанных ашельских форм (рис. 114: 9). В его изготовлении применялись фрагментация, крупные плоские снятия, ретушь и глубокие выемки. Скол-заготовка, лежавшая в его основе, первоначально была утончена плоскими сколами с обеих сторон и усечена по левому краю для получения обушка. На базальном конце его затем был оформлен скребок, на дистальном — с помощью пологой ретуши — широкое острие. Два других роговидных выступа-шпица, разделенных клетонской выемкой и фланкируемых двумя крупными специальными (?) вырезами, резко выступают на противоположном обушку продольном крае предмета. Размеры этого необычного орудия — 8,7×5,3×2,7 см.

Вновь встречены гальки, использовавшиеся для изготовления орудий, и гальки без следов утилизации.

Отжимники-ретушеры (3 экз.). Одни из самых ярких представителей предметов такого рода, обнаруженных в ашельских слоях пещеры. Это двоякоплоские песчаниковые гальки, одна из плоских сторон или же узкий конец которых носят следы сильной сработанности: они сплошь покрыты мелкими лунками-выщерблинками, полностью уничтожившими здесь гладкую галечную поверхность (рис. 115: 9).

Манупорты (13 экз.). К ним мы относим 5 валунов, вес которых в 4 случаях превышал 2 кг, и 8 галек размером от 5 до 10 см. Все они плоско-выпуклые или двоякоплоские. Явные следы использования отсутствуют.

Индустрию слоя 5В на данном участке характеризуют в общей сложности 59 различных орудий, что составляет 26,7 % всех обнаруженных здесь артефактов. Весьма активная деятельность человека в этой части южной галереи подтверждается и следами периодического использования и многих других сколов и обломков. Рассмотренная индустрия слоя 5В не имеет принципиальных отличий от индустрии вышележащего слоя 5А-Б. Состав орудий довольно сходен, и к тому же здесь также встречены такие характерные изделия, как листовидное бифасиальное орудие (фрагмент), плечиковые формы скребков и своеобразные комбинированные орудия. Наблюдаются, однако, и некоторые различия. Скребел здесь, например, заметно больше, и в их составе имеется серия разных двулезвийных типов. В то

же время, в 5В отсутствуют зафиксированные выше «геометризованные» формы скребел. Зато обнаружены орудия с концевыми утончениями и чоппинг с двумя лезвиями (chopping double) весьма развитого типа. Привлекает внимание средоточие на этом участке слоя 5В значительного количества необработанных галек и валунов, а также отжимников-ретушеров.

4.5.5.3. Слой 5Г-Д. «Слой» состоит из уровней локального простирания, четко прослеженных в южной галерее лишь на разрезе W—О и — в плане — на квадратах 11—12 линий. Как говорилось выше, если границы между 5В и 5Г, как и между 5Д и 5Е, были достаточно четкими, отделить 5Г от 5Д удавалось далеко не всегда. По этой причине, как и в случае с 5А-Б, мы будем рассматривать 5Г и Д как одно подразделение. К орудиям отнесены 32 из 90 найденных в этом уровне предметов, что составляет 35,6 %. Таким образом, процент орудий здесь очень высок, но выразительных форм, как мы увидим ниже, среди них мало.

Нуклеидный скребок (1 экз.). По размерам (11,3×8,7×6,3 см), исходной заготовке (песчаниковый двоякоплоский валун) и позиции рабочего лезвия он мало отличается от некоторых кударских орудий, определенных как чопперы с выпуклым рабочим краем. Диагностическими признаками, позволяющими отнести данное орудие к скребкам, являются, на наш взгляд, большой угол заострения рабочего края (85°) и характерные макроследы износа: односторонняя ретушь утилизации по верх орудийной и заглаженность, даже стертость кромок лезвия.

Рубильца (4 экз.). Это небольшие сланцевые орудия: одно частичное, миндалевидное, короткое (5,2×3,7×2,3 см) (рис. 115: 3); второе — также частичное, но тонкое, двоякоплоское, дисковидное (5,5×5,5×1,5 см) (рис. 115: 5); третье и четвертое рубильца представлены фрагментами базальных частей (рис. 115: 2). Последний фрагмент, впрочем, мог принадлежать и небольшому плоскому ручному рубилу.

Скребла (10 экз.). Среди них четыре песчаниковых, пять сланцевых и одно кремневое. Большая часть представлена фрагментами или мелкими заурядными скреблышками, оформленными скудной краевой ретушью. Последняя отчасти, возможно, возникала и вследствие утилизации или повреждений тонкого края. Преобладают однолезвийные скребла — 7 экз., все относящиеся к боковым. Два скребла являются двулезвийными боковыми, одно трехлезвийным. Лучше других оформлены четыре совершенно непохожих друг на друга скребла. Два из них изготовлены из песчаника, два — из сланца. Первое, двойное боковое, изготовлено на крупном массивном (9,0×6,4×3,6 см) краевом кремнисто-сланцевом отщепе. Оба продольных края его обработаны высокой (surelevée) распространенной ретушью (рис. 116: 4). Второе сланцевое скребло имеет небольшие размеры и три лезвия: скудно подретушированное поперечное и два боковых, оформленных краевой пологой ретушью на брюшковой стороне (рис. 115: 4). Лучшие песчаниковые образцы также разновелики и разнотипны. У более мелкого, изготовленного на фрагменте небольшой гальки, рабочий край получен несколькими крупными

фасетками (рис. 115: 8). Кромка его носит следы сильного износа. Крупное (10,5×9,5×3,3 см) скребло отличается сильно выпуклым рабочим краем, большая часть которого оформлена брюшковой ретушью. В средней части края, однако, он приострен с противоположной лицевой стороны (рис. 116: 6). Ретушь является широкой и плоской в верхней и средней частях лезвия и крутой в нижней его части — на месте срезанной ударной площадки.

Скребки (2 экз.). Оба — округлые: один небольшой из кремнистого сланца, другой более крупный (3,6×3,0×1,8 см) из белого кремня (рис. 115: 1). На рабочем лезвии имеются заметные следы сработанности (выкрошенность кромки, нависающая ретушь).

Выемчатые орудия (3 экз.) включают два песчанниковых с клетонскими выемками и чернокремневое с ретушированной выемкой.

Зубчатые изделия (3 экз.). Два сделаны из сланца и одно из песчаника. Наиболее выразительно последнее — большое (8,0×8,2×2,1 см), поддисквидное, оформленное крупными сколами (рис. 117: 6).

Клювовидные изделия (2 экз.). Оба изготовлены из сланца. Одно из них может, однако, являться дистальной частью мелкого частичного листовидного рубильца с заостренным концом (рис. 116: 1). Второе орудие тоже своеобразно: по форме и характеру обработки оно напоминает массивный удлинённый остроконечник типа «кинсон» с треугольным поперечным сечением и сплошной обработкой на самой широкой стороне. Однако это изделие отличается зауженным небольшими выемками дистальным концом, что и позволяет соотнести его с клювовидными формами (рис. 115: 6).

Комбинированные орудия (6 экз.). Первое изготовлено на песчаниковом пластинчатом отщепе треугольного сечения (8,5×3,8×3,0 см). На боковых краях его оформлено двойное выпукло-вогнутое скребло с противоположащими лезвиями. Выпуклое лезвие обработано высокой ступенчатой ретушью, а вогнутое — ретушью полукрутой зубчатой. Оба конца предмета приострены плоской подтеской. На одном из концов эта подтеска подживляла грубо оформленный на обратной стороне скребок (рис. 116: 3). Во втором полифункциональном изделии соединены двусторонне обработанные концевые долотовидные округлые лезвия и боковое скребло (рис. 116: 5). Третье, четвертое и пятое орудия представляют собой сочетание скребла с зубчатым лезвием. На шестом орудии, изготовленном на разных сторонах и краях небольшой плоской гальки, соединены клетонская выемка и грубо подправленное скребло (рис. 116: 2).

В коллекции имеется еще 7 небольших обломков с вторичной обработкой, которые, однако, нельзя отнести к определенным типам орудий. Следует отметить также наличие двух крупных полукраевых отщепов песчаника в форме дольки цитруса со следами утилизации лезвийных краев. Как и ранее, мы упоминаем наличие таких изделий, но не включаем в тип-лист, где учитываются только орудия с вторичной обработкой. Кроме таких изделий есть также около 20 сколов со следами утилизации или повреждений.

Манупорты (1 экз.). Представлены валуном в форме толстой и круглой двоякоплоской лепешки (14,2×12,5×6,0 см).

Отбойник (1 экз.). Галька подцилиндрической формы с хорошо выраженной смятостью, забитостью округлых концов.

Отжимник-ретушер (1 экз.). Галька в форме утюжка с небольшим количеством мелких лунок на выступающих углах.

Как отмечалось, индустрию слоя 5Г-Д характеризует чрезвычайно высокая доля орудий (около 35 %). Вместе с обломками орудий и предметами, имеющими различные следы утилизации, эта доля возрастает до 70 %. Приносимое со стороны песчаникового и сланцевого сырья претерпевало здесь полный цикл обработки и порой многократную утилизацию. Индустрия этого слоя, как и подстилающего его базального уровня 5Е, оставлена первыми ашельскими обитателями южной галереи. В ней, несмотря на небольшой объем коллекции, представлены почти все исходные компоненты ашельского комплекса пещеры Кударо I. Однако, судя по посредственному облику бифасиальных орудий и скребел, первопришельцы еще не освоили должным образом своеобразное местное сырье.

4.5.5.4. Слой 5Е. Из 98 находок в этом уровне к орудиям отнесено 20 изделий, т. е. всего 20,4 %. Они особенно интересны тем, что происходят из самого раннего из зафиксированных в пещере стратиграфических уровней и отражают самый начальный этап ее заселения.

Чопперы (2 экз.). Концевые, крупные (более 10 см в длину), оформлены на угловатых обломках известняка.

Нуклеидный скребок (1 экз.). Оформлен на плоско-выпуклом валуне и имеет форму утюга. Размеры его — 13,2×11,2×7,2 см, вес — 1,4 кг. Слегка угловатое выпуклое лезвие его приострено тремя крупными сколами, снятыми под углом 60, 70 и 65° от идеально гладкой, заглаженной до глянца нижней поверхности валуна. Это орудие могло бы быть определено также как концевой чоппер, но односторонние следы сработанности на кромке рабочего лезвия и его заглаженность позволяют предполагать, что оно использовалось, скорее всего, именно как скребок. Первоначально же этот валун служил как отбойник и ретушер: на его широком необработанном конце и узких боковых краях видны многочисленные лунки и выщербины.

Рубильце (1 экз.). Изготовлено из сильно сланцеватой породы, является двоякоплоским, имеет подтреугольные очертания и короткие пропорции (6,3×5,8×1,6 см). Оформлено оно немногочисленными плоскими снятиями, дистальный конец слегка приострен ретушью (рис. 117: 2).

Листовидное орудие (1 экз.). Двояковыпуклое, удлиненное (8,7×4,5×2,2 см), не законченное отделкой: правый край не выровнен и сохраняет участок вспомогательной ударной площадки (рис. 117: 5). Это единственное орудие данного типа, изготовленное из песчаника, а не из сланца.

Скребла (5 экз.). Включают поперечное из песчаника и четыре сланцевых — три однолезвийных боковых

и двулезвийное конвергентное. Первое имеет слегка зубчатый край и брюшковое усечение левого края (рис. 115: 7). Последнее же, конвергентное — продолговатое, с зубчатой отделкой почти по всему периметру и разной крутизной лезвий (рис. 117: 3).

Скребки (3 экз.). Все скребки сделаны из кристаллического сланца. Один из них является микроскребком с лезвием, фланкируемым выемками (a museau), а два другие — своеобразные концевые с высокими и узкими рабочими лезвиями (grattoir sapele). В одном случае это лезвие оформлено необычной для ашельских изделий ламеллярной, или пластинчатой, ретушью (рис. 117: 4).

Выемчатые изделия (2 экз.). Боковые, с клектонскими выемками, весьма посредственные по оформлению.

Зубчатые изделия (2 экз.). Наиболее выразительно из них крупное песчанниковое орудие, лезвие которого образовано цепочкой смежных выемок по левому краю брюшка отщепа (рис. 117: 7).

Комбинированные формы (3 экз.). Все они сделаны из кремнистого сланца. В двух случаях это боковые скребла в комбинации с клювовидными дистальными остриями (рис. 117: 1), а в третьем — брюшковое плоское боковое скребло в сочетании с лицевой клектонской выемкой на конце предмета.

Кроме того, имеется 4—5 фрагментов орудий, атрибуция которых затруднена. Встречены также 16—17 предметов со следами локальной ретушной подправки, ретуши утилизации или псевдоретуши естественного происхождения.

Отжимники-ретушеры (2 экз.). Это крупная галька и расколотый валун с характерными следами утилизации в виде выщербиин-лунок.

Индустрия 5Е — базального уровня ашельского слоя — содержит относительно небольшое количество орудий в основном невысокого качества. Возможно, отчасти это обусловлено освоением нового и далеко не всегда удобного для расщепления и дальнейшей обработки сырья. В то же время, орудия этого древнейшего уровня не выглядят архаично. Пришлые ашельцы обладали уже многими важными навыками в обработке камня. В инвентаре 5Е в этом отношении показательны, к примеру, ламеллярная ретушь на одном из скребков, плечиковый скребок и листовидное орудие.

Бросается также в глаза изначальный учет свойств местных пород при изготовлении орудий. Так, чопперы и нуклевидные скребки делались, например, только из песчанниковых галек и валунов, обычные скребки — преимущественно из твердых кремнистых сланцев или кремня, мелкие листовидные рубильца — из слоистых сланцев. Предпринимались и попытки использовать местный известняк: бесспорные следы обработки отмечены на 4 предметах из этой породы.

4.5.6. Итоги анализа ашельского инвентаря южной галереи

В общей сложности южная галерея доставила 1118 находок: 585 экз. в шурфе и раскопе 1955—1956 гг., 533 экз. в раскопе 1986—1987 гг. В их числе, помимо разных продуктов расщепления и орудий, встречены 10 отбойников и ретушеров.

На основании просуммированных данных из обоих раскопов можно заключить, что главный сырьевой ресурс здесь, как и в других частях пещеры, составили местные породы: различные разновидности сланцев (48,9 %), песчаники (37,2 %) и, в меньшей степени, мелкоразмерные, нередко трещиноватые кремни (10,7 %) и подручные обломки известняка (1,1 %). Экзоты представлены кремнем высокого качества (1,6 %), единичными андезитами (6 экз.) и обсидианом (1 экз.). Небезынтересно, что оба найденных здесь лимаса изготовлены из приносного сырья — обсидиана и неместного светлого кремня.

Первоначально, при освоении местного сырья, судя по находкам из самого нижнего уровня 5Е, предпочтение явно отдавалось сравнительно легко расщепляемым сланцам (55,1 %), плотные же крупнозернистые валуно-галечные песчаники использовались в меньшей мере (27,5 %). В вышележащих уровнях это соотношение постепенно меняется: в 5А-Б сланцы составляют 46,7 %, а песчаники — 40,8 %.

Еще более четко прослеживается тенденция к увеличению использования песчаников, если сопоставить сколы из разных видов сырья. В нижних уровнях сланцевые сколы составляют 51,1 % против 36,4 % песчанниковых, однако в слое 5А-Б доля сколов из сланца даже уступает доле сколов из песчаника — 38,3 % против 48,2 %. Основные характеристики сколов — размеры, пропорции, характер спинок (наличие корки, ограничение), типы и средние углы ударных площадок — коррелируют, как и ранее, с сырьевыми группами. Они очень близки показателям из других частей пещеры, несколько выделяясь лишь по чуть большему средним размерам песчанниковых и глинисто-сланцевых сколов. Нуклеусы, как обычно, немногочисленны — 2,9 % находок. Отметим, что основная часть их была найдена в раскопе 1986—1987 гг., то есть в дальней от входа части галереи — 27 экз. (5,1 % находок), в то время как предшествующий участок доставил лишь 5 ядрищ (0,9 %). Диспропорция прослежена и по проценту мелких сколов-отходов (14,2 % против 8,1 %). Это может отражать неодинаковое использование разных частей галерей, хотя нельзя исключить и большее разрушение привходовой части под влиянием водной эрозии. Среди ядрищ доминируют простые формы — одно- и двухплощадочные, с редкой подправкой площадок (менее 1/3). Обращает на себя внимание, однако, довольно большая доля сработанных нуклеусов — 28 %, что сравнимо лишь с темной галереей (29 %). Особо отметим еще раз находку пяти ядрищ довольно развитого облика с довольно тщательной подправкой площадок и с подправкой поверхности, что в целом мало характерно для данной индустрии. В связи с этим напомним, что в обоих раскопах южной галереи отмечена повышенная по сравнению с другими частями пещеры доля песчанниковых сколов с фасетированными площадками (13 и 15 %). Таким образом, здесь наблюдаются некоторые признаки более развитой техники расщепления.

В ашельских материалах южной галереи выделено 318 орудий (табл. 17).

Таблица 17

Состав орудий в каменном инвентаре южной галереи

Наименование	Коллекция 1955—1956 гг.	Коллекция 1986—1987 гг.					Всего
		ашельские уровни				всего	
		5А-Б	5В	5Г-Д	5Е		
Чопперы	4	1	2	—	2	5	9
Чоппинги	—	1	1	—	—	2	2
Нуклевидные скребки	—	1	1	1	1	4	4
Ручные рубила:	11	—	—	—	—	—	11 (3,5 %)
крупные	5	—	—	—	—	—	
средние:	6	—	—	—	—	—	
незаконченные	4	—	—	—	—	—	
фрагменты	2	—	—	—	—	—	
Рубильца	4	—	1	4	1	6	10
Листовидные орудия	2	1	1	—	1	3	5
Остроконечники	1	—	—	—	—	—	1
Линмасы	1	1	—	—	—	1	2
Скребла:	65	7	30	10	5	52	117 (36,8 %)
однолезвийные:	50	4	18	7	4	33	83
боковые	25	2	15	7	3	27	
поперечные	16	—	3	—	1	4	
«геометризованные»	9	2	—	—	—	2	
двулезвийные:	15	3	12	2	1	18	33
боковые	7	—	6	2	—	8	
конвергентные	5	2	2	—	1	5	
угловатые	3	1	4	—	—	5	
трехлезвийные	—	—	—	1	—	1	
Скребки:	27	7	5	2	3	17	44 (13,8 %)
концевые	5	—	1	—	2	3	
одноплечиковые	2	1	—	—	—	1	
двуплечиковые	5	2	1	—	1	4	
округлые массивные	4	—	2	2	—	4	
двуконечные	—	—	1	—	—	1	
атипичные (плоские и др.)	11	4	—	—	—	4	
Выемчатые орудия:	15	3	4	3	2	12	27 (8,5 %)
клетонские	10	—	1	2	2	5	
ретушированные	—	—	1	1	—	2	
геометризованных очертаний	5	1	—	—	—	1	
атипичные	—	2	2	—	—	4	
Зубчатые	5	—	3	3	2	8	13
Клювовидные	20	1	2	2	—	5	25 (7,9 %)
Долотовидные	4	—	2	—	—	2	6
Комбинированные	14	6	7	6	3	22	36 (11,3 %)
Разные	5	1	—	—	—	1	6
Всего	178	30	59	31	20	140	318
	55,9 %	9,4 %	18,6 %	9,7 %	6,3 %	44,0 %	100 %

Рассмотрим вначале суммарные данные, характеризующие орудийный инвентарь южной галереи в целом. В перечне орудий из раскопов 1955—1956 гг. и 1986—1987 гг. значится, соответственно, 178 и 140 предметов, что составляет 28,4 % (318 из 1118) всех находок. Это наиболее высокий процент орудий среди всех рассмотренных коллекций, к нему наиболее близок лишь подобный показатель для темной галереи (26,8 %). Крупные галечные орудия (чопперы, чоппинги, нуклевидные скребки) и ручные рубила составляют лишь 8,1 % всего набора орудий. Остальные орудия изготовлены на сколах или — изредка — на небольших плитчатых облом-

ках. Бросается в глаза, прежде всего, широкий ассортимент скребел, скребков, выемчатых и клювовидных форм. Львиную долю орудий на сколах составляют скребла (117 экз., или 36,8 %). Скребкам принадлежит 13,8 % (44 экз.), выемчатым орудиям — 8,4 % (27 экз.), клювовидным — 7,9 % (25 экз.). Существенна также доля комбинированных орудий (7,8 %), представленных главным образом сочетанием скребел и скребков с другими рабочими элементами. Зато зубчатые на удивление нехарактерны, остроконечники практически отсутствуют, линмасы единичны, двойные скребла, в особенности угловатые и конвергентные, малочисленны.

Многочисленны и разнородны и встреченные в данной галерее крупные ручные рубила (5 экз.). В отличие от других частей пещеры, здесь не обнаружены ручные рубила типа ланцетовидных (копьевидных), миндалевидных, бутылковидных (*lageniformes*). Локальной особенностью ашельского ансамбля южной галереи, помимо скудости и разнородности ручных рубил, является также относительное изобилие и разнообразие таких мелких изделий на отщепах, как скребки, клювовидные, выемчатые и комбинированные орудия. Особенно многочисленны они в наборе орудий из той части раскопа 1955—1956 гг., которая была наиболее широкой и светлой (восьмая—десятая линии метровых квадратов от входа в галерею).

Большой интерес, наконец, представляет распределение различных орудий по вертикали. Стратификация находок в раскопе 1986—1987 гг. позволяет, на наш взгляд, уловить некоторые признаки эволюции инвентаря во времени. Так, в верхних ашельских уровнях 5А-Б и 5В возрастает количество и набор скребков, появляются обушковые «геометризованные» формы скребел (рис. 111: 3) и скребло с ядрищным утончением

конца (рис. 113: 2), треугольник с выемкой и галечные орудия довольно необычных типов: концевые чоппинг с долотовидным завершением (рис. 110: 2) и чоппер с узким поперечным лезвием (рис. 110: 1), дисковидный чоппер-чоппинг со спиралеобразными лезвиями, занимающими большую часть периметра орудия (рис. 112: 3).

В то же время, в целом подавляющее большинство орудийных типов не претерпевают заметных изменений от уровня к уровню. Более того, столь развитые, на наш взгляд, формы, как листовидные орудия с субпараллельными боковыми краями, рубильца, многочисленные и варибельные скребки, включая плечиковые и кареноидные, прослеживаются во всех подразделениях ашельских отложений. Различные комбинированные орудия равным образом характерны для всех уровней. Тожественны, в общем, и приемы вторичной отделки орудий: абсолютное преобладание краевой, часто однорядной и разреженной ретуши, широкое применение выемок в качестве как орудийных, так и аккомодационных элементов, использование обломов (обрубов) при оконтуривании орудий.

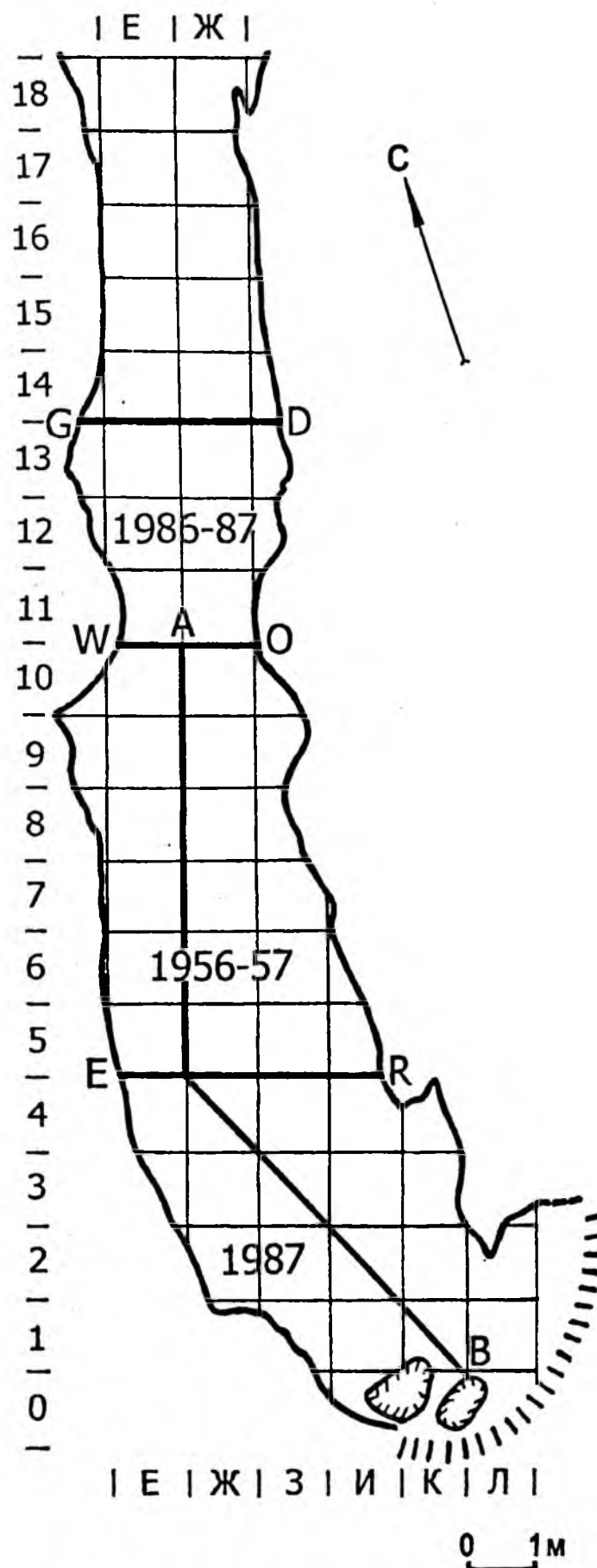

Рис. 89. Кударо I. Южная галерея. План раскопанной части с указанием годов раскопок и линий разрезов отложений (G-D и др.)
 Fig. 89. Kudaro I cave. The southern gallery. Plan of excavated area with indication of years of excavation and lines of sediment sections (G-D etc.)

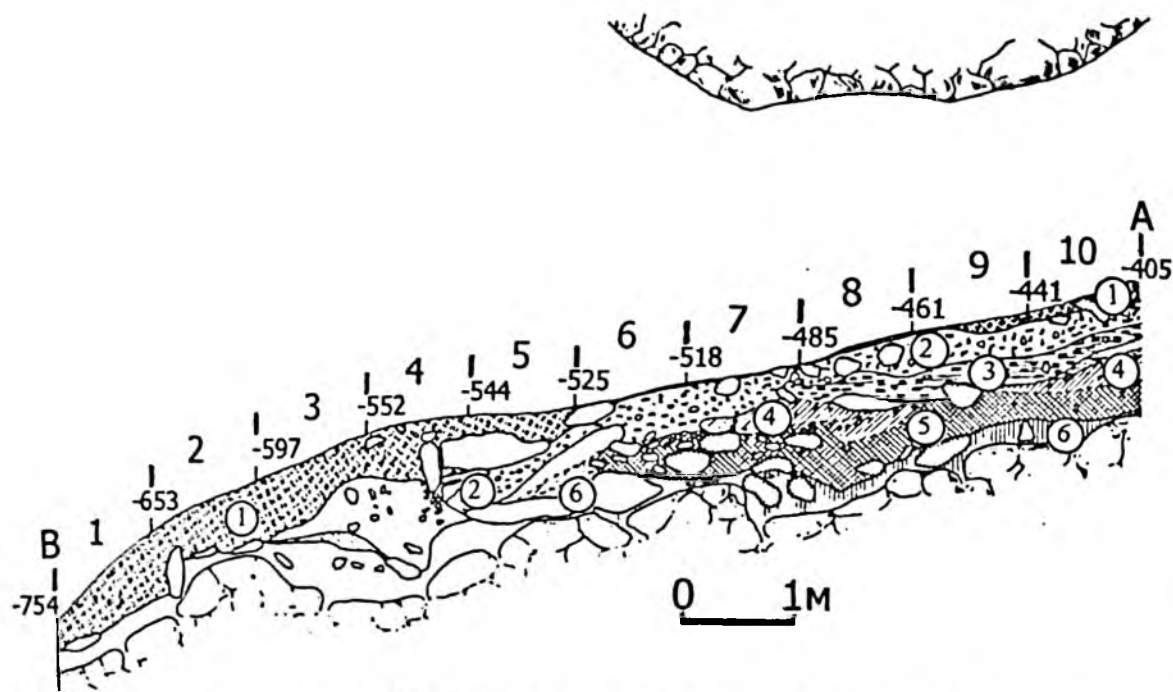

Рис. 90. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956 г. Продольный разрез отложений по линии А-В: 1 — голоценовый слой; 2 — мезолитический (?); 3, 4 — мустьерские слои; 5 — ашельский слой; 6 — стерильная придонная глина
 Fig. 90. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956. Longitudinal sediment section along the line A-B: 1 — Holocene layer; 2 — Mesolithic (?); 3, 4 — Mousterian; 5 — Acheulian; 6 — basal sterile clay

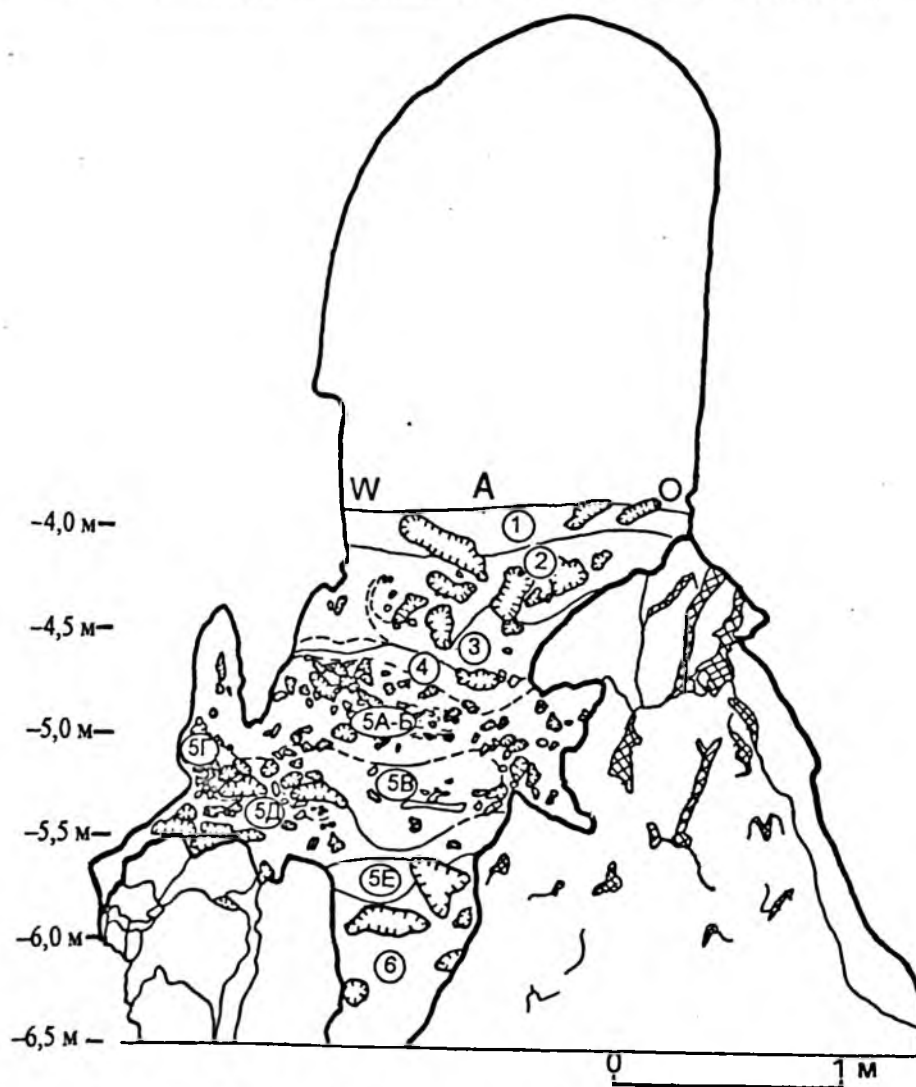

Рис. 91. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Поперечный разрез W-A-O: 1 — голоценовый слой; 2 — мезолитический (?); 3, 4 — мустьерские слои; 5А-Б, 5В, 5Г-Д, 5Е — ашельские уровни; 6 — стерильная придонная глина
 Fig. 91. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Transverse sediment section W-A-O: 1 — Holocene layer; 2 — Mesolithic (?); 3, 4 — Mousterian; 5А-Б, 5В, 5Г-Д, 5Е — Acheulian; 6 — basal sterile clay

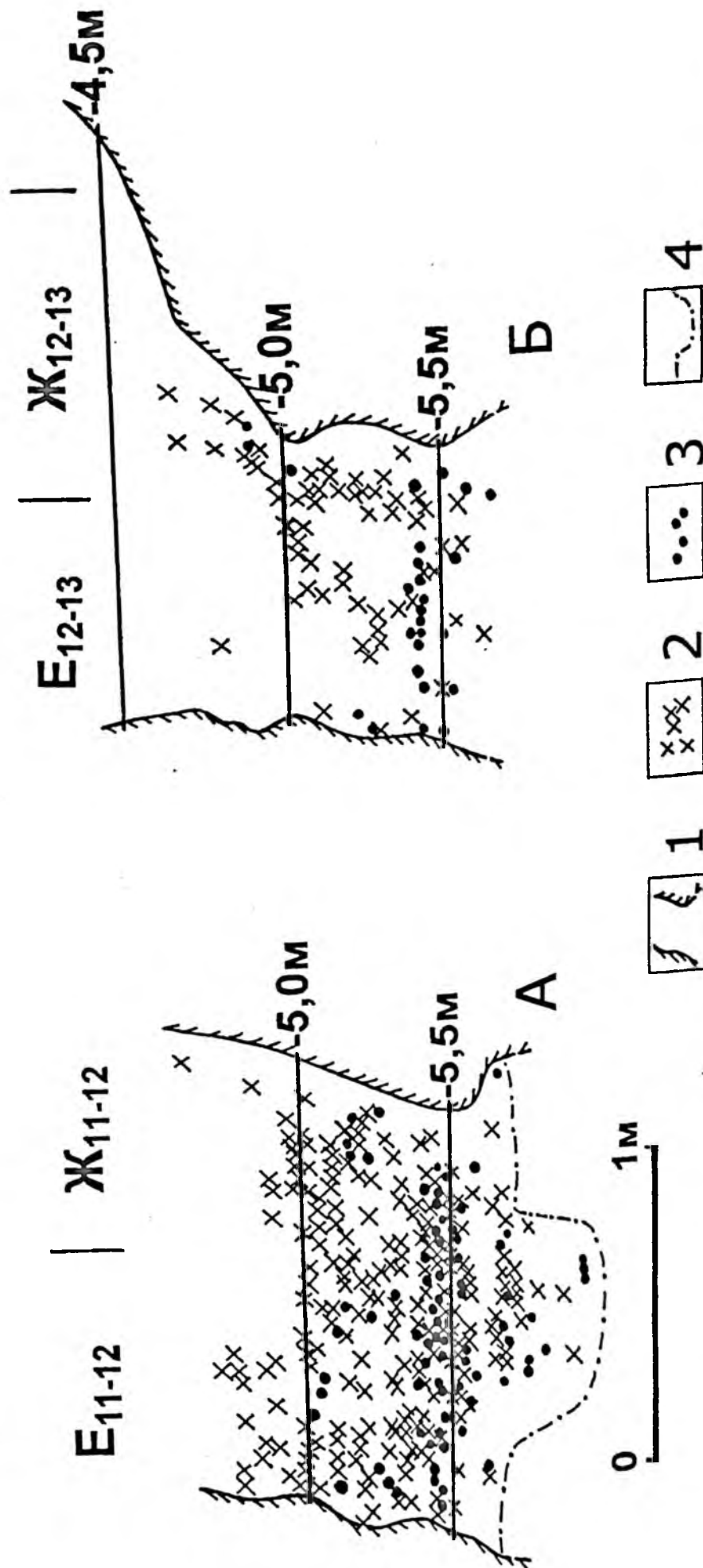

Рис. 92. Кударо I. Южная галерея. Поперечные профили с указанием расположения находок каменных изделий и костей, встреченных на расстоянии полуметра по обе стороны каждого из профилей: А — профиль на удалении 12 метров от входа в галерею (граница линий квадратов E₁₁₋₁₂ и Ж₁₁₋₁₂); Б — профиль в 13 метрах от входа (граница линий квадратов E₁₂₋₁₃ и Ж₁₂₋₁₃). Условные обозначения: 1 — скальные стены; 2 — каменные изделия; 3 — кости; 4 — линия вреза слоя 5Е; в слой 6

Fig. 92. Kudaro I cave. The transverse profiles demonstrating a distribution of lithic artefacts and bones found within 0.5 m zones on both sides of each profile: А — a profile at a distance of 12 m from the gallery mouth (a border between the the «E₁₁₋₁₂» and «Ж₁₁₋₁₂» square lines); Б — a profile at a distance of 13 m from the entrance (a border between the the «E₁₂₋₁₃» and «Ж₁₂₋₁₃» square lines). Legend: 1 — rock walls; 2 — lithic artefacts; 3 — bones; 4 — bed of the lowermost Acheulian level 5E deepened into the layer 6

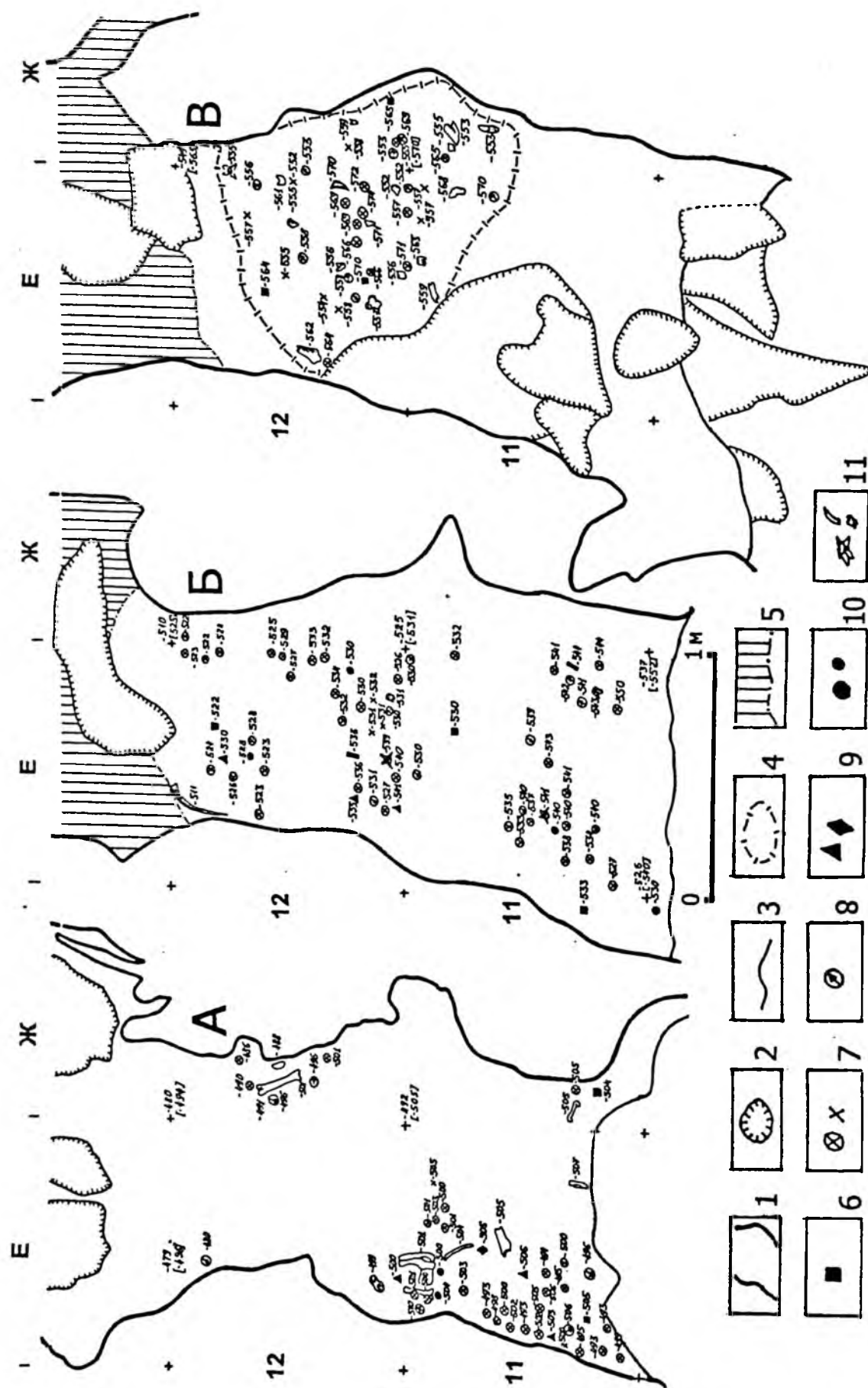

Рис. 93. Кударо I. Южная галерея. Распределение находок в плане в ашельских уровнях раскопа 1986—1987 гг. А — горизонт 35А-В; Б — горизонт 45В; В — горизонт 35Е. Условные обозначения: 1 — скальные стены пещеры; 2 — известняковые блоки; 3 — оплывший южный край раскопа; 4 — карман в кровле слоя 6, заполненный отложениями слоя 5Е; 5 — участок цементации отложений; 6 — нуклеусы; 7 — отщепы, мелкие обломки и чешуйки; 8 — чоперы и рубила; 9 — валуны и гальки; 10 — кости
 Fig. 93. Kudaro I cave. The southern gallery. Distribution map of Acheulian cultural remains in the excavation area 1986—1987. А — horizon 3 of the layer 5А-В; Б — horizon 4 of the layer 5В; В — horizon 3 of the layer 5Е. Legend: 1 — rock walls of the cave; 2 — limestone blocks; 3 — the south border of the excavation area; 4 — pocket in the top of the layer 6 filled with Acheulian deposit of the layer 5Е; 5 — brecciated part of the Acheulian layer; 6 — cores; 7 — cobbles and pebbles; 8 — flakes; 9 — choppers and handaxes; 10 — bones

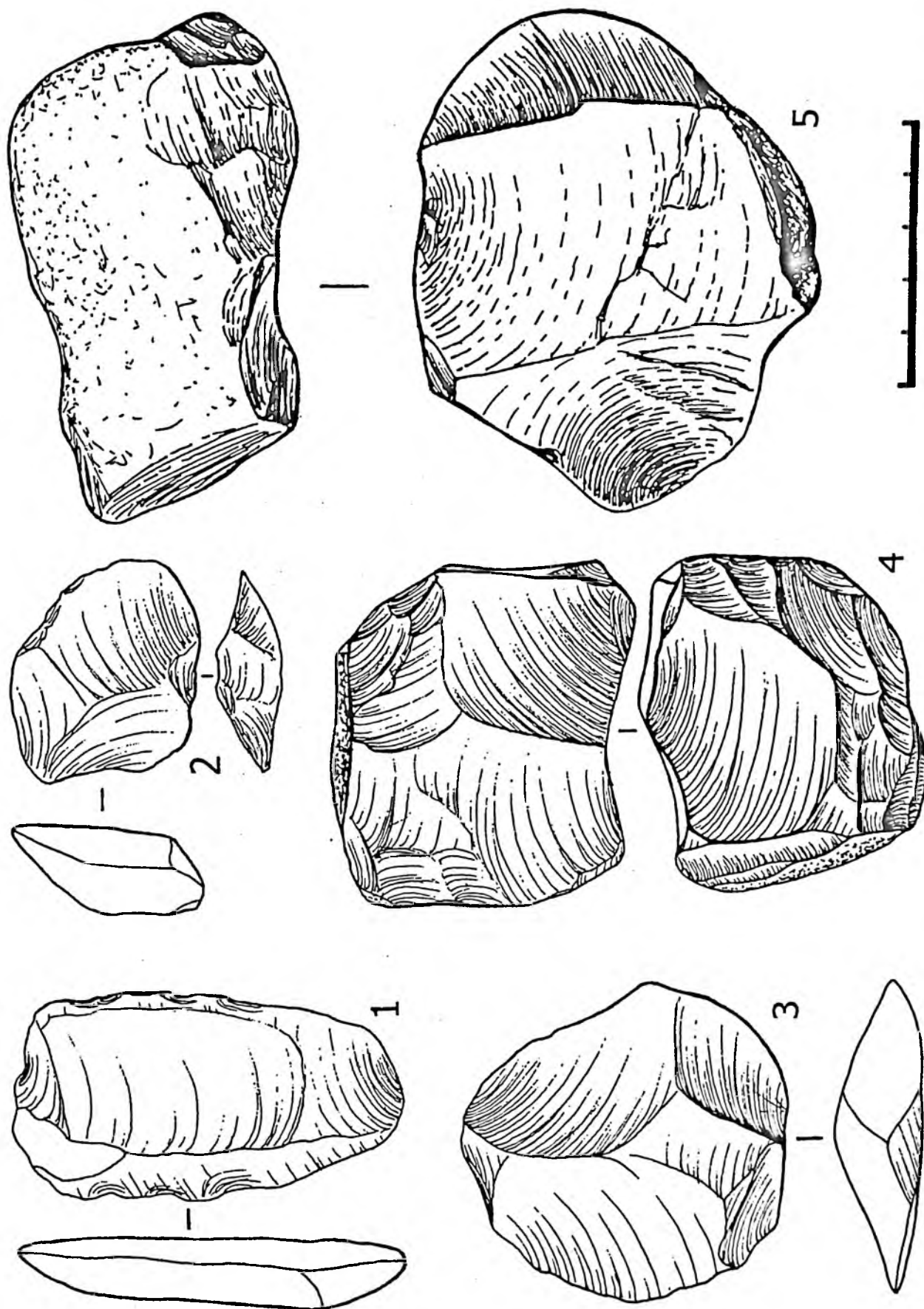

Рис. 94. Кударо I. Южная галерея. 1—3 — отщепы (1, 2 — кремнистый сланец, 3 — песчаник); 4, 5 — пучкеусы (4 — песчаник, 5 — кремнистый сланец)
Fig. 94. Kudaro I cave. The southern gallery. 1—3 — flakes (1, 2 — of schist, 3 — of sandstone); 4, 5 — cores (4 — of sandstone, 5 — of schist)

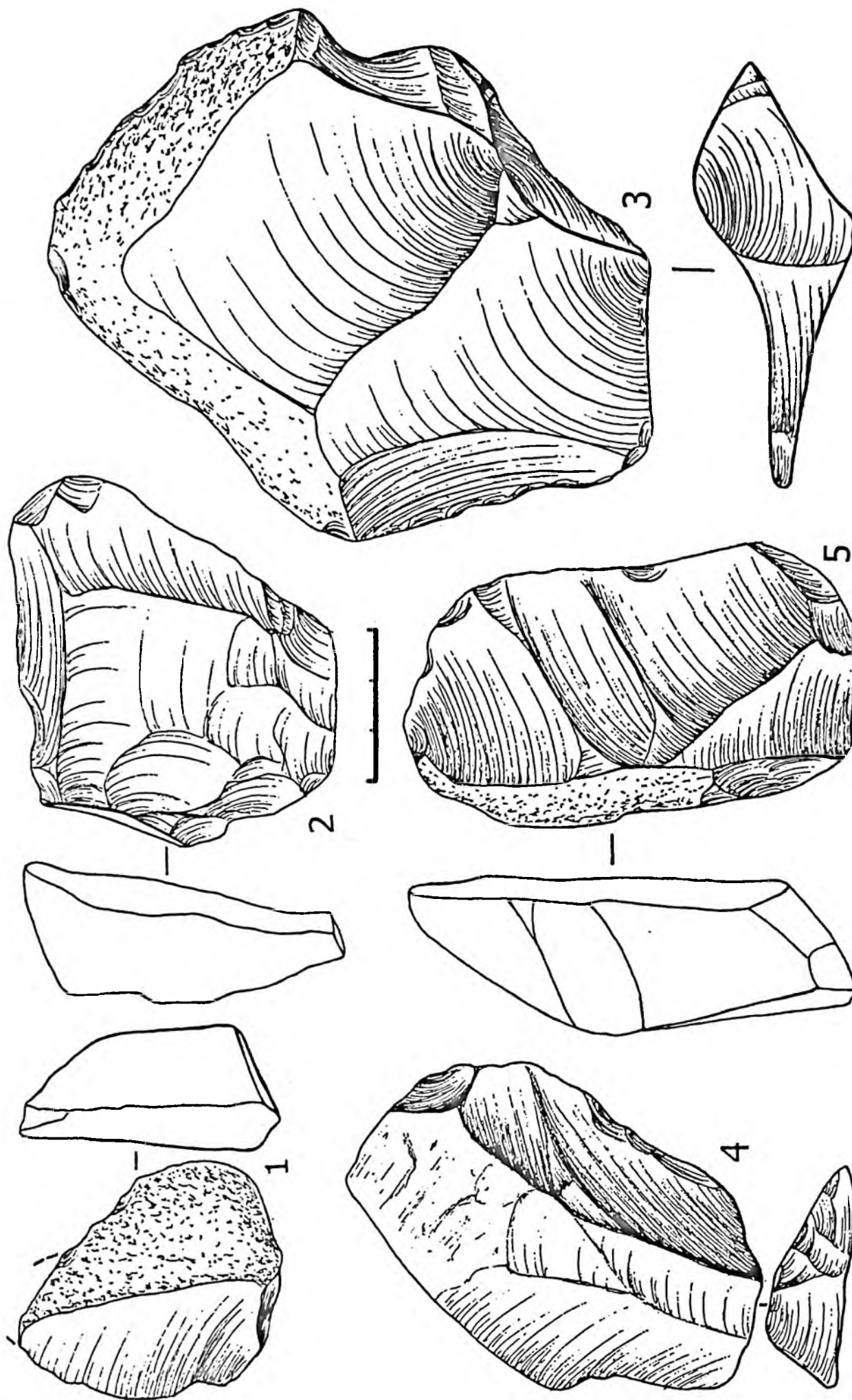

Рис. 95. Кударо I. Южная галерея. Отщепы (1, 3, 5 — песчаник; 2, 4 — кремнистый сланец)
 Fig. 95. Kudaro I cave. The southern gallery. Flakes (1, 3, 5 — of sandstone; 2, 4 — of schist)

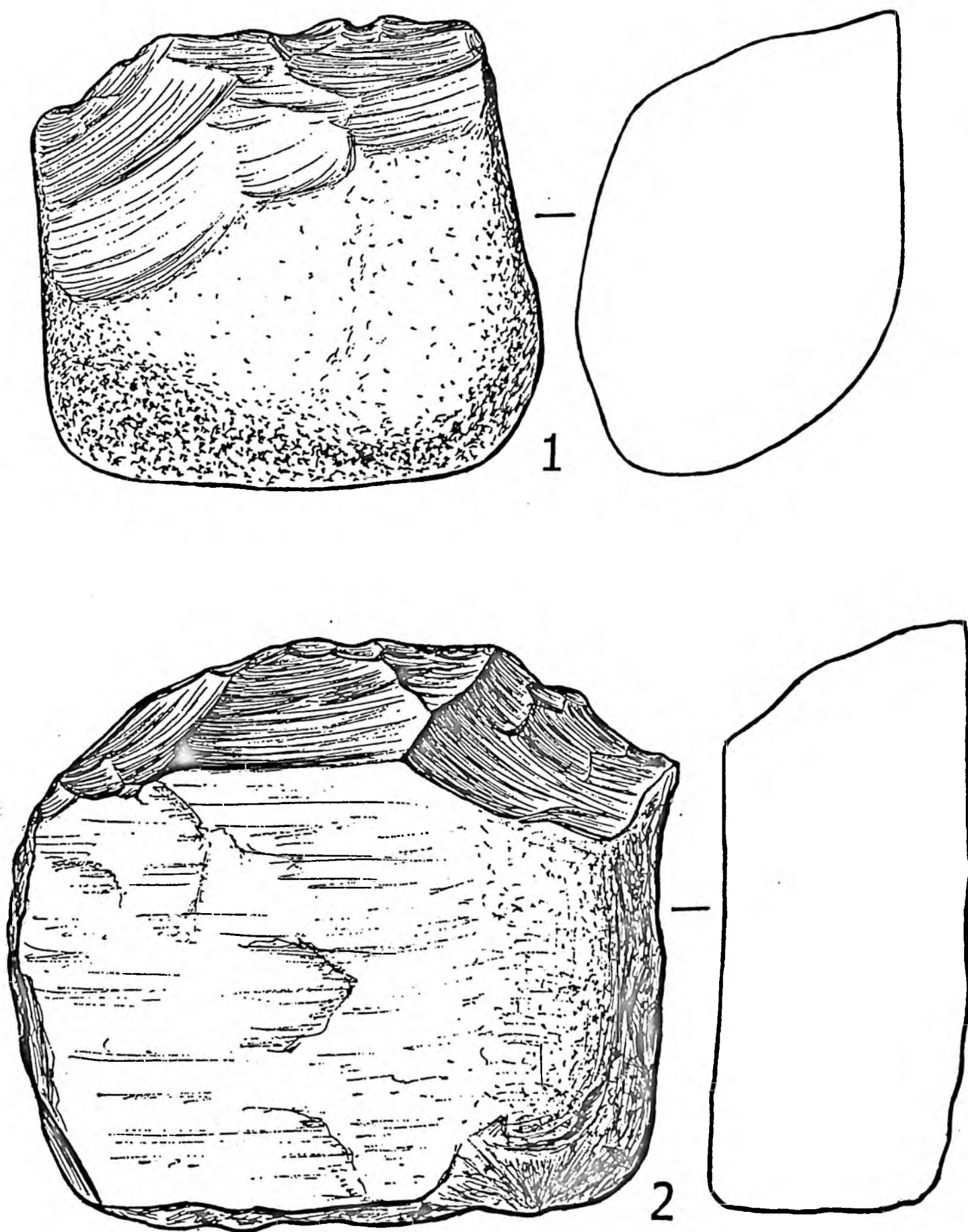

Рис. 96. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. Чопперы
Fig. 96. Kudara I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. Choppers

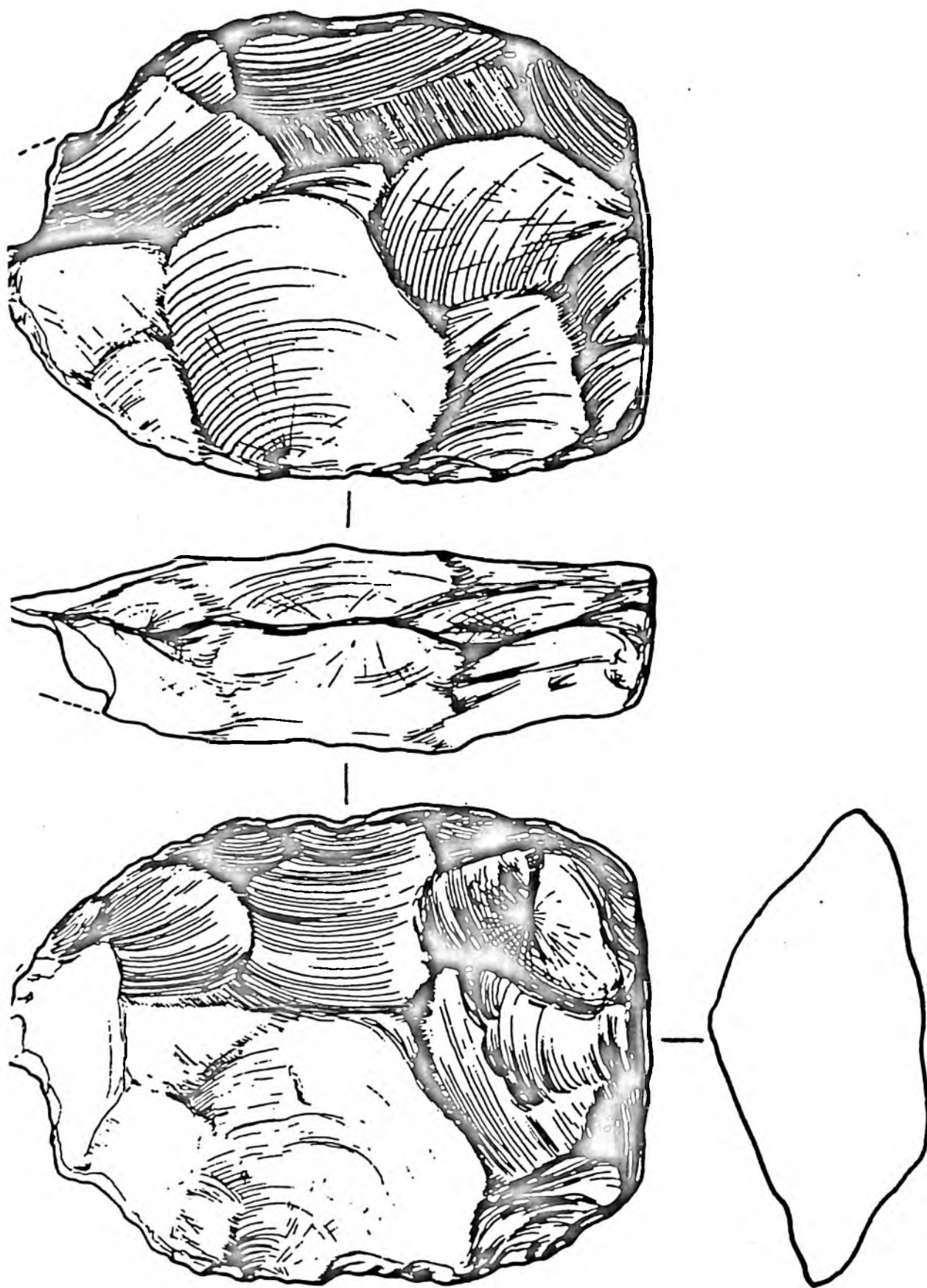

Рис. 97. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. Ручное рубило подпрямоугольных очертаний
 Fig. 97. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. Handaxe of sub-rectangular shape

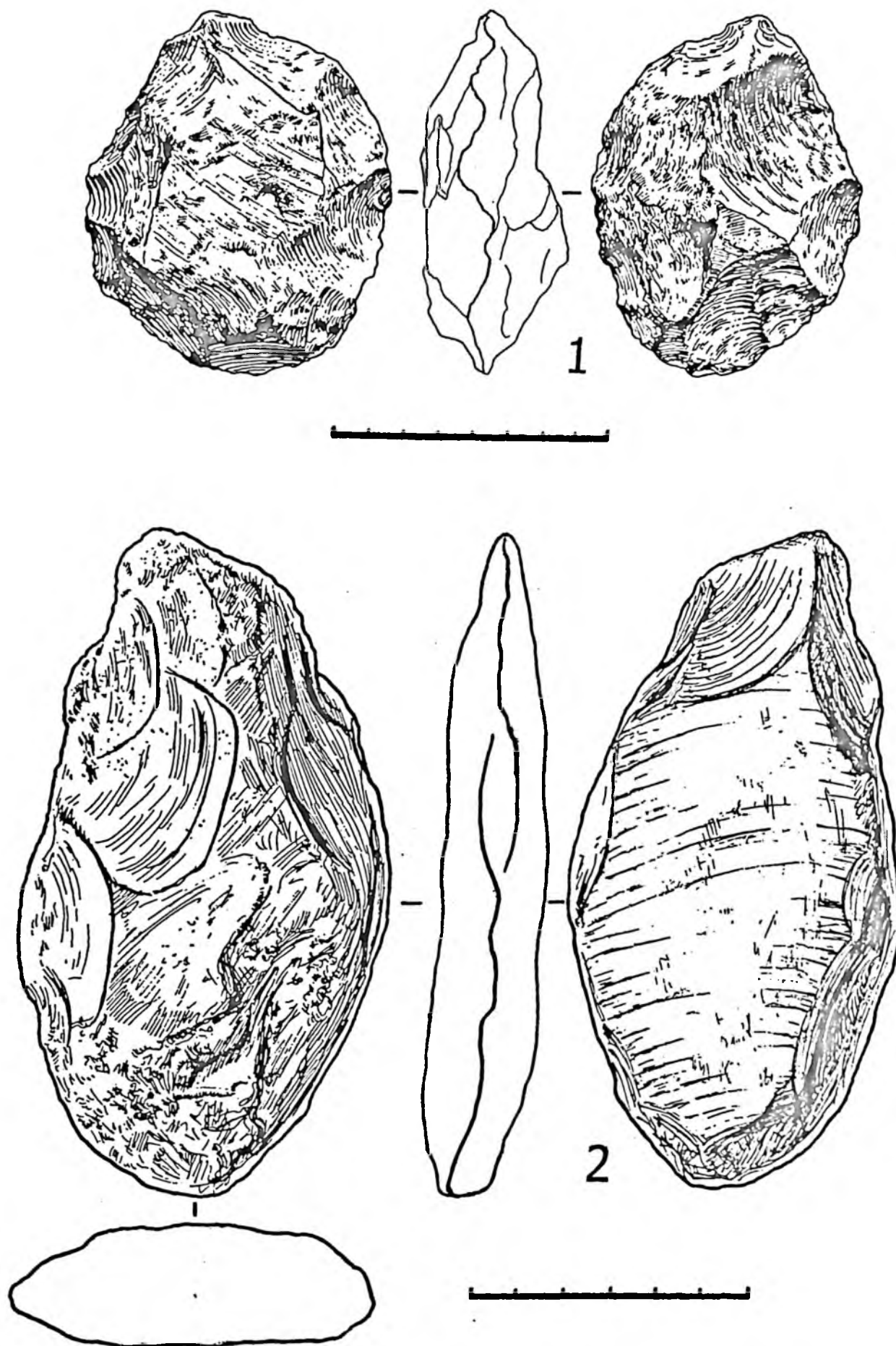

Рис. 98. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. Ручные рубила: 1 — овальное;
2 — удлиненно-сердцевидный частичный бифас с обушком

Fig. 98. Kudara I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. Handaxes: 1 ovate;
2 — elongated cordiform partial backed biface

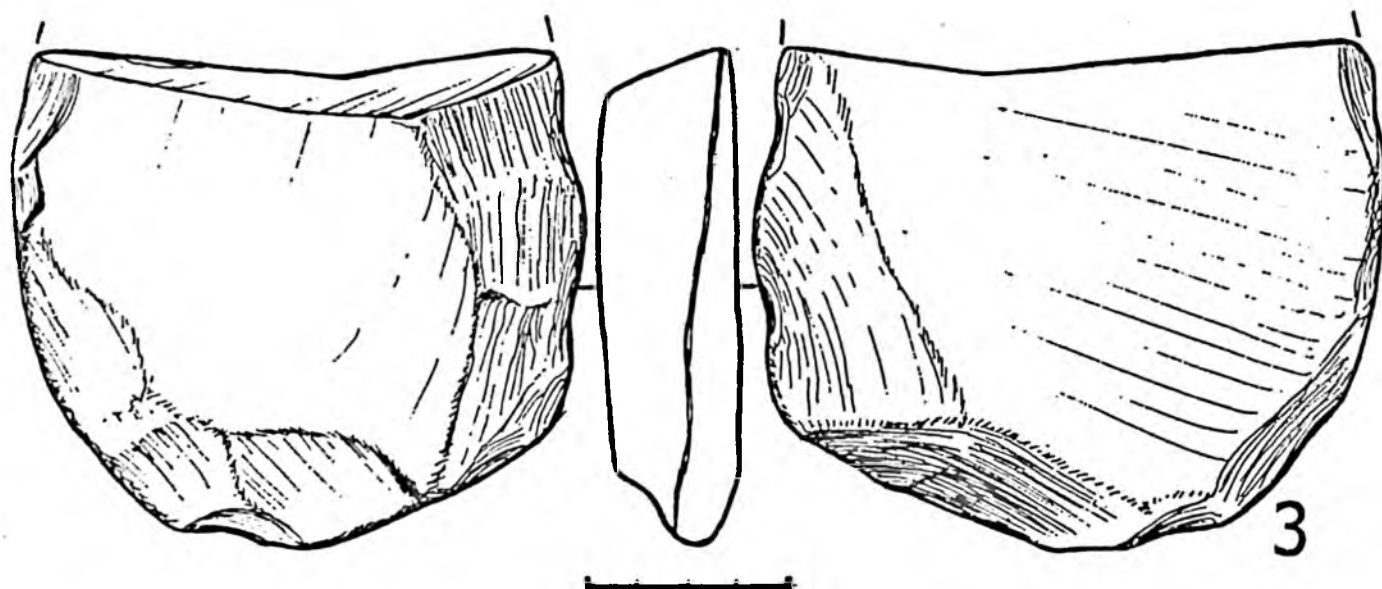
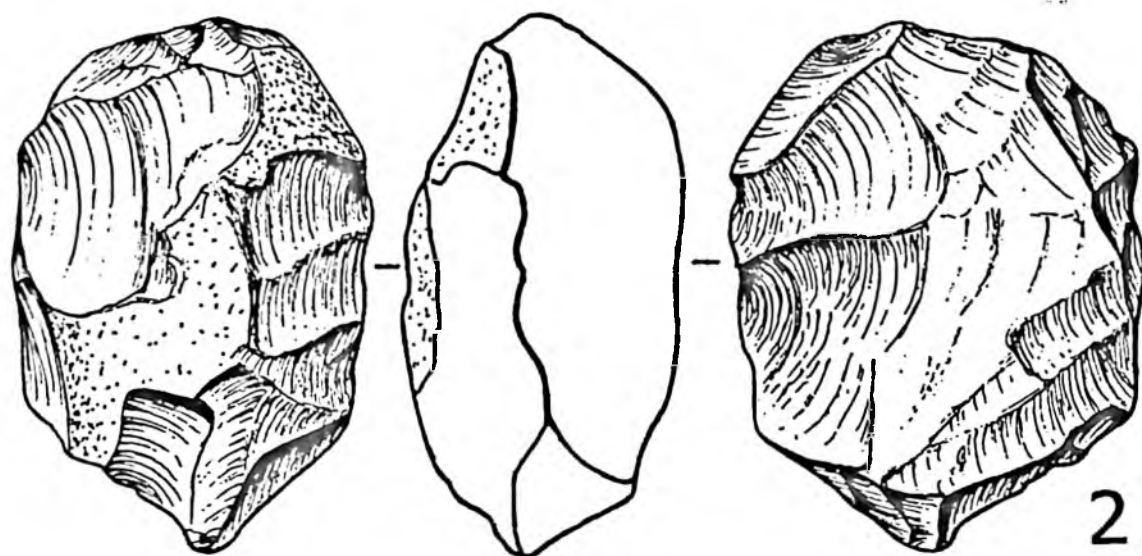
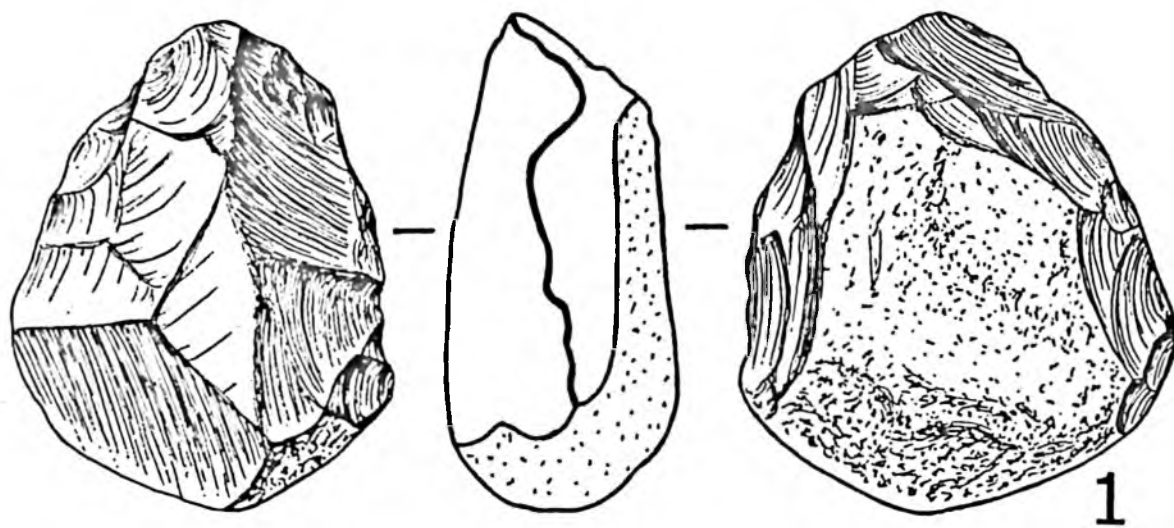

Рис. 99. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. Ручные рубила: 1, 2 — небольшие, не законченные оббивкой; 3 — фрагмент тонкого двоякоплоского частичного бифаса

Fig. 99. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. Handaxes: 1, 2 — small, unfinished; 3 — fragment of thin and double-flat partial biface

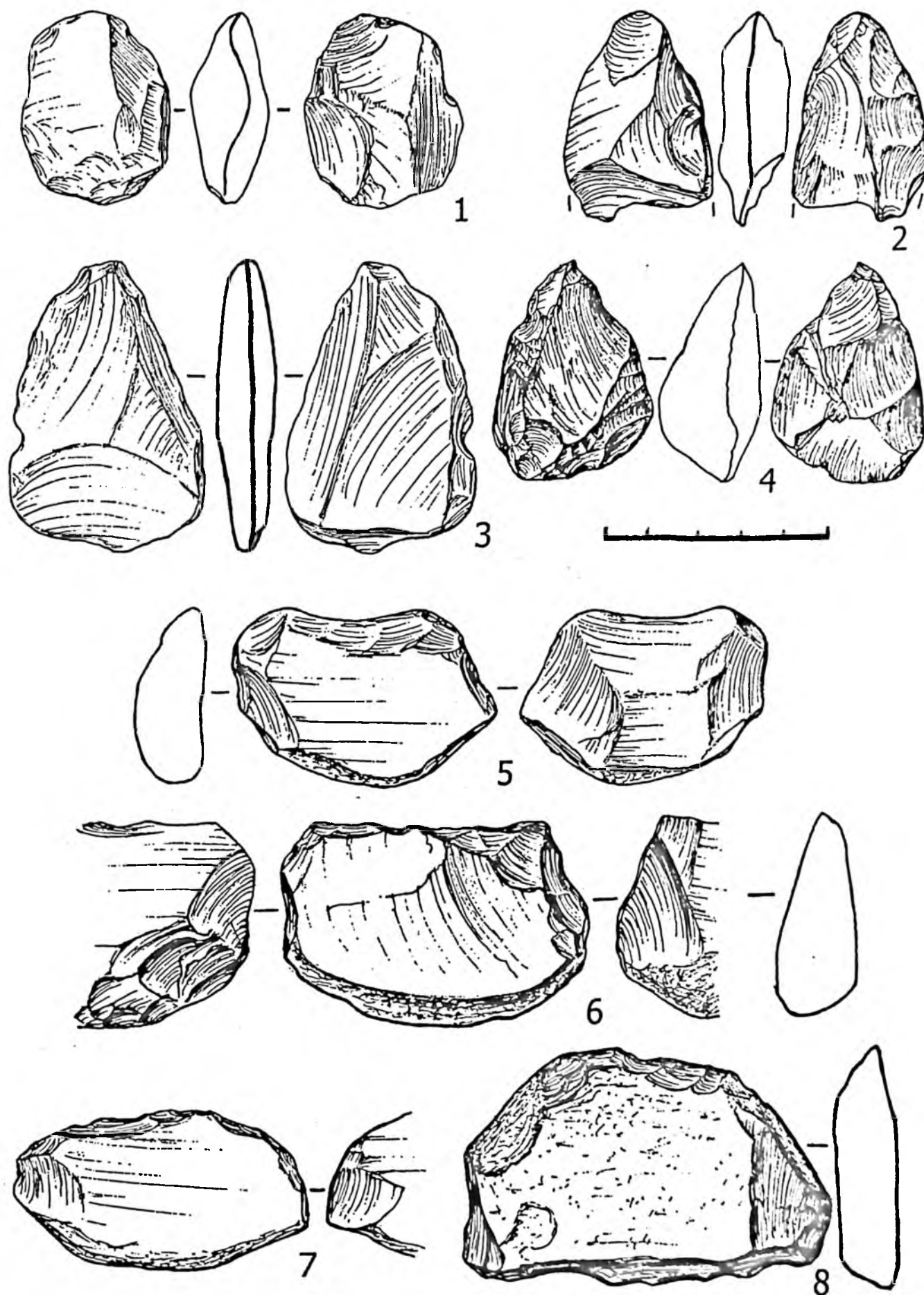

Рис. 100. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1, 3, 4 — рубильца; 2 — фрагмент листовидного орудия; 5—8 — однолезвийные скребла геометризованных очертаний с подтеской концов
 Fig. 100. Kudara I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1, 3, 4 — small handaxes; 2 — fragment of foliate piece; 5—8 — single scrapers of geometric shapes with thinned ends

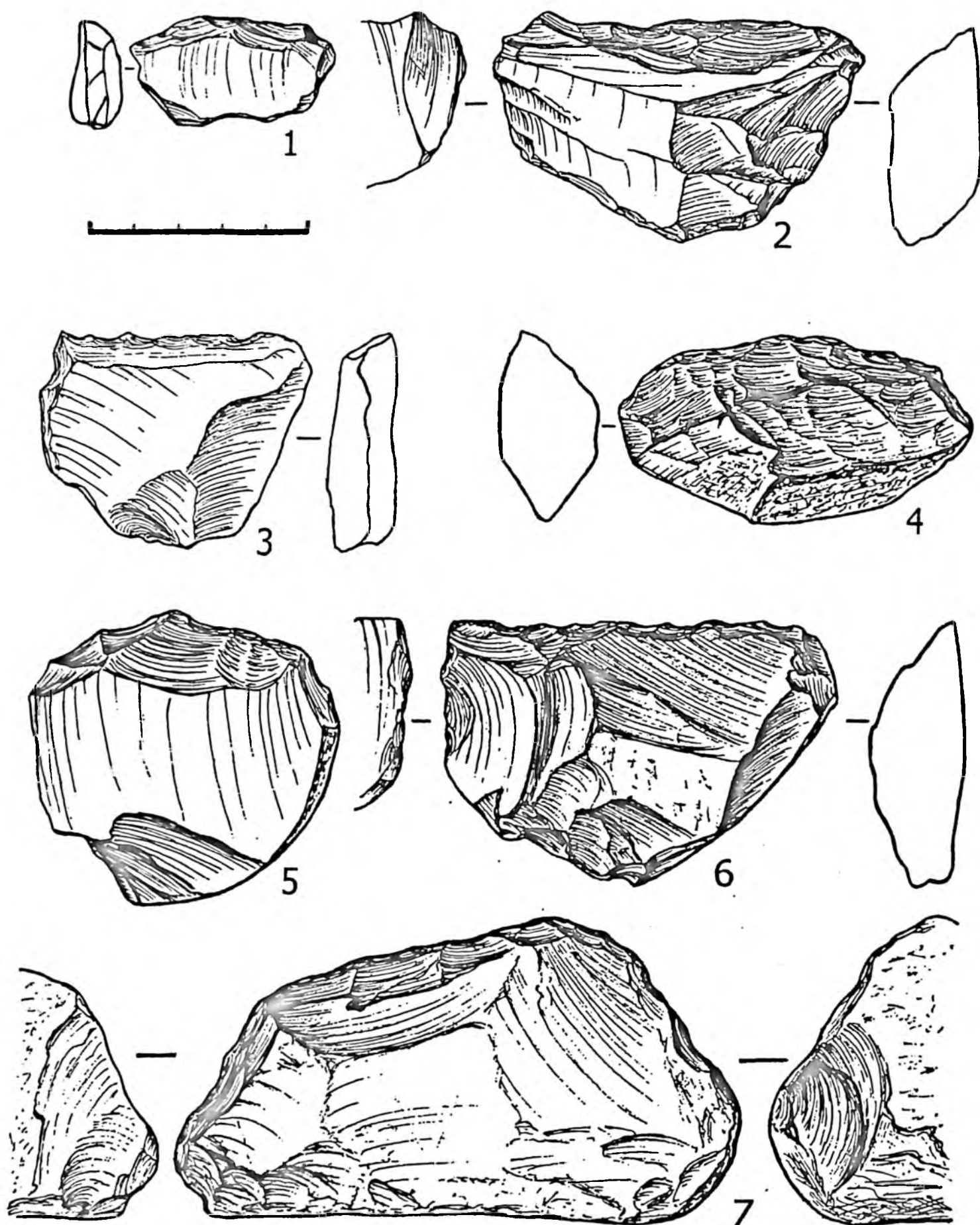

Рис. 101. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. Однолезвийные скребла (6, 7 — с подтеской концов, примыкают к геометризованным формам)
 Fig. 101. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. Single scrapers (6, 7 — with thinned ends, close to scrapers of geometric shapes)

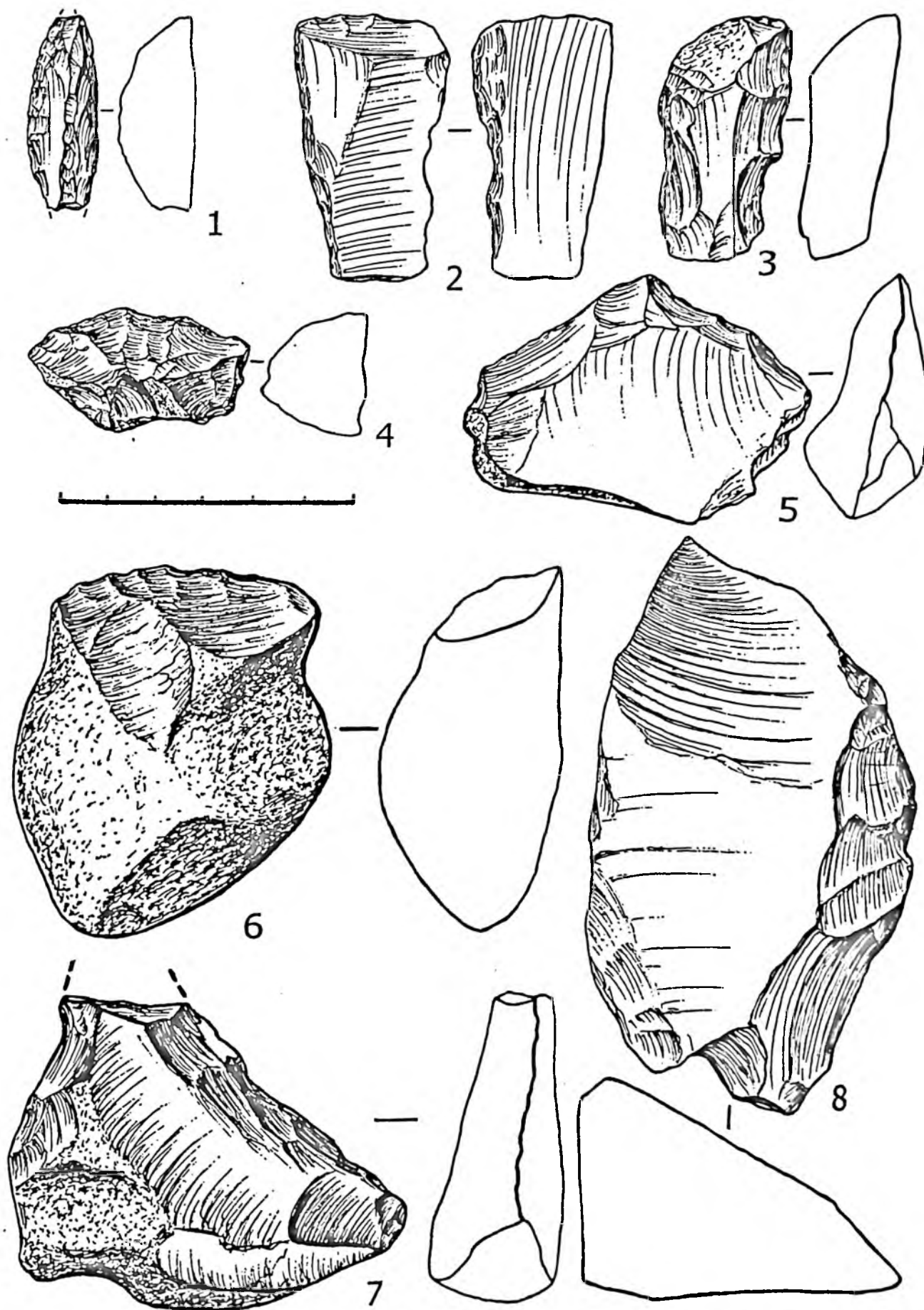

Рис. 102. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1 — лимас; 2—5, 7, 8 — скребла (2, 3 — двойные боковые; 4 — полукин; 5, 7 — конвергентные; 8 — крупное с продольным брюшковым лезвием и желобчатым брюшковым сколом на дистальном конце); 6 — концевой скребок на песчаниковой гальке

Fig. 102. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1 — limace; 2—5, 7, 8 — scrapers (2, 3 — double lateral; 4 — demi-Quina; 5, 7 — convergent; 8 — large lateral with inverse retouch and a large concave scar at the distal end); 6 — end scraper on sandstone pebble

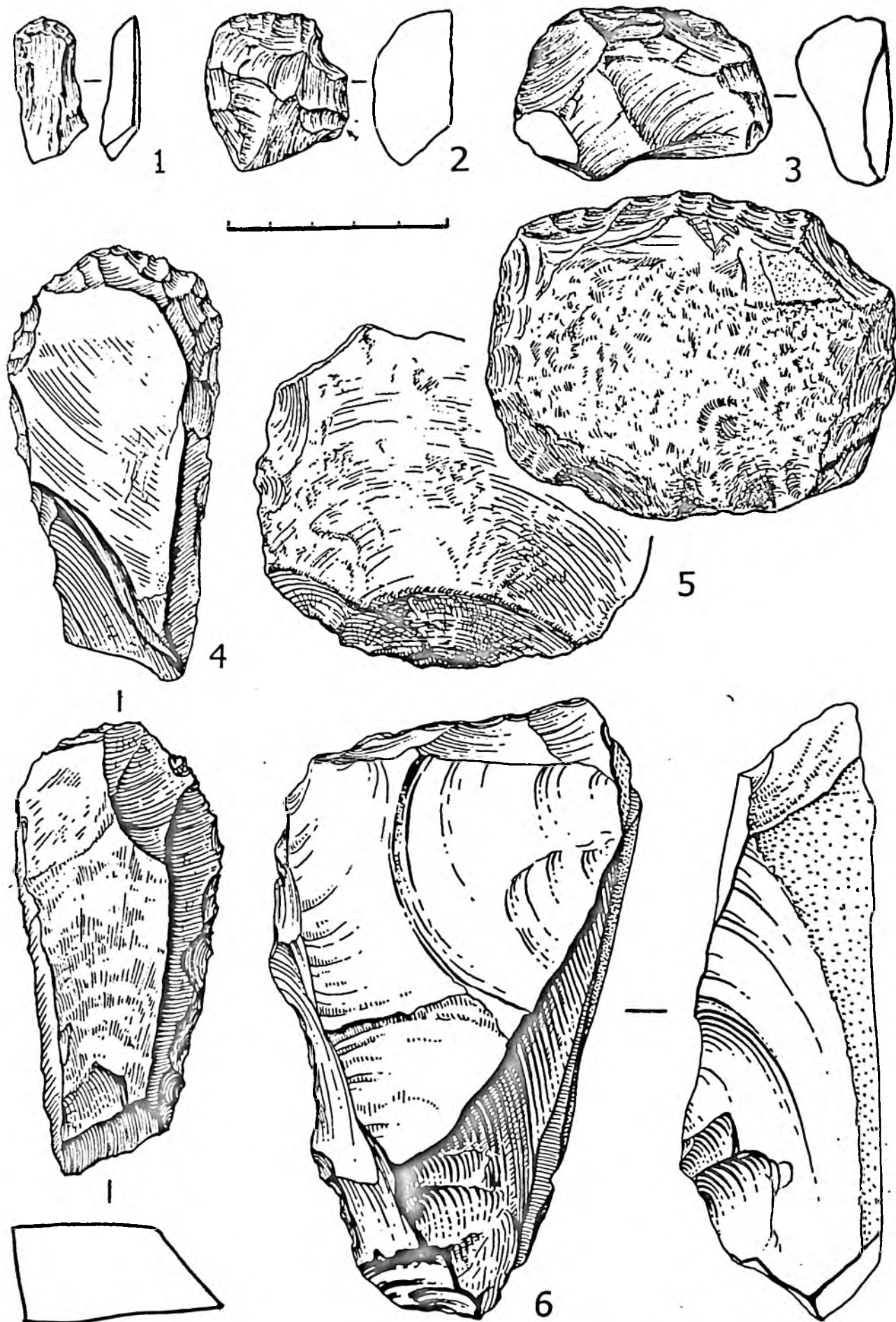

Рис. 103. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1—4 — скребки (1, 4 — концевые; 2, 3 — подокруглые); 5 — двойное угловатое скребло; 6 — обушковые угловатые скребла

Fig. 103. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1—4 — end scrapers (1, 4 — typical end, 2, 3 — sub-ovate); 5 — double dejet scraper; 6 — backed dejet scraper

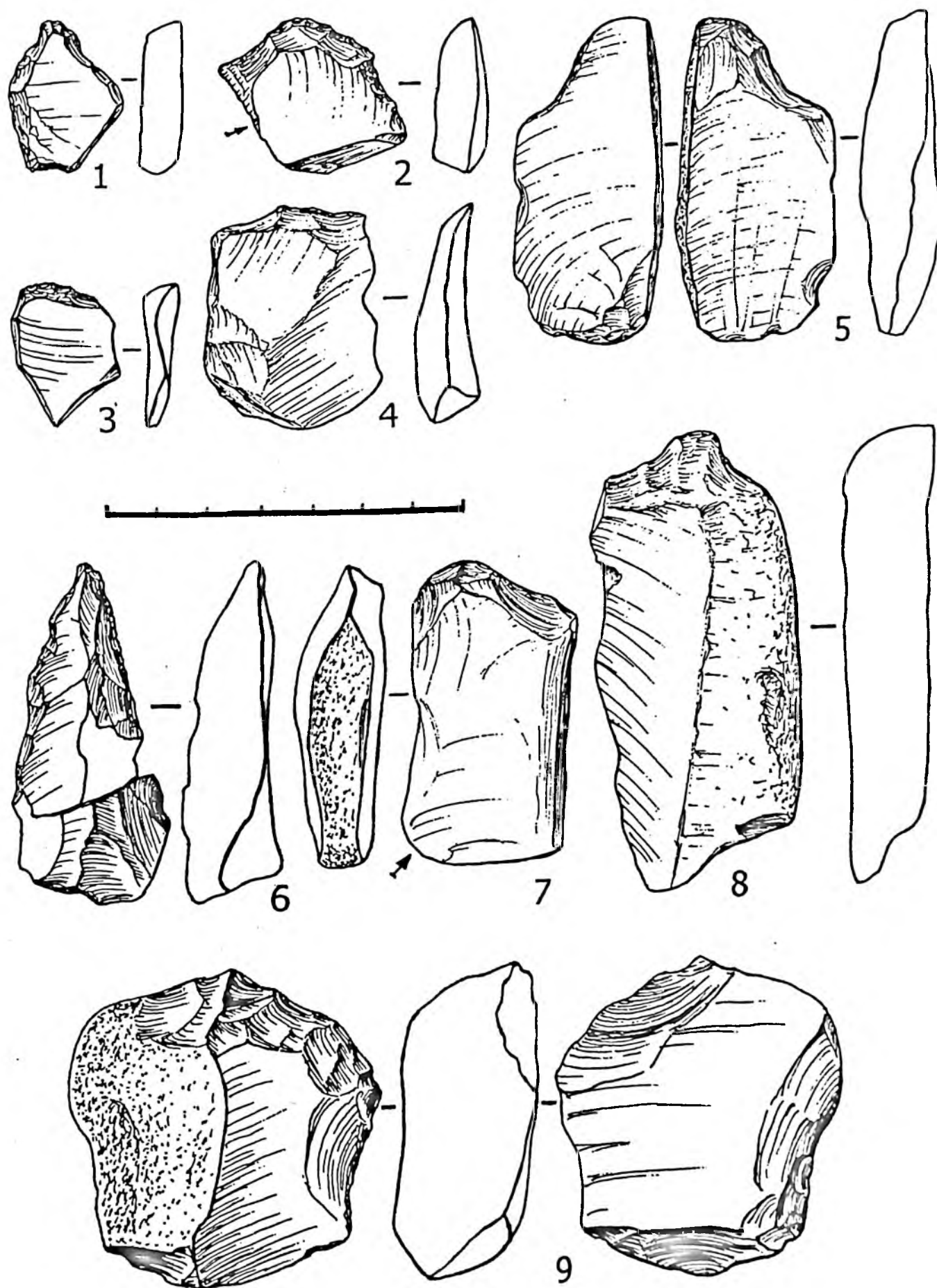

Рис. 104. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1—5; 7—9 — скребки (1, 2, 8 — двуплечиковые; 3, 4 — плоские атипичные; 5, 7 — одноплечиковые; 9 — массивный подокруглый); 6 — остроконечник

Fig. 104. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1—5; 7—9 — end scrapers (1, 2, 8 — double-shouldered; 3, 4 — flat atypical; 5, 7 — shouldered; 9 — massive sub-ovate); 6 — point

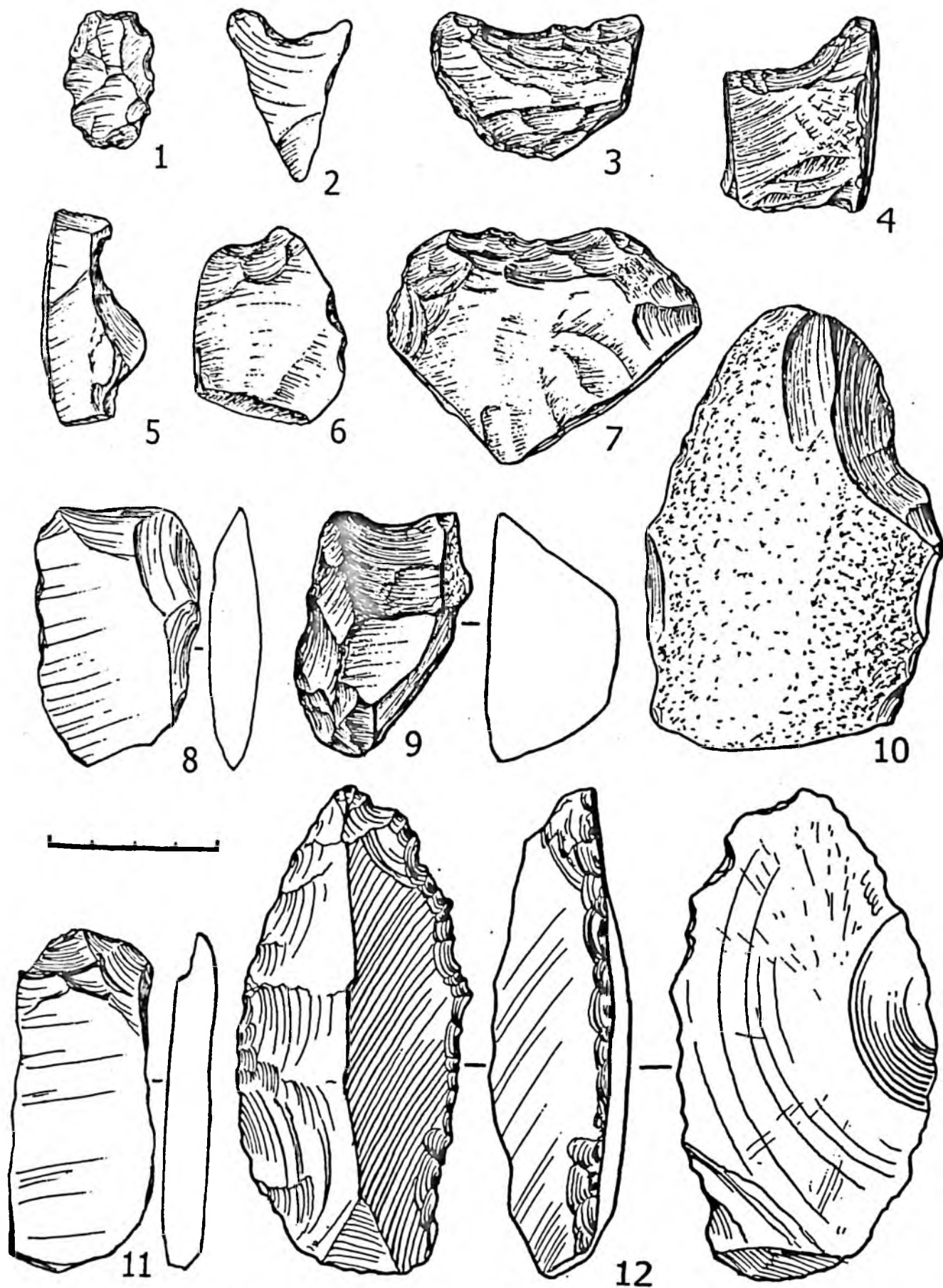

Рис. 105. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1 — отщеп с мелкозубчатой ретушью;

2—7, 10 — различные выемчатые орудия; 8, 11 — долотовидные орудия; 9, 12 — комбинированные орудия (9 — концевой клектонский анкош + боковое скребло высокой формы, 12 — боковое выпуклое скребло + боковое зубчатое лезвие)

Fig. 105. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1 — flake with light denticulate retouch;

2—7, 10 — various notched tools; 8, 11 — chisel-like tools; 9, 12 — combination tools (9 — end clactonian notch + lateral single scraper with abrupt retouch, 12 — lateral single scraper + lateral denticulated edge)

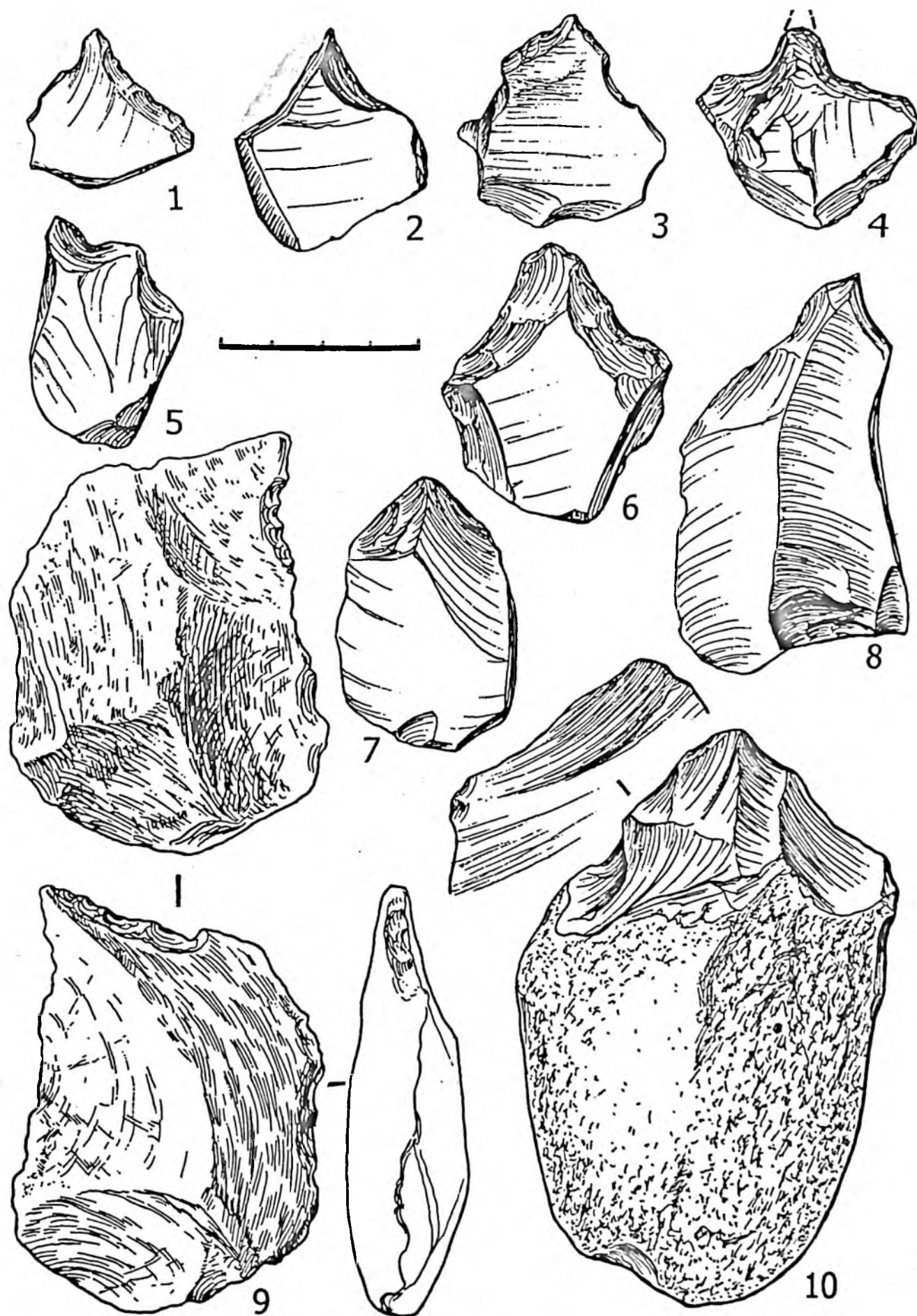

Рис. 106. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1—10 — различные кленовидные формы (7 — широкое плоское острие-клюв, 10 — массивный резцелидный клюв, напоминающий bec burinant alterne)
 Fig. 106. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1—10 — various becs (7 — flat wide-angle bec-point, 10 — massive bec-point resembling bec burinant alterne)

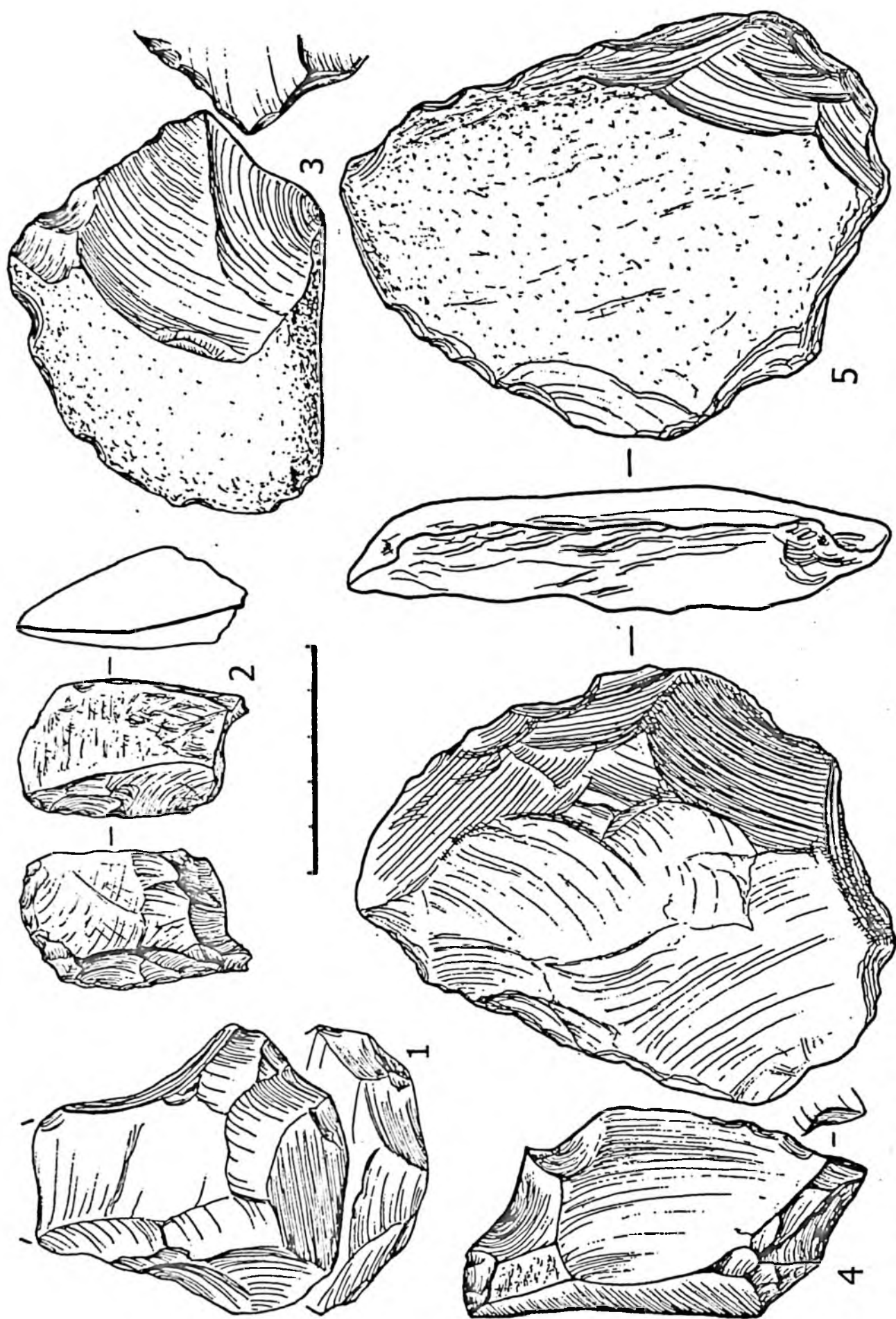

Рис. 107. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1 — фрагмент широкого бифаса (?); 2—4 — комбинационные орудия (2 — двойное скребло с противоположными лезвиями + концевой скребок, 3 — плоский широкоугольный клювовидный выступ-острие + выделенное выемками узкое лезвие на дистальном конце, 4 — клюв + односторонний скребок); 5 — своеобразное бифасальное скребло (?).
 Fig. 107. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1 — fragment of partial bifacial tool (?); 2—4 — combination tools (2 — double scraper with alternate retouched edges + end scraper; 3 — flat wide-angle beelike point + narrow cutting edge isolated by notches at the distal end, 4 — bec + shouldered end scraper); 5 — unusual bifacial scraper (?).

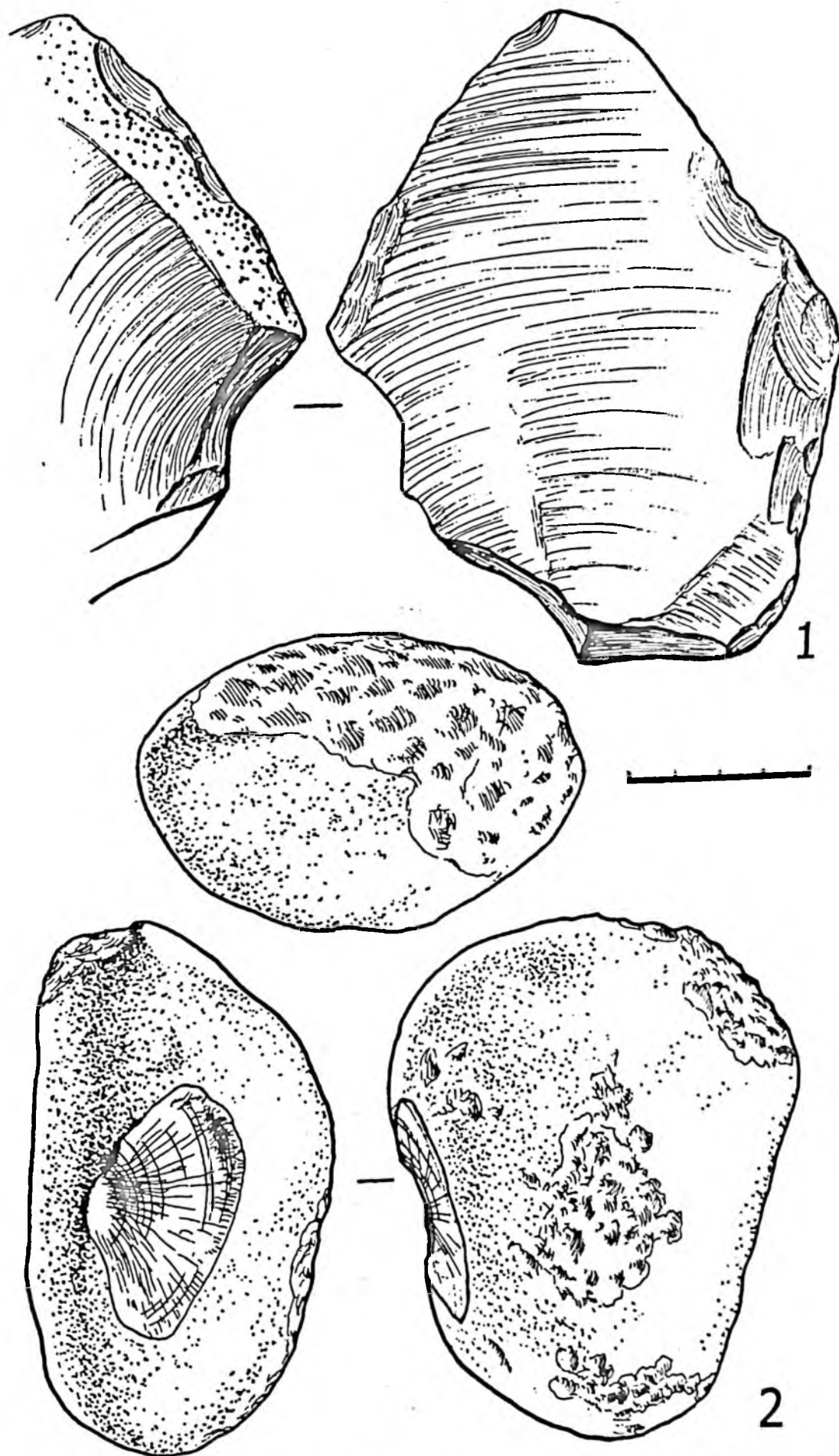

Рис. 108. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1 — комбинационное орудие (широкоугольный режущий выступ + клектонская выемка на противоположном крае); 2 — отбойник

Fig. 108. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1 — combination tool (lateral cutting edge of triangular shape sharpened with inverse flat retouch + clactonian notch on another edge); 2 — pebble hammerstone

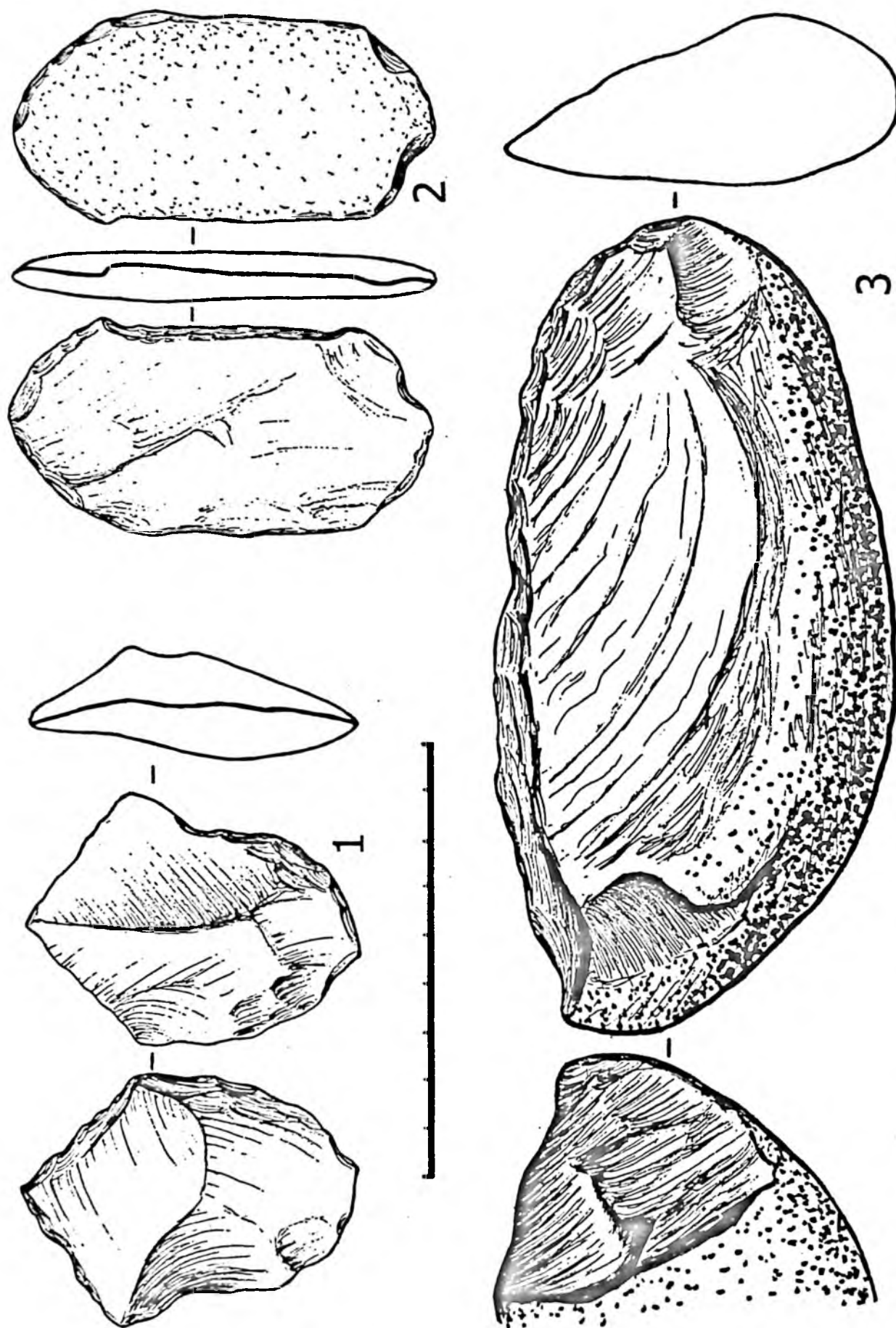

Рис. 109. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1956—1957 гг. 1 — своеобразное двойное (двуконечное) конвергентное скребло, оформленное разными видами ретуши; 2 — тонкий прямоосный предмет, арковидный дистальный конец которого и один из продольных краев подправлены кривой ретушью (скребло?); 3 — аналог «цали» (?) на плоском удлиненном валуне.

Fig. 109. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1956—1957. 1 — unusual double convergent scraper fashioned by various retouch types; 2 — thin straight piece whose arch-shaped end and one of lateral edges are fashioned by light retouch (scraper?); 3 — tool analogous to «tsaldi» (?) but made on flat elongated cobble.

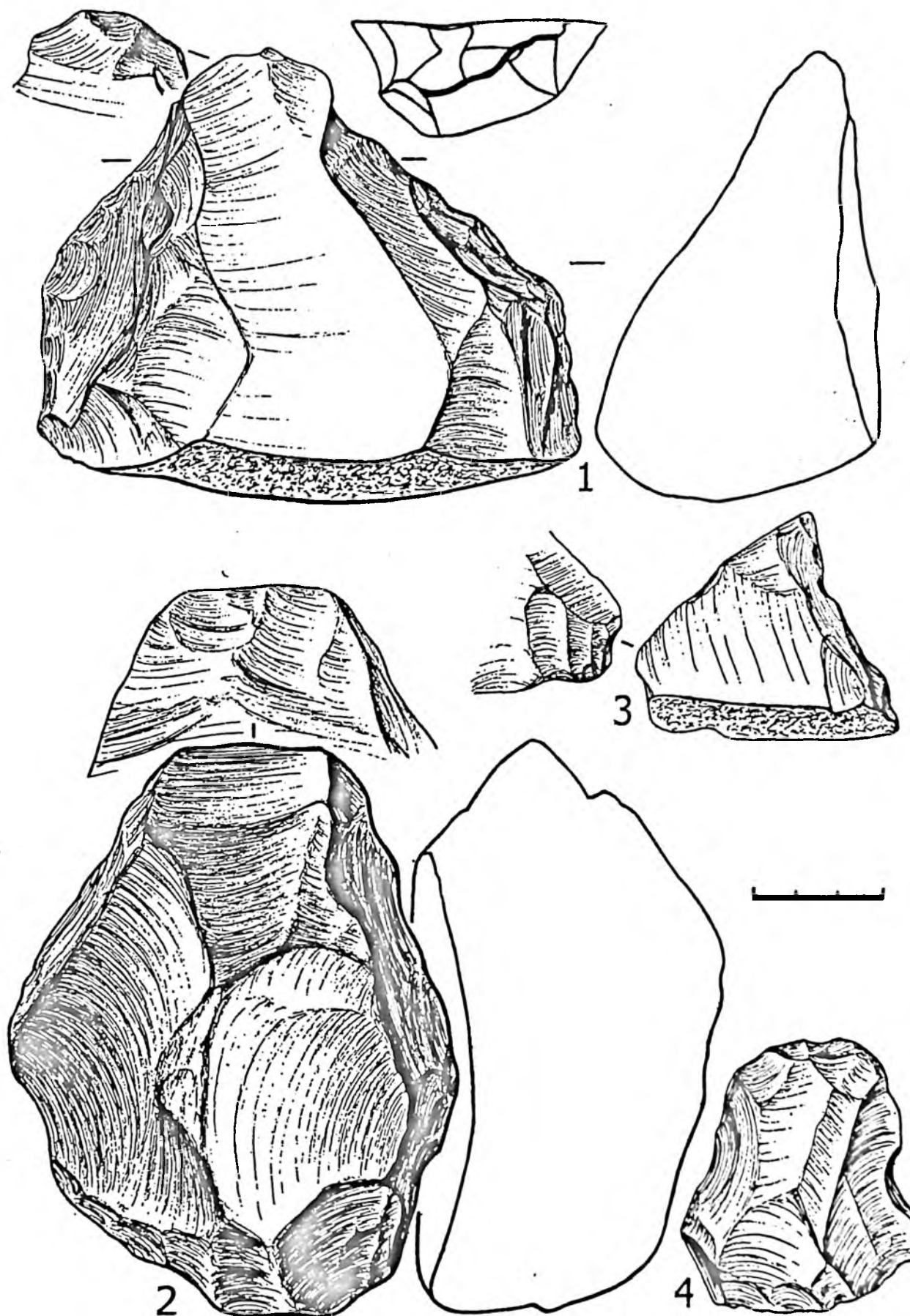

Рис. 110. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5А-Б. 1 — своеобразный полтреугольный чоппер с узким дистальным лезвием; 2 — чоппинг с долотовидным концом; 3 — комбинированное орудие (угловой скребок + скребло + острие); 4 — концевой скребок, фланкированный выемками

Fig. 110. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5A-B. 1 — unusual subtriangular chopper with narrow distal edge; 2 — chopping with chisel-like end; 3 — combination tool (angle end scraper + concave side scraper + point); 4 — end scraper

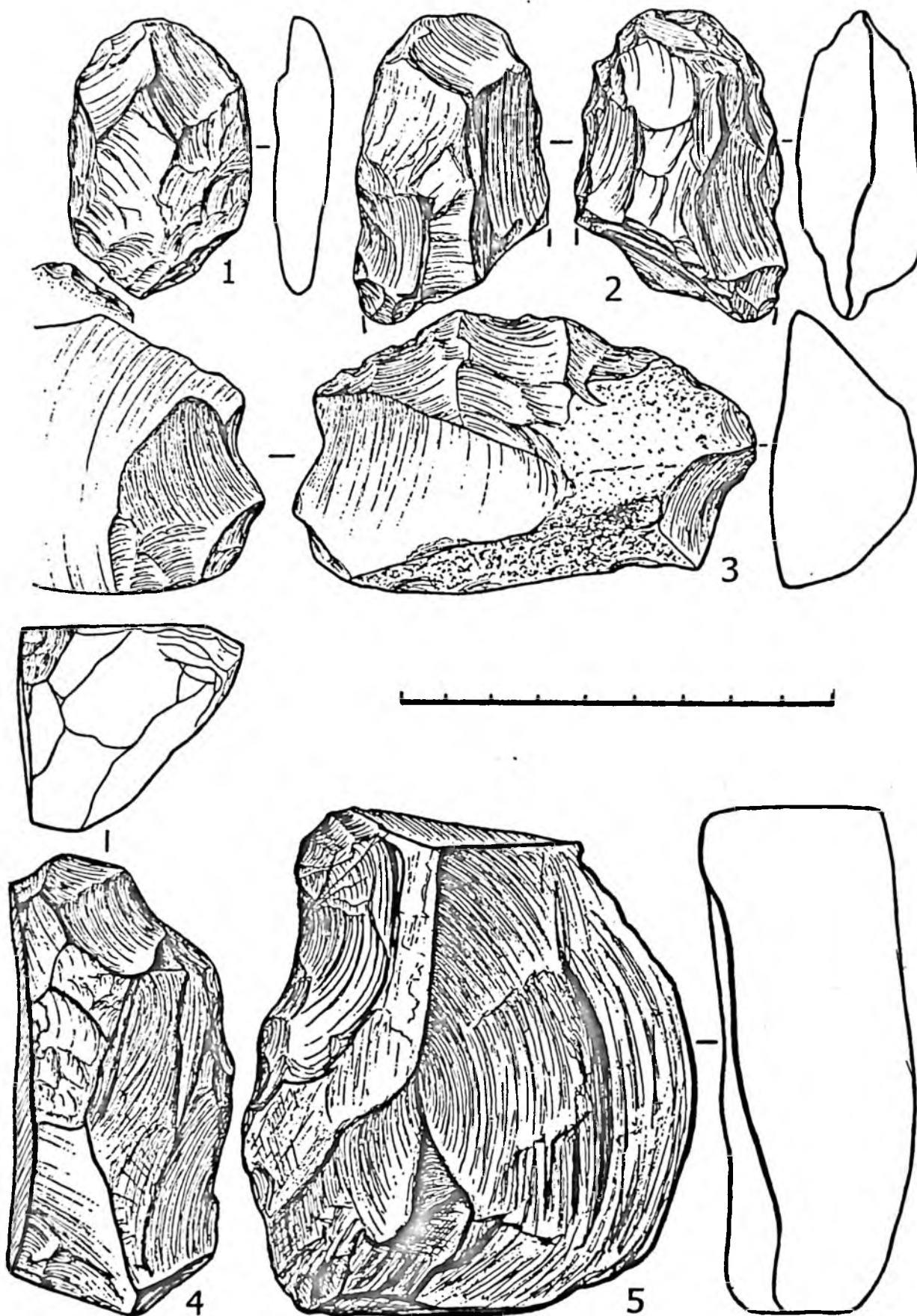

Рис. 111. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5А-Б. 1 — своеобразное орудие подовальной формы с почти сплошной обработкой брюшковой стороны краевого отщеп (унифас); 2 — фрагмент массивной листовидной формы; 3 — крупное скребло геометризованных очертаний с подтеской концов; 4 — комбинированное орудие (боковое скребло + концевой торцовый скребок); 5 — угловой одноплечиковый скребок на массивном отщепе

Fig. 111. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5A-B. 1 — unusual tool of ovate shape fashioned by almost entire flaking of interior surface of cortical flake (uniface); 2 — fragment of massive bifacial foliate piece; 3 — large scraper of geometric shape with thinned ends; 4 — combination tool (backed single scraper + end scraper located at the end of flake but relatively perpendicular to its plane; 5 — angle shouldered end scraper on a massive flake

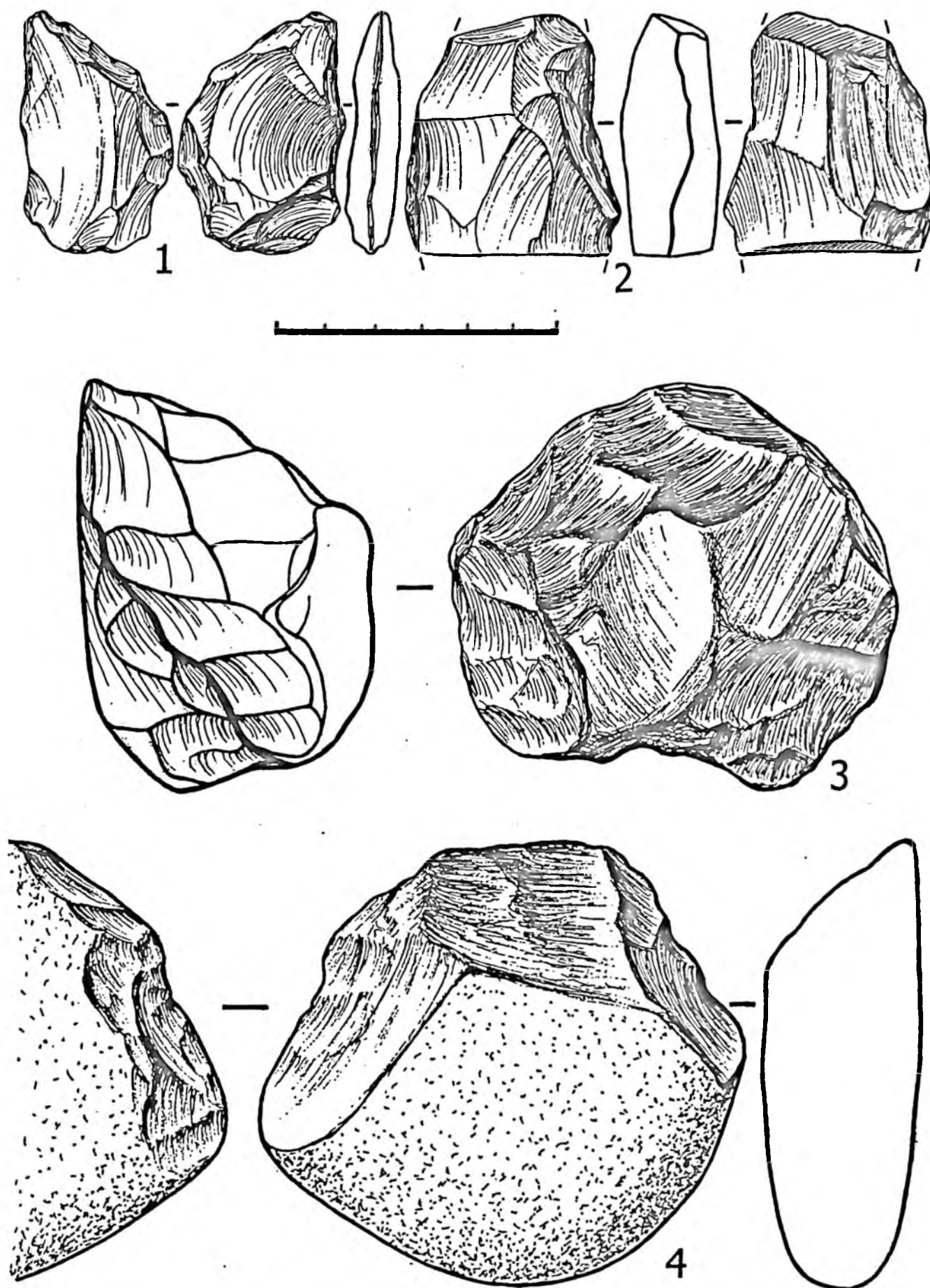

Рис. 112. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5B. 1 — атипичное рубильце; 2 — фрагмент листовидного орудия (?); 3 — своеобразный дисковидный чопер-чоппинг; 4 — чопер

Fig. 112. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5B. 1 — atypical small handaxe; 2 — fragment of foliated piece (?); 3 — unusual discoidal chopper-chopping; 4 — chopper

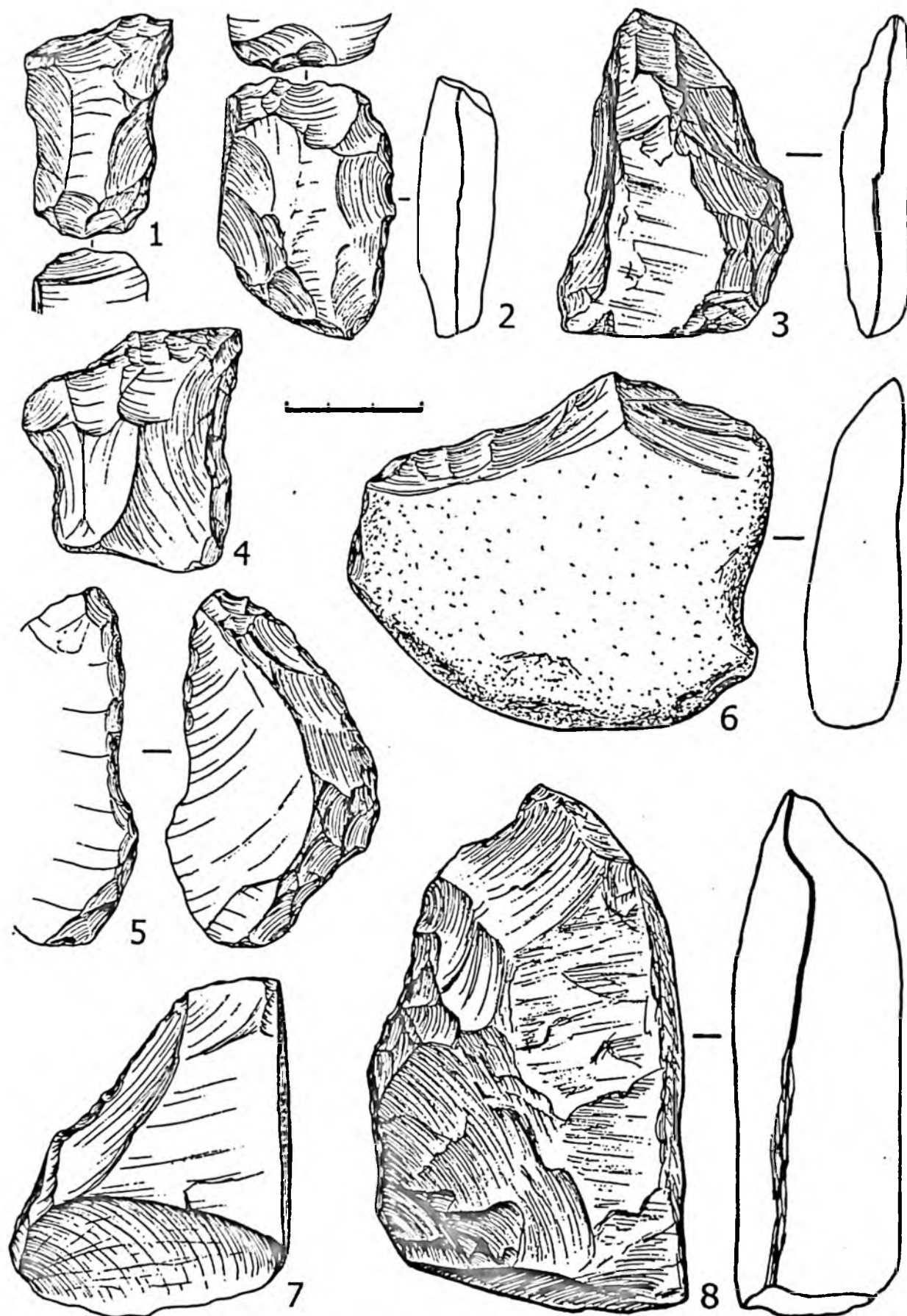

Рис. 113. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5В. Скребла: 1, 4 — угловатые; 2 — простое боковое с лицевым утончением дистального конца; 3 — конвергентное; 5 — двойное боковое выпукло-вогнутое; 6 — поперечное с выделенным острием, на плоской гальке; 7 — диагональное; 8 — массивное боковое с клектонской выемкой на дистальном конце

Fig. 113. Kudaro I cave. The southern gallery, Excavation area 1986—1987. Layer 5B. Scrapers: 1, 4 — dejeté; 2 — lateral single with dorsal thinning of the distal end; 3 — convergent; 5 — double lateral convex-concave; 6 — transverse with prominent point, fashioned on flint pebble; 7 — diagonal; 8 — massive lateral single with clactonian notch at the distal end

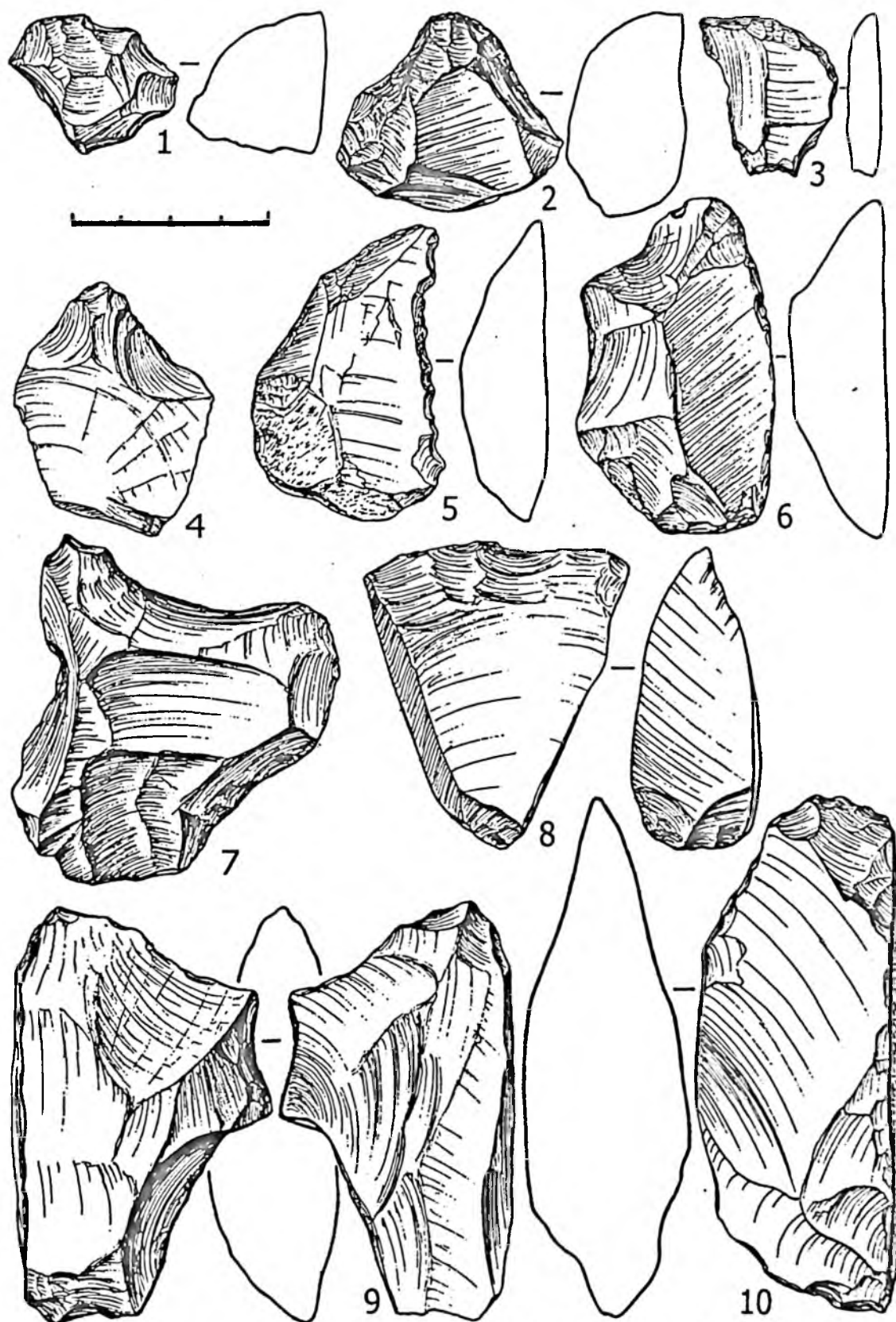

Рис. 114. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5B. 1 — скребок высокой формы; 2 — двулинейный скребок; 3, 6—9 — комбинированные орудия (3 — поперечное скребло + проколка, 6 — двойной скребок + два выступа-острия по левому краю, 7 — клюв + узкий лезвийный участок на правом крае, выделенный клетонскими выемками, 8 — долотовидное дистальное лезвие + торцовый скребок, 9 — дистальное острие + базальный скребок + два боковых роговидных выступа); 4 — клювовидное орудие; 5 — зубчатое орудие; 10 — долотовидное орудие

Fig. 114. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5B. 1 — massive carinated end scraper; 2 — double-shouldered end scraper; 3, 6—9 — combination tools (3 — transverse scraper + borer (percoir), 6 — double end scraper + two wide-angle points on the left edge, 7 — bec + narrow cutting edge isolated by notches on the right edge, 8 — chisel-like distal edge + massive end-scraper at the basal end, which is located relatively sub-perpendicular to the plane of the flake; 9 — distal wide-angle point + basal end scraper + two sided horn-shaped points); 4 — bec (borer); 5 — denticulated tool; 10 — chisel-like tool

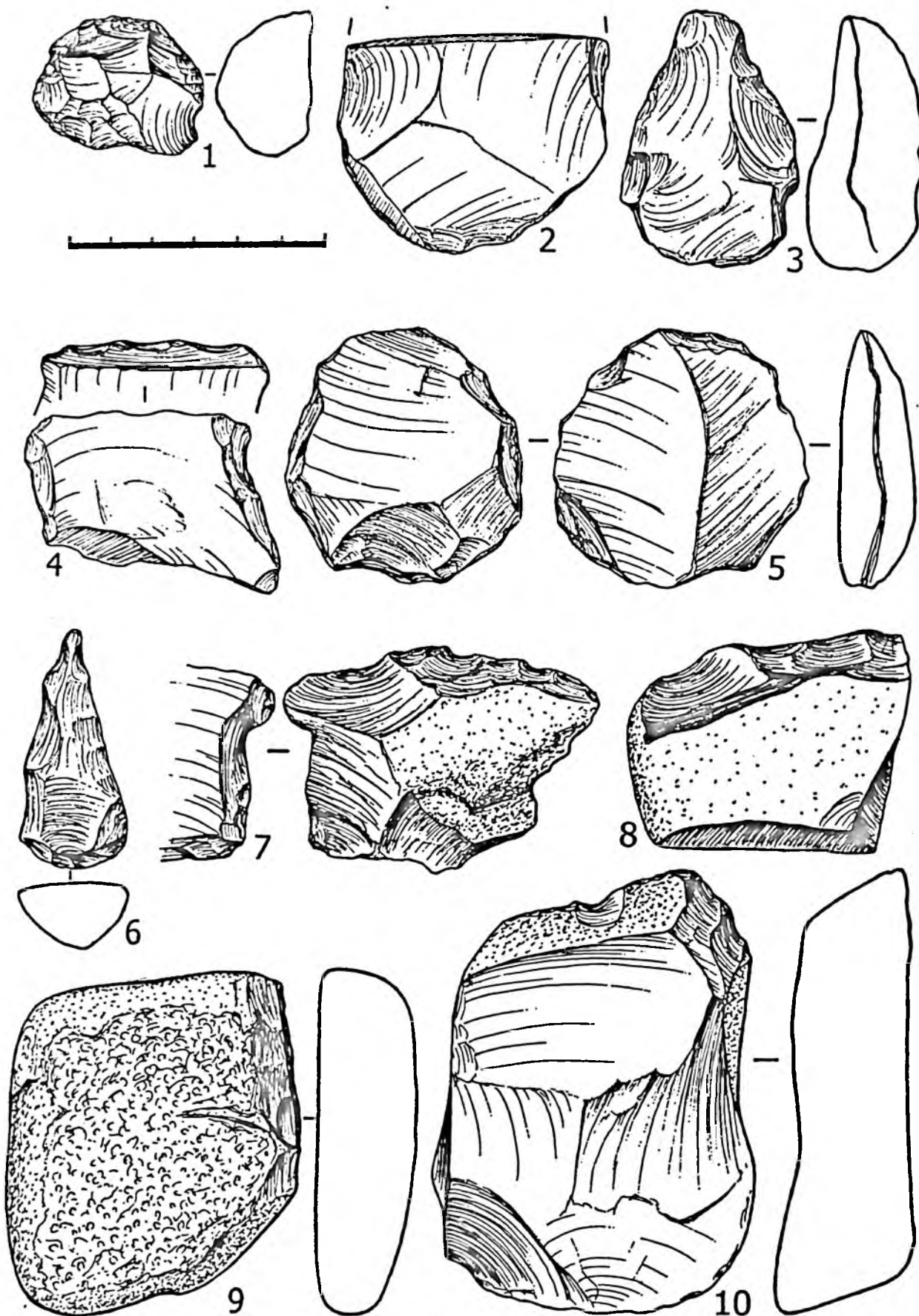

Рис. 115. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5В (2, 10); 5Г-Д (1, 3—6, 8); 5Е (7). 1 — округлый скребок; 2 — фрагмент рубильца или небольшого рубила (?); 3, 5 — рубильца; 4 — двойное (трехлезвийное) угловатое скребло; 6 — дистальное клювовидное острие; 7, 8 — поперечные скребла (8 — на фрагменте плоской гальки); 9 — галечный отжимник-ретушер; 10 — комбинированное орудие (угловой скребок + режущий дистальный поперечный край)

Fig. 115. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5В (2, 10); 5Г-Д (1, 3—6, 8); 5Е (7). 1 — ovate end scraper; 2 — fragment of small handaxe or medium-sized handaxe (?); 3, 5 — small handaxes; 4 — double dejeté (three-edged) scraper; 6 — distal beak-point; 7, 8 — transverse scrapers (8 — on the fragment of flat pebble); 9 — pebble retoucher; 10 — combination tool (angle end scraper + distal transverse cutting edge)

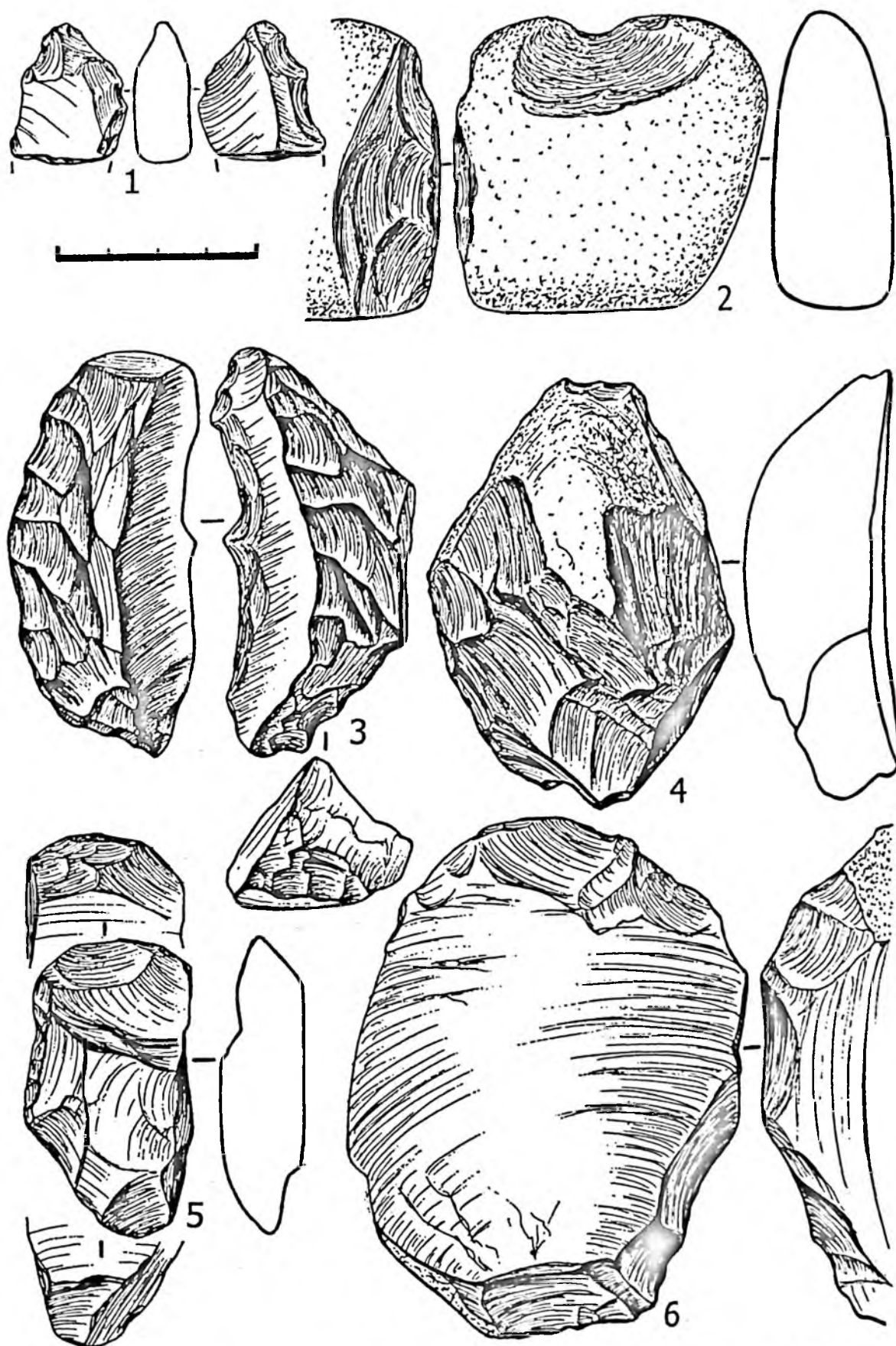

Рис. 116. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5Г-Д. 1 — дистальный конец рубильца (?); 2, 3, 5 — комбинированные орудия (2 — скребло + анкош на плоской гальке, 3 — выпукло-вогнутое скребло с противоположащими лезвиями + скребок на базальном конце, 5 — боковое скребло + долотовидные лезвия на обоих концах); 4 — массивное двойное боковое скребло, оформленное крутой распространенной ретушью; 6 — крупное выпуклое скребло, оформленное противоположащей ретушью

Fig. 116. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5G-D. 1 — distal fragment of small handaxe (?); 2, 3, 5 — combination tools (2 — single scraper + notch on flat pebble, 3 — double convex-concave scraper with alternate edges + end scraper at the basal end, 5 — lateral single scraper + chisel-like distal ends); 4 — massive double lateral scraper, fashioned by abrupt invasive retouching; 6 — large concave scraper fashioned by dorsal and ventral retouching

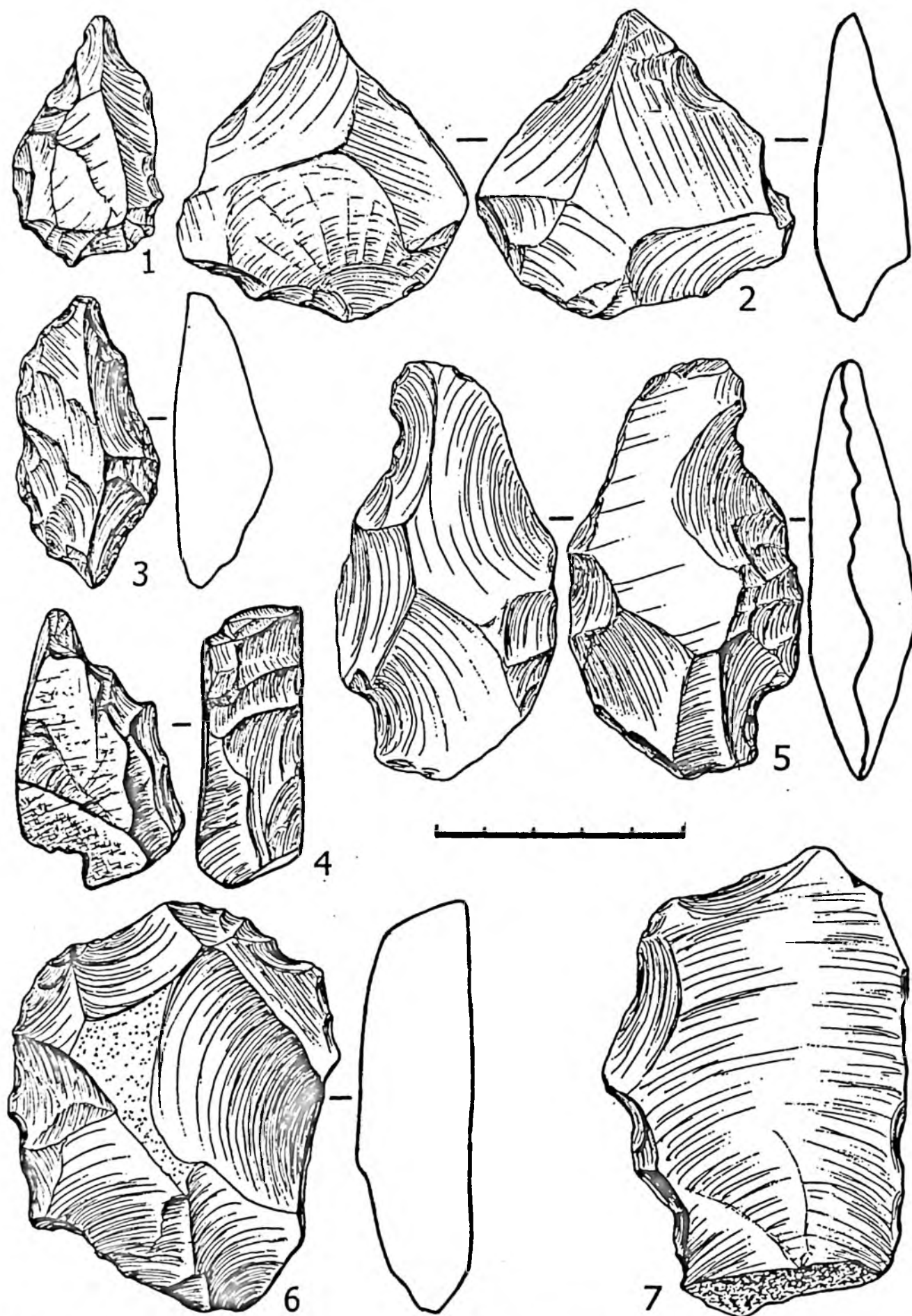

Рис. 117. Кударо I. Южная галерея. Раскоп 1986—1987 гг. Слой 5Е. 1, 2 — рубильца; 3 — двуконечное конвергентное скребло; 4 — узкий кареноидный скребок (bec-grattoire); 5 — листовидное орудие; 6, 7 — зубчатые орудия

Fig. 117. Kudaro I cave. The southern gallery. Excavation area 1986—1987. Layer 5E. 1 — small handaxes; 3 — double convergent scraper; 4 — narrow carinated end scraper (bec-grattoire); 5 — foliate piece; 6, 7 — denticulated

4.6. Итоги анализа кударской ашельской индустрии

В течение 11 полевых сезонов в пещере Кударо I было вскрыто 98 кв. м толщи осадков общей мощностью 2,5—3,5 м. Значительную часть этой толщи — 1,0—2,5 м — составляли ашельские отложения (слой 5). Ашельский слой подразделялся на основные литологические уровни 5А, 5В и 5В, представленные во всех частях пещеры — в восточной, южной и темной галереях и в центральной камере. В темной галерее, кроме того, ашельский материал залегал в эрозионных карманах X_{1-3} и R_{1-2} , а в южной галерее — в более ранних уровнях 5Г-Д и 5Е, которые удалось выявить на ограниченном участке.

В результате этих раскопок было получено в общей сложности 5732 ашельских артефакта, из которых 2268 изделий (около 40 %) были найдены в пределах центральной камеры, 1363 — в темной галерее, 1118 — в южной и 983 — в восточной. В предшествующих разделах мы анализировали каменный инвентарь из разных частей пещеры и из выделявшихся в них литологических подразделений по отдельности и весьма подробно. Данный анализ позволяет сделать вывод, что наряду с определенными различиями все эти коллекции демонстрируют глубокое сходство по основным параметрам техники расщепления и морфолого-типологическим характеристикам орудийного инвентаря. Последнее удо-

стоверяется как общим составом орудий, так и целым рядом орудийных форм, включая специфические (плоские рубильца, листовидные орудия, «геометризованные» скребла и т. п.), и характерными приемами вторичной обработки (широкое применение выемок, усеечения-обрубы, плоская подтепка концов и т. п.), которые отмечаются во всех частях пещеры. Таким образом, вполне правомерно рассматривать найденные в ней ашельские материалы в качестве единой индустрии, которую мы теперь охарактеризуем в целом.

Кударская ашельская индустрия сформировалась, как говорилось в начале этой главы, на местной полисырьевой базе, представленной аркозовыми песчаниками, многообразными сланцами и — в меньшей степени — низкокачественными мелкозернистыми кремнями. Технологические особенности этих пород познавались ашельскими пришельцами постепенно. Более успешно, как представляется, осваивалась обработка сравнительно легко расщеплявшихся сланцев. Адаптация к песчаниковому сырью происходила медленнее. Так, в нижних ашельских уровнях всех частей пещеры доля песчаниковых изделий не достигала и 1/3 (29,1 %, к примеру, в темной галерее, 27,1 % — в южной), а в верхних возрастала до 2/5 (38,6 % и 40,8 %, соответственно, в тех же галереях). Суммарные данные по всем уровням удостоверяют, что предпочтение все же неизменно отдавалось сланцам (табл. 18).

Таблица 18

Показатели использования главных видов сырья в разных частях пещеры Кударо I

Виды сырья	Восточная галерея	Центральная камера	Темная галерея	Южная галерея
Сланцы	> 63 %	55 %	50 %	48,9 %
Песчаники	> 21 %	32 %	34,3 %	37,2 %

Использование местных кремней в ашельских уровнях колебалось в этих же частях пещеры от 9 % (центральная камера) до 12,5 % (темная галерея). Употребление же чужеродного сырья (обсидиан, андезит, качественный цветной кремнь) было минимальным, но бесспорным — предметы такого рода присутствуют во всех частях пещеры и в разных уровнях ашельского слоя. Цветной кремнь — преимущественно в виде готовых изделий — доставлялся, видимо, из Имеретии. Но особый интерес вызывают находки мелких отщепов и единичных орудий (лимас, рубильце) из обсидиана — сырья, ближайшие выходы которого удалены от Кударского ущелья на сотни километров (Триалетский хребет в Южной Грузии). Находки экзотического сырья типа обсидиана и андезита отмечены и в других ашельских комплексах средней части Кавказского перешейка — в Цонской пещере [Каландадзе 1969, рис. 10; Тушабрамишвили 1991: 442, табл. II: 1] и в сборах на местонахождениях юго-

осетинских предгорий [Любин 1960]. Это позволяет говорить, на наш взгляд, об изначальных и вековых путях, по которым происходило расселение ашельских обитателей региона с юга на север и осуществлялось движение сырья. Кударские пещерные стоянки отнюдь не были в ту пору глухим горным изолятом, а их обитатели, судя по набору сырья, имели контакты как с близкими, так и с отдаленными районами Южного Кавказа.

Техника первичной и вторичной обработки камня и формообразование орудий в кударской индустрии заметно варьируют в зависимости от использования каждой из трех основных разновидностей местного сырья (песчаники, сланцы и низкокачественные мелкозернистые кремни). Различия в первичной обработке начинались уже на стадии отбора исходных форм сырья, проявляясь далее в приемах его расщепления и, соответственно, характере срабатывания нуклеусов (табл. 19), составивших в целом 2,1 % всех находок.

Таблица 19

Типы нуклеусов кударской индустрии и их соотношение с сырьем

Характеристики нуклеусов	Восточная галерея	Центральная камера	Темная галерея	Южная галерея	Всего	Распределение по сырью		
						песчаник	сланец	кремнь
Всего нуклеусов	20	44	24	32	120	51	56	13
Подпризматические одноплощадочные	2	8	—	—	10	9	—	1
Плоскостные односторонние	16	26	13	23	78	31	42	5
— одноплощадочные	12	14	6	14	46	17	25	4
— двухплощадочные ортогональные	2	5	2	1	10	3	6	1
— двухплощадочные встречные	—	1	1	3	5	—	5	—
— радиальные	2	6	4	5	17	11	6	—
Плоскостные двусторонние	1	8	5	4	18	4	7	7
— тип «джрабер»	1	1	4	2	8	1	4	3
— ортогональный	—	4	—	—	4	—	2	2
— трехплощадочный	—	2	1	1	4	1	1	2
— радиальный	—	1	—	1	2	2	—	—
Плоскостной трехсторонний	—	—	1	—	1	1	—	—
Плоскостной + подпризматический одноплощадочный	1	2	—	1	4	3	1	—
globuleaux	—	—	5	4	9	3	6	—
Подправленные площадки	9	14	15	9	47	19	21	7
	45 %	32 %	62,5 %	28 %	39 %	37 %	37 %	54 %
Подправка рабочей поверхности	3	—	2	3	6	2	3	1
Остаточные нуклеусы	3	5	7	9	24	6	16	2

Многие песчаниковые валуны и гальки, отбираемые для расщепления, представляли собой крупные массивные голыши уплощенной формы. Их широкие плоские поверхности использовались в качестве ударных площадок, что обуславливало развитие одноплощадочного скалывания с выпуклых краев валунов — вначале плоскостного, но при захвате большего участка края демонстрирующего тенденцию к подпризматическому (в сумме 51 % всех песчаниковых ядрищ). Менее массивные песчаниковые гальки и валуны поддисковидной формы нередко расщеплялись радиальным способом (около 20 % нуклеусов из песчаникового сырья), когда широкие уплощенные поверхности становились, напротив, поверхностями скалывания, а площадки были приурочены к «ободу» предмета. Другие варианты многоплощадочного расщепления, включая срабатывание в двух плоскостях, представлены в группе песчаниковых ядрищ в единичных экземплярах. Сланцевые нуклеусы оформлялись чаще всего на плитчатых и брусковидных отдельностях породы меньших размеров. Соответственно, почти все они срабатывались как плоские нуклеусы — сильновыпуклая поверхность отмечена лишь у одного ядрища. Листоватая структура сланцев приводила также к тому, что сланцевые нуклеусы чаще, чем

песчаниковые, встречались в виде сильно сработанных остаточных форм (29 % против 12 %). Доминируют одноплощадочные формы (около 45 %), но немалую долю (около 20 %) составляют и двухплощадочные нуклеусы с ортогональным и встречным скалыванием. Эти же варианты преобладают у двусторонних сланцевых нуклеусов. Кремневые же нуклеусы, несмотря на небольшие размеры исходных желваков и обломков, срабатывались наиболее интенсивно: 7 из 13 таких ядрищ являются многоплощадочными двусторонними. У кремневых ядрищ чаще, чем у прочих, встречаются подправленные площадки. Подправка площадок в подавляющем большинстве случаев носит, однако, довольно грубый характер (единичные, разновеликие и часто разрозненные фасетки), тщательное их оформление отмечается довольно редко (рис. 94: 5). Специальную подправку рабочих поверхностей вспомогательными сколами можно предполагать лишь для единичных ядрищ (рис. 94: 4).

Итак, анализ типов нуклеусов удостоверяет, что в технике первичной обработки кударской индустрии прослеживаются устойчивые приемы раскалывания каждого вида сырья, связанные с его физическими качествами и исходной формой. Это столь же явственно от-

разжалось и в получаемых сколах-заготовках (3826 экз., или 66,7 % всех изделий). Сколы-заготовки из грубова-
тых песчаников выделяются наибольшими средними
размерами (средняя длина — от 5,3 до 6,0 см в разных
коллекциях, толщина — 1,6—1,8 см), расплывчатыми
ударными бугорками и наибольшим доминированием
неподправленных гладких площадок (74—79 %) с за-
метной долей таковых корочных (16—27 %). Подправ-
ленные площадки представлены преимущественно дву-
гранными или грубофасетированными (3—4 фасетки), а
тонкофасетированные встречены лишь в единичных
случаях. Среди песчаниковых сколов во всех частях
пещеры более половины (52—58 %) составляют полу-
краевые и краевые отщепы, что согласуется со сделан-
ным из анализа нуклеусов выводом о развитии краевого
скалывания с валунов и галек. Наблюдения по нукле-
усам о частом подпризматическом характере такого
скалывания подкрепляются постоянным присутствием
во всех коллекциях около 1/4 песчаниковых сколов с
крутыми гранями-обушками, значительная доля кото-
рых (примерно от 30 % таких сколов в восточной гале-
рее до 70 % в южной галерее) покрыта галечной коркой.

Глинисто- и кремнисто-сланцевые сколы-заготовки
имеют меньшие средние размеры (средняя длина от 4,5
до 5,0 см в разных коллекциях, толщина — 1,15—
1,35 см), несколько более распространенную, нежели у
песчаниковых, сложную огранку спинок (ортогональ-
ная, встречная, подрадиальная) и обычно плоские
брюшковые поверхности и бугорки. Полукраевые и
краевые сколы с коркой значительно более редки, при-
чем среди глинистых сланцев они нигде не превышают
15 %, а среди кремнистых составляют примерно от 20
до 35 %. Это объясняется, видимо, тем, что последние
чаще имели форму галек, а не лишенных корки облом-
ков породы. У сланцевых сколов-заготовок чаще встре-
чаются выпуклые площадки (до 20 %) и несколько
лучше развита их тонкая подправка. Уместно отметить,
что практически все немногочисленные сколы, которые
можно было определить как подлинные пластины (па-
раллельные края + параллельная огранка спинки), были
сделаны именно из сланцевого сырья (15 из
17 пластин). Качество этого сырья, однако, порой за-
метно варьирует. Кремнистые сланцы порой прибли-
жаются по структуре к кремню, а потому некоторые та-
кие сколы демонстрируют явный раковистый излом и
бывают более тщательно оформленными. Сколы же из
тонкослоистых, листоватых разновидностей сланцев
отличаются особенно плоской поверхностью раскалы-
вания и — из-за надломов отдельных хрупких слой-
ков — ступенчатым рельефом спинок и «бахромча-
тельностью» краев. Что же касается кремня, то во всех рас-
смотренных коллекциях относимые к вероятным
заготовкам сколы из этого сырья относительно редки
(около 8—10 % — местный кремень, 2—3 % — им-
портный) и в среднем имеют весьма малые размеры:
3,15—3,40 см в длину и 1,0—1,2 см в толщину. Хотя,
казалось бы, сколы такого рода едва ли могли, на пер-
вый взгляд, служить хорошими заготовками, обращает
на себя внимание несколько более тщательная подправ-
ка их площадок (около 2 % тонкофасетированных). Об

особом отношении к кремню — даже не очень качест-
венному местному — свидетельствует отмеченное вы-
ше интенсивное срабатывание кремневых нуклеусов и
максимальное использование кремневых сколов для
оформления целого ряда орудий. В то же время, не-
большие размеры исходных отдельностей местного
кремневого сырья и его не очень высокие поделочные
качества все же мало способствовали становлению бо-
лее развитой техники расщепления: гладкие площадки
продолжают господствовать (60—80 %), сколы пра-
вильных очертаний и пластинчатые заготовки практи-
чески отсутствуют.

Обособить сколы технического назначения доволь-
но трудно, хотя имеются множество краевых и полу-
краевых сколов, несколько реберчатых и полуреберча-
тых отщепов, срезающих боковым ударом участок
площадки и примыкающий к ней участок рабочей по-
верхности, сколы, удалившие участки рабочих поверх-
ностей с заломами, и т. д. Однако все подобные сколы
использовались и для оформления орудий, то есть не
рассматривались кударскими мастерами как отходы.
Собственно говоря, технологию, направленные на полу-
чение сколов-заготовок с определенными характери-
стическими, здесь не сложились, а потому заготовкой ору-
дия мог стать практически любой скол подходящей
формы и достаточных размеров. Как говорилось ранее в
главе 3, к сколам-отходам мы условно, исходя из мини-
мальных размеров орудий, относили сколы размером
менее 3 см (для кремня — менее 2,5 см). Доля таких от-
ходов оказалась довольно малой (13 % всех изделий и
17,3 % всех сколов), что в первую очередь объясняется,
как неоднократно упоминалось, вымывом мелкораз-
мерных изделий в результате эрозионных процессов.
Свою роль играло, возможно, и изготовление части из-
делий вне пещеры. Во всяком случае, технический кон-
текст индустрии оказался в этом отношении весьма
фрагментарным. Можно указать в целом, что среди
мелких отходов преобладают мелкие отщепы, связан-
ные, видимо, отчасти с грубой подправкой площадок
или — редко — поверхностей нуклеусов, а отчасти с
оббивкой различных орудий. Сколы, признаки которых
характерны именно для обработки бифасов [Newcomer
1971], не обнаружены. Чешуйки, явно связанные с вто-
ричной отделкой орудий, немногочисленны, причем
среди них относительно заметную роль играют кремне-
вые, включая таковые из импортного кремня.

Подытоживая, мы еще раз констатируем, что наряду
с явным отражением разнокачественности сырья
техническая основа кударской индустрии выглядит
единой и, в целом, достаточно архаичной. Ее характе-
ризуют: доминирование примитивного одноплощадоч-
ного расщепления и практическое отсутствие специаль-
ной подправки поверхностей нуклеусов, что находит
соответствие в характере спинок сколов и отражается в
неправильности очертаний основной массы заготовок;
неразвита, грубая подправка ударных площадок нук-
леусов и сколов-заготовок; доминирование гладких и
скошенных (около 110° в среднем) ударных площадок
сколов во всех сырьевых группах. В то же время, нельзя
не отметить, что отдельные сколы из качественного им-

портного кремня, однородного кремнистого сланца или мелкозернистого песчаника все же выделяются относительно правильной формой, изредка даже пластинчатой (17 экз., или 4,4 % сколов-заготовок), и имеют признаки достаточно тщательной подготовки площадок, а порой и поверхностей ядрищ, с которых они были сняты. Выделены и несколько ядрищ с относительно тщательным оформлением площадок, а также единичные экземпляры их с подправкой поверхностей скалывания мелкими сколами. Правомерно поэтому заключение, что подлинный уровень технического потенциала кударской ашельской индустрии мог несколько скрадываться низким качеством большей части местного сырья, которое не позволяло получать желаемый эффект от специальной подготовки площадок и поверхностей скалывания, а потому не способствовало внедрению и развитию таких приемов.

Разнокачественное сырье предопределяло дифференцированный подход к нему и при изготовлении тех или иных орудий. Техника и технология изготовления орудий, как и при расщеплении нуклеусов, изначально регламентировалась размерами, формой и физическими свойствами исходных заготовок — валунов, галек, обломков породы и сколов разного рода, наиболее пригодных для оформления требуемых типов орудий или отдельных орудийных элементов. Так, к примеру, песчанниковые валуны и крупные гальки брались для изготовления тяжелых макроорудий с рубящими (чопперы, чоппинги) или скребущими (нуклевидные скребки) лезвиями, а кремнисто-сланцевые и кремневые отщепы — преимущественно для мелких инструментов с прочными лезвиями и остриями (скребла, скребки, клювовидные и выемчатые орудия).

Среди приемов вторичной обработки для оформления рабочих элементов различных орудий применялась грубая оббивка, ретушная отделка, выемки, искусственная фрагментация и — изредка — ядрищное утончение. С помощью грубой оббивки и крупной ретуши оформлялись рабочие края галечных макроорудий. Технология изготовления ручных рубил представляет собой намного более сложный процесс, включающий уплощение, утончение и оконтуривание исходных заготовок в виде крупных отщепов и — реже — плоских галек с последующим выравниванием и приострением лезвий. Эти операции требовали последовательного применения более разнообразных приемов обработки, среди которых все перечисленные выше, исключая выемки. Оконтуривание производилось грубой оббивкой, уплощение и утончение — преимущественно широкими стесами со вспомогательных временных площадок или же крутых граней орудий, если поперечному сечению придавался вид параллелограмма (рис. 97). Окончательное оформление лезвий завершалось разновеликой ретушью, однако эта последняя операция выполнялась далеко не всегда или лишь частично. Имеется немало рубил, оставленных на той или иной стадии обработки, а также рубил, технология изготовления которых была весьма упрощенной, включающей лишь частичную двустороннюю оббивку отщеповых заготовок для придания им нужного контура и приострения лез-

вий. Особо нужно отметить технику обработки местного листоватого сланца. Используя плоскопараллельную структуру этого сырья, кударские ашельские мастера раскалывали и оббивали его в соответствии со слоистостью, получая таким путем особенно тонкие и прямоосные орудия типа рубилец (рис. 50: 1, 2, 4, 7; 100: 1, 3) и листовидных орудий (рис. 32: 3—5; 51: 2—5; 84: 2, 3). Именно благодаря такому сырью и такой технике в кударской индустрии возникла такая своеобразная форма, как цалди (рис. 81: 1).

Оформление разнообразных и многочисленных орудий на отщепах производилось в основном с помощью краевой, нередко небрежной и разреженной, одно- и двухрядной пологой и полукрутой ретуши. Ретушь многорядная, распространенная и крутая применялась сравнительно редко. Примеры наиболее тщательной обработки такого рода встречаются на орудиях из импортного кремня (рис. 53: 5; 56: 1, 2, 8; 77: 6; 77: 6; 84: 8 и др.). Но самыми «фирменными» приемами вторичной обработки в данной индустрии являлись намеренная фрагментация и выемки. Усечение заготовок использовалось для получения небольших, нередко «геометризованных» фрагментов сколов, на которых оформлялись скребковые, выемчатые и клювовидные рабочие элементы (рис. 36: 10, 11, 14, 15; 57: 6, 7; 58: 2—5, 8, 10; 72: 1—3; 104: 1—5, 7, 8; 106: 1—4). Это делалось путем крутых намеренных обломов (обрубов) или косых стесов концевых частей отщепов (см., например, рис. 54: 1—8). Техника намеренных обломов применялась и при вычленении небольших своеобразных лезвий или скребковых участков (рис. 38: 1—3; 60). Что же касается выемок, которые в абсолютном большинстве являются клетонскими, то они использовались как с целью выделения лезвийных, скребковых или клювовидных элементов (рис. 60; 78: 3, 4, 6; 80: 4, 5, 7; 87: 11; 104: 5, 7, 8), так и для создания собственно выемчатых орудий (рис. 36: 1—6; 72: 1, 3; 79: 1—3, 5).

Кударский ашельский ансамбль характеризуется чрезвычайно высоким удельным весом орудий: они составляют 22,9 % найденных в пещере ашельских артефактов (1313 предметов из 5732). Столь высокий процент орудий можно объяснить интенсивной жизнедеятельностью, связанной с их изготовлением, упомянутым эрозионным выносом части мелких отходов, а также доставкой в пещеру значительного количества готовых орудий.

До сих пор орудийный инвентарь каждого из четырех отсеков пещеры рассматривался нами в соответствии с реалиями методики раскопок в конкретной стратиграфической ситуации: либо обобщенно, либо, как в случае с темной галереей и средней частью южной галереи, — по литолого-стратиграфическим уровням. Теперь данные четырех тип-листов суммируются и анализируются в целом, чтобы раскрыть общую специфику кударской ашельской индустрии и рассмотреть основные типы составляющих ее орудий. Что же касается распределения последних в плане и по вертикали, то мы приведем все заслуживающие внимания наблюдения.

Чтобы избежать чрезмерного усложнения сводного тип-листа орудий кударской индустрии (табл. 20), мы

включили в него только основные классы и типы орудий. Их подразделения и варианты, представленные в тип-листах каждой из четырех частей пещеры, здесь не

выделены, однако будут подробно рассмотрены ниже при характеристике каждой из выделенных групп орудий.

Таблица 20

Основные типы орудий в каменном инвентаре пещеры Кударо I

Наименование	Восточная галерея	Центральная камера	Темная галерея	Южная галерея	Всего
Чопперы	4	10	4	9	27
Чоппинги	1	2	3	2	8
Нуклевидные скребки	4	2	6	4	16
Проторубило	—	—	1	—	1
Ручные рубила	12	19	21	11	63
Рубильца	3	18	9	10	40
Листовидные орудия	3	10	7	5	25
Остроконечники	—	15	3	1	19
Лимасы	—	1	3	2	6
Скребла	90	180	124	117	511
Скребки	11	26	34	44	115
Выемчатые орудия	25	58	44	27	154
Зубчатые	3	38	13	12	66
Клювовидные	28	36	40	25	129
Долотовидные	—	5	8	6	19
Комбинированные	1	—	39	36	76
Разные	11	13	7	6	37
Всего	196	433	366	318	1313
Доля от общего количества орудий	14,9 %	32,9 %	27,8 %	24,2 %	100 %
Доля от общего количества изделий	19,9 %	19,1 %	26,8 %	28,4 %	22,9 %

Чопперы (27 экз.). Они обнаружены во всех частях пещеры: 10 — в центральной камере, 9 — в южной галерее, по 4 — в темной и восточной галереях. Все эти чопперы изготовлены из местного сырья: 21 орудие оформлено на цельных песчаниковых валунах, 1 — на подобном, но расколотом валуне, 2 — на кремнисто-сланцевых валунах, 1 — на фрагменте сланцевого валуна и 2 — на угловатых обломках известняка. Валунный материал доставлялся с пляжей р. Джеджори, а известняк был подручным сырьем. Валун отбирались по заданному шаблону: в подавляющем большинстве они были двоякоплоскими, брусковидными или — изредка — плоско-выпуклыми с крутыми гранями-торцами. Такая форма валунной заготовки имела важное конструктивное значение для оформления чоппера с помощью минимальных усилий: рабочее лезвие его оформлялось посредством нескольких крутых снятий, срезающих край валуна, в плоскости одной из его уплощенных сторон. Этим обеспечивалась прямизна лезвия в профиль. В плане же такое лезвие было иногда ломаным (рис. 20: 1; 82: 2), но чаще всего, будучи подправленным грубой ретушью, становилось ровным — прямым (рис. 20: 2; 112: 4), выпуклым (рис. 45: 2; 46: 2; 75: 2; 96: 2) или вогнутым (рис. 46: 1). В отдельных случаях на лезвиях выступало небольшое острие (рис. 20: 1) или округлое «скребковидное» лезвие, выделенное выемками (рис. 73). Совершенно оригинален,

наконец, остроконечный чоппер, дистальный конец которого заканчивается небольшим узким лезвием, выделенным противоположающей ретушью (рис. 110: 1).

Кударские чопперы являются крупными, массивными и тяжелыми (вес от 0,5 до 1,5 кг) рубящими орудиями с углом заострения лезвий 50—60°. Изначально или в процессе редукции лезвия эти часто выравнивались, укреплялись грубой ретушью, в результате чего у самого края крутизна их может достигать 60—75°. Наиболее протяженными лезвиями обладали боковые чопперы, оформленные на валунах подчетырехугольных и подокруглых очертаний (рис. 45: 2; 75: 2; 82: 2; 96: 2; 112: 4).

Чоппинги (8 экз.). Макроорудия этого типа менее характерны для ашеля Кударо, хотя единичные экземпляры их обнаружены во всех частях пещеры. Образец ординарных чоппингов (5 экз.) представлен на рис. 21. Три чоппинга весьма своеобразны: два концевых долотовидных и один дисковидный «чоппер-чоппинг». Как и у обычных чоппингов, рабочие лезвия двух первых оформлены альтернативными снятиями и лежат во фронтальной плоскости орудий, но являются прямыми, короткими и имеют симметричное клиновидное сечение (рис. 87: 12; 110: 2). Рабочее лезвие двоякоплоской дисковидной формы, занимающее почти всю окружность края орудия, состоит из трех отрезков: один из них, как у чоппера, лежит в плоскости одной из упло-

ценных сторон, а два других, противоположащих друг другу, оббиты альтернативно и по спирали переходят из плоскости одной стороны предмета в плоскость другой (рис. 112: 3). Небезынтересно, что этот «дискоид» и один из долотовидных чопперов оформлены на кусках известняка и найдены поблизости в раскопе 1986 г. южной галереи.

Нуклевидные скребки (16 экз.). Они встречены во всех отсеках пещеры: 6 — в темной галерее, 2 — в центральной камере, по 4 — в южной и восточной галереях. Заготовками для этих орудий служили песчаниковые валуны и их фрагменты (11 экз.) или сланцевые отдельности близкой формы. На первый взгляд нуклевидные скребки сходны с чопперами: заготовки их также обладают одной или двумя плоскими сторонами и оббивка рабочего края также производилась снизу вверх от уплощенной стороны. Однако, как говорилось в посвященной методическим вопросам главе 3, мы обособляем нуклевидные скребки от чопперов на основании морфолого-функционального принципа. К нуклевидным скребкам в кударской индустрии отнесены орудия на валунах или отдельностях породы, имеющие угол рабочего края 80—90° и одностороннюю — в силу иной, нежели у чопперов, кинематики работы — ретушь утилизации. Эта ретушь (макроследы износа) располагалась поверх первоначальной орудийной оббивки и имеет следующие характерные черты: короткие фасетки с заломом, нависающий угол в прилезвийной части (110—115°), выкрошенность или смятость, затертость рабочей кромки.

В кударской индустрии преобладают концевые формы нуклевидных скребков с прямым лезвием (рис. 22: 3; 45: 1; 83: 2). Превосходными образцами представлены и округлые с рабочим краем, занимающим 1/2—1/3 часть периметра предмета (рис. 22: 2; 74: 6). Очень наглядна характерная изношенность рабочего края на нуклевидном скребке, оформленном на торце кремнисто-сланцевого бруска в форме подпрямоугольного параллелепипеда, изготовленного посредством отвесных обрубков (рис. 83: 2). Интересен, наконец, нуклевидный двойной скребок небольшого размера из сланца, рабочие края которого лежат в разных плоскостях (22: 1).

Ручные рубила. Всего в пределах раскопанной площади стоянки обнаружено 63 ручных рубила, из которых 12 происходят из ашельских слоев восточной галереи, 21 — из центральной камеры, 22 — из темной галереи и 11 — из южной. Прежде всего бросается в глаза относительно малое количество этих орудий в орудийном ансамбле (4,79 %). Они были, по всей видимости, самыми мобильными орудиями, уносимыми людьми вовне пещеры и утрачиваемыми во время охотничьих походов и т. п. Единичные рубила, подобные найденным в пещере, встречены, кстати сказать, в тальвеге и на террасах расположенного в 1,0—1,5 км к северу от пещеры Учелетской долины (см. гл. 1). В находящейся же в 5—6 км южнее Цонской пещере (см. гл. 5), являвшейся, как предполагается, охотничьим лагерем кударских ашельцев, такие рубила представлены многими

десятками [Каландадзе 1969; Тушабрамишвили 1984: 5—27; Любин 1998: 96—108].

Все кударские ручные рубила изготовлены из разнокачественного местного сырья и весьма разнообразятся по размерам, заготовкам, формам и отделке. Большая часть их (37 экз.) изготовлена из сланцев, в основном кремнистых, а меньшая (25 экз.) — из песчаников и, в единичном случае, из кремнистого известняка. По размерам рубила условно разделены на две группы: крупные (длина > 10 см) и небольшие (длина от 7 до 10 см). Первая группа насчитывает 23 экз., вторая — 40 экз. Заготовками для изготовления тех и других служили преимущественно отщепы разных типов, изредка — гальки и, как кажется, плитчатые отдельности сланца. Форма, размеры и пропорции большинства отбираемых заготовок, судя по всему, не требовали сплошной двусторонней отделки и поэтому около 85 % всех рубил (53 экз.) являются частичными бифасами. Удельный вес частичных среди крупных образцов достигает 56,5 % (13 из 23), а среди небольших — 100 %. К сожалению, значительная часть кударских ручных рубил (27 экз., или 42,8 %) представлена фрагментами или незавершенными изделиями в той или иной стадии обработки, вплоть до начальной.

Полномерной характеристике поддаются лишь 36 орудий, имеющих законченный облик и лучшую сохранность. Среди них 19 крупных и 17 небольших рубил. Крупные рубила отличаются тем, что в их составе имеется 10 сплошь двусторонне обработанных, включая 7, определяемых, согласно Ф. Борду [Bordes 1961], как классические (миндалевидные, сердцевидные, копьевидное и овальное — рис. 25; 26; 47; 68; 69; 98: 1). Помимо них, среди крупных рубил имеются такие «неклассические» формы, как бутылковидная (рис. 67) и своеобразная, встречающаяся в ашеле Кавказа подпрямоугольная (рис. 97). Эти формы, однако, единичны, как и подавляющее большинство иных форм, наблюдаемых как в группе крупных, так и в группе небольших рубил. В целом можно заключить, что в небольшой совокупности кударских ручных рубил почти нет устойчивых морфологических разновидностей. Даже среди встречающихся чаще других субсердцевидных форм (13 экз.) отмечена значительная вариабельность: имеются как более или менее правильные, так и грубо подсердцевидные, удлинённые, обушковые или с концом, приостренным косым сколом (рис. 30: 1). Три образца напоминают лиманды. Двумя-тремя предметами представлены овальные и миндалевидные, единственными экземплярами — копьевидное и подтреугольное рубила. Восемь разнородных рубил (субсердцевидные, удлинённо-сердцевидное, два орудия с поперечными дистальными лезвиями, лиманд и атипичное), включающих поровну крупные и небольшие образцы, имеют обушки. Четыре рубила из группы небольших выделяются наличием поперечных лезвий на дистальном конце. Обращают на себя внимание асимметричные и как будто намеренно (?) загнутые дистальные концы ряда различных рубил (рис. 30: 1; 47: 2; 48: 2; 68; 69; 88; 98: 2).

Оформленные на отщепах частично двусторонне обработанные рубила, в отличие от сплошь оббитых,

чаще массивны и часто имеют плоско-выпуклое сечение. Крайним выражением их являются унифасы, плоская сторона которых вовсе лишена отделки или подправлена лишь локальными краевыми снятиями (рис. 31: 1; 49: 2; 70: 1). В остальном же (пропорции, форма в плане) частичные бифасы и унифасы могут не отличаться от полностью двусторонне обработанных рубил. Поэтому, как отмечено в главе 3, в отступление от подхода Ф. Борда, частичные бифасы описываются и классифицируются нами таким же образом, как и классические. Аналогичные подсердцевидные, овальные и некоторые другие формы отмечаются как у полных бифасов, так и у преобладающих здесь частичных (см. рис. 27; 30; 48: 1; 98: 2 и др.).

Что касается распределения находок рубил по стратиграфической вертикали, то крупные и полностью оббитые формы встречались как в самых низах ашельских напластований (раскоп 1956 г. в южной галерее и раскоп 1959 г. в восточной галерее), так и в верхах их (карман X₁ в темной галерее). Небольшие же частичные рубила встречались повсеместно. Более интересны планиграфические наблюдения. Так, в западной половине восточной галереи было обнаружено обитавшее на себя внимание еще в поле необычное скопление небольших частичных и в большинстве атипичных тонких сланцевых рубил, четыре из которых имели поперечные дистальные лезвия (28; 31). Нельзя не упомянуть также, что в западной части этой галереи (кв. K₂₂ и K₂₄) также были встречены оба ручных рубила с дистальным концом, приостренным широким и плоским косым снятием (*coup du tranchet oblique*) (рис. 29; 30: 1). Заслуживают внимания еще три случая совместного нахождения нескольких рубил. В той же части восточной галереи и на прилегающем к ней участке центральной камеры на близких глубинах залегали четыре наиболее совершенных классических ручных рубила, три из которых были изготовлены из такого «неблагодарного» материала, как песчаник (рис. 25; 26; 47: 2). В самом позднем ашельском уровне в темной галерее (карман X₁) кучно залегали три крупных сплошь двусторонне обработанных сланцевых рубила (рис. 67—69). Любопытно, наконец, небольшое скопление небольших по размерам «бифасиальных полуфабрикатов» в восьмых—девятых квадратах южной галереи (рис. 99: 1, 2). Следует особо отметить, что большинство ручных рубил были найдены в стороне от проходов: в восточной галерее — близ южной стены пещеры (рис. 23), в центральной камере — близ скальных останцов (рис. 41), у западной стены и в расселине близ границы с темной галереей.

Рубильца (40 экз.). Орудья, обозначенные этим термином, более или менее сходны с ручными рубилами по очертаниям, но отличаются по размерам (длина менее 7 см) и вероятному назначению. Большинство кударских рубилец (27 экз.), изготовленных из слоистого листоватого сланца, являются мелкими (4,5—6,0 см) и тонкими (0,9—1,6 см) двоякоплоскими режущими инструментами, не имеющими аналогов в других известных нам ашельских индустриях. Остальные, изготовленные из более однородного слитного сланца (9 экз.),

кремня (2 экз.), песчаника (1 экз.) и импортного обсидиана (1 экз.), являются плоско- или двояковыпуклыми и более массивными (толщина пяти из них достигает 2,0—2,4 см). Рубильца встречены во всех ашельских уровнях всех частей пещеры: 18 экз. — в центральной камере, 10 — в южной галерее, 9 — в темной, 3 — в восточной. Коллекция их из центральной камеры отличается наибольшим количеством (14 экз.) тонких поделок из листоватого сланца. Как здесь, так и в других местах форма этих рубилец чрезвычайно варьирует, что можно объяснять, в частности, тем, что ломкий листоватый сланец не способствовал выработке устойчивых орудийных форм, требуя периодической подправки и модификации этих изделий в процессе их использования. Многие из них имеют неправильные или асимметричные подпрямоугольные, подтреугольные, ромбовидные, поддисковидные и другие очертания (рис. 50: 1, 2, 4; 84: 2; 100: 1; 112: 1; 115: 5; 117: 2). Два рубильца обладают выступами «протуберанцами» в основании (50: 3, 7). Впрочем, рубильца из более слитного сланца приобретали иногда довольно правильные сердцевидные очертания (рис. 71: 4; 87: 4; 100: 3), оставаясь, однако, такими же тонкими рубильцами-плакетками. Большую массивность имеют лишь кремневые рубильца (рис. 100: 4), песчаниковые (рис. 50: 6) и три кремнисто-сланцевых — с клювовидным дистальным концом (рис. 50: 5), сердцевидное (рис. 77: 1) и атипичное. Наименьшими размерами выделялись два микролиманда: двояковыпуклый кремнисто-сланцевый (рис. 32: 1) и плосковыпуклый обсидиановый (рис. 84: 1). Подавляющее большинство рубилец являются, как кажется, частичными, хотя плоские поверхности раскола сланцев не всегда позволяют отличить брюшко от плоских негативов оббивки. Обушок отмечен лишь в одном случае (рис. 100: 4).

Листовидные орудия (25 экз.). Несмотря на некоторые колебания и сомнения касательно атрибуции этих необычных для ашеля форм, они были определены именно таким образом, поскольку явно выделялись среди прочих двусторонне обработанных орудий своими узкими, удлинненными и листовидными контурами. Изделия эти встречены во всех частях пещеры и во всех ашельских уровнях: 10 экз. — в центральной камере, 7 экз. — в темной галерее, 5 экз. — в южной галерее и 3 экз. — в восточной. Сырьем всегда служил сланец, чаще всего довольно прочный окремненный, разновидности которого могут иметь как листоватую, так и более однородную структуру. Данные орудия заметно разнообразятся по массивности (от 0,9 до 2,5 см) и характеру поперечного сечения — двоякоплоскому (9 экз.), плоско-выпуклому или — редко — двояковыпуклому. Сплошная двусторонняя обработка отмечена лишь в единичных случаях.

Подавляющее большинство листовидных изделий фрагментировано в древности; длина более или менее сохранившихся достигает 7—12 см. Наиболее показательные образцы последних происходят из центральной камеры (рис. 51: 3, 4, 5), восточной галереи (рис. 32: 3, 4, 5) и темной галереи (рис. 84: 3). Остальные представлены в основном фрагментами (16 экз.), среди которых преобладают дистальные части (рис. 51: 2; 87: 3; 100: 2; 111: 2). Функция этих орудий не вполне ясна и, вероят-

но, неоднозначна. Два предмета с язычковыми обломками (*pièces à languette* по Ф. Борду [Bordes 1970: 105—113]) могли сломаться во время их изготовления, но не исключено, что и при использовании (наконечники (?)). Листовидные орудия, подобно плоским рубильцам, являются, без сомнения, ярким и своеобразным местным компонентом кударского ашеля.

Остроконечники (19 экз.). Эти орудия открывают серию мелких орудийных форм (лимасы, скребки, выемчатые и клювовидные изделия и, отчасти, скребла), которые в соответствии с их функциями изготавливались из наиболее прочных местных и импортных пород камня. Остроконечники, в частности, изготовлены из кремнистого сланца (10 экз.), кремня (7 экз.) и андезита (2 экз.). Размеры их меньше таковых у рубилец и листовидных форм: длина редко превышает 5 см, толщина — 1,7—2,0 см. Ассортимент этих орудий довольно разнообразен: 6 из них можно отнести к протомустьерским формам (рис. 52: 1—4; 71: 2; 104: 6), 4 — к коротким и высоким (*pointes surelevées*) (рис. 52: 6, 2; 71: 1), 5 — к тейякским (рис. 52: 5, 8), 2 — к типу «кинсон» (рис. 52: 9) и 2 — к атипичным. Кроме того, имеется еще один образец, изготовленный из красного импортного кремня и выделяющийся своей длиной (10,6 см), массивностью (2,2 см) и более тщательной отделкой (рис. 71: 6). Это орудие, наряду с четырьмя более тонкими протомустьерскими остроконечниками (рис. 52: 1—4), происходит из верхов ашельских отложений. Остальные же остроконечники распределялись по всем ашельским уровням. Подавляющее их большинство — 15 из 19 остроконечников — были найдены в пределах центральной камеры.

Лимасы (6 экз.). Единичные экземпляры этих орудий встречены в различных уровнях ашельской толщи, причем в темной галерее — во всех ее подразделениях. Четыре лучших образца, как кажется, имеют импортное происхождение: 3 изготовлены из качественного светлого кремня. 1 — из андезита. Остальные два — незаконченный (?) и поврежденный — сделаны из местного черного кремня. Показательны два светлокремневых экземпляра — узкий удлиненный (рис. 102: 1) и более широкий, оформленный ретушью *surelevée* (рис. 85: 1).

Скребла (511 экз.). Скребла составляют львиную долю орудийного инвентаря: 38,9 % всех орудий (511 экз. из 1313) и 43 % орудий на отщепах (511 экз. из 1188). Следует, однако, сразу сказать, что они крайне неоднородны по качеству обработки. Наряду с весьма выразительными образцами встречается немало посредственных, оформленных небрежно или неумело, а в отдельных случаях даже сомнительных. Подобные различия в значительной мере определялись, очевидно, технологическими особенностями исходного сырья. Так, скребла, изготовленные из грубозернистых аркозовых песчаников и тонкослоистых сланцев, выглядят примитивнее скребел, сделанных из кремня и кремнистых сланцев. Некоторые скребла, изготовленные из импортного кремня и — изредка — андезита, как предполагается, были доставлены в пещеру в готовом виде (рис. 32: 7; 33: 2; 53: 1, 5; 56: 1—3, 6, 8, 9; 77: 4, 6; 84: 8).

Скребла эти отличаются более совершенной и интенсивной ретушной отделкой — чешуйчатой распространной или высокой, а также нередко обладают другими признаками сильной редукции. Рабочие края подавляющего большинства остальных скребел оформлялись ретушью краевой — пологой, реже полукрутой, во многих случаях грубой и разреженной.

Скребла представлены массовым материалом, что обеспечивает хорошую достоверность различных статистических наблюдений. Анализ распределения скребел из разных типов сырья по стратиграфической вертикали позволяет говорить о том, что ашельские первопришельцы предпочитали изготавливать эти орудия из более легких для обработки сланцев. Так, например, в наиболее древних ашельских уровнях центральной камеры (гор. 7—9) 64,4 % скребел были изготовлены из сланцев и лишь 15,5 % из песчаника. В то же время, во всех частях пещеры прослежено, что в более поздних уровнях использование песчаника и, в частности, изготовление из него скребел несколько возрастает, достигая в верхних горизонтах той же центральной камеры 28,3 %.

Несмотря на явные трудности, связанные с обработкой разнокачественного сырья, ассортимент скребел кударской ашельской индустрии весьма значителен: многочисленные (84,1 %) однолезвийные представлены боковыми, поперечными, угловыми, брюшковыми и своеобразными «геометризованными формами», двулезвийные (15,4 %) — боковыми, конвергентными и угловатыми. Вместе с тем, бифасиальные и трехлезвийные скребла единичны.

«Ашельский» облик большинства скребел определяется параметрами заготовок и характером их обработки, что обусловлено не только техническим потенциалом индустрии, но и, как неоднократно отмечалось, поделочными качествами сырья. Для оформления скребел использовались разнородные и разнокалиберные заготовки — от тонких сколов-плакеток до массивных отщепов. Существенная модификация их прослеживается редко. Сложные многолезвийные формы, связанные с изменением контуров и пропорций исходного скола-заготовки, здесь мало характерны. Абсолютно господствуют однолезвийные скребла — боковые (58,8 %) и поперечные (25,3 %). Двулезвийные формы включают 36 боковых, 25 конвергентных и 18 угловатых.

В то же время привлекают внимание некоторые усовершенствования в оформлении скребел, прослеженные при сопоставлении разновременных стратиграфических уровней. Таковы, прежде всего, наметки стандартизации однолезвийных боушковых скребел, выразившиеся в придании им «геометризованных» — подпрямоугольных и трапециевидных — очертаний посредством усечения крутыми обрубками или косыми стесами одного или обоих концов удлиненных сколов-заготовок. Скребла такого рода (рис. 33: 34; 54: 1—8; 78: 5, 7; 100: 5—8; 101: 7; 111: 3) составляют в общей сложности 47 экз., которые неравномерно встречались во всех частях пещеры. Основное скопление этих скребел отмечено в восточной галерее (20 экз.) и в смежной

сх ней центральной камере (14 экз.), в привходовой части южной галереи (раскоп 1955—1956 гг.) было найдено 9 экз., а в средней части этой же галереи (раскоп 1986—1987 гг.) и в темной галерее — только по 2 экз. Но особый интерес представляет неравномерность размещения «геометризованных» скребел по вертикали: в центральной камере и в раскопе 1955—1956 гг. южной галереи, где удалось четко зафиксировать их стратиграфическую позицию, эти скребла были приурочены только к верхним ашельским уровням. Вторым возможным свидетельством инноваций представляется появление в верхней половине ашельских напластований единичных скребел с ядришным утончением концевых частей (рис. 56: 7; 71: 3; 113: 2).

Что касается планиграфического размещения всех скребел в целом, то 35,2 % (180 экз.) их было найдено в центральной камере, 24,2 % (124 экз.) — в темной галерее, 22,3 % (117 экз.) — в южной и 17,6 % (90 экз.) — в восточной. Небезынтересно, что наименьший по величине раскоп в темной галерее доставил не только вторую по величине долю всех скребел, но и около трети отдельно взятых двулезвийных скребел.

Скребки (115 экз.). Орудия эти представлены в ашельском орудийном наборе пещеры в значительном количестве (8,75 % всех орудий) и в весьма широком ассортименте — скребки концевые, округлые массивные, одно- и двуплечиковые, плоские атипичные, скребки «геометризованных очертаний». Это обстоятельство может вызвать известное замешательство, поскольку орудия эти рассматриваются обычно как типичные для верхнего палеолита. Такой взгляд, между тем, несколько иллюзорен, так как скребки выделяются уже в индустриях доашельского времени [Leakey 1971: 31, 53, 81, 102; fig. 16: 1, 2; 30: 1, 2; 53: 1—12], а в ашельское время — на стоянках с большим набором инвентаря — представлены сериями. В Убейдии, например, удельный вес скребков весьма значителен и в отдельных слоях (I-26a, I-26c) он превосходит даже процент скребел [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 75, 86; fig. 10: 4; 19: 1; 25: 4, 5].

Кударские ашельские скребки изготовлены главным образом из кремнистых сланцев (около 75 %), кремня (около 15 %) и — изредка — из песчаника. Они встречены во всех частях пещеры, но варьируют как в количественном, так и в качественном (типологический состав) отношении. Наиболее многочисленные и почти полные по наличию вышеназванных разновидностей наборы скребков обнаружены в южной (44 экз.) и в темной (34 экз.) галереях. В восточной галерее их найдено довольно мало (11 экз.), в центральной камере — побольше (26 экз., или около 22 %), но только в последней встречена серия скребков «геометризованных» (подтреугольных или подчетыреугольных) очертаний, форма которых получена путем обрубков (рис. 57: 1, 4, 5—10). В то же время, находки одно- и двуплечиковых форм (*à epaulement*, *à museau*), скребковые элементы которых выделялись выемками, приурочены только к темной и южной галереям (рис. 72: 6; 78: 3, 4, 6; 85: 5; 104: 1, 2, 5, 7, 8; 110: 4; 111: 5; 114: 2). Таким образом, в

наборах скребков из разных частей пещеры имеются явные и озадачивающие различия.

Следует отметить, наконец, что многие скребковые формы кударской ашельской индустрии отличаются массивностью и грубой отделкой рабочих лезвий (рис. 35: 9; 78: 8; 85: 3, 4; 103: 2, 3; 114: 1), а некоторые образцы из темной и южной галерей (рис. 102: 6; 103: 4; 104: 9; 111: 5; 114: 2) выглядят особенно архаично.

Выемчатые орудия (154 экз., или 11,7 % всех орудий). Выемки разного рода являются одной из характерных черт ашельской кударской индустрии. Они имели двойное назначение и оформлялись по-разному. Одни выемки имели, очевидно, орудийный характер, другие — аккомодационный. Изделия с орудийными выемками, то есть собственно выемчатые орудия, о которых здесь идет речь, образованы в основном клетонскими анкошами. Эти орудия можно подразделить, в свою очередь, на «геометризованные» и «ординарные» формы. Первые оформлялись чаще всего на массивных вторичных заготовках — фрагментах сколов, которым посредством крутых обрубков-усечений придавались более или менее геометризованные (подпрямоугольные или подтреугольные) очертания (рис. 36: 1, 2; 57: 13, 14, 15; 72: 1—3; 79: 1; 85: 7, 11, 12; 87: 1, 9 и др.). Выемки у этих орудий отличаются сходным калибром (ширина — около 2—3 см, глубина врезов — 0,4—0,5 см, крутизна вогнутых лезвий — 55—80°). Ординарные выемчатые орудия оформлялись на самых разных заготовках и выемки на них более вариабельны как по размеру, так и по расположению — боковые, концевые (рис. 36: 5, 6, 9; 105: 6, 10 и др.).

Выемчатые орудия встречались повсеместно, но в наибольшем количестве они найдены в центральной камере (58 экз.) и в темной галерее (44 экз.). Там же обнаружилось больше всего выемчатых форм геометризованных очертаний: соответственно, 17 и 13 предметов из 46 таких орудий, найденных во всех частях пещеры в целом. В наборе выемчатых орудий абсолютно преобладают формы с одинарными выемками. Более сложные двойные (противолежащие и др.: рис. 36: 3, 4; 79: 2) представлены единичными экземплярами.

Что касается выемок аккомодационного характера, то они широко применялись, как уже говорилось, для вычленения рабочих элементов клювовидных орудий (рис. 36: 10—15; 58: 1—8, 10; 59: 6, 7; 72: 9, 11; 79: 6—10; 114: 6, 7, 9; 106), скребков с плечиками (рис. 72: 6; 78: 3, 4; 104: 5, 7, 8) и различных лезвийных или скребковидных участков (рис. 60: 5, 6; 80: 7 и др.).

Зубчатые изделия (66 экз.). Предметы с зубчатой ретушью в ашельской индустрии Кударо весьма многочисленны, но в большинстве случаев ретушь эта представляется ненамеренной. Часто встречаемая локальная или нерегулярная, порой чередующаяся разновеликая или мелкая ретушь, скорее всего, является зазубренностью или выщербливностью естественного происхождения, а также результатом интенсивного использования подобных предметов. Естественная ретушь могла возникать на краях сколов в результате вытапывания пола пещеры людьми и животными, перемещения каменных изделий внутренним водотоком, падения на

них осыпающихся со свода обломков известняка, давления перекрывающих слоев и других факторов. Подобная ретушь, как и ненамеренная утилизационная ретушь, особенно часто наблюдается на краях более хрупких сланцевых предметов. В то же время, имеются и специально, на наш взгляд, создаваемые зубчатые орудия, зубчатые края которых выполнены серией клектонских или ретушированных анкошей или же мелкой, но регулярной зубчатой ретушью.

Такие изделия в коллекции довольно редки. Мы выделяем лишь 66 зубчатых орудий, причем среди них есть и несколько относительно спорных предметов. Во всех трех галереях зубчатые орудия единичны (от 3 до 13 экз.), но в центральной камере представлены намного лучше — 38 экз. Столь заметное число этих поделок именно здесь можно объяснить тем, что центральная камера являлась главным бытовым центром данного скального убежища, где сконцентрировано около 40 % всех находок и треть орудий. Приводим изображения наиболее выразительных зубчатых орудий из разных частей пещеры — восточной галереи (рис. 36: 8), центральной камеры (рис. 58: 9), темной галереи (рис. 72: 5) и южной галереи (рис. 105: 1; 114: 5; 117: 6, 7).

Клювовидные орудия (129 экз.). Классификация и номенклатура этих изделий не вполне упорядочена и слабо разработана. Дефиниции орудий этой группы, по мнению Ж. Энзелина де Брокура, являются лишь интерпретацией их возможного использования. Под названием «орудия с клювом или выступающими остриями» (*outils à bec ou points dégagés*) он объединял все орудия с более или менее острыми выступами типа клюва или острия, с помощью которых можно было сделать небольшое отверстие или прорезать мелкий желобок (*rainure*). Выступы эти выделялись конвергентной ретушью [Heinzelin de Braucourt 1962: 29]. Для обозначения этих орудий используются такие французские и английские термины, как *perçoir*, *borer*, *awl*, *perforateur*, *epine* («бурав», «сверло», «шило», «пробойник», «перфоратор», «шип») и *bec* («клюв»). Последний термин, однако, согласно Энзелину де Брокуру, применяется только для обозначения более массивных и менее острых изделий такого рода, обозначаемых им как «атипичные буравы» (*perçoir atypique*). Как полагает Ф. Борд, такие атипичные формы могут быть подразделены на две разновидности: у первых ретуширован только один из краев, а второй не обработан или обработан обломом; вторые отличаются массивностью или плохо выражены, и именно их он называет собственно «клювами» [Bordes 1979: 41]. Подобную точку зрения разделяют, в принципе, и многие другие исследователи [Sonneville-Bordes et Perrot 1955: 78; Schmider 1988: 141; Debénath, Dibble 1994: 146].

Российские специалисты по палеолиту, однако, обычно используют наименование «клювовидные изделия» для обозначения всех поделок с различными специально выделенными острыми выступами (см., например: [Анисюткин 1973: 228—234; Любин, Аутлев 1994: 134; Беляева 1999: 114—116]), дифференцируя их затем в соответствии с формой выступа, его располо-

жением на заготовке, способом оформления и т. д. В соответствии с общепринятыми нормативами выделяются также два специфических вида клювов: *bill-hook* («крючковатый клюв») и *bec burinant alterne* («резцевидный клюв»). Первый представляет собой выступ, образованный между выемкой в дистальной части бокового лезвия предмета и его поперечным краем, имеющим вид крутой грани — естественной или полученной путем усечения. Второй выделяется двумя противоположающимися ретушированными выемками, пересечение которых образует выступ или узкое лезвие, расположенное под косым углом к фронтальной плоскости предмета [Bordes 1979: 48; Debénath, Dibble 1994: 99, 108].

Клювовидные орудия, именуемые шильями (*awls*), известны еще в доашельских [Leakey 1971: 7, 103, 113, fig. 53, 55] и раннеашельских [Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 75—91, 184] индустриях. И в раннем и в среднем палеолите они в подавляющем большинстве случаев выделяются ретушью или ретушированными выемками (*trimmed notches*, как называет их М. Лекей). В ашельской же индустрии Кударо клювы чаще всего выделяются не ретушью, а глубокими и крупными, порой во всю длину предмета, клектонскими выемками. Клювовидный рабочий элемент представлен в таком случае не концевым выступом, а всем массивным корпусом орудия или его дистальной половиной (рис. 36: 10, 14, 15; 58: 2, 5; 59: 7; 79: 8; 106: 1, 2). Лишь единичные выступы-острия являются дистальными концевыми (рис. 79: 7; 106: 5, 8) или подретушированными (следы утилизации?) (рис. 58: 3, 4; 72: 11; 106: 3, 4, 6). Этот тип кударских клювовидных форм часто имеет очертания почти стандартизованных равнобедренных треугольников (рис. 36: 14, 15; 58: 2, 5; 59: 6, 7). По массивности и фланкированию глубокими клектонскими выемками к этим изделиям примыкают крупные боковые и угловые формы: одинарные (рис. 60: 7; 79: 9; 80: 4; 86: 10; 87: 11; 114: 7), двойные (рис. 114: 6) и тройные (рис. 114: 9).

Наряду с этим в кударской ашельской индустрии имеются и иные разновидности клювовидных орудий: концевые короткие, шиповидные (рис. 58: 4, 6; 79: 6), концевые узкие типа проколов (рис. 36: 13; 58: 1; 74: 1), концевые асимметричные на массивных пластинчатых отщепках (рис. 58: 8, 10), а также единичные орудия типа крючковатых клювов (*bill-hook*) (рис. 79: 3, 5) и резцевидных (*becs burinants alternes*) (рис. 37: 3; 79: 4; 106: 9, 10). К категории клювовидных форм мы условно относим, наконец, и группу разноразмерных орудий с широкими концевыми остриями (угол схождения конвергентных лезвий превышает 90°), оформленными неглубокими пологими клектонскими выемками или ретушью (рис. 36: 12; 72: 9; 79: 10; 106: 7). Подобные формы сближались нами с клювовидными орудиями и ранее [Любин, Аутлев 1994: 134; Беляева 1998: 114]. Они могли, по всей видимости, иметь как колющие, так и режущие функции.

Подавляющее большинство (> 75 %) описанных клювовидных орудий были изготовлены из кремнистого сланца и кремня, остальные — из песчаника. Встречены клювовидные орудия во всех ашельских уровнях

всех частей пещеры. Больше всего их (40 экз.) найдено, однако, в темной галерее, где раскопана, кстати, наименьшая по размерам площадь, а наименьшее число (55 экз.) происходит из раскопа 1986—1987 гг. южной галереи. Небезынтересно, что оба орудия типа bill-hook были обнаружены в слое 5А-Б темной галереи, а оба сработанных как будто рукой одного мастера пластичных предмета с мощными трехгранными асимметричными концевыми клювами (рис. 58: 8, 10) — в самом нижнем ашельском уровне (горизонт 8) центральной камеры.

В целом следует отметить большую вариабельность кударских клювовидных форм, значительную массивность (1,5—2,5 см) большинства этих орудий, фланкирование острых выступов главным образом посредством глубоких клетонских анкошей и наличие группы своеобразных подтреугольных «цельнокорпусных» клювовидных предметов, которые вызывают, при всей осторожности, мысль о вероятности их намеренной стандартизации.

Долотовидные орудия (19 экз.). К разряду долотовидных относятся изделия с рабочими элементами, напоминающими стамески (ciseau) и долота (gouge). В основных современных справочниках и руководствах по типологии палеолитических орудий долотовидные формы не упоминаются [Bordes 1961; 1979; Leroi-Gourhan 1988; Debénath, Dibble 1994]. Однако в некоторых более ранних изданиях к ним относили предметы с субпараллельными краями, имеющими на одном или обоих концах прямые (ciseau) или закругленные (gouge) поперечные лезвия, образованные односторонними снятиями или пересечением двусторонних [Heinzelin de Braucourt 1962: 45; Brézillon 1962: 195]. Опираясь на эти дефиниции, российские преисторики время от времени используют этот термин при классификации орудий подобного рода (см., например: [Анисюткин 2001: 211, рис. 19]). В то же время в отечественной литературе принято использовать термин «долотовидные формы» для так называемых «чешуйчатых орудий» (pièces écaillées), морфология которых во многом определялась не ретушью фабрикации, а ретушью утилизации.

Кударские орудия, классифицируемые нами как долотовидные, за исключением одного не вполне ясного предмета (рис. 59: 2), оформлялись безусловно намеренной орудийной ретушью. В ашельской индустрии Кударо было выделено 19 таких предметов, представляющих собой удлиненные отщепы подпрямоугольной формы, с ровными или слабовыпуклыми поперечными лезвиями на концах. Довольно острый угол «заточки» (20—35°) этих лезвий, оформленных с помощью немногочисленных широких плоских или пологих ретушных снятий, отличает их от плоских концевых скребков. Большинство их заточены с одной стороны и напоминают плоские столярные стамески (ciseau) (рис. 86: 7; 105: 8, 11; 114: 10). Наиболее массивное, длинное и узкое орудие, лезвие которого получено пересечением нескольких крупных двусторонних снятий, сходно с долбежным долотом (рис. 81: 3). Долотовидные орудия встречены в небольших количествах во всех частях пещеры, исключая восточную галерею.

Комбинированные орудия (76 экз.). Комбинированные орудия (outils composites французских типовологов) — одна из достопримечательностей ашельской индустрии Кударо. Орудия эти, безусловно, встречались и в других раннепалеолитических комплексах, но не привлекали особого внимания специалистов. Прообразы таких орудий, на наш взгляд, имеются в доашельских и раннеашельских комплексах Олдувая: их можно распознать среди рисунков орудий, обозначенных М. Лики как мелкие (light-duty) или разные (sundry) [Leakey 1971: 103, fig. 53: 8, 10, 13, 16, 20]. В отличие от орудий, совмещающих на одной заготовке два однородных рабочих элемента (double) или несколько таковых (multiple), комбинированные орудия объединяют разнородные орудийные элементы. В верхнем палеолите они приобретают стандартизованный облик, и их номенклатура разработана достаточно хорошо. Таковы, к примеру, скребки-резцы (grattoir-burin), проколки-скребки (percoir-grattoir) и другие сложные формы [Sonneville-Bordes et Perrot 1955: 76, fig. 2]. В ашельской же индустрии Кударо их морфология еще малоустойчива и серийность отсутствует, что объясняется различиями в исходном сырье, типах заготовок и приемах оформления. В то же время наличие скребел, прежде всего боковых, в качестве главного компонента у 2/3 комбинированных орудий и частое оформление клювов, выемок и отчасти скребков в качестве второго слагаемого свидетельствуют о вероятном предпочтении определенных сочетаний и стремлении использовать в работе как продольные, так и поперечные края исходных заготовок. Характерно для подобных изделий и широкое использование разного рода выемок и усеченной-обрубов в целях аккомодации.

Сложные комбинированные формы могли создаваться таковыми сразу, но вполне возможно, что многие из них сформировались постепенно — в результате редукции, износа первоначальных простых орудий и возникшей надобности в инструментах иного рода. Обилие комбинированных орудий может быть косвенным показателем интенсивной внутрипещерной деятельности кударских ашельцев. Деятельность, связанная с этими орудиями, носила, однако, весьма локализованный характер: практически все они, за исключением одного изделия, сосредоточены в темной галерее (39 экз.) и в южной (36 экз.). Наиболее показательные образцы комбинированных орудий представлены на рис. 72: 10; 80: 5, 7; 86: 11—13; 87: 7; 105: 9, 12; 107: 2; 111: 4; 114: 6—8; 116: 5. Представляет интерес также наличие орудий с тремя (рис. 38: 4; 80: 5; 114: 9) и четырьмя (рис. 80: 7) разнородными рабочими элементами.

Разные (37 экз.). В этот раздел помещены орудия, атрибуция которых затруднена и аналогии неизвестны, хотя в оформлении большинства из них также широко применялись характерные для данной индустрии обрубы (намеренные обломы-усечения) и выемки аккомодационного свойства. Наиболее многочисленная группа таких изделий состоит из предметов, на которых с помощью обломов или анкошей вычленяются участки лезвий — узкие или широкие, ретушированные или нет (рис. 37: 6, 8; 38: 1—3; 59: 9; 60: 4—6; 107: 3). Осталь-

ные «аномальные» формы орудий представлены одним-двумя экземплярами. Таково «цалди» — оригинальное тонкое, пластинчатое режуще-рубящее орудие в виде тесака (рис. 81: 1), встреченное только здесь и еще в ашельских слоях Цонской пещеры, которая, как предполагается была охотничьим лагерем кударских ашельцев. Близкое к нему, как кажется, по назначению, но более массивное и примитивное орудие было оформлено на удлиненном и уплощенном песчаниковом валуне (рис. 109: 3). Своеобразны два подчетырехугольных плитчатых кливеровидных предмета (рис. 39: 1, 2) и два крупных массивных сланцевых орудия, напоминающих широкоугольные острия или чопперы-чоппинги с выделенными остриями (рис. 61: 1, 2). Единичными находками представлены такие формы, как крупный песчаниковый отщеп с парарезцовыми сколами (рис. 81: 2), крупное, но тонкое орудие с тремя острыми лезвиями (рис. 72: 8) и некоторые другие поделки.

Пространственное размещение этих разнородных изделий неравномерно. Практически все изделия с выделенными посредством выемок и обломов лезвиями различной ширины происходят, например, из центральной камеры и восточной галереи. Оба кливеровидных предмета найдены в восточной галерее, оба крупных широкоугольных острия — в центральной камере.

Подытоживая анализ морфолого-типологических характеристик орудийного ансамбля инвентаря, мы хотим заострить внимание на его специфических, своеобразных чертах. Во-первых, при небольшом количестве галечных макроорудий следует все же отметить, что песчаниковые чопперы и чоппинги явно подразделяются здесь на морфологически разные подгруппы и что в их составе имеются такие необычные формы, как орудия с долотовидным концом (рис. 87: 12; 110: 2), остроконечный чоппер с лезвийным дистальным концом, выделенным противоположающей ретушью (рис. 110: 1), чоппер с массивным скребковидным выступом (рис. 73) и совершенно уникальный дисковидный чоппер-чоппинг (рис. 112: 3). Что касается ручных рубил, то, будучи изготовлены из разнокачественного сырья, они поражают своей морфологической вариабельностью и отсутствием стандартизации. Классические образцы среди них единичны. Среди атипичных особенно интересна группа тонких сланцевых рубил небольшого размера с обушками и/или с поперечными лезвиями (рис. 28; 31).

Наибольший же местный колорит кударскому ансамблю придают орудия на отщепках: рубильца, листовидные орудия и чрезвычайно многочисленные и вариабельные скребла, скребки, выемчатые, клювовидные и комбинированные орудия. Ассортимент их необычно велик, причем у части скребел, скребков, выемчатых и клювовидных изделий просматриваются начатки стандартизации, проявляющиеся как в приданных им геометризованных очертаниях, так и в способах оформления. Рубильца встречаются в ряде ашельских индустрий, но плоские и тонкие плакетки-рубильца совершенно оригинальны и были, вероятно, как и рубящее орудие типа «цалди», вызваны к жизни листоватой структурой некоторых разновидностей сланца. Совер-

шенно уникальными, не имеющими близких аналогов в других ашельских индустриях, представляются листовидные формы, появление которых могло быть также связано с использованием сланцевого сырья.

Подчеркивая богатство ассортимента и развитые формы кударских орудий на отщепках, уместно, однако, заметить, что многие достижения кударских ашельцев не были пионерскими. Использование отщепов для изготовления различных орудий имело место уже в ранних индустриях. В составе наиболее хорошо изученных и наиболее полно изданных доашельских и раннеашельских комплексов Олдувая, Убейдии и Латамны помимо макроорудий выделяются также многочисленные скребла и скребки, а кое-где и клювовидные орудия, резцы и *pieces ecaillées* [Leakey 1971: 39, 136—137, 155, 197, 222; Bar-Yosef and Goren-Inbar 1993: 75, 76, 86; Clark 1967: 29—30, 45]. При этом выявляется довольно четкая и неуклонная тенденция уменьшения удельного веса макроорудий при заметном росте доли орудий на отщепках от более ранних комплексов к более поздним. Так, в более позднем по времени комплексе Латамны, как отмечает Дж. Д. Кларк, наряду с ручными рубилами наиболее важными орудиями были уже скребла и скребки [Clark 1967: 45]. Если проследить динамику соотношения макроорудий и орудий на отщепках на примере наиболее представительных ансамблей Убейдии (I-26a, I-26c, K-29) и Латамны, то наблюдается изменение доли макроорудий от 71,8 % до 34,1 %, а доли орудий на отщепках — от 28,1 % до 65,8 %. В Кударо же доля макроорудий составляет уже лишь около 10 %, а доля орудий на отщепках — 90 %, что отражает сравнительно поздний возраст кударского ашеля. Вполне естественно поэтому, что в более поздней ашельской индустрии Кударо орудия на отщепках стали более разнообразными и совершенными. Вместе с тем среди таких орудий здесь имеются, как подчеркивалось, весьма своеобразные формы, связанные с местной спецификой и свидетельствующие порой о подлинных инновациях (например, листовидные орудия).

Выше мы уже неоднократно говорили о том значительном влиянии, которое оказала на формирование облика кударской ашельской индустрии местная сырьевая база. Сложный характер сырья (сланцы и песчаники) отразился в довольно архаичной технике первичного расщепления, сопоставимой с таковой в более ранних ашельских индустриях, и наложил отпечаток на орудийный инвентарь. Истинный технический потенциал кударской индустрии можно оценить прежде всего по изделиям из высококачественных видов сырья. Обнаружение в самых низах ашельской толщи Кударо I превосходных скребел из импортного кремня (рис. 53: 5; 77: 6) говорит о том, что первопришельцы уже обладали весьма «зрелым» мастерством обработки камня. Хотя подручное сырье едва ли способствовало не только развитию, но даже и поддержанию этого мастерства, кударским мастерам порой удавалось изготавливать довольно совершенные формы орудий и из некоторых местных пород. Более того, отмечены факты некоторых новаторских привнесений в технику обработки камня в более позднее время. В центральной камере, например,

было прослежено, что наиболее совершенные прото-мустьерские формы остроконечников (рис. 52: 1—4) и скребла геометризованных очертаний (рис. 54: 1—8) впервые появляются только в верхах ашельских отложений. Подобная стратиграфическая позиция «геометризованных» скребел обозначилась и в южной галерее. Единичные скребла с ядрищным утончением концов также были зафиксированы в верхних ашельских уровнях (рис. 56: 7; 71: 3; 113: 2).

Эти факты достаточно красноречивы, хотя хотелось бы, разумеется, опираться на более широкие стратиграфические наблюдения. Однако, к сожалению, мы были лишены возможности детально проследить изменчивость инвентаря от уровня к уровню. Это связано с очень сложным характером осадконакопления в разных частях пещеры, сопровождавшимся периодической эрозией отложений и смещением многих изделий, что не позволяет выделять стратиграфически и хронологически сопоставимые горизонты обитания в рамках всего убежища. Данные обстоятельства затрудняют и полномасштабный анализ пространственного размещения находок, поскольку благодаря периодической водной эрозии ашельских отложений вместе с вымывом мелкоземного происходило перемещение и даже вынос из пещеры некоторых артефактов, прежде всего мелкоразмерных отходов.

Однако эрозионные процессы не могли, на наш взгляд, быть ведущим фактором неодинаковых плотности и состава находок в разных частях пещеры, тем более что имеется ряд хорошо сохранившихся участков культурного слоя. Наименее пострадали от эрозии осадки западной, пристенной части центральной камеры, которые благодаря быстрой, по всей видимости, цементации законсервировали остатки костров и самое крупное скопление артефактов (рис. 41). Сравнительно малое разрушение претерпели и осадки восточной галереи, находившейся в стороне от основного водотока, возникшего периодически в глубине темной галереи и выходящего из пещеры через южную. В юго-западном углу этой галереи сохранилось второе важное скопление находок (рис. 23). Косвенным свидетельством меньшей роли эрозии в восточной галерее является повышенный процент мелких сколов и чешуек, которые в прочих отсеках пещеры весьма немногочисленны из-за предполагаемого выноса водными потоками.

В целом мы полагаем, что, если исключить мелкие отходы, воздействие водной эрозии на большую часть изделий не привело к кардинальному изменению их местоположения. Таким образом, различия в количестве и составе находок в большой мере должны отражать подлинные различия в заселении разных частей пещеры. Напомним, что 2268 изделий (около 40 % всех находок) были найдены в пределах центральной камеры, 1363 — в темной галерее, 1118 — в южной и 983 — в восточной. Главным бытовым центром ее являлась светлая и просторная (38 кв. м) центральная камера: на каждый квадратный метр ее площади приходится в среднем 70 находок. На втором месте по плотности находок оказывается расположенная в глубине пещеры темная галерея — 65 изделий на квад-

ратный метр. Две входные галереи — южная и восточная — доставили, соответственно, по 48 и 45 предметов на каждый метр раскопанной площади. Распределение находок в них было неравномерным: они практически отсутствовали на площадках перед входами в эти галереи и были весьма скудными в устьевых частях, возрастая количественно в глубине галерей — по мере приближения к центральной камере. Это, конечно, отчасти можно было бы объяснять эрозией отложений устьевой части — но только относительно южной галереи, которая имеет сильный наклон пола вовне пещеры, а не восточной, наклоненной вовнутрь. По-видимому, подобное распределение находок во входных галереях может указывать на особенности их использования. Создается впечатление, что ашельские люди, перекрывая каким-то образом входные отверстия, обживали лишь дальние части этих галерей, а еще более стремились укрываться в более глубоких отсеках пещеры — в центральной камере и темной галерее, о чем свидетельствуют большая плотность там находок и следы кострищ в камере. Нахождение близ входов могло к тому же быть далеко небезопасным в том «медвежьем царстве», которым были окрестности кударских пещер в ашельскую эпоху.

Интересны наблюдения о различиях в составе отходов производства и орудий в тех или иных частях пещеры. В восточной галерее, например, отмечен наибольший процент целых, то есть неповрежденных, несломанных сколов-заготовок, что можно объяснить менее интенсивным их вытаптыванием, тем более что основная часть находок здесь тяготеет к пристенным участкам. Это может указывать на наличие постоянного прохода через эту галерею. В центральной камере обращает на себя внимание относительно обилие ману-портов — неиспользованных валунов и галек из песчаника (запас сырья?), галечных отбойников и ретушеров, а также уступающая лишь южной галерее доля нуклеидных форм (3,3 %). Активное расщепление камня велось, судя по большому числу аналогичных ману-портов, отбойников, ретушеров и наибольшей среди прочих коллекций доле нуклеидных (4,0 %), и в южной галерее. Некоторые черты продуктов расщепления (сработанность многих нуклеусов, наличие пяти ядрищ развитого облика и повышенная доля фасетированных площадок) позволяет рассматривать эту галерею не только как место, связанное с первичной обработкой, но и как участок, где сохранились следы относительно поздних этапов пребывания человека в пещере.

Вторым пунктом такого же рода является, возможно, темная галерея, где также отмечен высокий процент остаточных и многоплощадочных нуклеусов. С этим предположением согласуется факт нахождения в южной и темной галереях практически всех сложных комбинированных и наибольшего числа двулезвийных скребел и скребков разного рода, включая встреченные только в этих галереях плечиковые скребки. С относительно ранним этапом освоения убежища могут быть в значительной мере связаны материалы восточной галереи. Хотя стратиграфическое расчленение от-

ложений на уровне 5А-Б и 5В прослеживалось лишь в дальней от входа части этой галереи, есть основания предполагать, что большая часть ее археологических материалов связана с нижним уровнем 5В. На это косвенно указывает наибольший процент здесь изделий из сланцев, преобладающее использование которых, как прослежено в других частях пещеры с четкой стратиграфией, характерно именно для инвентаря базального слоя 5В и сокращается в вышележащих, более поздних уровнях.

Есть и ряд других наблюдений по неравномерному распределению различных орудийных форм, которые мы считаем необходимым отметить, но однозначная интерпретация которых затруднительна. Так, скребла геометризованных очертаний в большем количестве представлены в восточной галерее и в центральной камере, в то время как в южной и темной галереях они редки. В центральной камере обнаружено также наибольшее количество подлинных пластин, остроконечников, двоякоплоских рубилец и листовидных форм; в восточной галерее — скопление небольших и тонких атипичных сланцевых рубил с обушками и/или с поперечными лезвиями. Здесь же найдены два бифаса с дистальным концом, приостренным косым сколом (рис. 29; 30: 1) и оба кливеровидных предмета. Близ границы этой галереи и камеры залегали, кроме того, четыре наиболее совершенных классических ручных рубила (рис. 25; 26; 47).

В целом допустимо предполагать, что наблюдаемая картина отображает различное использование тех или иных участков пещеры в разные периоды обита-

ния в ней носителей ашельской индустрии. Люди проживали здесь, видимо, в течение многих тысячелетий с большими или меньшими перерывами, приспособляясь к изменчивым ландшафтно-климатическим условиям. Разные периоды их обитания могли отличаться степенью интенсивности жизнедеятельности, что отражалось на организации жилого пространства и обустройстве пещеры (перекрытие входа, размещение очагов и т. п.), а также, возможно, некоторыми подвижками в характере каменного инвентаря. Нужно учесть, что в зависимости от климата, времени года и в связи с различными хозяйственными или житейскими надобностями люди могли использовать для проживания и своих занятий лишь некоторые участки пещеры. Состав артефактов в каждом отдельном пункте определялся, видимо, его ролью в данный период обитания. Таким образом, в известной мере допустимо говорить о серии стоянок, существовавших в пещерном убежище Кударо I. В то же время, как подчеркивалось, анализ всех аспектов инвентаря свидетельствует в пользу того, что в течение ашельского периода заселения пещеры в ней обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшейся на местной полисырьевой базе. Своеобразие этой традиции, на наш взгляд, обусловлено совмещением двух ипостасей. С одной стороны, ей присуща корреляция между тремя видами местных пород и морфологическим обликом артефактов, с другой — основанное на многовековом опыте умение воспроизводить многие специфические формы изделий из любого подручного сырья.

Глава 5

СОПОСТАВЛЕНИЕ АШЕЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ КУДАРО I С ИНДУСТРИЯМИ ОСНОВНЫХ АШЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА

5.1. Введение

Раскрытие специфики ашельской индустрии стоянки Кударо I потребовало сопоставления их со столь же значимыми в научном отношении и более или менее синхронными кавказскими ансамблями. Такими индустриями могли быть, во-первых, несмешанные, то есть стратифицированные ансамбли сходного возраста, а во-вторых, материалы памятников с обильным, подобно кударскому, и многообразным каменным инвентарем. Кударская ашельская индустрия сравнивается нами с наиболее важными ашельскими комплексами Кавказа — стратифицированными материалами пещер Азых и Цона, а также с исключительно богатыми, хотя и имеющими позднюю примесь коллекциями Яштухского местонахождения в Абхазии. Ашельские комплексы пещер, привлеченных для сравнительного анализа, рассматривались нами неоднократно (особенно подробная публикация — [Любин 1998]). Однако недавнее посещение музеев Баку и Тбилиси, где хранятся эти коллекции, позволило внести определенные поправки и существенные дополнения в прежние представления об их инвентаре.

5.2. Яштухское местонахождение

5.2.1. Общие сведения о памятнике

Яштухское местонахождение расположено в Средней Абхазии, в 1—6 км к северу, северо-западу и северо-востоку от г. Сухуми и занимает обширный участок террасированной приморской равнины и окаймляющие ее предгорья известнякового Бзыбского хребта с невысокими — до 500 м — вершинами Яштух, Бырц и Гвард. Центральная и самая значительная часть местонахождения (Яштух-I С. Н. Замятнина) располагается у входа в ущелье, разделяющее горы Яштух и Бырц, между речками Западная и Восточная Сухумка. Местонахождение было обнаружено абхазским археологом-краеведом Л. Н. Соловьевым в 1933 г. [Ефименко 1953: 163; Соловьев 1971: 22], а первые обстоятельные исследования его провела экспедиция С. Н. Замятниной в 1934—1935 гг. [Замятнин 1961]. В 1958—1960 гг. грузинские ученые — археолог Н. З. Бердзенишвили и геологи И. А. Гзелишвили и Д. В. Церетели — также обследовали отдельные участки Яштухского местонахождения, уделив особое внимание вершине горы Яш-

тух [Бердзенишвили 1971: 3—40, табл. II (карта)]. В 1961—1965 гг. Яштух изучался И. И. Коробковым [Коробков 1971: 61—99].

С. Н. Замятнин, подобно геологу В. И. Громову [1948: 267—270], рассматривал Яштухское местонахождение как сложный памятник аллювиального типа, культурные остатки на котором залегают на разных высотных отметках. Ашельские находки, по его наблюдениям, связаны главным образом с четвертой (80—100 м) террасой, а мустьерские преобладают на третьей. Геологический возраст находок определялся через оценку возраста террас, на которых они были найдены, и для ашельских орудий был определен как конец формирования четвертой (пятой?) «яштухской» террасы высотой 80—100 м [Замятнин 1937: 12—15]. Сопоставив геологические и археологические данные, геологи датировали вторую (15—29 м) террасу ресс-вюрмом, третью (30—40 м) и четвертую (60 м) — миндельриссом, пятую (четвертую, по С. Н. Замятнину) «яштухскую» — минделем [Громов 1948: 267—271; Шанцер 1940].

Л. Н. Соловьев и И. И. Коробков склонились к гипотезе о связи залегания орудий древнего человека не столько с террасовыми уровнями, сколько с различными по окраске и, видимо, по условиям и времени формирования горизонтами покровных суглинков, плащеобразно налегающих на поверхность одного или ряда террасовых уровней [Коробков 1967; 1992: 313—315; Соловьев 1971]. Л. Н. Соловьев рассматривал эти красноземы, желтоземы и бурые оподзоленные суглинки как три генерации покровных суглинков и полагал, что суглинки первой, второй и третьей генераций относятся, соответственно, к гурийскому, чаудинскому и узунларскому векам черноморской стратиграфической схемы. Гурийский век соответствует гюнцу, чаудинский — гюнц-минделю и минделю, узунларский — миндельриссу и рессу. Находки в суглинках первой генерации, или «красноземах», он определяет как «шелль», «желтоземы» соотнесены с «шеллем» и ашелем, а оподзоленные бурые суглинки третьей генерации — с мустье [Соловьев 1971: 26—29]. Третья попытка относительной датировки яштухских материалов была предложена И. И. Коробковым, который производит их возрастную оценку «...в зависимости от внешних признаков залегания в разнофациальных и хронологически различной древности геологических условиях» [Коробков 1995: 314]. В яштухском подъемном материале он выделяет

четыре большие группы изделий: ашельскую, тейякскую, мустьерскую и группу пластинчато-леваллуазских комплексов. Изделия, относимые им к ашелю, дополнительно подразделяются, исходя из различных сочетаний цвета и оттенков патины, железистых примазок и люстража, на пять различных по возрасту серий: древнеашельскую (2-я половина минделья), раннеашельскую (миндель-рисс), среднеашельскую (рисс I и рисс II/II), позднеашельскую (рисс II и рисс II/III) и финальноашельскую (рисс III и рисс-вюрм). В тейякской группе по таким же внешним признакам выделяется шесть хронологических подразделений — от миндель-рисса до вюрма включительно, в леваллуа-пластинчатой группе — три подразделения (миндель, миндель-рисс, рисс I/II) [Коробков 1995: 314]. Подобный способ оценки возраста по нюансам окраски и патинизации изделий представляется нам субъективным и ненадежным, о чем писали еще С. Н. Замятнин и Л. Н. Соловьев [Замятнин 1937: 14; Соловьев 1971: 32; 1974: 12]. Что касается абсолютных датировок, то в настоящее время имеется лишь одна TL-дата (358—330 тыс. лет назад), полученная посредством анализа суглинки из покровных отложений пятой черноморской террасы. По П. М. Долуханову [1979] она фиксирует миндель-рисское межледниковье.

5.2.5. Описание каменного инвентаря (по С. Н. Замятнину и И. И. Коробкову)

Материалы обширного Яштукского местонахождения представлены коллекциями четырех его исследователей: С. Н. Замятнина, Л. Н. Соловьева, Н. З. Бердзенишвили и И. И. Коробкова. Первая хранится в МАЭ в Санкт-Петербурге, вторая — в музее г. Сухуми, третья — в Музее Грузии, четвертая — в фондах ИИМК РАН. В силу понятных обстоятельств мы будем опираться главным образом на наблюдения, сделанные при просмотре первой и последней коллекций.

Сырье. Наиболее обстоятельные сведения об источниках, габаритах и качествах сырья приводит Л. Н. Соловьев. Он пишет, что на вершине и южном склоне горы Яштух выходят пласты известняков датского яруса палеогена, богатого кремневыми желваками. При выветривании эти известняки разрушаются и вследствие влажности климата легко разлагаются химически. Известнякам, испытавшим значительную тектоническую дислоцированность, свойственны трещиноватость и сланцеватость, нередко характеризующие и кремни. Так, встречаются кремневые желваки, разбитые явными и скрытыми трещинами, идущими обычно параллельно друг другу. Выпадая из известняков, такие желваки, как отмечает Л. Н. Соловьев, легко распадались на кубовидные, кирпичеобразные или дисковидные отдельные с сохранившимися на их противоположных коротких сторонах участками корки. Люди отбирали, видимо, преимущественно подходящие плоские обломки, орудия на которых особенно многочисленны в древних сериях. Большинство орудий, по наблюдениям Л. Н. Соловьева, изготовлено из кремня низких подерловых слоев.

Ознакомление с коллекциями С. Н. Замятнина и И. И. Коробкова удостоверяло тщательность и точность наблюдений Л. Н. Соловьева. Яштухский датский кремль в большинстве своем действительно грубый, недостаточно пластичный материал, часто дающий при оббивке резкие заломы или ступени. Использование заготовок в виде плоских обломков прослеживается кое-где по естественным плоским поверхностям, покрытым складками и бороздами. Низкосортность значительной части яштухского кремневого сырья, безусловно, обуславливала облик изготавливаемых из него орудий.

Техника расщепления. С. Н. Замятнин в своих публикациях 1937 и 1961 гг. лишь кратко характеризует технику расщепления кремня на Яштухе. И. И. Коробков, напротив, отводит ей много места, уделяя главное внимание морфологической и типологической характеристике нуклеусов [Коробков 1965а; 1965б; 1967; 1971].

Коллекцию нуклеусов, изученную И. И. Коробковым, составляли 326 нуклеусов из хранящихся в МАЭ сборов С. Н. Замятнина и 60 экземпляров, найденных И. И. Коробковым в 1961—1963 гг. Для хронологической оценки нуклеусов им применялся типологический принцип без разграничения материалов по местам находок. В сводном тип-листе нуклеусов Яштуха, включающем 206 наиболее диагностичных форм, относимых ко времени от «шелля» до верхнего палеолита, И. И. Коробков выделяет 29 разновидностей ядрищ, часто при этом без надобности вводя вместо общепринятой типологической лексики новые и не всегда ясные термины, чрезмерно дробные вариации форм и т. п. Что касается интересующих нас прежде всего древнейших нуклевидных форм, выделенных И. И. Коробковым под названием «долеваллуазских» («шелльских», клетонских, ашельских) и леваллуазских (ашель-мустье), то первые в его выборке из 206 образцов представлены 38 изделиями, а вторые — 63. Среди первых отмечены различные многогранники (17), чопперовидные нуклеусы (4), клетонские (?) диски (4), ашельские пирамидальные и конусовидные нуклеусы (6), нуклеусы со скалыванием от «лезвия» (4) и некоторые другие. Среди ашело-мустьерских ядрищ — различные леваллуазские формы, в том числе исходные, согласно И. И. Коробкову, «раннеашельские» (многогранники с леваллуазскими чертами, веерообразные, односторонне-конусовидные и др.), которые совершенно отсутствуют в других районах Кавказа. Отсюда автор делал вывод, что яштухская ашельская традиция — как в своей древней нелеваллуазской фации, так и в леваллуазской — имеет глубокие местные корни и что «она сравнительно длительное время существовала в условиях строгой локализации и оторванности от центральных районов Кавказа» [Коробков 1965: 109].

Однако своеобразное по исходным формам и независимое по срокам (ранний ашель) зарождение леваллуазской техники на Яштухе вызывает серьезные сомнения. Палеолит Яштуха и Черноморского побережья Кавказа в целом, по нашему мнению, никогда не пребывал в полном отрыве от ашеля других регионов Кавказа. Чопперы, различные дисковидные и леваллуазские ядрища находят параллели в индустриях таких кавказ-

ских ашело-мустьерских памятников, как, например, Кударо I, Азых, Джрабер.

Морфолого-типологическая характеристика. Первый обзор типологических особенностей инвентаря Яштухского местонахождения С. Н. Замятнин произвел в своих кратких публикациях 1937 и 1961 гг. На основе морфологических признаков он распределил и очень схематично охарактеризовал весь материал в соответствии со шкалой культурно-хронологических этапов («шелль», ашель, мустье, верхний палеолит), не выделяя при этом ни одного локально обособленного комплекса. Судя по этим публикациям, набор орудий в интересующей нас арханчной («шелльско-ашельской») части инвентаря был довольно ограниченным. С. Н. Замятнин отметил наличие однолезвийных скребел, остроконечников, грубых рубящих орудий, ручных рубил и «мелких орудий двусторонней обработки» [Замятнин 1937; 1961].

Более значительные исследования яштухских материалов производил И. И. Коробков. Помимо изучения своих сборов, полученных в ходе пятилетних полевых работ на Яштухе, он проштудировал также коллекции С. Н. Замятнина и Л. Н. Соловьева. Основное внимание при этом он уделил поиску возможностей разграничения находок в составе смешанных комплексов и установлению на местности комплексов локально обособленных и несмешанных. В результате многолетних изысканий он пришел к выводу, что Яштухское местонахождение является «...конгломератом разновременных палеолитических поселений, производственных мастерских и охотничьих лагерей» (Коробков 1971: 71).

Что касается интересующих нас материалов, отмеченных исследователем к «ашельскому культурно-историческому этапу», то он зафиксировал у подножия горы Яштух и на горе Бырц четыре таких локализованных комплекса. Эти комплексы отличаются лишь процентным составом одних и тех же форм изделий и являются, по мнению исследователя, «различными производственными комплексами» внутри единой ашельской индустрии Яштуха. Такие же различия комплексов, как он полагал, характерны и для более поздних индустрий «финального ашеля», отличающихся от предшествующих только несколько «большей утонченностью форм» [Коробков 1967: 198]. Другими словами, речь шла о рассредоточенных на местности «бытовых» и производственных комплексах одной и той же индустрии [Коробков 1971: 88].

Однако явная разнородность провозглашенных генетически едиными домустьерских материалов Яштуха заставила И. И. Коробкова предпринять попытки их как-то — шаг за шагом — дифференцировать. Уже первоначально в осторожной форме было отмечено, что технические и типологические прототипы тейяка и леваллуа, выраженные в морфологически примитивной и нерасчлененной форме, наблюдались уже «...в самой древней на Яштухе среднеашельской индустрии» [Коробков 1971: 80]. Позднее в тезисах сделанного в 1983 г. доклада им была высказана мысль о существовании в среднем ашеле разнофациальных индустрий [Коробков 1983]. В посмертно изданных тезисах последнего доклада И. И. Коробкова [1995: 313—335] эти утверждения достигли своего окончательного развития.

Придя в конце концов к мнению о переотложенности всех находок Яштуха, И. И. Коробков провозгласил, напомним, что единственным способом вычленения культурно-хронологических комплексов является в данном случае оценка «внешних признаков» кремней, указывающих на их первоначальное залегание и геологический возраст (ожелезненность, патина и т. п.). Однако он, видимо, не мог не учитывать здесь и типолого-морфологические особенности находок. Именно это, как представляется, заставило его расширить рамки дивергенции (расхождения) индустрий, начиная ее с древнего ашеля (минделя), и выделить целых три «разно-хронологические», как он пишет, группы: ашельскую, тейякскую и группу «пластинчато-леваллуазских комплексов». Хронологически первая из них включает семь этапов развития, вторая — шесть и третья — три. Нередко они отчасти сосуществуют: ранний ашель, древнейший тейяк и раннее леваллуа относятся к миндель-рису, поздний ашель, тейяк II и среднее леваллуа — к рису II и рису III и т. д. Умозрительность этих построений очевидна. Подобный способ визуальной разбивки смешанных изделий по дробным морфолого-типологическим группам и хронологическим подразделениям представляется необоснованным, как и утверждения о возникновении техники леваллуа на Яштухе в раннем ашеле.

Весьма озадачивает выделение И. И. Коробковым тейяка, хронологически покрывающего и ашель и мустье и подразделяемого на шесть возрастных групп. К сожалению, ни одна из хронологически сопоставимых с ашелем «тейякских» индустрий Яштуха («тейяки 0, I, II, III») так и не была опубликована. Не опубликованы, кстати сказать, также и орудийные наборы всех подразделений ашельских и ранних пластинчато-леваллуазских индустрий. В разных статьях И. И. Коробкова можно найти лишь изображения немногочисленных ашельских орудий [Коробков 1964: рис. 22; 1965: рис. 1; 1967: рис. 1].

В целом, как полагал И. И. Коробков*, ашель Черноморского побережья Кавказа, судя по материалам Яштухского местонахождения, имеет ряд морфологических и типологических особенностей, основными из которых являются следующие:

1. Немногочисленность и малая вариабельность ручных рубил [Коробков 1989]. Отсутствие серийности указывает на «...невыработанный, менее сложившийся тип хозяйства» [Коробков 1964: 78]. Архантный тип рубила представлен бифасом «тернифинско-латалинского» типа с совковидным дистальным концом. Остальные бифасы — подчетырехугольные, миндалевидные, сердцевидные и найденный самим И. И. Коробковым крупный (18,5×11,0×5,8 см) ланцетовидный бифас [Коробков 1964: 77—80, рис. 22] — имеют верхнеашельский облик. Всего на Черноморском побережье найдено около двух десятков бифасов [Коробков 1964: 77].

* Большая часть этих данных происходит из неопубликованных тезисов докладов И. И. Коробкова [1964: 77—78; 1965: 96—97; 1967: 199; 1983; 1989].

2. Ручные рубила, по-видимому, отчасти замещаются здесь функционально близкими к ним так называемыми «чопперами яштухского типа» — специфической формой рубяще-режущего орудия на отщепе с прямыми или заостренными рабочими лезвиями. Имеются чоппинги с прямым поперечным и заостренным краем, а также многочисленные орудия с приостренными и вогнуто-зубчатыми краями на плитчатых заготовках.

3. Наличие «унифасов» — односторонних орудий скребуще-режущих функций с прямыми, расположенными под углом 90° друг к другу краями.

4. Наличие орудий типа «ашеро» (кливеров).

5. Чрезвычайное обилие клювовидных, зубчатых и выемчатых форм.

6. Многочисленность скребущих орудий. Они представлены:

а) скребками разнообразных типов;

б) скребковыми «выступами» и «узкими тронкированными участками». Скребла с правильной и протяженной ретушью встречаются, однако, редко.

7. Наличие «стамесок», лезвия которых, в отличие от скребков, были пологими.

8. Наличие многочисленных комбинированных форм орудий. Это, согласно И. И. Коробкову, — примечательная черта ашеля Яштуха.

Что касается характера ашеля Яштуха в целом и его происхождения, то в разных работах И. И. Коробкова утверждается, что специфические черты данной индустрии позволяют говорить о наличии у нее местных корней [Коробков 1965; 1967: 199; 1989]. В дальнейшем исследователь уже не настаивал, однако, на автохтонном происхождении яштухского ашеля. Рассматривая истоки и корни причерноморского ашеля, он находит несомненные параллели ему в комплексах средиземноморского ашеля Сирии, Ливана, Палестины и Магриба. Сходство выражается в одинаковости типологических форм рубил «тернифинского типа», орудий типа кливеров, орудий рубяще-тесловидного характера, высоких скребущих форм, коротких острий, комбинированных орудий. Исследователю представляется несомненным, что подобное сходство может быть обусловлено не только генетически единой культурной традицией, но и сходными экологическими факторами [Коробков 1995: 315].

5.2.6. Авторский подход к характеристике ашельских материалов Яштухского местонахождения

Переходя к изложению наших взглядов на ашель Яштуха, отметим, прежде всего, их предварительный характер. Они исходят из нашего первичного ознакомления с коллекциями С. Н. Замятнина и И. И. Коробкова, ревизии опубликованных данных и более широкого привлечения свидетельств по ашелю как Причерноморья, так и других регионов Кавказа. Главный акцент при этом будет сделан на наиболее показательных, по нашему мнению, формах макроорудий.

Ручные рубила. Ручные рубила на Яштухском местонахождении немногочисленны, а потому для сужде-

ний о типологических особенностях этих орудий будет целесообразно рассмотреть их вместе с другими найденными в Причерноморье орудиями такого рода.

Ашельские ручные рубила в Кавказском Причерноморье встречены как в стратифицированном контексте (Ахштырская пещера на р. Мзымта близ Адлера), так и в поверхностном залегании в разных пунктах побережья. Всего в настоящее время здесь известно около 25 этих орудий. Четыре из них происходят из базального, сильно эродированного культурного слоя Ахштырской пещеры [Замятнин 1961: табл. LIII; Паничкина, Векилова 1962: 38—39; Любин 1998: 115, рис. 61, 62]. Поверхностные находки обнаружены — с севера на юг — в районе г. Туапсе (3 экз.) [Щелинский, Гагашьян 1980: 244—248]; близ сел. Блиново на правом берегу р. Псоу (1 экз.) [Соловьев 1987: табл. CIV] и на территории Абхазии. В Северной Абхазии они встречены в районе сел. Хейвани (2 экз.) и Гантиади (1 экз.) [Соловьев 1971: табл. XXIV; 1987: табл. CV: 2; CVII: 1]; в Центральной — на Яштухском местонахождении (7—8 экз.) [Замятнин 1937: рис. 6; 1961: табл. XII: 1; XIII: 1; XIV: XV: 1; Коробков 1964: 77—78; Бердзенишвили 1979: табл. XXVIII—XXX] и на горе Трапезия близ Сухуми (1 экз.) [Любин 1998: рис. 96: 2*]; в Южной — близ сел. Гали (1 экз.), Чубурихинджи (1 экз.), Ачигвары (1 экз.) и Речхи (1 экз.) [Замятнин 1937: рис. 13; 1961: табл. XXIX: 1; XXXVII—XXXIX; Григолия 1979: табл. XXXV].

В поверхностных сборах рубила встречались на древних морских и речных террасах и в подножье невысоких приморских известняковых хребтов Абхазии на удалении до 50—60 км от моря (Речхи I в Южной Абхазии). Сырьем для их изготовления повсеместно, как представляется, служили местные породы: тонкозернистый песчаник в районе Туапсе; сланец — в Ахштырской пещере; грубый, как правило, кремнь датского яруса — в Северной и Центральной Абхазии; розовый туронский кремнь — в Южной Абхазии (Гали, Чубурихинджи). Рубила встречались в виде единичных изолированных находок (Кадошский мыс близ Туапсе) либо в составе сборов на небольших местонахождениях среди смешанных, как правило, ашело-мустьерских изделий. Лишь в двух случаях местонахождения эти были обширными и доставили большие коллекции. Таковы Яштух и северо-абхазское местонахождение в районе Хейвани-Бароновка. Суммарные размеры четырех больших ашело-мустьерских коллекций Яштухского местонахождения пока не установлены. Сборы же в районе Хейвани-Бароновка насчитывают 2000 кремневых изделий [Гумилевский, Коробков 1967; Береговая 1984: 12]. На всем Причерноморском Кавказе, вне зависимости от размеров местонахождений, ручные рубила, судя по перечисленным здесь находкам, были немногочисленны. Эту бросающуюся в глаза особенность отмечали многие исследователи [Паничкина 1950: 45; Формозов 1959: 29—30; Коробков 1964: 78].

* Находка Л. Н. Соловьева, хранится в музее г. Сухуми. Впервые опубликована нами по рисунку, любезно присланному Н. А. Миловановой [Любин 1998: рис. 96: 2; 1998а: рис. 7: 2].

Все причерноморские рубила, в том числе и яштухские, имеют верхнеашельский облик. Архаичнее других выглядит лишь один крупный бифас ($24,4 \times 12,0 \times 55,7$ см), найденный Л. Н. Соловьевым на периферии Яштухского местонахождения, на горе Трапедия. Рисунки этого орудия, хранящегося в музее г. Сухуми, были любезно присланы Ю. Н. Вороновым и Н. А. Миловановой. Второй из этих рисунков уже был опубликован [Любин 1998: рис. 96; 1998а: рис. 7: 2], а первый публикуется здесь впервые (рис. 118). Поверхность его, как писал Ю. Н. Воронов, покрыта коричневой патиной, а на обеих сторонах сохранились фрагменты вмещающей породы в виде «песчанистой ожелезненной корки». Характер исходной заготовки неясен, но, судя по поперечному сечению и длине предмета, она была длинной и двояковыпуклой (плитчатой?). Орудие имеет удлинённые пропорции и ланцетовидные очертания, выпуклые в плане и слабоволнистые в профиль продольные лезвия. Отделка его выполнена небольшим количеством крупных снятий. Скучная подретушовка имеется только на одной стороне узкого слабо закругленного (совковидного) дистального конца. Пятка орудия дуговидно закруглена и массивна в меру толщины корпуса рубила.

Данное рубило явилось для И. И. Коробкова краеугольным камнем концепции о средиземноморских корнях яштухского ашеля. Прямую аналогию ему он видел в таком же крупном рубиле, найденном на ашельском местонахождении Джуб-Джаннина II в Сирии [Bezancon et al. 1970: fig. 1]. Одними из главных признаков ряда рубил, происходящих из ашельского ансамбля этого сирийского памятника и других генетически близких ему ашельских ансамблей Восточного Средиземноморья*, являлись их ланцетовидно-удлиненные очертания и совковидные завершения дистальных концов. Яштухское рубило, которое И. И. Коробков рассматривает как «двойник» рубила из Джуб-Джаннина II, имеет, в отличие от последнего, выпуклые, а не субпараллельные края, более прямые в профиль продольные лезвия, толстую пятку, а также менее интенсивную подретушевку дистального конца. В целом, однако, данная параллель кажется достаточно правомерной: размеры, грубая лаконичная оббивка краев, очертания орудия и оформление совковидного дистального конца делают эти рубила достаточно сходными. Но можно ли по единичному орудю судить о генезисе яштухской индустрии — тем более что остальные яштухские и причерноморские рубила не дают оснований для параллелей с Левантом. Да и весь орудийный контекст Яштуха, как будет показано ниже, резко отличается от контекста индустрий «убейдинско-латамнской традиции». В последних, кстати сказать,

традиции». В последних, кстати сказать, совершенно отсутствовала леваллуазская техника расщепления камня, и датируются они более ранним временем. Индустрия Убейдии относится к концу древнего ашеля, комплексы Джуб-Джаннина и Тернифина — к раннему среднему ашелю, а Латамны — к несколько более поздней поре среднего ашеля, но в пределах его первой половины. В абсолютном исчислении возраста Убейдии помещается в пределах 1,4—1,1 млн. лет назад, Джуб-Джаннин и Тернифин — около 0,7 млн. лет назад [Vaccar, Vandermeesch 1988: 1037, 1049; Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993: 21; Muhesen 1988: 863].

Что касается остальных ручных рубил Причерноморья, то они существенно отличаются от рассмотренного уникального образца. Они имеют иные размеры, очертания и отделку. Большинство их можно грубо разделить на две группы: рубила подпрямоугольных очертаний (6 экз.) и рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (pointed) — 14 экз.

Для рубил первой группы характерно повреждение либо дистального конца (2 экз.) (рис. 119), либо обоих концов (1 экз.) (рис. 120: 1). Два образца вообще представлены лишь крупным фрагментом срединной части орудий (рис. 120: 2). Длина трех наиболее хорошо сохранившихся образцов колеблется в пределах 9,3—9,7 см, двух срединных фрагментов — 8,6 и 10,1 см, а у наиболее крупного и единственного сохранившегося полностью достигает 16,0 см (рис. 121). Три рубила этой группы имеют укороченные пропорции (trapue), а три, в том числе лишённые обоих концов, являются несомненно удлиненными. Все эти бифасы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми. Те, что сохранили базальные части, имеют толстые, прямые или слабо закругленные пятки. Поверхности рубил этой группы обработаны небольшим количеством достаточно крупных снятий; ретушная подправка более или менее волнистых лезвий почти отсутствует. Но наиболее важным признаком этих орудий является параллельность или субпараллельность их продольных краев, подпрямоугольность общих очертаний, прямизна или слабая дугообразность дистальных концов. Эти черты придают им кливированный вид. Такие бифасы называют иногда кливерами-бифасами (cleaver-biface, hachereau-biface) [Bordes 1961: 63; Guichard 1976: 919] или бифасами с поперечными лезвиями (biface a biseau terminal transversal) [Gruet 1945; Паничкина 1961: рис. 11; Любин 1957: 28—40]. Образцы таких бифасов приводят в своих справочниках Ф. Борд [Bordes 1979: pl. 71, 73] и Х. Диббл и А. Дебенат [Debénath, Dibble 1994: 166—167]. Однако там они либо имеют выпуклые и хорошо отретушированные края, либо представлены весьма разнородными образцами.

В Причерноморье же такие рубила имеют более устойчивые и почти стандартизованные формы. Примечательно, что подобные подпрямоугольные бифасы не известны в Леванте [N. Goren-Inbar: личное сообщение], зато встречаются в разных районах Кавказа. Более архаичные образцы их обнаружены в ашельских культурных слоях пещеры Кударо I [Любин 1998: рис. 28: 2], на

* Индустрии этого круга — Убейдия в Израиле, Джуб-Джаннина II и Латамна в Сирии — расположены по линии левантийского рифта и относятся к так называемой «убейдинско-латамнской традиции», характеризующейся, в частности, удлиненными ланцетовидными бифасами с совковидным дистальным концом, триэдрами и полиэдрами. Типологически близкими к ним комплексами считаются ансамбли стоянки Аббасиех близ Каира и Тернифина в Магрибе.

ашельских местонахождениях Гористави [Любин 1998: рис. 95: 2] и Чикпани [Любин 1998: рис. 88: 2]. Более развитые их формы, подобные причерноморским, известны на Кубани [Паничкина 1961: рис. 11: 6] и в Армении [Любин 1965: рис. 11: 2]. Возможно, что орудия, напоминающие узкие удлинённые наконечники копий и обнаруживаемые в мустьерских комплексах Кавказа [Любин 1965: рис. 10: 4; 1998: рис. 60: 1—3], являются самыми поздними дериватами таких рубил. Бифасальные формы такого рода в их развитии от ашеля до мустье не прослежены ни в одном регионе Восточного и Южного Средиземноморья.

Рубила второй группы (14 экз., в том числе 7 из Яштуха) более обычны на Кавказе. Все они, включая даже одно овальное, единственное, изготовленное не из кремня, а из темной сланцеватой породы (рис. 122: 2), имеют заостренные дистальные концы. В большинстве своем это удлинённые субсердцевидные, сердцевидные и ланцетовидные ручные рубила, лезвия которых носят гораздо более тщательную ретушную подправку, чем орудия первой группы. Все они, за исключением трех экземпляров, являются массивными (отношение ширины к толщине меньше 2,35 (критерий Ф. Борда), двояковыпуклыми и оформленными, по всей видимости, не на отщепах. Один из них — плоский сердцевидный бифас (рис. 122: 1) — был изготовлен, судя по остаткам желвачной корки на обеих сторонах, из уплощенного желвака. Пять рубил имеют массивные пятки, на трех из которых сохранились участки желвачной корки. Длина 10 орудий этой группы колеблется в пределах от 11,8 до 18,7 см. Одно относится к миндалевидным (рис. 123: 1), а полную длину еще двух рубил, явно удлинённых, из-за древних повреждений установить нельзя. Рассмотрим наиболее характерные образцы из этой группы: два ланцетовидных и четыре удлинённых сердцевидных бифаса.

Наиболее эффектно найденное И. И. Коробковым на Яштухе удлинённое ланцетовидное рубило с массивной сохранившейся корку пяткой, волнистыми в профиль продольными лезвиями и несколько закругленным (поврежденное?) дистальным острием. Размеры его — 18,5×10,3×6,0 см (рис. 124: 1). Второе рубило этого типа, сделанное из розового кремня, происходит из Южной Абхазии (Гали). Оно имеет более прямые лезвия с более совершенной ретушной отделкой, но дистальный конец его утрачен в древности, а основание срезано с двух сторон широкими сколами, нанесенными, судя по иной патине, в более позднее, возможно мустьерское, время. Размеры сохранившейся части этого орудия — 14,2×9,5 см (рис. 123: 2). Хорошие образцы удлинённых сердцевидных рубил происходят из Яштуха (рис. 122: 1; 125: 2), Хейвани в Северной Абхазии (рис. 124: 2) и с Кадошского мыса под Туапсе (рис. 125: 1). Первый из них был найден С. Н. Замятниным [1961: табл. XV, 2], второй — Н. З. Бердзенишвили, третий — Н. И. Гумилевским, четвертый — В. Е. Щелинским [1980: 246]. Яштухское рубило является плоским, остальные — массивные и, если следовать подходу Ф. Борда, должны быть определены как миндалевидные. Наиболее тщательно выпрямлены ретушью лезвия

кадошского и хейванского рубил. Размеры этих орудий, соответственно, равны: 12,2×7,0×2,7 см; 11,8×6,5×4,9 см; 13,1×8,0×6,0 см и 18,7×11,9×6,0 см. В целом, судя по показателям удлинённости и массивности, ашельские рубила Причерноморья имеют весьма близкое сходство с таковыми, найденными в ашельских культурных слоях пещер Кударо I, Цона и Азых [Любин 1998: рис. 20, 28, 29, 52, 55]. Рубила же из лавовых пород, происходящие из армянских местонахождений Сатани-дар и Джрабер и из юго-осетинского местонахождения Лаше-Балта демонстрируют некоторое сходство с причерноморскими лишь в единичных случаях.

Что касается четырех сланцевых ручных рубил из базального ашельского слоя Ахштырской пещеры близ Адлера, то они существенно отличаются от отчасти стандартизованных кремневых бифасов Сочинско-Абхазского побережья. Это совершенно разные неклассические формы, лишенные каких-либо (если опустить двоякоплоское сечение, сообщенное им заготовками — уплощенными гальками или отщепами) признаков серийности. Три из них — длиной от 8,5 до 11,5 см и шириной от 1,8 до 3,0 см — являются частичными плоскими бифасами, обработанными грубой оббивкой и местами скудной ретушью [Любин 1998: рис. 61: 1; 62: 1, 2]. Четвертое рубило [Любин 1998: рис. 61: 2] — более крупное и массивное (13,0×8,5×4,5 см) — имеет слабовыпуклые стороны, клиновидный продолговатый профиль и оббивку, произведенную крупными пластинчатыми снятиями, идущими от дистального конца орудия к его пятке. Сланцеватость исходной породы обусловила ступенчатое расположение этих снятий. Затем одно из продольных лезвий было приострено грубой бифасиальной ретушью. Такой же ретушью с одной стороны был подправлен и узкий дистальный поперечный конец предмета. С противоположной же стороны этот конец был оформлен снятием лишь одного скола. Такое оформление узкого поперечного лезвия заставляет вспомнить об описанном выше крупном яштухском бифасе с совковидным концом. Близкую аналогию этому ахштырскому рубилу можно усмотреть в одном из сланцевых рубил из Цонской пещеры, имеющем такую же ступенчатую оббивку и поперечный дистальный конец [Любин 1998: рис. 53: 2]. Линейные очертания двух из четырех рассматриваемых рубил приближаются к сердцевидным, третье орудие имеет необычную ромбовидную форму [Любин 1998: рис. 62: 2], а четвертое — грубоотреугольное с резко выделенным и изогнутым дистальным острием [Любин 1998: рис. 62: 1]. Следует заметить, что сходная асимметрия и изогнутость дистальных концов характерна для некоторых кударских рубил.

Атипичный в общем облик ахштырских рубил допустимо объяснять посредственным качеством местного сланцевого сырья. Трудно, однако, объяснить, почему ашельские обитатели Ахштыря не смогли воспользоваться россыпями кремня в районе Богосских ашельских мастерских, расположенных в нескольких десятках километров к юго-востоку от пещеры, в то время как мустьерские жители этого же убежища подобный кремнь находили и широко использовали.

Кливер. Возвращаясь к материалам Яштуха, обратим внимание на единственный образец кливера (рис. 126). Основание этого орудия сильно повреждено сланцовой вспашкой. Максимальные размеры сохранившейся части — $15,2 \times 9,8 \times 5,6$ см. По классификации Ж. Шевайона, орудие относится к разряду массивных (*hachereau epais*) — отношение ширины к толщине равно 1,75. Сплошная оббивка и повреждения не позволяют определить исходную заготовку, на которой оформлен этот кливер. Предмет подвергся необычайно сильной десилификации, то есть химическому выветриванию, при котором произошли растворение и вынос кремнезема. В результате этого он стал легким и на свежем обломе имеет вид опоки. В отличие от ранее описанных кливеровидных бифасиальных форм, это орудие следует отнести к настоящим кливерам с широким (5,5 см) и прямым дистальным лезвием, образованным пересечением негативов одного крупного пластинчатого снятия с одной стороны предмета с негативами мелких снятий с другой стороны. Последняя плоскость оббита крупными уплощающими снятиями, которые дополнены ретушью в одном из дистальных углов. Вторая сторона, более выпуклая, оббита столь же крупными, но крутыми сколами лишь в основании и по обоим продольным краям орудия. Продольный профиль кливера имеет вид массивного клина, плавно расширяющегося к толстой пяточной части. Небольшие выщербины на дистальном рабочем лезвии являются, возможно, следами утилизации. Известные параллели данному кливеру можно найти в разных ашельских ансамблях Кавказа — в Цоне, Сатани-даре и Лаше-Балте [Любин 1998: рис. 51₂, 77₁, 91₁].

Чопперы и чоппинги. Они представлены во всех коллекциях Яштуха в небольшом количестве, но типичными образцами. Большинство их оформлено на желваках или на гальках, меньшинство — на крупных, иногда плитчатых, расщепленных в результате кливажа отдельностях породы или же на массивных отщепах. Размеры их довольно устойчивы: длина и ширина колеблются в пределах 8—12 см, а толщина — в пределах 4—7 см. Угол заострения рабочего края составляет обычно около 60°, а в единичных случаях достигает 80°, что соответствует обычным ашельским «нормативам» [Chavaillon 19: 239]. Двуконцевые и поперечно-продольные чопперы, формы с лезвиями по всему периметру орудия в доступных нам коллекциях Яштуха не обнаружены. Представлены лишь чопперы концевые, боковые и с острием (*pointed chopper*). Чоппинги (*chopping-tool*), как кажется, встречаются несколько чаще (рис. 127: 2; 128: 1; 129: 2). Для уточнения этого наблюдения необходим просмотр тбилисской и сухумской коллекций.

Как чопперы, так и чоппинги обладают толстыми пятками, большая часть которых, подобно ручным рубилам, представляет собой нетронутые оббивкой округлые части исходных галек или желваков. Извилистость рабочих лезвий замечена только у нескольких орудий, грубо оббитых крупными сколами. Лезвия остальных более или менее выпрямлены односторонней или бифасиальной подправкой. Лезвия чопперов располагаются,

как правило, в плоскости гладкой необработанной стороны орудия (рис. 127: 1; 128: 2), а лезвия чоппингов совпадают с длинной осью их продольных разрезов. Последние в этом случае приобретают вид симметричных клиньев (рис. 127: 2; 128: 1).

Привлекают внимание и формы с выделенным острием, которые порой, в случае закругленности этого выступа, напоминают (об этом еще будет речь впереди), орудия типа крупных нуклевидных скребков (*heavy duty scraper*). Здесь же отметим боковой чоппер, изготовленный на крупной андезитовой гальке с широкоугольным выступом в средней части лезвия (рис. 128: 2), а также два чоппинга и один чоппер с разного рода выступами, подчеркнута фланкированными явными выемками (рис. 128: 1; 129: 1, 2). Яштухские концевые и боковые чопперы сходны с таковыми из пещер Кударо I и Азых [Любин 1998: рис. 12, 33]. Крупный боковой чоппер с широкоугольным выступом также имеет близкие аналогии в ашельском инвентаре из базальных уровней центральной камеры пещеры Кударо I.

Нуклевидные скребки (*grattoir nucleiforme*; *core scraper* или *heavy duty scraper*) — крупные скребки, предназначенные для «тяжелой или грубой работы» («*heavy duty*»), — на Яштухе обычны и весьма вариабельны, морфологически гранича, с одной стороны, с формами, близкими к чопперам, а с другой — с массивными и крупными клювовидными изделиями. Эти скребки представляют собой массивные орудия, одна сторона которых плоская (вентральная сторона отщепы или плоскость естественного кливажа), а другая сильно выпуклая, высокая (*high backed*). Рабочий край у этих орудий оформлен отвесной или крутой ретушью в направлении от плоской стороны к выпуклой. Крутизна рабочего края колеблется в пределах 90—80°, редко 70°. Иногда, в случаях значительной сработанности, выкрошенности лезвия ретушированный край становится нависающим (*en surplomb*).

На Яштухе отмечены следующие разновидности этих орудий:

1. Сравнительно небольшие (в среднем $6 \times 8 \times 4$ — $5 \times 3,0$ — $4,5$ см) удлиненно-подчетырехугольные узкие и толстые концевые скребки с плоским основанием, горбовидной верхней стороной и отвесными (обломы (?), корка) боковыми краями. Довольно узкий поперечный рабочий край — отвесный или крутой, рабочее лезвие — слабовыпуклое или зубчатое (рис. 130: 1—4).

2. Такие же формы, но с крутой ретушной отделкой одного из продольных краев (рис. 130: 5, 6).

3. Более крупные концевые скребки (размеры избираемого образца — $7,5 \times 6,5 \times 5,6$ см) с более широким выпуклым рабочим лезвием (рис. 131: 1).

4. Более широкие скребки с зауженным выпуклым поперечным лезвием, напоминающие отчасти чопперы с выделенным острием. Размеры приводимых образцов — $6,8 \times 9,9 \times 4,0$ см и $7,6 \times 9,5 \times 5,2$ см (рис. 131: 2, 3).

5. Крупный ($10,4 \times 9,6 \times 6,7$ см) тяжеловесный (около 0,5 кг) скребок удлиненно-треугольных очертаний с широкой и массивной, покрытой коркой пяткой, с конвергентными краями, оббитыми высокой (*surelevée*) ретушью, и дистальным концом, напоминающим ладье-

видный стрелчатый скребок (*grattoir carené en forme a museau ogival*).

Высокие массивные острия — это орудия, напоминающие конвергентные равнобедренные скребла с прямыми краями, грубо оформленными крутой зубчатой ретушью, и с острым дистальным концом. Они могут порой рассматриваться и как небольшие чопперы с выделенным острием. С другой стороны, орудие примерно такого типа Дж. Д. Кларк классифицировал как клювовидный нуклевидный скребок (*beaked core scraper*) [Clark 1967: 36—37, т. 7: 5]. Дальнейшим звеном в развитии таких форм является, на наш взгляд, серия подлинно клювовидных форм.

Клювовидные формы. Они отличаются меньшей массивностью, меньшей крутизной острий и фланкированием этих острий-клювов выемками с обеих сторон. Другими словами, дистальные клювы резко выделены боковыми вогнутыми краями орудий, оформленными грубой зубчатой ретушью или выемками (рис. 132: 1—4). В одном случае дистальный конец выделен с помощью противоположащей отделки: выемкой с одной стороны предмета и ретушью — с другой. Полученное таким образом орудие известно под названием резцеvidного клюва (*bec burinant alterne*) (рис. 132: 5). Массивные клювовидные орудия близких типов встречаются в ашельском инвентаре пещеры Кударо I.

Зубчатые орудия. Это одна из доминирующих групп в составе инвентаря Яштуха. Они изготавливались на отщепах и разнообразятся по форме, местоположению, крутизне и отделке рабочего края. Наряду с крупнозубчатой отделкой широко применяли различные анкоши. На каждом предмете ими выделены, как правило, один-два особенно массивных шипа (клюва?).

Скребла с выровненным ретушью рабочим краем встречаются достаточно редко. Более характерны скребла с зубчатым краем. Те и другие оформлялись на массивных отщепах посредством главным образом полукрутой и крутой краевой ретуши. Преобладали однолезвийные боковые и поперечные формы. На двойных скреблах в месте схождения лезвий отмечались иногда наносимые с брюшка плоские желобчатые сколы поджигления. Такой прием приострения лезвий наблюдается также на ашельских орудиях из пещеры Кударо I.

Комбинированные орудия. О характерности для Яштуха «многозначных» комбинированных форм орудий неоднократно писал И. И. Коробков. В этих инструментах чаще всего сочетались обычные в данной индустрии клювовидные, выемчатые, скребковые и зубча-

тые рабочие элементы. Размещались эти элементы, как правило, на разных сторонах используемых для их изготовления отщепов или плоских обломков со следами естественного кливажа. Приводим рисунки трех изделий такого рода. У двух из них имеются дистальные резцеvidные клювы, полученные пересечением противоположащих выемок (рис. 133: 3) или ретушированных лезвий (рис. 133: 2). Кроме того, на первом из этих орудий на лицевой стороне отщепа оформлены массивный угловой шип (клюв) и зубчатое скребло, а у второго есть признаки использования его продольных краев в качестве лезвий скребел. Третье орудие представляет собой сочетание скребка *a museau* на одном углу отщепа с массивным острием на втором углу и приостренным со стороны брюшка лезвийным участком на третьем углу (рис. 133: 1).

5.2.7. Заключение

В завершение этого предварительного обзора наиболее массовых и характерных форм яштухских орудий, отмеченных нами по морфолого-типологическим признакам к ашелю, отметим несколько форм и приемов, почти в точности повторяющих таковые в ашельской индустрии Кударо I. Это, во-первых, те же плоские брюшковые снятия, которые применялись вместе с крутыми боковыми обрубками для оформления характерной группы кударских скребел. У яштухских скребел, однако, такие снятия использовались, очевидно, для поджигления лезвий. В то же время имеются на Яштухе и изделия, где эти снятия, как и в Кударо, применялись для оконтуривания орудия и симметричного фланкирования выступающих рабочих элементов. В одном случае такой прием был применен для оформления клювовидного острия (рис. 134: 1), а в другом — скребловидного лезвия. Во-вторых, заслуживает внимания использование в ашеле Яштуха и пещеры Кударо I приема вычленения посредством глубоких выемок — клетонских или ретушированных — не подправленных ретушью коротких дистальных лезвий (рис. 134: 2) или массивных боковых клювов, образованных пересечением крупных смежных анкошей (рис. 134: 3). Сопоставление по типологическому составу орудий требует проработки всех яштухских коллекций, однако уже сейчас можно говорить о наличии здесь отдельных сходных с кударскими форм — некоторых клювовидных орудий и чопперов, в особенности чопперов с широкоугольными остриями.

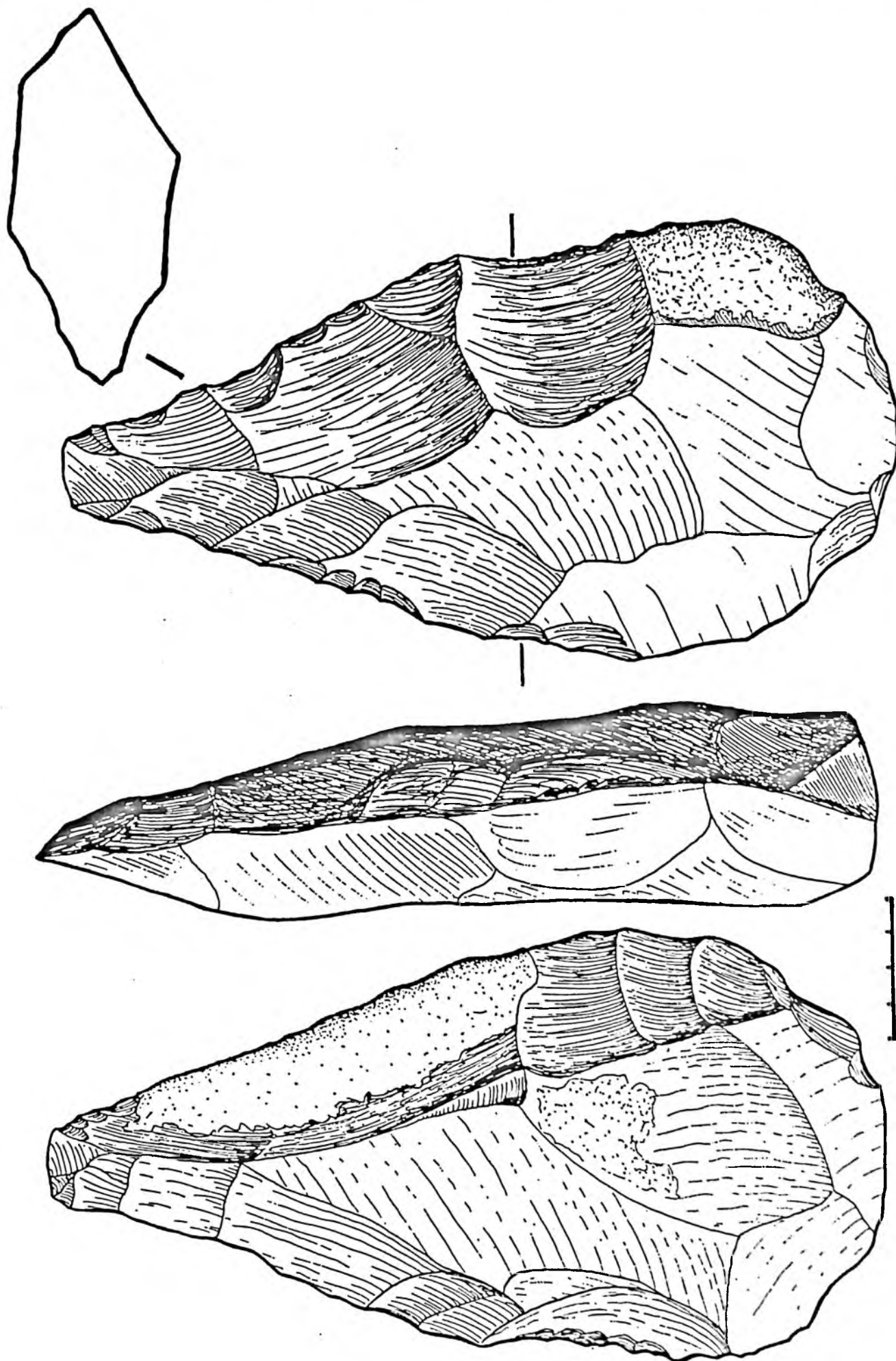

Рис. 118. Яштух (Средняя Абхазия). Удлиненно-ланцетовидное рубило с «сопкой» дистальным концом (рисунок Ю. П. Воронова)
 Fig. 118. Jashtukh (Middle Abkhazia). Elongated lanceolate handaxe with straight square or chisel-like end (draft by Yu. N. Voronov)

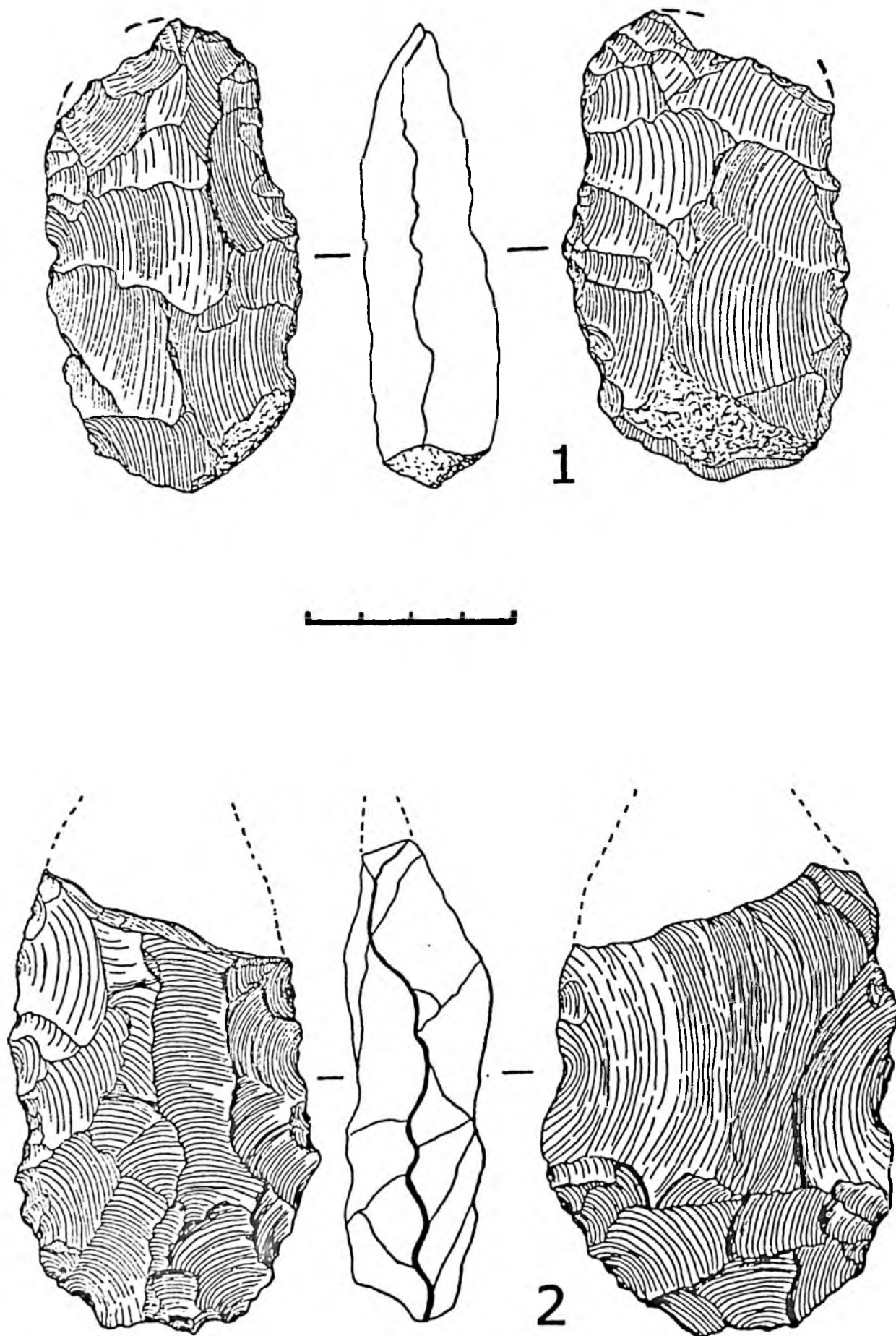

Рис. 119. Яштух (1); Чубурисхинджи в Южной Абхазии (2). Ручные рубила подпрямоугольных очертаний с поврежденными дистальными концами [Замятнин 1961, табл. XV: 1; XXIX: 1]
 Fig. 119. Jashtukh (1); Chuburiskhindgi in South Abkhazia (2). Handaxes of sub-rectangular shape with damaged distal ends [Zamiatnin 1961, табл. XV: 1; XXIX: 1]

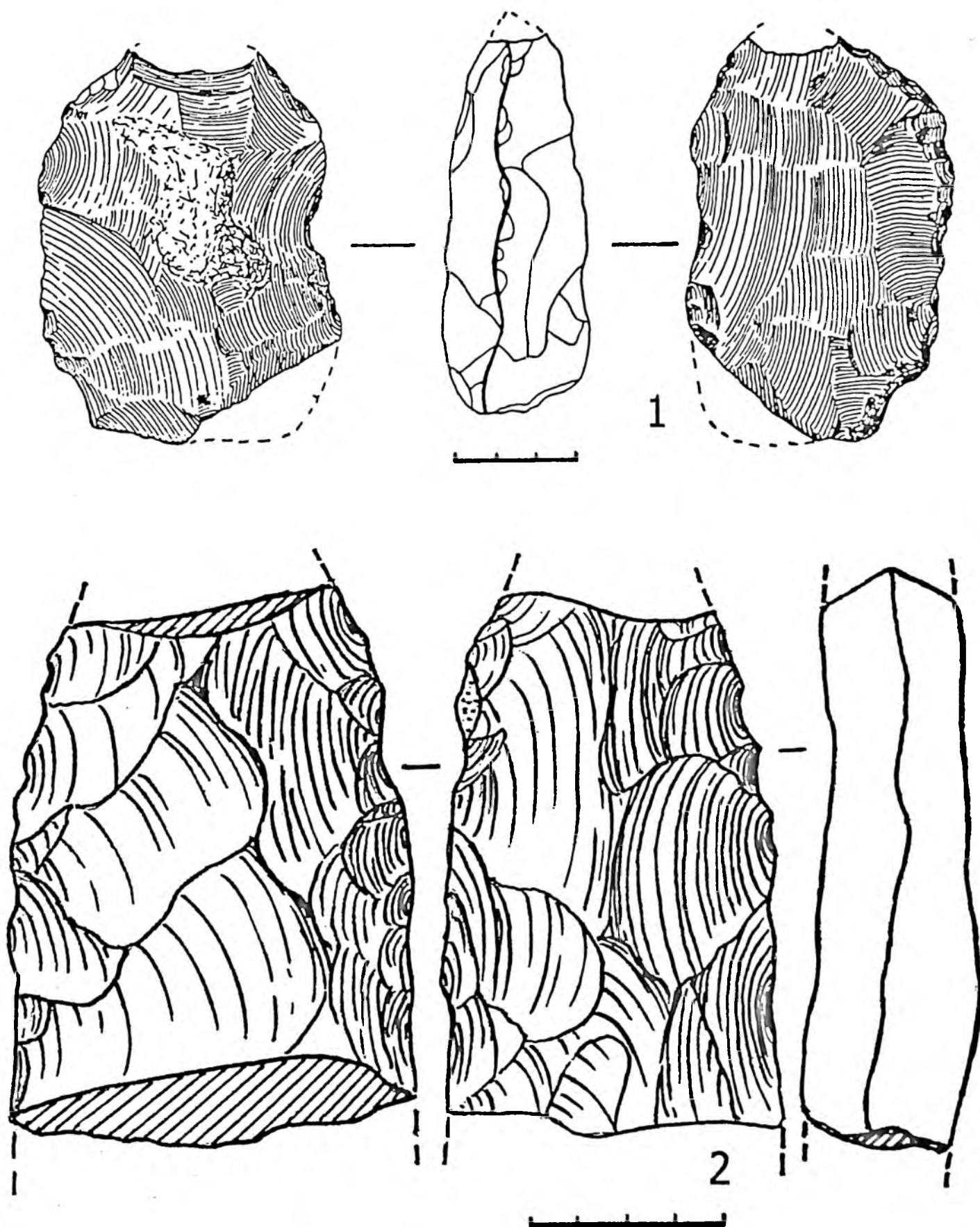

Рис. 120. Яштух (1); Бароновка в Северной Абхазии (2). Ручные рубила подпрямоугольных очертаний: 1 — бифас с повреждением обоих концов [Замятин 1961, табл. XII: 1]; 2 — крупная средняя часть бифаса (коллекция Н. И. Гумилевского)

Fig. 120. Jashtukh (1); Baronovka in North Abkhazia (2). Handaxes of sub-rectangular shape: 1 — biface with damage of both ends [Zamiatnin 1961, табл. XII]; 2 — large medial fragment of handaxe (collection of N. I. Gumilevski)

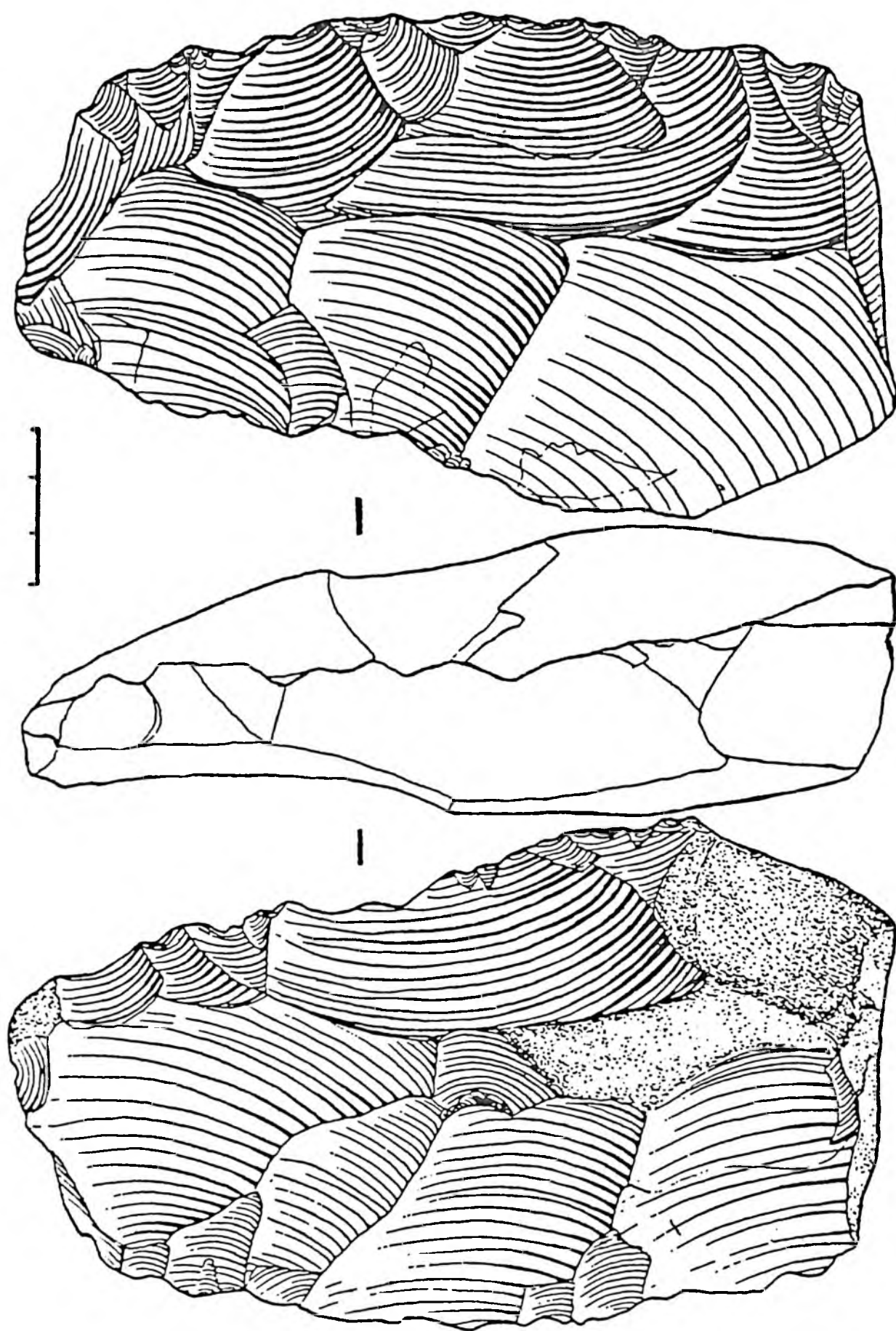

Рис. 121. Речки (Южная Абхазия). Крупное ручное рубило подпрямоугольных очертаний [Григолия 1979]
Fig. 121. Retchkhi (South Abkhazia). Large handaxe of sub-rectangular shape [Grigolia 1979]

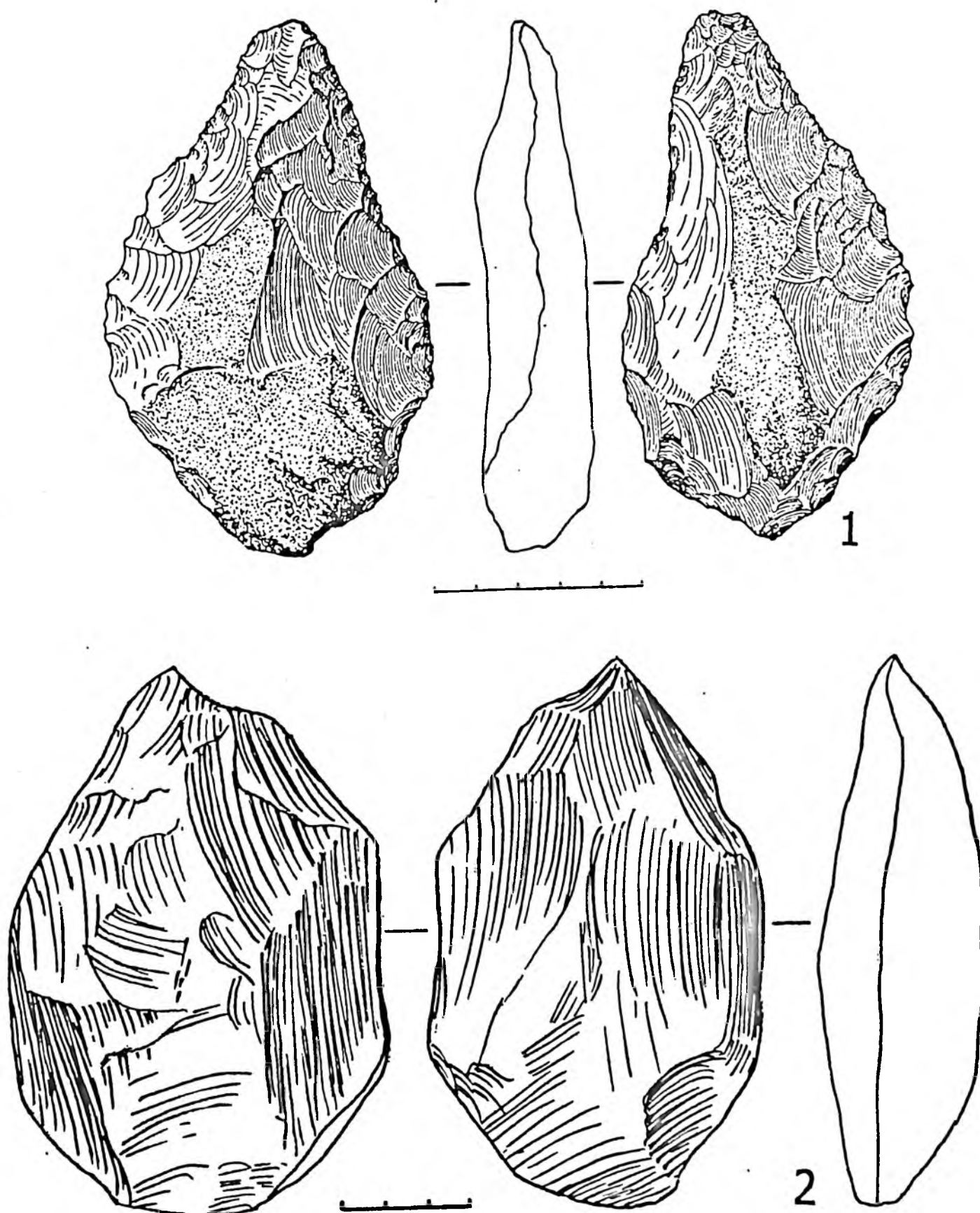

Рис. 122. Яштух. Ручные рубила: 1 — плоское сердцевидное из кремня; 2 — овальное из песчанниковой гальки
[Замятнин 1961, табл. XIV: 2; XV: 2]

Fig. 122. Jashtukh. Handaxes: 1 — flat cordiform made of chert; 2 — ovate of sandstone pebble [Zamiatnin 1961, табл. XIV: 2; XV: 2]

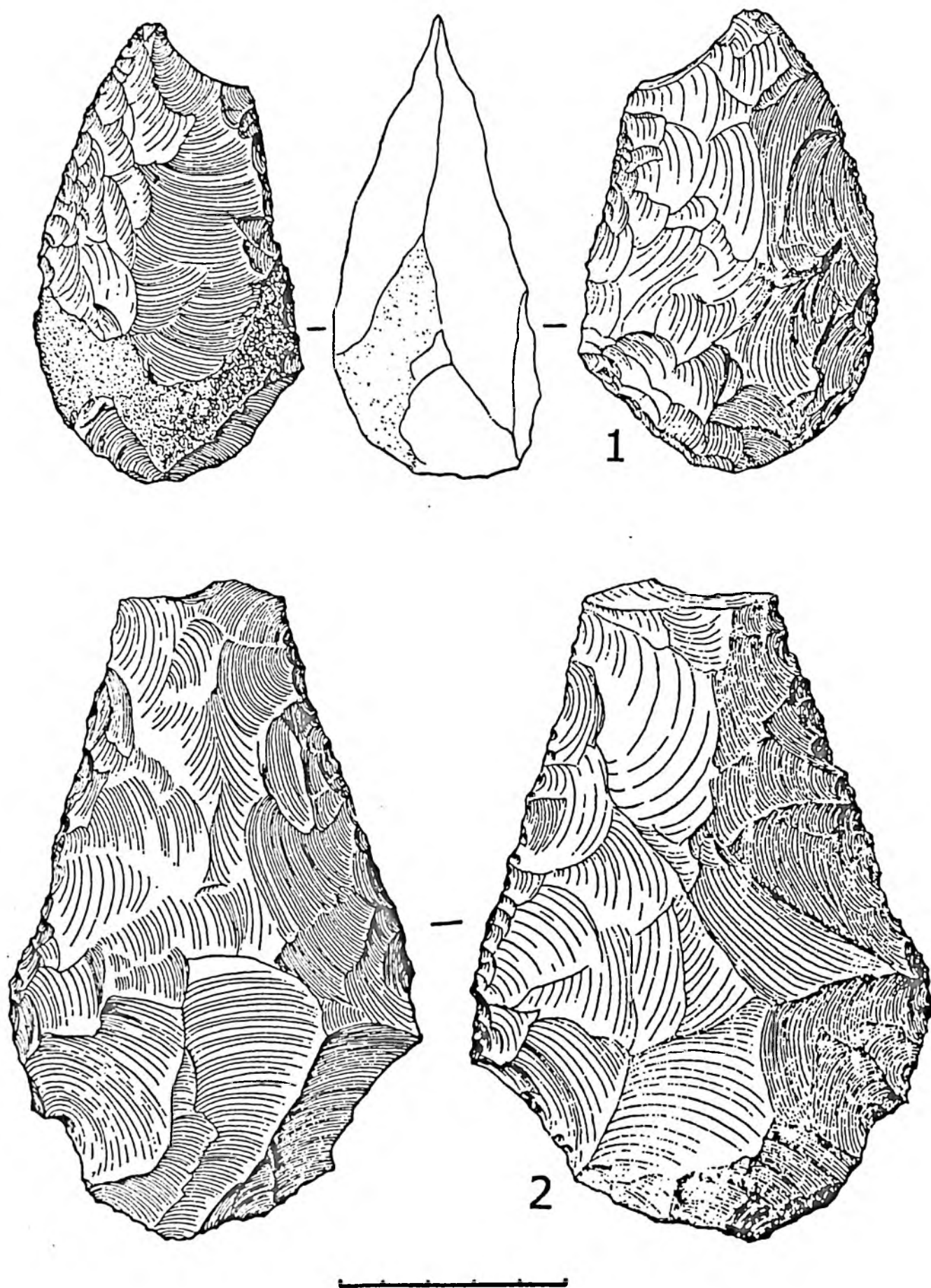

Рис. 123. Ачигвары (1); Гали (2) в Южной Абхазии. Ручные рубила с древними повреждениями [Замятнин 1961, табл. XXXVIII]
 Fig. 123. Achigvari (1); Gali (2) in South Abkhazia. Handaxes damaged during their «life» [Zamiatnin 1961, табл. XXXXVIII]

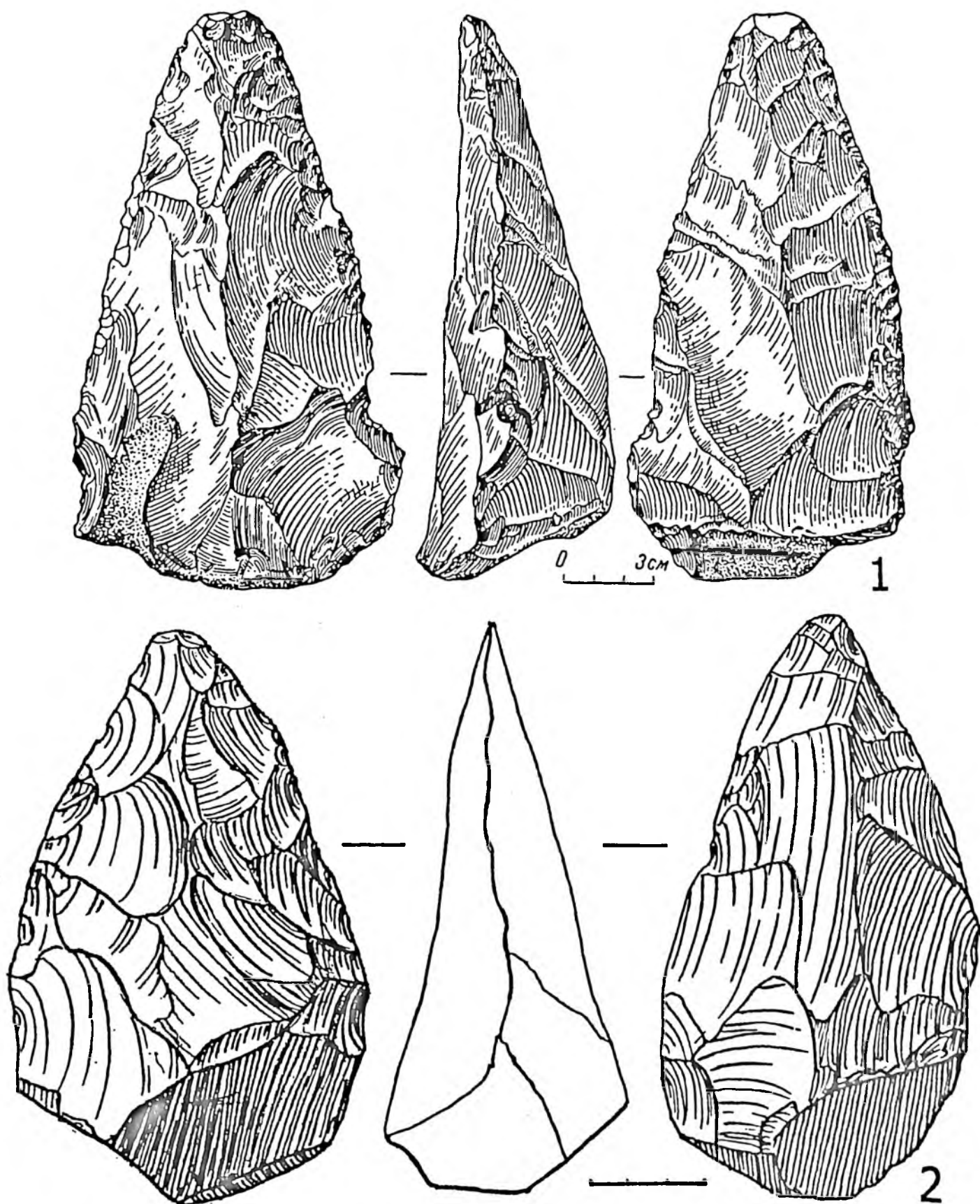

Рис. 124. Яштух (1); Хейвани в Северной Абхазии (2).

Удлиненные ручные рубила с массивными пятками — ланцетовидное (1) и миндалевидное (2)

(1 — [Коробков 1964, рис. 22]; 2 — из коллекции Н. И. Гумилевского)

Fig. 124. Jashtukh (1); Kheivani in North Abkhazia (2). Elongated handaxes with massive butts — lanceolate (1) and amygdaloid (2)

(1 — [Korobkov 1964, fig. 22]; 2 — collection of N. I. Gumilevski)

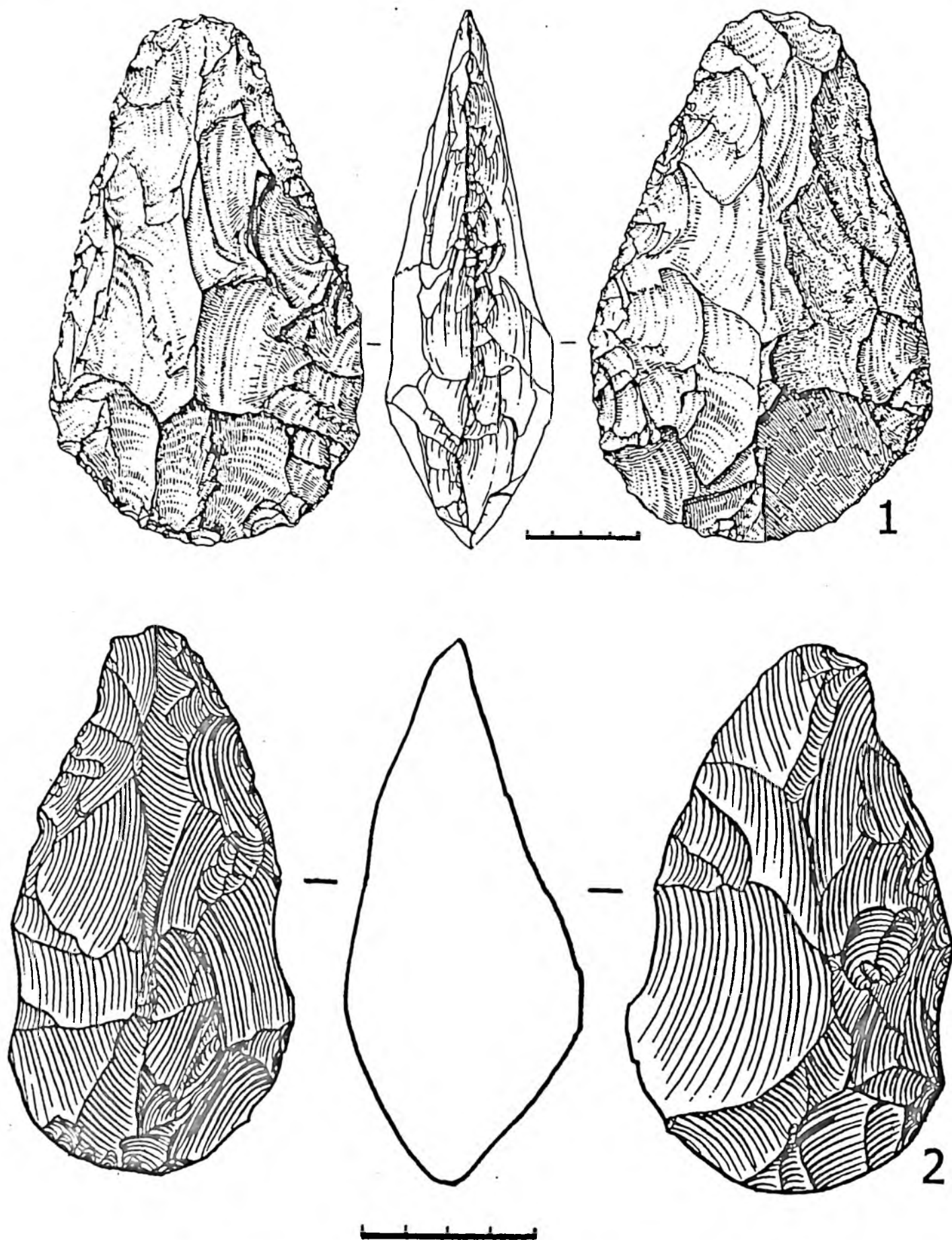

Рис. 125. Кадосшский мыс близ Туапсе (1) и Яштух (2). Миндалевидные ручные рубила
(1 — [Щелинский 1980]; 2 — [Бердзенишвили 1979])

Fig. 125. Kadoshski mys near to Tuapse (1) and Jashtukh (2). Amygdaloid handaxes
(1 — [Shchelinski 1980]; 2 — [Berdzenishvili 1979])

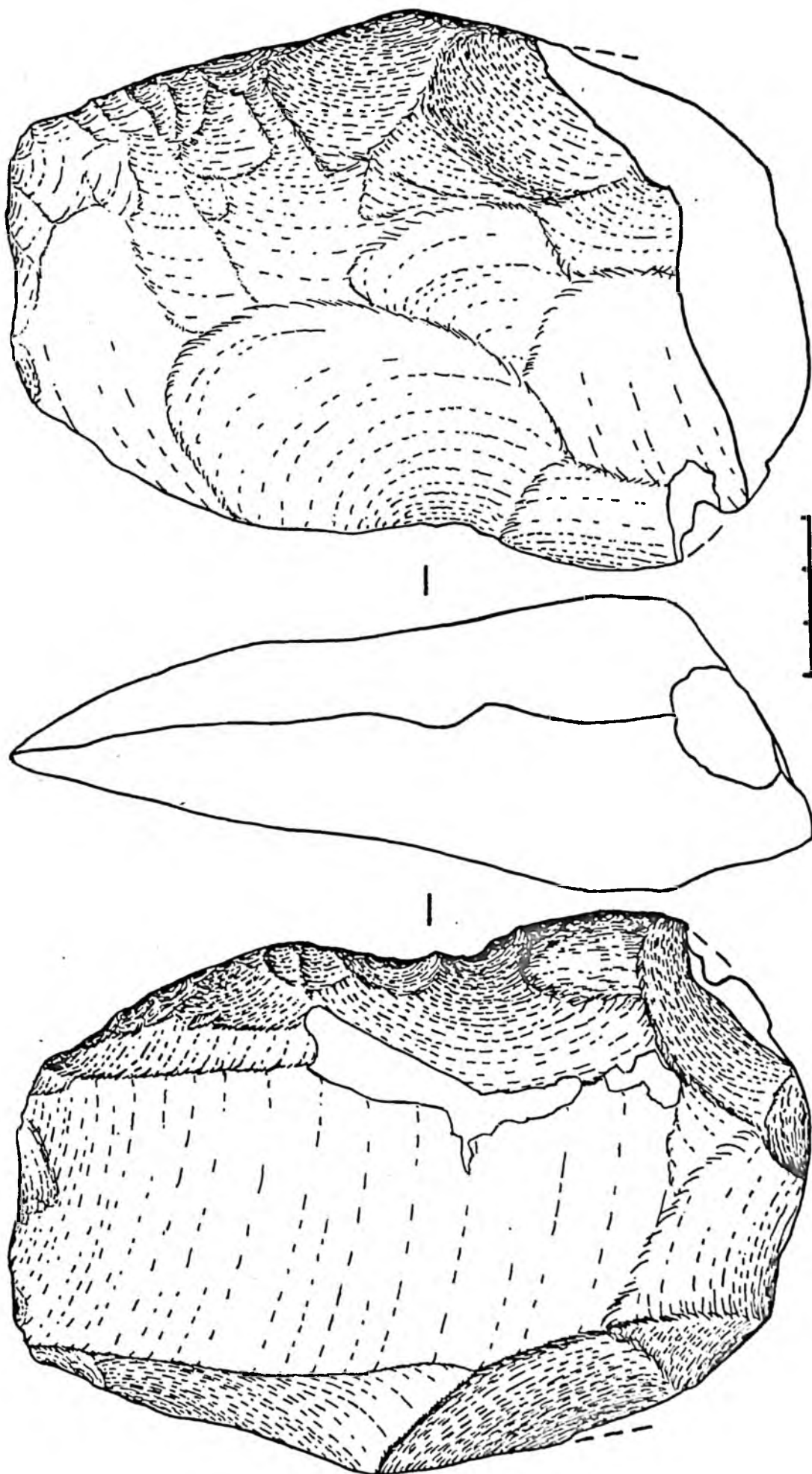

Рис. 126. Ялгук. Кливер из коллекции И. И. Коробкова [Любин 1998, табл. 92: 2]
Fig. 126. Jashukh. Cleaver from collection of I. I. Korobkov [Lioubine 1998, tabl. 92: 2]

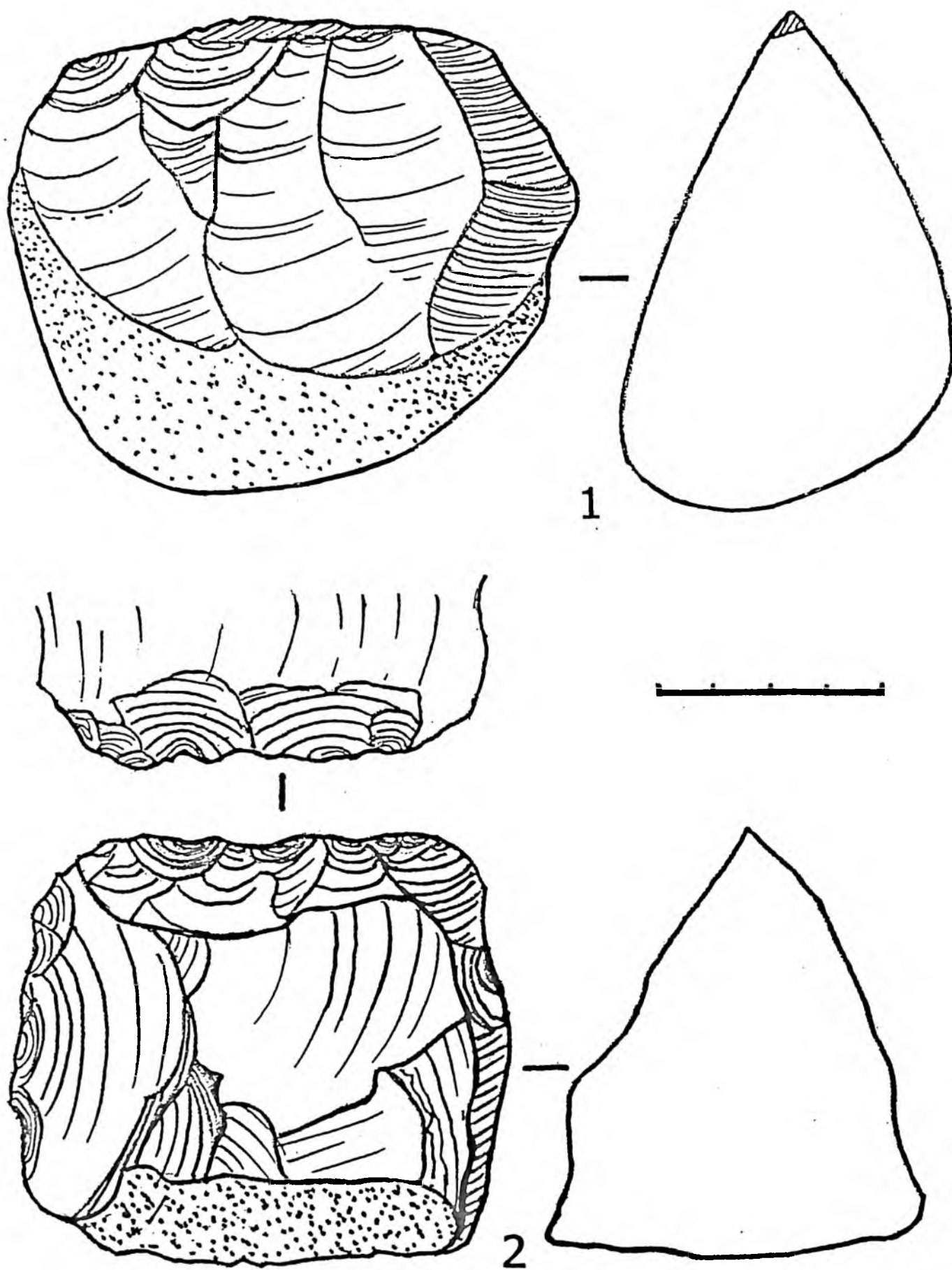

Рис. 127. Яштух. 1 — чоппер (из коллекции С. Н. Замятнина); 2 — чоппинг (из коллекции И. И. Коробкова)
 Fig. 127. Jashtukh. 1 — chopper (collection of С. N. Zamiatnin); 2 — chopping (collection of I. I. Korobkov)

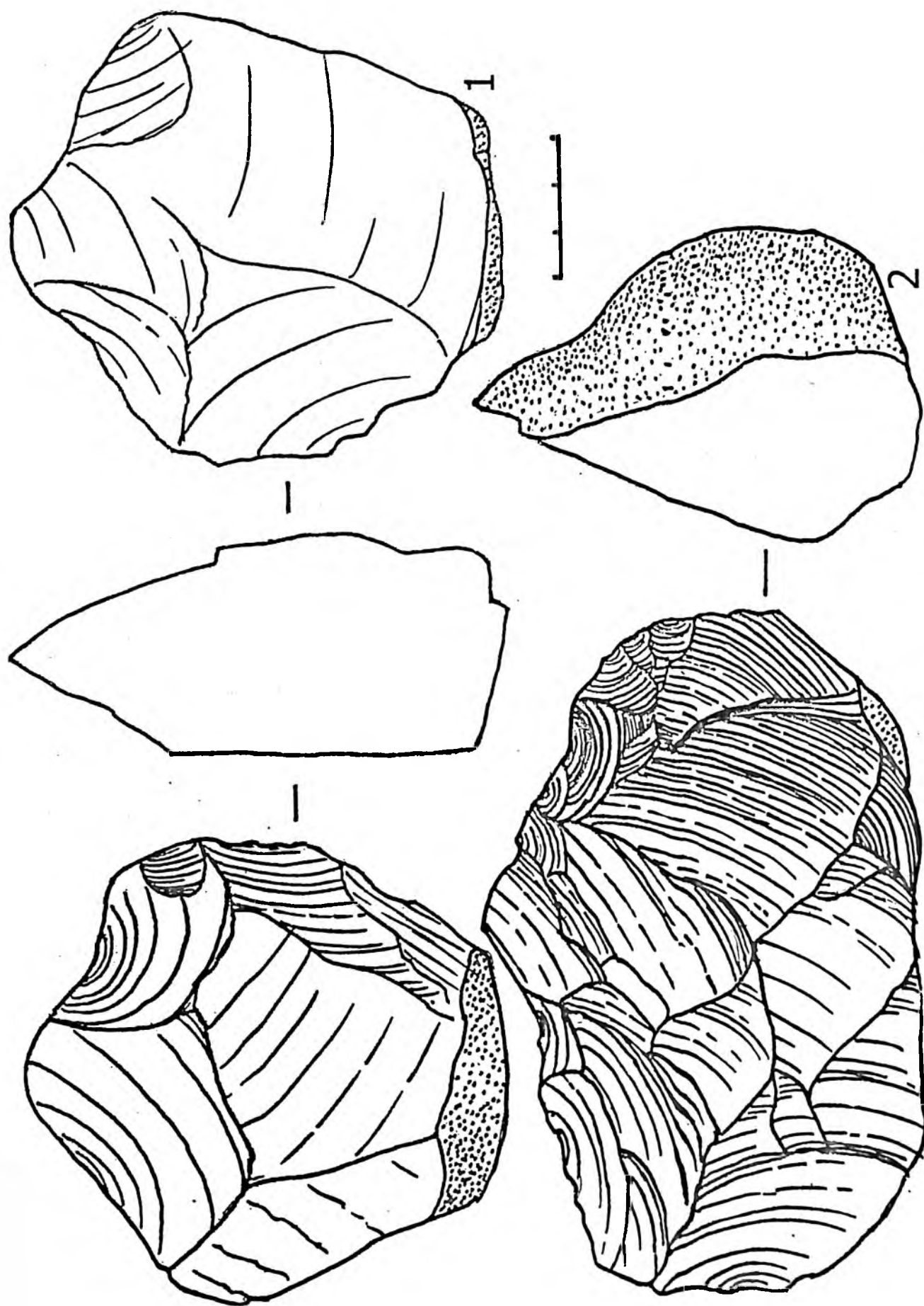

Рис. 128. Яштух. 1 — чоппинг с острием (из коллекции С. Н. Замятина); 2 — чоппер с острием (из коллекции И. И. Коробкова)
 Fig. 128. Jashukh. 1 — pointed chopping (collection of S. N. Zamiatin); 2 — pointed chopper (collection of I. I. Korobkov)

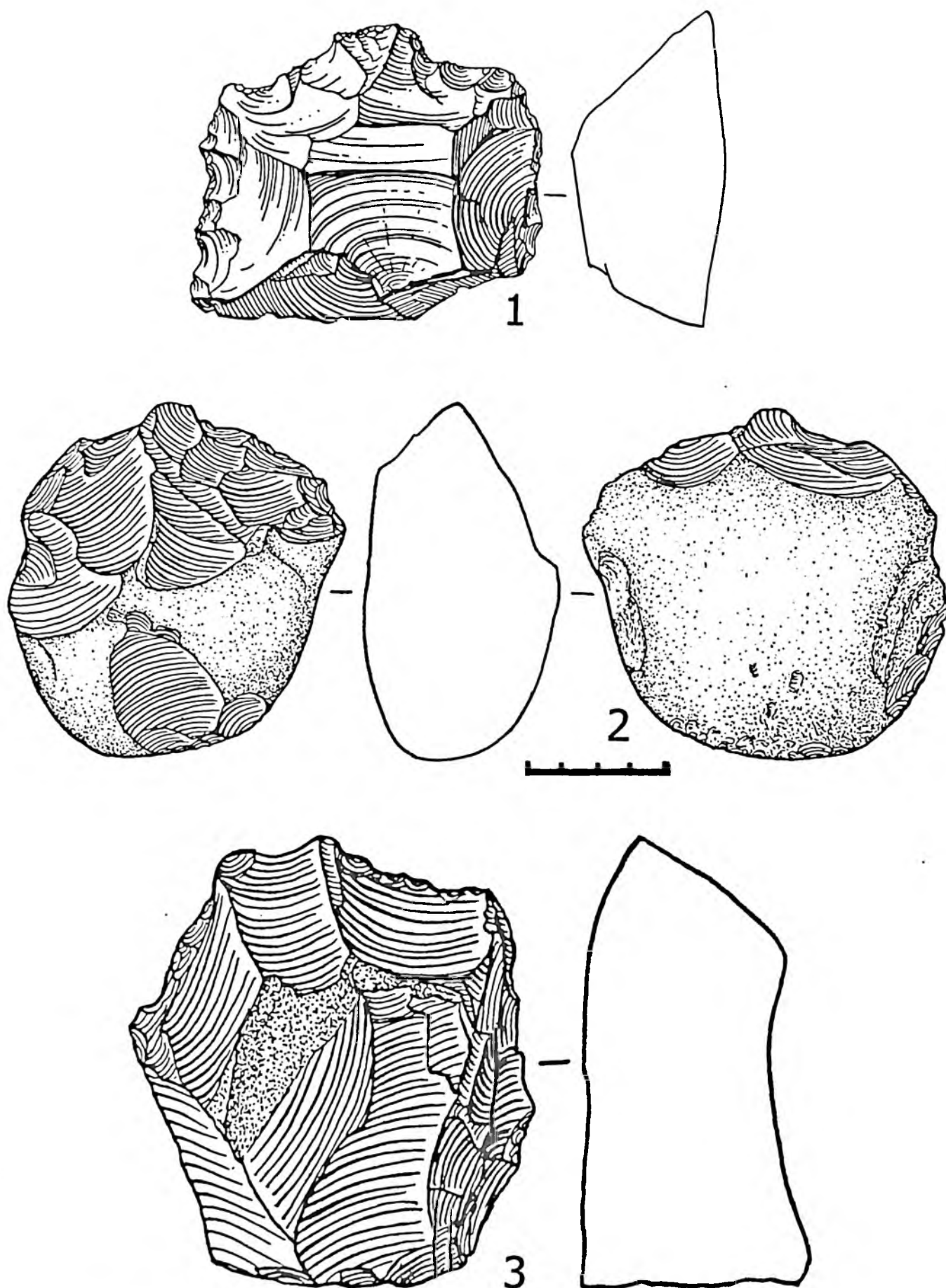

Рис. 129. Яштук. 1 — чоппер с выступающим узким лезвием (из коллекции И. И. Коробкова);

2 — чоппинг с выделенным шипом [Бердзенишвили 1979]; 3 — чоппер [Н. З. Бердзенишвили 1979]

Fig. 129. Jashtukh. 1 — chopper with protruding narrow edge (collection of I. I. Korobkov); 2 — chopping with protruding spine [Berdzenishvili 1979]; 3 — chopper [Berdzenishvili 1979]

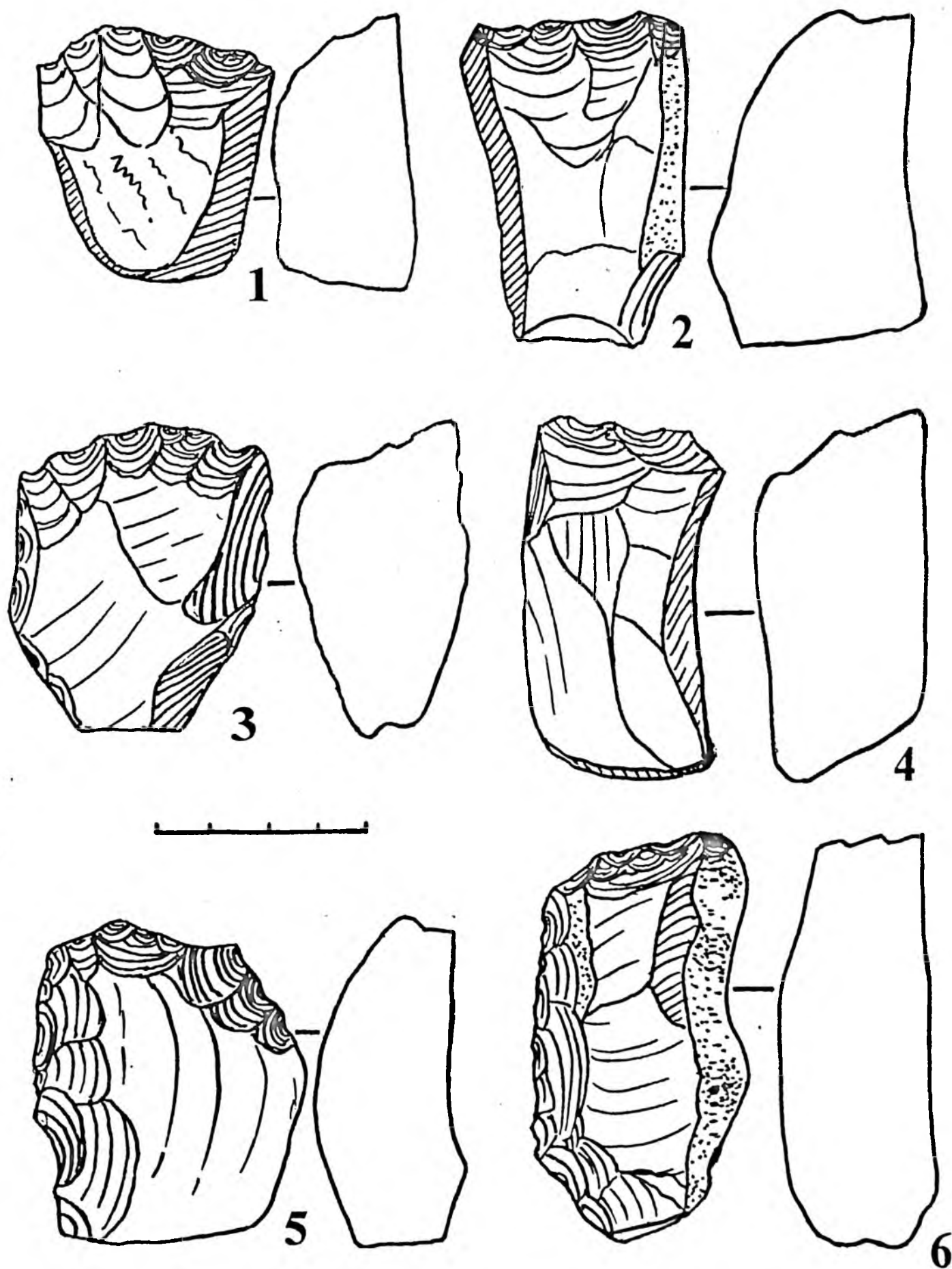

Рис. 130. Яштук. Нуклевидные скребки удлиненно-прямоугольных очертаний (из коллекции С. Н. Замiatина)
 Fig. 130. Jashtukh. Core scrapers of elongated sub-rectangular shapes (from collection of C. N. Zamiatnin)

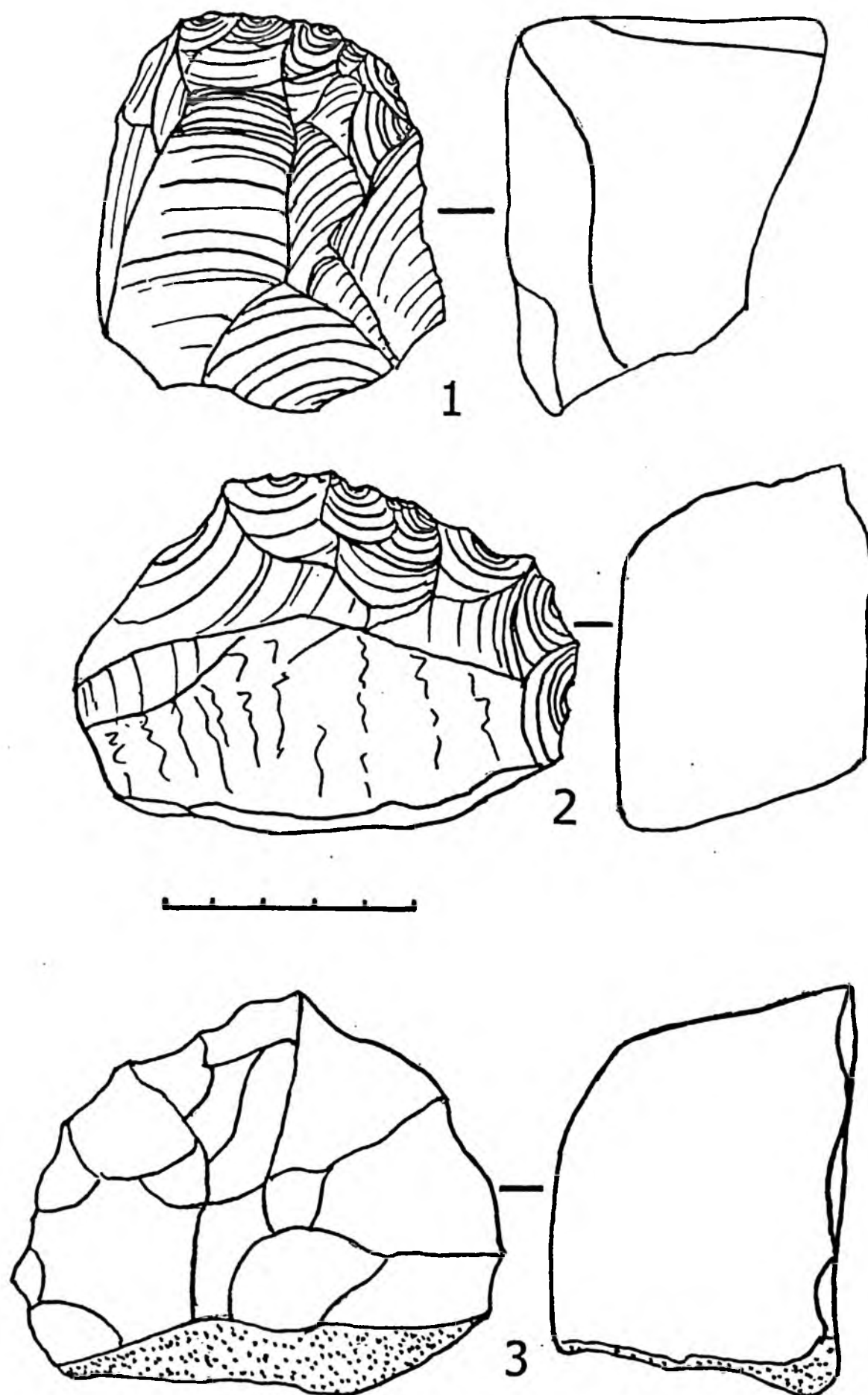

Рис. 131. Яштух. Нуклеидные скребки: 1 — крупный концевой скребок с выпуклым рабочим краем; 2, 3 — крупные поперечные с сильновыпуклым рабочим лезвием, отчасти сходные с чопперами с острием (все из коллекции С. Н. Замятнина)

Fig. 131. Jashtukh. Core scrapers: 1 — large end scraper with convex working edge; 2, 3 — large sides end scrapers with beaked edges partly similar to pointed choppers (all from collection of C. N. Zamiatnin)

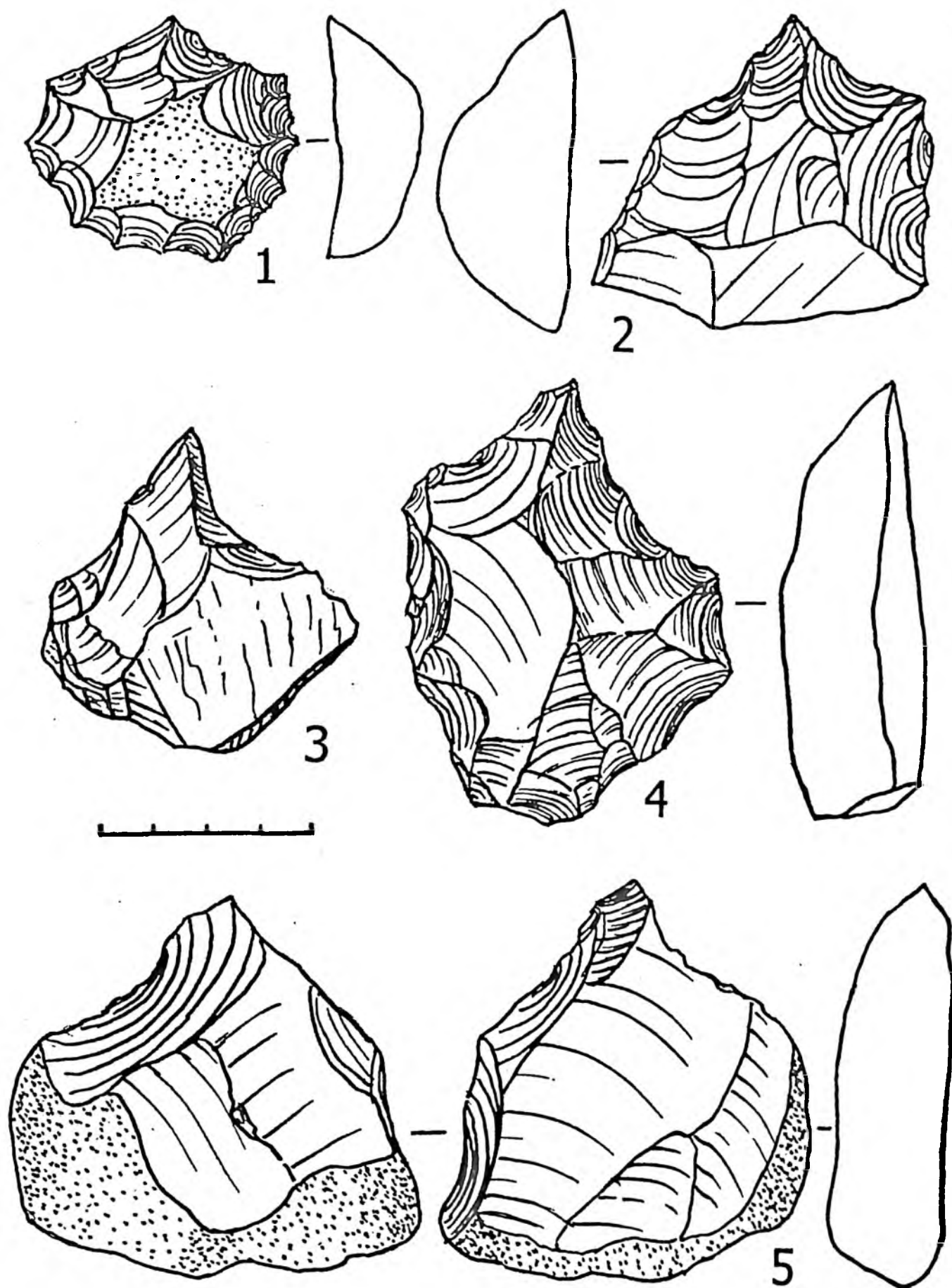

Рис. 132. Яштух. Массивные клювовидные острия (из коллекции С. Н. Замятина).

5 — резцевидный клюв (bec burinant alterne)

Fig. 132. Jashtukh. Massive becs-points (collection of C. N. Zamyatina).

5 — burin-like bec formed by alternate scars (bec burinante alterne)

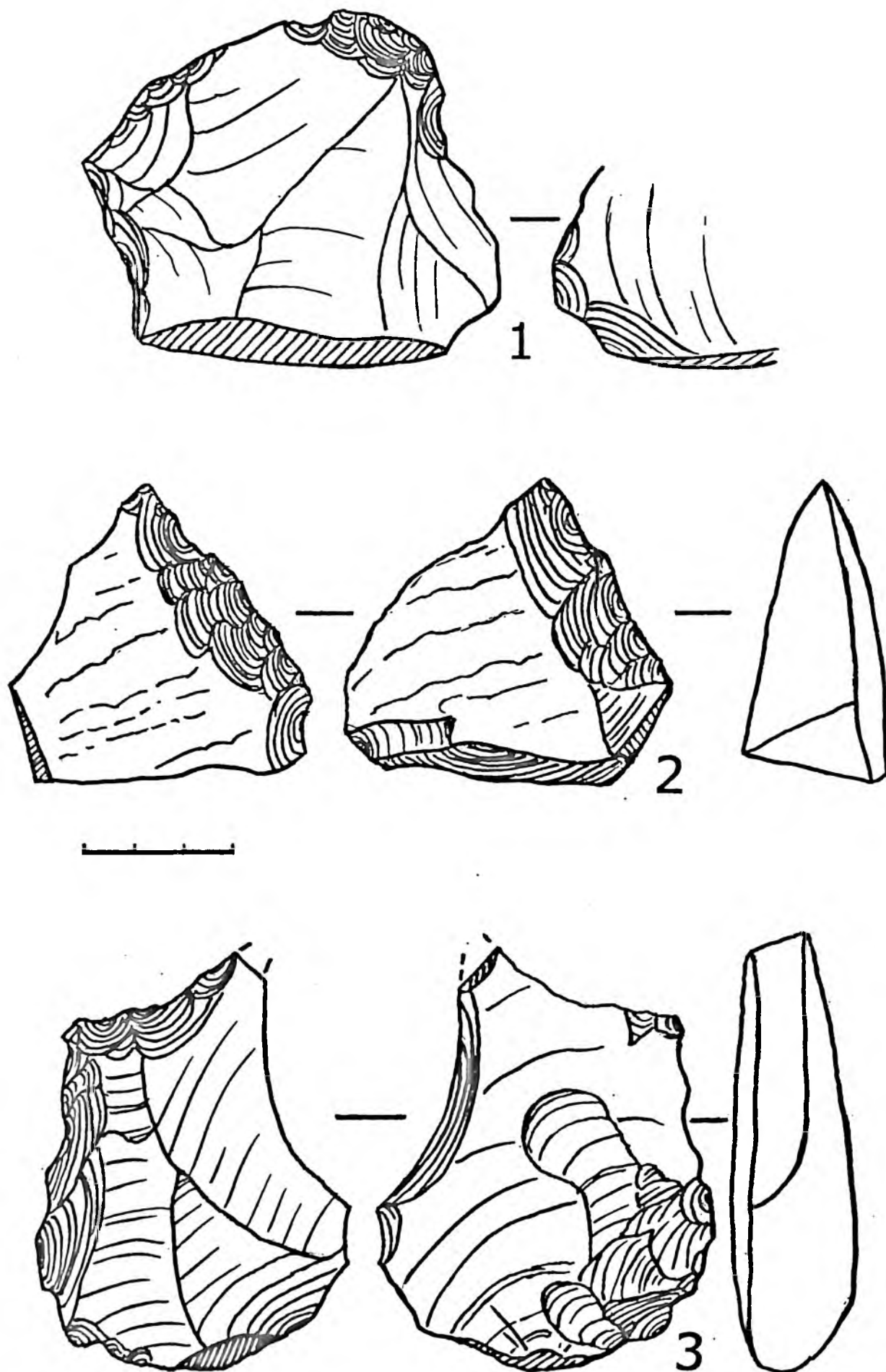

Рис. 133. Яштух. Комбинированные орудия (1 — из коллекции С. Н. Замятина; 2, 3 — из коллекции И. И. Коробкова)
 Fig. 133. Jastukh. Combination tools (1 — from collection of C. N. Zamiatnin; 2, 3 — from collection of I. I. Korobkov)

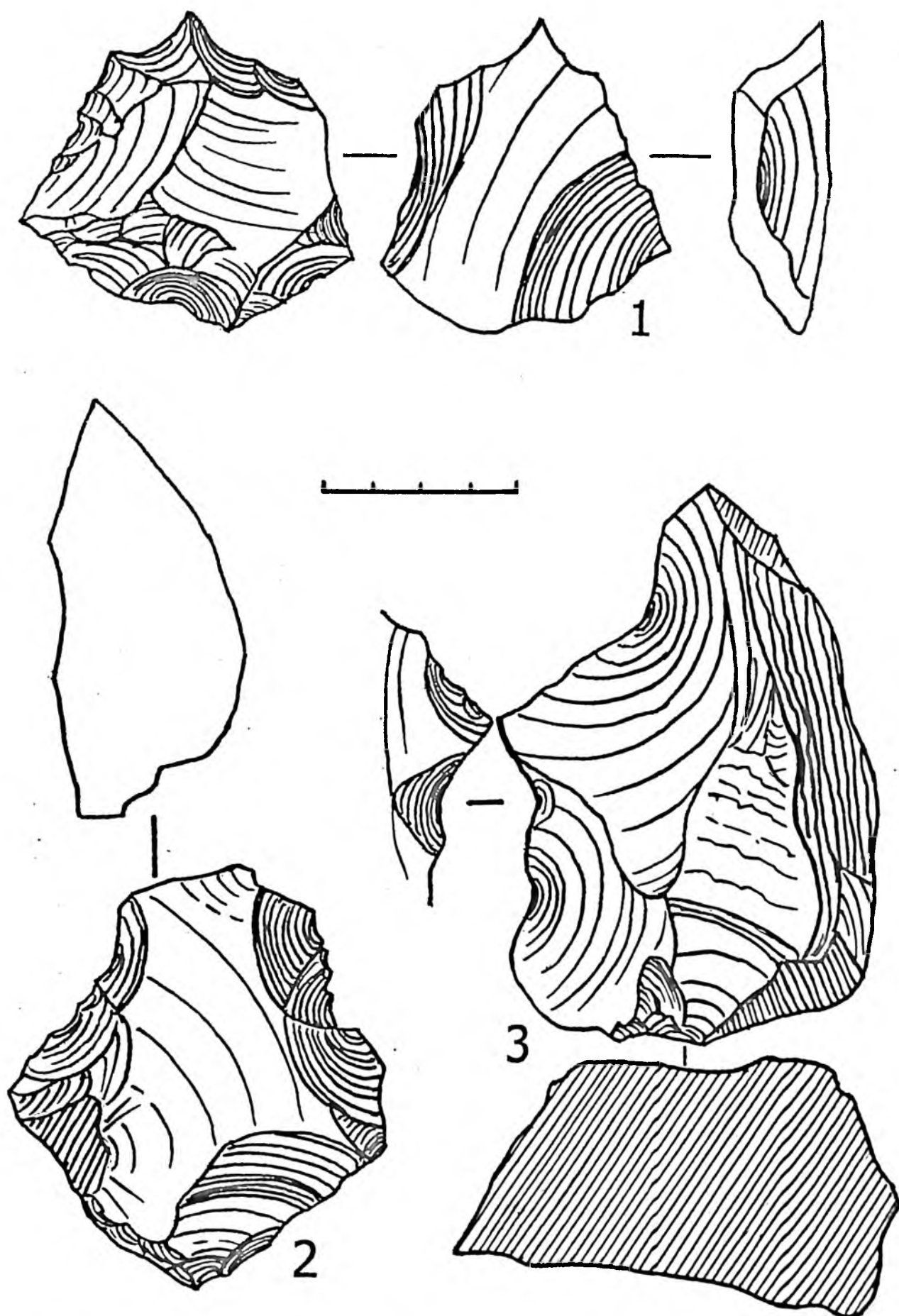

Рис. 134. Яштух. Образцы орудий с рабочими элементами (клювовидные острия (1, 3) и узкие лезвия (2)), выделенными выемками (все из коллекции И. И. Коробкова)

Fig. 134. Jashtukh. Tools with working elements (beaks (1, 2) and narrow edge (2)) isolated by notches (collection of I. I. Korobkov)

5.3. Азыхская пещера

5.3.1. Вводные замечания

В отличие от раздела о Яштухе, данный раздел будет гораздо более коротким, поскольку практически все имеющиеся материалы об этой пещере (история и методика исследования, стратиграфия, палеонтологические свидетельства и пр.) были нами недавно собраны, проанализированы и обобщены в достаточно подробной публикации [Любин 1998: 17—44]. Дополнительные данные будут представлены только по ашельскому каменному инвентарю, с которым нам частично и непосредственно удалось ознакомиться благодаря любезному разрешению А. К. Джафарова во время краткосрочной поездки в Баку в 1998 г.

5.3.2. Азыхская пещерная стоянка: краткий очерк истории исследований и их основные результаты

Пещера расположена близ с. Азых (Гадрутский район Азербайджана) на юго-восточной оконечности Малого Кавказа, в предгорьях Карабахского хребта, на абсолютной высоте 800 м. Основной 200-метровый горизонтальный ход пещеры тянется в виде анфилады из пяти залов и двух входных галерей — северной и южной. В период с 1960 по 1980 г. азербайджанский археолог М. М. Гусейнов полностью раскопал 25-метровую узкую южную галерею и — частично — примыкающий к ней Круглый зал. Он вскрыл 8—14-метровую толщу пещерных отложений, расчленив ее на 10 культурных слоев. Слой III был отнесен М. М. Гусейновым к финальному ашелю — раннему мустье, слой V — к среднему ашелю, слой VI — к аббевиллю — древнему ашелю, слои VII—X — к галечной культуре, которая отличается от «...всех других известных древнейших культур планеты» [Гусейнов 1985]. Методика раскопок пещеры была ниже всякой критики: разборка культурных слоев производилась в основном кирками; вскрытие отложений велось не по литологическим подразделениям (в пятиметровом слое V, например, было от 5 до 7 таких горизонтов) и уровням обитания, а по визуально определенным М. М. Гусейновым «археологическим слоям» большой мощности. Археологические и фаунистические материалы утрачивали, таким образом, свою литолого-стратиграфическую привязку и смешивались. Нет уверенности в том, что результатом «киркования» не было смешение находок не только из разных литологических горизонтов, но и разных «археологических слоев». Планиграфическая фиксация находок не велась вовсе. Соответственно подобной «методике», изданная полевая документация скудна и совершенно неудовлетворительна с точки зрения ее полноты и достоверности.

В слое IX (горизонт 15) выявлена граница палеомагнитных зон нормальной и обратной намагниченности Брюнес-Матуйама, соответствующая 0,73 млн. лет назад. Эта дата, однако, не может рассматриваться как время первичного заселения пещеры человеком, так как

каменные предметы, встреченные в слоях X—VII, не носят признаков искусственной обработки, а мизерные фаунистические остатки едва ли следует оценивать как результаты охотничьей деятельности древнего человека. Более надежны биохронологические показатели и каменная индустрия слоя VI, позволяющая, как кажется, говорить о средней поре среднего плейстоцена. Верхний же ашельский слой V можно датировать поздней порой среднего плейстоцена [Ljubin and Bosinski 1995: 242—244] или даже началом верхнего плейстоцена.

5.3.3. Индустрии ашельских слоев

Индустрия слоя VI

Данные о ней приводятся согласно публикациям М. М. Гусейнова [1985а: 16—20, 33—36; 1985б] и собственным наблюдениям автора, имевшим возможность сделать ряд зарисовок. Слой VI исследовался на площади 125 кв. м. Мощность его колебалась от 1,5 до 0,8—0,9 м. В слое указано наличие 1890 изделий*.

Исходное сырье в данной индустрии: кремнистый сланец (1089), кремнь (790), единично — песчаник, кварцит, базальт, фельзит. В составе коллекции: естественные гальки (37), орудия (427, или 22,6 %), производственные отходы.

Техника расщепления, как представляется, была весьма развитой для индустрии, которую М. М. Гусейнов относит к древнему ашелю. В составе немногочисленных (9) нуклеусов — хорошо выраженные одноплощадочные (2) и дисковидные (7) формы; в составе 1116 сколов — 136 (12,1 %) пластин. Кроме того, значительное число сколов (40—50 %) являются достаточно удлиненными (5—12 см при ширине до 3 см) и тонкими (до 1,5 см). Показатели фасетирования также весьма велики для столь архаичной индустрии: 54,5 % определимых ударных площадок являются гладкими, 31 % — двугранными, 14 % — фасетированными, причем 30 отщепов и пластин имеют тонкофасетированные выпуклые ударные площадки. Некоторые отщепы имели явно леваллуазский облик (рис. 135: 3). Не исключено, однако, что это издержки техники раскопок.

Вторичная обработка речных галек осуществлялась крупными, как правило, снятиями (чопперы, чоппинги, ручные рубила, кливеры), отщепов и пластин — ретушированием, анкошами и фрагментацией (большинство из 82 фрагментированных сколов и пластин расчленено намеренно). Наиболее распространена ретушь краевая, крутая, полукрутая, чешуйчатая, реже — глубокая, ступенчатая, распространенная, в единичных случаях — бифасиальная. Лезвия некоторых скребел (из числа простых, двойных, конвергентных, поперечных) оформлены ретушью субпараллельной, а в двух случаях — параллельной. Применение последней, а также, изредка,

* На самом деле следует полагать, что их было больше: при раскопках с помощью кирок и лопат часть изделий разбивались, повреждались (сильно повреждены, по меньшей мере, 4 ручных рубила, см.: [Любин 1998: рис. 14: 1; 20]), а часть из-за отсутствия промывки уходила в отвал.

техники утончения оснований и обушков орудий (рис. 137: 6, 8), на наш взгляд, равным образом не вяжется с представлением о древнем ашеле.

Типологический состав орудий, как кажется, подтверждает сказанное. Крупные галечные орудия занимают в нем сравнительно скромное место (16 чопперов, 5 чоппингов, 8 ручных рубил; 3 кливера), зато орудия на сколах встречены в большом ассортименте (около 30 разновидностей).

Орудия на сколах. Среди них особенно многочисленны (207) и разнообразны скребла, перечень которых охватывает практически все типы этих орудий, выделенных Ф. Бордом [1961] для более поздних памятников. Среди них преобладают боковые (130, или 62,8 %), однолезвийные (97) и двулезвийные (33), часть которых — простые выпуклые прежде всего — изготовлены на пластинах. Двулезвийные формы со сходящимися лезвиями менее характерны. Конвергентных среди них — 13, угловатых, выраженных серийно, — 20. Отметим также поперечные (21) и брюшковые (15). Остальные типы скребел единичны.

Остроконечники, в отличие от скребел, немногочисленны (7) и атипичны. Они массивны, имеют зубчатые лезвия, напоминая тейякские острия. Более характерны лимасы (6), оформленные распространенной ретушью. Группа зубчатых изделий разделена на собственно зубчатые орудия (18) и «режущие орудия с зубчатыми краями» (44), третья часть которых являются двулезвийными. Выемчатые орудия представлены 15 экз. Клектонские формы среди них единичны.

В группе орудий, относимых обычно к верхнепалеолитическим, выделены скребки (24), проколки (4), ножи типичные (1), при этом 2 скребка охарактеризованы как «скребки мустьерского типа», изготовленные из пластин с помощью тонкой ретуши [Гусейнов 1985а: 20].

М. М. Гусейнов, к сожалению, не опубликовал образцы наиболее показательных орудий на отщепах. Среди скребел при нашем просмотре коллекции были отмечены как более крупные и массивные одинарные боковые, иногда с обушком — напоминающие кударские орудия такого типа (рис. 136: 2, 4), так и двойные — боковые, конвергентные (рис. 135: 5, 8) и угловатые (рис. 135: 4, 6, 7, 9), нередко похожие на массивные мустьерские формы. Массивность характерна также для встреченных здесь 6 тройных скребел (рис. 136: 1), 6 лимасов (рис. 135: 1) и 4—5 «высоких остроконечников» (*pointes surelevées*) (рис. 135: 2). Среди десятка скребков имеются как плоские, включая плечиковые (рис. 137: 3), так и массивные образцы (рис. 137: 1, 2, 4). Ключовидные орудия единичны (рис. 137: 7).

Макроорудия. Крупные галечные орудия, как отмечает М. М. Гусейнов [1985б], в индустрии этого слоя немногочисленны: они составляют лишь 7,44 % от общего числа орудий (31 предмет из 417). В их составе были зафиксированы чопперы, чоппинги, ручные рубила и кливеры. На самом деле, как уже говорилось, их было, по всей видимости, несколько больше: часть могла уйти в отвал, а часть, как показало наше ознакомление с коллекцией, не были выделены изначально. Тако-

вы крупные нуклевидные скребки (*heavy duty scrapers*), атипичные, в основном частичные бифасы и орудие типа *rostro-carene*.

Чопперы (16) и чоппинги (5) — в основном изготовлялись из галек. Размеры их колебались от 12,5×7,0 × 2,5 см до 6,0×4,5×2,5 см. Для их изготовления, как и в ашеле Яштуха и Кударо, подбирались уплощенные гальки, одна или две (чоппинги) стороны которых подвергались оббивке, формировавшей лезвия этих орудий. Формы этих орудий здесь довольно разнообразны: есть с прямым дистальным рабочим краем, с резко выделенным острием, с двумя смежными лезвиями — боковым и дистальным, с лезвием по всему периметру орудия, кроме пятки [Любин 1998: рис. 12: 1, 2, 4; 13: 5].

Кливеры (3 экз.). Судя по рисункам М. М. Гусейнова, они не являются ни типичными *unifacial* кливерами на отщепах, ни бифасиальными формами такого рода с необработанным дистальным рабочим краем. В Азыхе они имеют вид атипичных, весьма примитивных кливероподобных орудий. Один из них изготовлен на удлиненной плоской гальке, значительная часть гладкой поверхности которой сохранилась на обеих сторонах орудия. Поперечное лезвие его образовано пересечением такой галечной поверхности на одной стороне и крупного скошенного снятия на другой [Любин 1998: рис. 12: 2]. Второе орудие, изготовленное на плитчатом куске породы, похоже на бифас с поперечным лезвием (*bifacial à biseau transversal* или *cleaver-biface* по Ф. Борду), имеющий почти сплошную бифасиальную оббивку и дистальный поперечный край, образованный пересечением двух радиальных снятий с одной стороны предмета и снятий вдоль его длинной оси с другой стороны. Основание и один из продольных краев этого орудия образованы обломами. Третий экземпляр — миниатюрный — относится к такому же типу. Оформлен он, как кажется, на расколоте гальке.

Ручные рубила (8 экз.). М. М. Гусейнов выделил среди них овальные (3), миндалевидные (2), ланцетовидное (1), округло-овальное (1) и нуклевидное (1), но опубликовал только два наиболее крупных и грубых образца [Гусейнов 1985а: рис. 11з,]. Еще два рубила, одно из которых было разбито и склеено из обломков, были опубликованы нами [Любин 1998: рис. 14; 15]. Наиболее архаично выглядит крупное массивное (миндалевидное) ручное рубило. Оформлено оно минимальным количеством широких снятий и — кое-где — скудной ретушной подправкой. Снятия располагаются по всему периметру орудия, не выпрямляя, однако, его продольных лезвий. Второй экземпляр приводимого М. М. Гусейновым примитивного рубила — частичное, овальное, изготовленное на крупном первичном отщепе или на расколоте гальке и оформленное лишь краевыми снятиями типа крупных клектонских выемок. Галечная поверхность сохранилась лишь на пятке и одной из сторон. Орудие, возможно, не закончено обработкой, но дистальное ключовидное острие четко выделено анкошами. Размеры его — 13,4×10,0×5,4 см [Гусейнов 1985б; Любин 1998: рис. 15: 3].

Приводим, наконец, недавно сделанные нами в Баку зарисовки 4 из 8 выделенных нами заметно менее арха-

ичных небольших рубил (рис. 138: 4) и рубилец (рис. 138: 1—3) — частичных и атипичных. Изготовлены они из сланцевых или песчанниковых отщепов или остаточных ядрищ и имеют разные размеры. Максимальная толщина пяти из них колеблется в пределах 2,5—3,7 см, двух других — 1,7—1,8 см, а еще один (поддисквидный) достигает толщины 4,1 см. Утолщенные основания имеют только 2 предмета. Ретушная отделка носит, как правило, только краевой характер. Очертания этих рубил — удлиненно-подпрямоугольные (рис. 138: 3, 4), поддисквидные (рис. 138: 1), овальные и подтреугольные (рис. 138: 2). Продольные лезвия их выпрямлены лучше, чем у бифасов, рассмотренных выше. Семь из этих восьми предметов (исключение — подтреугольный экземпляр) отличаются закругленными дистальными концами. Широкие закругленные и слабо-выпуклые дистальные концы нескольких подпрямоугольных экземпляров придают им сходство с бифасами, имеющими поперечное лезвие (рис. 138: 3, 4).

Примечательно, что серии подобных небольших, как правило, атипичных бифасов, изготовленных из сходного сырья, имеются в ашельском инвентаре как пещеры Кударо I, так и Цонской пещеры в Юго-Осетии. В Кударской индустрии, как было показано ранее в посвященном ей разделе, они в большинстве своем изготавливались из тонкослоистого (листоватого) хрупкого сланца и отличались двоякопослойным сечением и мелкими размерами.

Нуклевидные скребки (core duty scrapers) — 12—13 экз. Орудия эти не выделялись М. М. Гусейновым. Между тем это одна из наиболее характерных форм кавказского ашеля: они представлены в инвентаре всех крупных памятников с сохранившимся (Кударо I) или разрушенным (Яштух, Абадзехская) культурным слоем. Форма эта весьма вариабельна. Азыхские орудия этого типа изготавливались на гальках или сколотых с них крупных отщепах. Их отличает крутая (90—70°) ретушная оббивка не только дистальных рабочих краев, но и продольных лезвий. Пятки, однако, и горбовидные верхние поверхности сохраняют галечную корку (рис. 139: 3—6). Впрочем, у двух экземпляров корка, напротив, оставлена на нижних плоских поверхностях (рис. 139: 1, 2). Орудия имеют удлиненно-подчетыреугольные или подтреугольные очертания. Длина и толщина их сравнительно устойчива: соответственно, 6,5—8,0 см и 3,0—4,5 см. Ширина же колеблется в более широких пределах — от 4,0 см у узких экземпляров (рис. 139: 6) до 7,0 см у широких. Дистальные рабочие края варьируют от округлых — широких (рис. 139: 3) или ограниченных анкошем (рис. 139: 5) — до в той или иной степени зауженных и даже приостренных (рис. 139: 1, 2, 4, 6).

Орудие типа ростро-ладьевидных (rostro-carene). Орудие, изображенное на рис. 139: 7, обрабатывали в общем таким же образом, как и нуклевидные скребки, но оно более крупное и удлиненное (14,0×7,0×3,2 см) и корпус его резко сужается к заостренному дистальному концу. Орудие это, как кажется, можно рассматривать как унифас или как поздний дериват уплощенных ладьевидных форм.

Индустрия слоя V

Общая характеристика. Индустрия не представляет собой единого, гомогенного комплекса, так как «археологический слой» М. М. Гусейнова, как отмечалось, состоит из 5—7 различных, иногда разделенных следами эрозии, литологических горизонтов. Эпизоды пребывания в пещере людей в периоды накопления этого слоя явно перемежались с большими или меньшими периодами ее запустения. Об этом свидетельствует ничтожное количество находок, сделанных в этом 5-метровом слое: 289 предметов* из раскопа размерами около 200 кв. м [Любин 1998]. Слой V, как справедливо отмечает Е. В. Беляева [1996: 42, 43, 46], является, очевидно, серией небольших стоянок (кратковременных лагерей?), различающихся не только по возрасту, но и, возможно, по длительности проживания, специализации и т. п.

Следы разрозненных визитов в пещеру ашельских людей фиксируют, по данным М. М. Гусейнова, находки 19 макроорудий, 39 орудий на отщепах, 13 нуклеусов и нуклевидных обломков, 2 отбойников и 204 отщепов и пластин. В отличие от слоя VI, здесь возрастает употребление кремня за счет сокращения использования кремнистого сланца и появляются единичные изделия из андезита и обсидиана. Более высокий уровень расщепления камня нашел отражение в появлении односторонних двухплощадочных нуклеусов со встречным скалыванием (рис. 140: 8), в росте количества фасетированных ударных площадок (18,8 %) и пластин (17,6 %), в увеличении доли леваллуазских сколов. Заметны изменения и в составе орудий: здесь отсутствуют крупные нуклевидные скребки, лимасы, высокие остроконечники, угловатые скребла, подобные таковым в слое VI, и частичные атипичные бифасы. Зато появляются некоторые более совершенные формы орудий на отщепах и макроорудий.

Орудия на отщепах (26 скребел, 2 остроконечника, 4 скребка, 3 ножа, 3 зубчатых и 1 долотовидное орудие). Основные образцы этих орудий уже были опубликованы [Гусейнов 1985а: рис. 12: 1—11; Любин 1998: рис. 16—19]. Наибольший интерес представляют, разумеется, наиболее развитые формы из числа опубликованных ранее и из дополнительно отмеченных нами во время последней поездки и работы с коллекцией в Баку. К таковым можно отнести прежде всего остроконечники мустьерского облика (рис. 140: 2, 3), боковые скребла с утонченным обушком (рис. 137: 8), скребла с лицевым и брюшковым утончением основания (рис. 137: 6; 140: 4), последнее из которых сделано из обсидиана (рис. 140: 4), скребла четырехлезвийные, трехлезвийные (racloir-triple) (рис. 140: 1) и конвергентные и угловатые (рис. 140: 5, 6). Некоторые из этих орудий оформлены на весьма тонких (0,7—0,9 см) леваллуазских заготовках.

Макроорудия (12 чопперов и чоппингов, кливер и 7 рубил). Частично они сохраняют примитивный облик (рис. 140: 7), но появляются и более совершенные об-

* Следует учесть, правда, что это количество могло быть несколько занижено из-за дефектной методики раскопок.

разцы. Привлекают внимание два боковых чоппинга с массивными пятками. Одна сторона их подверглась интенсивной оббивке плоскими сколами полностью, а вторая — частично. Местами на их выпуклых лезвиях наблюдается ретушная подправка. Кливер является на самом деле двусторонне оббитым орудием с поперечным лезвием. Наиболее развитые формы рубил представлены тремя образцами. Первый — это крупное (14,4×7,1×4,0 см) ланцетовидное рубило с тщательно подправленным острием, прямыми лезвиями и тяжелой пяткой. К сожалению, оно было буквально изрешечено ударами кирки. Два других — также ланцетовидных и известных нам только по фотографии одной из сторон — тоже повреждены и потому, видимо, М. М. Гусейновым вообще не публиковались. Между тем они поражают редкой зауженностью и удлинённостью своих корпусов, что мало свойственно бифасам Кавказа. Известные параллели этим бифасам можно найти только на ашельских местонахождениях Закубанья и Яштуха в Абхазии [Любин 1998: рис. 92: 2, 3; 98: 2]. Длина каждого превышает 16 см, максимальная ширина — 7 см. Определенный интерес, наконец, представляет крупный фрагмент массивного миндалевидного бифаса, расколотого вдоль еще в древности.

5.3.4. Заключение

Материалы обоих выделенных М. М. Гусейновым «ашельских слоев V и VI» Азыха не имеют строгой стратиграфической привязки. Полнота и чистота этих комплексов вызывает поэтому серьезные сомнения. Оба «слоя» не являются, конечно, едиными ни в литологическом, ни в культурном отношении. Литологические и климато-стратиграфические подразделения и границы слоя VI, к примеру, описанные палеогеографами [Величко и др. 1980: 23—26] и палинологами [Зеликсон,

Губонина 1985: 37—45], не совпадают с таковыми у М. М. Гусейнова. Эти исследователи включают в пределы слоя VI и низы слоя V [Любин 1998: 21—22], что объясняет, возможно, озадачивающее сочетание в инвентаре слоя VI архаичных макроорудий с довольно развитыми формами орудий на отщепах.

По обилию орудий на отщепах ашельский ансамбль слоя VI пещеры Азых напоминает ашельский ансамбль пещеры Кударо I (соответственно, 88 % и 90 % всех орудий). Привлекает внимание и близость некоторых качественных показателей: многочисленность скребел (48,7 % от всех орудий в Азыхе и 38,9 % — в Кударо I), среди которых доминируют однолезвийные, наличие крупных нуклевидных скребков, частичных и атипичных ручных рубил, лимасов. В то же время, ашельские материалы Азыха, на наш взгляд, имеют более развитый облик, если судить по технике первичной и вторичной обработки камня. Так, индекс пластин здесь достигает 12,1 % (в Кударо I — около 4 %), индекс фасетированных площадок — 14 %. Во вторичной обработке реже использовались выемки, в особенности клетонские, но чаще применялась ретушь более крутая чешуйчатая, иногда субпараллельная. Состав орудий на отщепах близок кударскому, но удельный вес скребков и выемчатых орудий меньше, клювовидные и комбинированные изделия единичны, листовидные формы отсутствуют. Различия эти можно объяснять и хронологическими причинами, и вариативностью близких по времени индустрий — как культурной, так и связанной отчасти, вероятно, с использованием в Азыхе в основном более качественного и разнообразного сырья. Однако приведенные данные позволяют, на наш взгляд, изменить атрибуцию ансамбля слоя VI Азыха, переместив его из ашеля древнего, по меньшей мере, в поздний средний ашель.

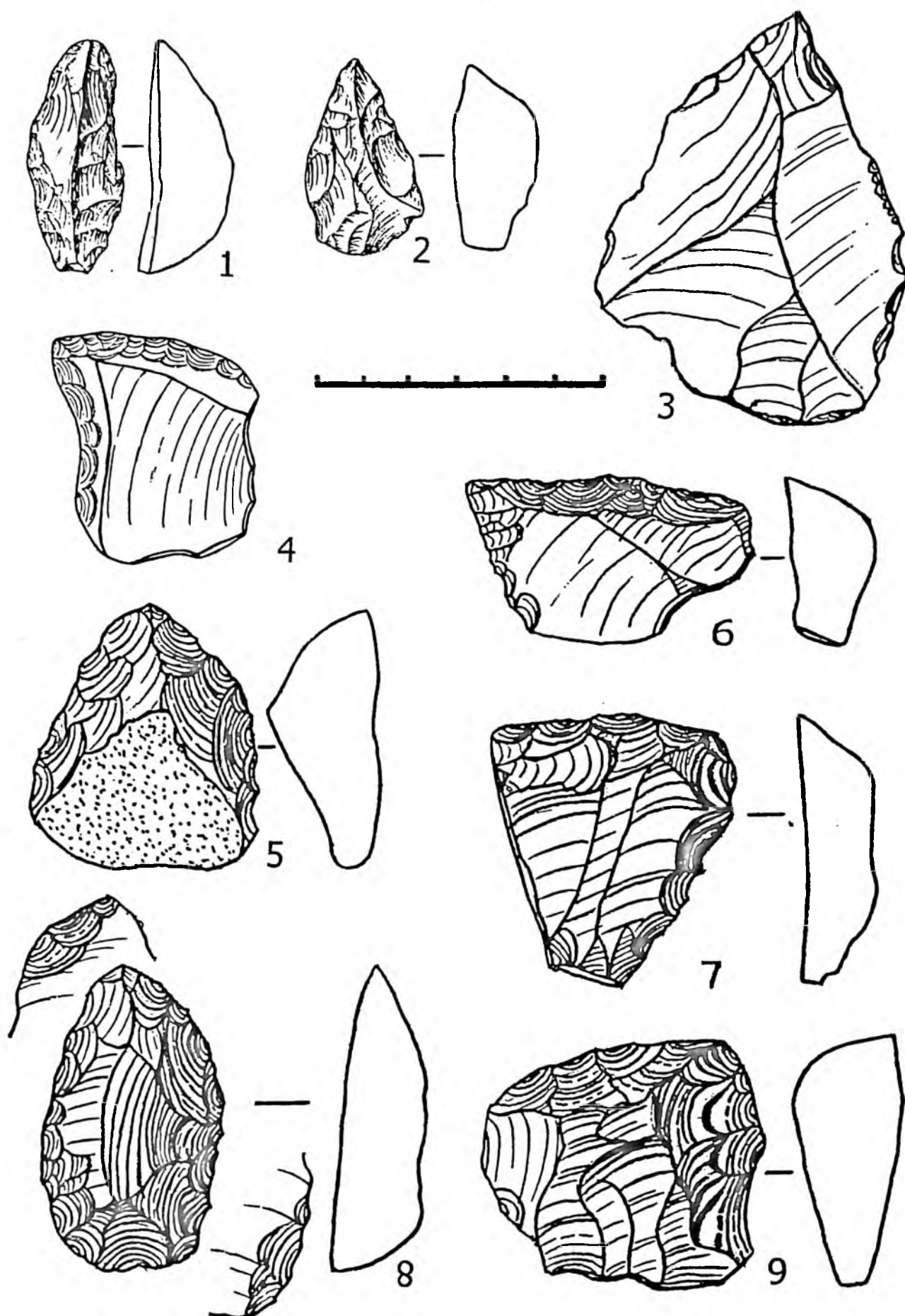

Рис. 135. Азых. Слой VI. 1 — лимас; 2 — остроконечник высокой формы (pointe surelevée); 3 — леваллуазский отщеп; 4, 6, 7, 9 — угловатые скребла; 5, 8 — конвергентные скребла

Fig. 135. Azykh Cave. Layer VI. 1 — limace; 2 — massive point with abrupt retouch (pointe surelevée); 3 — Levallois flake; 4, 6, 7, 9 — dejet scrapers; 5, 8 — convergent scrapers

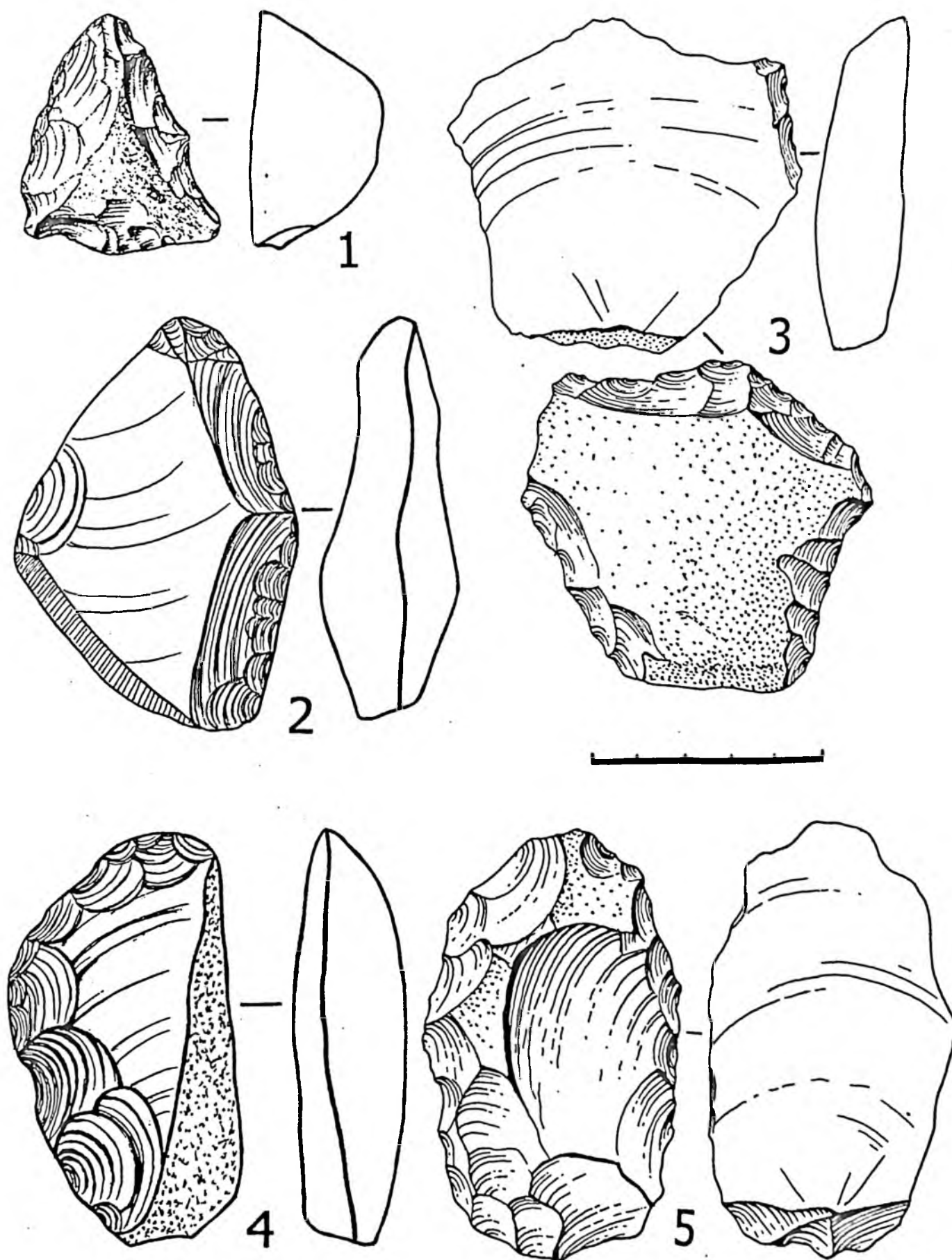

Рис. 136. Азых. 1, 2, 3 — слой VI; 3, 5 — слой V. 1 — высокое тройное скребло; 2, 4 — боковые скребла; 3 — четырехлезвийное скребло; 5 — конвергентное скребло

Fig. 136. Azykh Cave. 1, 2, 3 — Layer VI; 3, 5 — Layer V. 1 — massive three-edged scraper with abrupt retouch; 2, 4 — side scrapers; 3 — four-edged scraper; 5 — convergent scraper

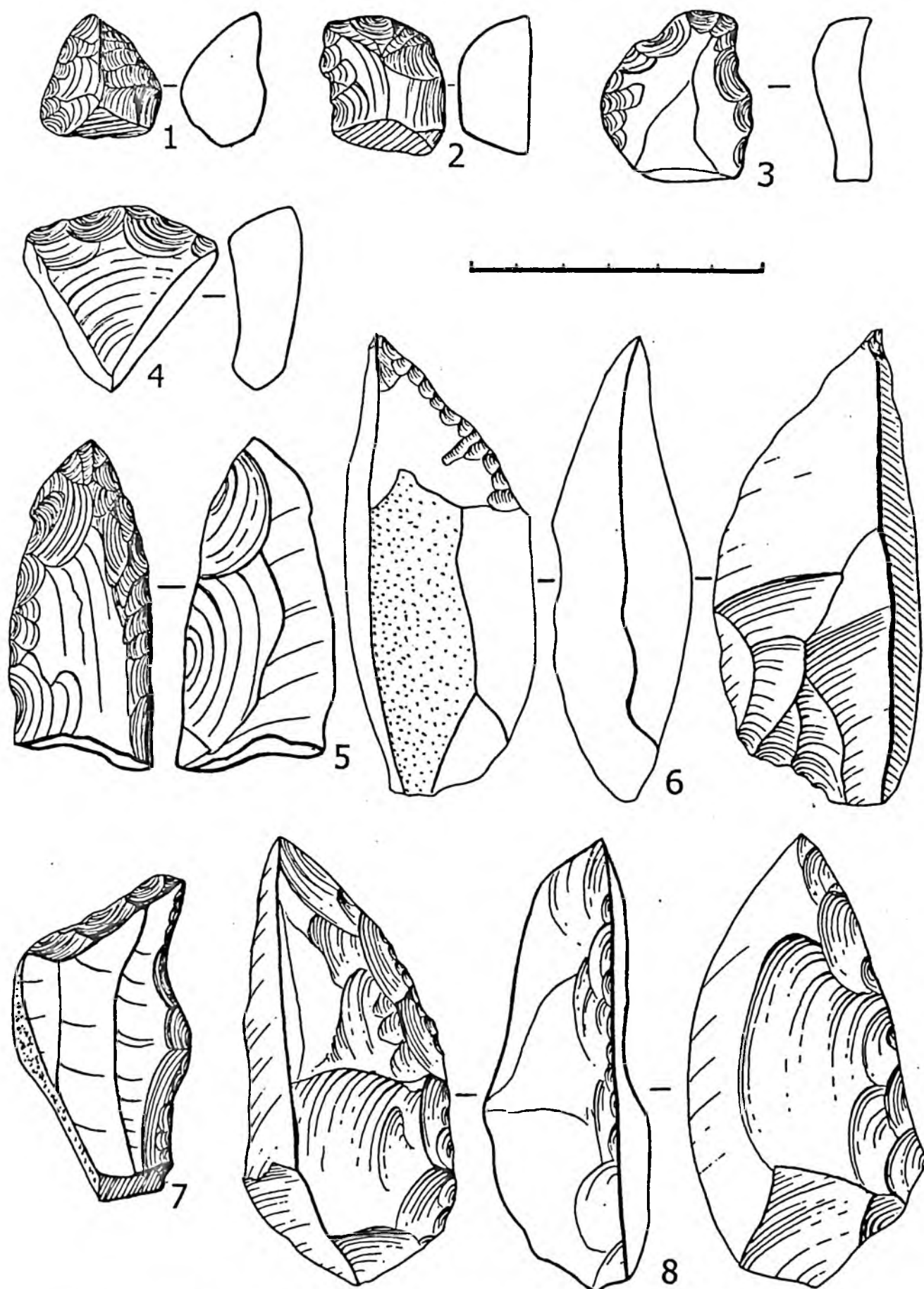

Рис. 137. Азых. 1—4, 7 — слой VI; 5, 6, 8 — слой V. 1—4 — скребки (3 — двуплечиковый); 5, 6, 8 — скребла (5 — конвергентное, 6, 8 — боковые с обушком); 7 — клювовидное орудие

Fig. 137. Azykh Cave. 1—4, 7 — Layer VI; 5, 6, 8 — Layer V. 1—4 — end scrapers (3 — double-shouldered); 5, 6, 8 — scrapers (5 — convergent, 6, 8 — backed single lateral); 7 — bec

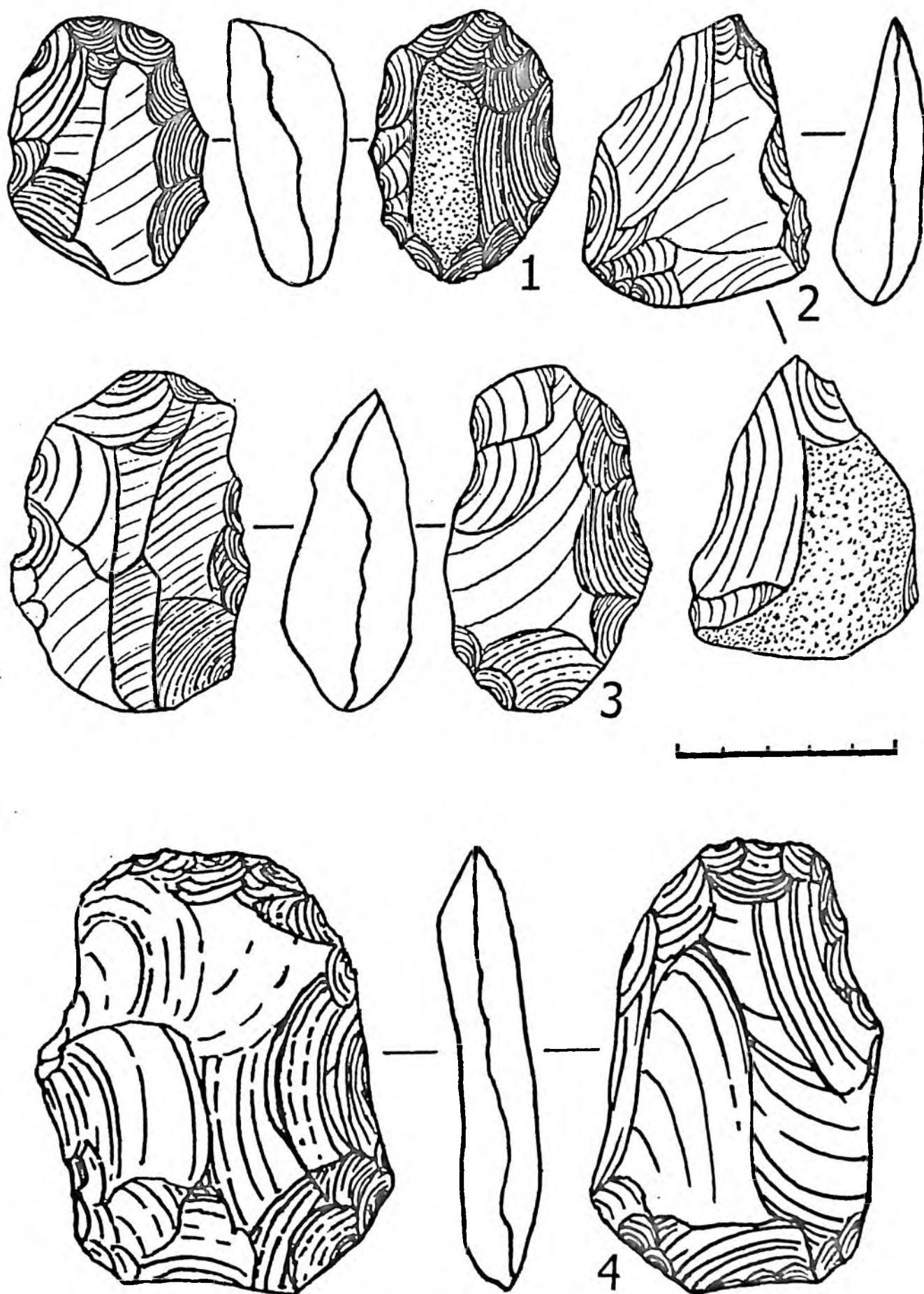

Рис. 138. Азых. Слой VI. Атипичные частичные бифасы: рубильца (1—3) и небольшое рубило с поперечным лезвием (4)
 Fig. 138. Azykh Cave. Layer VI. Atypical partial bifaces: small handaxes (1—3) and medium-sized handaxe with transverse cutting edge (4)

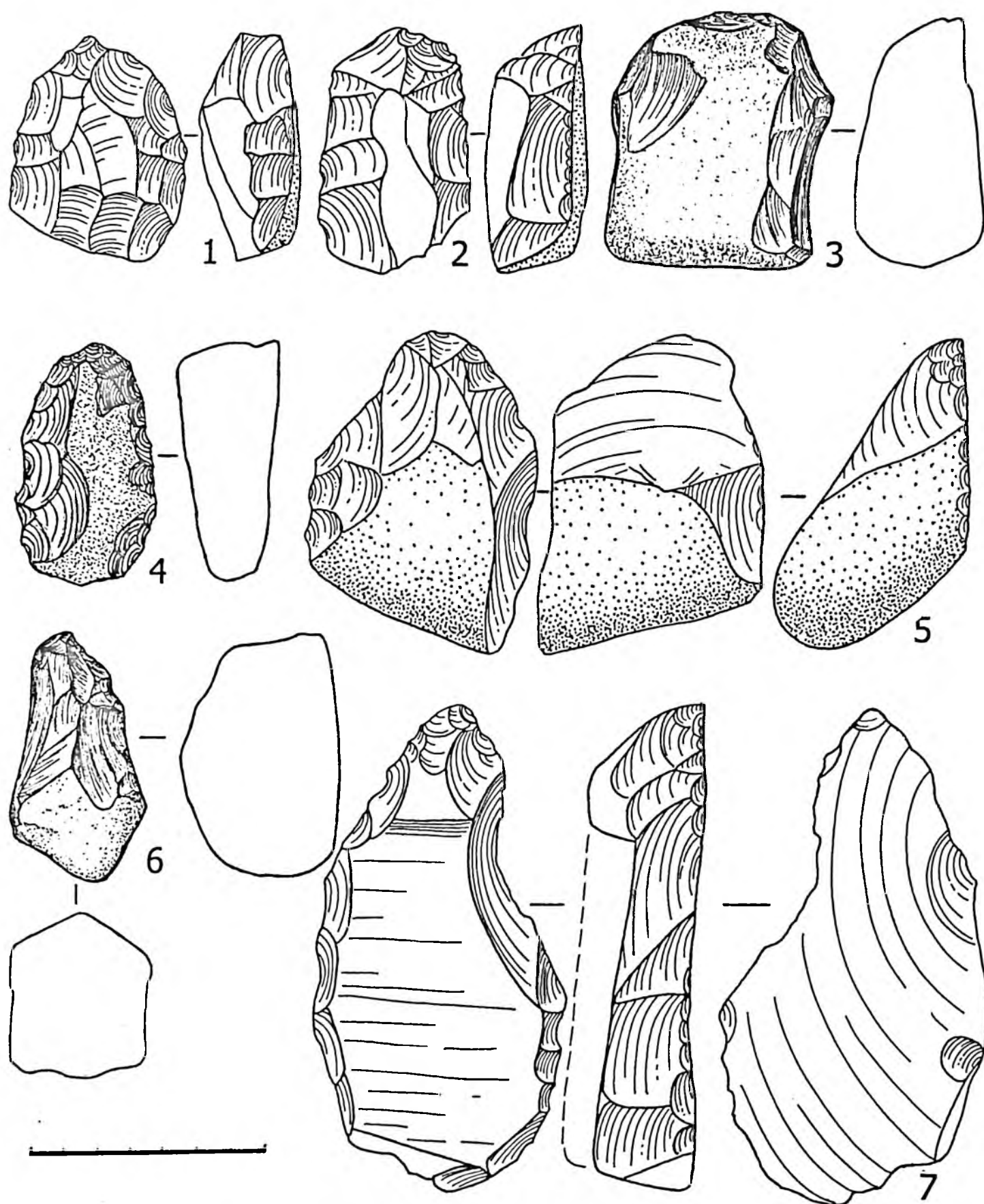

Рис. 139. Азых. Слой VI. 1—6 — нуклевидные скребки; 7 — орудие типа рогро-ладьевидных форм (rostro-carené)
 Fig. 139. Azykh Cave. Layer VI. 1—6 — core scrapers; 7 — tool of rostro-carene form

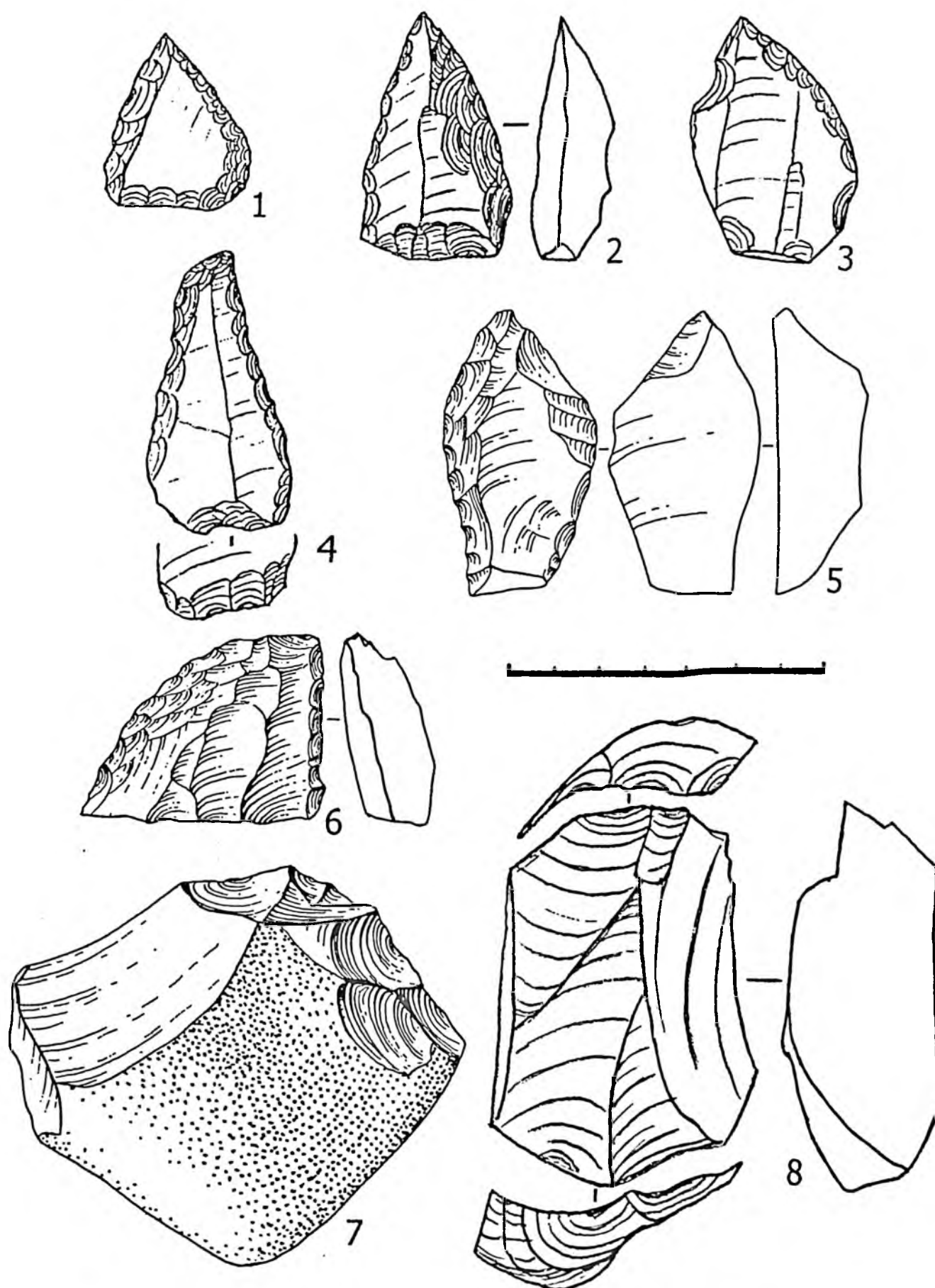

Рис. 140. Азых. Слой V. 1, 4—6 — скребла (1 — тройное, 4 — конвергентное с утончением основания, 5 — конвергентное, 6 — угловатое); 2, 3 — остроконечники; 7 — чоппер; 8 — нуклеус
 Fig. 140. Azykh Cave. Layer V. 1, 4—6 — scrapers (1 — three-edged, 4 — convergent with thinned base, 5 — convergent, 6 — dejeté); 2, 3 — points; 7 — chopper, 8 — core

5.4. Цонская пещерная стоянка

5.4.1. Вводные замечания

Настоящий раздел будет самым кратким, поскольку все доступные материалы по ашельским слоям этой стоянки были нами суммированы и проанализированы в недавно вышедшей монографии [Любин 1998: 90—110]. Краткость объясняется и небольшим объемом находок в ашельских слоях этой пещеры, доставивших отборный в основном инвентарь, который характерен для кратковременных стоянок типа охотничьих лагерей. Раздел этот не будет, однако, сокращенным пересказом уже опубликованного. Как и в разделе об Азыхской пещере, мы представляем здесь новые сведения об ашельском инвентаре Цоны, полученные после нашей последней поездки на Кавказ и работы в музеях Баку и Тбилиси.

5.4.2. Основные сведения о Цонской пещерной стоянке

Цонская пещера находится в Джавском районе Юго-Осетии, в 5—6 км к югу от кударских пещер, на скалистом склоне горы Буб (Валь-хох), в субальпийском поясе горно-луговой зоны, на абсолютной высоте 2100—2150 м.

Пещера принадлежит к типу коридорных, коленообразных: единственный 90-метровый ход ее состоит из трех расположенных под углом галерей. Перекрытие 10-метровой передней части входной галереи к настоящему времени разрушилось, но базальная часть ее с толщей древних отложений сохранилась.

Цона — самая обширная пещерная стоянка Кавказа. Пригодная для раскопок площадь ее достигает 1000 кв. м. Пещера была открыта и раскапывалась под руководством А. Н. Каландадзе в 1959—1961, 1965 и 1969 гг. В 1977 г. ее раскапывал Д. М. Тушабрамишвили. Методика раскопок напоминала методику исследования Азыхской пещеры. Особенно поражает скоростной характер вскрытий: в первые два полевых сезона за два с половиной месяца работ были вскрыты отложения входной площадки мощностью до 6,8 м на площади около 80 кв. м. В целом в течение шести полевых сезонов было раскопано около 140 кв. м. Небрежные раскопки обусловили потери части материала: в 1961 г. в отвалах были встречены даже ручные рубила. Графическая документация оказалась малоинформативной: в публикациях имеются только три весьма схематических поперечных разреза толщи отложений и один продольный.

В пещере было выделено 4 культурных слоя: энеолитический, мезолитический, мустьерский и ашельский. А. Н. Каландадзе разделял толщу ашельских напластований пещеры на пять литологических уровней, а Д. М. Тушабрамишвили — на десять [Каландадзе 1961; 1965; 1969; Тушабрамишвили 1984]. Три верхних литологических уровня ашельских отложений А. Н. Каландадзе выделил в качестве «первого ашельского слоя», а два нижних — в качестве «второго

слоя». Суммарная мощность обоих слоев на входной площадке достигала 5,0 м.

5.4.3. Ашельская индустрия

Ашельский инвентарь Цоны представлен преимущественно орудиями, что, как отмечалось выше, указывает на особый тип этого памятника (кратковременный охотничий лагерь). Найденные в первом ашельском слое 104 орудия были широко рассеяны как по вертикали, так и по горизонтали. В восточной части раскопанной площади, однако, близ предполагаемого родника они встречались чаще [Каландадзе 1961].

В первом слое, по данным Д. М. Тушабрамишвили, было обнаружено 47 ручных рубил, 7 грубых рубящих орудий, 21 скребуще-режущий инструмент, орудие типа «цалди» и другие более мелкие изделия. Сырьем для их изготовления служили аргиллит (64), андезит (11), кремнь (11), кремнистый известняк (3), песчаник (5) и другие породы [Тушабрамишвили 1984: 13].

Второй ашельский слой имел ограниченное распространение (участок раскопа 1961 г.) и содержал только 30 небольших отщепов и орудий на отщепах (скребла, скребки, лимас), изготовленных из аргиллита и неместного имретинского кремня. Рубила здесь отсутствовали. Локализация и состав этих находок допускает рассмотрение их в качестве останца культурного слоя, который мог быть сходным с культурным слоем в Кударо I.

Небезынтересно отметить, что экзотическое сырье в малочисленном ашельском инвентаре Цоны (андезит в первом слое и неместный цветной кремнь — во втором) имело больший удельный вес, чем в многотысячном ашельском инвентаре пещеры Кударо I. Кударо I располагалась к северу от Рачинского хребта, а Цона — на южном склоне этого хребта, в верховьях р. Квирилы. Коммуникационное положение Цоны поэтому было более благоприятным для связей с югом: по долине Квирилы шел путь в богатую кремнем Имеретию и в вулканические районы Южной Грузии — в Месхетию и Джавахетию.

Из орудий первого, основного ашельского слоя А. Н. Каландадзе и Д. М. Тушабрамишвили опубликовали лишь рисунки пяти ручных рубил и одного «цалди». Мы опубликовали изображения еще более чем 20 предметов [Любин 1998]. Набор инвентаря в целом является «охотничьим»: в нем отсутствуют продукты первичного расщепления камня и характерные для долговременных стоянок мелкие инструменты (скребки, проколки и др.). Скребла единичны. Отсутствуют, как ни странно, и чопперы. Зато крупные орудия типа ручных рубил и кливеров, как отмечалось, здесь многочисленны.

Достопримечательностью цонского ашеля является серия орудий с поперечным лезвием — 10 экземпляров — самая многочисленная в ашельских комплексах Кавказа. Они заметно варьируют по размерам и типам. Два наиболее крупных имеют длину 18,0—19,0 см, толщину — 4,5 см. Размеры остальных колеблются в пределах 7,9—12,7 см (длина) и 1,3—3,7 (толщина).

Только 2—3 из них относятся к подлинным кливерам на отщепках (flake-cleavers), остальные же можно определить как рубила с поперечным лезвием [Любин 1998: рис. 50; 51: 2]. Очертания этих орудий — удлиненно-прямоугольные и прямоугольные, в одном случае в виде буквы «V» [Любин 1998: рис. 52: 3].

Что касается собственно ручных рубил, то в коллекции преобладают рубила-бифасы субтреугольных, сердцевидных, субсердцевидных типов. Миндалевидные, овальные и ланцетовидные формы встречаются реже. Размеры их колеблются, в общем, в тех же пределах, что и размеры орудий с поперечными лезвиями. Подавляющее большинство этих бифасов имеют довольно совершенный облик. Среди них преобладают плоские формы, плоско-выпуклая отделка, прямые или слабоизвилистые продольные лезвия, «лезвийные» или закругленные оббивкой пятки [Каландадзе 1969; Любин 1998: рис. 51: 1; 55]. Встречаются также неклассические формы: частичные или с обушком. Большинство цонских рубил находят близкие параллели в ашельской индустрии пещеры Кударо I и, отчасти, в Ахштырской пещере и на Яштухе.

Во время недавнего беглого просмотра в Музее Грузии незнакомой нам ранее «резервной» части коллекции Цоны (маловыразительный материал) мы обнаружили в нем еще серию небольших атипичных и частичных, как правило, рубил и рубилец, изготовленных из песчаника или сланца (рис. 141; 142). Они очень близко напоминают таковые из ашельских комплексов пещер Кударо I и Азых. Особенно характерны в этом отношении двоякоплоские тонкие экземпляры, изготовленные из наиболее сланцеватых, или листоватых по своей структуре разновидностей сланца (рис. 141: 1; 142: 1, 2). Два бифаса «с плечиками» в средней (рис. 141: 2) или в дистальной части (рис. 142: 3) орудий вызывают в памяти подобные формы Сатани-дара.

В том же «резерве» были обнаружены также превосходный лимас, дистальный обломок тонкого и удлиненного бифасиального орудия и два поврежденных в древности экземпляра орудий типа «цалди». Они заслуживают особого внимания, ибо имеют аналоги в ашельской индустрии расположенной поблизости пещеры Кударо I.

Удлиненные двоякоплоские сланцевые орудия типа тесака с обушком и рукояточной частью были впервые выделены А. Н. Каландадзе. Ввиду их уникальности и сходства с грузинскими садовыми мачете из металла он присвоил им название «ручного топора цонского типа», или «цалди» [Каландадзе 1969]. К настоящему времени известно 4 экземпляра этих своеобразных ашельских орудий: один встречен в пещере Кударо I (рис. 81: 1) и три, в том числе два, обнаруженных недавно в «резерве», — в Цонской пещере (рис. 143). Находки эти — редкостный случай возможности уверенно судить о культурной и хронологической близости двух расположенных поблизости, но на разных высотах горных пещерных стоянок. Цона, как уже говорилось, могла служить охотничьим лагерем ашельских обитателей пещеры Кударо I. Такой статус цонской пещерной стоянки подтверждает, думается, и находка в той же «резервной» коллекции дистального фрагмента тонкого копьевидного ручного рубила. Эскизные наброски двух других подобных фрагментов были опубликованы нами ранее [Любин 1998: рис. 57: 1, 2]. Сходные фрагменты выявлены и в ашельских уровнях пещеры Кударо I (рис. 51: 2, 5; 87: 3). Многочисленные параллели между орудийными формами ашельских индустрий пещер Кударо I и Цоны, включая такие специфические изделия, как цалди, доказывают, на наш взгляд, что оба памятника связаны с жизнедеятельностью носителей одной и той же индустриальной традиции.

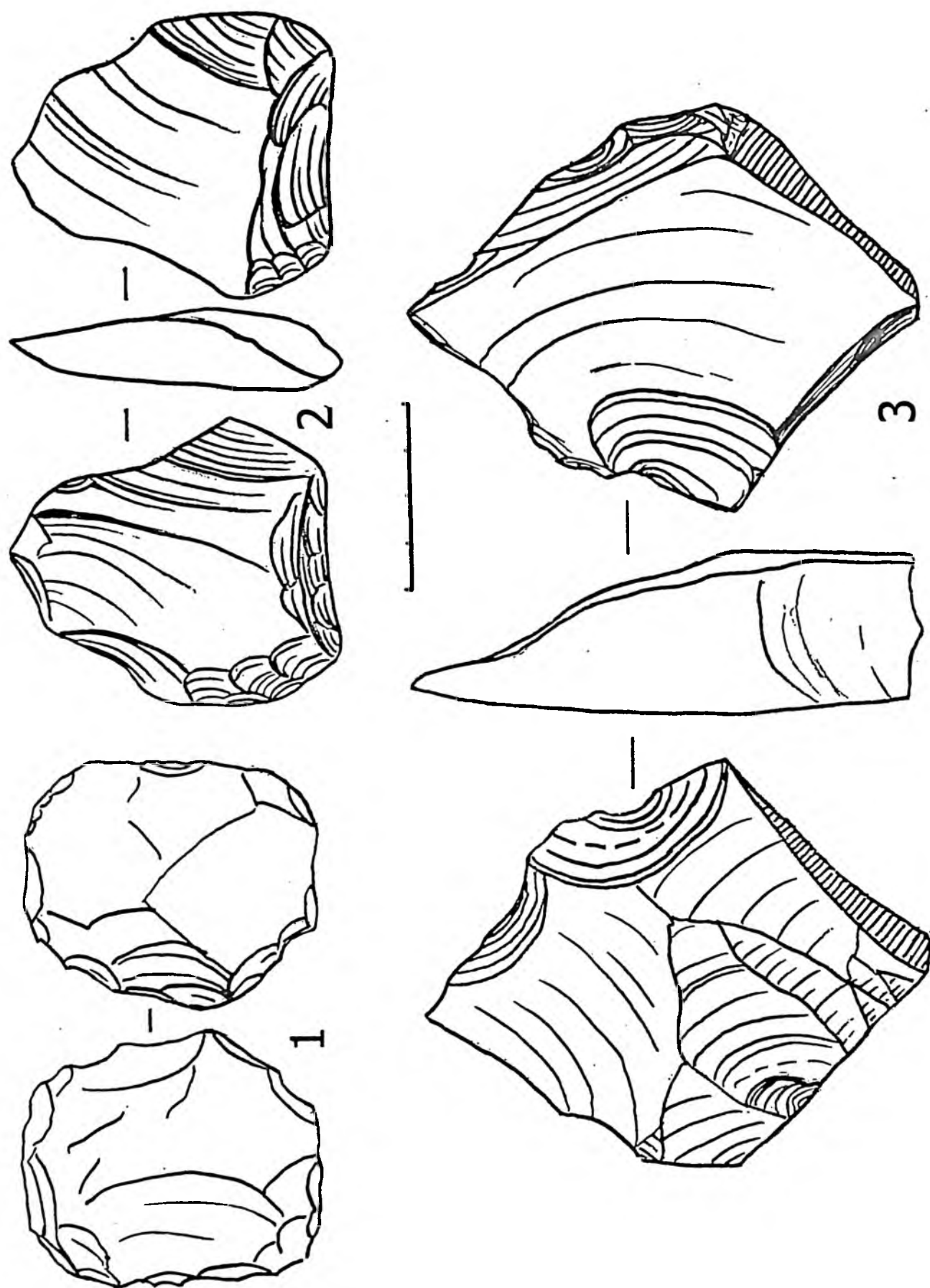

Рис. 141. Цона. 1, 2 — атипичные рубильца (2 — с плечиками); 3 — атипичное небольшое рубило
 Fig. 141. Cona. 1, 2 — atypical small handaxes (2 — shouldered form); 3 — atypical handaxe of medium size

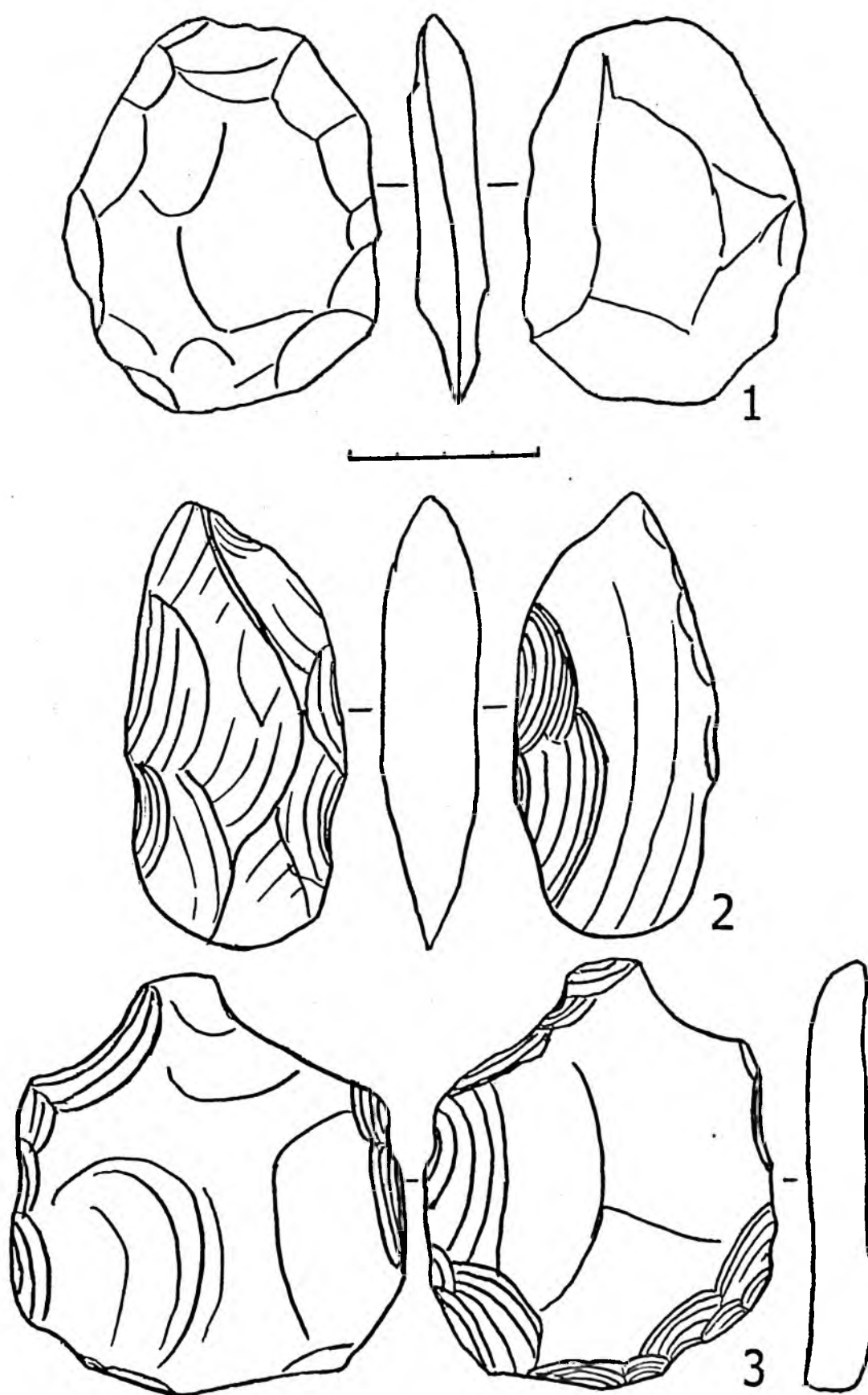

Рис. 142. Цона. 1—3 — небольшие атипичные ручные рубила (3 — с плечиками)
 Fig. 142. Cona. 1—3 — atypical handaxes of medium size (3 — shouldered form)

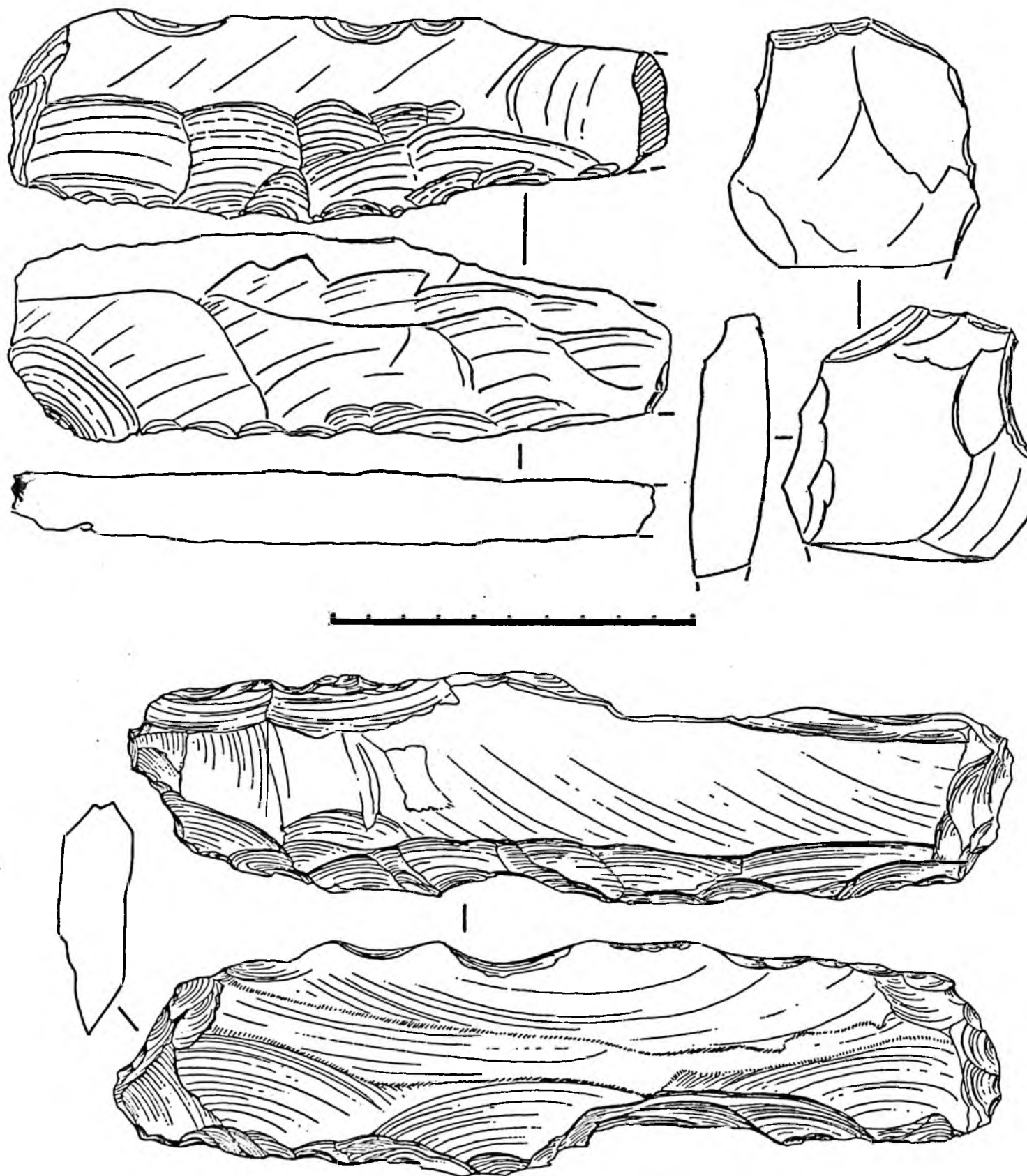

Рис. 143. Цона. Цалди
Fig. 143. Cona. «Tsaldi» tools

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАВКАЗСКОГО АШЕЛЯ И СПЕЦИФИКА КУДАРСКОЙ ИНДУСТРИИ

Истоки кавказского ашеля, безусловно, следует искать на Ближнем Востоке. Но прямые параллели между ашельскими индустриями Кавказа и Леванта установить затруднительно. Кавказский ашель в целом характеризует некоторая автохтонность и довольно развитый облик. Такие более архаичные ашельские формы, как пики, триэдры, полиэдры и сфероиды, характерные для ранних ашельских индустрий Африки и Леванта, здесь отсутствуют [Lioubine 1998: 31]. Очевидно, что продвижение левантйского ашеля на Кавказ происходило не ранее середины среднего плейстоцена, это удостоверяется и датировками основных памятников*. «По пути» на север левантйский ашель помимо утраты ряда архаичных форм испытал, по-видимому, некоторые трансформации. Наиболее существенное воздействие на него оказало, по всей видимости, новое, необычное для выходцев из Леванта сырье — лавовые породы (обсидиан, андезит и базальт) в Армении и Южной Грузии и низкокачественные сланцы и песчаники на Большом Кавказе.

Автохтонные черты кавказского ашеля выражаются в сравнительно небольшом — особенно на Большом Кавказе — количестве ручных рубил и других макроорудий, в высоком проценте и богатом ассортименте орудий на отщепках, в признаках стандартизации некоторых форм изделий, в сравнительно высоких индексах пластинчатости в некоторых индустриях (Азых, Яштух, Джрабер), в наличии серий орудий типа нуклевидных скребков (Кударо I, Азых, Яштух) и своеобразных ручных рубил подпрямоугольных очертаний (Кударо I, Черноморское побережье Кавказа, Лаше Балта и др.), а также в некоторых других характеристиках.

Существование таких общих черт в ашельских индустриях Кавказа может означать прежде всего их близкий возраст и общую подоснову. Так, наличие в разных пунктах таких орудий, как подпрямоугольные бифасы и нуклевидные скребки, свидетельствует скорее всего о какой-то общекавказской традиции. В то же время, свою роль могло играть также взаимодействие и взаимовлияние индустрий. Ашельский мир Кавказа не состоял, видимо, из наглухо замкнутых в своих «уделах»

изоляциях обособленных популяций. Находки в Кударо I, Цоне, Яштухе, Абадзехской орудий из экзотического вулканического сырья допускает определенные контакты между районами, отделенными друг от друга многими десятками километров, и перемещения людей и/или вещей на столь дальние расстояния.

Предки кударских ашельцев пришли, вероятнее всего, из южных районов Кавказа, где распространены индустрии, базирующиеся на вулканическом сырье. Сохранением связей с югом можно объяснить находки в ашельском слое Кударо I обсидиановых ручного рубила и лимаса, а также немногочисленных андезитовых изделий. Освоение местного посредственного сырья, безусловно, огрубило облик кударского ашеля. Однако уровень технического мастерства, достигнутый пришлыми ашельцами ранее, позволял им иногда преодолевать «сопротивление» трудного для обработки сырья и изготавливать весьма совершенные образцы ручных рубил, скребел и некоторых других орудий.

Многие черты кударской ашельской индустрии совпадают с упомянутыми общекавказскими. Следует, однако, указать и на специфические ее характеристики, которые могут быть отчасти связаны с локальной культурной традицией, а отчасти — с влиянием особенностей местного сырья (сланцы, песчаники). Орудия на отщепках обильны, но чаще всего атипичны. Среди них особенно характерны однолезвийные скребла подпрямоугольных очертаний, которые в верхних ашельских уровнях приобретают известную стандартизацию. Попытки стандартизации очевидны и среди клювовидных и выемчатых орудий, а также скребков. Двойные скребла и грубые остроконечники, а также лимасы, орудия типа Кинсон и *pointes surelevées* единичны. Среди приемов вторичной обработки распространено оконтуривание заготовок путем крутых обломов или плоских брюшковых стесов, использование выемок для выделения клювовидных острий или узких режущих лезвий. В составе макроорудий — ручные рубила, чопперы, чоппинги и нуклевидные скребки. Кливеровидные формы единичны, чопперы и чоппинги немногочисленны, но разнообразны, а среди ручных рубил преобладают неклассические типы — обушковые, частичные, подпрямоугольные. Характерны также мелкие двоякопосекные рубильца, изготовлявшиеся из сланцеватых хрупких пород. Совершенно оригинальны и не находят аналогий в других индустриях некоторые разновидности клювовидных и комбинированных орудий, оформленные с помощью тех же выемок и обломов, и орудия типа «цалди» (тесаки-мачете из сланцевых плиток). Последние встречены только в Кударо I и в индустрии пещеры Цона, служившей охотничьим лагерем для кударских ашельцев.

* Наиболее ранняя ЭПР-дата для слоя 7а в Треугольной пещере — 538 ± 25 тыс. лет назад, а РТЛ-дата для слоя 8а в пещере Кударо III — 560 ± 112 тыс. лет назад. О возрасте же ашельских слоев в пещере Кударо I, помимо биохронологических показателей (тираспольский фаунистический комплекс), позволяют судить следующие РТЛ-даты: 360 ± 90 тыс. лет назад для подошвы слоя 5В, 350 ± 70 тыс. лет назад для слоя 5В в центральной камере и 322 ± 35 тыс. лет назад для слоя 5 в восточной галерее. Дата 172 ± 35 тыс. лет назад, полученная в восточной галерее для эродированных верхов этого слоя, относится, скорее всего, к посташельскому периоду.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова З. А. Галечные орудия в палеолите Енисея // МИА. Палеолит и неолит. Т. 7. Л., 1972. С. 125—149.
- Аттиан А. Доисторическая Африка. М., 1960.
- Амирханов Х. И. Палеолит юга Аравии. М., 1991.
- Анисюткин Н. К. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. 1973. № 1. С. 228—234.
- Анисюткин Н. К. Мустьерская эпоха на юго-западе Русской равнины. СПб., 2001.
- Барсанов Г. А. К минералогии Юго-Осетии. М.; Л., 1937.
- Барышников Г. Ф. Природная обстановка и фауна млекопитающих Центрального Кавказа в позднем антропогене // ИВГО. Л., 1977. № 3. С. 246—254.
- Беляева Е. В. К вопросу о вариабельности хозяйственных типов мустьерских памятников // Археологический альманах. № 5. Донецк, 1996. С. 41—48.
- Беляева Е. В. О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита Старого света. СПб., 1998. С. 41—52.
- Беляева Е. В. Мустьерский мир Губского ущелья. Северный Кавказ. СПб., 1999.
- Бердзенишвили Н. З. Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии // МАГК. Т. 8. Тбилиси, 1979. С. 13—40. На груз. яз. с рус. резюме.
- Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. Л., 1984.
- Богачев В. Нефть в юре Южной Осетии // Азербайджанское нефтяное хозяйство. № 12/84. Баку, 1928.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1. Грот Киник-Коба. М.; Л., 1940.
- Борисковский П. И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.
- Варданянц Л. А. Постплиоценовая история Кавказо-Черноморско-Каспийской области. Ереван, 1948.
- Вахушти. География Грузии. Тифлис, 1904.
- Величко А. А., Антонова Г. В., Зеликсон Э. М. и др. Палеогеография стоянки Азых — древнейшего поселения первобытного человека на территории СССР // ИАН. Сер. геогр. 1980. № 3. С. 20—35.
- Воронин Ю. А. Теория классификации и ее приложения. Новосибирск, 1985.
- Гвоздецкий Н. А. Карст Учелетской долины // ИВГО. Л., 1982. Вып. 1. С. 51—56.
- Гинзбург Э. Х., Ранов В. А. О комплексном сравнении чоппингов и нуклеусов (на примере палеолитического местонахождения Кара Бура. Южный Таджикистан) // Описание и анализ археологических источников: Сб. науч. тр. Иркутск, 1981. С. 86—104.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И. Ашель Центральной Европы. Киев, 1990.
- Григория Г. Памятники нижнего палеолита ущелья Ингури // МАГК. Т. 8. Тбилиси, 1979. С. 41—59. На груз. яз. с рус. резюме.
- Григорьев Г. П. Палеолит Африки // Палеолит мира. Л., 1977. С. 45—193.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Тр. Ин-та геол. наук. Вып. 64 (17). М., 1948.
- Гумилевский Н. И., Коробков И. И. Местонахождение памятников каменного века у с. Хейвани // КСИА-111. М., 1967.
- Гусейнов М. М. Пещера Азых. Баку, 1981.
- Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерной стоянки Азых и др.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1985а.
- Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана (культура Курчай и этапы ее развития). Баку, 1985б.
- Данилов С. Л., Барышев Н. В., Яковлев А. Я. Некоторые данные о геологическом строении бассейна р. Джоджори // Минеральное сырье. 1930. № 4.
- Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск, 1983.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение. Введение и основы. Новосибирск, 1994.
- Долуханов П. М. Палеогеография и первобытные поселения Кавказа и Средней Азии в плейстоцене и голоцене // Ист.-фил. журн. АН Арм. ССР. Ереван, 1979. № 2. С. 62—86.
- Дондуа Г. Д. Геоморфология бассейнов рек Джеджори и Гарула // Труды Ин-та географии им. Вахушти АН Груз. ССР. Т. XII. Тбилиси, 1959—1960.
- Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
- Залесский Б. В., Петров В. П., Беликов Б. А. Горные породы и строительные материалы центральной части Юго-Осетии // Производительные силы Юго-Осетии. М.; Л., 1936.
- Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.
- Замятнин С. Н. Ахштырская и Навалишенская пещеры на Черномоском побережье Кавказа // БКИЧП. 1940. № 6—7. С. 100—101.
- Замятнин С. Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961. С. 67—118.
- Зеликсон Э. М., Губонина З. П. Смещение высотной поясности как основа реконструкции климатических изменений в горных странах // Методы реконструкции климатов. М., 1985. С. 37—45.
- Каландадзе А. Н. Результаты работы палеолитической экспедиции 1960 г. на южном склоне Среднего Кавказа // Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1960 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1961. С. 3—7.
- Каландадзе А. Н. Итоги работ палеолитической экспедиции на южном склоне средней части Кавказского хребта в 1961 г. // Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР в 1961 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1962. С. 3—6.
- Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура // ПГ. Тбилиси, 1965. Т. 3. С. 32—36.
- Каландадзе А. Н. Цонская пещера и ее культура // Actes du IV Congr. Intern. Du speleologie en Yougoslavie (12—16. IX. 1965). Ljubljana, 1969. N 4—5. P. 339—353.
- Кикодзе З. К. Бифас-колун в ашеле Кавказа // ВГМГ. 1986. Вып. XXXVIII-B.
- Кононова Т. Н., Пархоменко Ю. С. Опыт классификации палеолитических галечных изделий из коллекции поверхностных сборов в Ангаро-Осинском районе // Палеолит и мезолит юга Сибири: Сб. науч. тр. Иркутск, 1982. С. 59—79.
- Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе // КСИА. 101. М., 1964. С. 77—80.
- Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе // СА. 1965а. № 3. С. 91—99.
- Коробков И. И. Нуклеусы Яштуха // МИА. № 131. М., 1965б. С. 76—110.
- Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // МИА. № 173. М., 1971. С. 61—99.
- Коробков И. И. Некоторые типологические особенности ашельских индустрий Яштухского местонахождения (Абхазия): Тез. докл., прочитанного на заседании сектора палеолита Ленингр. отделения Ин-та археол. АН СССР 28 марта 1983 г. [Неопубл.]

Коробков И. И. Истоки ашелья Черноморского побережья Кавказа: Тез. докл., прочитанного в апреле 1989 г. на засед. отдела палеонтологического музея. отд-ния Ин-та археол. АН СССР. [Неопубл.]

Коробков И. И. Яштухская палеолитическая стоянка (вопросы геологии и условий залегания палеолитических индустрий): Тез. докл. по плановой теме 20 апреля 1992 г. // АВ. № 4. СПб., 1995. С. 313—315.

Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // БКИЧП, 1947. № 9.

Круковский С. Пещера Гварджилас-кде в Ргани // Известия Кавказского музея. Т. 10. Тифлис, 1916.

Кузнецов И. Г. Четвертичные эффузии в Юго-Осетии, Верхней Раче и в Дзиркульском массиве // Геология СССР. Т. 10, ч. 1. М.; Л., 1941.

Левинсон-Лессинг Ф. Ю. Вулканы и лавы Центрального Кавказа // Изв. Санкт-Петербургского Политехнического Ин-та. Т. 20, вып. 1. СПб., 1913.

Левковская Г. М. Палинологическая характеристика отложений в пещерах Кударо I и Кударо III // КППСЮО. М., 1980. С. 128—151.

Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человека // СА. 1957. Т. XXVII. С. 71—90.

Любин В. П. Исследования палеолита в Юго-Осетии // КСИИМК. 1958. Вып. 71. С. 28—40.

Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. № 79. М.; Л., 1960. С. 9—78.

Любин В. П. Верхнеашельская мастерская Джрабер // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 59—67.

Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. № 131. М.; Л., 1965. С. 61—99.

Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

Любин В. П. Некоторые итоги изучения литолого-стратиграфических и биостратиграфических показателей кударских пещер // КППСЮО. М., 1980. С. 153—66.

Любин В. П. Нижний палеолит Кавказа (история исследования, опорные памятники, местные особенности) // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 12—16.

Любин В. П. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // АВ, № 5. СПб., 1998. С. 15—41.

Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998а.

Любин В. П., Аутлев П. У. Каменный инвентарь мустьерского слоя // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994. С. 99—141.

Любин В. П., Барышников Г. Ф., Черняховский А. Г. и др. Пещера Кударо I (опыт комплексного исследования) // СА. 1985. № 3. С. 5—24.

Любин В. П., Беляева Е. В. Макроорудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Азию // Каменный век Старого света (к 90-летию П. И. Борисовского). СПб., 2001. С. 50—53.

Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит Республики Кот д'Ивуар. СПб., 2000.

Любин В. П., Формозов А. А. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет (1946—1955). Докл. совет. делегации на V Междунар. конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956.

Матюхин А. Е. Орудия раннего палеолита // Технологии производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 134—187.

Маруашвили Л. И. Центральный Кавказ // Геоморфология Грузии (Геоморфологическое описание). Тбилиси, 1971а. С. 172—235.

Маруашвили Л. И. Перигляциальные формы (Общая характеристика типов и форм рельефа по генетическим комплексам) // Геоморфология Грузии. Тбилиси, 1971б. С. 172—235.

Нехорошев П. Е. Техника расщепления камня мустьерской стоянки Ильская I // Вопросы археологии Адыген. Майкоп, 1988. С. 51—70.

Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

Ниорадзе Г. К. Палеолитический человек из пещеры Девис-Хврили. Тбилиси, 1933 (на груз. яз.).

Ниорадзе Г. К. Человек каменного века в пещере Сакажна. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).

Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.

Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.

Паничкина М. З. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатаин-дар // МИА. № 39. М.; Л., 1953. С. 9—38.

Паничкина М. З. Новые палеолитические местонахождения левобережных притоков р. Кубани // Тр. Адыгейского ИЯЛИЭ. Т. 2. Майкоп, 1961. С. 20—38.

Паничкина М. З., Веклилова Е. Н. Исследование Ахшгырской пещеры в 1961 г. // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 37—43.

Поспелова Г. А., Левковская Г. М. Отражение климатических изменений в магнитной восприимчивости осадочных пород // ДАН. Т. 334, №2. М., 1994. С. 222—227.

Прасолов Л. И., Соколов Н. Н. Почвенно-географический очерк Юго-Осетии // Производительные силы Юго-Осетии. М.; Л., 1936.

Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

Ранов В. А. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Ин-т истории им. А. Дониша АН Таджик. ССР. Душанбе, 1971. С. 5—53.

Ранов В. А. Древнейшие страницы истории человечества. М., 1988.

Ранов В. А. К типологии кливеров // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Матер. докл. Междунар. симпозиума, посвященного 130-летию открытия палеолита в России (1—9 августа 2001 г., Иркутск). Новосибирск, 2001. С. 322—323.

Ранов В. А., Амосова А. Г. Опыт классификации галечных орудий на примере чопперов Южного Таджикистана // К истокам истории древнекаменного века Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 37—41.

Ранов В. А., Дэвис Р. С. [Рецензия] // РА. 1996. № 4. С. 185—191. Рец. на кн.: Andre Debenath and Harold L. Dibble. Hand-book of Paleolithic typology. Vol. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1994. 202 p.

Рейнгард А. Л. К вопросу о делении Кавказа на морфологические области // ИКОРГО. Т. 25. Тифлис, 1917.

Ренгартен Н. В., Черняховский А. Г. Состав и условия образования осадочных отложений пещеры Кударо I // КППСЮО. М., 1980. С. 33—38.

Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии (Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии). Сухуми, 1971.

Соловьев Л. Н. Новые находки шелльских орудий // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974. С. 11—17.

Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии. Тбилиси, 1987.

Соффер О. (ред.). Археологический словарь каменных орудий. М., 1991.

Тинтилов З. К. Карстовые пещеры Грузии. Тбилиси, 1976.

Тушабрашвили Д. М. Палеолит Грузии // ВГМГ. Т. 37—В. Тбилиси, 1984. С. 5—27.

Тушабрашвили Д. М. Развитие культуры // Грузия в антропogene. Тбилиси, 1991. С. 434—459.

Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технологии производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 134—187.

Флоренский А. А. Полезные ископаемые бассейна р. Джеджоры // Минеральное сырье. № 28. М., 1928.

Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

Церетели Д. В. Современные ледники и признаки древнего оледенения на рр. Риони и Джоджори. ВГМГ. 1943. Т. XII—А (на груз. яз.).

Чердынцев В. В., Стрелинников Н. С., Полякова Л. М. и др. Определение абсолютного возраста палеолитических стоянок Кударо и Костенки // Оптика, ядерные процессы / Изд. Казахского ун-та. Алма-Ата, 1959. С. 59—63.

Шанцер Е. В. Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита // БКИЧП. № 6—7. М.; Л., 1940.

Щеглинский В. Е., Гаганьян В. М. Ашельское рубило из окрестностей Туанце // СА. 1980. № 4. С. 244—248.

Abich H. Geologische Forschungen un den kaukasischen Landern. III. Wien, 1887.

Allchin B. The Indian Stone Age sequence // Journal of the Royal Anthropological Institute. 93. 1963. P. 210—234.

Baccar M., Vandermeersch V. Tighennif (Ternifin), Algeria // Dictionnaire de la préhistoire. Direct. De la publication A. Leroi-Gourhan. Paris, 1988. P. 1037, 1049.

- Balout L., Biberson P. et Tixier J. L'Acheuléen de Ternifine (Algérie), gisement d'Atlantropé // *L'Anthropologie*. T. 71, N 3—4. Paris, 1967. P. 217—268.
- Bar-Yosef O. Archaeological occurrences in the Middle Pleistocene of Israel // After the Australopithecines: stratigraphy, ecology and culture change in the Middle Pleistocene. Eds K. W. Butzer and G. L. Isaac. Adine, Chicago, 1975. P. 571—604.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The lithic assemblages of Ubeidiya. A lower palaeolithic site in the Jordan valley. Quedem 34. Jerusalem, 1993.
- Besançon J., Copeland L., Hours F. L'Acheuléen de Joubb Jannine II. Compte-rendu d'un sondage effectué en 1968 // *Bulletin du Musée de Beyrouth* XXIII. Paris, 1970. P. 9—24.
- Biberson P. Le hachereau dans l'acheuléen du Maroc Atlantique // *Lybica*. T. II. 1954. P. 39—41.
- Biberson P. Fiches typologiques africaines, 2e-cahier, fiches 33—64. Galets aménagés du Maghreb et du Sahara. Publication du Musée d'Histoire naturelle de Paris. Paris, 1967.
- Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.
- Bordes F. Observations typologiques et techniques sur le Périgordien supérieur de Corbiac (Dordogne) // *BSPF*. Compte rendus des séances mensuelles. T. 67, N 4. Paris, 1970. P. 105—113.
- Bordes F. Le Paléolithique en Europe. Institut du Quaternaire, Université Bordeaux I. Bordeaux, 1979.
- Bordes F. et Moissen L. Un hachereau sur éclat typique dans les alluvions de l'Isle // *BSPF*. Compte rendus des séances mensuelles. T. 66. Paris, 1966. P. 172—174.
- Bosinski G. Stone artefacts of the European Lower Palaeolithic: a short note // The earliest occupation of Europe. Eds Wil Roebroeks and Thijs van Kolfschoten. University of Leiden, 1995. P. 263—268.
- Bosinski G. and Lutrop A. Reutersruch. Bohlau Verlag. Köln, 1971.
- Brejillon M. La dénomination des objets de pierre taillée. Paris, 1971.
- Callow P. The Olduvai bifaces: technology and raw material // *Olduvai gorge*. Vol. 5. Excavations in Beds III, IV and the Masek Beds, 1968—1971 by M. D. Leakey with D. A. Roe et al. Cambridge, 1994. P. 235—253.
- Chavaillon J. Hachereau // *Dictionnaire de la préhistoire* (ed. A. Leroi-Gourhan). Presses Universitaires de France. Paris, 1988a. P. 410—411.
- Chavaillon J. Chopper // *Dictionnaire de la préhistoire* (ed. A. Leroi-Gourhan). Presses Universitaires de France. Paris, 1988b. P. 102—134.
- Chavaillon J. et N. Galets aménagés et nucleus du paléolithique inférieur // *Préhistoire africaine. Mélanges offerts au doyen Lionel Balout. Recherche sur les grandes civilisations. Synthèse N 6*. Editions A. D. P. F. Paris, 1981. P. 283—292.
- Clark J. D. The Middle Acheulian occupation site at Latamne, North Syria (first paper) // *Quaternaria* IX. Roma, 1967. P. 1—68.
- Clark J. D., Kleindienst M. R. The stone age cultural sequence: terminology, typology and raw material // *Kalambo Falls prehistoric site*. Vol. 2. Ed. J. D. Clark. London, 1974. P. 71—106.
- Clarke D. L. Analytical archaeology. London, 1968.
- Collina-Girard L. Les industries archaïques sur galets des terrasses quaternaires de la plaine du Roussillon (Pyrenées orientales, France). Thèse. Marseille, 1975.
- Cornelissen E. Indications du post-acheuléen (Sangoen) dans la formation Kaphurhin, Baringo, Kenya // *L'Anthropologie*. T. 99, N 2. Paris, 1995. P. 55—73.
- Cranshaw S. Handaxes and Cleavers. Selected English Acheulian industries // *Oxford BAR. British series* 113. Oxford, 1983.
- Debenath A., Dibble H. L. Hand-book of Paleolithic typology. Vol. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1994.
- Fariy C. Biface // *Dictionnaire de la préhistoire* (ed. A. Leroi-Gourhan). Presses Universitaires de France. Paris, 1988. P. 128.
- Garrod D., Bate D. The stone age of Mount Carmel. Vol. I. Oxford, 1937.
- Gilead D. Early Palaeolithic cultures in Israel and the Near East. Thesis submitted for the Degree «Doctor of Philosophy». Hebrew University. Jerusalem, 1970.
- Gilead D. Cleavers in early Palaeolithic industries in Israel // *Paléorient*. Vol. 1. Paris, 1973. P. 73—86.
- Gilead I. The assemblage of layer I—15 // in: Bar-Yosef O., Goren-Inbar N. The lithic assemblages of Ubeidiya. A lower palaeolithic site in the Jordan valley. Quedem 34. Jerusalem, 1993. P. 94—120.
- Goren-Inbar N., Zohar I., Ben-Ami D. A new look at Old Cleavers—Geshen Benot Ya'aqov // *Mitekufat Haeven*, journal of the Israel Prehistoric Society. 24. Jerusalem, 1991. P. 7—33.
- Gruet M. Etude sur la mot «biface» // *BSPF*. T. 42. Paris, 1945. P. 197—199.
- Guichard G. Les civilisations des Paléolithique inférieur en Périgord // *La préhistoire Française. Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France* / Ed. H. de Lumley. CNRS. Paris, 1976. P. 909—928.
- Guichard J. et G. A propos d'un site acheuléen du Bergeracois les Pendus, commune de Cressy: bifaces-hachereaux et hachereaux sur éclat, aperçu typologique // *Actes de la Société Linnéenne de Bordeaux*. T. 103, série B, N 5. Bordeaux, 1966.
- Heinzelin de Braucourt J. de. Manuel de typologie des industries lithiques. Bruxelles, 1962.
- Hours F. The Lower paleolithic of Lebanon and Syria // *Problems in prehistory: North Africa and the Levant*. SMU Press. Dallas, 1975. P. 249—271.
- Howell F. K. Foreword // in: Debenath A. and Dibble H. L. Hand-book of Paleolithic typology. Vol. I. Lower and Middle Paleolithic of Europe. University of Pennsylvania. Philadelphia, 1994. P. vii—viii.
- Howell F. C., Clark J. D. Acheulian hunter-gatherers in sub-Saharan Africa // *African ecology and human evolution* (eds. F. C. Howell and F. Bourliere). Aldine. Chicago, 1963. P. 458—533.
- Isaac G. L. Some experiments in Quantitative Methods for Characterizing Assemblages of Acheulian Artefacts // *Congr. Panafricaine de Préhistoire. Actes de 6 session*. Dacar, 1967. P. 547—555.
- Isaac G. L. Olorgesailie. Archeological studies of a Middle Pleistocene Lake Basin in Kenya. Chicago, 1977.
- Isaac G. L. Foundation stones: early artefacts as indicators of activities and abilities // *Stone age prehistory*. Eds. G. N. Bailey and P. Callow. Cambridge University Press. Cambridge, 1986. P. 221—241.
- Kleindienst M. R. Variability within the Late Acheulian Assemblage in Eastern Africa // *The South African Archaeological Bulletin*. Vol. XVI, N 62. June 1961. Claremont; Cape Town, 1961. P. 35—52.
- Kleindienst M. R. Components of the East African Acheulian assemblages: an analytic approach // *Actes du IVe Congrès Panafricain de Préhistoire et de l'Étude du Quaternaire*. Vol. 3. Eds. G. Mortelmans et J. Nenquin. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale. 1962. P. 81—111.
- Kolpakov E. M., Vishnyatsky L. B. The Bordes Method // *Norwegian Archaeological Review*. 1989. Vol. 2, N 22. P. 107—118.
- Leakey M. D. Olduvai gorge. Excavations in Beds I and II, 1960—1963. Cambridge, 1971.
- Leroi-Gourhan A. Notes de morphologie descriptive. Cours de préhistoire. F. L. S. H. Paris, 1964.
- Leroi-Gourhan A. (ed.). *Dictionnaire de la préhistoire*. Presses Universitaires de France. Paris, 1988.
- Leroy-Prost Ch., Dauvois M., Leroy J.-P. Projet pour une fiches typologiques africaines. Du groupe des trièdres d'acheuléen Nord-Africain // *Préhistoire africaine. Mélanges offerts au doyen Lionel Balout. Recherche sur les grandes civilisations. Synthèse N 6*. Editions A. D. P. F. Paris, 1981. P. 293—299.
- Lioubine V. P. Le paléolithique inférieur du Caucase // *Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. Actes du colloque international*, Liège, 28 avril—3 mai 1997 sous la direction de M. Otte. Vol. II. ERAUL 85. Liège, 1929—1937. P. 29—37.
- Lioubine V. P. L'Acheuléen du Caucase. ERAUL 93. Liège, 2002.
- Ljubin V. P. and Bosinski G. The earliest occupation of the Caucasus region // The earliest occupation of Europe. Eds Wil Roebroeks and Thijs van Kolfschoten. University of Leiden, 1995. P. 207—253.
- Mason R. Prehistory of the Transvaal. Johannesburg, 1969.
- Malvesin-Fabre G. Essai de discrimination des bifaces abbevilliens et acheuléens par une indice numérique // *BSPF*. T. 45. Paris, 1948.
- Minzoni-Deroche A. et Sanlaville P. Le paléolithique inférieur de la région de Gaziantep // *Paléorient. Préhistoire du Levant. Processus des changements culturels. Hommage à Francis Hours*. Paris, 1990. P. 87—98.
- Moncel M.-H. L'outillage sur galet au paléolithique moyen. L'exemple de trois sites ardéchois (moyenne vallée du Rhone, France) // *L'Anthropologie*. T. 100, N 4. Paris, 1996. P. 259—264.
- Movius H. Pebble-tools terminology in India and Pakistan // *Man in India*. Vol. 37, N 2. 1957. P. 149—156.

Muhsen S. L'Achéuléen Récent Évolue de Syrie. BAR international series 248. Oxford, 1985.

Muhsen S. Le paléolithique inférieur de Syrie // L'Anthropologie. T. 92, N 3. Paris, 1995. P. 863—882.

Newcomer M. N. Some quantitative experiments in handaxe manufacture // World Archaeology, 1971. Vol. 6.

Pradel L. Bifaces de formes atypiques, en particulier «bifaces à arête» provenant du gisement de Fontmaure // BSPF. T. 39. Paris, 1942. P. 156—159.

Ramendo L. Les galets aménagés de Reggan (Sahara) // Lybica. T. XI. 1963. P. 43—73.

Runov V. A. Cleavers: their distribution, chronology and typology // A Very Remote Period Indeed. Papers on the Palaeolithic presented to Derek Roe. Oxbow Books. Oxford, 2001. P. 105—113.

Raposo L., Santonja M. The earliest occupation of Europe: the Iberian peninsula // The earliest occupation of Europe. Eds Wil Roebroeks and Thijs van Kolfschoten. University of Leiden, 1995. P. 7—25.

Robinson P. An introduction to the Levallois industry at Baker's Hole (Kent) with description of two Flake Cleavers // The Palaeolithic of Britain and its nearest neighbours: recent trends. Sheffield, 1986. P. 20—22.

Roe D. A. The British Lower and Middle Palaeolithic Industries: Some Problems, Methods of Study and Preliminary Results // Proceedings of the Prehistoric Society. 30. 1964. P. 245—267.

Roe D. A. The Lower and Middle Palaeolithic Periods in Britain. London, 1981.

Roe D. A. A metrical analysis of selected sets of handaxes and cleavers from Olduvai gorge // Olduvai gorge. Vol. 5. Excavations in Beds III, IV and the Masek Beds, 1968—1971 by M. D. Leakey with D. A. Roe et al. Cambridge, 1994.

Ronen A., Winter Y. Eyal 23 — a lower palaeolithic site in the eastern Sharon, Israel // Quartar. Band 47/48. 1997. P. 177—188.

Sackett J. R. The Mousterian and its aftermath: a view from the Upper Paleolithic // Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Eds H. Dibble and A. Monte-White. University of Philadelphia, Pennsylvania, 1988. P. 413—426.

Sanctalia H. D. The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Deccan College. Poona, 1974.

Sanlaville P. (ed.), Copeland L., Hours F. et Besancon J. Quaternaire et Préhistoire du Nahr el Kebir Septentrional. Les débuts de l'occupation humaine dans la Syrie du Nord et au Levant. CNRS. Paris, 1979.

Schmider B. Bec // Dictionnaire de la préhistoire (ed. A. Leroi-Gourhan). Presses Universitaires de France. Paris, 1988b. P. 114.

Shchelinskij V. E. Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Colloque international de Liège, 8—9—10 Décembre 1990. ERAUL 50. Liège, 1993. P. 309—315.

Shild R., Wendorf F. The prehistory of Dakhla Oasis and adjacent desert. Wrocław, 1977.

Sonneville Bordes D. et Perrot J. Lexique typologique du paléolithique supérieur // BSPF. T. 51, f. 7. Paris, 1954. P. 327—335.

Stekelis M. The palaeolithic deposits of Jisr Banat Yaquub // Bull. of the Research Council of Israel. 1960. T. 69, N 2—3. P. 61—90.

Stiles D. Industrial taxonomy in the Early Stone Age of Africa // L'Anthropologie. T. 30. Paris, 1980. P. 441—496.

Taskiran H. The distribution of bifaces in Anatolia // Préhistoire d'Anatolie. Genèse de deux mondes. Actes du colloque international. Liège, 28 avril—3 mai 1997 sous la direction de M. Otte. Vol. II. ERAUL 85. Liège, 1985. P. 569—577.

Tavoso A. Les hachereaux sur éclats de l'Achéuléen Montalbanais // Quartar. Band 26. 1975. P. 13—31.

Tavoso A. Le Paléolithique inférieur et moyen du Haut-Languedoc. Etudes quaternaires 5. Institut de Paléontologie Humaine. Paris, 1978.

Texier J.-P. Le site atérien du Chaperon-Rouge I (Maroc) et son contexte géologique // Bulletin d'archéologie Marocaine. XVI. 1985—1986.

Tillet T. Le paléolithique du bassin Tchadien septentrional (Niger-Tchad). Paris, 1983.

Tixier J. Le hachereau dans l'achéuléen Nord-Africain. Notes typologiques // Congrès Préhistorique de France, Poitiers-Angoulême 15—22 juillet 1956. Compte rendu de la XVe session. Paris, 1957. P. 914—923.

Tixier J. Les industries lithiques d'Ain Fritissa (Maroc oriental) // Bulletin d'archéologie marocain. T. 3. 1960. P. 107—244.

Vaison de Pradenne A. La plus ancienne industrie de Saint-Acheul // L'Anthropologie. T. 30. Paris, 1920. P. 441—496.

Valoh K. The earliest occupation of Europe: Eastern Central and Southeastern Europe // The earliest occupation of Europe. Eds Wil Roebroeks and Thijs van Kolfschoten. University of Leiden, 1995. P. 67—84.

Van Riet Lowe C. The Pleistocene Geology and Prehistory of Uganda, Part I: Prehistory. Geological Survey of Uganda. 6. 1952.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	—	Археологические вести
БКИЧП	—	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВГМГ	—	Вестник Гос. Музея Грузии им. С. Н. Джанашиа
ДАН	—	Доклады Академии наук СССР
ИАН	—	Известия Академии наук СССР
ИВГО	—	Известия Всесоюзного Географического Общества
ИКОРГО	—	Известия Кавказского отделения Русского Географического Общества
ИЯЛИЭ	—	Институт языка, литературы, истории и этнографии (Майкоп)
КППСЮО	—	Кударские пещерные палеолитические стоянки Юго-Осетии (вопросы стратиграфии, экологии, хронологии)
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАГК	—	Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
ПГ	—	Пещеры Грузии
РА	—	Российская археология
СА	—	Советская археология
BAR	—	British Archaeological Reports
BSPF	—	Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise
ERAUL	—	Etudes et Recherches Archeologiques de l'Universite de Liege

SUMMARY

The Kudaro I cave site found by V.P. Lioubine in 1955 is located on the south slope of the central part of the Greater Caucasus in the Djedjori River valley (South Ossety, Georgia), at the altitude of 1.580 m above s. l. (uppermost part of the modern mountain-forest belt). It consists of central chamber and three radiating galleries (two entrance galleries and one blind). The cave deposits 2.5—3.5 m thick excavated for 11 field seasons in an area of 98 m² contained Mesolithic, Mousterian and Acheulian cultural layers. Records of the coldest Upper Palaeolithic period are absent, those of Mesolithic and Mousterian are represented by rare finds indicating temporary camps. By contrast, the thickest Acheulian bed 5 (1.0—2.5 m) subdivided in places into three lithological layers 5A, 5B and 5B has yielded abundant archaeological remains suggesting a higher intensity of occupations (base camps?). According to pollen data long-term Acheulian occupations of the cave took place mainly in favorable climate conditions. To judge by faunal remains the lowermost Acheulean level may be attributed to the early or middle stage of the Middle Pleistocene. RTL-dates are as follows: 360+90 KYR for the lower Acheulian level, 322+65 KYR for the middle part and 172+35 KYR for the eroded top. Magnetic data suggest that the lower part of the Acheulian deposits of the Kudaro I corresponds to the OIS 11.3, the middle part to the OIS 11.24 and the uppermost one to the OIS 11.23. Teeth found in the Acheulian deposits were attributed to *Homo erectus*.

Description of the Acheulian industry is prefaced by presentation of the authors' approach to the analysis of Acheulian artefacts. To clarify an effect of rock qualities on primary flaking a comparative statistics of attributes characterizing knapping technique by different raw material groups is proposed. Tools are examined in every aspect but classified according to certain morphological patterns reflecting a general design of implements and/or their functional parts. As generally accepted as specific tool types are defined. The Kudaro I Acheulian assemblage consists of 5,732 lithic artefacts including 2,268 items (40%) from the central chamber, 1,363 from the blind (or dark) gallery, 1,118 from the south gallery and 983 from the eastern gallery. The industry formed on a base of variable local raw material (sandstone, several kinds of schist and in a lesser degree a small-sized cracked chert of low quality). Rare pieces were made of exotic raw material represented by multi-colored flint of high quality and andesite (sources at a distance of 30—50 km) as well as obsidian (volcanic deposits of Armenia or South Georgia, more than 100 km away). Techniques of primary flaking as well as morphology of blanks were partly predetermined by natural form, sizes and, especially, knappable qualities of the aforementioned rocks. In general, however, the industry looks homogeneous and sufficiently archaic. Knapping is characterized by predominance of uni-directional cores and preliminary preparation of flaking surfaces is infrequent. Most blanks are of irregular shape, striking platforms are dominated by oblique (average 110°) and plain, rare prepared platforms are as a rule roughly fashioned. At the same time, there are examples of more regular blanks including several true blades made of imported flint or homogeneous schist. Hence, a real technical potential of the Acheulian artisans might be partly concealed owing to low knappable qualities of most local rocks.

Tool production was also partly influenced by size, shape and physical properties of raw material. For example, heavy macro-tools (choppers, chopping-tools, core scrapers were made as a rule on sandstone cobbles and pebbles, whereas small implements with solid working edges and points (side scrapers, end scrapers, becs and notched tools) were fashioned often on flakes of flint and siliceous schist. Tools were fashioned by retouching or flake removals as well as by notching, truncating and — rarely — thinning from special platforms. In most cases retouch was light and non-invasive, often irregular and discontinuous, one- or two-tiered, flat or semi-steep. Truncating was used to obtain blanks of regular, often geometrical shape for fashioning scrapers, end scrapers, notched and beck-like tools. Notches dominated by clactonian ones were used for fashioning not only notched tools but also restricted narrow cutting, scraping edges and protruding becs.

The industry is characterized by an extremely high percentage of tools — 22.9 % (1,313 pieces from 5,732). It may be explained by such factors as a high intensity of activities, removing of a considerable part of debris by water erosion and manufacturing some tools, in particular, those from imported rocks outside the cave. The second speciality of the inventory is predominance of flake tools (> 90 %). Macro-tools (choppers, choppings, core scrapers and handaxes) make up only 8.8 %. Trihedrals, picks and polyhedrons are absent. Choppers are not numerous but various. There are sided, ended and pointed choppers as well as some particular forms, e.g. chopper with protruding narrow cutting edge formed by alternate retouch. Handaxes made of different kinds of rocks exhibit a high degree of variability too. Classical types (amygdaloid, lanceolate, cordiform bifaces) are rare. Among atypical handaxes there is a whole group of medium-sized and thin shistose partial bifaces with backs and/or transverse cutting edges.

A local color of the assemblage is primarily contributed, however, by flake tools such as small handaxes, foliated pieces as well as extremely numerous and variable side scrapers (511), dominated by various single-sided forms, end scrapers (115), notches (154), becs (129) and combination tools (76). Chisel-like tools, points and limaces are also met but rarely. Appearance of peculiar flattened small handaxes, foliates and thin elongated chopping tools («tsaldi») made on shistose plates may be result of using this rock with fine-leafy structure. Of special interest are a number of side scrapers, end scrapers, notched tools and becs of intended geometric shape reflecting some initial standardization. It is noteworthy that geometric tool forms and Mousterian-like points were met in the upper Acheulian levels. Certain distinctions between four main parts of the cave as regards a composition of both tools and by-products of knapping permit to suppose that patterns of occupation and activities in these compartments might be somewhat different and, moreover, changing in time.

The last chapter is devoted to materials of the most representative Acheulian sites of the Caucasus (Azykh, Tsonga, Yastukh) that are compared to the Kudaro I industry. Both local peculiarities of the Caucasus Acheulian industries and their common features are regarded in the conclusive part. On the whole, in the Caucasus Acheulian there are observed relatively small amounts of handaxes, especially in the Greater Caucasus, and predominance of non-classical and partial bifaces. Chopping-tools and choppers are rather infrequent but quite variable. Rare core scrapers are dominated by ended varieties. Cleavers are represented only by single examples. Flakey tools demonstrate a large morphological and typological variability, including some complicated and carefully elaborated forms. Of course, high proportions and a rich assortment of flakey tools are characteristic for the sites attributed to long-term base camps (Kudaro I, Azykh — layer VI), whereas other assemblages consist of evidently selected tools reflecting evidently temporary hunting camps (Tsonga, Azykh — layer V, Treugol'naya cave). In the region there are also known Acheulian workshops located near to raw material sources and distinguished for a great number of by-products of knapping (Yastukh, Djaber etc.).

One may suggest that the Caucasus Acheulian world hardly consist of isolated and exclusive localities. Common features shared by most Acheulian industries of the Caucasus as well as finds of very distant volcanic raw materials in the industries of Kudaro I, Tsonga and Yastukh permit to suppose some contacts between remote parts of the region including movements of humans and/or artifacts.

It is seemed to be quite obvious that the Acheulian industries with bifaces penetrated to the Caucasus from the Near East through the Eastern Anatolia. To judge by absence in the Caucasus of such archaic forms as pikes-trihedrals, spheroids and polyhedrons this migration to north took place not earlier than in the middle part of Middle Pleistocene that corresponds to chronological data. However, it is hardly possible to follow origins of the Caucasus Acheulian in the Acheulian of neighboring territories. When moving from the Levant rich in chert to the Caucasus, the Acheulians must adapt to new and variable raw materials (obsidian, andesite, schist and sandstone) that led to a partial transformation of industries and then influenced on forming both the all-Caucasus and local traditions.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I И ДИНАМИКА ПРИРОДНОЙ ОБ- СТАНОВКИ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ	6
Глава 2. ИСТОРИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I	9
Глава 3. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И КЛАССИФИКАЦИИ АШЕЛЬСКИХ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ	17
3.1. Сущность морфологического анализа	17
3.2. Анализ техники первичного расщепления	17
3.3. Общие подходы к морфолого-типологическому анализу орудий среднего и раннего палеолита ..	18
3.4. Проблемы морфолого-типологического анализа ашельских орудий	19
3.5. Авторский подход к анализу ашельского орудийного инвентаря	20
3.6. Типология ведущих категорий ашельских орудий	21
Глава 4. АШЕЛЬСКАЯ ИНДУСТРИЯ ПЕЩЕРЫ КУДАРО I	40
4.1. Сырьевая база	40
4.2. Каменный инвентарь восточной галереи	41
4.3. Каменный инвентарь центральной камеры	83
4.4. Каменный инвентарь северо-западной (темной) галереи	120
4.5. Каменный инвентарь южной галереи	164
4.6. Итоги анализа кударской ашельской индустрии	211
Глава 5. СОПОСТАВЛЕНИЕ АШЕЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ КУДАРО I С ИНДУСТРИЯМИ ОСНОВНЫХ АШЕЛЬСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА	225
5.1. Введение	225
5.2. Яштухское местонахождение	225
5.3. Азыхская пещера	250
5.4. Цонская пещерная стоянка	260
Общая характеристика кавказского ашеля и специфика кударской индустрии	265
Литература	266
Список сокращений	270
Summary	271